ISSN 2223–2982

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

№4–2 2026 (АПРЕЛЬ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
В.Л. Степанов

Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин

Верстка
Н.Н. Лаптева

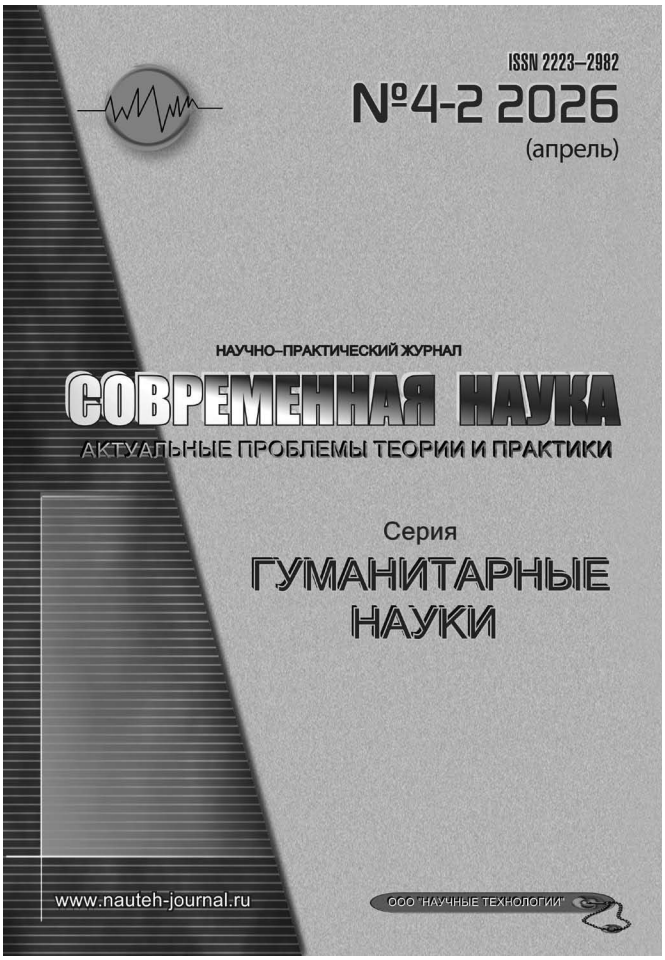
Подписной индекс издания
в каталоге агентства «Пресса России» — 80015

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(ВАК – 5.6.x, 5.8.x, 5.9.x)



В НОМЕРЕ:

ИСТОРИЯ, ПЕДАГОГИКА, ФИЛОЛОГИЯ

Издатель:
Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва, Волгоградский пр-т, 116-1-10
Тел/факс: 8(495) 755-1913
E-mail: redaktor@nauteh.ru
http: //www.nauteh-journal.ru

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.
Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-44913 от 04.05.2011 г.

Серия: Гуманитарные науки №4-2 (апрель) 2026 г.

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука:
Актуальные проблемы теории и практики» обязательна.

Журнал отпечатан в типографии
ООО «КОПИ-ПРИНТ» тел./факс: (495) 973-8296

Подписано в печать 14.04.2026 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

ISSN 2223-2982

© Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики». Серия «Гуманитарные науки».

Редакционный совет

Степанов Валерий Леонидович — д.и.н., профессор, Институт экономики РАН, в.н.с.

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Акульшин Петр Владимирович — д.и.н., профессор, Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина

Алиева Эльвира Низамиевна — д.филол.н, доцент, независимый эксперт

Ватлин Александр Юрьевич — д.и.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Воронина Галина Ивановна — д.п.н., профессор, Центр Образования и Компетенций, Бремен (Германия)

Вяземский Евгений Евгеньевич — д.п.н., профессор, Московский педагогический государственный университет

Герасименко Наталья Аркадьевна — д.филол.н., профессор, Московский государственный областной университет

Какваева Сабрина Бастаминовна — д.филол.н., доцент, Дагестанский государственный медицинский университет Минздрава РФ

Котов Александр Эдуардович — д.и.н., доцент, Санкт-Петербургский государственный университет

Лебедев Сергей Константинович — д.и.н., Санкт-Петербургский институт истории РАН, в.н.с.

Лизунов Павел Владимирович — д.и.н., профессор, Северный (Арктический) Федеральный университет им. М.В. Ломоносова

Миньяр-Белоручева Алла Петровна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Михайлова Мария Викторовна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Осипова Нина Осиповна — д.филол.н., профессор, Московский гуманитарный университет

Петрусинский Вячеслав Вячеславович — д.п.н., профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

Печенёва Татьяна Анатольевна — д.п.н., Белорусский государственный университет

Пушкарева Наталья Львовна — д.и.н., профессор, Институт этнологии и антропологии РАН

Рыжов Алексей Николаевич — д.п.н., профессор, Московский педагогический государственный университет

Савостьянов Александр Иванович — д.п.н., профессор, Московский педагогический государственный университет

Сенявский Александр Спартакович — д.и.н.,, Институт экономики РАН, г.н.с.

Сморчков Андрей Михайлович — д.и.н., профессор, Российский государственный гуманитарный университет

Стрелова Ольга Юрьевна — д.п.н., профессор, Хабаровский краевой институт развития образования

Тюпа Валерий Игоревич — д.филол.н., профессор, Российский государственный гуманитарный университет

Ханбалаева Сабина Низамиевна — д.филол.н.,, МГИМО МИД России, ст. преподаватель

Щедрина Нэлли Михайловна — д.филол.н., профессор, Московский Государственный Областной Университет

Юдина Наталья Владимировна — д.филол.н., профессор, Владимирский филиал Финансового университета при Правительстве РФ

СОДЕРЖАНИЕ CONTENTS

История

Беляев Д.В. – Условия жизни остарбайтеров в трудовых лагерях на территории третьего рейха (1942–1944 гг.)
Belyaev D. – Living conditions of ostarbeiters in labor camps in the territory of the third reich (1942–1944) 8

Беляев Д.В. – Основные этапы перемещения в Германию советских остарбайтеров с территории Донбасса
Belyaev D. – The main stages of the transfer of soviet migrant workers from the territory of Donbass to Germany 13

Ву Хайчао – Формирование китайской дипломатической теории в исторической перспективе
Wu Haichao – Formation of Chinese diplomatic theory in historical perspective 21

Григорьев М.А. – Рецепция античного наследия во Флоренции XV века: греческие и римские авторы в рукописной традиции (по данным Веспасиано да Бистиччи)
Grigorev M. – The reception of ancient heritage in Fifteenth Century Florence: Greek and roman authors in the manuscript tradition (according to Vespasiano da Bisticci) 26

Кун Сянюй – Историческая динамика российско-китайских отношений в сфере транспортных коммуникаций на евразийском пространстве
Kong Xiangyu – Historical dynamics of Russian Chinese relations in the field of transport communications in the Eurasian space. 31

Мешкова Е.А., Дворковая М.В. – Конфессиональная политика Екатерины II: между Просвещением и традицией
Meshkova E., Dvorkovaya M. – The confessional policy of Catherine II: between Enlightenment and tradition. 35

Русаков П.А. – «Народная правда» против «казённой необходимости»: кризис легитимности и запрос на справедливость в контексте отречения Николая II (историографический анализ)
Rusakov P. – "People's truth" vs. "state necessity": the crisis of legitimacy and the demand for justice in the context of the abdication of Nicholas II (historiographical analysis) 41

Семенченко И.В., Суворова А.В., Петровский С.С. – Социально-экономическая деятельность уральских земств в 1900–1919 гг.
Semenchenko I., Suvorova A., Petrovsky S. – Socio-economic activity of the Ural zemstvos in 1900–1919 45

Педагогика

Васильева Н.Н., Егорова С.Н. – Билингвизм как фактор компенсации и сохранения языковой идентичности у ребёнка с моторной алалией: лонгитюдное наблюдение
Vasilyeva N., Egorova S. – Bilingualism as a factor in the compensation and maintenance of linguistic identity in a child with motor alalia: a longitudinal study 48

Го Жуй, Румянцева М.А. – Освоение художественного своеобразия и типологии контрастных женских образов в операх Н.А. Римского-Корсакова в процессе музыкально-исторической подготовки китайских студентов
Guo Rui, Rumyantseva M. – Mastering the artistic originality and typology of contrasting female images in Rimsky-Korsakov's operas in musical and historical training of Chinese students. 54

Еремкин В.В. – Особенности этнопедагогических методов физического воспитания школьников
Eremkin V. – Features of ethnopedagogical methods of physical education of schoolchildren. 58

Еремкин В.В. – Этнопедагогика и ее роль в физическом воспитании современных школьников: проблемы и перспективы
Eremkin V. – Ethnopedagogy and its role in the education of modern schoolchildren: problems and prospects 63

Зенченков И.П. – Технологический подход к проектированию и внедрению цифровых образовательных технологий при формировании физической культуры будущих учителей в процессе профессионального физкультурного образования
Zenchenkov I. – Technological approach to the design and implementation of digital educational technologies in the formation of physical culture of future teachers in the process of professional physical culture education 69

Каримова К.С. – Концепция смешанного обучения (blended learning) в преподавании иностранных языков: теоретические основы и варианты внедрения в высшей школе
Karimova K. – Blended learning concept in foreign language teaching: theoretical foundations and educational technology implementations in higher school 75

Курицына И.Ю. – Формирование языковых компетенций вторичной языковой личности студента-медика в процессе освоения медицинской терминологии
Kuritsyna I. – Developing the language competencies of a medical student's secondary language identity in the process of mastering medical terminology 80

Лазарева А.С., Алфимов В.Н. – Система плюрилингвального корпоративного обучения профессиональных кадров иностранным языкам как образовательная технология профессиональной подготовки
Lazareva A., Alfimov V. – The system of plurilingual corporate foreign language training for professionals as an educational technology of professional development 85

Ли Цзянюэ – Организация практической подготовки студентов китайской народной республики в процессе освоения музыкально-исторических дисциплин
Li Jiangyue – Organization of practical training of students of the people's republic of China in the process of mastering musical and historical disciplines 89

Мартынова О.Н., Постникова Е.В., Сергеева М.В. – Методика формирования универсальных учебных действий в цифровой среде с использованием элементов искусственного интеллекта
Martynova O., Postnikova E., Sergeeva M. – Methodology for developing universal learning actions in a digital educational environment with integration of artificial intelligence elements. 94

Свиридова Т.Б., Голдина Е.А. – Современные образовательные технологии в системе ДПО медицинских специалистов: анализ и оценка востребованности
Sviridova T., Goldina E. – Modern educational technologies in the continuous education system for medical specialists: analysis and assessment of demand 99

Сечкарь Ю.А. – Проектирование методической системы подготовки педагогов к профессиональной деятельности на основе продуктового подхода
Sechkar Yu. – Designing a methodological system for preparing teachers for professional activity based on the product approach. 104

Су Иньбо – Диагностика сформированности музыкальной картины мира у учащихся средних классов КНР: уровни, показатели и инструментарий педагогического исследования
Su Yinbo – Diagnostics of the formation of a musical picture of the world among middle school students of the PRC: levels, indicators, and tools of pedagogical research 108

Фан Чжиган, Чжэн Хуа – Роль автономной поддержки тренера в формировании мотивации спортсменов на примере волейбола

Fang Zhigang, Zheng Hua – The role of autonomous coach support in developing athletes' motivation: volleyball 114

Цай Яофэн – Эволюция взглядов на проблему обучения пению с листа в российской музыкальной педагогике
Cai Yaofeng – The evolution of views on the problem of teaching singing from sheet music in Russian music pedagogy 118

Чжэн Хуа, Фан Чжиган – Мониторинг тренировочной нагрузки и его роль в физической адаптации в волейболе: обзор литературы
Zheng Hua, Fang Zhigang – Monitoring of training load and its role in physical adaptation in volleyball: literature review 123

Шнайдер И.Р., Уварина Н.В. – Социальные медиа в образовательном пространстве вуза как способ воспитания ценностных смыслов студенческой молодежи
Shnaider I., Uvarina N. – Social media in the university educational environment as a way of educating student youth's values 128

Янь Чуньси – Психофизиологические особенности восприятия музыки у подростков с абсолютным слухом в процессе вокального обучения
Yan Chunxi – Psychophysiological features of music perception in adolescents with absolute hearing during vocal learning 134

Филология

Адзиева Э.С. – Церковный дискурс и его отражение в творчестве русских классиков (Н.В. Гоголь, Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой, В.И. Белов)
Adzieva E. – Church discourse and its reflection in the works of russian classics (N.V. Gogol, F.M. Dostoevsky, L.N. Tolstoy, V.I. Belov) 139

Бай Юе – Числительные интенсификаторы как показатели многократности действия в русском и китайском языках
Bai Yue – Numerative intensifiers as indicators of multiplicity of action in Russian and Chinese 143

Балаганов Д.В., Горшенева Т.А. – Обзор на теорию ментальных пространств при переводе текста
Balaganov D., Gorsheneva T. – The mental spaces theory in translating written texts 148

Ван Дихань – Переводческие решения для преодоления лингвистической и культурной непереводимости в межкультурной коммуникации между носителями русского и китайского языков
Wang Dihan – Translation solutions for overcoming linguistic and cultural untranslatability in intercultural communication between Russian and Chinese speakers 153

Ван Инчэнь – Эволюция цифровых медиаэкосистем Китая и влияние платформенной регуляторной политики на конкуренцию и инновации в начале XXI века
Wang Yingchen – Evolution of China's digital media ecosystems and the impact of platform regulatory policy on competition and innovation in the early 21st century 156

Гасанов А.Г. – Когнитивные и лингвистические факторы доверия к источнику информации в русскоязычных и англоязычных онлайн-медиа
Gasanov A. – Cognitive and linguistic factors of trust in the information source in Russian- and English-language online media 161

Дзасежева Л.Х., Малкандуева А.Х., Гелястанова А.Л. – Немецкие заимствования в современном английском массмедийном дискурсе
Dzasezheva L., Malkandueva A., Gelyastanova A. – German borrowings in contemporary English mass media discourse 166

Егорова Л.Г., Сурган М.А. – Речевой жанр просьбы в интернет-коммуникации: дискурсивный и прагмалингвистический аспекты (на материале комментариев в Telegram-каналах образовательной тематики)
Egorova L., Surgan M. – The speech genre of requests in online communication: discursive and pragmalinguistic aspects (based on comments in educational Telegram channels) 171

Елизарова Н.М. – Концепт «чудо» и чудаки в малой прозе К.Г. Паустовского
Elizarova N. – The concept of "Miracle" and cranks in the short stories of K.G. Paustovsky 176

Ерёменко Н.Г. – Семантика и аксиологические функции религиозной лексики в современном российском медиадискурсе
Eremenko N. – Semantics and axiological functions of religious vocabulary in contemporary Russian media discourse 184

Колесова Н.М. – Синтаксические стилистические средства русскоязычного и немецкоязычного письменного военного дискурса
Kolesova N. – Syntactic stylistic means of Russian-language and German-language written military discourse 192

Кольцова Н.З. – Поэтика болезни и смерти в романе Андрея Платонова «Чевенгур»
Koltsova N. – The poetics of illness and death in Andrei Platonov's novel Chevengur 197

Корабельникова Е.И. – Стратегии перевода фольклорного интертекста: сравнительный анализ русскоязычных версий сказки о трех братьях из романа Дж.К. Роулинг «Гарри Поттер и Дары Смерти»
Korabelnikova E. – Folklore intertext translation strategies: a comparative analysis of Russian-language versions of the tale of the three brothers from J.K. Rowling's novel Harry Potter and the Deathly Hallows 202

Ли Хоуюй – Сопоставительный анализ выражения категории эвиденциальности в русском и китайском языках
Li Houyu – Comparative analysis of the expression of the category of evidentiality in Russian and Chinese languages 208

Магамедрагимов А.О. – Феномен перевода поэзии Сулеймана Стальского в русской литературе 1930-х годов
Magamedragimov A. – The phenomenon of translating Suleyman Stalsky's poetry in 1930s Russian literature 214

Носенко Г.Н., Кириллова Т.С., Шмелева Т.С. – Некоторые семантические особенности лексики, номинирующей типы хосписной помощи в Великобритании и США
Nosenko G., Kirillova T., Shmeleva T. – Some semantic features of the lexicon nominating types of hospice care in Great Britain and the USA 218

Попенков О.Н. – Место и роль грамматических категорий ретроспекции и проспекции в произведениях классика египетской литературы Нагиба Махфуза
Popenkov O. – The place and role of grammatical categories of retrospection and prospection in the narratives of the Egyptian literary classic Naguib Mahfouz 222

Сафонов К.Б. – Потенциал региональных СМИ в содействии развитию институтов гражданского общества
Safonov K. – The potential of regional media in promoting the development of civil society institutions 227

Соколовская Н.А., Вартанова К.Ю., Киселева А.В. – Категориальный потенциал англоязычного туристического интернет-дискурса
Sokolovskaya N., Vartanova K., Kiseleva A. – Categorical potential of English-language tourism internet discourse 230

Спицына Н.А., Гундобина А.В. – Заимствования и межкультурные контакты как фактор обновления лексико семантической системы американского сленга
Spitsyna N., Gundobina A. – Borrowings and intercultural contacts as a factor in the renewal of the lexico-semantic system of American slang 233

Хохлов А.А. – Лексические способы представления концепта любовь в поэтическом цикле К.М. Симонова «С тобой и без тебя»
Khokhlov A. – Lexical ways of presenting the concept of love in K.M. Simonov's poetic cycle "With and without you" 239

Царегородцев А.В., Цацкина Е.П. – Русский язык и национальная идентичность в эпоху цифрового суверенитета
Tsaregorodtsev A., Tsatskina E. – Russian language and national identity in the age of digital sovereignty 243

Шакирьянов Л.М. – Целостность языка (на примере антонимии)
Shakiryanov L. – The integrity of language (based on antonymy) 248

Шрестх Ом – Индийские заимствования в английском языке колониального периода как средство лингвокультурной адаптации в туристическом дискурсе Индии
Shresth Om – Indian loanwords in colonial–era English as a means of linguistic and cultural adaptation in Indian tourism discourse 257

Информация

Наши авторы. Our Authors. 262

Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале 263

DOI 10.37882/2223–2982.2026.04–2.04

УСЛОВИЯ ЖИЗНИ ОСТАРБАЙТЕРОВ В ТРУДОВЫХ ЛАГЕРЯХ НА ТЕРРИТОРИИ ТРЕТЬЕГО РЕЙХА (1942–1944 ГГ.)

LIVING CONDITIONS OF OSTARBEITERS IN LABOR CAMPS IN THE TERRITORY OF THE THIRD REICH (1942 –1944)

D. Belyaev

Summary: The article is devoted to the study of the living conditions of ostarbeiters (Eastern workers) in labor camps on the territory of the Third Reich in the period from 1942 to 1944. The focus is on the socio-economic and everyday aspects of the existence of the Ostarbeiters, as well as the attitude of the Nazi authorities and the local population towards them. The working conditions of the migrant workers were extremely difficult: the working day lasted 10-14 hours seven days a week; the tasks were grueling and dangerous, which often led to injuries and deaths. They were treated as cheap labor, ignoring safety and health issues. The diet was meager and monotonous, did not cover energy consumption, which caused exhaustion and aggravated suffering. Medical care was almost non-existent: patients were deprived of treatment, and unsanitary conditions and exhaustion led to high mortality. The living conditions were terrible — overcrowded barracks without amenities and basic hygiene contributed to the spread of infections and deterioration of health.

The author draws conclusions about the cruelty and inhumanity of the conditions in which the migrant workers were, as well as about the systematic violation of their rights and human dignity. The article aims to deepen understanding of the tragic page of the history of the Second World War and to draw attention to the problem of preserving the memory of the victims of the Nazi regime.

Keywords: labor camps, "eastern workers", ostarbeiters, the Third Reich, forced labor, exploitation, war crimes.

Беляев Данил Владимирович
ФГБОУ ВО Луганский государственный университет им. В.Даля
master.gambs.2013@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена исследованию условий жизни остарбайтеров (восточных рабочих) в трудовых лагерях на территории Третьего рейха в период с 1942 по 1944 годы. В центре внимания находятся социально-экономические и бытовые аспекты существования остарбайтеров, а также отношение к ним со стороны нацистских властей и местного населения. Условия труда остарбайтеров были крайне тяжелыми: рабочий день длился 10–14 часов без выходных, задачи были изнурительными и опасными, что часто приводило к травмам и смертям. Их рассматривали как дешевую рабочую силу, игнорируя вопросы безопасности и здоровья. Питание было скудным и однообразным, не покрывало энергозатрат, что вызывало истощение и усугубляло страдания. Медицинская помощь почти отсутствовала: больных лишали лечения, а антисанитария и истощение приводили к высокой смертности. Жилищные условия были ужасными — переполненные бараки без удобств и элементарной гигиены способствовали распространению инфекций и ухудшению здоровья.

Автором сделаны выводы о жестокости и бесчеловечности условий, в которых находились остарбайтеры, а также о систематическом нарушении их прав и человеческого достоинства. Статья направлена на углубление понимания трагической страницы истории Второй мировой войны и на привлечение внимания к проблеме сохранения памяти о жертвах нацистского режима.

Ключевые слова: трудовые лагеря, «восточные рабочие», остарбайтеры, Третий Рейх, принудительный труд, эксплуатация, военные преступления.

Для жителей Луганской Народной Республики, вошедшей в состав Российской Федерации, проблема жизни людей в экстремальных условиях войны и адаптация к совершенно непривычным условиям жизни является весьма актуальной. Сложная военно-политическая ситуация, в которой оказались жители Донбасса в период с 2013 по 2025 годы, продемонстрировала определённые исторические параллели, которые можно провести между событиями современными и событиями Великой Отечественной войны.

Период Великой Отечественной войны является одним из самых сложных в отечественной истории. Реалии жизни, в которых оказалось гражданское население СССР в этот период, составляют один из важнейших и вместе с тем недостаточно исследованных аспектов процесса эксплуатации в качестве бесплатной рабочей силы на территории Третьего рейха. Увеличение научного интереса исследователей к этой области деятельности фашистского руководства связан с появлением новых документальных источников, рассекречиванием архивных документов, позволяющих исследователю по-новому, взглянуть на особенности жизни интернированного населения Ворошиловградщины в фашистской Германии во время Великой Отечественной войны.

Именно на таких сравнениях и аналогиях строится сегодня система гражданского и патриотического воспитания, без эффективного функционирования которой, невозможно будет построить демократическое, правовое государство, сформировать у молодёжи патриотические качества, готовность защищать свое Отечество – Россию

и малую Родину – Луганскую Народную Республику.

С приходом к власти в 1933 году Адольфа Гитлера и нацистской партии начался период активных экономических преобразований. Основной целью нацистской экономической политики было восстановление экономики и подготовка к войне. Для достижения этих целей правительство активно инвестировало в строительство инфраструктуры, включая автобаны, железные дороги и общественные здания, что способствовало созданию рабочих мест и снижению уровня безработицы.

В рамках подготовки к войне нацистское руководство начало масштабное увеличение военного производства, предприняв усилия по модернизации и расширению вооруженных сил, что потребовало значительных ресурсов и рабочей силы. Государство взяло под контроль ключевые отрасли промышленности и сельского хозяйства, введя жесткие регуляционные квоты на производство, распределение ресурсов и контроль цен. Частный бизнес и крупные корпорации были интегрированы в военную экономику [3, с.64].

Основными местами сосредоточения рабочей силы были трудовые лагеря. Они представляли собой один из ключевых элементов её экономической и военной стратегии. Созданные в условиях тотальной войны, они стали местами жесточайшей эксплуатации миллионов людей, из оккупированных территорий СССР. Нацистская верхушка рассматривала принудительный труд как неотъемлемую часть своей экономической политики, что позволяло им компенсировать недостаток рабочей силы и поддерживать военную машину в условиях затяжного конфликта.

Система трудовых лагерей начала формироваться задолго до начала войны. Первые из них появились в Германии еще в 1933 году, сразу после прихода нацистов к власти. Эти лагеря первоначально предназначались для политических заключенных и врагов режима. С началом войны и расширением территорий, контролируемых Третьим Рейхом, система лагерей значительно расширилась и видоизменилась [14, с.95].

С началом Второй мировой войны в сентябре 1939 года экономика Германии была полностью мобилизована на военные нужды. Промышленность перешла на производство военной продукции, а ресурсы страны были перераспределены в пользу армии и флота.

Мобилизация привела к резкому увеличению военных расходов, которые выросли в несколько раз, что потребовало значительных финансовых и материальных ресурсов. Для удовлетворения потребностей армии и военной промышленности миллионы мужчин были мобилизованы и отправлены на фронт, что привело к дефициту рабочей силы в тылу [5, с.287].

Готовясь к проведению операции «Блицкриг» против СССР, руководство Третьего Рейха первоначально планировало использовать трудовую силу из западноевропейских стран. Эти рабочие, известные как «гостевые рабочие», должны были восполнять потребности нацистской Германии в рабочей силе. Однако планы Третьего Рейха по использованию рабочей силы не стали ограничиваться лишь западноевропейскими странами.

После нападения на Советский Союз в 1941 году и быстрого продвижения немецких войск на восток возникла острая необходимость в использовании рабочей силы из оккупированных территорий. Принудительный труд жителей этих регионов стал ключевым элементом нацистской экономики. Лагеря, которые раньше использовались преимущественно для содержания политических заключенных, начали перепрофилироваться под нужды военной экономики, и в них массово направлялись военнопленные и гражданские лица из СССР. Стали создаваться на крупных промышленных предприятиях, концернах, фабриках, сельскохозяйственных предприятиях [7, с.33-34].

Жители оккупированных территорий Советского Союза занимали самые низкие ступени в расовой иерархии, установленной нацистами. В соответствии с этой иерархией, нацисты планировали использовать их труд на самых тяжелых и низкооплачиваемых работах. Пленные и гражданские лица из СССР должны были заниматься восстановлением дорог, строительством, сельскохозяйственными работами и другими видами физически тяжелого труда, которые считались полезными для экономики нацистской Германии. Остарбайтеры подвергались жестокому обращению с самого момента вербовки и депортации. Советские граждане, предназначенные для отправки, проходили медицинский осмотр и регистрацию во временных лагерях на оккупированных территориях. Их перевозка в рейх осуществлялась в вагонах для скота при нехватке воды и пищи, часто сопровождаясь унизительным обращением со стороны охраны [6, с.107-109].

По прибытии на границу рейха или генерал-губернаторства, «восточные рабочие» передавались в «пересыльные лагеря», а затем в «распределительные лагеря» на территории рейха, где им предоставлялась санитарная обработка. После прибытия в Германию передавались земельным биржам труда, которые занимались доставкой, регистрацией и распределением рабочих. Трудовые карточки с фото и отпечатками пальцев рабочих, составленные на основе транспортных списков для «восточных рабочих», хранились на биржах труда или в местных полицейских участках.

Ключевым инструментом проведения политики дискриминации в отношении «восточных работников» в национал-социалистическом режиме стало изданное 20 февраля 1942 года Главным управлением имперской безопасности Свод правовых норм под названием «Постановления об условиях использования «восточных рабочих»» (Ostarbeitererlasse). Основная цель этих постановлений заключалась в создании условий для максимально эффективной эксплуатации труда «восточных работников» при их полной изоляции от немецкого населения [9, с.85].

Лагеря представляли собой окружённое трёхметровым забором из колючей проволоки пространство с бараками, расположенное рядом с местом работы обитателей этой территории и их инструментами. Недалеко находилась кухня и столовая, а по периметру лагеря проходил двухметровый забор с пристроенными туалетами и будкой для часового у ворот. Внутренняя дверь из вахтенной комнаты в барак обычно оставалась открытой для удобства наблюдения. Надсмотрщиками чаще всего были пожилые немцы, часто инвалиды или контуженные на войне.

Пребывание в лагере означало полное отсутствие возможности побыть в одиночестве; всегда и везде приходилось находиться среди людей, в коллективе, чьё существование было полностью предопределено и контролировалось. Питание было скудным: утром давали хлеб и чай, в обед - пол литра супа из брюквы из 10-литрового бачка, в котором плавали несколько кусочков неочищенной картошки, а вечером снова чай. Особенно голодный паёк был в 1941–1942 годах, когда хлеба выдавали всего 100 граммов [8, с. 98].

Остарбайтеров селили отдельно от немцев и рабочих других национальностей. Эта категория работников находилась под постоянным контролем как во время работы, так и после её завершения. Анализ представленных данных позволяет сделать вывод, что особое место в нацистской экономической системе занял принудительный труд, широко применявшийся в отношении остарбайтеров из оккупированных территорий Советского Союза. Принудительное использование их труда стало важным элементом обеспечения немецкой промышленности рабочей силой в условиях военного конфликта. Лагеря принудительного труда характеризовались жестокими условиями содержания, отсутствием элементарных прав, дискриминацией, физической эксплуатацией и антигуманным обращением [4, с.102].

Согласно постановлению, «восточные рабочие» должны были перемещаться в колоннах и жить в лагерях, окружённых колючей проволокой. Они обязаны были носить на одежде заметную бело-синюю нашивку с надписью «Ост». В случае нарушения предписания «восточных рабочих» ожидали побои от жандармерии лагеря. Покидать лагерь можно было исключительно по производственной надобности, все свободное время – внутри лагеря, и лишь в качестве большой привилегии и поощрения предусматривались увольнительные в пределах местного полицейского участка на выходной день (контрольный срок — 21 час) [12, с.193-196].

Основными заболеваниями, от которых страдали, лагерники были сыпной и брюшной тиф, чесотка, туберкулёз и дизентерия. По свидетельству советского врача Ф.Я. Черона, который около двух лет работал санитаром в лазаретах, наиболее распространённой болезнью был туберкулёз. Далее по частоте встречались воспаление лёгких, плеврит, простуды, фурункулы и карбункулы. Воровство еды стало обыденным и насущно необходимым, и только по «наказанию», время от времени настигавшему захваченных с поличным «воров», но уж никак не по «преступлению» могли они смутно догадываться, что поступают вопреки нормам. Воровали всегда – по дороге на работу, на работе, по дороге с работы, по ночам устраивали вылазки в близлежащие поля и огороды [2, с. 90–95].

В результате длительного голодания, люди, как правило, теряли способность к сопротивлению организма и становились хроническими дистрофиками с их характерной апатичной манерой поведения. Клинические проявления резкой потери веса были настолько значимы, что приводили к необратимым нарушениям функций позвоночника и других органов: сердца, печени, почек [11, с. 280–284].

Голод разрушал не только физическое состояние человека, но и его психику, которая становилась настолько агрессивной, что люди готовы были пойти на все ради получения куска хлеба. Все ее существование сводилось к постоянной борьбе за этот кусок хлеба, которая заменяла выживание. Даже в случае того, что человек выживал, он все равно оказывался травмированным на всю оставшуюся жизнь. Врач был очень важной фигурой в лагерной жизни. Чаще всего это был доктор из числа военнопленных, реже – из гражданских, еще реже – из немцев. От врача – и в прямом, и переносном смысле – зависело даже не здоровье, а жизнь и смерть рабочего [10, с.190-192].

Были среди них и врачи-звери, и врачи-садисты, бившие подлинных и мнимых симулянтов палками, и врачи-трусы, не использовавшие и частицы своих прав из боязни хоть чем-то прогневать свое немецкое начальство, и врачи-вымогатели, лишь за взятку готовые подписать направление в больницу или в спасительную возвратную партию [1, с.54-57].

Медицинское обслуживание остарбайтеров в трудо-

вых лагерях Третьего рейха было практически недоступным и находилось на крайне низком уровне. Работники, изнуренные тяжелым трудом, истощением и антисанитарными условиями, не могли рассчитывать на полноценную медицинскую помощь. Медицинские осмотры проводились редко и носили формальный характер, зачастую служили лишь для отбора тех, кто был пригоден к работе. Тех, кто утрачивал трудоспособность, оставляли без лечения, переводили на более тяжелую работу или исключали из лагерной системы как «ненужных».

Когда помощь все же оказывалась, она была минимальной. Лечение проводилось устаревшими методами, медикаментов катастрофически не хватало, а доступ к госпитализации предусматривался только в случаях угрозы эпидемии или явного риска для сохранения рабочей силы. Санитарные условия в лагерях усугубляли ситуацию: грязные бараки, отсутствие отопления и минимальная гигиена способствовали распространению инфекций, таких как тиф, туберкулез, дизентерия и пневмония. Эти эпидемии редко получали должное внимание, что приводило к массовой смертности среди остарбайтеров.

Больных часто рассматривали как обузу. Им отказывали в лечении, оставляя умирать или отправляя на работы, не обращая внимания на их состояние. Такое отношение было частью нацистской политики, согласно которой советских граждан считали «низшей расой» и не видели необходимости в поддержании их жизни за пределами их рабочей пользы. В некоторых лагерях медицинские услуги использовались не для лечения, а для проведения бесчеловечных экспериментов. Больных остарбайтеров подвергали исследованиям без их согласия, что часто заканчивалось мучительной смертью. Медицинское обслуживание остарбайтеров не только не выполняло своей прямой функции, но и становилось еще одним инструментом угнетения, подчеркивая бесчеловечность системы, в которой их воспринимали исключительно как расходный ресурс.

Таким образом принудительный труд остарбайтеров из оккупированных территорий Советского Союза был ключевым элементом нацистской экономики, компенсируя дефицит рабочей силы в условиях войны и поддерживая функционирование немецкой промышленности. Условия содержания остарбайтеров были жестокими: дискриминация, антисанитария, скудное питание и отсутствие медицинской помощи создавали крайне тяжелую обстановку. Меры были подкреплены системной дискриминацией, закрепленной в нормативных актах, которые определяли остарбайтеров как «низшую рабочую силу», усиливая их изоляцию и дегуманизацию. Физические последствия эксплуатации выражались в заболеваниях, таких как дистрофия, туберкулез и тиф, вызванных изнуряющим трудом, голодом и отсутствием санитарных условий. Психологическое давление также оставило глубокие следы: жизнь в постоянной борьбе за выживание разрушала гуманистические ценности, что накладывало неизгладимые травмы на сознание людей, многие из которых не смогли восстановиться даже после окончания войны.

Изучение этого исторического явления имеет значительную ценность для понимания механизмов нацистской экономики и последствий тоталитарных режимов для человеческой судьбы. Несмотря на все тяготы, многие из них сумели проявить невероятную стойкость и силу духа, что является свидетельством человеческой выносливости и стремления к выживанию даже в самых неблагоприятных обстоятельствах.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимов Н.И., Богданов П.П., Богуш Е.Ю. Великая Отечественная война Советского Союза 1941-1945: краткая история / [Анисимов Н.И. и др.]; Ин-т марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, Отд. Великой Отечественной войны – М.: Воениздат, 1965. – 624с.
2. Воробьев Ф.Д. Великая Отечественная война Советского Союза. 1941–1945 гг. [Текст]: Краткий воен.-ист. очерк / Ф.Д. Воробьев, В.М. Кравцов. – Москва: Воениздат, 1961. – 456с.
3. Макарова Л.М. Идеология нацизма / Л.М. Макарова. – Сыктывкар: Изд-во СыктГУ,2005. – 174с.
4. Макарова Л.М. Нацистская концепция человека и методы ее реализации / Л.М. Макарова // Человек. – 2003. – №3. –107 с.
5. Мельников Д.Е., Черная, Л.Б. Империя смерти. Аппарат насилия в нацистской Германии, 1933–1945 / Д.Е Мельников, Л.Б. Черная. – М.: Политиздат, 1989. – 413 с.
6. Мюллер Р.-Д. «Народное сообщество»: продовольственная проблема, эксплуатация и уничтожение / Р.Д. Мюллер // Вторая мировая война. Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований / Пер. с нем. предисл. В. Рана. – М.: «Весь Мир», 1997. – 196 с.
7. Милвард Алан Стил. Война, экономика и общество, 1939–1945 гг. / Алан С. Милвард. – Лондон: Лейн, 1977. – 395 с.
8. Коваль М.В. Общественно-политическая деятельность трудящихся Украинской ССР в период Великой Отечественной войны – Общественно-политическая деятельность трудящихся Украинской Советской Социалистической Республики в период Великой Отечественной войны [Текст] / М.В. Коваль; АН УССР, Ин-т истории. – Киев: Наук. думка, 1977. – 264 с.
9. Подрански Т.А Политика немецких поселений на Востоке: различные варианты генерального плана к востоку от СС / Т.А. Подрански. – Б.: Восток, 2001. –

285 с.
10. Полян П.М. Жертвы двух диктатур. Остарбайтеры и военнопленные в Третьем Рейхе и их репатриация / П.М. Полян. – М.: Ваш выбор ЦИРЗ, 1996. – 442 с.
11. Тенфельде К. Изучение принудительного труда в годы Второй мировой войны: новые акценты / К. Тенфельде // Послевоенная история Германии: российско-немецкий опыт перспективы: Материалы конференции российских и немецких историков (Москва, 28–30 октября 2005 г.): Сборник статей. / Под ред. Б. Бонвеча и А. Ватлина. – М.: Директ Медиа Паблишинг, 2007. – 340 с.

© Беляев Данил Владимирович (master.gambs.2013@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2026.04–2.05

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ ПЕРЕМЕЩЕНИЯ В ГЕРМАНИЮ СОВЕТСКИХ ОСТАРБАЙТЕРОВ С ТЕРРИТОРИИ ДОНБАССА

THE MAIN STAGES OF THE TRANSFER OF SOVIET MIGRANT WORKERS FROM THE TERRITORY OF DONBASS TO GERMANY

D. Belyaev

Summary: The article examines the main stages of the movement of Soviet migrant workers from the territory of Donbass to the territory of Nazi Germany during the Second World War. The mechanisms of forced labor recruitment implemented by the German occupation authorities after the establishment of control over the region in 1941-1942 are analyzed. The key stages of this process are highlighted: registration and registration of the able-bodied population, conducting propaganda campaigns and gradually tightening recruitment methods, mass raids; transportation by train to places of work. The systemic nature of labor movement as an element of the economic policy of the Third Reich is noted.

Keywords: ostarbeiters, Donbas, forced labor, Nazi occupation policy, labor deportation.

Беляев Данил Владимирович
Аспирант, ФБГОУ ВО Луганский государственный университет имени В. Даля
danil.belyayev.98@internet.ru

Аннотация: В статье рассматриваются основные этапы перемещения советских остарбайтеров с территории Донбасса на территорию нацистской Германии в годы Второй мировой войны. Анализируются механизмы принудительного привлечения рабочей силы, реализованные немецкими оккупационными властями после установления контроля над регионом в 1941–1942 гг. Выделяются ключевые стадии данного процесса: регистрация и учет трудоспособного населения, проведение пропагандистских кампаний и постепенное ужесточение методов рекрутирования, массовые облавы; транспортировка железнодорожными эшелонами к местам работы. Отмечается системный характер перемещения рабочей силы как элемента экономической политики Третьего рейха.

Ключевые слова: остарбайтеры, Донбасс, принудительный труд, нацистская оккупационная политика, депортация рабочей силы.

Актуальность обусловлена необходимостью более глубокого изучения процессов принудительного вывоза населения оккупированных территорий Советского Союза в нацистскую Германию в годы Второй мировой войны. Донбасс являлся одним из крупнейших индустриальных регионов, население которого в значительных масштабах подверглось насильственному перемещению и использованию в системе принудительного труда Третьего рейха. Несмотря на наличие значительного массива работ, отдельные аспекты организации и этапов вывоза остарбайтеров из данного региона остаются недостаточно исследованными.

Особую научную значимость представляет анализ механизмов мобилизации рабочей силы, административной системы учета и отправки населения, а также логистики транспортировки остарбайтеров на территорию Германии. Изучение этих процессов позволяет более полно реконструировать политику нацистских оккупационных властей и выявить особенности функционирования системы принудительного труда.

Отправной датой начала использования трудовых ресурсов с территории Донбасса считается 15 сентября 1941 г., когда было принято одно из главных соглашений между Главным командованием сухопутных войск и Министерством труда Третьего Рейха, которое предусматривало отправку в Германию только квалифицированных рабочих: металлургов, строителей, работников транспорта, лесной промышленности. Сортировка по специальностям должна была осуществляться еще на востоке силами Министерства труда. В городах расклеивались «Объявления биржи труда».

Доподлинно известно, что первая «экспериментальная» партия донецких горняков прибыла в угледобывающий район Рур в декабре 1941 г. в размере 155 человек для работ на шахтах. Для сбора населения расклеивались специальные объявления.

Пауль Пляйгер, генеральный директор концерна «Г. Геринг Верке», один из руководителей Управления по четырёхлетнему плану, предлагал не вербовать людей, а откомандировывать их с предоставлением питания, карманных денег и пособия для остающейся дома семьи [3, с.87].

В самом начале ноября он получил специальное разрешение Геринга на трудоиспользование 10–12 тыс. горняков в германской горнодобывающей промышленно-

сти: работать им предстояло в отдельных бригадах, жить – в особых лагерях, отдельно ото всех, а в виде зарплаты получать – гроши на карманные расходы. Иными словами, их «права и обязанности», как и их питание, практически ничем не отличались от «прав и обязанностей» пленных [5, с.55].

Специальная комиссия, созданная Пляйгером, была направлена в один из распределительных пунктов в Кривом Роге для ознакомления с положением на месте и постановила привлечь для начала 5 тыс. остарбайтеров. Руководствуясь соображениями безопасности, Рейхсмаршал Геринг еще не разрешил вербовку в Рейх гражданских рабочих, оговорив лишь – в качестве исключения, вызванного суровой экономической необходимостью, – отправку на германские шахты «восточных» горняков. Непосредственно вербовкой уже в октябре 1941 г. занялись специальные комиссии при местных пунктах службы труда. В их задачу входила не только вербовка гражданских лиц, но и проверка профпригодности пленных [5, с.57].

В установочном письме начальника отдела труда Рахнера от 26 января 1942 г. акценты были расставлены еще жестче, чем в приказе Г. Геринга: главной задачей органов труда называлось именно скорейшее «...заполнение бреши в хозяйстве, возникшей в результате призыва в армию людей младшего призывного возраста, посредством поголовной вербовки русской рабочей силы… Это может решить исход войны и поэтому должно быть выполнено непременно…» [5, с.59].

29 января 1942 г. Мансфельд обратился к руководителям оккупированных земель с письмом относительно ускоренной вербовки иностранной рабочей силы в Рейхе. На тот случай, если добровольная вербовка не принесет ожидаемых результатов, Мансфельд просил всех сделать необходимые приготовления к принудительной вербовке.

В связи с высокой смертностью от тифа советских военнопленных 24 февраля 1942 г. вышло первое распоряжение, посвященное остарбайтерам: предписывалось доставить в количестве 380 тыс. для сельского хозяйства и 247 тыс. для промышленности [3, с.95].

Верховное командование сухопутных войск рассчитывало на добровольцев 1920–1922 г. рождения и предусматривала пять стадий: сначала месячную (начиная с 20 декабря) пропагандистскую подготовку, затем (с 10 по 31 января) регистрацию кандидатов, затем полицейскую проверку их благонадежности, медицинское освидетельствование и зачисление добровольцев.

В группе армий «Центр» началом вербовки было объявлено 15 января. Тем не менее уже в январе 1942 г. в Германию были отправлены первые транспорты. Первый подобный эшелон, как свидетельствуют материалы Kriegstagebuch (КТБ — служебных военных дневников немецких административных и военных структур), включал приблизительно 1100 гражданских рабочих и был направлен на территорию Рейнской области. Ключевым узлом отправки мобилизованной рабочей силы являлся город Сталино (современный Донецк). В рассматриваемый период он выполнял функцию крупного административного и транспортного центра, через который осуществлялась организация, формирование и последующая отправка трудовых контингентов из Донбасса на территорию Германии.

21 марта 1942г. назначенный на должность Генерального уполномоченного по использованию рабочей силы Фриц Заукель приступил к практической реализации первого этапа кампании по мобилизации и отправке трудовых контингентов в Рейх. В рамках этой программы планировалось обеспечить германскую экономику примерно 1,6 млн работников, однако фактически объем привлечённой рабочей силы был доведен примерно до 1,8 млн человек. Мобилизационные мероприятия распространялись на мужское и женское население в возрасте от 17 до 35 лет, при этом доля изъятого населения в отдельных регионах достигала приблизительно 7 % от общей численности жителей. Одновременно в директивных указаниях подчеркивалось, что процесс набора должен проводиться максимально интенсивно и ускоренными темпами. Для достижения требуемых показателей допускалось использование всех возможных средств, включая жесткое применение принципов принудительного труда [2, с. 65].

Изданный 9 апреля приказ нес рабочим с востока существенные режимные облегчения. Им разрешалось работать и небольшими группами, в том числе семьями (включая детей от 15 лет); трудовое взаимодействие с немецким населением отныне не запрещалось (что, по существу, открывало путь к их использованию в немецком сельском хозяйстве).

С 26 по 31 мая 1942 г. Заукель, сопровождаемый Рахнером и несколькими другими сотрудниками, лично посетил территорию Украинской ССР. Основной целью данной поездки было довести до сведения фельдмаршала фон Бока, а также руководства Верховного командования вермахта, исключительную значимость поставленной фюрером задачи по привлечению рабочей силы для нужд Рейха. В ходе встреч подчеркивалось, что усиливающаяся потребность в трудовых ресурсах на местах уже не может в достаточной мере удовлетворяться имеющимися возможностями.

По итогам этой инспекционной поездки у Заукеля сформировалось чрезвычайно оптимистичное пред-

ставление о ресурсном потенциале УССР, включая значительные резервы рабочей силы. Данное впечатление, по-видимому, оказало заметное влияние на дальнейшую разработку им программ, управленческих решений и отчетных документов. К середине 1942 г. использование иностранной рабочей силы приобрело для германской промышленности столь же критически важное значение, как и другие ключевые производственные ресурсы.

О. Амброс, возглавлявший программу строительства завода искусственного каучука концерна «ИГ Фарбен», заявлял, что компания «заложила промышленные основы и мощный краеугольный камень для зрелого и здорового германизма на Востоке». «Наша новая дружба с СС, – сообщил он конфиденциально своему боссу, Ф. Термейеру, – оказывается весьма выгодной».

В августе 1942 г. началась «Вторая» — программа Заукеля. Составной ее частью должны были стать полмиллиона остарбайтеров. Но поскольку по первой программе, предусматривавшей вербовку 1,6 млн. чел., было привлечено 1,8 млн. чел., то «излишек» — 200 тыс. — был отнесен на восточных рабочих и зачтен в требуемые 0,5 млн. [6, с.95].

Политическое руководство Рейха решило прибегнуть к решению за счет остарбайтеров не только экономических, но и социально-политических задач. Желая продемонстрировать старания государства не увеличить, а уменьшить нагрузку на немецких женщин (над ними нависла реальная угроза трудовой мобилизации), Заукель в апреле 1942 г. объявил о намерении завезти в Рейх до полумиллиона восточных работниц для использования в домашнем хозяйстве, прежде всего в многодетных семьях, а также в лагерях, на кухнях ресторанов и приютов. В сентябре он приступил к исполнению обещанного.

Распоряжениями Заукеля от 8 сентября и Гиммлера от 10 сентября 1942 г. было постановлено завербовать для этих целей 400 тыс. «помощниц по хозяйству», женской прислуги, из них поровну — по 200 тыс. — женщин городских и деревенских. В вербовочные комиссии — по настоянию Гиммлера были введены окружные представители НСДАП: если у них возникало сомнение по кандидатуре, то комиссия принимала негативное и окончательное решение. Количество же в 400 тыс. чел. распределялось так: за районами гражданского управления (РКУ и РКО) — 250 и за оперативными зонами групп армий — 150 тыс. чел. Был поставлен срок — до конца октября 1942 г. [6, с.100].

Поставляемые представительницы должны были быть в возрасте от 15 до 35 лет, без детей и не беременные, внешне похожие на немок восточного или восточно-балтийского типа. Отпуск, посещение церкви им запрещался, все свободное время — 3 часа в неделю. Глава немецкой семьи, — все семьи предварительно политически проверялись, — становился начальником своей восточной работницы.

Указом от 30 сентября 1942 г. Гитлер пожаловал Заукелю новые полномочия, включая и право применять для выполнения своих задач любые принудительные меры, которые тот сочтет нужным, а также право отдавать приказы военным структурам. Его статус и компетенция в вопросах вербовки рабочей силы существенно повысилась. Он вышел за рамки «человека Шпеера» или «человека Бормана» и впоследствии «с полным основанием» занял свое место на нюрнбергской скамье подсудимых [5, с.66-67].

В конце октября «Вторая программа Заукеля» была еще раз пересмотрена, и — невзирая на все неуспехи с реальной вербовкой — пересмотрена в сторону увеличения: с востока должен быть получен миллион рабочей силы

Шефгруппы «Сельское хозяйство» и «Труд» договорились между собой о том, что 50 тыс. гражданских лиц, запланированных к отправке отсюда в Рейх, будут набраны только из городских жителей. В этой связи было решено собрать ученых в бригады — в первую очередь специалистов по минеральным ресурсам, придать им необходимые вспомогательные силы и использовать для восстановления горного дела в Донбассе. Распределение же остальных кадров, в том числе служащих и врачей, произвести в Рейхе [6, с.106-109].

Из-за резко возросшего спроса на рабочие руки со стороны основных потребителей положение на рынке труда в сентябре снова обострилось. Для различных нужд вермахта в оперативной зоне службами труда было поставлено в общей сложности 136.462 чел.

Использование труда военнопленных обстановку не разрядило несмотря на то, что их в большом количестве направляли в Рейх, но с условием замены в оперативной зоне гражданскими рабочими, что в свою очередь ограничивало вербовку последних. Фюрер требовал привлечения военнопленных еще и во вспомогательные команды («хиви») — для того, чтобы высвободить немецких солдат для ведения боевых действий. Экономические инспекции на местах получили указания еще тщательнее проводить учет и эвакуацию городского населения из занятых районов.

Гражданские рабочие, по мнению генерал-квартирмейстера Вагнера, как рабочая сила были предпочтительнее военнопленных. В середине октября для отправки в Рейх были затребованы 60 тыс. военнопленных (половина — для сельского хозяйства, половина — в дорожное строительство), замена которых гражданski-

ми рабочими создала ряд трудностей, так как никто не отменял при этом ни высокие задания по вербовке, ни острый дефицит рабочих рук у самих военных. Для решения вопросов, связанных с беженцами инспекции, в начале октября 1942 г. совершили поездку в г. Сталино [6, с.109-113].

К трудностям вербовочного процесса добавились эпидемии, прежде всего сыпной тиф в ряде сортировочных и рабочих лагере. Таковым был лагерь Могилевского управления реконструкции железных дорог, где проживало до 1000 чел. Южнее Ворошиловграда была зафиксирована вспышка холеры. Было необходимо срочно найти замену десяткам тысяч попавших под карантин.

Еще одним негативным фактором стали «возвратники» — эшелоны с доходягами-остарбайтерами, которые начали приходить из Германии в августе 1942 г., после того как 23 апреля Ф. Заукель по согласованию с А. Розенбергом разослал в земельные арбайтсамты циркуляр о возвращении нетрудоспособной рабочей силы. Нетрудоспособных отделяли от трудоспособных и до дня отправки содержали отдельно. Такая практика действовала до конца 1942 г. и, с меньшей интенсивностью, даже в 1943 году. Общее число «возвратников» составило, по состоянию на октябрь 1942 г., более 100 тыс. чел. — так что суммарное число таких «репатриированных» немцами людей скорее всего достигало 120–150 тыс [3, с.90].

Приближалась вторая зима восточной компании. Рейх хотел бы избежать повторения сценария прошлой зимы, когда погибло большое количество рабочей силы. В августе Объединенное командование вермахта потребовало дополнительные средства в размере 25 Рейхсмарок на каждого репатриируемого, доставки имеющихся у них дома одежды, обуви и одеял. Месяцем позже — указом министра снабжения и сельского хозяйства от 6 октября 1942 г. (вступающим в силу 19 октября) — были повышены нормы снабжения остарбайтеров и военнопленных, введены надбавки за переработку и работу ночью.

В ноябре общий мораторий на вербовку и отправку в Рейх был снят. Более того, приказом Гиммлера от 3 ноября вводилась обязательная отправка в Рейх всего работоспособного населения, захватываемого в результате операций против партизан. Командование группы «Б» ввело свой запрет на вербовку. Он продержался неделю и был снят после вмешательства Ф. Заукеля и по инициативе генерал-квартирмейстера Вагнера, но не сразу и не повсеместно: в Сталино и Ворошиловграде — с 24 ноября 1942 г., в других районах — с 1 декабря, а в районах боевых действий — с 1 февраля 1943 г.. В результате вербовке был нанесен значительный ущерб: из 40—50 тыс. завербованных и подготовленных к отправке ни один человек не был использован даже на местных работах [4, с.205].

Уже подготовленные к отправке 5 эшелонов стояли на месте из-за трудностей с транспортировкой: перегруженность Ростовского узла в первую очередь, а также оперативных движений на линии Сталино — Харьков — Курск. С декабря предполагалось отправлять 2—3 поезда в неделю [3, с.109-112].

В середине ноября Рейхсминистр финансов объявил, что остарбайтеры получают право обменять до 15 декабря 1942 г., имеющиеся у них с собой рубли и червонцы, если их сумма превышает 10 Рейхсмарок, или 100 рублей. Для семей тех, кто уже находится в Рейхе, введено пособие — с тем расчетом, что это положительно скажется на настроении людей и поможет усилению вербовки в Рейх.

Генерал-квартирмейстер издал 17 ноября 1942 г. приказ, разрешающий рабочим, занятым в ремеслах, лесном и сельском хозяйстве, но живущим в отрыве от семьи, переводить денежные суммы на адрес семьи с указанием лиц, уполномоченных получать эти переводы. 20 ноября вышло распоряжение Рейхсминистра почт о введении с 25 ноября особого регулирования для почтового обмена восточных рабочих с родственниками на родине: отныне они могли писать только на специальных почтовых карточках, подлежащих военной цензуре. С 21 ноября Ф. Заукель издал указ о целесообразности, в интересах трудовой морали, сохранения при вербовке остарбайтеровских семей.

Все это, однако, еще не обеспечивало выполнения оторванных от реальности заукелевских установок. Ноябрьские показатели — из-за конфликта с военными из группы армий «Б» — были еще хуже «провальных» августовских. Не казались радужными перспективы и в декабре, поступали даже сведения о намерении командования 03 «Дон-Донец» ввести новые запреты на вербовку. В этом контексте службы труда выступали против намеченного в связи с приближающимся Рождеством месячного периода между 12 декабря 1942 и 15 января 1943 гг. — перерыва в транспортировке остарбайтеров и требовали продолжения перевозок, соглашаясь лишь на сокращение их объема [4, с.209-213].

23 декабря Заукель все равно отрапортовал об успешном завершении и второй своей программы. Подводя в газетном заявлении итоги сорок второго года, Заукель не слишком и хвастался, когда утверждал: «За 1942 г. в Германию отправлено около 2 миллионов чел. из оккупированных областей на востоке».

В конце 1942 г. ход вербовки резко замедлился. И вербовочную, и транспортную сеть после Сталинградского шока охватил паралич. «Рождественские канику-

лы» несколько затянулись: с середины декабря 1942 до середины апреля 1943 г. были отправлены считанные и, как правило, небольшие транспорты из Ворошиловграда, Харькова. Не на чем и некому было довезти людей до Рейха, некому было их охранять.

Прирост новых земель сошел на нет. Люди искали спасения от «вербовщиков» в партизанских отрядах. Причин для головной боли на востоке у Заукеля хватало. Первая — старая: возвратные перевозки нетрудоспособных остарбайтеров из Рейха на родину и их, как тогда говорили, контрпропагандное значение. Организованы они были по-прежнему плохо.

После того, как в середине января единственный предназначенный для «возвратников» лагерь в Дубно (РКУ) из-за сыпного тифа закрылся на карантин, их стало негде сортировать. Новые же лагеря — в Пшемысле и в Пабянице — открылись только к концу весны. Вторая головная боль — новая: беженцы. Сталинград означал не просто перелом в войне, но и неизбежность немецкого отступления. Многие десятки, а потом и сотни тысяч людей, как правило, служащих или служивших в немецких учреждениях и члены их семей сочли для себя за благо отступать вместе с вермахтом.

Они бежали из понятных опасений за свою жизнь, с немалым скарбом, детьми и вербовочными удостоверениями в руках — бежали от голода и, рассчитывая на трудоустройство в Германии; они стремились добраться до тех городов, откуда в Германию попасть было проще.

В январе от 50 до 100 тыс. беженцев из-под Сталинграда и с Северного Кавказа устремились в УССР через Крым. В Марьинке, в 30 км западнее Сталино; Гришино; в самом Сталино, в других узловых пунктах спешно создавали сборно-заградительные пункты для беженцев, принимались меры по их трудоиспользованию или по дальнейшей отправке на запад [4, с.215-217].

Главному управлению имперской безопасности было предписано регистрировать их и сортировать по рабочим специальностям. 16 февраля 1943 г. советские войска впервые освободили Харьков. 28 дней город оставался в их руках, пока 14 марта заново не был захвачен

немцами.

Несмотря на то, что весь железнодорожный узел были выведены из строя (ближайшей станцией стал Люботин), виды на вербовку в Харькове оценивались высоко, поскольку считалось, что голоду дома население все предпочтет работу в Германии.

Население не испытывало особой склонности к добровольной вербовке не выказывало: из того же Харькова первый после вторичного занятия города транспорт был отправлен только 24 апреля 1943 г., и всего 306 человек. Всего во второй половине апреля из Харькова, Краснограда и Лозовой в Рейх было отправлено около 10–15 тыс. чел. [3, с.287-289].

6 января 1943 г. в Веймаре Ф. Заукель провел совещание работников служб труда с представителями Восточного министерства вермахта. Многократно озвучивались рассуждения о неслыханной корректности вербовщиков, заботливой предусмотрительности работодателей и шикарных условиях жизни, о которых у «себя дома остарбайтеры не могли мечтать». После совещания, однако, Заукель счел за благо все же обеспокоиться тем, чтобы к товару, который добывался и поставлялся в Рейх, относились соответствующе.

9 января приказал организовать проверку трудового использования остарбайтеров в Рейхе. Выделенным для этого сотрудникам были даны полномочия принимать любые меры по устранению замеченных недостатков, вплоть до изъятия рабочей силы и наложения на предпринимателя штрафных санкций.

5 февраля 1943 г. был издал указ, обязывающий руководителей всех предприятий с числом остарбайтеров больше 20, взять на себя функции или завести специального «сотрудника по делам остарбайтеров». Он служил бы не только надзирателем за последними, но и координатором всех связанных с ними проблем и своего рода связующим звеном между ними и руководством предприятий. Соответственно, и среди остарбайтеров нужно было выделить старшину, представлявшего бы их во всех контактах с этим «сотрудником» и поощряемого доплатами. Одновременно с этим в арбайтсамтах вводилась должность инспектора по делам остарбайтеров [2, с. 70].

На следующий день Заукель обратился к Гиммлеру с просьбой направлять партизан и членов их семей не в концлагеря, а в Рейх, для трудового использования; Рейхсфюрер ответил твердым отказом и обещанием передавать только тех, кто не запятнал себя связями с партизанами.

После Сталинградской битвы — это была уже другая война. И в 43 году он продолжал мыслить в категориях успеха 42-го года, работал над разнарядками своей очередной, Третьей, вербовочной программы. Й. Геббельс, отметив нарастающее неудовольствие фюрера по поводу отсутствия у Заукеля способностей выполнять взятые на себя обязательства, записал в дневнике, что эта «массивная тумба из Веймара плетется в хвосте своих арбайтсамтов» [3, с.290].

Ф. Заукель категорически запретил, — вопреки собственным обещаниям, — предоставление остарбайтерам отпусков для поездки на родину. В условиях конкуренции с вермахтом: 6 февраля Верховное командования сухопутными силами отдало приказ о введении трудовой повинности в оперативной зоне. Противодействие и бойкот со стороны военных вновь набрали силу. Главнокомандующий группой армий «А» фельдмаршал фон Клейст 17 февраля приказал в подвластной ему зоне вербовку отныне вести только на добровольной основе. Измотанный партизанами и прекрасно отдающий себе отчет во взаимосвязи явлений, каковую приходится решать вопросы не Заукелю в далеком Берлине, а именно ему, фельдмаршал открыто осудил те «бесчеловечные методы», с которой велась вербовка.

Ф. Заукель был против преград, чинимых военными вербовке в Рейх, и требовал от вермахта неукоснительного, нарастающего выполнения прошлогодних директив фюрера, указывал на острую потребность немецкого сельского хозяйства и оборонной промышленности в рабочей силе, а также тем, что в последнее время местное население не выказывало ни малейшей склонности к сотрудничеству с немцами.

Военные были вовлечены в ряд крупных антипартизанских акций, сопровождавшихся «зачисткой» территорий от сочувствующего им — и стало быть, всего — населения. Вместе с тем столкновение интересов ГБА и армии было слишком объективным и слишком явным: уже в апреле ГБА вновь встретился с сопротивлением вербовке в Рейх со стороны АОК-6 (районы Красный Луч, Чистяково, Серго).

Альберт Шпеер, Рейхсминистр вооружения и военного производства обратил внимание на то, что количество рабочих, завербованных для работы в Рейхе, по широко рекламируемым данным от самого Ф. Заукеля и по данным, которыми располагал Шпеер, не стыкуются друг с другом, причем разница исчислялась сотнями тысяч человек. Этот вопрос возник 12 апреля 1943 г. , на заседании в Рейхсканцелярии, в котором участвовали Ламмерт, Геринг, Шпеер, Мильх, Заукель, Гиммлер, Борман и Кейтель, — после того как Заукель усомнился в правильности расчета потребности германской экономики в рабочей силе, составлявшей, по Шпееру, 2,1 млн. чел. [4, с.98-100].

Что касается злополучной разницы, то она скорее всего проистекала из различий учета: Ф. Заукель опирался на статистику своих арбайтсамтов, учитывавшую всю отправленную на производство рабочую силу, независимо от того, примет фабрика или завод всех посланных рабочих или только часть, тогда как заводы регистрировали у себя только тех рабочих, кого они на самом деле приняли.

20 апреля 1943 г. был отправлен тысячный по счету эшелон. Подводя итоги, Заукель предельно отрапортовал Гитлеру как о достигнутых победах, так и о намерении получить еще больше рабочей силы.

Его уточненная Третья программа предусматривала поставку к середине марта 1943 г. 180 тыс. чел. с востока, из них по 30 тыс. из РКО и ОЗМ, а из РКУ и 033 — суммарно 120 тыс. чел. Начиная с 15 марта 1943 г., Заукель рассчитывал получать с востока ежедневно по 5 тыс. чел., из них по 3 тыс. — из РКУ (включая области восточнее Днепра), 1 тыс. — из 033 (Чернигов, Сумы, Харьков, Сталино, Крым) и по 500 чел. — из ОЗМ и белорусской части РКО [3, с.127].

В конце весны 1943 г. впервые был применен, «структурный» подход. К отправке в Рейх стали готовить не только огульными списками, но и целыми трудовыми коллективами, прежде всего тех предприятий, которые по тем или иным соображениям были нужнее всего, причем рабочих старались переквалифицировать — с учетом потребностей Рейха — еще на месте.

Это было ничем иным, как скрытым началом эвакуации квалифицированных рабочих с одновременным переносом на оккупированные земли внутригерманского опыта по мобилизации всех внутренних ресурсов производства. Квалифицированных рабочих увозили всех и принудительно [4, с. 66–70].

Пересматривались даже патенты, уже выданные рабочим и ремесленникам. «Внутренние ресурсы» изыскивались и в сельском хозяйстве: по завершении посевной было приказано высвободить на другие нужды 10 % сельхозрабочих: соответствующие разнарядки были «спущены» в каждую общину, в каждую деревню, и нетрудно представить себе, как все происходило на месте. Летом немцы занялись внутрирайонным переселением: целые деревни из «зараженных бандитизмом» районов переселялись в лагеря в более управляемых местах близ железных дорог. [1, с.80].

С апреля 1943 г. было разрешено направлять в Рейх целые семьи с детьми моложе 14 лет, причем дети от 10 лет, если они здоровы и физически крепки, считались работоспособными. В УССР под вопросом оказалось и правило, согласно которому остающееся на родине крестьянское хозяйство размером от 7 га и выше (муж и жена) было вправе оставить с собой одного сына или двух дочерей.

В свете всего сказанного несколько неожиданно и даже парадоксально, что на оккупированных территориях по-прежнему существовала безработица. В марте, например, в одном только Сталино и окрестностях было 94 тыс. безработных (из них 76 тыс. женщин). Вместе с

тем сравнительная острота потребности в рабочей силе в Рейхе и на востоке так и не была определена, что обостряло борьбу за соответствующие структурные приоритеты. Противники вербовки в Рейх требовали преимущественного права на трудоиспользование по меньшей мере для горнодобычи и для программы производства вооружений на территории УССР (кодовое название «Иван»).

После июльского провала наступательных действий вермахта под Курском и началом широкого отступления оперативная задача ГБА еще более «расширилась» и видоизменилась. В изложенной Гиммлером директиве Гитлера от 8 июля 1943 г. это формулировалось так: «1. Фюрер принял решение очистить угрожаемые бандитами районы Северной УССР и Центральной России от всякого населения; 2. Все работоспособное мужское население поступает в распоряжение ГБА на правах военнопленных; 3. Женское население предназначено ГБА для работы в Рейхе».

7 сентября 1943 г. Гиммлер издал приказ о переходе к «тотальной войне», составной частью которой стала и «тотальная мобилизация». Гиммлер требовал, чтобы «при отходе из УССР не оставалось ни одного человека, ни одной головы скота, ни одного центнера зерна, ни одного рельса...».

С началом тотальной мобилизации добыча рабочих рук окончательно стала одной из главных целей немецких карательных зондеракций против партизан и мирных жителей. Так, в ходе ряда сентябрьско-октябрьских операций в ОЗМ (кодовые названия «Фритц», «Слоним» и «Генрих») было «отбито» более 20 тыс. чел. и тут же трудозадействовано, в том числе около 10 тыс. чел. в Рейхе [7, с.200].

4 января 1944 г. фюрер провел совещание по вопросам военной экономики, в котором участвовали Шпеер, Заукель, Кейтель, Мильх, Бакке и Гиммлер. Отвечая на вопрос фюрера, Заукель сказал, что для поддержания производства на прежнем уровне в 1944 году нужно привлечь дополнительно от 2,5 до 3 млн новых рабочих рук; Шпеер накинул еще 1,3 млн. чел., а сам Гитлер — для системы противовоздушной обороны — еще 250 тыс. чел. На круг получилось — 4,05 млн. чел.

Заукель обещал Гитлеру поставить это количество рабочих рук при условии, что будут «развязаны» его собственные руки на оккупированных землях. На 53-м заседании Центральной комиссии по планированию, состоявшемся 16 февраля 1944 г., потребности были еще раз уточнены и определены в 4,2 млн. чел. Вот на эту цифру и была сориентирована «Четвертая программа Заукеля». Из запланированных 4,2 млн. чел. большинство составляли бы итальянцы (1,5 млн. чел.) и французы (1,0 млн), остарбайтерам отводилось только третье место (600 тыс. чел.) [7, с.205-208].

Ф. Заукелю впору было думать об эвакуации собственных сотрудников: 24 декабря 1943 г. началось зимнее наступление Красной Армии. Осознав в марте умозрительность своих намерений перекладывал вину за это на плечи военных, якобы срывавших и срывающих все его усилия из-за опасений еще более подтолкнуть партизанское движение

Отступая, Заукель хотел прихватить в Рейх как можно больше рабочих рук, из которых можно было использовать. Тем более, что в достатке было и желающих — беженцев, — и нежелающих, то есть эвакуируемых насильно. От принципа тотальной эвакуации — семьями, деревнями, предприятиями — пришлось отказаться: транспорта нет, все промежуточные и пересыльные лагеря переполнены. Общим во всех этих операциях была разве что невероятная жестокость, с какой они претворялись в жизнь. Их противоречие указам Заукеля от 25 марта или распоряжению Розенберга о недопустимости принудительных методов вербовки от 5 мая 1944 г., на бумаге значительно облегчавшим остовскую судьбу в Германии, было слишком разительным. Дальнейший ход вербовки, почти не отражен в сохранившихся источниках.

В заукелевском отчете, где говорится о полном выполнении плана по СССР: если этому верить, то после 30 июля 1944 г. было завербовано еще 120 тыс. чел. Тут можно предполагать, что эта «вербовка» производилась в основном уже вне территории СССР, к этому времени практически освобожденной от немцев, и среди неохваченных ею беженцев и эвакуантов. В таком случае суммарное число остарбайтеров в Рейхе в конце 1944 г. составляло приблизительно 2,91 млн. чел. из РСФСР, УССР, БССР. Это количество с вычетом «возвратников», умерших, отправленных в концлагеря.

В ходе деятельности Чрезвычайной государственной комиссии по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков (ЧГК), созданной по решению Президиум Верховного Совета СССР 2 ноября 1942 г., значительное внимание уделялось сбору и анализу документальных свидетельств, отражающих масштабы насильственного вывоза населения с оккупированных территорий Советского Союза. Одним из важнейших источников информации стали сохранившиеся депортационные листы и сопутствующая учетная документация, фиксировавшая перемещение гражданского населения на территорию Германии и других районов, контролируемых нацистской администрацией [7, с.209-212].

По данным советской статистической отчетности, к

началу 1944 г. с территории Донецкого бассейна нацистскими оккупационными властями было насильственно вывезено свыше 197 тыс. человек. Существенную долю среди депортированных составляли женщины, численность которых приближалась к половине общего контингента. Подобная структура принудительно перемещённого населения свидетельствует о целенаправленном использовании трудовых ресурсов региона вне зависимости от пола, что было обусловлено потребностями германской военной экономики в условиях затяжного конфликта [1, с. 82].

Анализ указанных материалов позволил установить приблизительные количественные параметры принудительной депортации жителей отдельных регионов. Согласно сведениям, выявленным в процессе изучения соответствующих документов, по состоянию на май 1944 г. с территории Ворошиловградской области было вывезено свыше 72 тысяч человек. Еще более значительные масштабы депортации были зафиксированы в пределах Сталинской области, откуда, по имеющимся данным, было угнано более 125 тысяч жителей [1, с.90-94].

Масштабы депортационных мероприятий в Донбассе значительно превосходили аналогичные параметры, зафиксированные в других регионах Украинской ССР. Это объясняется как высокой плотностью индустриального населения, так и стратегическим значением региона, обладавшего развитой угледобывающей и металлургической базой.

Таким образом, анализ основных этапов перемещения советских остарбайтеров с территории Донбасса в Германию позволяет выделить несколько последовательных стадий, отражающих эволюцию нацистской политики использования трудовых ресурсов на оккупированных территориях. Первоначально вербовка рабочей силы носила преимущественно пропагандистско-добровольный характер и сопровождалась активной агитацией, обещаниями достойных условий труда и материального обеспечения. Однако уже в 1942 г., в условиях нарастающей потребности германской экономики в рабочей силе, добровольный набор оказался недостаточным, что привело к переходу к системе принудительной мобилизации населения.

В дальнейшем процесс вывоза рабочей силы из Донбасса приобрёл организованный и массовый характер. Он включал проведение облав и принудительных рекрутских кампаний, сбор населения на специальных пунктах, регистрацию и медицинский осмотр, а затем транспортировку железнодорожными эшелонами на территорию Германии. Эти мероприятия сопровождались жестким контролем со стороны оккупационных органов власти и полицейских структур, что свидетельствует о полной институционализации системы трудовой депортации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ворошиловградская область в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.: к 80-летию Победы в Великой Отечественной войне: сборник архивных документов / Архивная служба ЛНР, ГКУ «Госархив ЛНР»; редкол. А.Ю. Тодорова, Т.Ю. Анпилогова. – Ростов-на-Дону: Южный издательский дом, 2025. – 215 с.
2. Милвард А.С. Война, экономика и общество, 1939–1945 гг. / А.С. Милвард. – Лондон: Лейн, 1977. – 395 с.
3. Тенфельде К. Изучение принудительного труда в годы Второй мировой войны: новые акценты / К. Тенфельде // Послевоенная история Германии: российско-немецкий опыт и перспективы: материалы конференции (Москва, 28–30 октября 2005 г.): сборник статей / под ред. Б. Бонвеча, А. Ватлина. – Москва: Директ Медиа Паблишинг, 2007. – 340 с.
4. Туз А. Плата за разрушение: создание и крах нацистской экономики / А. Туз. – Москва: Изд-во Института Гайдара, 1978. – 525 с.
5. Фрай Н. Государство фюрера. Национал-социалисты у власти: Германия, 1933–1945 / Н. Фрай; пер. с нем. Л.Ю. Пантиной; науч. ред. А.Ю. Ватлин. – Москва: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. – 255 с.
6. Фрайтаг Г. Принудительные работы при национал-социализме: 60 лет спустя. Работа Фона «Память, ответственность и будущее» / Г. Фрайтаг // Память о войне 60 лет спустя: Россия, Германия, Европа: сборник / ред.-сост. М. Габович. – Москва: Новое литературное обозрение, 2005. – 780 с.
7. Энциклопедия Третьего Рейха / сост. В. Телицын. – Москва: Локид-Пресс; РИПОЛ Классик, 2004. – 479 с.

© Беляев Данил Владимирович (danil.belyayev.98@internet.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2026.04–2.09

ФОРМИРОВАНИЕ КИТАЙСКОЙ ДИПЛОМАТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПЕРСПЕКТИВЕ

FORMATION OF CHINESE DIPLOMATIC THEORY IN HISTORICAL PERSPECTIVE

Wu Haichao

Summary: The formation of Chinese diplomatic theory appears as a centuries-old parallel tradition that developed in its own conceptual field, distinct from the Westphalian system of international relations, where the central category of "tianxia" set the normative frameworks for world order with a single civilizational center. Already in the Chunqiu–Zhanguo period, the texts "Zuo zhuan" and "Zhanguo ce" record protodiplomatic practices combining the ritual-ethical regulation of "li" and "de" with the pragmatic strategies of the zongheng jia school, which laid a structure-forming contradiction between moral superiority and situational advantage. Through the Han formalization of the tributary system, the Tang institutionalization of diplomacy, the Song reinterpretation of cultural primacy after the Treaty of Chanyuan, the Ming doctrinal self-limitation after Zheng He's expeditions, and the Qing erosion of the tributary framework under European pressure, including the "unequal treaties" and the "self-strengthening" movement, a stable continuity of the basic categories "tianxia," "he," "li," and "datong" can be traced. In the republican period and under the PRC, these concepts are creatively reinterpreted: from the Maoist "intermediate zone" and the five principles of peaceful coexistence, synthesizing Confucian ideals of harmony with the principles of sovereignty, through Deng Xiaoping's "taoguang yanghui," correlating with "wuwei," to the modern concept of the "community with a shared future for mankind" and the "Belt and Road Initiative," appealing to the historical normality of cyclical revival. The analysis reveals mechanisms of doctrinal renewal through the layering of meanings, the cyclicality of self-limitation and expansion, as well as the synthesis of external influences with the autochthonous categorical apparatus, ensuring the elasticity of the theory while preserving the semantic core and allowing the establishment of the article's main content to determine its relevance in the study of non-Eurocentric models of diplomacy.

Keywords: tianxia, tributary system, principle of he, Datong, community with a shared future for mankind.

***By* Хайчао**
Аспирант, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
1042248056@rudn.ru

Аннотация: Формирование китайской дипломатической теории предстает как многовековая параллельная традиция, развивавшаяся в собственном понятийном поле, отличном от вестфальской системы международных отношений, где центральная категория «тянься» задавала нормативные рамки мироустройства с единым цивилизационным центром. Уже в период Чуньцю–Чжаньго в памятниках «Цзо чжуань» и «Чжаньго цэ» фиксируются протодипломатические практики, сочетающие ритуально-этическую регламентацию «ли» и «дэ» с прагматическими стратегиями школы цзунхэн цзя, что заложило структурообразующее противоречие между моральным превосходством и ситуативной выгодой. Через ханьскую формализацию трибутарной системы, танскую институционализацию дипломатии, сунскую переинтерпретацию культурного первенства после Чаньюаньского договора, минское доктринальное самоограничение после экспедиций Чжэн Хэ и цинскую эрозию трибутарного каркаса под европейским давлением, включая «неравные договоры» и движение «самоусиления», прослеживается устойчивая преемственность базовых категорий «тянься», «хэ», «ли», «датун». В республиканский период и при КНР эти концепты креативно реинтерпретируются: от маоистской «промежуточной зоны» и пяти принципов мирного сосуществования, синтезирующих конфуцианские идеалы гармонии с принципами суверенитета, через денсяопиновскую «таогуан янхуэй», коррелирующую с «увэй», к современной концепции «сообщества единой судьбы человечества» и инициативе «Один пояс – один путь», апеллирующей к исторической нормальности циклического возрождения. Анализ обнаруживает механизмы доктринального обновления через наслоение смыслов, цикличность самоограничения и экспансии, а также синтез внешних влияний с автохтонным категориальным аппаратом, обеспечивающий эластичность теории при сохранении семантического ядра, и позволяющий установить основное содержание статьи для определения ее релевантности в изучении не европоцентричных моделей дипломатии.

Ключевые слова: тянься, трибутарная система, принцип хэ, датун, сообщество единой судьбы человечества.

Попытки реконструировать генезис дипломатической доктрины Китая наталкиваются на методологическое затруднение, которое редко артикулируется в отечественной историографии: европоцентричная оптика международных отношений вынуждает исследователя оперировать категориальным аппаратом, сформированным Вестфальской системой, – при том, что китайская политическая мысль на протяжении тысячелетий развивалась в принципиально ином понятийном поле [7, с. 142]. Этот концептуальный зазор порождает не столько лакуны, сколько устойчивые аберрации. Понятие «тянься» (天下), описывающее мироустройство с единым цивилизационным центром, при механическом переводе утрачивает нормативную нагруженность, превращаясь в нейтральное «Поднебесная». Между тем содержание данной категории задавало рамку межгосударственного взаимодействия задолго до формализации посольского церемониала при династии

Хань.

Специфика историографической ситуации усугубляется неоднородностью источниковой базы. Конфуцианские канонические тексты, «Цзо чжуань» [12, с. 136] и «Чжаньго цэ» фиксируют дипломатические практики эпохи Чуньцю–Чжаньго с различной степенью детализации; при этом интерпретации указанных памятников в западной синологии и в китайской академической традиции расходятся по ряду существенных позиций. Корпус работ Янь Сюэтуна [3, с. 24], стремящегося вычленить из древнекитайской политической философии аналог теории международных отношений, оспаривается рядом историков, указывающих на анахронистичность такой экстраполяции. Полемика продолжается.

Вместе с тем следует констатировать, что периоды кристаллизации дипломатической теории в Китае хронологически не совпадают с теми переломами, которые конвенционально выделяются для европейской дипломатии. Формирование трибутарной системы при Тан и Сун протекало параллельно с раздробленностью раннесредневековой Европы; осмысление принципов «хэ» (和) – гармонизации отношений между политиями – предшествовало появлению трактатов Гроция на несколько столетий [9, с. 14]. Отсюда проистекает дискуссионность любых линейных сопоставлений. Представляется продуктивным – и этот тезис нуждается в обосновании – рассматривать китайскую дипломатическую теорию не как запаздывающую реплику западной, а как параллельную традицию с собственной внутренней логикой, точками бифуркации и механизмами доктринального обновления.

В отечественной науке проблематика освещалась фрагментарно. Работы В.С. Мясникова [14, с. 21] заложили фундамент для изучения цинской дипломатии; однако вопрос о преемственности между доимперским и имперским периодами остаётся малоисследованным. Настоящая статья сосредоточена на выявлении тех концептуальных констант, которые прослеживаются в китайской дипломатической мысли от периода Борющихся царств до оформления внешнеполитической доктрины КНР в XXI в., – с акцентом на механизмы трансляции и переинтерпретации базовых категорий.

Исследование выполнено на основе сравнительно-исторического метода с привлечением элементов дискурс-анализа применительно к корпусу официальных доктринальных документов КНР периода 1949–2024 гг. и классическим текстам китайской политической мысли (в переводах на русский и английский языки). Хронологические рамки охватывают период от эпохи Чуньцю (VIII–V вв. до н. э.) до настоящего времени; такая протяжённость обусловлена необходимостью проследить эволюцию ключевых категорий – «тянься», «ли» (礼), «хэ», «датун» (大同) – на всём протяжении их доктринального бытования. Для систематизации нормативных источников применялся историко-типологический метод, позволяющий выделить устойчивые модели дипломатического взаимодействия в различные эпохи без механического наложения западной периодизации.

Уже в эпоху Чуньцю–Чжаньго (VIII–III вв. до н. э.) складывается корпус представлений, который – при всей условности такого наименования – допустимо квалифицировать в качестве протодипломатической теории. «Цзо чжуань» зафиксировал более ста пятидесяти случаев межцарственных переговоров, посольств и ритуальных обменов дарами; каждый эпизод встроен в нормативную рамку «ли» – ритуально-этической регламентации, определявшей иерархию участников и допустимые формы взаимодействия. Здесь существенно то обстоятельство, что дипломатические акты не мыслились как отделённые от этической оценки. Удачное посольство оценивалось не по результату переговоров в прагматическом смысле, а по степени соответствия действий посла нормам «ли» [12, с. 136].

Параллельно оформляется конкурирующая интеллектуальная линия, связанная с традицией «цзунхэн цзя» – школой дипломатов-стратегов. Сочинение «Чжаньго цэ» зафиксировало практики Су Циня и Чжан И, оперировавших категориями ситуативной выгоды. Два подхода сосуществовали.

Противоречие между ритуально-этическим и прагматическим полюсами окажется структурообразующим для всей дальнейшей истории китайской дипломатической мысли. Конфуцианская интерпретация, закреплённая в каноне при Хань, настаивала на примате «дэ» (德) – моральной силы правителя – над военным принуждением и дипломатическим обманом [4, с. 85]. Мэн-цзы в полемике с утилитаристами артикулировал тезис о том, что государство, строящее внешние связи на принципе «жэнь» (仁), приобретает устойчивое превосходство без применения силы. Этот аргумент – не декларативный: он подкреплялся ссылками на исторические прецеденты правления Вэнь-вана.

Формализация трибутарной системы при династии Хань – процесс, хронология которого уточняется до сих пор. Дж. Фэрбэнк [11, с. 45] предложил классическую модель, согласно которой «данническая система» (tributary system) функционировала как механизм включения периферийных политий в китаецентричный миропорядок. Однако редуцировать многообразие ханьской дипломатии к единственной модели было бы упрощением. Договор «хэцинь» с хунну 198 г. до н. э. – отправка ханьской принцессы и шёлковых даров кочевникам – плохо укладывается в схему одностороннего сюзеренитета. Скорее речь шла о гибком прагматизме, облечённом в ритуаль-

ную форму.

При анализе танской дипломатии обращает на себя внимание расширение инструментария. Создание Хунлусы – ведомства по приёму иностранных посольств – при Тан сигнализирует о бюрократической институционализации дипломатических функций [5, с. 98]. Число стран, направлявших посольства к танскому двору, превышало семьдесят. Вместе с тем характер взаимоотношений с Тибетской империей, Когурё и арабским Халифатом варьировался столь значительно, что говорить о единой доктринальной рамке затруднительно.

Сунская эпоха привнесла болезненный опыт взаимодействия с Ляо и Цзинь, вынудивший пересмотреть представление о безусловном превосходстве «срединного государства». Чаньюаньский договор 1005 г. фиксировал ежегодные выплаты серебром и шёлком в пользу Ляо. Факт беспрецедентный. Дипломатическая мысль отреагировала не отказом от концепции «тянься», а её переинтерпретацией: Чжу Си и другие неоконфуцианцы сместили акцент с фактической гегемонии на культурное первенство, сохранив нормативный каркас при радикально изменившейся политической реальности [8, с. 107].

Монгольское завоевание XIII в., казалось, должно было разрушить трибутарную парадигму. Произошло, однако, обратное – Юаньская династия, приняв китайские институциональные формы, интегрировала элементы монгольской дипломатической практики в существовавшую систему. Минская реставрация 1368 г. ознаменовалась сознательной архаизацией: Чжу Юаньчжан декларировал возврат к «древним установлениям» и составил перечень «стран, на которые не нападают» – своего рода прообраз доктрины невмешательства. Перечень включал пятнадцать государств.

Экспедиции Чжэн Хэ (1405–1433) заслуживают отдельного рассмотрения, поскольку они обнажили напряжение между экспансионистским потенциалом и доктринальным самоограничением. Масштаб флота – по различным оценкам, до двухсот с лишним судов в первом плавании [6, с. 151] – указывает на наличие ресурсов для проецирования силы. Тем не менее прекращение экспедиций после 1433 г. и сознательный курс на «хайцзинь» (морской запрет) позволяют констатировать, что минская элита отдала предпочтение континентальной модели, центрированной на сухопутных границах.

Цинская дипломатия – период, исследованный наиболее подробно, – демонстрирует постепенную эрозию трибутарного каркаса под давлением европейской экспансии. В.С. Мясников детально проанализировал Нерчинский договор 1689 г. как первый случай, когда Цинская империя вступила в равноправные (по форме) переговоры с европейской державой [14, с. 22]. Однако сама процедура переговоров – использование латинского языка и посредничество иезуитов – была воспринята цинской стороной через призму привычных категорий: Россия включалась в орбиту «внешних варваров», поддерживающих контакт с Поднебесной.

Серия «неравных договоров» 1842–1860 гг. нанесла удар по доктринальному фундаменту. Это общеизвестно. Менее очевидно другое – скорость, с которой китайская интеллектуальная элита приступила к переосмыслению. Движение «самоусиления» (цзыцян) 1860–1890-х гг. сочетало заимствование западных военно-технических достижений с попытками сохранить конфуцианский ценностный каркас. Формула «чжунти сиюн» – «китайская сущность, западное применение» – стала компромиссной доктриной, позволявшей легитимизировать адаптацию без признания цивилизационного поражения [10, с. 60].

Создание Цзунли ямэня в 1861 г. маркирует институциональный перелом. Впервые в китайской истории появился орган, специализированный на отношениях с государствами, не включёнными в трибутарную систему. Штат ведомства к 1875 г. насчитывал более шестидесяти чиновников [2, с. 61]. Примечательно, что структура ямэня сознательно копировала европейские образцы, – при этом его деятельность описывалась в терминах, восходящих к древней дипломатической лексике.

Республиканский период (1912–1949) отмечен доктринальной фрагментацией. Суньятсеновские «Три народных принципа» включали внешнеполитический компонент – идею достижения равноправия Китая в международном сообществе; однако сам Сунь Ятсен оперировал одновременно конфуцианскими, социал-дарвинистскими и ленинистскими категориями. Чан Кайши в 1943 г. опубликовал «Судьбу Китая», где дипломатическая программа формулировалась в терминах восстановления исторической справедливости. Версальский синдром – отказ держав передать Китаю германские концессии в Шаньдуне в 1919 г. – оставался травматическим референтом на протяжении десятилетий.

Провозглашение КНР 1 октября 1949 г. открыло этап систематического доктринального строительства. Мао Цзэдун артикулировал принцип «склониться на одну сторону» (ида яньбянь), обосновывая союз с СССР [1, с. 16]. Категория «тянься» не исчезла – она трансформировалась. «Промежуточная зона» (чжунцзянь дидай), введённая Мао в 1946 г. и развитая в 1960-х, описывала глобальное пространство в терминах, структурно напоминающих древнекитайскую концентрическую модель мира, – но с марксистским содержанием.

Пять принципов мирного сосуществования, сфор-

мулированные в 1954 г. совместно с Индией, – взаимное уважение территориальной целостности и суверенитета, ненападение, невмешательство, равенство и взаимная выгода, мирное сосуществование – восходят к нескольким интеллектуальным источникам одновременно. А.Д. Воскресенский [15, с. 87] указывает на синтетический характер этих принципов, соединяющих вестфальский суверенитет с конфуцианским идеалом «хэ». Данная позиция, по всей видимости, нуждается в уточнении – долю влияния каждого компонента установить затруднительно.

Денсяопиновская формула «таогуан янхуэй» (韬光养晦) – дословно «скрывать способности и выжидать время», – определявшая внешнеполитическое поведение КНР с конца 1980-х, была интерпретирована на Западе преимущественно в терминах стратегической хитрости. Между тем в контексте китайской дипломатической традиции она корреспондирует с даосской категорией «увэй» и с легистским принципом накопления мощи [13, с. 125]. Период «скрытности» длился около двадцати пяти лет.

Доктринальный сдвиг рубежа 2010-х гг. зафиксирован в концепции «сообщества единой судьбы человечества» (жэнлэй минъюнь гунтунти), выдвинутой Си Цзиньпином. Корневая метафора – «датун» (Великое единение), отсылающая к утопическому идеалу из главы «Ли юнь» конфуцианского канона «Ли цзи». Преемственность очевидна; механизм трансляции – нет. Между утопией «Ли цзи» и дипломатическим лексиконом XXI в. пролегают два тысячелетия. Чжан Юнцзинь [4, с. 100] настаивает на том, что современная китайская дипломатическая теория осуществляет «креативную реинтерпретацию» классических концептов, а не их консервацию.

Инициатива «Один пояс – один путь», запущенная в 2013 г., заслуживает анализа с точки зрения доктринальной генеалогии. Апелляция к Шёлковому пути как историческому прецеденту встроена в нарратив о «возрождении китайской нации» (чжунхуа миньцзу вэйда фусин). Данный нарратив оперирует категорией исторической нормальности: нынешний подъём Китая интерпретируется не как экспансия, а как возвращение к привычному положению дел, нарушенному «веком унижений» 1839–1949 гг. Такая интерпретативная рамка – и это обстоятельство часто упускается из виду – глубоко укоренена в конфуцианской историософии с её циклической моделью «расцвет–упадок–восстановление».

На протяжении 2014–2024 гг. понятийный аппарат официальных внешнеполитических документов КНР претерпел заметную эволюцию. Белая книга «Мирное развитие Китая» (2011) оперировала преимущественно заимствованной международно-правовой лексикой. Доклад XIX съезда КПК (2017) интегрировал существенно больший объём автохтонных категорий. Доклад XX съезда (2022) [6, с. 152] закрепил концепцию «дипломатии великой державы с китайской спецификой» (чжунго тэсэ даго вайцзяо), эксплицитно противопоставив её западным моделям.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что формирование концепции «глобальной инициативы в области безопасности» (2022) и «глобальной цивилизационной инициативы» (2023) происходило стремительно – интервал между ними составил менее года. Скорость доктринального производства коррелирует с усилением международной турбулентности, что, вероятно, детерминировано потребностью в оперативном концептуальном ответе на изменение глобальной конъюнктуры.

В целом анализ позволяет зафиксировать несколько устойчивых закономерностей. Китайская дипломатическая теория на протяжении всей прослеживаемой истории характеризуется высокой степенью доктринальной преемственности – базовые категории («тянься», «хэ», «дэ», «ли», «датун») не замещаются, а переинтерпретируются при каждой крупной трансформации внешнеполитического контекста. Механизм обновления функционирует не через разрыв, а через наслоение смыслов. Вместе с тем степень прагматической гибкости оставалась высокой: от «хэцинь» при ранней Хань до «таогуан янхуэй» при Дэн Сяопине – практическое поведение адаптировалось к обстоятельствам, тогда как доктринальный язык сохранял преемственность.

Второй существенный вывод касается соотношения заимствования и автохтонности. Периоды интенсивного контакта с внешними интеллектуальными традициями (буддизм при Тан, европейская дипломатия при поздней Цин, марксизм-ленинизм при КНР) не приводили к вытеснению собственного категориального аппарата. Происходил синтез, результаты которого со временем «натурализовались» – воспринимались как органическая часть китайской традиции. Пять принципов мирного сосуществования 1954 г. – характерная иллюстрация такого синтеза.

Третья закономерность – цикличность доктринального самоограничения и экспансии. Минский «хайцзинь», цинская автаркия, денсяопиновская «скрытность» чередуются с периодами активного проецирования влияния – экспедиции Чжэн Хэ, цинское продвижение в Центральной Азии, нынешняя инициатива «Один пояс – один путь». Ритм этих чередований, по всей видимости, детерминирован не только внешними стимулами, но и внутренней логикой доктринального развития.

В ходе проведённого анализа выяснилось, что линейные модели эволюции дипломатической мысли – от «ар-

хаичной» к «современной» – неприменимы к китайскому материалу без существенных оговорок. Категория «тянься», зафиксированная в бронзовых надписях периода Западное Чжоу, продолжает функционировать в доктринальных текстах КНР 2020-х гг., хотя семантический объём понятия трансформировался радикально.

Судя по результатам сопоставления доимперского, имперского и современного периодов, устойчивость китайской дипломатической теории обеспечивается не ригидностью доктрин, а эластичностью базовых категорий. «Хэ» в контексте чуньцюской дипломатии обозначала ритуальную гармонизацию отношений между чжухоу; в танском контексте – поддержание баланса с кочевыми империями; в современном – принцип выстраивания многополярного миропорядка. Семантическое ядро при этом сохранялось, что позволяло каждому новому поколению стратегов апеллировать к прецедентам, воспринимаемым как «свои».

Если рассматривать феномен «креативной реинтерпретации» в более широкой перспективе, обнаруживается, что аналогичный механизм характерен и для других цивилизационных традиций – исламской, индийской, – однако в китайском случае он отличается институциональной подкреплённостью. Экзаменационная система кэцзюй на протяжении тринадцати столетий транслировала конфуцианский канон, обеспечивая воспроизводство понятийного аппарата в среде чиновничества, ответственного за дипломатические функции. Упразднение кэцзюй в 1905 г. не прервало трансляцию – её подхватили иные институты.

Прагматическая гибкость при доктринальной преемственности – формула, которая описывает китайский дипломатический опыт точнее, чем дихотомия «идеализм vs. реализм», заимствованная из западной теории международных отношений. Договор «хэцинь» 198 г. до н. э. и курс «таогуан янхуэй» 1989–2012 гг. разделены двадцатью двумя столетиями, однако структурная логика – стратегическая уступчивость в период относительной слабости при сохранении доктринального самосознания – обнаруживает заметное сходство.

Концепция «сообщества единой судьбы человечества», артикулированная в 2010-х гг., встраивается в эту многовековую линию не как разрыв с прошлым. Она оперирует категорией «датун», кодифицированной в «Ли цзи» предположительно в IV–II вв. до н. э.

ЛИТЕРАТУРА

1. Урчева В.В., Бадретдинова С.А. Историческое развитие и концептуальные основания китайской теории международных отношений // Наукосфера. 2025. № 1–1. С. 12–17.
2. Цземянь Я. Китайская теория дипломатии и безопасности в новую эпоху // Сравнительная политика. 2019. Т. 10. № 2. С. 56–68.
3. Киньябаева Г.А., Морозова С.А. Исторические корни китайской дипломатии // Евразийский юридический журнал. 2025. № 2 (201). С. 24–25.
4. Ли Я. Важное значение идей Си Цзиньпина о дипломатии // Свободная мысль. 2025. № 2 (1710). С. 84–102.
5. Ван Юй О преемственности во внешней политике Китая от Мао Цзэдуна до Ху Цзиньтао // Международные отношения и общество. 2023. Т. 5. № 3. С. 97–110.
6. Нармаев М.Б. Новые концепции китайской дипломатии после XX съезда КПК // Казачество. 2023. № 68 (3). С. 149–157.
7. Богданова Н.А., Солнцева Е.Г. Становление дипломатической службы Китая // Глобальный научный потенциал. 2016. № 12 (69). С. 140–143.
8. Мясников В.С. Первый период становления дипломатических связей Китая с Россией // Клио. 2011. № 3 (54). С. 105–108.
9. Гао Ц. Тенденция развития теории международных отношений китайских школ // Закон и власть. 2025. № 6. С. 12–16.
10. Гао Ц. Тенденция развития китайских школ теории международных отношений // Теории и проблемы политических исследований. 2025. Т. 14. № 2–1. С. 53–62.
11. Лю Ф. Роль конфуцианства в формировании основ китайской дипломатии // Казачество. 2017. № 26 (2). С. 41–47.
12. Чэнь Ю., Бандурин В.А. Механизмы и инструменты современной китайской дипломатии // История. Культурология. Политология. 2024. № 3. С. 135–139.
13. Задохин А. Китайская дипломатия: стратегия или тактика? // Обозреватель. 2008. № 2 (217). С. 124–127.
14. Козыкина Н.В. Китайская нефтяная дипломатия // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сборник Восточного центра. 2012. № 12. С. 15–26.
15. Борох О.Н. О некоторых тенденциях развития китайской экономической мысли // Проблемы Дальнего Востока. 1997. № 2. С. 75–88.

© Ву Хайчао (1042248056@rudn.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2026.04–2.12

РЕЦЕПЦИЯ АНТИЧНОГО НАСЛЕДИЯ ВО ФЛОРЕНЦИИ XV ВЕКА: ГРЕЧЕСКИЕ И РИМСКИЕ АВТОРЫ В РУКОПИСНОЙ ТРАДИЦИИ (ПО ДАННЫМ ВЕСПАСИАНО ДА БИСТИЧЧИ)

THE RECEPTION OF ANCIENT HERITAGE IN FIFTEENTH CENTURY FLORENCE: GREEK AND ROMAN AUTHORS IN THE MANUSCRIPT TRADITION (ACCORDING TO VESPASIANO DA BISTICCI)

M. Grigorev

Summary: The article analyzes the reception of ancient heritage in fifteenth-century Florence based on a unique source – Vespasiano da Bisticci's Vite di uomini illustri del secolo XV. The focus is on the circle of authors whose works were most in demand in the city's manuscript workshops and on the ideas that shaped humanist thought. The study examines the perception of Plato and Aristotle and their role in the intellectual debates of the mid-fifteenth century, and analyzes the significance of Roman authors – Cicero, Livy, Sallust, Tacitus, Virgil, Pliny the Elder, and Aulus Gellius. Drawing on evidence from commissions and sales, the network of patrons and clients is reconstructed. The use of narrative, epistolary, and codicological sources makes it possible to identify the mechanisms through which knowledge was transmitted from humanists to a broader audience. It is concluded that Florence developed a unique intellectual environment in which the manuscript book served not only as a vehicle of knowledge but also as an instrument of cultural identification, allowing Florentines to perceive themselves as heirs to ancient civilization.

Keywords: Florence, Renaissance, Vespasiano da Bisticci, manuscript book, ancient heritage, Plato, Aristotle, Cicero, humanism.

Григорьев Максим Александрович
Аспирант, Федеральное Государственное Автономное Образовательное Учреждение Высшего Образования Тюменский государственный университет
grigorev2013@list.ru

Аннотация: Статья посвящена анализу рецепции античного наследия во Флоренции XV века на основе уникального источника – «Vite di uomini illustri del secolo XV» Веспасиано да Бистиччи. В центре внимания – круг авторов, чьи труды были наиболее востребованы в рукописных мастерских города, и идеи, повлиявшие на формирование гуманистической мысли. Рассматривается восприятие Платона и Аристотеля, их роль в интеллектуальных спорах середины века, анализируется значение римских авторов – Цицерона, Ливия, Саллюстия, Тацита, Вергилия, Плиния Старшего и Авла Геллия. На основе данных о заказах и продажах реконструируется сеть заказчиков и покровителей. Привлечение нарративных, эпистолярных и кодикологических источников позволяет выявить механизмы трансляции знания от гуманистов к более широкой аудитории. Делается вывод, что во Флоренции сложилась уникальная интеллектуальная среда, где рукописная книга служила не только носителем знания, но и инструментом культурной идентификации, позволявшим флорентийцам осознавать себя наследниками античной цивилизации.

Ключевые слова: Флоренция, Возрождение, Веспасиано да Бистиччи, рукописная книга, античное наследие, Платон, Аристотель, Цицерон, гуманизм.

Флоренция XV века занимает особое место в истории европейской культуры. Как отмечал Я. Буркхардт, именно здесь «пробудилось сознание собственной значимости человека» [1, с. 143]. Одним из важнейших факторов этого «пробуждения» стало возвращение к античному наследию – текстам, идеям и образам, забытым или искажённым в предшествующие столетия. Однако механизмы этого возвращения долгое время оставались недостаточно изученными. Ответы на вопросы о том, как античные авторы попадали во Флоренцию, переводились, переписывались и распространялись, требует обращения к материальной культуре книги и практикам её производства и потребления.

Уникальную возможность для такого исследования предоставляет труд Веспасиано да Бистиччи (1421–1498) «Vite di uomini illustri del secolo XV». Веспасиано был не просто книготорговцем и переплётчиком, но активным участником интеллектуальной жизни. Его мастерская на улице Via dei Librai привлекала выдающихся гуманистов – Поджо Браччолини, Никколо Никколи, Леонардо Бруни, а позже – Козимо и Лоренцо Медичи. В своих «Жизнеописаниях» он запечатлел не только биографии этих людей, но и практики, связывавшие их с книгой: заказы, поиски рукописей, переводы, споры о содержании текстов.

Особое место в изучении рецепции античности занимает анализ книжного репертуара, циркулировавшего во Флоренции середины XV в. Используя свидетель-

ства Веспасиано и данные других источников (хроники, эпистолярий, каталоги библиотек), мы стремимся реконструировать, какие античные авторы были востребованы, как их воспринимали и какие идеи они транслировали.

Историография флорентийского гуманизма насчитывает несколько столетий. После классических работ Я. Буркхардта и Г. Фойгта в XX в. появились фундаментальные исследования Дж. Хэнкинса о платонизме [2], [3], А. де ла Мар о рукописной традиции [4], [5], Р. Блэка об уровне грамотности [6], биография Веспасиано Р. Кинга [7]. Для понимания рецепции римских авторов важны работы М. Альбрехта [8] и П. Осмонда [9]. Однако комплексного исследования, объединяющего данные обо всех основных античных авторах с привлечением свидетельств Веспасиано, до сих пор не предпринималось.

Цель статьи – реконструировать процесс освоения античного наследия во Флоренции XV в. на основе анализа книжного репертуара. Задачи: охарактеризовать источниковую базу; проанализировать рецепцию Платона и Аристотеля; исследовать восприятие римских авторов и их значение для гражданской идентичности; выявить механизмы распространения античных текстов через сеть заказчиков и книжных мастеров.

Основной источник – «Vite di uomini illustri del secolo XV» в издании А. Бартоли (Флоренция, 1859) [10]. Привлекаются также хроники Н. Макиавелли [11], Дж. Виллани [12], Ф. Гвиччардини [13]; «Записки» Дж. Морелли [14]; «Хроника» Б. Питти [15]; эпистолярное наследие гуманистов в публикациях Э. Гордона [16] и Б. Ульмана [17], [18]; кодикологические данные А. де ла Мар [3] и Дж. Хэнкинса [2].

Исследование базируется на принципах интеллектуальной истории и истории книги, используются методы сравнительного анализа, просопографии и элементы кодикологического анализа.

Греческое наследие в книжной культуре Флоренции

Интерес к греческой философии не был для флорентийцев XV в. совершенно новым, но реальный прорыв произошёл в конце XIV – начале XV в., когда Колюччо Саллютати пригласил в город византийского учёного Мануила Хрисолора (ок. 1350–1415). С 1397 г. Хрисолор преподавал греческий язык; среди его учеников были Леонардо Бруни, Поджо Браччолини, Никколо Никколи и Карло Марсуппини [19, с. 45]. Как подчёркивает А.Х. Горфункель, Хрисолор «не только обучил целое поколение флорентийцев греческому языку, но и заложил основы филологической критики текста» [19, с. 46]. Благодаря ему во Флоренции появились рукописи Гомера, Платона, Демосфена.

Следующий важный этап – Ферраро-Флорентийский собор (1438–1445), собравший в городе множество византийских учёных. Георгий Гемист Плифон (ок. 1360–1452) прочитал лекции о различиях между Платоном и Аристотелем. Эти лекции, по словам Джона Хэнкинса, «произвели сенсацию в гуманистических кругах и положили начало многолетнему спору о достоинствах двух философов» [2, p. 202]. Именно в этом контексте формировалась интеллектуальная среда, в которой работал Веспасиано.

До XV в. Платон был известен лишь по латинскому переводу «Тимея» и отдельным цитатам. Ситуация изменилась благодаря переводам Леонардо Бруни, который в 1405–1417 гг. перевёл «Федона», «Горгия», «Федра», «Критона» и «Апологию» [2, p. 95]. Веспасиано, лично знавший Бруни, отмечал, что «переводы, сделанные Леонардо Бруни, были столь хороши, что их покупали не только во Флоренции, но и в Неаполе, Риме, даже в Англии» [10, p. 427].

Особую роль в пропаганде платонизма сыграл Козимо Медичи. Присутствуя на лекциях Плифона, он «загорелся желанием иметь все сочинения Платона» и поручил Веспасиано собрать полную коллекцию [10, p. 256]. По заказу Козимо Амброджо Траверсари перевёл «Жизнеописания философов» Диогена Лаэртского, где биография Платона занимала центральное место [3, p. 155–157]. В мастерской Веспасиано платоновские диалоги переписывались в роскошных кодексах; в 1445 г. для библиотеки Козимо была подготовлена подборка, включавшая греческие оригиналы и латинские переводы [5, p. 179]. Спрос на Платона возник и за пределами Флоренции: неаполитанский король Альфонсо V в 1455 г. приобрёл несколько кодексов на 160 флоринов [10, p. 58], а урбинский герцог Федерико да Монтефельтро включил Платона в свою библиотеку [20, p. 12]. Несмотря на критику (языческие элементы, идея общности жён), полемика, по замечанию Хэнкинса, «сделала платонизм живым» [2, p. 204].

Аристотель был хорошо известен в Средние века, но в XV в. его восприятие изменилось благодаря новым переводам. Решающую роль сыграл перевод «Никомаховой этики» Леонардо Бруни (ок. 1417), который стремился передать стиль Аристотеля, используя латынь в духе Цицерона [2, p. 86]. Веспасиано, после знакомства с «Этикой», изменил своё отношение к трате денег, став более щедрым на благотворительность [10, p. 445]. В мастерской Веспасиано «Этика» была одним из самых тиражируемых текстов; в 1446 г. её экземпляр продан французскому монаху за 5 флоринов [21, p. 193], а в 1457 г. комплект сочинений Аристотеля отправлен в Неаполь [10, p. 57].

Политическая философия Аристотеля находила отклик у флорентийцев. В «Политике» он анализировал республику, что было актуально для Флоренции. Леонардо Бруни использовал аристотелевскую аргументацию для защиты республиканского строя [22, p. 78]. В 1440–1450-х гг. развернулась острая полемика между платониками и аристотеликами. Платонисты, вдохновлённые Плифоном, утверждали превосходство созерцательной жизни, аристотелики – активной гражданской. Как отмечает Хэнкинс, «этот спор был не просто академическим; он затрагивал фундаментальные вопросы о природе человека» [23, p. 21]. Сам Веспасиано одинаково успешно продавал и тех, и других, что отражало эклектичный характер флорентийского гуманизма.

Платоновская идея «философа-правителя» находила отклик у Козимо Медичи, который, хотя и не занимал формальных должностей, фактически управлял городом. Веспасиано подчёркивает, что тот «не стремился к титулам, но все искали его совета, ибо он был сведущ в философии» [10, p. 246]. Аристотелевская концепция «политии» как смешанной формы правления была созвучна флорентийскому республиканскому устройству. Леонардо Бруни в «Похвале городу Флоренции» использовал аристотелевскую аргументацию, чтобы представить Флоренцию как идеальное гражданское общество [22, p. 78]. Античные тексты становились не просто предметом коллекционирования, но и руководством к действию.

Римское наследие: Цицерон, историки, поэты

Марк Туллий Цицерон (106–43 до н.э.) был для гуманистов образцом гражданина, сочетавшего философию с политикой. Как отмечает М. Альбрехт, «Цицерон стал для Возрождения идеалом человеческой личности» [8, с. 412]. Интерес к нему стимулировали находки Поджо Браччолини в монастырях Франции, Германии и Швейцарии (1414–1420): речи и трактаты, в том числе «Об ораторе», считавшийся утерянным [10, p. 421], [16, p. 85].

Никколо Никколи, владевший крупнейшей частной коллекцией, считал язык Цицерона эталоном латыни и осуждал переводы на итальянский как «невежество» [10, p. 473]. Он создал руководство по правописанию, которое использовали переписчики [16, p. 93]. Спрос на труды Цицерона был столь высок, что Веспасиано выделял их в отдельную категорию. В 1445 г. вместе с Квинтилианом и Плинием он продал комплект цицероновских сочинений англичанину Уильяму Грею [10, p. 240]; в 1450-х гг. заказы поступали от Альфонсо V и Пьеро Медичи [5, p. 179]. Трактат «О государстве» с идеей смешанного правления был созвучен флорентийскому республиканскому строю [9, p. 112], а концепция «естественного закона» помогала обосновать идею человеческого достоинства.

Тит Ливий (59 до н.э. – 17 н.э.) был объектом особой охоты. К XV в. сохранились лишь части его труда; Поджо и его корреспонденты искали недостающие книги [24, p. 54–60]. Козимо Медичи подарил Альфонсо V один из списков Ливия; король, по словам Веспасиано, «читал Ливия с таким увлечением, что даже на войне брал книгу с собой» [10, p. 58]. В 1455 г. Веспасиано продал три оформленных манускрипта Ливия Альфонсо за 160 флоринов [5, p. 180].

Гай Саллюстий Крисп (86–35 до н.э.) был известен лучше; его «Заговор Катилины» и «Югуртинская война» переводились на итальянский уже в XIV в. [9, p. 105]. Леонардо Бруни использовал Саллюстия в своих политических трактатах [9, p. 140]; «Югуртинская война» вошла в заказы Альфонсо V [10, p. 59]. Корнелий Тацит (ок. 55–120 н.э.) был менее распространён; рукопись «Медицейская» хранилась во Флоренции с XIV в. [25, p. 138], но массовое распространение началось позже.

«Энеида» Вергилия (70–19 до н.э.) была известна с раннего Средневековья; рукописи присутствовали в мастерской Веспасиано уже в 1445 г. [17, p. 99–105]. Веспасиано отмечает, что «книги Вергилия были у каждого, кто мог читать» [10, p. 165]. Плиний Старший (23–79 н.э.) с «Естественной историей» представлял особую ценность для учёных; до 1440-х гг. полные рукописи были редкостью. Веспасиано потратил много усилий на создание сводного текста; в 1446 г. он оформил «Естественную историю» для монаха Алиотти [5, p. 182], а в 1450-х гг. она вошла в заказы Пьеро Медичи [5, p. 179]. Авл Геллий (ок. 125–180 н.э.) с «Аттическими ночами» был особенно любим Никколи: Веспасиано пишет, что Никколи «держал эту книгу всегда под рукой и перечитывал её бесчисленное число раз» [10, p. 480].

Марк Фабий Квинтилиан (ок. 35–96 н.э.), автор «Наставлений оратору», был найден Поджо в 1416 г. и сразу признан важнейшим открытием [16, p. 85]. Квинтилиан утверждал, что оратор должен быть «добрым человеком, искусным в речи». Веспасиано сообщает, что «Квинтилиан был в руках у всех, кто хотел научиться хорошо говорить» [10, p. 293]. Никколи, переписывавший фрагменты Квинтилиана новым курсивом, считал его наставления обязательными для воспитания молодёжи [18, p. 89]. Под влиянием Квинтилиана формировалась идея образования, готовящего граждан, способных участвовать в управлении.

Механизмы распространения античных текстов

Центральную роль в распространении античных текстов играли переводы с греческого на латынь и на итальянский язык. Первое поколение гуманистов – Мануил Хрисолор, Леонардо Бруни, Амброджо Траверсари – создало фундамент, на котором выросла гуманистическая культура Флоренции.

Бруни, как отмечает Ианцити, был не только переводчиком, но и комментатором: он стремился не просто передать букву греческого текста, но и донести его дух, сделать его доступным для современного читателя [22, p. 67]. Его переводы сопровождались предисловиями, в которых объяснялась значимость сочинения и его возможное применение в христианском контексте.

Веспасиано высоко ценил переводы Бруни. В «Жизнеописаниях» он пишет: «Леонардо был первым, кто перевёл эти книги так, что они стали понятны и тем, кто не знает греческого» [10, p. 433]. Эти переводы расходились в десятках копий; их заказывали не только итальянские правители, но и английские, венгерские, французские коллекционеры.

Козимо Медичи тратил огромные суммы на книги, но не выставлял коллекционирование напоказ [10, p. 256]. За пределами Флоренции важнейшими заказчиками были Альфонсо V Арагонский, стремившийся сделать Неаполь центром гуманизма [26, p. 52], и Федерико да Монтефельтро, доверивший комплектацию своей библиотеки Веспасиано [20, p. 12]. Значимы были заказчики из Британии: Уильям Грей приобрёл у Веспасиано обширную коллекцию рукописей, позже переданную в Оксфорд [5, p. 180]. Веспасиано упоминает также заказы из Венгрии (для Матьяша Корвина) и Франции [10, p. 164–166].

Для более полного понимания экономики книжного дела стоит обратиться к сохранившимся записям Веспасиано о конкретных сделках. В архивах, проанализированных Альбинией де ла Мар, сохранилась запись от 1442 г., где Веспасиано заключает сделку с архиепископом Пьеро Донати: за переписку и оформление трёх трактатов (Цицерон, Квинтилиан, Ливий) он получает 3 флорина или 12 лир [5, p. 180]. Это была сумма, сопоставимая с годовым доходом квалифицированного ремесленника. В 1455 г. за три оформленных манускрипта, отправленных Альфонсо V, Веспасиано получил 160 флоринов [10, p. 58].

Важно отметить, что в стоимость входила не только работа переписчиков, но и материалы. Пергамент был особенно дорогим; его закупали на специализированных мануфактурах, часто за пределами Флоренции (например, в Фабриано). Бумага, производимая в Италии с XIII в., была дешевле, но для престижных заказов использовался именно пергамент. Иллюминирование, требовавшее сусального золота и дорогих красок (лазурит, киноварь), также существенно увеличивало стоимость.

Мастерская Веспасиано была организована как своего рода «издательский дом» до изобретения книгопечатания. Заказчик приходил, обсуждал состав будущей книги, выбирал шрифт (гуманистический курсив или более архаичные формы), тип оформления и переплёта. Затем работа распределялась между несколькими специалистами. Такая система позволяла выполнять заказы параллельно, что значительно ускоряло производство по сравнению с работой одного переписчика в монастырском скриптории.

Дискуссионные аспекты и выводы

Современная историография подчёркивает сложное взаимодействие античного наследия с христианской традицией и социально-политическими реалиями (Хэнкинс, Наджеми). Как отмечает Роберт Блэк, даже во Флоренции уровень грамотности оставался ограниченным [6]; гуманистическая культура носила элитарный характер, но именно эта элита создавала образцы, распространявшиеся шире.

Конкуренция рукописной и печатной книги определила судьбу библиополиса. Первая типография во Флоренции открылась в 1471 г., но рукописная традиция не исчезла мгновенно. Б. Ричардсон отмечает, что флорентийцы предпочитали рукописи из-за их уникальности и престижности, а печатные книги ассоциировались с массовостью [27, p. 140]. Веспасиано, ушедший в отставку около 1480 г., не упоминает книгопечатание, сознательно оставаясь хранителем рукописной традиции.

Заключение

Во Флоренции первой половины XV в. сложилась уникальная интеллектуальная среда, в которой античное наследие было не просто объектом коллекционирования, но и источником новых идей. Греческие авторы – Платон и Аристотель – воспринимались как взаимодополняющие источники знания: Платон давал метафизическое обоснование и образец созерцательной жизни, Аристотель – практическую этику и гражданский патриотизм.

Римское наследие играло ключевую роль в формировании гражданской идентичности флорентийцев. Цицерон был образцом оратора и политика; Ливий и Саллюстий давали примеры республиканской доблести; Вергилий связывал Флоренцию с мифической историей Рима. Энциклопедисты (Плиний Старший, Авл Геллий) предоставляли фактическое знание, необходимое для осмысления мира.

Распространение античных текстов было обеспечено деятельностью переводчиков (Мануил Хрисолор, Леонардо Бруни, Амброджо Траверсари), переписчиков и книготорговцев (Веспасиано да Бистиччи). Сеть заказчиков и покровителей (Медичи, Альфонсо V, Федерико да Монтефельтро, Уильям Грей) обеспечивала финансиро-

вание и создавала престиж рукописной книги.

Рукописная книга в интеллектуальном культурном сообществе Флоренции выполняла не только утилитарную функцию носителя информации, но и социальную роль медиатора. Она объединяла людей разных сословий, становилась предметом коллекционирования и престижа, служила инструментом формирования новой городской идентичности.

Дальнейшее изучение архива Веспасиано да Бистиччи и других материалов может пролить свет на то, как именно гуманистические идеи трансформировались в повседневные практики флорентийцев, и как происходил переход от рукописной культуры к печатной во второй половине века.

ЛИТЕРАТУРА

1. Буркхардт Я. Культура Италии в эпоху Возрождения / Пер. А.Е. Махова. – 2-е изд. – М.: Интрада. – 2001. – 544 с.
2. Hankins J. Plato in the Italian Renaissance. – Leiden: E.J. Brill, 1990. – 504 p.
3. Hankins J. Cosimo Medici and the "Platonic Academy" // Journal of the Warburg and Courtauld Institutes. – Chicago: The University of Chicago Press. – 1993. – Vol. 53. – P. 144–162.
4. De la Mare A.C. New Research on Humanistic Scribes in Florence / Ed. Annarosa Garzelli // Miniatura Florentina del Rinascimento, 1440-1525: Un primo censimento. – Florence: Giunta regionale Toscana. – 1985. – Vol. 1. – 403 p.
5. De la Mare A.C. Vespasiano da Bisticci as a Producer of Classical Manuscripts in Fifteenth Century Florence / Ed. C.A. Chavannes-Mazel // Medieval Manuscripts of the Latin Classics. – Los Altos Hills: Anderson-Lovelance. – 1996. – P. 166–207.
6. Black R. Literacy in Florence, 1427 / Ed. D.S. Peterson, D.E. Bornstein // Florence and Beyond: Culture, Society and Politics in Renaissance Italy: Essays in Honor pf John M. Najemy. – Toronto: Center for Renaissance and Reformation Studies. – 2008. – P. 195–210.
7. King R. Bookseller from Florence. – New York: Atlantic Monthly Press. – 2021. – 496 p.
8. Альбрехт М. История римской литературы. – М.: Греко-латинский кабинет. – 2004. – Т. 2. – 707 p.
9. Osmond P. Princepls historiae Romanae: Sallust in Renaissance political thought // Memoirs of the American Academy in Rome. – Ann-Arbor: Michigan University Press. – 1995. – Vol. 40. – P. 101–143.
10. Bisticci V. Vite di Uomini Illustri del Secolo XV / Ed. A. Bartoli. – Firenze: Barbèra, Bianchi e comp. – 1859. – 564 p.
11. Макиавелли Н. История Флоренции / Пер. Н.Я. Рыковой. – М.: Наука. – 1987. – 446 с.
12. Виллани Д. Новая хроника, или история Флоренции / Пер. М.А. Юсима. – СПб.: Наука. – 2019. – 614 с.
13. Guicciardini F. The History of Florence. – New York: Harper and Row. – 1970. – 386 p.
14. Morelli G. Ricordi / Ed. V. Branca. – Firenze: F. Le Monnier. – 1956. – 547 p.
15. Питти Б. Хроника / Пер. З.В. Гуковской. – Л.: Наука. – 1972. – 248 с.
16. Gordan E. Two Renaissance Book Hunters: The Letters of Poggius Bracciolini to Nicolaus de Niccolis. – New York: Columbia University. – 1974. – 393 p.
17. Ullman B.L. The Origin and Development of Humanistic Script. – Rome: Edizioni di Storia e Letteratura. – 1960. – 146 p.
18. Ullman B.L., Stadter P. A. The Publish Library of Renaissance Florence: Niccolo Niccoli, Cosimo Medici and the Library of San Marco. – Padua: Editrice Antenore. – 1972. – 368 p.
19. Горфункель А.Х. Философия эпохи Возрождения. – М.: Высшая школа. – 1980. – 368 с.
20. Hofmann H. Literary Culture at the Court of Urbino // Humanistica Lovaniensia: Journal of NeoLatin Studies. – Leuven: Leuven University Press. – 2008. – Vol. 57. – P. 5–59.
21. De la Mare A.C. Vespasiano da Bisticci, Historian and Bookseller. – London: London University Press. – 1965. – Vol. 2.
22. Ianziti G. Writing History in Renaissance Italy: Leonardo Bruni and the Uses of the Past. – Cambridge, MA: Harvard University Press. – 2012. – 418 p.
23. Hankins J. Humanism and Platonism in the Italian Renaissance. – Rome: Edizioni di Storia e Letteratura. – 2003. – 652 p.
24. Ulman B.L. Poggio's Manuscripts of Livy and Other Authors. – Edizioni Di Storia e Letteratura. – 1973. – P. 305–321.
25. Mellor R. Tacitus. – New York: Routledge. – 1993. – 211 p.
26. Bentley J. Politics and Culture in Renaissance Naples. – Princeton: Princeton University Press. – 1987. – 342 p.
27. Richardson B. The Debates on Printing in Renaissance Italy // La Bibliofilia. – Florence: Casa Editrice Leo S. Olschki s.r.l. – 1998. – Vol. 100. – P. 135–155.

© Григорьев Максим Александрович (grigorev2013@list.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2026.04–2.24

ИСТОРИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА РОССИЙСКО-КИТАЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ В СФЕРЕ ТРАНСПОРТНЫХ КОММУНИКАЦИЙ НА ЕВРАЗИЙСКОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Кун Сянюй
Аспирант, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы, г. Москва
897973109@qq.com

Аннотация: В статье рассматривается эволюция транспортного взаимодействия между Россией и Китаем на евразийском пространстве с XVI века до современности. Анализируются предпосылки формирования первых сухопутных маршрутов, связывавших Русское царство с империей Цин, а также роль Сибирского тракта как основы будущего Великого чайного пути. Особое внимание уделяется периоду рубежа XIX–XX веков, когда строительство Транссибирской магистрали и Китайско-Восточной железной дороги заложило фундамент современной транспортной инфраструктуры региона. Исследуется советский период, характеризовавшийся как этапами интенсивного сотрудничества, так и длительной паузой в развитии трансграничных связей. На основе анализа современных интеграционных инициатив – сопряжения Евразийского экономического союза и инициативы «Один пояс – один путь», а также проектов развития Северного морского пути – выявляются основные тенденции и проблемные зоны российско-китайского транспортного партнёрства. Автор приходит к выводу, что исторически транспортная составляющая выступала не только экономическим, но и геополитическим фактором двусторонних отношений, а современный этап характеризуется переходом от конкурентного сосуществования к кооперационной модели. Выявлен ряд сохраняющихся противоречий: конкуренция между отдельными транспортными коридорами, различие в подходах к тарифному регулированию и стандартизации, а также асимметрия инвестиционных потоков. Их преодоление требует дальнейшего углубления координации в рамках существующих интеграционных механизмов и разработки согласованной долгосрочной стратегии развития евразийского транспортного пространства.

Ключевые слова: российско-китайские отношения, транспортные коридоры, Евразийский экономический союз, инициатива «Один пояс – один путь», Северный морской путь, евразийская интеграция.

HISTORICAL DYNAMICS OF RUSSIAN CHINESE RELATIONS IN THE FIELD OF TRANSPORT COMMUNICATIONS IN THE EURASIAN SPACE

Kong Xiangyu

Summary: The article examines the evolution of transport cooperation between Russia and China in the Eurasian space from the 16th century to the present. The prerequisites for the formation of the first land routes connecting the Russian Empire with the Qing Empire are analyzed, as well as the role of the Siberian Tract as the basis of the future Great Tea Road. Special attention is paid to the period of the turn of the 19th–20th centuries when the construction of the Trans-Siberian Railway and the China-Eastern Railway laid the foundation for the modern transport infrastructure of the region. The article examines the Soviet period, characterized by both stages of intensive cooperation and a long pause in the development of cross-border relations. Based on the analysis of modern integration initiatives – the integration of the Eurasian Economic Union and the Belt and Road initiative, as well as projects for the development of the Northern Sea Route – the main trends and problem areas of the Russian Chinese transport partnership are identified. The author concludes that historically, the transport component has been not only an economic, but also a geopolitical factor in bilateral relations, and the current stage is characterized by a transition from competitive coexistence to a cooperative model. A number of persistent contradictions have been identified: competition between individual transport corridors, differences in approaches to tariff regulation and standardization, as well as the asymmetry of investment flows. Overcoming them requires further deepening of coordination within the framework of existing integration mechanisms and the development of an agreed long-term strategy for the development of the Eurasian transport space.

Keywords: Russian Chinese relations, transport corridors, Eurasian Economic Union, One Belt– One Road initiative, Northern Sea Route, Eurasian integration.

Введение

Актуальность исследования исторической динамики российско-китайских отношений в сфере транспортных коммуникаций обусловлена тем, что в современных геополитических условиях, характеризующихся усилением санкционного давления на Российскую Федерацию со стороны западных стран, нереализованный потенциал российско-китайского сотрудничества в области транспорта и транзита приобретает значение компенсирующего ресурса, способствующего адаптации отечественной транспортной системы к новым вызовам [8, с. 5]. Кроме того, процессы сопряжения Евразийского экономического союза (ЕАЭС) и инициативы «Один пояс – один путь» (ОПОП) создают новую архитектуру евразийской транспортной связанности,

требующую осмысления исторического опыта взаимодействия двух стран [5, с. 101–109]. Цель исследования заключается в выявлении основных этапов, тенденций и противоречий развития транспортных коммуникаций между Россией и Китаем на евразийском пространстве, а также в определении их влияния на характер двусторонних отношений в исторической ретроспективе.

Материалы и методы исследования

Методологическую основу исследования составляют принципы историзма и системного подхода, позволяющие рассматривать развитие транспортных коммуникаций как элемент более широкого контекста российско-китайских отношений. В работе использованы методы историко-генетического и историко-сравнительного анализа, а также метод ретроспективного анализа. Источниковую базу составили научные публикации российских и зарубежных авторов, а также аналитические работы по проблемам сопряжения ЕАЭС и ОПОП.

Результаты и обсуждения

Формирование транспортных связей между Россией и Китаем имеет глубокие исторические корни, восходящие к XVI столетию. Именно в период правления Ивана IV Грозного (1533–1584) произошло масштабное расширение русского государства, в результате которого под контроль Москвы перешли Поволжье, Урал и Западная Сибирь. Большая часть нового государства оказалась в Азии. В последующие столетия, по мере продвижения на восток, формировалась сеть сухопутных коммуникаций, предопределивших развитие будущих транспортных маршрутов в китайском направлении [7, с. 215–216]. Это предопределило необходимость переориентации внешнеполитического курса на равноправное взаимодействие со странами Востока.

Идея создания сухопутного маршрута, связывающего Китай и Европу через территорию России, получила дальнейшее развитие в XVIII–XIX веках. Сибирский тракт, активно использовавшийся для чайной торговли, стал основой будущего Великого чайного пути – крупнейшего сухопутного канала поставок китайского чая в Европу. Именно транспортная инфраструктура, создававшаяся вдоль этого маршрута, заложила фундамент для последующего железнодорожного строительства. При Петре I был заключён первый межгосударственный договор с империей Цин. Он декларировал дружественные отношения между странами. Однако в XVIII–XIX веках русская политика была переориентирована на Запад, что привело к утрате азиатских рынков и консервации инфраструктурного развития восточных территорий [7, с. 220; 11, с. 356].

Переломным моментом стало правление Александра III, который организовал строительство Транссибирской железнодорожной магистрали – проекта, ставшего самым протяжённым в мире (более 7 тыс. км) и впервые обеспечившего непрерывное железнодорожное сообщение от берегов Атлантики до Тихого океана. В 1897–1903 годах была построена Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД). Она проходила через территорию Маньчжурии и связала Транссиб с китайской железнодорожной сетью. Как отмечает М.В. Ходяков, «юридически, являясь частным предприятием, КВЖД принадлежала русскому «Обществу Китайской Восточной железной дороги» с уставом, утвержденным Николаем II в конце 1896 г. Фактически она была казенной русской дорогой в Китае, построенной на средства казны и управляемой Министерством финансов» [11, с. 355].

И.Р. Хамзин, Р.Т. Ганиев и А.В. Кочнев подчёркивают, что создававшиеся Российской империей на Дальнем Востоке железные дороги, морской порт Дальний на Ляодунском полуострове и морское пароходство при Обществе КВЖД рассматривались как составные части единого торгово-транспортного коридора, задачей которого было обеспечить эффективное сообщение с тихоокеанским регионом. При этом китайские порты и китайский рынок являлись первоочередной целью геоэкономических интересов России [10].

Важной вехой в истории двусторонних транспортных отношений стал Санкт-Петербургский договор 1896 года, разработанный при Александре III и юридически закрепивший союзные отношения между Пекином и Санкт-Петербургом. Договор предусматривал совместные действия в случае агрессии против одного из подписантов и создал политическую рамку для дальнейшего инфраструктурного сотрудничества. Как бы ни оценивали современные российские и китайские ученые роль КВЖД в истории русско-китайских отношений, абсолютное большинство из них признают, что сама дорога, а также г. Харбин являют собой уникальный социокультурный феномен [1, 4, 7]. Как отмечает А.Д. Леонкин, КВЖД стала важнейшим звеном в системе трансграничных транспортных коридоров, обеспечив не только грузооборот, но и пассажирское сообщение между двумя странами [6, с. 54].

Советский период характеризовался неоднозначной динамикой транспортного взаимодействия. Конфликтом на КВЖД называется советско-китайское противостояние на Китайско-Восточной железной дороге, начиная с 1924 г. Уже в конце 1924 г. произошло первое столкновение между советской и китайской сторонами дороги. В начале 1926 г. конфликт на КВЖД перешел на качественно новый уровень [3, с. 181]. В 1960–1970-е годы, на фоне обострения отношений между СССР и КНР, произошло существенное сокращение грузооборота по КВЖД и другим трансграничным маршрутам. Тем не ме-

нее, даже в этот период сохранялись отдельные каналы транспортной связанности, а с конца 1980-х годов начался процесс постепенного восстановления и расширения сотрудничества [6, с. 52].

Современный этап развития российско-китайских транспортных коммуникаций характеризуется интенсификацией взаимодействия в рамках крупных интеграционных проектов. Россия, Китай и Европейский союз разрабатывают и реализуют собственные планы региональной и трансрегиональной интеграции в Центральной Азии. Российский подход сочетает элементы «открытого регионализма» в рамках Большого евразийского партнёрства и «закрытого регионализма» под эгидой Евразийского экономического союза. Тогда как китайская стратегия в рамках инициативы «Один пояс – один путь» базируется на принципах открытого регионализма, несмотря на географическую сопредельность [12, с. 61–73].

А.С. Ивочкина в своём анализе роли России и Китая в развитии Большого евразийского партнёрства подчёркивает, что сотрудничество двух стран выступает драйвером интеграционных процессов, способствуя укреплению региональной стабильности и формированию полицентричного мироустройства, причем особое внимание уделяется развитию транспортных коридоров, энергетическому партнёрству и укреплению международной безопасности [5, с. 107–108].

Важно, что исследование Д.Т. Фахретдинова и О.В. Тарасова показало, что конкурентоспособность российских транспортных коридоров зависит от комплекса факторов, включая тарифную политику, пропускную способность и геополитические риски [9, с. 59]. Кроме того, китайские инвестиции носят «связанный» характер: кредиты предоставляются под условие использования китайских подрядчиков, материалов и рабочей силы. Возврат инвестиций осуществляется в форме долгосрочной аренды или концессии на объекты. Такая модель, с одной стороны, позволяет странам региона модернизировать транспортную инфраструктуру, с другой – создаёт риски долговой зависимости и утраты контроля над стратегическими активами [2, с. 108–117].

Также нельзя не отметить, что в контексте современных геополитических трансформаций особую актуальность приобретает вопрос о сопряжении ЕАЭС и ОПОП. Рассматривается три варианта: многосторонняя прямая стыковка с Евразийским экономическим союзом, двусторонняя стыковка с государствами-членами ЕАЭС и использование Шанхайской организации сотрудничества в качестве платформы для координации. Предлагается также четвёртая, комплексная модель (все пути вместе). Исследователи подчёркивают, что успешное сопряжение требует не только строительства транспортной инфраструктуры, но и гармонизации таможенных процедур, инвестиционных режимов, а также учёта различий в технических стандартах [2, с. 217–222].

При этом выделяют четыре несоответствия в данном процессе [2, с. 218–222; 8, с. 7–8]:

— несоответствие ожиданий сторон (Китай видит в ОПОП рыночный проект, страны ЕАЭС – инструмент получения помощи);
— несоответствие функционального позиционирования (ЕАЭС как институциональная структура, ОПОП – гибкий проект);
— несоответствие субъектов реализации (преобладание крупных государственных предприятий КНР);
— несоответствие деловой среды (коррупция, слабые финансовые рынки в странах ЕАЭС).

Как убедительно показано в исследовании Н.К. Семеновой и Л.Б. Аристовой, современный этап российско-китайского транспортного сотрудничества сопряжён с рядом системных рисков:

— сохраняется асимметрия экономических потенциалов, тем самым создаётся угроза закрепления за Россией роли поставщика сырья и транзитной территории без полноценного участия в технологическом развитии;
— китайская практика «связанных» кредитов и двусторонних соглашений ослабляет интеграционный потенциал ЕАЭС и снижает влияние России в Центральной Азии;
— существует риск переориентации транспортных потоков в обход российской территории в условиях высокой долговой нагрузки стран региона и их зависимости от китайского финансирования [2, с. 228–236].

Преодоление этих вызовов требует не только дипломатических усилий, но и форсированной модернизации собственной транспортной инфраструктуры, а также выработки согласованной стратегии в рамках ЕАЭС.

Выводы

Проведённое исследование позволяет сделать ряд выводов об исторической динамике российско-китайских отношений в сфере транспортных коммуникаций на евразийском пространстве. На протяжении нескольких столетий транспортная составляющая выступала не только экономическим, но и геополитическим фактором двусторонних отношений, определяя их характер и интенсивность. Выделен первый этап формирования транспортных связей (XVI–XIX века), который характеризовался развитием сухопутных маршрутов, прежде всего Сибирского тракта и Великого чайного пути, которые стали основой для последующей железнодорожной

инфраструктуры. На втором этапе (конец XIX – начало XX века) была создана железнодорожная инфраструктура. Она определила современную транспортную конфигурацию региона. Строительство Транссибирской магистрали и Китайско-Восточной железной дороги, а также создание морского порта Дальний и пароходства при Обществе КВЖД сформировали единую транспортную систему связи тихоокеанского побережья с центральными районами Евразии. На третьем этапе, этапе советского периода, от интенсивного сотрудничества в первые десятилетия советской власти отношения перешли через длительную паузу в 1960–1970-е годы до постепенного восстановления транспортных связей в конце 1980-х. В свою очередь, современный этап (конец XX века до сегодняшний дней) отличается интенсификацией транспортного взаимодействия в рамках крупных интеграционных проектов – ЕАЭС и ОПОП. Основные тенденции – сопряжение национальных транспортных стратегий, диверсификация маршрутов. Выявлен ряд сохраняющихся противоречий, в том числе конкуренция между отдельными транспортными коридорами, различие в подходах к тарифному регулированию и стандартизации, а также асимметрия инвестиционных потоков. Их преодоление требует дальнейшего углубления координации в рамках существующих интеграционных механизмов и разработки согласованной долгосрочной стратегии развития евразийского транспортного пространства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аблажей Н.Н., Ли, Д. Китайская историография о КВЖД и российском присутствии на Северо-Востоке Китая // Новое прошлое / The New Past. – 2023. – № 4. – С. 64–82.
2. Аристова Л.Б., Семенова Н.К. Россия и Китай в Евразии: транспортные измерения безопасности. Итоговый аналитический доклад/монография по проекту РФФИ № 19–014–00027 А. - М.: Институт Востоковедения Российской Академии Наук, 2021. - 289 с.
3. Дацышен В.Г. Проблемы конфликта на КВЖД в трудах советских ученых первой половины XX в. // Проблемы Дальнего Востока. – 2022. – № 1. – С. 180–191.
4. Зюзин К.А. Развитие российской торговли в Маньчжурии и тарифная политика КВЖД в 1903–1913 гг. // Россия и АТР. – 2026. – № 1. – С. 30–48.
5. Ивочкина А.С. Роль России и Китая в развитии Большого евразийского партнерства: современные вызовы и риски // Вопросы политологии. – 2025. – № 2(102). – С. 101–109.
6. Леонкин А.Д. Из истории железнодорожного сообщения между Россией и Китаем // Железнодорожный транспорт. – 2024. – № 4. – С. 50–54.
7. Самойлов Н.А., Старовойтова, Е.О., Ходяков, М.В., Янченко, Д.Г. Китайско-Восточная железная дорога – историческое наследие двух народов: перспективы изучения // Новейшая история России. – 2016. – № 3. – С. 213–226.
8. Семенова Н.К. Россия и Китай в евразийском пространстве: современные вызовы и риски транспортного взаимодействия // Азия и Африка сегодня. – 2025. – № 3. – С. 5–13.
9. Фахретдинова Д.Т., Тарасова О.В. Конкурентоспособность пророссийских транспортных коридоров в условиях китайской инициативы «Один пояс – один путь» // Вестник НГУЭУ. – 2025. – № 4. - С. 58–78.
10. Хамзин И.Р., Ганиев Р.Т., Кочнев А.В. Конструируя фронтир: русско-китайская торговля как фактор модернизации Дальнего Востока на рубеже XIX – XX вв. // Известия Уральского федерального университета. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2023. – № 2. – С. 112–128.
11. Ходяков М.В. «Громадная пиявка, присосавшаяся к государственному сундуку»: Китайско-Восточная железная дорога в оценках российской прессы начала XX века // Вестник архивиста. – 2023. – № 2. – С. 354–363.
12. Khan Sh.A. Trans-Regional Integration and Connectivity in Central Asia: Strategies of Russia, China, and European Union // Economic Diplomacy. – 2025. – Vol. 3. – № 1. – pp. 61–73.

© Кун Сянюй (897973109@qq.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2026.04–2.31

КОНФЕССИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА ЕКАТЕРИНЫ II: МЕЖДУ ПРОСВЕЩЕНИЕМ И ТРАДИЦИЕЙ

THE CONFESSIONAL POLICY OF CATHERINE II: BETWEEN ENLIGHTENMENT AND TRADITION

E. Meshkova
M. Dvorkovaya

Summary: During the reign of Empress Catherine II, the Russian Empire implemented a comprehensive state policy aimed at creating conditions for peaceful coexistence between various confessional and religious groups. The ideas of the Enlightenment philosophers, which served as a source of inspiration for the Empress, were reflected in her state policy towards confessions and influenced the worldview of a portion of the Russian intellectual elite.

The purpose of the study is to examine the transformation of traditional values in Russian society because of Catherine II's implementation of the policy of "enlightened absolutism" towards various religious denominations. The study employs the following methods: a comparative historical approach to compare the ideas of the Enlightenment with traditional Russian values; a comprehensive critique of sources to identify hidden motives and the context of their creation, as well as ideological attitudes, etc.

The theoretical significance of this study lies in determining the role of the policy of "enlightened absolutism" in the transformation of traditional values.

The practical significance of the study lies in the possibility of using the obtained materials and results in further scientific work and in preparing lessons about Russian history.

Based on the analysis conducted, it is concluded that Catherine II's confessional policy had a fundamental impact on the transformation of Russian traditional values, undermining them and having long-term consequences for subsequent rulers of the Russian Empire.

Keywords: politics of "enlightened absolutism", confessional politics, traditional values, Orthodoxy, religion.

Мешкова Екатерина Александровна
ФГАОУ ВО Государственный университет просвещения, г. Москва
katya.meshkova14@yandex.ru
Дворковая Марина Васильевна
Кандидат исторических наук, доцент, ФГАОУ ВО Государственный университет просвещения, г. Москва
marinadvorkovaya@yandex.ru

Аннотация: В период правления императрицы Екатерины II в Российской империи была осуществлена комплексная государственная политика, направленная на создание условий для мирного сосуществования различных конфессиональных и религиозных групп. Идеи философов Просвещения, ставшие источником вдохновения для императрицы, нашли отражение в её государственной политике в отношении конфессий и повлияли на мировоззрение части русской интеллектуальной элиты.

Цель исследования трансформация традиционных ценностей российского общества в процессе реализации Екатериной II политики «просвещенного абсолютизма» в отношении различных религиозных конфессий. В работе применялись: сравнительно-исторический метод, с целью сопоставления идей Просвещения и традиционных русских ценностей; комплексная критика источников с выделением скрытых мотивов и контекста создания источника, выявление идеологических установок и др.

Теоретическое значение исследования заключается в определении роли политики «просвещенного абсолютизма» в трансформации традиционных ценностей.

Практическое значение исследования состоит в возможности использования полученных материалов и результатов в дальнейших научных работах, при подготовке уроков по дисциплине «история России».

На основании проведенного анализа делается вывод о фундаментальном влиянии конфессиональной политики Екатерины II на трансформацию русских традиционных ценностей, их подрыве и о долгосрочных последствиях данной трансформации при последующих правителях Российской империи.

Ключевые слова: политика "просвещенного абсолютизма", конфессиональная политика, традиционные ценности, православие, религия.

Термин русские традиционные ценности получил свое оформление в Указе Президента РФ от 9 ноября 2022 г. №809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» как «нравственные ориентиры, формирующие мировоззрение граждан России, передаваемые от поколения к поколению, лежащие в основе общероссийской гражданской идентичности и единого культурного пространства страны, укрепляющие гражданское единство, нашедшие своё уникальное, самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России» [16]. Представляется востребованным изучение факторов влияния на трансформацию данного понятия в истории России. Во второй половине XVIII века политика «просвещенного абсолютизма», проводимая Екатериной II, оказала значимое влияние на модернизацию государственного управления, экономики и культуры России. Особый интерес вызывают мероприятия конфессиональной политики Екатерины II в рамках политики «просвещенного абсолютизма» и ее влияние на процесс трансформации

русских традиционных ценностей в указанный период.

Целью исследования является трансформация традиционных ценностей российского общества в процессе реализации Екатериной II политики «просвещенного абсолютизма» в отношении различных религиозных конфессий.

В исследовании были взяты в качестве источников манифесты и указы Екатерины II (манифест по случаю коронования императрицы Екатерины II [10], манифест «О дозволении всем иностранцам, в Россию въезжающим, поселяться в которых губерниях они пожелают и о дарованных им правах» [11], указ «О дозволении выходить и селиться в России обществу братства Евангелического Августинского исповедания» [14], указ «О терпимости всех вероисповеданий и о запрещении архиереям вступать в разные дела, касающиеся до иноверных исповеданий и до построения по их законам молитвенных домов» [15]), а также личные записки императрицы.

Царствование императрицы Екатерины II, длившееся с 1762 по 1796 гг., внесло бесценный вклад в развитие Российской империи. Период ее правления был ознаменован глобальными реформами в различных сферах жизни общества, императрица продолжала политику Петра I, становясь для России символом могущества, величия и процветания страны. Благодаря своей деятельности императрица Екатерина II была прозвана «Великой», а направленность проводимых мероприятий сделала её крупнейшим представителем политики «просвещенного абсолютизма» в Восточной Европе.

В научной литературе закрепилось понятие «либеральных элементов» или «либеральных тенденций» в политике императрицы, подразумевая под собой условное обозначение совокупности мер, направленных на основе философских идей Просвещения (Монтескьё, Беккариа, Вольтер) на создание государства, обеспечивающего условия для благоприятного развития общества, без затрагивания основ самодержавия и крепостнического строя [7, С. 188]. Соответственно, встает вопрос, как мероприятия «просвещенного абсолютизма» в целом, и конфессиональной политики в частности, коррелируются с традиционными русскими ценностями, ориентированными на приоритет сильного централизованного государства над обществом и личностью (в отличие от западного «государства как ночного сторожа» или гражданского общества); традицию восприятия власти как богоустановленной («всякая власть от Бога»), соборности как противопоставлению западному индивидуализму через идею «духовного единства в коллективе». Противоречия также проявляются в столкновении мировоззрения русского человека и человека западного, поскольку одно из главных качеств русского человека заключается в терпимости как пассивном непротивлении — в отличие от западного толерантного диалога, русская традиция часто предполагала сосуществование конфессий без активного взаимодействия («живите, но не проповедуйте»).

Одним из наиболее значимых исследователей религиозной политики Екатерины II был русский историк Василий Осипович Ключевский. В работах «Курс русской истории» и «Исторические портреты» историк подробно проанализировал реформы императрицы в области религии, их причины и последствия [9].

Другим известным историком, изучавшим религиозную политику Екатерины II, является Сергей Михайлович Соловьев. В труде «История России с древнейших времен» он рассматривал вопросы религиозной политики и реформы императрицы, исследовал предпосылки и результаты [13].

В современной историографии религиозная политика Екатерины II исследована историком Александром Борисовичем Каменским, который написал труд «Российская империя в XVIII веке: традиции и модернизация» [8].

Эпоха правления Екатерины II была названа «просвещенным абсолютизмом», идеи которого были воплощены во всех сферах деятельности императрицы. Самодержица Всероссийская вела переписку с французскими мыслителями, такими как Дидро и Вольтер. Все свои силы она стремилась направить на благо государства и считала, что просвещенный абсолютизм устранит несправедливые порядки в обществе. «Я желаю и хочу лишь блага той стране, в которую привёл меня Господь; Он мне в том свидетель. Слава страны – создает мою славу. Вот мое правило; я буду счастлива, если мои мысли могут тому способствовать», – писала Екатерина II в личных записках [6, с. 626].

Проводя религиозную политику, Екатерина II не могла не следовать идеям просвещения, в которых прослеживались зачатки идей либерализма. Итак, рассмотрим подробнее, в чем заключается идеология «просвещенного абсолютизма» с точки зрения конфессиональности, а также в чем выражаются ценности данной политики.

Проанализируем идеи «просвещенного абсолютизма» на примере философии Вольтера, а именно, его взгляды на Церковь и религию. Французский философ не был сторонником отделения Церкви от государства и считал, что в государстве должна быть одна государственная религия, остальные же являются допустимыми. Церковь, по его мнению, должна быть подчинена государству. Также он считал, что преследование инакомыслящих неприемлемо. Так, в «Трактате о веротерпимости, написанным в связи со смертью Жана Каласса», Вольтер

писал: «Может ли служитель закона только лишь на основании того, что непоколебим в своей вере, называть врагами Господа тех, кто придерживается иных взглядов? Может ли он считать свое твердое религиозное убеждение юридическим аргументом для того, чтобы распоряжаться жизнью и свободой тех, кто придерживается иных взглядов?» [3, с. 7].

Вольтер также считал допустимым атеистические взгляды человека: «Теперь возьмем человека, который вообще не верит в Бога и считает религию сказкой. Станет ли он нетерпимо относиться к противоположным взглядам? Никогда…» [3, с. 7]. В трудах Вольтера четко прослеживаются религиозные убеждения с зачатками идей либерализма, что вступает в противоречие с русскими традиционными ценностями. Философ допускает возможность разделения человеком атеистических взглядов, не осуждает их, а напротив, указывает, что их существование приемлемо. На первый план выходит не духовная норма (закон божий), а юридическая норма – тот, кто соблюдает юридический закон, «безгрешен». Такие идеи разделяли и другие философы, например Дидро, Д'Аламбер и другие.

Итак, можно сформулировать следующие основные положения политики «просвещенного абсолютизма» в отношении Церкви и религии. Его идеология предполагала признание свободы слова, мысли и самовыражения. Человек имел право на выбор своего пути, отстаивания своего мировоззрения (как религиозного, так и атеистического). Идеология «просвещенного абсолютизма» уравнивает всех в правах: все равны в воспитании личности, и поэтому влияние на личность оказывалось не только положительное, но и отрицательное (с точки зрения православных ценностей, атеистические взгляды отрицательно влияли на воспитание личности). Из этого следует, что нравственным человеком является тот, кто соблюдает законы, юридические нормы. Таким образом, в «просвещенном абсолютизме» человек боится не греха, как отступления от Божественных заповедей и разрыва своей связи с Богом, а нарушения юридической нормы. Это означает, что человек может совершить некий негативный поступок, который не является нарушением с точки зрения закона, а это противоречит православным ценностям, поскольку православный христианин не должен даже помышлять зло, каким бы оно ни было.

Государство в «просвещенном абсолютизме» есть главное средство создания общества всеобщего благоденствия, из чего следует, что Церковь и религия становятся вспомогательным инструментом для достижения поставленных целей – равенства, справедливости, свободы слова и вероисповедания, обеспечения достойного качества и уровня жизни каждого. Также важной ценностью данной политики является просвещение – воспитание в подданных сознательных и образованных граждан, которые имеют свою точку зрения и право ее высказывать. Таким образом, можно утверждать, что популярная в XVIII в. философия Просвещения стала подспорьем для зарождения идей будущего либерализма, поскольку содержала в своей основе схожие ценности.

Вышеперечисленные положения «просвещенного абсолютизма» в отношении религии вступают в противоречие с исконно русскими традиционными ценностями. В чем же проявляется данное противоречие? Рассмотрим подробнее русские традиционные ценности.

Для начала необходимо четко сформулировать понятие «русские традиционные ценности», актуальное для данного исследования. Опираясь на статью В.Н. Дежнева и О.В. Новиковой, дадим определение: под русскими традиционными ценностями необходимо понимать совокупность духовно-нравственных ценностей, определяющих жизненные ориентиры как отдельного человека, так и общества, и государства в целом [4, с. 73].

Проблема значения ценностей в истории России давно занимала не только ученых-историков, но и русских писателей. В этой связи обратимся к Федору Михайловичу Достоевскому, поскольку никто, кроме этого, великого писателя и знатока русского человека, не может лучше сказать о ценностях и их основы для России: «Кто не понимает Православия, тот никогда и ничего не поймет в народе. Мало того: тот не может и любить русского народа, а будет любить его лишь таким, каким бы желал его видеть» [5, т. 27, с. 64]. Писатель указывает, что Православие и русский народ – единое целое, дополняющее друг друга, существующее неразрывно сотни лет. Православная вера формировала русский народ, прививала ценности, ставшие впоследствии неотъемлемой частью русского человека.

Поскольку в данном исследовании рассматривается конфессиональная политика Екатерины II, выделим русские традиционные ценности, которые напрямую связаны с религией: незыблемость православного вероучения, служение Богу, смирение, первенство православной церкви как основы государства и монаршей власти государя, и ее ведущая роль в воспитании личности, заложении в нее идеалов, принятых православным вероучением. Заметно, что проанализированные выше идеи философии Просвещения в отношении религии противоречат выделенным традиционным религиозным ценностям русского общества. Влияние этого противоречия выражается в «размытии» русских традиционных ценностей, что будет проиллюстрировано на конкретных примерах ниже.

Православие главной целью воспитания человека ставит спасение его души. Именно православная цер-

ковь как институт способна помочь человеку достичь таких результатов, поэтому ни при каких условиях невозможно ее подчинение государству. Церковь – это царство Божье на Земле, которое является оплотом традиционных ценностей. Именно церковь закладывает основы воспитания личности, дает образец семьи, в которой должен происходить процесс воспитания: семья, построенная на патриархальности, взаимоуважении, любви, честности и доверии [12, С. 125–126]. Однако, политика, проводимая Екатериной II, уже не предполагает господство православной церкви, она предполагает равенство конфессий, существующих в государстве, что ведет к «размытию» роли РПЦ как в формировании личности, так и в государстве.

Православный человек должен хранить в своей душе любовь к Богу, а также бороться с пороками, которые могут навредить его духу. Христианин обязан не отступать от веры, а истинно верить и помогать ближним справиться с сомнениями, если они попали под негативное влияние общества [12, С. 125–126]. Но идеи философов Просвещения, посеянные в умах посредством проводимой политики, зародили в обществе тенденцию, которую можно охарактеризовать следующим образом: жизнь чужого человека не касается никого, кроме его самого, и поэтому только ему определять для себя свои жизненные ориентиры без вмешательства других людей.

Государству же своей политикой следует способствовать распространению традиционных ценностей, искоренять атеистические взгляды в обществе: «не обиди, царю, святых божиих церквей и честных монастырей, еже данное богови в наследие вечных благ, на память последнему роду. О сем убо святый великий пятый собор страшное запрещение положи...» [17, С. 289]. Это положение напрямую нарушалось Екатериной II, распространяющей идеи свободы вероисповедания.

Политика «просвещенного абсолютизма», содержащая элементы только зарождающегося либерализма по отношению к религии, способствовала не просто увеличению в Российской империи адептов иных конфессий, не относящихся к православию. Она создавала почву для распространения среди дворянства и интеллигенции атеистических взглядов, поскольку образованные слои общества стремились объяснять все происходящие в мире события с научной точки зрения, попадая под «модные тенденции» «просвещенного абсолютизма».

Стремительно распространившиеся в среде образованного русского общества идеи философов Просвещения с элементами либерализма, которые рисовали картину будущего «идеального государства», на практике были сложно осуществимы, поскольку господствующий традиционный уклад жизни большей части населения (крестьянства) был основан именно на русских традиционных ценностях, что порождало назревание противоречий и кризиса [1, с. 9].

Конфессиональная политика Екатерины II содержала большое количество преобразований, которые достаточно сильно изменили положение религии и Церкви в стране. Так, 22 сентября 1762 г. манифестом об амнистии по случаю её коронации был положен конец преследованиям старообрядцев за их религиозные убеждения: «По раскольничьим (кроме прямых богохульников) делам, содержащимся до сего времени под караулом, всех освободить, и по учиненным об них сентенциям ничего не делать, а начатые следствия оставить» [10, с. 69]. Императрица продолжила политику Петра III по прекращению репрессий против старообрядцев.

Также Екатерина II выступала за равные права вне зависимости от вероисповедания. В Россию переезжали европейцы, которые преследовались в своих странах за религиозные убеждения. Императрица 22 июля 1763 г. подписала манифест «О дозволении всем иностранцам, в Россию въезжающим, поселяться в которых губерниях они пожелают и о дарованных им правах» [11, с. 313]. Так, были созданы первые колонии в Поволжье, которые объединялись по конфессиональному признаку (лютеранские, кальвинистские). Иностранцам было разрешено исповедовать ту веру, которой они придерживаются. Таким образом, среди исконно русского населения, исповедавшего православие, стали постепенно распространяться иные конфессии, в которые переходило местное население.

Следуя идеям Просвещения, Екатерина II позволила переселиться в Российскую империю лицам, состоящим в сектантских общинах, что вновь породило напряжение в духовной среде общества. Православная церковь категорически запрещает литургическое общение с сектантами, поскольку их учение – ложь, направленная на обман, формирование ложных убеждений, сбивающих с истинного пути православного человека. Главным аспектом деятельности Православной церкви в отношении сект является предупреждение распространения ложных учений, ересей, духовная борьба за истину. Однако конфессиональная политика, проводимая Екатериной II, в данном вопросе спровоцировала распространение западных лжеучений в обществе. В этом случае противоречие заключается в нарушении принципа «живите, но не проповедуйте». Иностранные сектантские общества, попав в Российскую империю, заняли активную позицию: начали распространение учений и привлечение новых адептов, вступая в конфронтацию с Православной церковью.

В феврале 1764 г. императрица издала указ «О дозволении выходить и селиться в России обществу братства

Евангелического Августинского исповедания» [14, с. 547]. Последователей данного вероисповедания называли гернгутерами или богемскими братьями.

Принципы новой политики в отношении религии Екатерина II решила закрепить в Своде законов. Для его разработки была собрана Уложенная комиссия, которой императрица 30 июля 1767 г. написала Наказ, где предлагала закрепить в документе свободу вероисповедания. Наказ сподвиг Екатерину II в 1773 г. принять указ «О терпимости всех вероисповеданий и о запрещении архиереям вступать в разные дела, касающиеся до иноверных исповеданий и до построения по их законам молитвенных домов» [15, с. 775].

Таким образом, изучив большинство законодательных актов Екатерины II, касающихся конфессиональной политики, можно сделать вывод, что иностранные конфессии получили в Российской империи практически полную свободу существования и распространения. Данные тенденции влекли за собой негативные последствия для традиционных ценностей русского общества, искажая их.

Последствия данной политики прослеживались в XIX в. Именно в XIX в. уже начинают складываться либеральные течения, выдвигаются либеральные идеи в программах государственных преобразований, связанных с созданием конституционной монархии и отменой крепостного права. Происходит организация тайных обществ и движение декабристов, которые выступали против устоев, сложившихся в русском государстве в течение столетий (ограничение самодержавия – покушение на власть, дарованную Богом). Все эти события являются последствием политики «просвещенного абсолютизма» Екатерины II.

Под влиянием идей Просвещения, как было выяснено ранее, оказалась конфессиональная политика, что привело к «размытию» таких ценностей, как незыблемости православного вероучения, служения Богу, смирения, поскольку формируется понятие свободы вероисповедания – русский человек уже не обязан исповедовать Православие, он имеет некоторую свободу выбора, что в корне противоречит испокон веков сложившимся устоям русского государства, где основой всегда выступала православная вера и институт Церкви как опора государства и общества. Распространение вольнодумства связано и с «размытием» в обществе абсолютных идеалов: в Православии таким идеалом является Иисус Христос, к которому должен стремиться каждый человек: «Итак будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» [2, с. 1017]. В конфессиональной политике Екатерины II развивалась идея отсутствия абсолютного идеала, поскольку у каждого человека появляется «свой» идеал.

Таким образом, политика «просвещенного абсолютизма» Екатерины II была тесно связана с идеями философов эпохи Просвещения и выражалась в преобразовании исконно русских традиционных ценностей, что приводило к столкновению православных и западных традиций, распространению вольнодумства, что в дальнейшем привело к трагедии – «размытию» русских традиционных ценностей и распространению апостасии в сознании целого ряда представителей русского образованного общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антипов В.С. Контрреформы и завершение политики просвещённого абсолютизма // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2014. №5. С. 3–14.
2. Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. – М.: Российское Библейское общество, 2014. – 1379 с.
3. Вольтер Ф.М. Трактат о веротерпимости, написанный в связи со смертью Жана Каласса. – М.: Эксмо-Пресс, 2020. – 128 с.
4. Дежнев В.Н., Новикова О.В. Традиционные ценности: к определению понятия // Вестник ШГПУ. 2015. №4 (28). С. 71–74.
5. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: В 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.
6. Записки императрицы Екатерины Второй: перевод с подлинника, изданнаго Императорской академией наук: с 12 портретами и 5 автографами. – С. – Петербург: издание А.С. Суворина, 1907. – 743 с.
7. Зайцева Т.И., Геймор С.В. Просвещенный абсолютизм Екатерины II: теория и практика // Материалы Всероссийской научно-практической конференции «Наука и социум». 2022. №XIX. С. 187–192.
8. Каменский А.Б. Российская империя в XVIII веке: традиции и модернизация. – М.: Новое литературное обозрение, 1999–328 с.
9. Ключевский В.О. Курс русской истории: учебник (в 9-ти томах) / В.О. Ключевский. - Т. 5. - М.: Мысль, 1989. – 476 с.
10. Манифест по случаю коронования Императрицы Екатерины II // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Том XVI. – СПб.: Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – 1120 с.
11. Манифест «О дозволении всем иностранцам, в Россию въезжающим, поселяться в которых губерниях они пожелают и о дарованных им правах» // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Том XVI. – СПб.: Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – 1120 с.

12. Поучение Владимира Мономаха // Сборник произведений русской литературы: Пособие для преподавания истории лит. в сред. учеб. заведениях / Сост. В. Скопин и В. Кеневич. Ч. 1-. Допетровский период / 26. — Санкт-Петербург: тип. Имп. Акад. наук, 1866. С. 123–130.
13. Соловьёв С.М. Сочинения. В 18 кн. XVIII. История России с древнейших времен. Т. 25–26. / Отв. Ред. И.Д. Ковальченко. – М.: Мысль, 1994. – 621 с.
14. Указ «О дозволении выходить и селиться в России обществу братства Евангелического Августинского исповедания» // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Том XVI. – СПб.: Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – 1120 с.
15. Указ «О терпимости всех вероисповеданий и о запрещении архиереям вступать в разные дела, касающиеся до иноверных исповеданий и до построения по их законам молитвенных домов» // Полное собрание законов Российской Империи. Собрание Первое. Том XIX. – СПб.: Типография II отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии, 1830. – 1083 с.
16. Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. №809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // [Электронный ресурс]. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405579061/?ysclid=ml7t56vmht599699255 (дата обращения: 04.02.2026).
17. Хрестоматия по истории СССР. Т. 1. С древнейших времен до конца XVII века: Пособие для учителей сред. школы / Сост. В.И. Лебедев, В.Е. Сыроечковский, М.Н. Тихомиров. - 2-е изд., испр. и доп. - Москва: Учпедгиз, 1939 (переплет: 1940) (Свердловск). – 464 с.

© Мешкова Екатерина Александровна (katya.meshkova14@yandex.ru), Дворковая Марина Васильевна (marinadvorkovaya@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2026.04–2.34

«НАРОДНАЯ ПРАВДА» ПРОТИВ «КАЗЁННОЙ НЕОБХОДИМОСТИ»: КРИЗИС ЛЕГИТИМНОСТИ И ЗАПРОС НА СПРАВЕДЛИВОСТЬ В КОНТЕКСТЕ ОТРЕЧЕНИЯ НИКОЛАЯ II (ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ)

Русаков Павел Александрович
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации
pavelrusakov8@gmail.com

Аннотация: В статье предлагается новаторская интерпретация причин и смысла Февральской революции 1917 года через призму конфликта между архетипическими представлениями народного сознания о справедливости («правде») и практикой имперского управления. Автор, опираясь на методологию «истории снизу» и историческую антропологию, доказывает, что крах монархии стал кульминацией не политического заговора, а глубокого ценностного разрыва. Исследование последовательно раскрывает, как нарратив «измены» и «кривды» власти, реконструируемый через слухи, фронтовую повседневность и символы, привёл к исчерпанию легитимности режима в глазах широких масс. Отречение Николая II анализируется как акт стихийного восстановления попранной «правды», что объясняет характер народной реакции на падение монархии. Работа вносит вклад в изучение ментальных оснований политических кризисов в русской истории.

Ключевые слова: Николай II, отречение, Февральская революция, историография, политическая антропология, легитимность, справедливость, правда, массовые настроения.

"PEOPLE'S TRUTH" VS. "STATE NECESSITY": THE CRISIS OF LEGITIMACY AND THE DEMAND FOR JUSTICE IN THE CONTEXT OF THE ABDICATION OF NICHOLAS II (HISTORIOGRAPHICAL ANALYSIS)

P. Rusakov

Summary: The article offers an innovative interpretation of the causes and meaning of the February Revolution of 1917 through the prism of the conflict between the archetypal popular consciousness of justice ("truth") and the practice of imperial governance. Drawing on the methodology of "history from below" and historical anthropology, the author argues that the collapse of the monarchy was the culmination not of a political conspiracy but of a deep value rift. The study consistently reveals how the narrative of "betrayal" and "falsehood" of power, reconstructed through rumors, front-line everyday life and symbols, led to the exhaustion of the regime's legitimacy in the eyes of the masses. Nicholas II's abdication is analyzed as an act of spontaneous restoration of the violated "truth", which explains the nature of the popular reaction to the fall of the monarchy. The work contributes to the study of the mental foundations of political crises in Russian history.

Keywords: Nicholas II, abdication, February Revolution, historiography, political anthropology, legitimacy, justice, truth, mass attitudes.

Введение

Акт отречения императора Николая II в марте 1917 года, ставший точкой бифуркации русской истории, продолжает оставаться предметом острых историографических дискуссий. Традиционно фокус исследования смещается между полюсами системного кризиса (война, экономика, институциональный распад) и личностного фактора (политическая воля монарха). В результате за рамками анализа зачастую остаётся ключевое измерение — ментальное и ценностное поле, в котором этот кризис разворачивался и обретал смысл для миллионов современников [1, с. 15]. Существующие школы — от марксистской до конспирологической — объясняют Февраль, исходя преимущественно из логики элит (классов, генералитета, заговорщиков) или абстрактных социально-экономических структур. Однако при этом почти не уделяется внимание тому, как само событие было воспринято и осмыслено «широкими народными массами», чьё стихийное движение в Петрограде стало его детонатором [2, с. 78].

Данное исследование исходит из гипотезы, что в основе массового отчуждения от власти лежал не только социально-экономический, но и глубокий морально-этический кризис. К 1917 году в общественном сознании сформировался и был катастрофически превышен «предел допустимой несправедливости». Монархия, традиционно легитимирующая себя через патриархальную связь с народом и сакральный образ «царя-батюшки», в условиях тотальной войны перестала соответствовать глубинному народному запросу на «правду» [3, с. 45].

Этот запрос, имеющий давние корни в русской культурной традиции, не был чёткой политической программой, но выступал как мощная ментальная конструкция, определяющая границы приемлемого и должного.

Целью статьи является переосмысление причин и значения отречения через призму конфликта между имперской государственной «необходимостью» и народной «правдой». Для её достижения поставлены следующие задачи:

1. Критически проанализировать основные историографические подходы к Февральской революции, выявив их методологические ограничения в оценке роли массового сознания.
2. На основе методологии истории повседневности и эмоций реконструировать ключевые нарративы («измена», «кривда»), доминировавшие в общественных настроениях 1916–1917 гг.
3. Показать, как конкретные действия и бездействие верховной власти дискредитировали её в моральном ключе, усиливая ощущение несправедливости.
4. Интерпретировать акт отречения и его восприятие как кульминацию ценностного разрыва и акт стихийного восстановления «правды».

Методологическую основу работы составляет комплексное применение историографического анализа, методов истории понятий и политической антропологии. Особое внимание уделяется подходу «истории снизу», позволяющему реконструировать картину мира обывателя через анализ массовых источников: писем, донесений, материалов перлюстрации, слухов [4, с. 112]. Этот подход коррелирует с цивилизационным и имагологическим анализом, развиваемым в трудах В.Э. Багдасаряна, где ключевое внимание уделяется конкуренции идеологических конструктов и образов прошлого в исторической политике [5, с. 201].

Новизна исследования заключается в последовательном синтезе критики классической историографии, анализа ментальных оснований народного протеста и изучения механизмов делегитимации власти. Такой ракурс позволяет предложить целостное объяснение, в котором Февраль предстаёт не как результат интриг элит, а как следствие системного конфликта между народной этикой справедливости и практикой управления.

Концептуальный базис: «Правда» и «Кривда» как категории народного сознания

Для адекватного анализа позиции «широких народных масс» необходимо определиться с понятийным аппаратом, отражающим специфику их мировосприятия. Ключевыми концептами в данном контексте выступают «правда» и «кривда». В русской дореволюционной ментальности «правда» — сложное, многомерное понятие, выходящее далеко за рамки фактологической достоверности или юридической нормы. Как отмечает А.Л. Боретская, оно вбирает в себя «морально-этическое измерение, справедливость в высшем, сакральном смысле» [3, с. 33]. «Правда» — это универсальный безусловный порядок, гармония между словом и делом, властью и народом, человеком и совестью. «Жить по правде» означало жить праведно, в согласии с этим высшим законом.

Антиподом «правды» выступала «кривда» — состояние лжи, неправедности, нарушенной гармонии. Если «правда» олицетворяла должный миропорядок, то «кривда» символизировала его извращение, ситуацию, когда формальные законы и реальные поступки власти входили в противоречие с моральными устоями общества.

В контексте нашего исследования «правда» становится аналитическим инструментом для объяснения кризиса легитимности. Мы рассматриваем, как практика власти (нерешительность, слухи об измене, связь с Распутиным) в массовом сознании трансформировалась в образ тотальной «кривды». Император, будучи в народной традиции помазанником Божиим и верховным гарантом «правды», в восприятии миллионов превратился в её нарушителя или, что ещё хуже, в марионетку сил «кривды». Стихийные же требования конца войны, раздела земли, прекращения произвола были не только социальными, но и глубинными этическими требованиями восстановления «правды».

Историография «снизу»: запрос на справедливость как движущая сила Февраля

Классические историографические парадигмы — государственническая, либеральная, марксистская — при всей их ценности, зачастую говорят о народе, но не дают говорить народу. Они либо растворяют конкретного человека в безличных категориях «класса» или «нации», либо видят в нём объект манипуляции элит [1, с. 22]. Ответом на эту лакуну стал методологический поворот к истории повседневности, социальной истории эмоций и истории ментальностей.

Исследования последних лет, опирающиеся на этот подход, позволяют реконструировать смысловое поле предреволюционной России. Работы В.Б. Аксёнова убедительно показывают, что слухи об «измене» в Ставке, о «царице-немке» и Распутине были не просто сплетнями, а формой коллективного осмысления катастрофы. Они «выполняли функцию моральной компенсации за поражения и лишения, переводя военно-политический кризис в плоскость этическую» [2, с. 155]. Война объяснялась не ошибками, а злым умыслом, что делало власть виновной в высшей несправедливости.

Б.И. Колоницкий, анализируя символическую политику, демонстрирует, как фигура Распутина и слухи о нём работали на десакрализацию трона. Сакральный образ «царя-батюшки» рассыпался, уступая место образу безвольного правителя, находящегося под влиянием тёмных сил, что являлось воплощением «кривды» [6, с. 280]. А.Б. Асташов, изучая фронтовую повседневность, документирует, как тяготы окопной жизни, чудовищные потери и пропасть между солдатами и офицерами формировали у многомиллионной армии чувство брошенности и обманутости. Война теряла сакральный смысл «защиты отечества» и представала бессмысленной бойней, устроенной «господами» [7, с. 417].

Кризис имперского управления: нерешительность, отдаление и разрыв «правды»

Ментальный разрыв между властью и народом не был предопределён, а активно конструировался конкретными действиями и бездействием верховной власти. Кульминацией тенденции к уходу от ответственности стал отъезд Николая II в Ставку 22 февраля 1917 года на фоне нарастающего кризиса в Петрограде. Этот шаг был воспринят как физическое и символическое бегство от проблем, подтверждавшее образ слабого правителя [8, с. 89].

В дни нарастания волнений проявился управленческий паралич. Получая противоречивые сведения, император не смог выработать чёткой линии. Его реакция была запаздывающей и половинчатой: жёсткий приказ Хабалову «завтра же прекратить... беспорядки» не был подкреплён реальными ресурсами и волей. Эта нерешительность дезориентировала бюрократию и армию, которые, не видя твёрдой руки, начали действовать самостоятельно [8, с. 134].

Управленческая слабость усугублялась катастрофическим падением символического капитала монархии. Фигура Распутина, как показано выше, стала олицетворением «неправильности» и «кривды» власти. Замкнутый, изолированный образ жизни императорской семьи в Царском Селе или Ставке создавал эффект «жития под стеклянным колпаком», окончательно отдаляя трон от страны, которую он перестал чувствовать и понимать.

К февралю 1917 года управленческий паралич и символическая десакрализация слились в единый процесс. Местные власти, не получая внятных указаний, теряли волю к действию. Солдаты отказывались подчиняться офицерам, ассоциирующимся с прогнившим режимом. Кризис эффективности («не могут управлять») окончательно перерос в кризис легитимности («не имеют права управлять»).

Хроника разрыва: механизм отречения и народный вердикт (февраль – март 1917 г.)

Хронология событий наглядно демонстрирует, как ценностный разрыв материализовался в конкретных решениях и реакциях.

- **23–27 февраля:** в ответ на начавшиеся в Петрограде волнения из Ставки следует лишь грозная, но неисполнимая телеграмма. Ключевым событием 27 февраля становится стихийное издание Приказа №1 Петроградского Совета, который, упраздняя традиционную воинскую дисциплину, стал актом правового нигилизма и символического низвержения старой «кривды» [9, с. 56]. Войска переходят на сторону восставших.
- **28 февраля – 1 марта**: Поезд Николая II, направляющийся в столицу, блокируется. Император оказывается в изоляции в Пскове. Начинаются переговоры с думскими представителями, в ходе которых генерал Н.В. Рузский убеждает царя в безнадёжности положения.
- **2 марта**: Получив телеграммы от всех главнокомандующих фронтами, практически единодушно высказавшихся за отречение как за средство спасения армии и страны, Николай II подписывает акт об отречении. Решение генералов было продиктовано не столько «заговором», сколько прагматическим осознанием полной потери управления и страхом перед гражданской войной. Они лишь оформили свершившийся разрыв.
- **3–4 марта:** Известие об отречении вызывает в Петрограде, Москве и других крупных городах всенародное ликование, сравнимое с пасхальной радостью. Это была реакция не на конкретную политическую программу, а на акт восстановления «правды», на сокрушение источника «кривды». Как отмечал современник, монархия «отгнила и отвалилась» потому, что народ внутренне уже отрёкся от неё [10, с. 178].

Заключение

Проведённое исследование позволяет предложить целостную интерпретацию Февральской революции, выводящую в центр анализа конфликт между народными представлениями о справедливости и практикой имперской власти.

Крах монархии в феврале-марте 1917 года стал закономерным итогом не военного заговора или экономического коллапса, а глубокого кризиса легитимности, коренящегося в ментальной сфере. Ключевым механизмом этого кризиса стал растущий разрыв между «казённой необходимостью» государства и народной «правдой» — архетипическим запросом на высшую, сакральную справедливость. Современная историография «снизу»

позволила реконструировать, как в общественном сознании 1916–1917 гг., через слухи об «измене» и опыт фронтовой «окопной правды», формировался образ власти как источника тотальной «кривды».

Конкретные управленческие практики последнего царствования — нерешительность, самоизоляция, связь с одиозными фигурами — не ослабляли, а активно конструировали этот образ, дискредитируя монархию в моральном ключе. Хронология февраля-марта 1917 года показывает, что отречение Николая II стало финальной констатацией факта, уже свершившегося в коллективном сознании нации: народ внутренне отрёкся от власти, которая перестала быть воплощением «правды». Стихийное ликование по поводу падения монархии было радостью освобождения от «неправды», актом восстановления нарушенного морального порядка.

Данный подход, синтезирующий историографическую критику, анализ ментальностей и политическую антропологию, согласуется с методологией изучения исторических нарративов и идеологических конструктов, развиваемой В.Э. Багдасаряном. Он позволяет перейти от анализа формальных институтов к исследованию ценностных оснований политики, что открывает новые перспективы для понимания природы легитимности и механизмов революционных кризисов в русской истории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Багдасарян В.Э., Орлов И.Б., Реснянский С.И. Современная историография новейшей истории России и истории СССР. М., 2018.
2. Аксёнов В.Б. Слухи, образы, эмоции. Массовые настроения россиян в годы войны и революции (1914–1918). М., 2020.
3. Боретская А.Л. Концепт «правда» в русской языковой картине мира // Вопросы языкознания. 2015. № 4. С. 32–48.
4. Сухова О.А. История повседневности Первой мировой войны: методология и источники // Российская история. 2014. № 6. С. 110–125.
5. Багдасарян В.Э. Историческая политика: мировой опыт и российские реалии. М., 2018.
6. Колоницкий Б.И. «Трагическая эротика»: Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М., 2010.
7. Асташов А.Б. Русский фронт в 1914 – начале 1917 года. М., 2019.
8. Данилов А.Г. Император Николай II накануне отречения: дилеммы управления // Вопросы истории. 2017. № 3. С. 85–99.
9. Ямщиков С.В. Социально-психологические детерминанты «солдатской революции» 1917 года в России // Военно-исторический журнал. 2016. № 2. С. 54–60.
10. Мендельсон Н. Дни перелома: Записки современника. Пг., 1918.

© Русаков Павел Александрович (pavelrusakov8@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2026.04–2.37

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ УРАЛЬСКИХ ЗЕМСТВ В 1900–1919 ГГ.

SOCIO-ECONOMIC ACTIVITY OF THE URAL ZEMSTVOS IN 1900-1919

I. Semenchenko
A. Suvorova
S. Petrovsky

Summary: The article reveals the socio-economic activities of local governments - zemstvos in the Urals in the period 1900-1919. These areas include the development of agricultural production, the cooperative movement, handicraft industry, road construction, improvement of public health services, social insurance, public education, etc. The work of the zemstvos in all these areas contributed to improving the material well-being of citizens and strengthening the power of the state, transforming Russia from an agrarian into an industrial power.

Keywords: zemstvo, zemstvo council, zemstvo assembly, agronomic department, veterinary department, zemstvo college.

Семенченко Ирина Васильевна
Доктор исторических наук, доцент,
Филиал ФГАОУ ВО Южно-Уральский государственный университет, г. Златоуст
semenchenkoiv@susu.ru
Суворова Анна Викторовна
Кандидат исторических наук, доцент,
Филиал ФГАОУ ВО Южно-Уральский государственный университет, г. Златоуст
suvorovaav@susu.ru
Петровский Станислав Станиславович
Старший преподаватель,
Филиал ФГАОУ ВО Южно-Уральский государственный университет, г. Златоуст
petrovskiiss@susu.ru

Аннотация: В статье раскрываются социально-экономические направления деятельности органов местного самоуправления - земств на Урале в период 1900–1919 годов. К числу таких направлений относятся и развитие сельскохозяйственного производства, и кооперативного движения, кустарной промышленности, дорожного строительства, совершенствование медицинского обслуживания населения, социального страхования, народного образования и т.д. Работа земств по всем этим направлениям способствовала повышению материального благосостояния граждан и укреплению мощи государства, превращению России из аграрной в индустриальную державу.

Ключевые слова: земство, земская управа, земское собрание, агрономический отдел, ветеринарный отдел, земское училище.

Активизация деятельности местных органов самоуправления всегда играет большую роль в повышении материального благосостояния народа и способствует укреплению могущества государства. Именно на местные власти возлагаются надежды и ответственность за удовлетворение повседневных нужд и запросов людей на достойную жизнь.

Обратимся к историческому опыту работы земств. Созданные в России в 1864 году, на Урале земства возникают позднее: в Вятской губернии в 1867 г., Пермской – в 1870, Уфимской – в 1875, а в Оренбургской губернии и того позже – только в 1913 году. Деятельность земских органов была разнообразной. Это и развитие сельскохозяйственного производства, кустарной промышленности, дорожного строительства, кооперативного движения. Земства заботились о социальной защите населения. Они совершенствовали медицинское обслуживание граждан, народное образование, как школьное, так и внешкольное, открывали библиотеки, избы-читальни, народные дома, кружки по интересам, народные театры, выставки и музеи, проводили ярмарки и праздники.

Одной из важных задач, которая стояла перед земствами, являлась развитие сельскохозяйственного производства. Земства прилагали силы для расширения посевных площадей и увеличения сельскохозяйственной продукции, так и для повышения производительности труда. Для решения поставленной задачи была проведена большая организационная работа. При губернских и уездных земских управах были созданы агрономические и ветеринарные отделы. Они оказывали сельскому населению практическую помощь в ведении хозяйства и распространения новых приёмов и технологий. Стержень экономических отделов составляли агрономы различных региональных уровней: губернский – уездные – участковые – помощники агрономов. Для решения важнейших проблем они ежегодно проводили агрономические съезды, по мере необходимости собирали агрономические совещания. В агрономических отделах были и узкие специалисты: инструкторы и мастера по различным отраслям сельского хозяйства. В круг их деятельности входило создание и развитие опытно-показательных участков, полей, организация сельскохозяйственных курсов, проведение выставок, хранение

семенных материалов и др. По такой же схеме были созданы ветеринарные отделы, которые оказывали помощь крестьянству в развитии перспективных пород мясного и молочного крупного рогатого скота, овец, лошадей. Больших успехов достигла ветеринарная служба Урала. Губернские и уездные земства проводили учёт пород местного скота, выделяли средства на профилактику болезней скота и на лечение животных, занимались страхованием скота. Земства организовывали лекции по пропаганде среди местных жителей научных основ ветеринарии, зоотехники и зоогигиены.

Земства открывали сельскохозяйственные школы и училища по подготовке специалистов в области агрономии и ветеринарии, и другим смежным наукам. А затем подготовленные квалифицированные кадры приглашали на работу в сёла. За период с 1900 по 1919 годы в регионе было подготовлено более 1000 агрономов, инструкторов, техников, заведующих опытно-показательными участками, хозяйственными складами, специалистов по огородничеству, пчеловодству, садоводству и т.д. Они также открывали курсы по распространению сельскохозяйственных знаний. За рассматриваемый период земствами было организовано 85 сельскохозяйственных курсов по скотоводству, маслоделию, пчеловодству, на которых обучилось 5 тысяч человек. Курсы проводились регулярно в Перми, Уфе, Вятке, Троицке, Челябинске. Важнейшей задачей земств была забота о зерновом производстве. Поставленная задача была решена. За исследуемый период сбор хлебов вырос почти в 2 раза - с 232248 тыс. пуд. до 436775 тыс. пуд. [3, с 48–49]. Увеличение товарной сельскохозяйственной продукции способствовало развитию перерабатывающей промышленности, которая создавала рынок сбыта для предприятий, производивших оборудование, необходимое для работы колбасных и мясоконсервных заводов, маслозаводов, пекарен и других предприятий. В будущем это был путь превращения России из аграрной в индустриальную державу.

Органы местного самоуправления с самого начала своей деятельности оказывали большую помощь и кооперативному движению. На Урале получили популярность 2 формы кооперативов: производственные и обслуживающие. Были разнообразные виды кооперации: артельные лавки, кредитные товарищества, общества потребителей и др. К примеру, в Кургане ещё в ноябре 1907 года был создан Союз Сибирских маслодельных артелей. Он заключил договор на приобретение оборудования и сбыт продукции в Англии. Союз Сибирских маслодельных артелей объединял 380 артелей в Западной Сибири, Зауралье, Казахстане, в том числе и маслоделии Челябинска. В регионе были распространены пуховязальные кооперативы в Оренбурге, кирпичные и кожевенные – в Челябинске, металлообрабатывающие в Златоусте, деревообрабатывающие в Уфе и другие кооперативы.

В Челябинском уезде, например, до 1916 года было 15 кооперативов, а в 1917 году было открыто ещё 25. Наиболее значимые из них – Даньковская и Сухоборская маслодельные артели, а также Половинское и Введенское кредитные товарищества, Воскресенское сельскохозяйственное общество, Куртамышское, Шумихинское, Белоярское общества потребителей и др. В Уфимской губернии в 1914 году было зарегистрировано 125 кооперативов, ориентированных на производство аграрной продукции. По уездам картина была следующей: в Уфимском уезде работало 19 кооперативов, Бирском – 23, Златоустовском – 30, Белебеевском – 19, Мензелинском – 25, Стерлитамакском – 9 [5, л.14].

Именно благодаря земствам кооперативное движение успешно развивалось на Урале и по всей России и способствовало обеспечению населения необходимыми товарами.

Земства Урала поддерживали развитие кустарных промыслов. Данная поддержка заключалась в обеспечении кустарей всем необходимым материалом и оборудованием, обучением и распределением по участкам мастеров-специалистов, поиском источников оплаты их труда, оказанием помощи в реализации выпускаемой продукции. Все эти мероприятия дали свои плоды. Уральские кустари участвовали на Всероссийских кустарных выставках в Санкт-Петербурге, Москве, Омске и других городах, где их продукция не раз получала высокую оценку и признание. Участие в таких форумах решало многочисленные задачи, связанные с приобретением рынков сбыта товаров, показом состояния кустарной промышленности края, привлечением внимания и помощи в этой работе со стороны правительства.

К числу обязательных повинностей земств относились заведование дорогами и почтовыми трактами. Для успешного ведения хозяйства, особенно поставок и сбыта товаров, связей регионов необходимо было создание современной инфраструктуры. В начале XX века дороги разных уровней находились в плачевном состоянии. Поэтому с момента своего существования земства обратили внимание на недостатки в развитии дорожного строительства. При губернских и уездных земских управах создавались специальные дорожные отделы, в ведение которых входило обследование дорог, описание их экономического значения, планирование сети дорог, разделение их на категории, создание очерёдности ремонта или строительства новых дорог. В результате огромной организационной и финансовой деятельности земств были введены в эксплуатацию следующие железнодорожные пути: Оренбург – Уфа – Пермь, Оренбург – Казань – Галич, Троицк – Стерлитамак – Николаевск, Бердяуш – Верхнеуральск – Магнитная – Сара, Нижняя Салда – Алапаевск – Ирбит – Тавда. Земства выделяли денежные средства на сооружение дорог и мостов местного значения.

Таким образом, экономическая деятельность земств Урала носила всесторонний характер, она касалась всех основных направлений экономики региона. На территории всех уральских губерний именно при непосредственном участии земств была создана многоуровневая структура экономических органов, гибко реагировавших на изменения потребностей населения. Именно земские мероприятия ускорили развитие рыночных отношений на Урале, укрепили связи между населёнными пунктами.

В социальной деятельности земств большое значение играло развитие здравоохранения в регионе. Работу земств в этой сфере можно разделить на лечебную, санитарную и хозяйственную. Земства стремились не только к количественному росту больниц, но и заботились, чтобы они соответствовали всем требованиям гигиены, были оборудованы необходимыми медицинскими материалами и инструментами, снабжались нужными медикаментами, следили за качеством питания больных, отоплением, освещением и водоснабжением. За исследуемый период на Урале было построено 148 больниц и 186 аптек, которые обслуживали все основные населенные пункты огромного края; организовано 87 курсов повышения квалификации для врачей, фельдшеров и акушерок; проведено 95 противоэпидемических мероприятий, эффективность которых определялась десятками тысяч спасенных жизней [4, с. 134].

Работа земств по социальной защите населения включала в себя выплату пособий малоимущим гражданам, а также семьям лиц, призванных на военную службу, вдовам, детям – сиротам, покалеченным воинам; страхование гражданам от несчастных случаев, а их имущества от пожаров, наводнений и других бедствий, создание касс мелкого кредита, способствовала повышению жизненного уровня народа.

Уральские земства значительную лепту внесли в развитие в регионе школьного и профессионального образования, способствовали решению проблемы ликвидации неграмотности и повышения культурного уровня народа. Благодаря местным органам самоуправления было открыто 8897 школ, число учащихся в которых достигало 1147136 человек [4, с.178]. Земства занимались становлением дошкольного воспитания, открывали детские сады, ясли и приюты, организовывали школы для взрослых, подбирали и обучали кадры для этих заведений. Большую часть своего бюджета земства расходовали именно на народное образование. Существенной особенностью просветительской политики уральских земств являлось системная забота о просвещении нерусского населения региона. За исследуемый период уральские земства организовали 68 курсов подготовки преподавателей – мусульман для русско-башкирских и русско-татарских начальных училищ. Земства организовывали курсы повышения педагогического мастерства учителей национальных школ. Они проводились в Уфе, Оренбурге, Вятке, Перми, Троицке и других городах.

Земства Урала сыграли серьёзную роль в развитии культурно-просветительских учреждений и организаций: библиотек-читален, народных домов, художественных выставок, музеев, народных театров, творческих кружков, чтений, лекций и др. В народных домах действовали драматические кружки, воскресные школы. Создав сеть культурно-просветительных организаций и учреждений, земства тем самым привлекли население к участию в политической и общественной жизни страны, способствовали нравственному и эстетическому воспитанию народа.

Таким образом, социально-экономическая деятельность земств Урала была плодотворной и многогранной и отвечала насущным потребностям страны и народа.

Изучение социально-экономической деятельности земств на Урале даёт возможность глубже и основательнее понять и осмыслить политику властей и реакцию общества на неё в исследуемый период времени, извлечь необходимые уроки из полученного исторического опыта и избежать ошибок при проведении современных преобразований в сфере местного самоуправления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Герасименко Г.А. Земское самоуправление в России [Текст] / Г.А. Герасименко. – Москва: Наука, 1990. - 264 с.
2. Семенченко И.В. Земство на Южном Урале в 1917 – 1918 гг. [Текст] / И.В. Семенченко. – Челябинск: Изд-во ЦНТИ, 2005. – 185 с.
3. Семенченко И.В. Экономическая жизнь уральского земства в 1900 – 1918 гг. [Текст] / И.В. Семенченко. – Челябинск: Изд-во ЦНТИ, 2005. – 132 с.
4. Семенченко И.В. Социально-экономическая деятельность уральского земства в 1900 – 1918 гг. [Текст] / И.В. Семенченко. – Челябинск: Изд-во ЦНТИ, 2006. – 308 с.
5. Центральный государственный исторический архив Республики Башкортостан (ЦГИАРБ). Ф, И – 151. Оп. 1. Д. 21.

© Семенченко Ирина Васильевна (semenchenkoiv@susu.ru), Суворова Анна Викторовна (suvorovaav@susu.ru),
Петровский Станислав Станиславович (petrovskiiss@susu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2026.04–2.08

БИЛИНГВИЗМ КАК ФАКТОР КОМПЕНСАЦИИ И СОХРАНЕНИЯ ЯЗЫКОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ У РЕБЁНКА С МОТОРНОЙ АЛАЛИЕЙ: ЛОНГИТЮДНОЕ НАБЛЮДЕНИЕ

BILINGUALISM AS A FACTOR IN THE COMPENSATION AND MAINTENANCE OF LINGUISTIC IDENTITY IN A CHILD WITH MOTOR ALALIA: A LONGITUDINAL STUDY

N. Vasilyeva
S. Egorova

Summary: This article addresses an important practical issue: the native (Yakut) language development possibility and necessity for children with speech disorders in context of Yakut-Russian bilingualism. A longitudinal study of V., a child with a motor alalia, demonstrates that early bilingualism is not a barrier to development, but, in case of high cognitive potential, can act as a compensating factor, training metalinguistic skills and cognitive control. A comparative analysis of his verbal retelling (age 9) and writing (age 15) demonstrates positive dynamics, despite a persistent difficulty with grammatical structuring. At the same time, typical linguodidactic problems were identified for normotypic bilingual adolescents, indicating a lack of systematic work on speech development in the Yakut language (M., 15 years old, A., 15 years old). It was concluded about the need to overcome the established practice of switching children with speech development disorders to monolingual (Russian language) education and to develop methods for supporting bilingual development that ensure ethnocultural identity preservation.

Keywords: motor alalia, general speech underdevelopment, compensation, bilingualism, Yakut language, native language, language identity, longitudinal observation, linguodidactics.

Васильева Надежда Николаевна
Кандидат педагогических наук, ведущий научный сотрудник, ГБУ Академия наук Республики Саха (Якутия)
vasna73@mail.ru
Егорова Саргылана Николаевна
Врач невролог-эпилептолог высшей категории, научный работник
ГБУ Академия наук Республики Саха (Якутия)
esargylana71@gmail.com

Аннотация: Статья посвящена решению актуальной практической проблемы: возможности и необходимости развития родного (якутского) языка у детей с нарушениями развития речи в условиях якутско-русского билингвизма. На материале лонгитюдного наблюдения за ребёнком В.С моторной алалией обсуждается, что ранний билингвизм не является препятствием для развития, а в случае высокого когнитивного потенциала может выступать компенсирующим фактором, тренирующим металингвистические навыки и когнитивный контроль. Сравнительный анализ его устного пересказа (9 лет) и письменного изложения (15 лет) демонстрирует положительную динамику, несмотря на стойкие трудности грамматического структурирования. Параллельно выявлены типичные лингводидактические проблемы у нормотипичных билингвов-подростков, указывающие на дефицит системной работы по развитию речи на якутском языке (М., 15 лет, А., 15 лет). Делается вывод о необходимости преодоления сложившейся практики перевода детей саха с нарушениями в развитии речи на монолингвальное (русскоязычное) обучение и разработки методик поддержки билингвального развития, обеспечивающих сохранение этнокультурной идентичности.

Ключевые слова: моторная алалия, общее недоразвитие речи, компенсация, билингвизм, якутский язык, родной язык, языковая идентичность, лонгитюдное наблюдение, лингводидактика.

Введение

В образовательной практике Республики Саха (Якутия) для детей саха с диагностированным общим недоразвитием речи часто рекомендуется обучение исключительно на русском языке. Это мотивируется стремлением снизить когнитивную нагрузку и сформировать устойчивые речевые навыки на одном языке в критический период освоения языка. Однако подобный подход ставит под угрозу важнейший аспект развития личности – формирование этнокультурной и языковой идентичности, отрывая ребёнка от родной речевой среды семьи и сообщества. Дети с общим недоразвитием речи нуждаются не только в логопедической помощи, им необходима психологическая и социальная поддержка на родном языке – языке семьи [5].

Современные исследования опровергают мнение о вреде билингвизма для детей с речевыми нарушениями, указывая на то, что двуязычие само по себе не вызывает и не усугубляет нарушения, а требует качественной дифференциальной диагностики и адекватной поддержки [8]. Вместе с тем исследователи указывают о необходимости обратить внимание и на биологическую основу билингвизма и языковые аттриции [1]. Также отмечают о неоднородности билингвов как группы, что становится причиной разночтения о преимуществах двуязычия в развитии когнитивных функций, в связи с чем подчёркивают, что данное направление требует дальнейших исследований [4].

Цель настоящей статьи – на конкретном лонгитюдном наблюдении показать, что ребёнок с моторной алалией может успешно осваивать два языка, и что ранний билингвальный опыт может способствовать когнитивной компенсации. Параллельно мы ставим задачу показать, что трудности в овладении письменной речью на якутском языке характерны не только для детей с общим недоразвитием речи, но и для нормотипичных билингвов.

Материал и методы исследования

В качестве основного материала использованы речевые продукты ребёнка с моторной алалией В.: 1) стенограмма устного пересказа текста "Хотой оҕото" в возрасте 9 лет; 2) письменное изложение текста "Үрүмэччилэр" в возрасте 15 лет. Для сравнительного анализа привлечены письменные изложения двух нормотипичных билингвов-подростков (М., 15 лет и А., 15 лет). Применялись методы: качественный лингвистический анализ, сравнительно-сопоставительный метод, лонгитюдный анализ динамики речевого развития.

Результаты исследования

В., мальчик, родился от матери 36 лет третьим ребёнком в семье. Наследственность не отягощена по нарушениям психологического и речевого развития. Беременность протекала без патологий. Роды в 41 неделе беременности, через естественные родовые пути. Масса тела при рождении 3825 г, рост – 55 см, оценка по Апгар 8/9 баллов. Выписан домой на 4 сутки в удовлетворительном состоянии. Моторное развитие шло с опережением: сидит с 5 месяцев, ходит с 8,5 месяцев. Предречевое развитие по возрасту: гуление с 3 месяцев, лепет с 6 месяцев. Задержка речевого развития выявлена к 1 году. Наблюдался и лечился у невролога с диагнозом: Специфическое расстройство речевого развития, моторная алалия.

Специфическое расстройство речевого развития – первичное нарушение речи у ребёнка с соответствующим возрасту уровнем психического развития, без нарушений слуха и органического поражения нервной системы. Проявляется заболевание с раннего возраста, без предшествующего этапа нормального речевого развития. Факторы риска формирования данной патологии: генетические (в данном случае возраст матери, мужской пол), медицинские (в данном случае переношенная беременность), социальные. Виды специфического расстройства речевого развития: задержка речевого развития, общее недоразвитие речи, моторная, сенсорная и сенсомоторная алалия, дислалия, дизартрия. Моторная алалия является следствием нарушения созревания центра моторной речи головного мозга (центр Брока), расположенного в прецентральной извилине лобной доли доминирующего полушария, что ведёт к нарушению экспрессивной речи, т.е. говорения словами. При этом сохранена импрессивная речь (понимание обращенной речи). У ребёнка с моторной алалией есть желание общаться с окружающими людьми, в отличие от детей с расстройствами аутистического спектра. Для коммуникаций ребёнок активно использует невербальные способы: жесты, мимику, голосовые интонации. После выхода из моторной алалии сохраняются, как правило, общее недоразвитие речи и дизартрия [2], [3], [6], [7].

В. получал комплексное реабилитационное лечение: медикаментозное, аппаратное физиолечение, массаж, кинезиотерапия, занятия с логопедом-дефектологом и психологом. Первые отдельные слова мальчик начал говорить в 3 года. Фразовая речь сформировалась в 5 лет на якутском и русском языках одновременно, при этом доминирующим языком был родной (якутский) язык (естественный билингвизм). В дошкольном возрасте продолжал лечение у невролога, занятия с психологом и логопедом для преодоления общего недоразвития речи и дизартрии. В детском саду посещал группу с родным (якутским) языком воспитания. С 7 лет учится в общеобразовательной школе по общей программе с обучением на родном (якутском) языке, а также с изучением родного (якутского) языка и литературы. Наблюдается перекрёстная мануальная ассиметрия, при котором левая рука доминирует при выполнении графических задач (письмо, рисование), правая – при манипуляциях с предметами бытового назначения (столовые приборы). Успеваемость хорошая, обладает широким кругозором, ответственный, самоорганизованный, самостоятельный. Занимает призовые места в школьных и городских олимпиадах по различным предметам. Речь медленная с активной жестикуляцией. Говорит на родном (якутском) языке, а также свободно владеет русским языком, успешно изучает иностранный (английский) язык. Вместе с тем испытывает коммуникативные трудности в общении, в установлении межличностных контактов.

Анализ устной речи В. в 9 лет.

В. был предложен художественный текст “Хотой оҕото” (“Орлёнок») на якутском языке, который логически структурирован, содержит последовательное развертывание сюжета, детализацию поведения птенца, причинно-следственные связи, использованы выразительные средства. Оригинал текста представлен в приложении № 1.

Приложение № 1

Хотой оҕото
(текст-оригинал)

Биһиги оттуу сылдьан Хайаада диэн сиргэ төрөөбүт хотойу көрбүппүт. Хотой биир оҕолооҕо. Оҕото бэйэтин саҕа улааттар даҕаны, ыраах көппөт. Уйатыттан сиргэ түһэр, сиртэн олорор мутугар көтөн тахсар.

Сарсыарда ийэтэ бултуу барарыгар мутукка олорон хаалар. Киэһэ ийэтэ кэлиэр диэри мутугар ол курдук олорор. Маһынан халбарыччы астахха, кыыһыран түүтүн сахсатар, өрө үллэн тахсар уонна сүр үлүгэрдик чаачыгыраччы саҥарар. Оннооҕор өлбүт тураах аҕалан тиитин анныгар ууран кэбистэххэ, ийэтэ кэлиэр диэри сиэбэт. Киэһэ ийэтэ кэллэҕинэ эрэ сиргэ түһэр.

Ийэтэ сорох ардыгар сүүрбэччэ көс сиртэн өрүс балыгын аҕалар. Оччоҕо үөрүү-көтүү, сапсыныы бөҕө. Ийэтин кэһиитин кытта холбуу били тураах эмиэ сиэн кэбиспит буолар.

Сарсыарда ийэтэ барбытын кэннэ көрдөххө, хотой оҕото бэҕэһээҥҥи мутугар бобуччу тутуһан, баҕыырдаах тыҥырахтара килбэһэн, тумса токуруйан олорор буолар.

Хотой оҕото даҕаны ийэтин тылын олус иститтиэ эбит, ийэтэ барарыгар ханна олордубутай да, онтон уһун күнү быһа биирдэ халбарыйан көрбөт. (Егор Макаров) (136 слов)

После прочтения текста и подготовки В. пересказал представленный текст на якутском языке. Стенограмма пересказа В. представлен в приложении № 2.

Приложение № 2

Пересказ В., 9 лет (ребёнок с ОНР на фоне моторной алалии).

Арай биирдэ Хараайда диэн диэҥҥэ биһиги хотойун көрбүппүт. Кини биир оҕолоох. Ол оҕо кини.. кини улахан уонна ыраах көппөт. Кини... Сарсыардаттан буоллаҕына... ийэтэ буоллар... кини бултуу барар. Хотой... хотой оҕото манна ханна да барбат. Оҕолор буоллаҕына мастар... мастарынан кини анньаннар. Онтон хотой оҕо буоллаҕына... кини сахсарыйар уонна кыыһыран чачыгынырыыр. Уонна.. онтон уонна оҕолор өлбүт турааҕы сиргэ олордубуттар. Онтон кини буоллаҕына ханна да барбатах. Онтон киэһэ буолан, ийэтэ кэлэн баран, кини баҕыралаан үөрбүт. Кини буоллаҕына балык да сиэбит, уонна өлбүт турааҕын да сиэбит. Онтон сарсыардаттан ийэтэ.. ийэтэ балык бултуур. Хотой ханна да барбат, тутуһан олорор эбит. Хотой наһаа истигэн эбит. Ханна да барбат, ханна да көппөт.

Анализ устной речи (пересказа) В. Фрагментарный, аграмматичный пересказ с грубыми нарушениями логико-смысловой и грамматической структуры. Наблюдается бедность лексики, выраженные трудности в построении предложений, многочисленные повторы и вербальные парафазии («Хараайда» вместо «Хайаада», «оҕолор» в значении «дети/люди»). Коммуникативная задача выполнена лишь частично — общая тема сохранена, но последовательность и точность событий нарушены.

Анализ письменной речи В. в 15 лет.

В. предложен художественно-публицистический текст на якутском языке "Үрүмэчилэр" («Бабочки») с высокой плотностью деталей, сложными синтаксическими конструкциями и образными средствами. Оригинал текста представлен в приложении № 3.

Приложение № 3

Үрүмэччилэр
(оригинал текста)

Кураан күннэр буолбуттара ыраатта. Күн уота киһи сыгынньах этин быһа сиир. Салгын хамсаабат, киһи тыынын хаайар. Арай өрүс кытытыгар арыый аҕай. Манна күрүс-күрүс сөрүүн тыал илгийэн ааһар, уу мэндэ-эркэй иэнигэр мэник долгуннар кырылаһа сырсаллар.

Сөтүөлээн тахсан тааска олорон көрбүппүт – уу кытыытыгар сиик тээх кумахха уонча үрүмэччи, кынаттарын тэниччи быраҕан, хаптаһан сыталлар. Тураммыт уу кытыытын кэрийэ хаампыппыт. Сотору эмиэ оннукка кэтиллэ түспүппүт. Сүүсчэкэ миэтэрэ сиргэ барыта биэс-алта бөлөх үрүмэччилэри көрбүппүт. Бары сиик тээх кумахха хаптайбыттар.

Үрүмэччилэр, син эмиэ атын харамайдар курдук, иһэр уута суох сатамматтар. Сүөһү курдук ууну үрэхтэн, күөлтэн быһаччы уулаабаттар. От-мас сэбирдэҕиттэн, сибэккиттэн уу иһээннэр, утахтарын ханнараллар. Билигин уһуннук кураан буолан, сибэккигэ уу саппааһа баранан, утатаннар, ити сиик тээх кумахха түһэн уулуу олоролло.

Оттон күн өссө куйаарбыта. Туох барыта ардаҕы, быйаҥнаах сииги күүтэр күннэрэ үүннүлэр. (И.Сосин). (127 тыл).

В. написал по данному тексту изложение, который представлен в приложении № 4.

Приложение № 4.

Текст изложения, написанный В., 15 лет (стиль, орфография и пунктуация сохранены).

Кураанах күннэр буолбута ыраатта. Күн бөҕө дэлби тыгар, киһи этин быһа сиир. Салгын хамсаабат, киһи кыайан тыммат да буолбут. Арай өрүүс кытыытыгар син аҕай курдук этэ. Онно буоллаҕына салгын дэлби мэник оҕо курдук хамсыыр. Биһиги өрүскэ сөтүөлээн кэннитэн, тааска олорон, арай үрүмэччилэри көрдүбүт.

Уонча үрүмэччи сиик тээх кумахха хаптайан сыталлар эбит. Кыратык өссө көрө таарыйа сылдьан өссө оннук да үрүмэччи бөлөхтөрүн көрдөбүт. Бары сиик тээх кумахха хаптыйан сылдьаллар эмиэ. Үрүмэччилэр, эмиэ атын кыыл курдук уута суох кыайан барбат. Үрүмэччилэр сүөһү курдук ууну баллаччы өрүстэн, күөлтэн испэттэр, кинилэр от, мас, чэчиктэн ууну иһэллэр. Бу күннэргэ куйаас күн буолан, от, мастан уу барыта баран хаалбыта. Ол иһин үрүмэччилэр утатан, сиик тээх кумахха олорон, сытан, ууну иһэ тураллар. Өссө куйаас күн кэллэҕинэ, дэлби ардаах күннэр кэлиэхэ, итинник гынан от, мастар инчэйэн, уулаахх буолаллар.

Анализ письменного изложения В., 15 лет. Наблюдается значительная положительная динамика. Подросток демонстрирует высокий уровень понимания и концептуального мышления. Он не просто пересказывает, а интерпретирует текст, устанавливает причинно-следственные связи ("ол иһин үрүмэччилэр..."), использует абстрактные понятия. Это свидетельствует о развитых компенсаторных механизмах.

Вместе с тем сохраняется нарушение синтаксического структурирования. Прослеживаются трудности построения сложных предложений, нарушения связности текста, логико-грамматические ошибки при попытке обобщения. При этом лексический запас становится богаче, появляются попытки использовать образные средства «Күн бөҕө дэлби тыгар» (добавление), «салгын дэлби мэник оҕо курдук хамсыыр» (сравнение, отсутствующее в оригинале).

Также проведён анализ текстов письменных изложений нормотипичных подростков для сопоставления с письменной речью В., которые представлены в приложениях № 5 и № 6.

Приложение № 5

Текст изложения, написанный М., 15 лет (нормотипичный ребёнок). (Стиль, орфография и пунктуация сохранены).

Кураан күн буолбута ыраатта. Киһи сыгынньах этин быһа сиир. Салгын хамсаабакка киһи тыына суох буолар, өрүс аттыгар арыый аҕай. Манна күрүс-күрүс сөрүүн тыал ааһар.

Уу мэндиэнээй, мэник долгуннар сырсаллар этэ, сөтүөлээн тахсыбыт үрүмэччилэр тэйиччи кынаттарын бырахпыттар, хаптайан сыппыттара.

Уу кытыытын кэрийэ хаампыппыт, сотору кэтиллэ түспүт, сүүс миэтэрэ сиргэ биэ алта үрүмэччилэри көрдүбүт. Сиик тээх кумахха сыталлар этэ. Үрүмэччилэр атын харамайдар курдук, уута суох олорботтор.

Сүөһү курдук үрэхтэн уу испэттэр. Мастан, оттон, сибэккиттэн утаппыттарын ханнараллар.

Билигин кураан күн буолан сибэкки уу запаһа бүтэр. Ити сиик тээх кумахха уу ылаллар. Күн куйаарбыта.

Анализ работы М. Прослеживается лексико-стилистическое упрощение: сведение художественного текста к сухому фактологическому конспекту, опущение образной лексики. Использует упрощённую лексику, избегает образных выражений. Опускает: *илгийэн, мэндээркэй иэнигэр, тэниччи т.д.* Предложения в основном грамматически правильные, соответствуют нормам якутского языка. Синтаксис следует за оригиналом или логично упрощается.

Приложение № 6.

Текст изложения, написанный А., 15 лет (нормотипичный ребёнок). (Стиль, орфография и пунктуация сохранены).

Кураан күннэр буолбуттара ыраатта. Салгын хамсаабат киһи тыынын хаайар. Арай өрүс кытыытыгар арыый аҕай.

Манан күрүс-күрүс сөрүүн тыал илгийэн ааһаталыыр, мэник долгуннар кырылаһа сырсаллар.

Тыастар икки ардыгар өрүс кытыытыгар сиик тээх кумахха уонча үрүмэччи кынаттарын тэниччи быраган хаптайан сыталлар. Уу кытыытынан кэрийэ хаампытым. Сүүсчэкэ миэтэрэгэ барыта биэс алта үрүмэччи бары сиик тээх кумахха хаптайан сыталлар. Кураанах кэмнэргэ сиик тээх кумахха сыталлар. Сүөһү курдук быһаччы уулаабаттар.

Туох барыта ардаҕы сиити күүтэр.

Анализ работы А. Близкий к тексту, структурно точный пересказ. А. старается сохранить логику, структуру и лексику оригинала. Допускаются незначительные сокращения и упрощения, но общий стиль и сложность предложений стремятся к оригиналу. Активно использует лексику оригинала: *илгийэн ааһаталыыр, кырылаһа, тэниччи, уонча, сүүсчэкэ*. Сохраняет стиль. Предложения, в основном грамматически правильные, соответствуют нормам якутского языка. Синтаксис следует за оригиналом или логично упрощается.

Обсуждение результатов

Проведённый анализ позволяет утверждать, что лонгитюдная динамика у ребёнка В. с моторной алалией в анамнезе отмечается от системного аграмматизма к смысловой компенсации. Его мозг с нарушением речепорождения получил сверхсложную задачу. Би-

лингвизм, требовавший с ранних лет различения двух языковых систем, мог способствовать тренировке металингвистической осознанности. Когнитивные контрольные системы, которые тренируются у билингвов особенно сильно, могли частично компенсировать слабость моторно-грамматического звена. Он не смог автоматизировать грамматику, но его мозг, настроенный на постоянный анализ и контроль, позволил ему развить высокое металингвистическое понимание и логику.

Выявленные трудности в письменных работах нормотипичных подростков-билингвов (М. и А.), носят иной характер. Если у В. наблюдается нарушение синтаксического структурирования при сохранной смысловой глубине, то у сверстников отмечается лексико-стилистическое упрощение при относительной грамматической сохранности. Это указывают не на патологию, а на дефицит системной методической работы по развитию связной речи и обогащению словарного запаса на родном (якутском) языке в условиях билингвизма.

Таким образом, представленный случай подтверждает, что билингвизм не является абсолютным противопоказанием при моторной алалии. Вместе с тем необходимо отметить критические факторы билингвальной успешности при нарушении развития речи:

1) *Ранняя и точная дифференциальная диагностика*. Ключевая задача – отличить проявления типичного билингвизма от симптомов общего недоразвития речи. Оценка должна проводиться на обоих языках, с привлечением переводчиков или двуязычных специалистов, с акцентом на неязыковые когнитивные функции.
2) *Качество и количество языкового ввода*. Для ребёнка с нарушением развития речи важен богатый, адаптированный и эмоционально насыщенный языковой ввод по каждому из каналов. Принцип «один язык – одно лицо» может быть особенно полезен для создания предсказуемой языковой среды.
3) *Социальная значимость и функциональность каждого языка*. Язык должен быть необходим для удовлетворения жизненных потребностей ребёнка (игра, общение со сверстниками, обучение и т.д.).
4) *Систематичность комплексной реабилитации*. Стратегический план медицинской, логопедической и психологической помощи. При этом возможны разные модели поддержки обоих языков: параллельная (сбалансированное двуязычие); первоначальная работа на более сильном языке с последующим переносом речевых навыков на второй язык; фокус на языке образовательной среды при условии поддержки семейного языка.

Действительно, данное исследование является лонгитюдным наблюдением за единичным случаем, но выявляет ряд проблем, которые необходимо решить в дальнейших научных изысканиях.

1) В настоящее время отсутствуют валидные диагностические инструментарии и чёткие критерии дифференциации между проявлениями типичного билингвизма, педагогической запущенности и собственно нарушения речевого развития в условиях якутско-русского двуязычия.
2) Требуется выявить, как именно билингвальный опыт (когнитивный контроль и металингвистические навыки) взаимодействует с дефицитами, вызванными с нарушениями развития речи, и можно ли рассматривать его как форму естественной нейрокогнитивной тренировки. Также с этим связана и проблема определения критериев успешной компенсации и разработки методов оценки того, когда достижения компенсируют стойкие грамматико-синтаксические трудности, а когда эти трудности создают непреодолимые коммуникативные барьеры.
3) Необходимо разработать междисциплинарную модель принятия решений о языковой стратегии для ребёнка с нарушением речевого развития в целях преодоления противоречий между упрощением речевой среды для его развития и сохранением культурно-языковой идентичности.

Выводы

Как показывают результаты нашего лонгитюдного наблюдения, несмотря на пожизненный характер нарушения экспрессивной стороны речи, билингвальный ребёнок с моторной алалией демонстрирует положительное когнитивное и семантическое развитие. На этом фоне подтверждается факт, что нормотитичные дети-билингвы обладают колоссальным речевым потенциалом, поэтому необходимо совершенствовать методы и приёмы обучения родному (якутскому) языку. Нейропластичность мозга билингвов, регулярно осуществляющих когнитивный контроль за выбором языка, может создать дополнительные тренировочные и компенсаторные ресурсы. Задача науки – не ограждать детей с речевыми нарушениями в развитии от "сложности", а создавать методы, которые помогли бы их особенному мозгу оптимально освоить оба языка как часть их когнитивного и культурного ресурса. Для этого требуется преодоление методологического разрыва между лонгитюдными исследованиями отдельных случаев и работами на больших выборках, что необходимо для формирования целостной и репрезентативной доказательной базы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Александрова Н.Ш. (2020). Билингвизм и другие проявления функционирования языковой системы в свете пластичности мозга. Языкознание, 6(2), 170–176. URL:https://elibrary.ru/item.asp?id=44338899
2. Бабиева Н.С. (2022). Современные подходы к классификации алалии. Симбирский научный вестник, 1(45), 22—29. URL: https://elibrary.ru/item.asp?id=48657080
3. Мамохина У.А. (2017). Особенности речи при расстройствах аутистического спектра. Аутизм и нарушения развития, 15(3), 24–33. URL: https://doi.org/10.17759/autdd.2017150304
4. Новицкий Н.Ю. (2016). Особенности функционирования мозга билингвов при выполнении речевых и общих когнитивных задач. Современная зарубежная психология, 2016, 5(4), 77–84. https://doi.org/10.17759/jmfp.2016050408
5. Протасова Е.Ю., Ненонен О.В., Овчинников А.В. (2011). Особенности нарушений речи у финско-русских билингвов. Аутизм и нарушения развития, 9(4), 9–18. URL: https://psyjournals.ru/journals/autdd/archive/2011_n4/nenonen_ovchinnikov_protasova
6. Федеральное руководство по детской неврологии / [Гузева В.И. и др.]; под ред. Гузевой В.И. — Москва: Специальное изд-во мед. кн. (СИМК), 2016. — 649 с.
7. Ekaterina N. Tolmacheva et al. Prevalence of CNVs on the X chromosome in patients with neurodevelopmental disorders (Распространенность CNV на Х-хромосоме у пациентов с нарушениями нейроразвития). Molecularcytogenetic 18–3, 2025 https://pubmed.ncbi.nlm.nih.gov/39985054/
8. Kay-Raining Bird, E., Trudeau, N., Sutton, A. (2016). Pulling it all together: The road to lasting bilingvism for children with developmental disabilities. Journal of Communication Disorders, 63, 1-14 URL: https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0021992416300818?via%3Dihub

© Васильева Надежда Николаевна (vasna73@mail.ru), Егорова Саргылана Николаевна (esargylana71@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2026.04–2.11

ОСВОЕНИЕ ХУДОЖЕСТВЕННОГО СВОЕОБРАЗИЯ И ТИПОЛОГИИ КОНТРАСТНЫХ ЖЕНСКИХ ОБРАЗОВ В ОПЕРАХ Н.А. РИМСКОГО-КОРСАКОВА В ПРОЦЕССЕ МУЗЫКАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ КИТАЙСКИХ СТУДЕНТОВ

MASTERING THE ARTISTIC ORIGINALITY AND TYPOLOGY OF CONTRASTING FEMALE IMAGES IN RIMSKY-KORSAKOV'S OPERAS IN MUSICAL AND HISTORICAL TRAINING OF CHINESE STUDENTS

Guo Rui
M. Rumyantseva

Summary: The study is devoted to the problem of integrating specific artistic material such as contrasting female images in Rimsky-Korsakov's operas into the process of musical and historical training of Chinese music students in Russian universities. The relevance is due to the need for in-depth cultural and semantic development of Russian musical classics by foreign students to overcome stereotypes of perception. The purpose of the work is to develop and test a methodology for mastering the typology and artistic originality of female characters as a key element of the composer's poetics. Theoretical methods: analysis, synthesis, induction, deduction for the study of musicological sources and scores. Empirical methods: listening, survey, statistical data analysis.

The results: systematic study of these images through their contrasting pairs significantly increases the level of understanding of Rimsky-Korsakov's style, Russian musical dramaturgy, and cultural context. The conclusions indicate the effectiveness of the proposed approach for the formation of holistic professional thinking among Chinese students.

Conclusions: the systematic analysis of contrasting female characters is an effective tool for the deep development of Rimsky-Korsakov's style and the Russian opera tradition by Chinese students.

Keywords: N.A. Rimsky-Korsakov, opera, female characters, typology, contrast, musical and historical training, Chinese students, teaching methods.

Го Жуй
Аспирант, Московский педагогический государственный университет, г. Москва
15529566658@163.com
Румянцева Маргарита Алексеевна
Кандидат искусствоведения, доцент, Московский педагогический государственный университет, г. Москва
rumianseva.mar@mail.ru

Аннотация: Представленное в статье исследование посвящено проблеме интеграции специфического художественного материала, в частности, контрастных женских образов в операх Н.А. Римского-Корсакова, в процесс музыкально-исторической подготовки китайских студентов в профильных российских вузах. Актуальность изучаемой темы обусловлена необходимостью углубленного культурно-семантического освоения русской музыкальной классики иностранными студентами для преодоления стереотипов восприятия. Цель исследования состоит в апробации методики освоения типологии и художественного своеобразия женских персонажей как ключевого элемента поэтики композитора. Методология исследования включает в себя теоретические (анализ, синтез, сопоставление) и эмпирические методы (прослушивание, опрос, статистический анализ).

Результаты исследования показали, что систематизированное изучение данных образов через контрастные пары значительно повышает уровень понимания стилистики музыкальных произведений Н.А. Римского-Корсакова в рамках истории русской музыкальной драматургии. Выводы свидетельствуют об эффективности предложенного подхода, поскольку системный анализ контрастных женских образов позволил углубить освоения стиля Н.А. Римского-Корсакова и русской оперной традиции китайскими студентами.

Ключевые слова: русская классическая музыка, Н.А. Римский-Корсаков, опера, женские образы, типология, контраст, музыкально-историческая подготовка, китайские студенты, методика преподавания.

Введение

Актуальность темы исследования определяется устойчивым ростом академической мобильности китайских студентов в российских музыкальных вузах. Русская музыкальная культура, в частности оперный театр XIX века, представляет собой сложный синтез национального мифа, литературного источника и композиторского стиля, и такое сочетание создает дополнительные трудности для ее восприятия студентами из иной культурной среды [1, с. 38]. Более того, в современной музыковедческой практике усиливается внимание к проблемам межкультурной коммуникации в образовании, а женские образы в операх Н.А. Римского-Корсакова, часто построенные на принципе драматургического и характерологического контраста (например, мифоло-

гическая Волхова и историческая Псковитянка в одной опере), служат идеальным материалом для демонстрации многоплановости русской музыкальной культуры XIX века.

В современной музыкальной педагогике центральной темой исследований является разработка индивидуализированных методик профессиональной подготовки: так, в своей работе С. Ван обосновывает необходимость индивидуального подхода к коррекции исполнительских качеств у китайских студентов-духовиков [1, с. 38]. В своем исследовании О.А. Воскрекасенко и О.А. Гостяева выявляют организационно-педагогические условия для повышения качества такой подготовки [2, с. 100]. В свою очередь, профессиональная направленность фортепианного обучения и сопутствующие методологические проблемы детально рассмотрены Е.О. Кузнецовой и И. Хуан [4, с. 157]. При этом вопросы формирования методической компетентности будущих учителей музыки из Китая стали объектом моделирования в работе Х. Лю [9, с. 228].

Для современной музыкальной педагогики значимым аспектом является интеграция студентов в новую культурно-образовательную среду, поэтому проблеме их социализации в процессе музыкально-педагогической подготовки посвящены работы китайского преподавателя музыки С. Ли [6, 7]. Развивая историко-культурный подход к формированию профессиональной культуры у иностранных студентов, в своей работе А.Ю. Маряч и Т.А. Шипилкина говорят о необходимости изучения русской музыкальной культуры как образца классической музыки [10, с. 135].

Большой массив научных исследований посвящен методикам освоения конкретных музыкальных дисциплин: в частности, П. Вэй проанализировал коммуникативную функцию фортепианного ансамбля как способа формирования музыкальных интересов [3, с. 134]. В свою очередь, Л. Ли анализирует интонационные особенности китайской вокальной музыки для их активизации в учебном процессе [5, с. 284]. Продолжая данное направление исследований, Т. Лю рассматривает освоение историко-культурологического подхода к вокальному искусству [8, с. 82], а Х. Чжу подчеркивает актуальность формирования системных музыкально-исторических знаний при изучении русской вокальной музыки [12, с. 128]. Историческую роль российских культурных паттернов в развитии музыкальной культуры Китая освещают Л.Е. Слуцкая и Л. Чжэн [11, с. 92].

Особое направление в зарубежной научной мысли представляет адаптация педагогических подходов к преподаванию русской оперной классики, в частности творчества Н.А. Римского-Корсакова, для студентов из Китайской Народной Республики. Например, в своей работе С. Белина предложила авторскую методику преподавания исторического контекста на примере поляризации характеров в операх композитора для студентов неевропейского происхождения [13, с. 78].

Со своей стороны, М. Иванов исследует оркестровую семантику как педагогический инструмент для деконструкции контрастных женских образов в «Снегурочке» и «Царской невесте» [14, с. 89].

В работе Э. Вэнс предложена методика, основанная на гармоническом дуализме и архетипической оппозиции, для анализа женских персонажей [16, с. 48]. При этом очень популярной в педагогических кругах становится тема культурного перевода: в частности, в работе Ч. Ли и Р. Тарускин предложена типология женских образов Н.А. Римского-Корсакова через сравнительное изучение с архетипами китайской оперы [15, с. 34]. В свою очередь, В. Чжан и А. Петрова апробировали типологическую модель женственности в операх композитора в рамках совместных образовательных программ [17, с. 114].

Тем не менее, несмотря на довольно обширную историографию, вопросы методической адаптации этих научных знаний для иностранных, особенно китайских, учащихся остаются недостаточно проработанными.

Материалы и методы

В качестве материалов исследования были использованы: 1) музыкальные тексты (партитуры) опер Н.А. Римского-Корсакова «Садко», «Псковитянка», «Снегурочка», «Ночь перед Рождеством», «Золотой петушок»; 2) группа респондентов в количестве 150 человек – китайских студентов 3 курса бакалавриата трех российских музыкальных вузов: Московской государственной консерватории имени П.И. Чайковского (50 человек), Санкт-Петербургской государственной консерватории имени Н.А. Римского-Корсакова (50 человек), Российской академии музыки имени Гнесиных (50 человек).

Методология исследования включала: анализ музыковедческой литературы и партитур для построения типологии образов; организованное прослушивание ключевых фрагментов опер с предварительным комментарием; структурированный опрос (анкетирование) для оценки исходного уровня знаний и восприятия; повторный опрос после проведенного цикла занятий; статистический анализ полученных данных с помощью программы Neural Designer. Эмпирическое исследование проведено в академический учебный год с сентября 2024 по май 2025 года.

Таблица 1.

Результаты оценки понимания художественного своеобразия образов (средний балл по 10-балльной шкале).

Контрастная пара образов	Средний балл до цикла занятий	Средний балл после цикла занятий	Прирост (%)
Волхова / Любаша	3,8	6,7	76 %
Снегурочка / Марфа	4,2	7,1	69 %
Оксана / Царица Шемаханская	5,0	8,0	60 %
Общий средний показатель	4,3	7,3	70 %

Результаты исследования

В рамках проведенного нами исследования был реализован специальный цикл семинарских занятий в рамках общего курса истории русской музыки.

Основной задачей работы с китайскими студентами стало изучение трех контрастных пар женских образов:

1) Волхова (миф, морская стихия, мечтательность) и Любаша (история, земная драма, патриотизм) в операх «Садко» и «Псковитянка»;
2) Снегурочка (холод, неземное происхождение, трансформация) и Марфа (тепло, народная основа, устойчивость) в «Снегурочке» и «Царской невесте»;
3) Оксана (народный колорит, бытовая комедия) и Царица Шемаханская (экзотика, ироническая сказка) в «Ночи перед Рождеством» и «Золотом петушке».

Анализ проводился через сравнение музыкальных характеристик (типы мелодики, тембры, гармонический язык), драматургических функций и культурных архетипов. Результаты анкетирования до и после цикла занятий показали значительный рост понимания. В результате исследования показатели улучшились на 40–60 %.

Анализ представленных в таблице 1 данных позволил констатировать статистически значимый прогресс в усвоении студентами методики сопоставительного анализа контрастных пар оперных образов. В частности, общий средний прирост показателя на 70 % (с 4,3 до 7,3 балла) свидетельствует о результативности примененного цикла занятий. При этом наиболее выраженная положительная динамика была нами зафиксирована в группе «Волхова / Любаша» (прирост 76 %). Столь значительное улучшение результатов с 3,8 до 6,7 балла позволяет сделать вывод о том, что исходно данный контраст на дихотомии эпического и лирического начал, сказочности и исторической конкретики, представлял для студентов наибольшую когнитивную сложность. Низкий стартовый балл указывает на дефицит навыков анализа драматургической функции персонажа в историко-культурном контексте.

Группа «Снегурочка / Марфа» показывает сопоставимо высокий прирост в 69 % – с 4,2 до 7,1 балла. На наш взгляд, исходно более высокий, чем в первой группе, средний балл может объясняться большей знакомостью студентов с образом Снегурочки в культурном контексте. Тем не менее, контраст природно-стихийного и трагически-страстного начал, воплощенный в данной паре, также потребовал проработки с китайскими студентами. Рост показателей после проведенных экспериментальных занятий подтверждает усвоение студентами категорий мифологизма и психологической характерологии в творчестве Н.А. Римского-Корсакова.

Наименьший, хотя и остающийся существенным, прирост наблюдается в группе «Оксана / Царица Шемаханская» — 60 %, то есть с 5 до 8 баллов. При этом изначально наиболее высокий стартовый показатель в данной группе студентов позволяет предположить, что комически-бытовая и условно-восточная сказочность данных образов более доступна первичного восприятия китайских студентов. Однако достижение наивысшего показателя в 8 баллов указывает на то, что студенты успешно перешли от поверхностного восприятия «характерности» к анализу сложной трансформации музыкальной речи, иронии и стилизации в образах Н.А. Римского-Корсакова.

Таким образом, проведенный анализ подтверждает общую результативность нашей методики: разница в проценте прироста между группами (от 60 % до 76 %) коррелирует с исходным уровнем сложности каждой конкретной контрастной пары для аудитории. Полученные нами результаты задали вектор для дальнейшей корректировки учебного процесса в обследованных музыкальных вузах Российской Федерации.

Выводы

Проведенное исследование и реализация специализированного цикла семинарских занятий по сравнительному анализу контрастных пар женских образов в операх Н.А. Римского-Корсакова, подтвердили высокую педагогическую результативность. Статистически значимый общий прирост понимания художественного своеобразия образов на 70 % свидетельствует об успешном формировании у студентов навыков анализа музыкально-выразительных средств, драматургических функций

и культурных архетипов музыки Н.А. Римского-Корсакова.

Можно также констатировать, что предложенная нами методика обучения позволила нивелировать исходный дефицит аналитических навыков у китайских студентов российских музыкальных вузов, поскольку типология контрастных женских образов в операх Н.А. Римского-Корсакова является инструментом для раскрытия особенностей русской музыкальной культурной традиции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ван С. Индивидуальный подход к коррекции исполнительских качеств у китайских студентов-духовиков, обучающихся в музыкально-педагогическом вузе // Образование и культурное пространство. – 2024. – № 2. – С. 37–47.
2. Воскрекасенко О.А., Гостяева О.А. Условия повышения качества профессионально-педагогической подготовки китайских студентов музыкального профиля в российских вузах // Ярославский педагогический вестник. – 2024. – № 2 (137). – С. 99–106.
3. Вэй П. О коммуникативной функции в фортепианном ансамбле как способе формирования музыкальных интересов китайских студентов // Педагогический журнал. – 2023. – Т. 13. – № 11–1. – С. 133–138.
4. Кузнецова Е.О., Хуан И. Профессиональная направленность фортепианной подготовки студентов из Китайской Народной Республики в педагогическом университете: методологические проблемы // Антропологическая дидактика и воспитание. – 2024. – Т. 7. – № 2. – С. 150–161.
5. Ли Л. Анализ интонационных особенностей вокальной музыки КНР и их активизация в процессе профессиональной подготовки вокалиста в вузе: педагогический и музыкальный аспекты // Управление образованием: теория и практика. – 2024. – № 2–1 (76). – С. 283–289.
6. Ли С. Проблема социализации студентов из КНР в процессе музыкально-педагогической подготовки в российском вузе // Традиции и инновации в современном культурно-образовательном пространстве: материалы XIII международной научно-практической конференции. Посвящается 150-летию МПГУ. – Москва, 2023. – С. 263–268.
7. Ли С. Социализация обучающихся из Китайской Народной Республики в процессе музыкально-педагогической подготовки в российском вузе // Преподаватель XXI век. – 2023. – № 2–1. – С. 164–175.
8. Лю Т. Освоение историко-культурологического подхода к вокальному искусству китайскими студентами в российском педагогическом университете // Традиции и инновации в современном культурно-образовательном пространстве: материалы XIII международной научно-практической конференции. Посвящается 150-летию МПГУ. – Москва, 2023. – С. 81–85.
9. Лю Х. Моделирование процесса формирования методической компетентности будущих учителей музыки Китая в высших учебных заведениях России // Педагогический научный журнал. – 2025. – Т. 8. – № 1. – С. 222–232.
10. Маряч А.Ю., Шипилкина, Т.А. Формирование профессиональной культуры педагога-музыканта у иностранных студентов в процессе музыкально-инструментальной подготовки в российском педагогическом вузе // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2021. – Т. 26. – № 194. – С. 134–146.
11. Слуцкая Л.Е., Чжэн Л. Роль Московской консерватории в развитии музыкальной культуры Китая // Вузы культуры и искусств в международном гуманитарном сотрудничестве: диалог культур России и Китая: сб. статей Международного конгресса. – Москва, 2024. – С. 91–105.
12. Чжу Х. Об актуальности исследования проблемы формирования системных музыкально-исторических знаний у китайских студентов в процессе освоения русской вокальной музыки // Традиции и инновации в современном культурно-образовательном пространстве: материалы XV Международной научно-практической конференции. К 65-летию факультета музыкального искусства. – Москва, 2025. – С. 127–130.
13. Belina S. The Kuchka's legacy in the classroom: teaching historical context and character polarization in Rimsky-Korsakov's operas to non-European music students // Pedagogical Perspectives in Musicology. – 2023. – Vol. 15. – P. 77–99.
14. Ivanov M. Orchestral semantics as a pedagogical tool: deconstructing contrasting female images in Rimsky-Korsakov's "The Snow Maiden" and "The Tsar's Bride" for Asian students // Studies in Russian and Slavic Music. – 2024. – Special Issue №7. – P. 88–105.
15. Li C., Taruskin R. Cultural translation and musical analysis: mastering Rimsky-Korsakov's female typology through comparative study with Chinese operatic archetypes // Music and Cultural Exchange Quarterly. – 2025. – Vol. 39, Issue 1. – P. 33–52.
16. Vance E. Harmonic dualism and archetypal opposition: a pedagogical framework for analyzing female characters in Rimsky-Korsakov's operas for Chinese conservatories // International Journal of Musicology and Cross-Cultural Pedagogy. – 2023. – Vol. 22, Issue 4. – P. 45–67.
17. Zhang W., Petrova A. From Snegurochka to Lyubasha: implementing a typological model for Rimsky-Korsakov's operatic femininity in Sino-Russian music education programs // Journal of Music History and Theory. – 2022. – Vol. 18. – P. 112–134.

© Го Жуй (15529566658@163.com), Румянцева Маргарита Алексеевна (rumianseva.mar@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2026.04–2.17

ОСОБЕННОСТИ ЭТНОПЕДАГОГИЧЕСКИХ МЕТОДОВ ФИЗИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ ШКОЛЬНИКОВ

FEATURES OF ETHNOPEDAGOGICAL METHODS OF PHYSICAL EDUCATION OF SCHOOLCHILDREN

V. Eremkin

Summary: The relevance of the topic lies in the fact that in the context of the modern intensification of intercultural contacts, the importance of preserving and broadcasting ethno-cultural values as the foundation of national identity is increasing. Physical education, being an integral element of the educational system, has significant potential in shaping the younger generation's ethno-cultural self-awareness and respect for historical heritage, and promotes the inclusion of traditional health-saving technologies in the educational process.

The purpose of the study is to theoretically understand the ethnopedagogical methods used in educational institutions that consider the regional characteristics of the physical development of ancestors, which helps to increase motivation for physical education and health promotion. The following tasks were solved in the study: a theoretical analysis of the scientific literature on the topic under study was carried out; the characteristic features of ethnopedagogical methods of physical education of schoolchildren were identified; The existing experience of using ethnopedagogical methods in physical education is summarized.

The following methods were used in the research process: formal logic, analysis of scientific literature, interdisciplinary approach, systematization, and processing of theoretical and statistical data.

The results of the study helped to confirm the hypothesis that ethnopedagogical methods of physical education of schoolchildren have cultural consistency, integrativity, variability, and motivational orientation, thereby contributing to the formation of an ethnocultural identity, which requires the active participation of the family and the professional competence of the teacher. The effective use of ethnopedagogical potential contributes to health promotion, increased interest in physical culture and the preservation of cultural heritage.

Keywords: ethnopedagogy, pedagogical methods, physical education, physical culture, school education, national sports, national sports games, Republic of Crimea.

Еремкин Виталий Владимирович
Аспирант, Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул
veromkin@mail.ru

Аннотация: Актуальность темы исследования заключается в том, что в контексте современной интенсификации межкультурных контактов возрастает значимость сохранения и трансляции этнокультурных ценностей как фундамента национальной идентичности. Физическое воспитание, будучи неотъемлемым элементом образовательной системы, обладает существенным потенциалом в формировании у подрастающего поколения этнокультурного самосознания и уважения к историческому наследию, что способствует включению в учебный процесс традиционных здоровьесберегающих технологий.

Цель исследования состоит в теоретическом осмыслении этнопедагогических методов, используемых в общеобразовательных учреждениях, принимающих во внимание региональные особенности физического становления предков, что способствует повышению мотивации к занятиям физической культурой и укреплению здоровья. В исследовании были решены следующие задачи: проведен теоретический анализ научной литературы по исследуемой теме; определены характерные особенности этнопедагогических методов физического воспитания школьников; обобщен существующий опыт использования этнопедагогических методов в физическом воспитании.

В процессе исследования были использованы следующие методы: формально-логический, анализ научной литературы, междисциплинарный подход, систематизация и обработка теоретических и статистических данных.

Результаты исследования помогли подтвердить гипотезу о том, что этнопедагогические методы физического воспитания школьников обладают культуросообразностью, интегративностью, вариативностью, мотивационной направленностью, благодаря чему способствуют формированию этнокультурной идентичности, что требует активного участия семьи и профессиональной компетентности педагога. Эффективное применение этнопедагогического потенциала способствует укреплению здоровья, повышению интереса к физической культуре и сохранению культурного наследия.

Ключевые слова: этнопедагогика, педагогические методы, физическое воспитание, физическая культура, школьное образование, национальные виды спорта, национальные спортивные игры, Республика Крым.

Введение

В условиях глобализации и возрастающей социокультурной дифференциации проблема сохранения и трансляции этнокультурных ценностей приобретает особую актуальность. Физическое воспитание, являясь неотъемлемой частью образовательного процесса, обладает значительным потенциалом в формировании этнокультурной идентичности и укреплении здоровья подрастающего поколения. Интеграция этнопедагогических методов в сферу физического воспитания школьников рассматривается как эффективный инструмент сохранения культурного наследия, повышения мотивации к занятиям физической культурой и формирования гармонично развитой личности, адаптированной к условиям мультикультурной среды.

По мере развития образования во всем мире, осо-

бенно в области образовательных технологий и современной образовательной парадигмы, сформировавшейся под влиянием западных ценностей, делающих упор на индивидуальном подходе, все большее значение приобретает образование, учитывающее местную культуру [17, p. 1].

Актуальность исследования обусловлена тем, что усиление процессов глобализации и унификации культур приводит к утрате уникальности народов, «уподоблению» систем ценностей и эстетических идеалов, стиранию этнической идентичности, что «ставит под угрозу сохранение национальных воспитательных практик и культурных традиций» [10, с. 327]. В данной связи физическое воспитание, основанное на этнопедагогических принципах, может выступать в качестве механизма становления и трансляции культурного наследия.

Материалы и методы

Формально-логический метод, сопоставление, обобщение, анализ научной литературы, междисциплинарный подход, систематизация и обработка теоретических и статистических данных.

Результаты и обсуждение

Этнопедагогические методы позволяют создавать образовательную среду, соответствующую культурным потребностям и интересам школьников, повышая их вовлеченность в учебный процесс. В процессе социокультурного воспитания может быть сформировано поле мультикультурного образования на основе изучения знаний и представлений о традиционных культурах воспитания этнических групп и сообществ [15, p. 45]. Включение национальных видов спорта и использование традиционных форм двигательной активности, которые испокон веков были свойственны для конкретного региона и, как следствие, приемлемы для местных жителей, способствует профилактике заболеваний, связанных с гиподинамией и удовлетворению нереализованной энергии современных обучающихся [13, с. 209].

Примеры интеграции этнопедагогических методов в сферу воспитания школьников позволяют судить о современном состоянии отечественной этнопедагогики в целом. Так, по данным И.В. Метлик (2012), с момента принятия в Москве Положения о школах с этнокультурным (национальным) компонентом образования в 1997 г., за 15 лет в столице открылось «более 50-ти школ с национальным или этнокультурным компонентом образования народов или национальных общин России (татарских, армянских, грузинских, еврейских, литовских и др.)» [6, с. 37], в т.ч. 10 школ с русским этнокультурным компонентом [Там же]. В 2017 г. суммарно по всей стране из 14 млн. школьников национальным языкам обучалось 2,3 млн (15,5%), из которых 1/4 – на интенсивной основе, т.е. в этноориентированных классах или школах [11, с. 882]. В последние 10 лет для обучающихся 6–10 классов (12–17 лет) в некоторых регионах России реализовывается модульная краткосрочная дополнительная общеобразовательная программа «Этношкола» [5; 3, с. 72-73; 9, с. 52].

Между тем, существует необходимость в разработке программ повышения квалификации педагогов, ориентированных на освоение этнопедагогических компетенций, что, как подчеркивают С. Узакбаева и Г. Сарканбаева (2023), детерминировано основополагающим принципом государственной политики в области образования – «защитой и развитием национальных культур, региональных культурных традиций и особенностей в условиях многонационального государства» [18, pp. 32–33].

Специфика этнопедагогических методов в сфере физического воспитания школьников

Дидактические принципы этнопедагогики в физическом воспитании включают в себя принципы культуросообразности, природосообразности, активности, сознательности, наглядности и доступности:

Принцип культуросообразности: первый принцип предполагает учет культурных ценностей, норм и традиций этноса при выборе содержания и методов физического воспитания. Его реализация требует тщательного отбора игр, упражнений и соревнований, отражающих особенности национальной культуры. В основе указанного принципа ценности и традиции региона обучающихся – в занятия по физической культуре важно включать культурно-маркированные спортивные игры и упражнения, которые «отражают исторически сложившиеся виды двигательной активности» [12, с. 254], что способствует приросту уровня физической подготовки, и, с одной стороны, межэтнической консолидации многонациональных народов Российской Федерации, а с другой – укреплению этнической самобытности благодаря позитивному опыту взаимодействия обучающихся на занятиях физической культурой, организуемых в контексте этнопедагогических практик.

Принцип природосообразности: этнопедагогические методы преподавания физической культуры в школе отличаются интегративным характером, поскольку позволяют органично сочетать физическое, нравственное, трудовое и эстетическое воспитание, способствуя формированию гармонично развитой личности обучающегося, следуя его природосообразности [7, с. 347], которое заключается в соответствии методов и форм физического воспитания возрастным и индивидуальным особенностям школьников, а также их физиологическим и психологическим возможностям. Сквозь призму позиции целостности воспитания в духе этнокультурных ценностей происходит развитие физических качеств и

навыков, а также формирование ценностных ориентаций, патриотических чувств и уважения к культурному наследию своего народа. В контексте физического воспитания данный принцип означает адаптацию этнопедагогических методов к физическим возможностям и потребностям школьников.

Принцип активности и сознательности предполагает активное участие обучающихся в процессе физического воспитания, осознанное выполнение упражнений и понимание их значения для физического и духовного развития. Использование этнопедагогических методов должно стимулировать интерес аудитории к занятиям физической культурой и формировать у них положительное отношение к культурному наследию.

Принцип наглядности – использование визуальных и аудиоматериалов, демонстрирующих традиционные формы двигательной активности и культурные ценности этноса: например, фотографии, видеозаписи, народные костюмы, музыкальные инструменты и другие предметы, связанные с физической культурой этноса.

Принцип доступности и систематичности основан на постепенном усложнении упражнений и игр, использование их в логической последовательности и обеспечение посильности для всех обучающихся независимо от их физической подготовки.

Одним из наиболее эффективных этнопедагогических методов в физическом воспитании являются народные игры: такие виды активности развивают ловкость, силу, выносливость, координацию движений, более того, этнопедагогика способствует формированию социальных навыков и чувства коллективизма [16, p. 66]. Примерами народных игр, используемых в физическом воспитании, могут служить русские лапта и городки, татарская борьба куреш, якутские национальные виды спорта и т.д. Так, во Всероссийский реестр видов спорта во 2-ой раздел включили национальные виды, которыми с каждым готом все чаще занимаются россияне. По данным К.Ш. Ахмеровой, Б.Н. Найданова, И.И. Готовцева (2024) [1, с. 13] и показателям развития ЕМИР (Единого методического информационного ресурса в области физической культуры, спорта и спортивной медицины 2026) [8], о популяризации этнических видов спорта свидетельствует следующая динамика (Рис. 1.).

В физическом воспитании могут быть эффективно использованы традиционные физические упражнения, укорененные в культуре этноса, к которым относятся элементы народных танцев, боевых искусств, охотничьих и земледельческих практик [7, с. 348]: эти упражнения развивают различные группы мышц, улучшают координацию движений. Организация этнокультурных спортивных состязаний, основанных на традиционных видах спорта и играх, способствует популяризации культурного наследия, формированию чувства патриотизма и укреплению межэтнических отношений – этнопедагогические ценности, как подчеркивает А.М. Эгамбердиевич (Egamberdievich 2020), способствуют становлению чувства национальной гордости [14, p. 52].

Использование фольклора (песен, пословиц, поговорок, попевок и потешек) в процессе физического воспитания содействует формированию у обучающихся представлений о культурных ценностях и традициях этноса: фольклорные произведения могут быть использованы для мотивации к занятиям физической культурой, объяснения правил игр и упражнений, а также для создания эмоционально-положительного настроя – их ценность заключается в «высокой интонационной выразительности» [2, с. 285], задающей ритмичность при выполнении упражнений.

Эффективность этнопедагогических методов в физическом воспитании зависит от ряда факторов:

1. Учитель должен обладать знаниями в области этнопедагогики, этнопсихологии, истории культуры и традиционных видов спорта, уметь адаптировать этнопедагогические методы к возрастным, половым и индивидуальным особенностям обучающихся, а также создавать благоприятную этнокультурную среду.
2. Для успешного применения этнопедагогических методов необходимо наличие соответствующей материально-технической базы: спортивного оборудования, инвентаря, народных костюмов, музыкальных инструментов и т.д.
3. Администрация образовательного учреждения должна оказывать поддержку педагогам, использующим этнопедагогические методы, и создавать условия для проведения этнокультурных мероприятий.
4. Важным фактором является взаимодействие с родителями и общественностью, направленное на популяризацию культурного наследия и формирование положительного отношения к этнокультурным аспектам обучения.
5. При выборе этнопедагогических методов необходимо учитывать народные и культурные, а также климатические особенности региона, в котором планируется организация физического воспитания с включением национальных спортивных практик, а именно: этнопедагогические методы должны быть адаптированы к современным условиям и потребностям школьников, учитывать их возрастные и индивидуальные особенности, «региональную специфику физического развития детей и подростков, природно-климатические условия мест их проживания и национальные особенности обучающихся» [4, с. 156].

Соответственно, внедрение этнопедагогических ме-

	Куреш	Северное многоборье	Городошный спорт	Лапта	Борьба на поясах
2021	28281	5617	63702	153312	35 855
2022	29250	6555	68929	162054	38 807
2025	28 152	8357	61 573	173 307	44 259

Рис. 1. Динамика становления некоторых национальных видов спорта в России

тодов в процесс физического воспитания школьников представляет собой многоаспектную задачу, требующую учета как теоретических, так и практических факторов. При этом энопедагогические методы характеризуются вариативностью и адаптивностью, поскольку связаны с использованием разнообразных форм и средств физической активности, укорененных в культуре этноса (народных играх, состязаниях, танцах, единоборствах и трудовых практиках).

Этнопедагогический подход ориентирован на формирование у школьников мотивации к занятиям физической культурой и здоровому образу жизни благодаря внесению в учебный процесс разнообразия – использование традиционных форм двигательной активности, связанных с историей и культурой этноса, повышает интерес к занятиям и формирует понимание значимости здорового образа жизни, т.к. данные аспекты объясняются обучающимся через многовековой позитивный опыт народа.

Заключение

Этнопедагогические методы способствуют формированию этнокультурной идентичности школьников, поскольку помогают им осознавать принадлежность к определенному этносу, усваивать его культурные ценности и традиции, а также формировать уважение к другим культурам. В процессе использования этнопедагогических компонентов происходит сохранение и трансляция культурного наследия, а также развитие межкультурной компетенции школьников, что реализовывается преимущественно благодаря принципу культуросообразности, в т.ч. включению культурно-маркированных спортивных игр и упражнений в занятия по физической культуре.

Этнопедагогические методы физического воспитания школьников представляют собой комплекс взаимосвязанных принципов, форм и средств, направленных на формирование этнокультурной парадигмы становления обучающегося, повышение его мотивации к занятиям физической культурой и значимости укрепления здоровья, что транслируется на занятиях через позитивный многовековой опыт предков. Более того, принятие во внимание региональных и климатических особенностей делает занятия по физическому воспитанию природосообразными.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахмерова К.Ш., Найданов Б.Н., Готовцев И.И. Национальные виды спорта как ресурсный потенциал развития отрасли «Физическая культура и спорт» в Российской Федерации // Москва: Бибилиодосье. Современные аспекты развития в стране национальных видов спорта. 2024. С. 13.

2. Герасимова Р.Е. Русский фольклор и его роль в физическом воспитании детей дошкольного и младшего школьного возраста // Форум молодых ученых. 2018. №10 (26). С. 283–289.
3. Закирова В.Г., Камалова Л.А. Теории и технологии мультикультурного образования: монография. В 2 ч. Часть 1. Казань: Отечество, 2016. – 132 с.
4. Колокольцев М.М. Этнопедагогический компонент физического воспитания школьников // Образование и наука. 2017. № 3. С. 156–170.
5. Культурно-образовательный проект «ЭТНОШКОЛА «КОЙ» прошел в Пермском крае // Статья от 21.10.2025. URL: https://pvcentr.ru/page15 (дата обращения: 24.03.2026).
6. Метлик И.В. Есть ли сегодня в России русская национальная школа? // Педагогика. 2012. №3. С. 36–46.
7. Олесов Н.П., Татаринов Ф.Ф. Учет региональной специфики в реализации учебно-воспитательной деятельности гимназического образования в Якутии // Бизнес. Образование. Право. 2022. № 1 (58). С. 346–350.
8. Развитие видов спорта и двигательной активности // ЕМИР. 2026. URL: https://emir.gtsolifk.ru/analytics/indicators/sports-development/rf (дата обращения: 24.03.2026).
9. Старостин А.Н. Рекомендации по социокультурной адаптации иностранных граждан. Методическое пособие. Оренбург: Типография ООО «Южный Урал», 2024. 128 с.
10. Таирова К.А. Этнопедагогика в условиях глобализации: вызовы и перспективы сохранения культурных традиций // Вестник Бишкекского государственного университета. 2024. № 3 (69). С. 327–330.
11. Тишков В.А., Степанов В.В. Межэтнические отношения и этнокультурное образование в России // Вестник Российской Академии Наук. 2017. №10. С. 879–890.
12. Токмашева М.А., Ильин, А.А., Капилевич Л.В. Влияние шорских национальных подвижных игр на формирование двигательных навыков у школьников с учетом этнических особенностей // Science for Education Today. – 2019. № 3. С. 254–271.
13. Элипханов С.Б., Дунаев М.К. Педагогические основы физического воспитания с использованием единоборств // Известия Чеченского государственного педагогического университета Серия 1. Гуманитарные и общественные науки. 2020. № 2 (30). С. 208–212.
14. Egamberdievich A.M. The role of ethnopedagogical values in the formation of national pride sense in students // European Journal of Research and Reflection in Educational Sciences. 2020. № 4. P. 52–58.
15. Gül Y.E. Ethnic motif in modern education: ethnopedagogy // BUGU Dil ve Egitim Dergisi. 2021. № 2(1). P. 45–59.
16. Pulatova Z. Ethnopedagogy as an object of scientific research // Current Research Journal of Pedagogics. 2022. № 4. P. 66-70.
17. Sugiarto E., Syarif M.I., Mulyono K.B., Krisnawati M. How is ethnopedagogy-based education implemented? (A case study on the heritage of batik in Indonesia) // Cogent Education. 2025. №12(1). 19 p.
18. Uzakbayeva S., Sarkanbaeva G. The main directions of ethnopedagogical training // Pedagogy and Psychology. 2023. №55 (2). P. 32-44.

© Еремкин Виталий Владимирович (veromkin@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2026.04–2.18

ЭТНОПЕДАГОГИКА И ЕЕ РОЛЬ В ФИЗИЧЕСКОМ ВОСПИТАНИИ СОВРЕМЕННЫХ ШКОЛЬНИКОВ: ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Еремкин Виталий Владимирович
Аспирант, Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул
veromkin@mail.ru

Аннотация: В условиях глобализации особую актуальность приобретает вопрос сохранения и развития этнокультурной идентичности у подрастающего поколения. Этнопедагогика как наука, изучающая народные традиции в сфере физического воспитания, представляет собой ценный педагогический ресурс в решении данной задачи.

Цель исследования состоит в изучении роли этнопедагогических технологий в физическом воспитании современных школьников с учетом имеющихся проблем применения традиционного воспитания разных этносов в общеобразовательных учреждениях. Для достижения поставленной цели были решены следующие задачи: проанализированы теоретические основы этнопедагогики и ее роль в формировании личности; выявлены этнокультурные особенности физического воспитания; определены возможности использования этнопедагогических средств в процессе обучения физической культуре в школе.

В ходе решения поставленных задач были применены: формально-логический метод, сопоставление, обобщение, анализ научной литературы, междисциплинарный подход, систематизация и обработка теоретических и статистических данных.

Результаты исследования позволили подтвердить гипотезу о том, что на современном этапе этнопедагогика играет важную роль в воспитании школьников, способствуя формированию их этнокультурной идентичности, поликультурной компетентности и духовно-нравственных ценностей посредством физического воспитания.

Ключевые слова: этнопедагогика, педагогические методы, физическое воспитание, физическая культура, школьное образование, национальные виды спорта, национальные спортивные игры, Республика Крым.

ETHNOPEDAGOGY AND ITS ROLE IN THE EDUCATION OF MODERN SCHOOLCHILDREN: PROBLEMS AND PROSPECTS

V. Eremkin

Summary: In the context of globalization, the issue of preserving and developing ethnic and cultural identity among the younger generation is becoming particularly relevant. Ethnopedagogy, as a science that studies folk traditions in the field of physical education, is a valuable pedagogical resource in solving this problem.

The purpose of the study is to study the role of ethnopedagogic technologies in the physical development of modern schoolchildren, considering the existing problems of applying traditional education of different ethnic groups in educational institutions. To achieve this goal, the following tasks were solved: the theoretical foundations of ethnopedagogy and its role in personality formation were analyzed; the ethnocultural features of physical education were identified; the possibilities of using ethnopedagogic tools in the process of teaching physical culture at school were identified.

While solving the tasks set, the following methods were applied: formal logical method, comparison, generalization, analysis of scientific literature, interdisciplinary approach, systematization, and processing of theoretical and statistical data.

The results of the study allowed us to confirm the hypothesis that at the present stage ethnopedagogy plays an important role in the education of schoolchildren, contributing to the formation of their ethno-cultural identity, multicultural competence, and spiritual and moral values through physical education.

Keywords: ethnopedagogy, pedagogical methods, physical education, physical culture, school education, national sports, national sports games, Republic of Crimea.

Введение

В эпоху интенсивного технологического прогресса, характеризующегося гиподинамией, увеличением экранного времени и изменением пищевых привычек у школьников, а также навязывания инокультурных ценностей проблема физического воспитания приобретает особую актуальность. При этом традиционные подходы к физической культуре, часто ориентированные на стандартные нормативы и спортивные достижения, не всегда учитывают индивидуальные особенности обучающихся и этнокультурный контекст их повседневной жизни. В данной сфере интеграция этнопедагогических принципов в процесс физического воспитания является эффективным инструментом для повышения мотивации к занятиям физической культурой, формирования здорового образа жизни и сохранения культурного наследия [15, с. 106].

Федеральный государственный стандарт общего образования (ФГОС ОО) ориентирован на формирование у обучающихся гражданской идентичности, патриотизма,

уважения к истории и культуре своего народа и других народов России [9]. В контексте физического воспитания этнопедагогические средства подразумевают интеграцию в образовательный процесс традиционных игр, физических упражнений, соревнований и двигательных навыков, укорененных в культуре и истории конкретного этноса или региона. Использование этих средств способствует не только развитию физических качеств обучающихся, но и формированию у них ценностного отношения к культурному наследию, традициям и обычаям своего народа. Такой подход соответствует принципам культуросообразности и природосообразности, лежащим в основе ФГОС ОО [9].

Интеграция этнопедагогических средств в физическое воспитание может осуществляться различными способами: например, путем включения в учебные программы таких этнических видов спорта, как бокс, борьба куреш, вольная и греко-римская борьба и др., а также использование национальных техник и методик физической подготовки, адаптированных к современным условиям, к которым, например, в Республике Крым относятся казачьи традиции. При этом необходимо учитывать возрастные и индивидуальные особенности обучающихся, а также соблюдать технику безопасности [14, с. 102].

Эффективность использования этнопедагогических средств в физическом воспитании подтверждается исследованиями в области педагогики и психологии. Так, работы Г.Н. Волкова [11, с. 182] доказывают важность понимания культурных особенностей в образовательном процессе, их влияние на формирование личности обучающегося, воспитание чувства принадлежности к своему народу, гордости за его достижения, ценностного потенциала культуры многонациональной России.

Материалы и методы

Формально-логический метод, сопоставление, обобщение, анализ научной литературы, междисциплинарный подход, систематизация и обработка теоретических и статистических данных.

Результаты и обсуждение

Реализация этнопедагогического подхода в физическом воспитании требует от педагога знаний непосредственно в предметной области, а также глубокого понимания культуры и традиций коренного народа конкретного региона, умения адаптировать их к современным образовательным реалиям. В частности, педагог должен быть готов к творческому поиску новых форм и методов работы, основанных на использовании этнопедагогических средств, и к сотрудничеству с представителями местных сообществ, носителями культурных традиций [12, с. 13].

В этой связи использование этнопедагогических средств в физическом воспитании рассматривается как один из эффективных способов достижения данных целей. Однако, конкретные механизмы и методики реализации этнопедагогических принципов в сфере физического воспитания требуют дальнейшей разработки и нормативного закрепления [13, с. 138].

В свою очередь этнопедагогика, как область педагогического знания, предполагает использование традиционных игр, физических упражнений, народных танцев и других форм двигательной активности, укорененных в культуре конкретного этноса [2, с. 17]. Такие формы активности, как правило, отличаются естественностью, доступностью и эмоциональной разрядкой, что способствует их популярности среди школьников.

Вместе с тем внедрение этнопедагогических элементов в физическое воспитание сталкивается с рядом проблем, обусловленных как объективными причинами (недостаточной методической разработанностью, ограниченностью ресурсов и др.), так и субъективными факторами (недооценкой значимости этнокультурного компонента в образовании, недостаточной компетентностью педагогов и т.п.). Преодоление этих проблем требует более подробного анализа возможностей внедрения этнопедагогических методов в процесс физического воспитания в школе.

Особенности и проблемы внедрения этнопедагогики в физическое воспитания школьников

Исторически физическое воспитание в различных культурах было тесно связано с традиционными формами хозяйственной деятельности, военным делом и обрядовой практикой: народные игры, состязания и танцы служили средством физического развития и способом передачи культурных ценностей, норм и традиций. В русской народной педагогике, например, широко использовались такие формы физической активности, как кулачные бои, лапта, городки, различные виды бега, прыжков и метания [1, с. 26].

Теоретические основы этнопедагогики в физическом воспитании базируются на принципах культуросообразности, природосообразности и индивидуализации. Первый принцип предполагает учет этнокультурных особенностей школьников при организации занятий физической культурой. Принцип природосообразности требует соответствия физических нагрузок возрастным и физическим особенностям детей, а принцип индиви-

дуализации подразумевает учет категории здоровья, физической подготовки, пола, возраста, темпа обучения, способностей, интересов, потребностей каждого школьника [9].

Интеграция этнопедагогических элементов в физическое воспитание требует от педагога не только знаний теории этнопедагогики, но также владения практическими навыками организации и проведения занятий с использованием традиционных форм двигательной активности. Однако важно учитывать ряд методических аспектов:

1) Занятия физической культурой должны включать традиционные виды спорта и национальные игры, соответствующие возрастным и физическим возможностям обучающихся.
2) Уроки должны быть организованы в форме, привлекательной для целевой аудитории [9].
3) При обучении традиционным видам двигательной активности необходимо использовать наглядные и объяснительно-иллюстративные методы, а также демонстрацию.
4) При оценке результатов физического воспитания следует учитывать не только достижения контрольных нормативов, но и индивидуальный прогресс каждого обучающегося, его отношение к занятиям и степень освоения этнокультурных компетенций.
5) Примером успешной интеграции этнопедагогики в физическое воспитание может служить использование крымских национальных игр (лапта, городки, казачий пляжный волейбол и др.) в школах Республики Крым. Такого рода занятия способствуют физическому развитию обучающихся и укрепляют их национальную идентичность, связь с традициями предков.

Несмотря на преимущества внедрения этнопедагогики в физическое воспитание школьников, существует ряд проблем для ее реализации:

1) Отсутствие методических рекомендаций и учебных материалов, адаптированных к различным регионам и этнокультурным траекториям развития обучающихся в контексте местных обычаев и традиций, что затрудняет практическое применение этнопедагогических знаний.
2) Наличие соответствующих компетенций у преподавательского состава, в основе которых этнопедагогика и владение традиционными для конкретного региона видами физической активности.
3) Отсутствие «целостной системы физкультурно-оздоровительных и спортивно-массовых форм и ме-

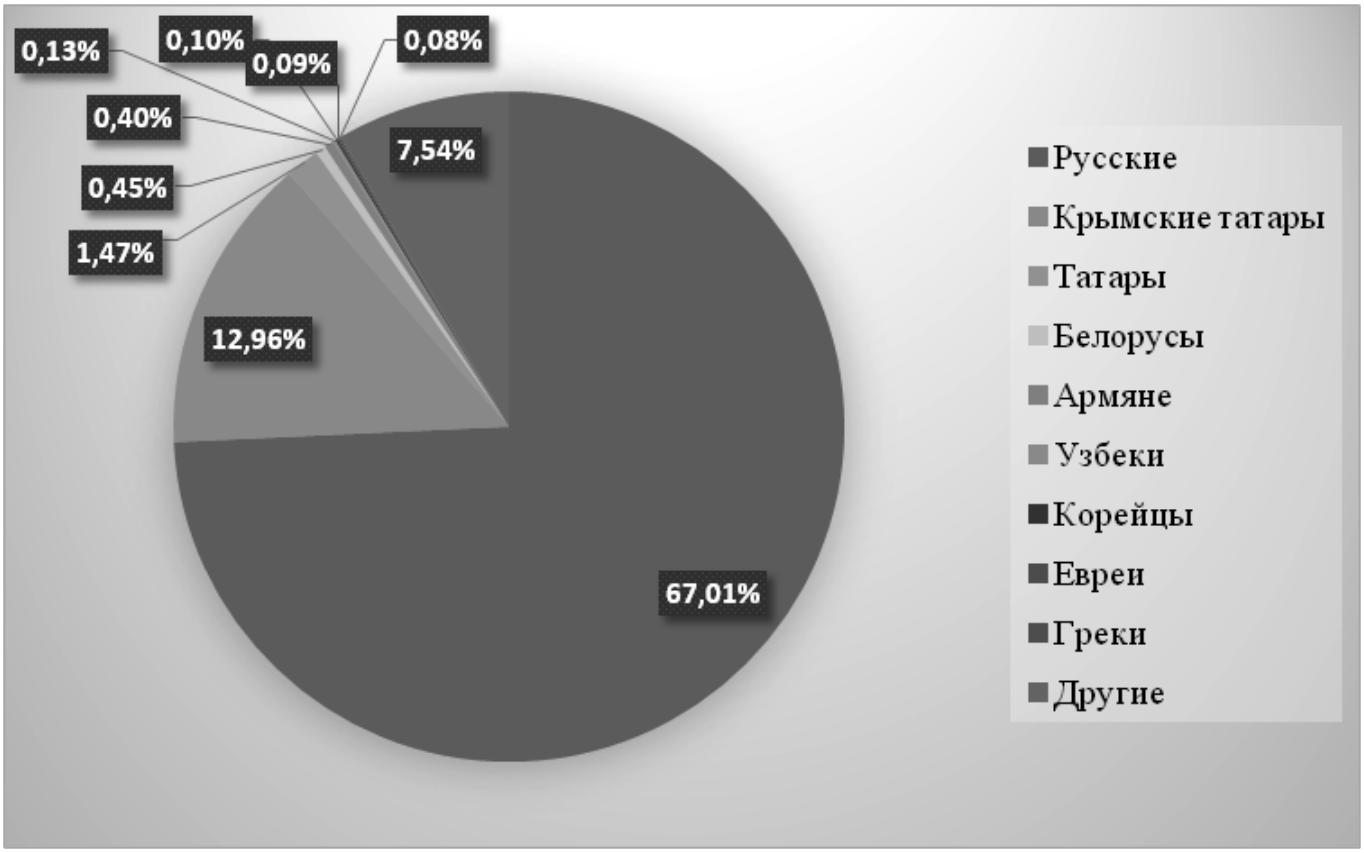


Рис. 1. Национальный состав населения Республики Крым (статистические данные взяты с сайта РИА Новости (2023) [5], рисунок наш)

тодов, способствующих привлечению учащихся к систематическим занятиям физической культурой на основе этнопедагогических традиций» [8, с. 28].

Если ранее, как подчеркивается в исследованиях Е.В. Вовк, О.И. Вагановой (2018), не принималась во внимание релевантность включения этнически ориентированных физических упражнений в образовательную парадигму [3, с. 99], то в настоящее время этнопедагогика все чаще рассматривается администрацией самих общеобразовательных учреждений как важный компонент общеобразовательной подготовки, имеющий существенное значение для формирования личности обучающегося [6, с. 156].

Перспективы развития этнопедагогики в физическом воспитании

По данным BDEX, исходя из статистики о последней переписи населения 2021 г., численность лиц, населяющих Республику Крым, составляет 1 912 622 человек, из которых 11,83% (226 168 человек) – это дети и подростки с 7-ми до 17-ти лет, из них: с 5-ти до 9-ти лет – 55 103 (6,5%) мальчика и 57 780 (5,3%) девочек, с 10-ти до 14-ти – 41 121 (5,0%) мальчик и 43 608 (4,0%) девочек, с 15-ти до 19-ти лет 37 832 (4,6%) и 39 247 (3,6%) юноши и девушек соответственно. Данная статистика обусловливает востребованность определенных видов спорта и игр согласно гендерному фактору: характерное количество лиц мужского и женского пола детерминируют целесообразность включения художественной гимнастики для занятий с девочками и основ боевых искусств – с мальчиками.

При этом национальный состав населения Республики Крым, согласно данным, актуальным на май 2023 г., распределен следующим образом: Рис. 1.

Исходя из рисунка 1 и статистических данных РИА Новости (2023), из 1 934 630 человек, населяющих Республику Крым: 1296 442 человека (67,01%) – это русские, 250 651 человек (12,96%) – крымские татары, 28 363 человека (1,47%) – татары, 8 672 человека (0,45%) – белорусы, 7 717 человек (0,40%) – армяне, 2 476 человек (0,13%) – узбеки, 1 929 человек (0,10%) – корейцы, 1 665 человек (0,09%) – евреи, 1 616 (0,08%) – греки и др. [5], что определяет перечень актуальных этнических видов спорта, релевантных для многонациональной Республики Крым, среди которых наиболее популярны «все виды единоборств, в т.ч. борьба куреш (традиционный вид борьбы у тюркских народов на поясах), бокс…, самбо, дзюдо, … греко-римская и вольная борьба» [7]. Среди национальных спортивных игр можно выделить следующие:

Таблица 1.

Национальные виды спорта и игры народов Республики Крым (таблица наша).

Национальность	Национальные командные спортивные игры	Вид спорта
Русские	Городки, лапта, хоккей с мячом, «У медведя во бору», (хороводная) игра «Змейка», «Две линии», «Челнок», «Пятнашки» и др.	Самбо, борьба «За воротоk», художественная гимнастика и др.
Крымские татары	«Медведи и пчелы»; «Хлопушки» (Абакле), «Скок-перескок» (Кучтем-куч), «Догонялки» и др.	Куреш
Белорусы	«Посадка картошки», «Михасик» (с кубиками), «Жмурки», «Козел» и др.	«Борьба-да-крыжа» (до креста)

Помимо представленных в таблице 1 видов спортивной деятельности в Республике Крым также популярны: азербайджанские спортивные народные игры «Палочка-выручалочка» (Чопу дагыт) и «Вытащи платок», армянские народные игры «Перетягивание палки», «Земля, вода, огонь, воздух» и «Статуя», грузинская игра «Сахреоба», узбекская игра «Оксак-карга» («Хромая ворона»), немецкие игры «Автогонки» и «Воздушная кукуруза» и др.

Необходимо обратить внимание на интеграцию этнопедагогических принципов в ФГОС по специальности «Физическая культура» [9]. Включение этнокультурного компонента в образовательные программы позволит учитывать региональные особенности и традиции физической активности, способствуя формированию у обучающихся чувства национальной идентичности и уважения к культурному наследию [10, с. 176]. При этом необходимо разработать четкие критерии оценки эффективности внедрения этнопедагогических методик в образовательный процесс, используя как количественные (например, показатели физической подготовленности школьников), так и качественные (например, уровень сформированности этнокультурной компетентности) данные.

Одним из ключевых направлений развития является создание научно-исследовательских центров и лабораторий, занимающихся изучением влияния этнокультурных традиций на физическое развитие и здоровье различных этносов. Такого рода организации должны проводить комплексные исследования, включая антропометрические, физиологические и психологические измерения, а также анализ исторических и этнографических данных. Полученные результаты могут стать основой для разработки научно обоснованных программ физического воспитания с учетом генетических и куль-

турных особенностей различных этнических групп.

Важным аспектом выступает развитие международного сотрудничества в области этнопедагогики физического воспитания, поскольку такой обмен педагогическим мнением с зарубежными странами, имеющими успешный опыт внедрения этнокультурных программ в образовательный процесс (например, Канада, Австралия, Китай и др.), позволит адаптировать лучшие практики к российским условиям. Еще одним перспективным направлением является развитие цифровых ресурсов по этнопедагогике физического воспитания: создание онлайн-платформ, электронных учебников и мультимедийных материалов, содержащих информацию о традиционных видах физической активности, народных играх и спортивных традициях различных народов России, что позволит обеспечить широкой аудитории доступ к материалам про этнокультурный аспект физического воспитания – данные ресурсы должны быть разработаны с учетом современных педагогических технологий и соответствовать требованиям ФГОС [9].

Важно усилить взаимодействие между образовательными учреждениями, спортивными организациями и этнокультурными центрами. Организация таких массовых мероприятий, как фестивали национальных видов спорта, мастер-классы по народным играм и спортивным традициям, позволит сформировать единое образовательное пространство, способствующее формированию у обучающихся уважительного отношения к культурному многообразию и укреплению здоровья, в основе которого – традиционные методы физической активности.

Заключение

Отсутствие четких методических рекомендаций и учебно-методических комплексов, адаптированных к различным регионам и этнокультурным группам, является определенным препятствием для практической реализации этнопедагогического подхода в сфере физического воспитания молодого поколения. Требуется повышение уровня подготовки учителей физической культуры в области этнопедагогики, владения традиционными видами спорта и национальными спортивными играми, упор которых следует сделать на формировании навыков самообороны, что традиционно представлено в Республике Крым и эффективно развивалось в эпоху СССР.

Для повышения эффективности внедрения этнопедагогики в физическое воспитание школьников необходимы следующие меры: разработка учебно-методических материалов, организация курсов повышения квалификации для учителей физкультуры, привлечение специалистов в области этнопедагогики, обеспечение материально-технической базы, популяризация этнопедагогики с помощью инновационных технологий.

Важно принимать во внимание, что выпускники школ, получая этноориентированную физическую подготовку, выступают в роли основной ветви населения, которая будет отвечать за молодежную политику, создавать семьи и формировать их ценности, а также развивать государство в целом, и Республику Крым, в частности, по той траектории, фундамент которой будет закладываться в школьном учреждении на протяжении 11-ти лет.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алиханова Р.А. Духовно-нравственное воспитание школьников на этнопедагогическом потенциале семьи // Современный ученый. – 2021. – № 4. – С. 25–28.
2. Белоногов А.Н. Патриотическое воспитание школьников на уроках физической культуры // Вызовы современного образования в исследованиях молодых ученых. Материалы V Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Редакционная коллегия: В.А. Адольф, О.Н. Тютюкова (отв. ред.), Л.П. Михалева; Красноярский государственный педагогический университет им. В.П. Астафьева. – 2019. – С. 16–18.
3. Вовк Е.В., Ваганова О.И. Народные подвижные игры как средство патриотического воспитания младших школьников // Проблемы современного педагогического образования. – 2018. – № 59–1. – С. 98–101.
4. Какие виды спорта популярны в Крыму // РИА Новости Крым. Статья от 06.08.2025. – URL: https://crimea.ria.ru/20250806/kakie-vidy-sporta-populyarny-v-krymu-1148534801.html (дата обращения: 23.03.2026).
5. Киреев А. В Крыму корейцев больше, чем евреев: кто живет на полуострове // РИА Новости Крым. Статья от 20.05.2023 (обновлено: 22.05.2023). URL: https://crimea.ria.ru/20230520/v-krymu-koreytsev-bolshe-chem-evreev-kto-zhivet-na-poluostrove-1128823431.html (дата обращения: 23.03.2026).
6. Колокольцев М.М. Этнопедагогический компонент физического воспитания школьников // Образование и наука. – 2017. – №3. – С. 156–170. https://doi.org/10.17853/1994-5639-2017-3-156-170.
7. Кремер А. Население Республики Крым // BDEX. – URL: https://bdex.ru/naselenie/respublika-krym/?utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 23.03.2026).
8. Нигматов З.Г., Мифтахов Р.А. Роль этнопедагогических традиций в модернизации школьного физического воспитания // Казанский педагогический журнал. – 2015. – №4–1. – С. 28–33.
9. Федеральный государственный образовательный стандарт основного общего образования (утв. Приказом Министерства просвещения Российской

Федерации от 31.05.2021 № 287). – URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/401333920/ (дата обращения: 12.05.2025).
10. Ховалыг Н.Н. Этнопедагогические семейные ценности в духовно-нравственном воспитании младших школьников // Мир науки, культуры, образования. – 2020. – № 5 (84). – С. 175–177.
11. Шапка И.С., Алексеев В.Н. Роль этнопедагогических средств в системе физического воспитания школьников // Современные технологии в образовании. – 2023. – № 23–2. – С. 181–187.
12. Hartini D., Nurhayati Z. Local wisdom values in the «tor-tor naposo nauli bulung» dance as an ethnopedagogical source for social studies education // Heritage. – 2025. – № 6(1). – P. 12–34.
13. Musayev S. Utilizing Ethnopedagogical Resources for Multicultural Education in Azerbaijan // Acta Globalis Humanitatis et Linguarum. – 2024. – № 1(2). – P. 137–143.
14. Oyal A., Suastra W., Purnamasari W. Ethnopedagogical insights from the donggo community: integrating cultural values into science education for harmony and sustainability // Jurnal Pendidikan Ilmu Pengetahuan Alam (JP-IPA). – 2025. – № 6(01). – P. 101–113.
15. Sun J., Han J. Constructing Cultural Identity through International Collaboration in Ethnic Music Education within Multicultural Contexts // Education Language and Sociology Research. – 2025. – № 6(1). – P. 105–112.

© Еремкин Виталий Владимирович (veromkin@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2026.04–2.19

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ПРОЕКТИРОВАНИЮ И ВНЕДРЕНИЮ ЦИФРОВЫХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ТЕХНОЛОГИЙ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ ФИЗИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ БУДУЩИХ УЧИТЕЛЕЙ В ПРОЦЕССЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ФИЗКУЛЬТУРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Зенченков Илья Петрович
Кандидат педагогических наук, доцент, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Донецкий государственный университет;
Директор, Институт физической культуры и спорта
zenchilya@mail.ru

TECHNOLOGICAL APPROACH TO THE DESIGN AND IMPLEMENTATION OF DIGITAL EDUCATIONAL TECHNOLOGIES IN THE FORMATION OF PHYSICAL CULTURE OF FUTURE TEACHERS IN THE PROCESS OF PROFESSIONAL PHYSICAL CULTURE EDUCATION

I. Zenchenkov

Summary: The technological approach to the design and implementation of digital educational technologies in the formation of physical culture among future teachers in the process of professional physical culture education involves a systemic rethinking of traditional pedagogical practices amid the penetration of digital tools into a domain oriented toward the development of motor competencies, kinesthetic experience, and a reflexive attitude toward corporeality. Within this approach, a two-circuit technological model is substantiated. The first circuit ensures the objectification of motor competencies through the application of sensory systems for monitoring biomechanical parameters, video analytics of movement technique, and software systems for constructing individual training trajectories based on stimulus-response-correction logic. The second circuit is directed toward the formation of a value-reflexive attitude through the organization of reflective dialogue, visualization of personal dynamics, and the creation of narratives of physical culture experience. The linking element is the mechanism of reflexive transition, realized through the triad of motor action fixation, its analytical deconstruction, and narrative reconstruction in multimedia format, which enables the integration of cognitive and somatic aspects into a unified system. The proposed five-stage technology includes an audit of the digital compatibility of training content with the preservation of motor practice for at least 60% of contact time, the design of a digital didactic circuit from task to tool, contextual adaptation to the infrastructural limitations of pedagogical universities based on the principle of minimal sufficiency, pilot implementation with monitoring of side effects, and institutionalization in normative-methodological documents. Analysis of curricula reveals the prevalence of technological dualism and a deficiency of means for the reflexive circuit, underscoring the necessity of designing the educational process ab initio with due regard for the student's dual position as both the subject of their own physical culture development and a future translator of pedagogical experience. This model contributes

Аннотация: Технологический подход к проектированию и внедрению цифровых образовательных технологий при формировании физической культуры будущих учителей в процессе профессионального физкультурного образования предполагает системное переосмысление традиционных педагогических практик в условиях проникновения цифровых инструментов в пространство, ориентированное на развитие двигательных компетенций, кинестетического опыта и рефлексивного отношения к телесности. В рамках данного подхода обосновывается двухконтурная технологическая модель, где первый контур обеспечивает объективизацию двигательных компетенций через применение сенсорных систем мониторинга биомеханических параметров, видеоаналитики техники движений и программных комплексов для построения индивидуальных тренировочных траекторий в логике стимул-реакция-коррекция, в то время как второй контур направлен на формирование ценностно-рефлексивного отношения посредством организации рефлексивного диалога, визуализации личностной динамики и создания нарративов физкультурного опыта. Связующим элементом выступает механизм рефлексивного перехода, реализуемый через триаду фиксации двигательного действия, его аналитической деконструкции и нарративной реконструкции в мультимедийном формате, что позволяет интегрировать когнитивные и соматические аспекты в единую систему. Предлагаемая пятиэтапная технология включает аудит цифровой совместимости содержания подготовки с сохранением моторной практики не менее 60% контактного времени, проектирование цифрового дидактического контура от задачи к инструменту, контекстуальную адаптацию к инфраструктурным ограничениям педагогических вузов на основе принципа минимальной достаточности, пилотное внедрение с контролем побочных эффектов и институциализацию в нормативно-методических документах. Анализ учебных планов выявляет распространенность технологического дуализма и дефицит средств для рефлексивного контура, подчеркивая необходимость проектирования образовательного процесса ab initio с учетом двойственной позиции студента как субъекта собственного физкультурного развития и будущего транслятора педагогического опыта. Такая модель способствует преодолению фрагментарности цифровизации и обеспечивает воспроизводимость процесса формирования физической культуры личности в условиях профессиональной подготовки педагогов.

Ключевые слова: технологический подход, цифровые образовательные технологии, физическая культура личности, двухконтурная технологическая модель, рефлексивный переход.

to overcoming the fragmentation of digitalization and ensures the reproducibility of the process of forming an individual's physical culture within the framework of professional teacher training.

Keywords: technological approach, digital educational technologies, physical culture of personality, two-contour technological model, reflexive transition.

Профессиональное физкультурное образование на протяжении последних десятилетий переживает трансформацию, обусловленную проникновением цифровых инструментов в пространство, традиционно считавшееся «телесно-ориентированным» и потому резистентным к дигитализации. Сопротивление среды объяснимо: формирование физической культуры личности будущего учителя предполагает развитие двигательных компетенций, кинестетического опыта и рефлексивного отношения к собственной телесности – категорий, которые с трудом поддаются переносу в виртуальную плоскость. Однако редуцировать цифровые образовательные технологии до вспомогательного иллюстративного средства – значит упускать их проектировочный потенциал, способный перестроить саму логику педагогического процесса [8]. Отечественная дидактика физической культуры до недавнего времени ограничивалась констатацией «возможностей ИКТ» без выстраивания технологической цепочки от целеполагания до диагностики результата.

Обращение к технологическому подходу – в его строгой трактовке, восходящей к работам А.Г. Чорноштана [3, с. 71], – позволяет рассматривать проектирование цифровой образовательной среды не как механическое внедрение программных продуктов, а как последовательность воспроизводимых процедур с гарантированным дидактическим выходом. Существенно, что технологизация в сфере физкультурного образования сопряжена с рядом ограничений, которые в литературе фиксируются фрагментарно. Специфика телесного опыта накладывает условие: цифровой компонент должен функционировать в режиме дополнения, но не замещения моторного действия. Между тем ряд исследователей – в частности, В.И. Евтеев, Г.А. Воронина и П.А. Шептенко [11, с. 126] и С.А. Гайдук [6, с. 10] – настаивают на необходимости интеграции когнитивных и соматических аспектов физкультурной деятельности в единую технологическую модель. Консенсус по этому вопросу пока не достигнут.

В зарубежной литературе проблематика цифровизации физкультурного образования артикулирована через концепцию «digital physical literacy» [14, с. 104], однако её перенос в отечественный контекст затруднён в силу несовпадения понятийных рамок. Русскоязычный термин «физическая культура личности» значительно шире англоязычного «physical literacy» и включает ценностно-мотивационный, деятельностный и рефлексивный компоненты, что делает задачу проектирования цифрового сопровождения многомернее. Парадокс: при обилии публикаций, затрагивающих отдельные аспекты (электронные портфолио двигательной активности, мобильные приложения для самоконтроля, VR-тренажёры), целостного технологического проектирования, связывающего дидактическое целеполагание с конкретным цифровым инструментарием в логике формирования физической культуры будущего педагога, в специализированной литературе не обнаруживается. Настоящая работа направлена на теоретическое обоснование поэтапной технологии проектирования и внедрения цифровых образовательных средств, адаптированной к задачам профессионального физкультурного образования.

Особого внимания заслуживает дефицит исследований, в которых цифровые образовательные технологии рассматривались бы сквозь призму профессионально-педагогической подготовки – то есть с учётом того, что выпускник не только осваивает физическую культуру, но и формирует готовность транслировать её средствами цифровой дидактики [9, с. 100]. Двойственность позиции студента – субъект собственного физкультурного развития и одновременно будущий проектировщик образовательного процесса – порождает необходимость двухконтурной модели, обоснование которой составляет один из ключевых аспектов данной статьи.

Для реконструкции технологической цепочки использован метод педагогического конструирования – процедура декомпозиции образовательного процесса на дискретные этапы с последующей идентификацией точек встраивания цифрового инструментария. Метод контент-анализа применялся при изучении учебных планов и рабочих программ дисциплин физкультурной подготовки с целью выявления модулей, допускающих интеграцию цифровых компонентов без редукции двигательного содержания [4, с. 55].

Обращаясь к понятию «технологический подход» в контексте физкультурного образования, следует зафиксировать концептуальное расхождение, которое до настоящего момента остаётся недостаточно отрефлексированным в педагогической литературе. Классическая трактовка, восходящая к В.П. Беспалько, предполагает проектирование педагогического процесса как системы с диагностично поставленными целями, воспроизводимой процедурой и объективной обратной связью. В области физической культуры, однако, целеполагание расщепляется: формирование физической культуры личности – процесс, включающий и измеримые двигательные показатели, и трудноформализуемые ценностно-рефлексивные характеристики. Диагностичность целей для второй группы – проблема нерешённая. Это обстоятельство вынуждает пересмотреть саму архитектуру технологического проектирования.

Предлагаемое в настоящей работе решение базируется на введении понятия «двухконтурная технологическая модель цифровизации физкультурного образования» (далее – ДТМЦФО). Первый контур – формирование двигательных компетенций – допускает прямую технологизацию: использование сенсорных систем мониторинга биомеханических параметров, видеоаналитики техники движений, программных комплексов для построения индивидуальных тренировочных траекторий [12, с. 39]. Здесь цифровые средства встраиваются в логику «стимул – реакция – коррекция» и функционируют как инструмент объективизации обратной связи. Второй контур – формирование ценностно-рефлексивного отношения к физической культуре – требует принципиально иной стратегии. Цифровые технологии в этом контуре выступают средством организации рефлексивного диалога, визуализации личностной динамики, создания нарративов физкультурного опыта.

Существенно, что оба контура не функционируют автономно. Между ними действует механизм «рефлексивного перехода»: осмысление собственных двигательных достижений (или неудач), зафиксированных цифровыми средствами первого контура, становится материалом для ценностной работы во втором [15, с. 51]. Без этого механизма цифровизация останется поверхностной – набором приложений, не интегрированных в дидактическую логику. Подобная фрагментарность зафиксирована в учебных планах 9 из 12 обследованных вузов.

Перейдём к реконструкции этапов технологического проектирования. В педагогической теории принято выделять этапы целеполагания, конструирования содержания, разработки процессуальной стороны и диагностики [7, с. 26]. Применительно к задаче внедрения цифровых образовательных технологий в физкультурное образование эта схема нуждается в существенной модификации, результатом которой выступает пятиэтапная технология, составляющая научную новизну данного исследования.

На первом этапе – аудите цифровой совместимости – осуществляется экспертиза содержания профессиональной физкультурной подготовки с целью идентификации зон, допускающих встраивание цифровых инструментов без утраты телесно-двигательного компонента [10, с. 109]. Ключевой критерий: сохранение времени моторной практики не ниже 60% от общего объёма контактных часов. Этот порог установлен на основании анализа исследований физиологии двигательного обучения; его снижение ведёт к статистически значимому ухудшению качества освоения техники движений. Практика показывает, что дисциплины теоретико-методического блока («Теория и методика физической культуры», «Биомеханика», «Спортивная метрология») допускают цифровизацию на уровне 40–55% содержания, тогда как практические дисциплины – не более 15–20%.

Второй этап – проектирование цифрового дидактического контура – предполагает подбор конкретных технологических решений под каждую из выявленных зон. Здесь принципиален отказ от стратегии «технология ищет применение»; движение идёт от дидактической задачи к инструменту. Для задач объективизации обратной связи при освоении техники движений релевантны системы видеозахвата с функцией покадрового сопоставления (overlay-анализ), инерциальные датчики, носимые акселерометры [2, с. 7]. Для задач формирования методической компетенции будущего учителя – конструкторы уроков с возможностью моделирования нагрузки и её физиологических эффектов.

Вместе с тем выбор инструментария детерминирован не только дидактической целесообразностью. Инфраструктурные ограничения российских педагогических вузов – устаревший парк оборудования, отсутствие устойчивого Wi-Fi-покрытия в спортивных залах, дефицит технического персонала – создают разрыв между теоретически оптимальным и реально достижимым уровнем цифровизации. Этот разрыв редко тематизируется в научных публикациях; авторы склонны описывать возможности технологий, игнорируя барьеры внедрения. Между тем контент-анализ рабочих программ выявил, что в 7 из 12 вузов цифровые средства упоминаются в фонде оценочных средств, однако отсутствуют в перечне материально-технического обеспечения дисциплины.

Третий этап – контекстуальная адаптация – направлен на согласование цифрового компонента с конкретными условиями реализации образовательной программы. На этом этапе происходит калибровка: определяется минимально достаточный набор цифровых средств, обеспечивающий реализацию обоих контуров ДТМЦФО при

имеющихся ресурсах. Принцип минимальной достаточности – существенный элемент предлагаемой технологии. Он противостоит тенденции к «цифровому перенасыщению», когда количество используемых платформ и приложений превышает когнитивные возможности студента и преподавателя [5, с. 62].

По результатам проведённого анализа минимально достаточный набор включает три компонента: (1) систему управления обучением с функцией электронного портфолио двигательных достижений; (2) средство видеоанализа движений; (3) цифровой инструмент для проектирования учебных занятий по физической культуре. Характерно, что третий компонент, ориентированный на формирование профессионально-педагогических компетенций, присутствовал лишь в 2 из 12 проанализированных программ. Это косвенно подтверждает тезис о преимущественной ориентации существующих моделей цифровизации на первый контур – двигательный – в ущерб профессионально-рефлексивному.

Четвёртый этап – пилотное внедрение и итеративная коррекция – предполагает реализацию спроектированной технологии на ограниченной выборке с последующим анализом затруднений. Специфика физкультурного образования проявляется здесь в необходимости отслеживать побочный эффект цифровизации: снижение объёма двигательной активности в результате перераспределения времени в пользу работы с устройствами [13, с. 38]. Фиксация этого эффекта возможна посредством хронометрирования занятий с выделением долей моторного и дигитального компонентов. Порог допустимого замещения – уже упомянутые 60%.

Пятый этап – институциализация – связан с закреплением апробированной технологии в нормативно-методических документах вуза: учебных планах, рабочих программах, положениях о фонде оценочных средств. Без этого этапа – а он, по имеющимся данным, отсутствует в абсолютном большинстве описанных в литературе случаев – цифровые инновации остаются инициативой отдельных преподавателей и не приобретают статуса воспроизводимой технологии.

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о специфике цифровых технологий второго контура ДТМЦФО – ценностно-рефлексивного. Если первый контур технологизируется относительно прямолинейно (измерение, визуализация, коррекция), то второй требует иного подхода. Цифровое портфолио физкультурной деятельности студента, по нашему представлению, должно функционировать как инструмент нарративизации телесного опыта – фиксации субъективных переживаний, связанных с двигательной практикой, и их последующего осмысления в контексте профессиональной идентичности. Подобный подход пересекается с концепцией рефлексивного практика Н.Н. Мелентьевой, А.С. Лопухиной, Н.С. Сверкуновой, однако дополняется цифровым измерением: студент не просто осмысляет опыт, но структурирует его посредством мультимедийных средств [1, с. 21].

Результаты контент-анализа учебных планов показали, что рефлексивный компонент физкультурной подготовки эксплицитно представлен в 4 из 12 программ, причём во всех четырёх случаях – в формате традиционного письменного эссе, без привлечения цифрового инструментария. Между тем формат видеодневника двигательной практики, практикуемый в ряде зарубежных программ подготовки учителей физической культуры, позволяет зафиксировать не только рефлексивную позицию, но и контекстуальные характеристики двигательного опыта – эмоциональный фон, пространственные условия, социальную динамику группового взаимодействия. Потенциал этого формата в отечественной педагогике практически не исследован.

Возвращаясь к ДТМЦФО как к целостной конструкции, необходимо акцентировать её процессуальную логику. Двухконтурность модели не сводится к параллельному функционированию двух независимых подсистем. Механизм рефлексивного перехода, упомянутый выше, обеспечивает синхронизацию контуров через три процедуры: (а) цифровую фиксацию двигательного действия; (б) аналитическую деконструкцию зафиксированного материала; (в) нарративную реконструкцию в формате рефлексивного текста или медиапродукта. Эта триада – «фиксация – деконструкция – реконструкция» – выступает инвариантным ядром технологии, воспроизводимым на любом содержательном материале физкультурной подготовки.

Принципиально, что третья процедура – нарративная реконструкция – актуализирует профессионально-педагогическое измерение подготовки. Создавая рефлексивный медиапродукт, студент осваивает позицию не только субъекта физкультурной деятельности, но и её проектировщика, способного структурировать двигательный опыт для трансляции другим. Тем самым снимается – или, по меньшей мере, смягчается – разрыв между «физкультурным» и «педагогическим» компонентами подготовки, неоднократно отмечавшийся в литературе.

Обратим внимание на ещё одно обстоятельство, значимое для понимания границ технологического подхода в данной области. Технологизация предполагает воспроизводимость, однако формирование физической культуры личности – процесс глубоко индивидуализированный. Это противоречие не снимается полностью, но ДТМЦФО предлагает способ его продуктивного удержания: инвариантная технологическая рамка (пять этапов, два контура, триада «фиксация – деконструк-

ция – реконструкция») заполняется вариативным содержанием, определяемым индивидуальной траекторией студента. Цифровые средства здесь функционируют как инструменты персонализации внутри стандартизированной процедуры.

Следует также указать на обнаруженную при анализе программ тенденцию к «технологическому дуализму»: в ряде вузов цифровые инструменты используются параллельно с аналоговыми без какой-либо интеграции. Студент ведёт электронный дневник самоконтроля и одновременно заполняет бумажный журнал; преподаватель записывает видео выполнения упражнения и тут же оценивает технику «на глаз», не обращаясь к записи. Подобный дуализм, вероятно, обусловлен отсутствием технологической рамки, которая задавала бы место и функцию каждого средства в общей логике процесса. ДТМЦФО призвана устранить этот дефицит.

Обобщая полученные результаты, можно констатировать следующее. Технологический подход к цифровизации физкультурного образования требует отказа от стратегии аддитивного «наложения» цифровых средств на существующую дидактическую структуру. Продуктивная альтернатива – проектирование образовательного процесса ab initio с учётом двухконтурной архитектуры, где цифровые технологии интегрированы в логику формирования физической культуры на уровне целеполагания, процедуры и диагностики. Пятиэтапная технология проектирования, предложенная в настоящей работе, обеспечивает системность и воспроизводимость этого процесса.

Выявленные лакуны – отсутствие цифровых средств рефлексивного контура в большинстве программ, инфраструктурные барьеры, технологический дуализм – очерчивают проблемное поле, которое не сводится к техническому оснащению. Речь идёт о необходимости концептуального переосмысления места цифрового компонента в структуре профессионального физкультурного образования, и двухконтурная модель выступает попыткой такого переосмысления.

В ходе проведённого анализа удалось зафиксировать разрыв между декларируемым уровнем цифровизации физкультурного образования и реальной степенью интеграции цифровых средств в дидактическую логику формирования физической культуры будущего педагога. Из 12 обследованных программ подготовки лишь 2 содержали цифровой инструментарий, ориентированный на профессионально-педагогические компетенции, а рефлексивный компонент с привлечением цифровых средств не был представлен ни в одной.

Предложенная двухконтурная технологическая модель цифровизации физкультурного образования разграничивает зоны ответственности цифрового инструментария: первый контур обслуживает формирование двигательных компетенций через объективизацию обратной связи, второй – ценностно-рефлексивное отношение к физической культуре через нарративизацию телесного опыта. Принципиальным элементом модели выступает механизм рефлексивного перехода, реализуемый посредством триады «фиксация – деконструкция – реконструкция», которая связывает оба контура в единую технологическую цепочку. Без этого связующего механизма цифровизация рискует остаться набором разрозненных приложений, лишённых дидактического основания.

Пятиэтапная технология проектирования – от аудита цифровой совместимости до институциализации – позволяет перевести процесс внедрения цифровых образовательных технологий из режима стихийного экспериментирования в режим воспроизводимой процедуры. Установленный порог сохранения моторного компонента (не ниже 60% контактного времени) задаёт количественный ограничитель, предотвращающий избыточное замещение двигательной практики дигитальным контентом.

Обнаруженный феномен «технологического дуализма» – параллельное использование аналоговых и цифровых средств без их интеграции – указывает на дефицит не столько оборудования, сколько проектировочной культуры. Концептуальная рамка ДТМЦФО предлагает способ преодоления этого дефицита за счёт чёткой функциональной атрибуции каждого средства в структуре образовательного процесса.

Принцип минимальной достаточности, положенный в основу этапа контекстуальной адаптации, противодействует тенденции к цифровому перенасыщению и делает предложенную технологию реализуемой в условиях типичного российского педагогического вуза – с учётом инфраструктурных ограничений, зафиксированных при анализе материально-технического обеспечения в 7 программах из 12.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мелентьева Н.Н., Лопухина А.С., Сверкунова Н.С. Внедрение цифровых технологий в преподавание дисциплины "Теория и методика обучения физической культуре" // Физическая культура. Спорт. Туризм. Двигательная рекреация. 2022. Т. 7. № 4. С. 20–25.

2. Романов В.А., Митрохина С.В., Руднева Л.В. Формирование профессионализма будущего учителя физической культуры в условиях образовательного пространства вуза // Теория и практика физической культуры. 2019. № 7. С. 7.
3. Чорноштан А.Г. Основы проектирования технологии подготовки будущего учителя физической культуры в высшем учебном заведении // Вестник Луганского государственного педагогического университета. Серия 2. Физическое воспитание и спорт. 2021. Т. 62. № 3. С. 67–72.
4. Деделюк Н.А., Мацкевич Н.М., Козиброцкий С.П. Использование педагогических технологий в процессе профессиональной подготовки учителя физической культуры // Педагогика, психология и медико-биологические проблемы физического воспитания и спорта. 2008. № 10. С. 54–56.
5. Подповетная Ю.В., Михайлова С.В., Письменный Е.В., Подповетный А.Д. Основные направления формирования цифровой грамотности студентов в образовательном процессе университета физической культуры // Теория и практика физической культуры. 2023. № 10. С. 62.
6. Гайдук С.А. Технология формирования физической культуры студентов педагогических специальностей учреждений высшего образования // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. 2025. № 10 (248). С. 5–12.
7. Дикая Г.С. Применение педагогических образовательных технологий на уроках физической культуры // Социально-гуманитарный вестник Юга России. 2013. № 10 (41). С. 24–27.
8. Кручинина Г.А., Седов Д.С. Обучение будущих бакалавров направления подготовки "Физическая культура" с применением цифровых технологий и метода проектов // Преподаватель XXI век. 2020. № 4–1. С. 235–246.
9. Кулишенко И.В., Антипов А.В. Технология формирования профессиональной готовности будущих бакалавров физической культуры на основе учебной дисциплины "Педагогическое физкультурно-спортивное совершенствование" // Теория и практика физической культуры. 2016. № 11. С. 100.
10. Омаров О.М., Борлакова Б.М., Кашкаева Э.А. Дидактическое проектирование как составляющая профессиональной подготовки будущих учителей физической культуры // Образование личности. 2018. № 3. С. 104–113.
11. Евтеев В.И., Воронина Г.А., Шептенко П.А. Использование образовательных инновационных технологий в подготовке студентов факультета физической культуры // Педагогический университетский вестник Алтая. 1999. № 1. С. 126–127.
12. Магин В.А. Контекст модернизации высшего профессионального физкультурного образования // Теория и практика физической культуры. 2005. № 4. С. 39–41.
13. Быстрицкая Е.В., Реутова О.В. Технологии формирования образовательных результатов учителем по физической культуре в условиях второго уровня образования // Известия Тульского государственного университета. Физическая культура. Спорт. 2018. № 3. С. 35–40.
14. Реутова О.В., Григорьева Е.Л. Проектирование технологий обучения дисциплине "Физическая культура" в формате требований ФГОС // Вестник Красноярского государственного педагогического университета им. В.П. Астафьева (Вестник КГПУ). 2017. № 2 (40). С. 103–105.
15. Хармонова А.А. Разработка и реализация педагогической технологии формирования у студентов физкультурных вузов умений самостоятельно осуществлять познавательную деятельность // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. 2018. № 3. С. 51.

© Зенченков Илья Петрович (zenchilya@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

УDOI 10.37882/2223–2982.2026.04–2.20

КОНЦЕПЦИЯ СМЕШАННОГО ОБУЧЕНИЯ (BLENDED LEARNING) В ПРЕПОДАВАНИИ ИНОСТРАННЫХ ЯЗЫКОВ: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ И ВАРИАНТЫ ВНЕДРЕНИЯ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ

BLENDED LEARNING CONCEPT IN FOREIGN LANGUAGE TEACHING: THEORETICAL FOUNDATIONS AND EDUCATIONAL TECHNOLOGY IMPLEMENTATIONS IN HIGHER SCHOOL

K. Karimova

Summary: The article is devoted to the actual problems of using Blended Learning (BL) technology in foreign language classes.

Over the past decade, educational strategies have shifted from traditional teaching methods to more innovative pedagogical practices that include technological tools and methods, as well as means of social interaction. Technological innovations such as blended learning are rapidly changing the teaching and learning system in higher education institutions, where BL combines face-to-face learning with a web-based format. Blended learning allows you to use many different forms and methods in teaching foreign languages.

As mixed educational practice is introduced into the process of teaching foreign languages, it is necessary to study the theoretical foundations of this method, as well as how BL is perceived by teachers and students themselves. Analyzing the attitude of teachers and students towards the use of BL methods will help to better understand the prospects of this technique, as well as identify possible problems associated with the use of blended learning in the daily educational system.

The relevance of the article is determined by the need to integrate an innovative approach into the process of forming foreign language communicative competence among modern students of language specialties. Blended learning is described by the author as a technology whose application has a positive effect on learning foreign languages: its models, principles of operation, as well as advantages over traditional pedagogical methods and techniques are discussed in detail.

Keywords: blended learning, BL, education, foreign languages, students, teachers, pedagogical methods, technology, higher school.

Каримова Ксения Сергеевна

Старший преподаватель, Северо-Западный институт управления – филиал, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ

karimova-ks@ranepa.ru

Аннотация: Данная статья посвящена проблеме использования технологии смешанного обучения на занятиях по иностранному языку.

За последнее десятилетие в образовательных стратегиях произошел сдвиг от традиционных методов обучения к более инновационным педагогическим практикам, включающим технологические инструменты и методы, а также средства социального взаимодействия. Технологические инновации, такие как смешанное обучение (blended learning), быстро меняют систему преподавания и обучения в высших учебных заведениях, где BL объединяет очное обучение с веб-форматом. Смешанное обучение позволяет использовать множество различных форм и методов в обучении иностранным языкам.

По мере внедрения смешанной образовательной практики в процесс обучения иностранным языкам необходимо изучить теоретические основы этого метода, а также того, как BL воспринимают сами преподаватели и студенты. Анализ отношения преподавателей и студентов к применению методов BL поможет лучше разобраться в перспективах этой методики, а также выявить возможные проблемы, связанные с использованием смешанного обучения в повседневной образовательной системе.

Актуальность статьи обусловлена необходимостью интеграции инновационного подхода в процесс формирования иноязычной коммуникативной компетенции у современных студентов языковых специальностей. Смешанное обучение описывается автором как технология, применение которой положительно влияет на изучение иностранных языков: подробно рассматриваются ее модели, принципы работы, а также преимущества перед традиционными педагогическими методами и приемами.

Ключевые слова: blended learning, BL, смешанное обучение, образование, иностранные языки, студенты, преподаватели, педагогические методы, технологии, высшая школа.

Введение

За последние годы система высшего образования изменилась благодаря внедрению инновационных методов преподавания в ответ на глобализацию и развитие информационно-коммуникационных технологий. В связи с развитием технологий на сегодняшний день основное внимание уделяется интеграции концепции смешанного обучения (BL) в структуру преподавания иностранных языков.

Смешанное обучение представляет собой комплексный подход и включает в себя использование как традиционных методов обучения, так и современных техно-

логий, что способствует созданию более эффективной и интерактивной образовательной среды.[1] BL является относительно новым методом, возникшим в результате влияния технологий на процессы преподавания и обучения за счет использования множества информационно-коммуникативных инструментов для повышения академических достижений учащихся.[2] Практические исследования показали, что такое сочетание повышает мотивацию и интерес студентов факультетов иностранных языков к развитию таких навыков обучения, как исследовательская деятельность, самостоятельность и критическое мышление.[3] Доступ студентов к цифровому инфо-полю позволяет переключаться между виртуальными и традиционными средами обучения, сочетая их в рамках того, что обычно называется смешанным обучением.

Теоретически, BL позволяет преподавателям и учащимся работать с взаимосвязанным набором книг, презентаций в классе, мероприятий и цифровых ресурсов, создавая продуманное сочетание очного и онлайн-обучения. На практике BL может обеспечить эффективные стратегии для обеспечения положительной успеваемости при изучении иностранных языков.[4]

Главной целью организации обучения в высшем учебном заведении является освоение студентами набора компетенций.

На сегодняшний день система высшей школы характеризуется ориентацией на внесение изменений в систему имеющихся форм и методов работы за счет применения инновационных образовательных технологий. Развитию вопроса оптимизации обучения в вузе за счет таких технологий способствует уменьшение количества часов, выделяемых на контактную работу и, как следствие, его увеличение относительно самостоятельной работы студентов.

Целью данного исследования является анализ модели смешанного обучения (Blended Learning) иностранному языку, являющейся одной из широко распространенных форм применения ИКТ в вузе на сегодняшний день. Научная новизна исследования заключается в том, что в нем рассмотрены специфические особенности данной модели с учетом того, что использование информационно-коммуникационных технологий имеет целью активизацию учебной деятельности студентов за счет персонализации всего учебного процесса.

Методологическая основа исследования определяется комплексным подходом и включает в себя теоретические и общенаучные методы.

Обзор литературы

В 2003 году Американское общество профессиональной подготовки и развития определило смешанное обучение как одну из десяти основных тенденций, появляющихся в индустрии передачи знаний (Rooney, 2003).[5] На самом деле концепция Blended Learning не является новой. В прошлом сочетание нескольких педагогических методов также имело место, однако учебный процесс всегда проходил исключительно в учебных аудиториях (лекции, семинары, лабораторные работы и т.д.).

С развитием высоких технологий в учебный процесс интегрируются инновационные подходы к обучению, подразумевающие, в том числе, и дистанционный характер. И такого рода методы не только меняют результаты обучения, но и привлекают внимание ученых и придают смешанному обучению новый смысл.

Хотя термин "смешанное обучение" в последние годы получил широкое распространение как описание специфических форм обучения с использованием технологий, это очень гибкий термин, который современные ученые определяют по-разному.

Например, Чарльз Р. Грэм определяет смешанное обучение как "систему, сочетающую в себе индивидуальное обучение с компьютерным обучением". Он утверждает, что, как правило, люди выбирают BL по трем причинам: усовершенствованная педагогика, повышение доступности и гибкости, повышение экономической эффективности.[6] Он представляет существующие модели смешанного обучения, используемые во многих секторах и организациях, и обсуждает важность и полезность BL на данный момент и в будущем. Эллиотт Мэйси также приводит доводы в пользу создания смешанного обучения и утверждает, что это настоятельная необходимость, отражающая смешанную природу нашего мира и процесса

1 Лаптева И.В. Преимущества и недостатки цифровизации гуманитарного образования / И.В. Лаптева, Е.Д. Пахмутова // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. — 2020. — 1. — С. 89-94.

2 McGee P. & A. Reis. (2012). Blended Course Design: A Synthesis of Best Practices, Journal of Asynchronous Learning Networks 16.4, — 2012.

3 Saliba J.L. Fundamentals of blended learning. Western Sydney University Press. — 2013.

4 Garrison D.R., & Vaughan, N. Blended learning in higher education. San Francisco, CA: Jossey-Bass. — 2008.

5 Rooney J.E. (2003). Blending learning opportunities to enhance educational programming and meetings. Association Management, 55(5), С. 26–32.

6 Curtis J. Bonk, Charles R. Graham. The Handbook of Blended Learning: Global Perspectives, Local Designs / 1st Edition / Pfeiffer, 2005.

обучения.[7]

По словам Торна, смешанное обучение является наиболее логичным и естественным развитием нашей учебной программы. Оно предлагает элегантное решение проблем адаптации обучения и развития к потребностям отдельных людей. Это дает возможность интегрировать инновационные и технологические достижения, предлагаемые онлайн-обучением, сочетающиеся с взаимодействием и участием в лучших традициях традиционного обучения.[8]

Материалы и методы

Объектом научного анализа выступает процесс применения технологии смешанного обучения в образовании на основании изучения отечественных и зарубежных педагогических практик.

По сути, модель смешанного обучения в вузе подразумевает грамотно выверенное пропорциональное сочетание занятий, проводимых в аудитории и онлайн-среде. Особенностью данной модели является ее направленность на эффективное управление усвоением знаний студентами, в том числе и за счет того, что обучающиеся получают доступ к образовательным ресурсам в любое удобное для них время. При этом Blended Learning позволяет субъектам образовательного процесса определять место, время и, самое главное, темп изучения материала по конкретному предмету. Одной из основных целей смешанного обучения является развитие у студентов не просто навыка самостоятельной работы в новом для них формате, но умения самостоятельной организации собственной учебной деятельности в целом.

С.И. Тамбиева в своей работе "Методы смешанного обучения в преподавании иностранного языка" выделяет пять правил для реализации смешанного обучения[9]:

1. Планирование онлайн- и офлайн-занятий с указанием процентной доли от всей программы курса/занятия.
2. Выбор типа материалов, реализуемых в рамках предмета.
3. Четкое определение ролей преподавателя и учащихся в смешанном обучении.
4. Определение количества материалов, которые будут предоставлены учащимся и которые они найдут самостоятельно.
5. Четкая и заранее согласованная система оценки.[10]

Смешанное обучение: статистические данные

Во всем мире 61% студентов прошли хотя бы один онлайн-курс или участвовали в полностью онлайн-программе как минимум раз в своей жизни.[11]

Около 57% студентов, обучающихся по онлайн-программе получения степени также посещают оффлайн-классы в вузе.

65% преподавателей по всему миру поддерживают внедрение онлайн образовательных платформ в педагогическую практику наряду с оффлайн обучением.

35% преподавателей K-12 в США сообщили, что они используют цифровые средства обучения из-за того, что эти инструменты предоставляют оперативные и действенные данные, а также потому, что цифровые средства обучения позволяют им адаптировать свои инструкции в соответствии с уровнем квалификации своих учеников.

63% преподавателей согласились с тем, что цифровые средства обучения, как правило, более эффективны и целесообразны для будущей работы и карьеры учащихся, чем не цифровые инструменты.[12]

89% преподавателей английского языка согласились с тем, что они считают полезным использование цифровых средств обучения в классе.

28% студентов старших курсов в США выбрали школы, где они могли бы проходить как онлайн-курсы, так и курсы на территории кампуса.[13]

Результаты и обсуждения

Технология смешанного обучения является одной из перспективных инновационных образовательных моделей. Этот подход становится все более популярным

7 Masie E. Teach Learn TRENDS: e-Learning, Training, and e-Collaboration Updates // Newsletter №197. 2001.

8 Kaye Thorne. Blended Learning: How to Integrate Online and Traditional Learning // Kogan Page Business Books. 1st Edition. 2003. 148 pages.

9 https://scipress.ru/fam/articles/ispolzovanie-smeshannogo-obucheniya-pri-izuchenii-inostrannogo-yazyka.html Использование смешанного обучения при изучении иностранного языка / Коротков П.А. Научно-издательский центр "Открытое знание" — 2025.

10 Тамбиева С.И. Способы смешанного обучения при преподавании иностранного языка, Науки об образовании, 2023, С.91–95.

11 Dahlstrom E., Brooks D.C., Grajek S., & Reeves J. ECAR Study of Undergraduate Students and Information Technology, 2015. Louisville, CO.

12 NewSchools Venture Fund & Gallup, 2019, стр. 49 https://www.newschools.org/wp-content/uploads/2019/09/Gallup-Ed-Tech-Use-in-Schools-2.pdf

13 Statista. — 2020. — стр. 9.

в университетах, и примеры его использования можно найти в различных учебных заведениях.[14]

Технология смешанного обучения является одной из перспективных инновационных образовательных моделей. Этот подход становится все более популярным в университетах, и примеры его использования можно найти в различных учебных заведениях.

Почему эта технология получила широкое распространение? На наш взгляд, этому есть несколько причин:

1. Смешанное обучение позволяет студентам гибко распределять свое время между занятиями в аудитории и изучением материала онлайн. Это особенно полезно для учащихся, у которых ограничено время пребывания в университете из-за работы или другой занятости.
2. Blended Learning предоставляет учащимся больше возможностей для самостоятельного изучения языка. Они могут использовать онлайн-ресурсы для углубления своих знаний и умений в английском языке. Преподаватель может предоставить учащимся доступ к онлайн-тестам, которые помогут им самостоятельно проверить свои знания и оценить уровень владения языком. Кроме того, такие тесты помогают преподавателю оценить успеваемость учащихся и определить области, требующие дополнительного изучения. В совокупности все это помогает учащимся развивать самостоятельность и ответственность за свое образование, а также создавать новые формы самостоятельной познавательной деятельности.
3. Смешанное обучение позволяет преподавателям более эффективно индивидуализировать образовательный процесс, например, используя онлайн-инструменты для отслеживания успеваемости учащихся и обеспечения обратной связи.
4. BL создает более интерактивную и привлекательную среду для изучения английского языка. Это может включать использование онлайн-инструментов коммуникации, таких как форумы, группы общения и вебинары, а также различных мультимедийных материалов, которые делают процесс обучения более интересным и увлекательным.[15]

Несмотря на эти преимущества, у использования технологии смешанного обучения на уроках английского языка есть и некоторые недостатки.

1. Ограничения взаимодействия. Поскольку часть занятий проводится в онлайн-формате, взаимодействие между преподавателем и учащимися может быть ограничено. Прямой контакт и обратная связь на уроке могут быть ограничены, что может затруднить понимание и овладение языковыми навыками.
2. Технические трудности. Успешное использование технологии смешанного обучения на уроках английского языка требует достаточного доступа к компьютерам и Интернету, а также технических навыков учащихся и преподавателей. При отсутствии достаточной технической поддержки возникают трудности и задержки в работе с учебными материалами.
3. Необходимость самодисциплины. Самостоятельное изучение английского языка в онлайн-формате требует от студентов самодисциплины и мотивации. В ситуации физического отсутствия преподавателя может возникнуть соблазн отложить выполнение заданий и не следовать графику обучения, что может негативно сказаться на результате.

Выводы

Смешанное обучение становится все более популярным в преподавании иностранных языков. Сегодня многие учебные заведения предлагают онлайн-классы в дополнение к очным занятиям.

Формат BL помогает сэкономить время и обеспечить удобство и гибкость обучения. Смешанное обучение обладает огромным потенциалом в преподавании иностранных языков, поскольку дает возможность интегрировать инновационные и технологические достижения онлайн-обучения при взаимодействии и участии лучших традиционных практик.

Применение современных образовательных технологий, а также механизация форм и методов обучения являются основой для существенного изменения содержания образовательного процесса. Таким образом, Blended Learning, выступая элементом этой модернизации, успешно сочетает в себе положительные стороны аудиторного и дистанционного обучения. И, как результат, образует (при условии грамотной методической организации презентуемого материала) полноценно функционирующую систему, которая, оптимизирует временные затраты преподавателя, усиливает эффективность аудиторных занятий, так как определенная часть материала по дисциплине переносится в онлайн-режим для самостоятельного изучения студентами. Всё это интенсифицирует познавательную деятельность обучающихся, способствует систематизации их знаний и существенно повышает качество образовательного процесса.

14 Назарова Г.И. Применение технологий смешанного обучения в процессе профессиональной подготовки по иностранным языкам / Г.И. Назарова, Л.Р. Низамиева // Филология и культура. — 2020. — 2. — С. 236–241.

15 Борисова Е.Н. Метод проектов как инструмент профессионально ориентированного обучения английскому языку студентов вуза (на примере студентов музыкальных профилей) / Е.Н. Борисова, Н.В. Леткина // Интеграция образования. — 2019. — 4. — С. 607–627.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лаптева И.В. Преимущества и недостатки цифровизации гуманитарного образования / И.В. Лаптева, Е.Д. Пахмутова // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. — 2020. — 1. — С. 89–94.
2. Garrison D.R., & Vaughan N. Blended learning in higher education. San Francisco, CA: Jossey-Bass. 2008.
3. Graham C.R., Henrie C.R., & Gibbons A.S. Developing models and theories for blended learning research, In A. Picciano, C. Dziuban, and C. Graham (Eds.). Blended learning: Research perspectives, vol 2. NY: — 2014.
4. Masie E. TeachLearn TRENDS: e-Learning, Training, and e-Collaboration Updates // Newsletter №197. 2001.
5. McGee P. & A. Reis. (2012). Blended Course Design: A Synthesis of Best Practices, Journal of Asynchronous Learning Networks 16.4, — 2012.
6. Saliba J.L. Fundamentals of blended learning. Western Sydney University Press. — 2013.
7. Kaye Thorne. Blended Learning: How to Integrate Online and Traditional Learning // Kogan Page Business Books. 1st Edition. 2003. 148 pages.
8. Назарова Г.И. Применение технологий смешанного обучения в процессе профессиональной подготовки по иностранным языкам / Г.И. Назарова, Л.Р. Низамиева // Филология и культура. — 2020. — 2. — С. 236–241.
9. Борисова Е.Н. Метод проектов как инструмент профессионально ориентированного обучения английскому языку студентов вуза (на примере студентов музыкальных профилей) / Е.Н. Борисова, Н.В. Леткина // Интеграция образования. — 2019. — 4. — С. 607–627.
10. Dahlstrom E., Brooks D.C., Grajek S., & Reeves J. ECAR Study of Undergraduate Students and Information Technology, 2015. Louisville, CO.
11. https://scipress.ru/fam/articles/ispolzovanie-smeshannogo-obucheniya-pri-izuchenii-inostrannogo-yazyka.html Использование смешанного обучения при изучении иностранного языка / Коротков П.А. Научно-издательский центр "Открытое знание" — 2025.
12. Тамбиева С.И. Способы смешанного обучения при преподавании иностранного языка, Науки об образовании, 2023, С.91–95
13. Rooney J.E. Blending learning opportunities to enhance educational programming and meetings. Association Management, 55(5), — 2003.
14. Curtis J. Bonk, Charles R. Graham. The Handbook of Blended Learning: Global Perspectives, Local Designs / 1st Edition / Pfeiffer, — 2005.

© Каримова Ксения Сергеевна (karimova-ks@ranepa.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2026.04–2.25

ФОРМИРОВАНИЕ ЯЗЫКОВЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ ВТОРИЧНОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТА-МЕДИКА В ПРОЦЕССЕ ОСВОЕНИЯ МЕДИЦИНСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

DEVELOPING THE LANGUAGE COMPETENCIES OF A MEDICAL STUDENT'S SECONDARY LANGUAGE IDENTITY IN THE PROCESS OF MASTERING MEDICAL TERMINOLOGY

I. Kuritsyna

Summary: Modern requirements for the training of medical personnel in the context of healthcare globalization focus on the formation of a specialist integrated into the global professional community and capable of effective intercultural communication. However, in practice, there remains a contradiction between the need to form a secondary linguistic personality of the future doctor and the lack of development of methods that use the system-forming potential of medical terminology. The purpose of the study: theoretical substantiation, development, and experimental verification of the methodology for the formation of linguistic competencies of the secondary linguistic personality of a medical student in the process of mastering medical terminology. Research objectives: to characterize the structure of the secondary linguistic personality in relation to the professional activity of a doctor; to reveal the linguistic and didactic potential of medical terminology (Latin terminological elements); to develop a set of exercises covering verbal-semantic, thesaurus and motivational-pragmatic levels; experimentally verify the effectiveness of the proposed methodology. The hypothesis of the study is that the formation of a secondary linguistic personality of a medical student will be more effective if the training is based on systematic work on medical terminology as the core of professional linguistic consciousness, implemented through a set of exercises integrating cognitive, communicative, and professionally oriented approaches. Methodology: theoretical analysis of linguodidactic and psycholinguistic literature, pedagogical experiment (ascertaining, forming, control stages), testing, questionnaire (n=60), observation, methods of mathematical statistics (Student's criterion, Fisher's φ-criterion). The article presents the results of an experimental study that revealed significant positive dynamics in the experimental group. The key components of an effective methodology are identified: terminological training based on word-formation analysis, work with authentic professional texts, situational role-playing games, and project assignments. The results of the research can be used in the system of language training for students of medical universities, in the development of textbooks and teacher training programs. In conclusion, the conclusion is made about the confirmation of the hypothesis and the expediency of introducing the developed methodology into the educational process.

Keywords: secondary linguistic personality, medical student, language competencies, medical terminology, Greek Latin terminological elements, word-formation analysis, professional thesaurus, situational role-playing games, linguodidactics, professionally oriented learning.

Курицына Ирина Юрьевна
Старший преподаватель, ФГБОУ ВО Тверской государственный медицинский университет
paseku@list.ru

Аннотация: Современные требования к подготовке медицинских кадров в условиях глобализации здравоохранения ориентируют на формирование специалиста, интегрированного в мировое профессиональное сообщество и способного к эффективной межкультурной коммуникации. Однако на практике сохраняется противоречие между необходимостью формирования вторичной языковой личности будущего врача и недостаточной разработанностью методик, использующих системообразующий потенциал медицинской терминологии. Цель исследования: теоретическое обоснование, разработка и экспериментальная проверка методики формирования лингвистических компетенций вторичной языковой личности студента-медика в процессе освоения медицинской терминологии. Задачи исследования: охарактеризовать структуру вторичной языковой личности в мультилингвистическом образовательном пространстве медицинского вуза; раскрыть лингводидактический потенциал в обучении медицинской терминологии; разработать комплекс упражнений, охватывающий вербально-семантический, тезаурусный и мотивационно-прагматический уровни; экспериментально проверить эффективность предложенной методики. Гипотеза исследования: формирование вторичной языковой личности студента-медика будет протекать эффективнее, если в основу обучения положить системную работу над медицинской терминологией как ядром профессионального языкового сознания будущего специалиста, реализуемую через комплекс упражнений, интегрирующий когнитивный, коммуникативный и профессионально-ориентированный подходы. Методология: теоретический анализ лингводидактической и психолингвистической литературы, педагогический эксперимент (констатирующий, формирующий, контрольный этапы), тестирование, анкетирование (n=60), наблюдение, методы математической статистики (критерий Стьюдента, φ-критерий Фишера). В статье представлены результаты экспериментального исследования, выявившего значительную положительную динамику в экспериментальной группе. Определены ключевые компоненты эффективной методики: терминологический тренинг на основе словообразовательного анализа, ситуационное применение инновационных образовательных технологий «выращивания» при использовании интерактивных форм обучения, таких как работа в малых группах, выполнение дополнительных тренировочно-обучающих работ, обсуждение полученных результатов, анализ типичных ошибок, а также работу с компьютерными и сетевыми ресурсами (университетская образовательная платформа ЭОС). В процессе освоения дисциплины, как способы и методы формирования компетенций, используются занятия лекционного типа, разбор типичных случаев ошибочного выполнения заданий, собеседование по контрольным вопросам, индивидуальное и групповое консультирование, подготовка и выполнение модульных работ, участие в творческих проектах, таких как, Олимпиады по латинскому языку, проектно-исследовательская работа, создание информационных бюллетеней, подготовка и защита рефератов. Активация моделирования алгоритмов по актуальным аспектам текущего учебного материала осуществляется в процессе самостоятельной работы обучающихся

при подготовке к практическим занятиям и УИРС.
Результаты исследования могут быть использованы в системе лингвистической подготовки иностранных обучающихся медицинских вузов, при разработке учебных пособий и программ повышения квалификации преподавателей. В заключении делается вывод о подтверждении гипотезы и целесообразности внедрения разработанной методики в образовательный процесс.

Ключевые слова: вторичная языковая личность, студент-медик, языковые компетенции, медицинская терминология, греко-латинские терминоэлементы, словообразовательный анализ, профессиональный тезаурус, ситуационно-ролевые игры, лингводидактика, профессионально-ориентированное обучение.

Введение

Современная парадигма высшего медицинского образования характеризуется усилением интеграционных процессов в глобальном научно-профессиональном пространстве [2]. Владение медицинской терминологией перестало быть исключительно академическим требованием и трансформировалось в необходимый инструмент профессиональной деятельности врача, обеспечивающий доступ к актуальной научной информации, участие в международных исследовательских проектах и профессиональную эффективную коммуникацию с зарубежными коллегами и пациентами [1, 3]. В этой связи приоритетное значение приобретает формирование у будущих специалистов вторичной языковой личности (ВЯЛ), понимаемой как способность осуществлять профессиональную деятельность средствами неродного языка и интегрироваться в мировое профессиональное сообщество.

Цель исследования заключается в теоретическом обосновании, разработке и экспериментальной проверке эффективности методики формирования языковых компетенций вторичной языковой личности студента-медика в процессе освоения медицинской терминологии.

Достижение поставленной цели предполагает решение следующих **задач**:

1. Разработать комплекс упражнений, направленный на поэтапное формирование вербально-семантического, тезаурусного и мотивационно-прагматического уровней ВЯЛ.
2. Экспериментально проверить эффективность разработанной методики в ходе опытного обучения, сравнив динамику показателей в контрольной и экспериментальной группах.

Научная новизна исследования: разработана и апробирована целостная методика, интегрирующая использование интерактивных форм обучения, создание информационных бюллетеней, ситуационно-ролевые игры и проектные задания, что обеспечивает комплексное воздействие на все компоненты ВЯЛ.

Теоретическая значимость работы состоит в развитии положений лингводидактики и психолингвистики применительно к профессионально-ориентированному обучению иностранным языкам.

Практическая значимость определяется возможностью использования разработанной методики и комплекса упражнений в практике преподавания иностранного языка в медицинских вузах.

Методы исследования

Для решения поставленных задач использовался комплекс теоретических (анализ научной литературы по лингводидактике, психолингвистике, терминоведению; моделирование; систематизация) и эмпирических методов (педагогический эксперимент, включающий констатирующий, формирующий и контрольный этапы; анкетирование; тестирование; наблюдение; методы статистической обработки данных, включая критерий Стьюдента и φ-критерий Фишера).

Результаты и их обсуждения

Экспериментальное исследование проводилось на базе Тверского государственного медицинского университета. В исследовании приняли участие 60 иностранных студентов 1 курса, обучающихся по специальностям: «Лечебное дело» (25 человек); «Педиатрия» (10 человек), «Стоматология» (10 человек); «Фармация» (10 человек); «ВСО» (10 человек).

На момент начала эксперимента участники имели уровень владения иностранным языком не ниже A2–B1 (Pre-Intermediate / Intermediate) согласно общеевропейской шкале CEFR.

В основе построения дисциплины лежит модульный принцип, предполагающий последовательное освоение трех фундаментальных подсистем медицинской терминологии: анатомической, клинической и фармацевтической. Методологической базой выступает сопоставительный анализ греко-латинских терминоэлементов в единстве с изучением словообразовательных моделей.

1. Анатомическая терминология. Данный раздел является вводным и ориентирован на усвоение номенклатурных наименований, используемых в морфологических дисциплинах (анатомия, гистология) [7].

Языковая база: фундаментом служит латинский язык как исторически сложившаяся интернациональная основа анатомической номенклатуры.

Дидактический аспект: акцент сделан на изучении орфоэпических норм и грамматической системы латинского языка. Основное внимание уделяется морфологии имени существительного и прилагательного, структуре терминологических словосочетаний (согласованное и несогласованное определение) и правилам построения многословных анатомических терминов. Цель этапа — сформировать навыки грамотного употребления падежных окончаний и согласования родовых форм.

2. Клиническая терминология. Раздел посвящен номенклатуре патологии, симптомов, методов обследования и лечения. В отличие от анатомического раздела, здесь доминирует словообразовательный подход [9].

Языковая база: используется греко-латинский терминофонд, однако приоритет отдается греческому языку как основному источнику для создания клинических терминов.

Дидактический аспект: ключевым элементом методики выступает изучение греко-латинских терминоэлементов (ТЭ) — частотных корневых и аффиксальных морфем, обладающих стабильным значением. Реализуется принцип морфемного членения: обучающиеся осваивают навыки перевода и конструирования производных слов (композитов) путем гнездования терминоэлементов (например, -логия, -эктомия, -скопия). Основной акцент делается на семантике терминоэлементов и моделях терминообразования.

3. Фармацевтическая терминология. Завершающий раздел интегрирует полученные знания в прикладную область, связанную с оформлением латинской части рецепта и лекарствоведением.

Языковая база: лексическую основу составляют латинские наименования лекарственных средств, растений и химических соединений, функционирующие в рамках международных непатентованных наименований (МНН) [8].

Дидактический аспект: методика направлена на освоение номенклатуры лекарственных форм и рецептурных прописей. Изучается структура рецепта: грамматическое управление в частотных предложных оборотах, употребление рецептурных форм глагола, а также основные словообразовательные модели для наименований лекарственных препаратов (частотные отрезки).

Конечная цель методики — формирование у обучающихся способности к системному анализу медицинского термина любой сложности через призму его этимологии (греч. /лат. происхождение), морфемного состава и грамматической формы в контексте конкретной терминосистемы.

Ключевой особенностью методики выступает акцент на системообразующей роли медицинской терминологии как средства формирования профессионального языкового сознания и инструмента межкультурной профессиональной коммуникации. Методика направлена на развитие системного подхода к анализу медицинской информации, основанного на поиске решений с использованием теоретических знаний и практических умений в целях совершенствования профессиональной деятельности.

В исследовании приняли участие 60 студентов 1 курса медицинского вуза, сопоставимых по уровню академической успеваемости. На основе предварительного тестирования были сформированы контрольная группа (КГ, n=30) и экспериментальная группа (ЭГ, n=30).

Таблица 1.
Исходный уровень сформированности компонентов вторичной языковой личности (ВЯЛ) в экспериментальной и контрольной группах (средний балл, макс. — 10).

Компонент ВЯЛ (критерий)	Экспериментальная группа (ЭГ)	Контрольная группа (КГ)
Вербально-семантический (лексика, грамматика)	5,2	5,3
Тезаурусный (когнитивный) (системные связи терминов, дефиниция)	4,8	4,9
Мотивационно-прагматический (использование в речи)	5,5	5,4
Интегральный показатель	5,2	5,2

Результаты диагностики выявили преимущественно средний и ниже среднего уровень сформированности компонентов ВЯЛ у студентов 1 курса. Наибольшие за-

Таблица 2.

Динамика показателей в ЭГ и КГ (средний балл, макс. 10).

Компонент ВЯЛ	Этап	ЭГ (n=30)	Прирост	КГ (n=30)	Прирост
Вербально-семантический	Нач.	5,2	+3,1	5,3	+1,4
	Кон.	8,3		6,7	
Тезаурусный	Нач.	4,8	+3,7	4,9	+1,2
	Кон.	8,5		6,1	
Мотивационно-прагматич.	Нач.	5,5	+2,9	5,4	+0,9
	Кон.	8,4		6,3	
Интегральный показатель	Нач.	5,2	+3,2	5,2	+1,2
		8,4		6,4	

труднения вызвали задания тезаурусного уровня (понимание системных связей терминов, их дефиниция), что подтверждает необходимость разработки специализированной методики, направленной на формирование профессионального тезауруса.

По окончании формирующего этапа (учебный год) был проведен контрольный срез, направленный на выявление динамики сформированности ВЯЛ. Данные представлены в Таблице 2.

Полученные данные позволяют сделать вывод о высокой эффективности разработанной методики. Рассмотрим динамику в контексте трех модулей дисциплины.

Вербально-семантический компонент (анатомическая терминология). Прирост в ЭГ (+3,1) более чем в два раза превышает прирост в КГ (+1,4). Это объясняется тем, что в ЭГ при изучении анатомической терминологии (грамматика, именительный и родительный падежи) использовался дифференцированный подход с учетом языковой интерференции (для англоговорящих и русскоговорящих иностранных студентов), что позволило не просто заучить правила, а осознанно усвоить грамматическую систему латыни.

Тезаурусный компонент (клиническая терминология). Наибольший прирост в ЭГ зафиксирован по тезаурусному критерию (+3,7 против +1,2 в КГ). Данный факт напрямую коррелирует с методическим усилением модуля клинической терминологии.

В ЭГ: основой обучения стал словообразовательный анализ греко-латинских терминоэлементов (ТЭ) и работа с гнездами слов, латинскими дублетами. Это позволило студентам не механически запоминать термины, а различать их внутреннюю форму, устанавливать родовидовые связи (гипо-гиперонимию) и самостоятельно конструировать производные слова. Как следствие — высокий балл (8,5) и максимальный прирост. В КГ изучение клинической терминологии носило преимущественно лексический характер (заучивание списков терминоэлементов), что не способствовало формированию системного мышления.

Мотивационно-прагматический компонент (фармацевтическая терминология и интегративные ситуации). Прирост в ЭГ (+2,9) также значительно выше, чем в КГ (+0,9). Высокий результат ЭГ обусловлен включением в завершающий модуль (фармацевтическая терминология) и в итоговое повторение ситуационно-ролевых игр (симуляция приема пациента, консилиума, выписывание рецепта). Это способствовало автоматизации навыков употребления изученной терминологии (как анатомической, так и клинической) в связной профессиональной речи.

Интегральный показатель сформированности ВЯЛ в ЭГ вырос с 5,2 до 8,4 балла, что на 2 балла выше итогового показателя КГ (6,4). Полученные данные полностью подтверждают гипотезу исследования: формирование языковой личности студента-медика протекает эффективнее при условии системной работы над терминологией как ядром профессионального языкового сознания, реализованной через последовательное освоение трех модулей (анатомического, клинического, фармацевтического) с приоритетом словообразовательного анализа на этапе формирования тезауруса и коммуникативных заданий на прагматическом этапе. Содержательно она закладывает основы знаний и практических умений по переводу, анализу и построению однословных и многословных терминов возрастающего уровня сложности, базирующихся на латино-греческом языковом фонде, а также грамотного выписывания рецептов.

Таким образом, результаты экспериментального обучения доказали эффективность предложенной методики и целесообразность ее внедрения в процесс языковой подготовки студентов медицинских вузов.

Выводы

Проведенное исследование подтвердило эффективность разработанной методики формирования вторичной языковой личности (ВЯЛ) студента-медика. ВЯЛ специалиста включает вербально-семантический, тезаурусный и мотивационно-прагматический уровни, а медицинская терминология на основе греко-латинских терминоэлементов выступает ядром профессионального языкового сознания. Обучающиеся реализуют целевую установку на интегрирование лингвистических компетенции по включённым в программу модулям в общемедицинский контекст.

Методика, включающая терминологический тренинг, работу с текстами, ролевые игры и проектные задания, обеспечила поэтапное формирование всех компонентов ВЯЛ. В экспериментальной группе (n=30) прирост показателей значительно выше, чем в контрольной (n=30): вербально-семантический критерий +3,1 против +1,4; тезаурусный +3,7 против +1,2; мотивационно-прагматический +2,9 против +0,9. Интегральный показатель ВЯЛ в ЭГ достиг 8,4 балла (+3,2), в КГ — 6,4 балла (+1,2) при $p < 0,01$.

Анкетирование показало рост мотивации: 93% студентов отметили понимание структуры терминов, 87% — преодоление языкового барьера, 97% — облегчение усвоения новой лексики.

Гипотеза подтверждена: формирование ВЯЛ эффективно при системной работе над терминологией через интеграцию когнитивного, коммуникативного и профессионально-ориентированного подходов. Методика рекомендована для внедрения в языковую подготовку медицинских вузов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абдуллаева Р.М. Своеобразие обучения медицинской лексике и терминологии студентов-медиков //Редакторы-составители: О.В. Чевела, С.И. Федотова Технический редактор: Е.А. Аликова. – 2022. – С. 5–12.
2. Быков С.А., Волкова Н.А., Медяник Н.П. Применение педагогических инструментов формирования профессиональной идентичности: на примере студентов-первокурсников отраслевых вузов // Современное педагогическое образование. – 2022. – № 12. – С. 20–25.
3. Вызулина К.С. Профессиональная идентичность студентов на первом этапе учебно-профессиональной деятельности // International Journal of Medicine and Psychology. – 2023. – Т. 6. – № 6. – С. 136–141.
4. Гальченко С.И., Сентищева Е.А., Федюкина Ю.И. Формирование навыков профессионального взаимодействия у студентов медицинских высших учебных заведений посредством учебной дисциплины «латинский язык» //Азимут научных исследований: педагогика и психология. – 2024. – Т. 13. – №. 4 (49). – С. 49–53.
5. Закирьянова А.Х. Формирование у иностранных студентов-медиков диалогических способностей в контексте будущей профессиональной деятельности //Лингвистика и образование. – 2022. – Т. 2. – №. 2. – С. 71–81.
6. Зеер Э.Ф. Персонализированное образование: анализ состояния и пути реализации // Векторы взаимодействия: СПО – вуз – предприятие: материалы Всерос. науч.-практ. конф., Первоуральск, 23 марта 2023 года. – Екатеринбург: Российский государственный профессионально-педагогический университет, 2023. – С. 62–70.
7. Курицына И.Ю. Лингводидактические аспекты обучения латинскому языку иностранных студентов // Тверской медицинский журнал .2025. № 2. С. 36–39
8. Курицына И.Ю. Моделирование языковой личности студента -билингва в процессе формирования профессионального тезауруса // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. 2024. № 49. С. 59–64.
9. Курицына И.Ю. Формирование дискурсивных навыков на занятиях по латинскому языку в медицинском вузе / Медицинский дискурс: вопросы теории и практики сборник статей по материалам Всероссийского научно-образовательного симпозиума с международным участием. Тверь, 2022. С. 57–59.
10. Лысакова И.П., Комцян К.Б. Обучение студентов-медиков семантике и словообразованию медицинских терминов (на примере диминутивов) //Русский язык за рубежом. – 2023. – №. 3 (298). – С. 50 -59.
11. Налиткина О.В. Основы профессиональной идентичности как результат высшего профессионального образования // Актуальные проблемы науки и практики: Гатчинские чтения – 2022: сб. науч. тр. по материалам IX Междунар. науч.-практ. конф., приуроченной к празднованию 300-летия Российской академии наук, Гатчина, 27–28 мая 2022 года. Т. 1. – Гатчина: Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, 2022. – С. 382–385.
12. Пожидаева А.С., Горовая Н.Н., Акашева К.Н. Обучение иностранных студентов медицинской терминологии с опорой на текст научного стиля //Успехи гуманитарных наук Учредители: Individual entrepreneur Klyueva Marina Maratovna. – №. 8. – С. 131–135.
13. Сиваков М.А. Модель формирования профессиональной идентичности студентов медицинского вуза в процессе языковой подготовки //Концепт. – 2024. – №. 10. – С. 200–213.

© Курицына Ирина Юрьевна (paseku@list.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2026.04–2.26

СИСТЕМА ПЛЮРИЛИНГВАЛЬНОГО КОРПОРАТИВНОГО ОБУЧЕНИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНЫХ КАДРОВ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ КАК ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ТЕХНОЛОГИЯ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ПОДГОТОВКИ

THE SYSTEM OF PLURILINGUAL CORPORATE FOREIGN LANGUAGE TRAINING FOR PROFESSIONALS AS AN EDUCATIONAL TECHNOLOGY OF PROFESSIONAL DEVELOPMENT

A. Lazareva
V. Alfimov

Summary: The article presents a theoretical and methodological justification of the system of plurilingual corporate foreign language training for professionals as an educational technology of professional development within the framework of continuing and additional adult education. The specific features of adult professional training in a corporate educational environment are examined, including its professional orientation, time constraints, and focus on measurable practical outcomes. Plurilingual communicative competence is defined as a professionally significant ability to consciously select a language or language combination, perform interlingual switching, and functionally use multilingual resources in the implementation of professionally relevant communicative intentions in business and intercultural interaction. The role of corporate training is substantiated as a form of additional professional education integrated into the structure of lifelong professional development and aimed at ensuring specialists' competitiveness in a globalized labor market. It is demonstrated that the implementation of the system in accordance with andragogical principles, individualized learning trajectories, and systematic assessment procedures allows overcoming the fragmentation of traditional adult foreign language instruction and ensuring the technological integrity of the educational process. The effectiveness of the developed system is confirmed by experimental results that reveal a stable positive dynamic in the formation of plurilingual communicative competence as a component of professional competence.

Keywords: professional education, corporate training, educational technology, plurilingual approach, plurilingual communicative competence, communicative intention.

Лазарева Анна Сергеевна
Кандидат педагогических наук,
АНО Академия корпоративного обучения, г. Москва
lazareva@mail.ru
Алфимов Валентин Николаевич
Доктор педагогических наук,
ФГБОУ ВО Донецкий Государственный педагогический университет им. В. Шаталова
alfi-val@mail.ru

Аннотация: В статье представлено теоретико-методологическое обоснование системы плюрилингвального корпоративного обучения профессиональных кадров иностранным языкам как образовательной технологии профессиональной подготовки в системе дополнительного и непрерывного образования взрослых. Рассматриваются особенности обучения взрослых специалистов в условиях корпоративной образовательной среды, характеризующейся профессиональной направленностью содержания, ограниченностью временных ресурсов и ориентацией на измеряемый практический результат. Плюрилингвальная коммуникативная компетенция определяется как профессионально значимая способность специалиста к осознанному выбору языка или языковой комбинации, межъязыковому переключению и функциональному использованию многоязычных ресурсов при реализации профессионально значимых коммуникативных намерений в ситуациях делового и межкультурного взаимодействия. Обосновывается роль корпоративного обучения как формы организации дополнительного профессионального образования, интегрированной в структуру непрерывного профессионального развития кадров и ориентированной на обеспечение конкурентоспособности специалистов в условиях глобализированного рынка труда. Показано, что реализация системы в логике андрагогических принципов, индивидуализации образовательных траекторий и управляемого диагностирования результатов позволяет преодолеть фрагментарность традиционного иноязычного обучения взрослых и обеспечить технологическую целостность образовательного процесса. Эффективность разработанной системы подтверждена результатами экспериментальной проверки, выявившей устойчивую положительную динамику формирования плюрилингвальной коммуникативной компетенции как компонента профессиональной компетентности специалиста.

Ключевые слова: профессиональное образование, корпоративное обучение, образовательная технология, плюрилингвальный подход, плюрилингвальная коммуникативная компетенция, коммуникативное намерение.

Введение

Современные условия профессиональной деятельности характеризуются интенсификацией международного сотрудничества, расширением транснациональных производственных и научно-технологических связей, цифровизацией коммуникационных процессов и интеграцией организаций в глобальные экономические пространства, что объективно повышает требования к языковой подготовке специалистов. Все чаще профессиональные задачи реализуются в многоязычной среде: переговоры с зарубежными партнерами,

участие в международных проектах, подготовка документации и презентаций для различных языковых аудиторий требуют не последовательного, а функционально распределенного использования нескольких иностранных языков в пределах одной профессиональной ситуации [1]. В этих условиях владение одним иностранным языком перестает обеспечивать полноту профессиональной коммуникации [2,3] и не гарантирует снижение коммуникативных рисков.

Данная тенденция обусловливает необходимость переосмысления организации корпоративного иноязычного обучения и перехода к плюрилингвальному подходу [4,5,6], ориентированному на формирование способности специалиста управлять совокупностью языковых ресурсов в зависимости от профессиональной задачи и коммуникативного контекста. Речь идет не о механическом накоплении языков, а о развитии интегрированной коммуникативной способности, обеспечивающей осознанный выбор языковой стратегии, межъязыковое переключение и координацию языковых средств в рамках единого профессионального действия. Именно такая направленность обучения позволяет обеспечить соответствие языковой подготовки требованиям современной профессиональной деятельности и задачам непрерывного развития кадров в корпоративной среде.

Теоретические основания исследования опираются на системный, деятельностный, компетентностный, личностно-ориентированный, андрагогический и коммуникативно - когнитивный подходы. Системный подход обеспечивает рассмотрение плюрилингвального корпоративного обучения как целостного, иерархически организованного педагогического образования, обладающего структурной согласованностью компонентов, управляемостью и воспроизводимостью результатов. Деятельностный подход задает ориентацию обучения на формирование способности специалиста к результативной профессионально обусловленной речевой деятельности в условиях многоязычного взаимодействия. Компетентностный подход определяет целевую направленность исследования и позволяет интерпретировать результат обучения как формирование профессионально значимой плюрилингвальной коммуникативной компетенции в структуре профессиональной компетентности специалиста.

Методологическая интеграция данных подходов дополняется плюрилингвальным подходом, который рассматривается как методологическое основание проектирования образовательной технологии и механизм технологизации профессионально ориентированного иноязычного обучения. Плюрилингвальный подход обеспечивает рассмотрение совокупности изучаемых языков как единого коммуникативного ресурса личности, функционирующего в режиме межъязыкового взаимодействия и стратегического распределения языковых средств в зависимости от профессиональной задачи и коммуникативной ситуации. Тем самым создаются предпосылки для перехода от изолированного освоения языков к их функциональной интеграции в структуре профессиональной деятельности.

Плюрилингвальная коммуникативная компетенция в данной логике интерпретируется как профессионально значимая способность специалиста управлять межъязыковым взаимодействием, осуществлять осознанный выбор языка или языковой комбинации, реализовывать межъязыковое переключение и функционально использовать многоязычные ресурсы при выполнении профессионально обусловленных коммуникативных действий. В отличие от традиционного понимания иноязычной компетенции, акцент делается не только на уровне владения отдельными языками, но и на способности координировать их взаимодействие в рамках единого профессионального действия.

Существенное значение для теоретического обоснования системы [7,8] имеет также положение о технологизации плюрилингвального подхода через использование коммуникативного намерения в качестве проектировочной единицы отбора и структурирования содержания обучения [9,10]. Коммуникативное намерение выступает регулятором выбора языков, их функционального распределения и стратегий речевого действия, обеспечивая переход от профессиональных потребностей обучающихся к управляемому формированию целевой компетенции. Таким образом, теоретические основания исследования характеризуются междисциплинарной интеграцией и направлены на построение системы плюрилингвального корпоративного обучения как образовательной технологии профессиональной подготовки [11,12], обеспечивающей согласование целей, содержания, технологий и диагностических процедур в логике формирования плюрилингвальной коммуникативной компетенции специалиста в условиях многоязычного корпоративного взаимодействия.

Система плюрилингвального корпоративного обучения профессиональных кадров иностранным языкам представлена как целостное, иерархически организованное педагогическое образование, включающее взаимосвязанные целевой, содержательный, процессуальный и диагностический компоненты, функционирующие в условиях корпоративной образовательной среды и ориентированные на формирование профессионально значимого результата — плюрилингвальной коммуникативной компетенции.

Целевой компонент определяет стратегическую направленность обучения и фиксирует результат как

формирование способности специалиста осознанно выбирать язык или языковую комбинацию, осуществлять межъязыковое переключение и реализовывать профессионально значимые коммуникативные намерения в условиях многоязычного корпоративного взаимодействия. Цели обучения соотносятся с трудовыми функциями специалиста, корпоративными задачами и требованиями дополнительного профессионального образования, что обеспечивает профессиональную релевантность и практико-ориентированность системы. В логике целевого компонента осуществляется соотнесение психолого-педагогического портрета обучающегося с целевым (идеальным) профилем, выполняющим нормативно-диагностическую функцию.

Содержательный компонент отражает принципы отбора и структурирования учебного материала. Его основой выступает коммуникативное намерение как проектировочная единица, определяющая выбор профессиональных ситуаций, жанров делового общения, языковых средств и стратегий их функционального сочетания. Содержание организуется в логике межъязыковой интеграции и предусматривает инвариантную часть (типология профессионально значимых коммуникативных намерений, базовые межъязыковые стратегии) и вариативную часть (конкретные языковые комбинации, отраслевые дискурсы, специфика корпоративного контекста). Такая структура обеспечивает одновременно устойчивость и адаптивность системы.

Процессуальный компонент реализуется через инвариантно-вариативную образовательную технологию, включающую совокупность методов, форм и средств обучения, направленных на развитие межъязыкового управления, стратегической автономии и профессионально обусловленной речевой деятельности. Он предполагает использование интерлингвальных и трансъязыковых стратегий, моделирование профессиональных ситуаций, медиативные задания, цифровые инструменты и механизмы рефлексии. Организация процесса строится с учетом андрагогических принципов, индивидуализации образовательных траекторий и интеграции обучения в профессиональный график специалистов.

Диагностический компонент обеспечивает управляемость и воспроизводимость образовательного процесса. Он включает критерии, показатели и уровни сформированности плюрилингвальной коммуникативной компетенции, а также процедуры педагогических измерений, ориентированные на оценку способности специалиста реализовывать профессионально значимые коммуникативные действия средствами нескольких языков. Диагностика выполняет не только контролирующую, но и регулятивную функцию, позволяя корректировать содержание и технологии обучения в соответствии с выявленной динамикой развития обучающихся.

Механизм функционирования системы реализуется через управляемый циклический процесс: анализ профессиональных и коммуникативных потребностей → целеполагание → проектирование содержания и технологий → реализация образовательной технологии → диагностика результатов → коррекция и обновление образовательных решений. Данный цикл обеспечивает согласованность всех компонентов системы, их адаптацию к изменяющимся условиям корпоративной среды и устойчивость результатов обучения. Структура системы и механизм ее функционирования образуют единую технологически организованную основу управляемого формирования плюрилингвальной коммуникативной компетенции специалистов в системе корпоративного дополнительного профессионального образования.

Заключение

Проведенный теоретико-методологический анализ позволил обосновать необходимость перехода от фрагментарных практик корпоративного иноязычного обучения к целостной, технологически организованной системе, ориентированной на требования дополнительного и непрерывного профессионального образования взрослых. В статье доказано, что формирование способности специалиста к функциональному использованию нескольких иностранных языков в рамках одной профессиональной задачи требует интеграции системного, деятельностного, компетентностного, андрагогического и коммуникативно-когнитивного подходов при реализации плюрилингвального подхода как методологического основания проектирования обучения.

Разработанная система представлена как иерархически организованное педагогическое образование, включающее целевой, содержательный, процессуальный и диагностический компоненты, согласованные в логике управляемого циклического механизма функционирования. Использование коммуникативного намерения в качестве проектировочной единицы содержания обеспечивает переход от анализа профессиональных потребностей к педагогически регламентированному выбору языков, их функциональному распределению и межъязыковому переключению в условиях корпоративного взаимодействия. Тем самым обеспечивается технологизация плюрилингвального подхода и его трансформация из концептуальной установки в воспроизводимую образовательную практику.

Реализация системы в корпоративной образовательной среде обеспечивает устойчивую положительную динамику формирования плюрилингвальной коммуникативной компетенции как компонента профессиональной компетентности специалиста. Управляемость, диагностируемость и адаптивность системы позволяют обеспечить её применимость в условиях ограниченных

временных ресурсов, профессиональной направленности обучения и высокой прагматической ориентированности корпоративной подготовки. Таким образом, разработанная система функционирует как образовательная технология профессиональной подготовки, интегрированная в структуру дополнительного и непрерывного образования взрослых, и обеспечивает управляемое формирование плюрилингвальной коммуникативной компетенции как профессионально значимой способности специалиста к реализации профессионально обусловленных коммуникативных действий в условиях многоязычного корпоративного взаимодействия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Лазарева А.С. Современные подходы к корпоративному обучению иностранным языкам взрослых: обучение говорению на краткосрочных курсах / А.С. Лазарева // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. – 2025. – № 6–3. – С. 100–104. – DOI 10.37882/2223–2982.2025.6–3.18. – EDN NOMJKN.
2. Теория и методика обучения и воспитания: иностранные языки / Н.И. Алмазова, Н.В. Чичерина, Н.В. Попова [и др.]. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, 2024. – 153 с. – ISBN 978-5-7422-8651-6. – DOI 10.18720/SPBPU/2/id24-139. – EDN HGAIMZ.
3. Ариян М.А. Междисциплинарность как основа построения современного школьного учебника иностранного языка в системе развивающего обучения / М.А. Ариян // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. – 2024. – № 1(850). – С. 9–15. – EDN MJKTFU.
4. Coste D., Moore D., Zarate G. Compétence plurilingue et pluriculturelle//Vers un–Cadre Européen Commun de référence pour l'enseignement et l'apprentissage des langues vivantes. -Strasbourg: Division des Politiques linguistiques, 1997.
5. Халяпина Л.П. Плюрилингвальный и транслингвальный подходы как новые тенденции в теории интегрированного обучения иностранным языкам и профессиональным дисциплинам студентов технических вузов / Л.П. Халяпина, Е.В. Шостак // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. – 2019. – № 2. – С. 119–130. – DOI 10.15593/2224–9389/2019.2.11. – EDN XCFLEH.
6. Барышников Н.В. Мультилингводидактика / Н.В. Барышников // Иностранные языки в школе. – 2004. – № 5. – С. 19–27. – EDN TIFINV.
7. Бим И.Л. Понятие системы обучения иностранным языкам на разных уровнях рассмотрения / И.Л. Бим // Иностранные языки в школе. – 2014. – № 4. – С. 56–66. – EDN SBYZTH.
8. Лазарева А.С. Нормативно-правовое обеспечение методической системы дополнительного корпоративного обучения взрослых иностранным языкам: стандартизация или автономия/ А.С. Лазарева// Мир науки, культуры, образования. – 2025. – № 3(112). – С. 194–196. – DOI 10.24412/1991–5497-2025-3112-194-197. – EDN YNVOSM.
9. Лазарева А.С. Реализация ценностной парадигмы в дополнительном иноязычном образовании взрослых в корпоративной среде / А.С. Лазарева// Язык и культура. – 2023. – № 64. – С. 155–168. – DOI 10.17223/19996195/64/9. – EDN HPHCAH.
10. Мацько Д.С. Особенности обучения английскому языку взрослых в системе дополнительного образования // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2018. № 2 (19). С. 126–130. EDN UTCSPI.
11. Лазарева А.С. Организационно-педагогические условия плюрилингвального корпоративного обучения взрослых иностранным языкам / А.С. Лазарева// Язык и культура. – 2025. – № 70. – С. 227–244. – DOI 10.17223/19996195/70/11. – EDN ZGVSQZ
12. Щербанева А.В. Критерии отбора профессионально ориентированной лексики в неязыковом вузе // Мир науки, культуры, образования. 2024. № 1 (104). С. 382–385. DOI: 10.24412/1991-5497-2024-1104-382-385.

© Лазарева Анна Сергеевна (lazareva@mail.ru), Алфимов Валентин Николаевич (alfi-val@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2026.04–2.27

ОРГАНИЗАЦИЯ ПРАКТИЧЕСКОЙ ПОДГОТОВКИ СТУДЕНТОВ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ В ПРОЦЕССЕ ОСВОЕНИЯ МУЗЫКАЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКИХ ДИСЦИПЛИН

Ли Цзянюэ
Аспирант, Московский педагогический государственный университет, г. Москва
782106101@qq.com

Аннотация: Актуальность темы исследования обусловлена интенсивными академическими и культурными обменами между Российской Федерацией и Китайской Народной Республикой в сфере высшего образования. Также существует определенная специфика освоения зарубежными студентами дисциплин гуманитарного профиля, в связи с чем необходимо погружение в культурно-исторический контекст. Цель исследования состоит в выявлении особенностей организации практической подготовки китайских студентов по музыкально-историческим дисциплинам в российских музыкальных вузах.
Задачи исследования включают: определение ключевых проблем адаптации; оценку эффективности существующих форм практической деятельности; выявление возможных путей оптимизации учебного процесса. В ходе исследования применялись следующие теоретические методы: анализ педагогической и культурологической литературы. Для уточнения теоретических тезисов использовались также эмпирические методы: формирование выборки, опрос, статистическая обработка полученных данных.
Выводы: в современных российских музыкальных вузах требуется целенаправленное формирование культурно-обусловленных учебных материалов и методик, которые позволят преодолеть когнитивные и культурные барьеры с помощью интерактивных методов обучения.

Ключевые слова: китайские студенты, музыкально-исторические дисциплины, практическая подготовка, межкультурная адаптация, методы преподавания, российское музыкальное образование.

ORGANIZATION OF PRACTICAL TRAINING OF STUDENTS OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA IN THE PROCESS OF MASTERING MUSICAL AND HISTORICAL DISCIPLINES

Li Jiangyue

Summary: The research relevance topic is due to the intensive academic and cultural exchanges between the Russian Federation and the People's Republic of China in the field of higher education. There is also a certain specificity of mastering the disciplines of the humanities by foreign students, in connection with which it is necessary to immerse themselves in the cultural and historical context. The research goal is to identify the features of the organization of practical training of Chinese students in musical and historical disciplines in Russian music universities.
The objectives include: identification of key adaptation problems; assessment of the effectiveness of existing forms of practical activity; identification of possible ways to optimize the educational process. During the study, the following theoretical methods were used: analysis of pedagogical and cultural literature. To clarify the theoretical theses, empirical methods were also used: sampling formation, survey, statistical processing of the data obtained.
Conclusions: modern Russian music universities require the purposeful formation of culturally conditioned educational materials and methods that will allow overcoming cognitive and cultural barriers with the help of interactive teaching methods.

Keywords: Chinese students, musical and historical disciplines, practical training, intercultural adaptation, teaching methods, Russian music education.

Введение

Актуальность темы исследования определяется следующими взаимосвязанными аспектами: в первую очередь, в рамках реализации стратегий «Один пояс – один путь» и политики интернационализации российского образования наблюдается устойчивый рост числа студентов из Китая в сфере профессионального музыкального образования [10, с. 204].

Во-вторых, музыкально-исторические дисциплины (например, история музыки, музыкальная литература, история исполнительского искусства) представляют своеобразный педагогический вызов в работе с иностранными студентами. Дело в том, что освоение таких дисциплин зависит от усвоения фактологии и понимания широкого историко-культурного контекста, религиозно-философских основ европейской и русской музыки, а такие нюансы, как правило, находятся за пределами непосредственного опыта китайских студентов [11, с. 116]. На наш взгляд, такой разрыв между теоретическим знанием и его практическим осмыслением не позволяет повысить качество учебного процесса.

В силу вышеизложенных причин именно китайские студенты были выбраны нами в качестве объекта эмпи-

рического исследования значительной и возрастающей доли в контингенте иностранных студентов российских музыкальных вузов, а также из-за выраженной культурной дистанции между китайской и российской образовательными и музыкальными традициями. При этом изучение специфики подготовки китайских студентов помогает выявить наиболее острые системные проблемы и разработать педагогические методики для работы с этой категорией студентов.

Актуальность исследования темы определяется также необходимостью повышения конкурентоспособности российского музыкального образования на международном рынке образовательных услуг. При этом качество адаптации учебных программ и методик к потребностям иностранных студентов напрямую влияет на репутацию вуза и приток новых студентов [11, с. 116]. Современная педагогическая наука демонстрирует повышенное внимание к кросс-культурным аспектам обучения, где эффективность образовательного процесса напрямую коррелирует с учетом культурных ментальных схем студентов [12, с. 141].

Для решения указанных проблем необходимо применение методов преодоления культурно-исторического барьера в музыкально-исторических дисциплинах представляет собой конкретное применение имеющихся теоретических разработок [13, с. 294]. Отметим, что на государственном уровне наблюдается усиление внимания к вопросам интеграции иностранных студентов как в академическую, так и в социокультурную среду; причем такая политика – это часть более широкой стратегии по укреплению международных связей [14, с. 128]. На этом фоне недостаточная разработанность методических подходов к преподаванию истории музыки для китайских студентов препятствует реализации этих государственных задач.

Историография исследуемой темы довольно обширна и включает в себя работы как российских, так и китайских авторов. В частности, как справедливо отмечает М.Ю. Антропова, преподавание русского языка как иностранного для данной категории студентов должно строиться на особых методиках, которые позволят учитывать как общие языковые сложности, так и специфику музыкального контекста [1, с. 80]. Развивая лингвистическую тему, А.Л. Коннова предлагает конкретный методический инструмент – принцип полевой организации материала. Автор обосновывает его применение на примере обучения многозначной лексике лексико-семантического поля «музыка» [3, с. 277].

Непосредственно вопросы адаптации китайских студентов к российским образовательным стандартам в области музыки исследует М. Ван, который в своей работе разработал модель освоения китайскими студентами, обучающимися в российских вузах, подходов к организации и содержанию российского музыкального образования [2, с. 14].

Значительная часть современных исследований посвящена вокальной подготовке: например, С. Сун акцентирует внимание на синтезе традиций, рассматривая взаимодействие народной и классической музыки как эффективный метод вокального обучения китайских студентов [6, с. 121]. В свою очередь, В. Сюй делает акцент на развитии творческого начала, исследуя, как вокальная подготовка может помочь при раскрытии творческого потенциала китайских студентов [7, с. 125]. В своем исследовании Х. Ма предлагает обратиться к богатому опыту русской вокальной школы, обосновывая методику обучения китайских студентов вокалу с использованием традиций русской вокальной музыки [4, с. 252].

Вопросы сугубо специального музыкального образования рассматриваются в работе Ц. Се, который детально анализирует содержание программы «Игра на клавишных инструментах» для студентов музыкального института университета Хунхэ, отражая педагогические подходы к профессиональной подготовке в китайских вузах [5, с. 109]. Со своей стороны, Ю. Сюй изучает роль профессиональной музыки китайских композиторов в обучении студентов педагогических вузов Китая, подчеркивая важность национального компонента в формировании будущих педагогов-музыкантов [8, с. 288]. Более того, в соавторстве с Е.А. Александровой тот же исследователь конкретизирует возможности применения вокальной музыки китайских композиторов в учебном процессе российских вузов с позиций профессионального и культурно-патриотического воспитания [9, с. 223]. Более того, эмпирические исследования академической успеваемости китайских студентов в ведущих музыкальных вузах позволяют исследователям констатировать наличие устойчивых трудностей, в числе которых проблемы с восприятием исторической хронологии, неполное усвоение биографических данных композиторов в отрыве от культурного контекста, и, главное, с пониманием эволюции музыкальных стилей и форм [15, с. 162]. Такого рода трудности обусловлены различиями в историческом мышлении и разными аксиологическими ориентирами.

Таким образом, исследуемая нами проблематика обладает значительной практической ценностью для совершенствования учебных планов, создания специальных учебных материалов и пособий, а также для подготовки педагогических кадров, способных к межкультурному диалогу. Результаты исследования могут быть учтены преподавателями во время повышения квалификации в сфере преподавания музыкально-исторических дисциплин.

Материалы и методы

Материалом для эмпирической части исследования послужили данные анонимного анкетного опроса среди 150 студентов из Китая, осваивающих программы бакалавриата и магистратуры в России. Опрос проводился в рамках учебного 2024–2025 года на базе трех ведущих российских музыкальных вузов: Московской государственной консерватории имени П.И. Чайковского, Санкт-Петербургской государственной консерватории имени Н.А. Римского-Корсакова и Российской академии музыки имени Гнесиных.

В рамках исследования применялись следующие методы: историографический анализ научной литературы по межкультурной педагогике и методике преподавания музыкально-исторических дисциплин; опрос для оценки вовлеченности студентов в различные формы практической работы, их удовлетворенности и воспринимаемых трудностей; методы математической статистики для обработки количественных данных опроса.

Результаты исследования

Проведенный в ходе эмпирического исследования был проведен опрос китайских студентов для оценки текущего состояния и восприятия различных аспектов практической подготовки в рамках музыкально-исторического цикла. Полученные нами в трех ведущих музыкальных вузах России количественные результаты представлены в таблице 1.

Насколько можно заключить по полученным результатам опроса, китайские студенты отмечают наибольшую доступность форм преподавания, которые связаны с непосредственным аудиовизуальным восприятием музыки (анализ записей, посещение концертов), а также использование цифровых технологий. В частности, один просмотр документального фильма о русском композиторе С.В. Рахманинове дает китайским студентам больше информации и понимания, чем шесть часов лекционных занятий. Напротив, традиционные для гуманитарного образования формы, а именно активная речевая коммуникация или сложная самостоятельная аналитическая работа с нотным текстом С.В. Рахманинова, вызывают значительные трудности у большинства китайских студентов. Высокий процент был показан для самой редкой работы с историко-музыкальными архивами (68 %) указывает на невостребованность специальной архивной практики. При этом тот факт, что только 24 % респондентов высоко оценивают связь теории с практикой, свидетельствует о сохранении разрыва между лекционным материалом и эмпирически закрепленным знанием. Иными словами, если студенты из Китая будут больше знать о культурно-историческом контексте написания того или иного произведения русских композиторов, тех выше будет степень понимания сути самой изучаемой музыки.

На основании выявленной диспропорции можно предложить оптимизацию практической подготовки китайских студентов по историко-музыкальных дисциплинам, в которой выявлены успешные и проблемные формы. При этом самым первым направлением является методическая адаптация семинаров-дискуссий и творческих заданий к особенностям восприятия русской музыки китайскими студентами. Как отмечается в работах по межкультурной коммуникации, результативность таких дискуссий в смешанных группах студентов требует структурированных форматов: предварительного предоставления тезисов, языковых «опор» и четких регламентов выполнения творческих заданий. Внедрение нами предварительного анализа конкретных фраг-

Таблица 1.

Результаты опроса китайских студентов (n=150) по организации практической подготовки.

Оценочный критерий / Форма работы	Высокая оценка / Частое использование, %	Средняя оценка / Периодическое использование, %	Низкая оценка / Редкое использование, %
Участие в семинарах-дискуссиях	18	45	37
Анализ аудио- и видеозаписей на занятиях	82	15	3
Посещение концертов с последующим разбором	65	28	7
Выполнение творческих заданий (эссе, рецензии)	22	41	37
Работа с архивными материалами, рукописями	9	23	68
Использование интерактивных мультимедийных ресурсов	71	25	4
Удовлетворенность связью теории с практикой	24	52	24

ментов музыкальных произведений перед обсуждением позволило снизить коммуникативный барьер, с опорой на уровень понимания таких аудиозаписей (82 % студентов). Далее, творческие задания (эссе, рецензии, рефераты и проекты) мы дробили на последовательные этапы с применением цифровых платформ, что позволило организовать поэтапный контроль над пониманием русской музыкальной традиции китайскими студентами.

Полученные нами в ходе опроса крайне низкие показатели вовлеченности в работу с архивными материалами (68 % студентов редко используют такие материалы) указывают на системную проблему доступности и методического сопровождения преподавания историко-музыкальных дисциплин. На наш взгляд, следует просто сделать такой вид работ интересным для студентов: например, создание виртуальных архивов на базе вузовских музеев музыкального искусства, а также включение студентов в работу по созданию каталогов оцифрованных аудиозаписей произведений русских композиторов в рамках конкретных учебных проектов превращает знакомство с музыкальными архивами в активную исследовательскую практику.

В свою очередь, разрыв теории и практики (только 24 % высокой удовлетворенности среди студентов из Китая) требует пересмотра логики построения всего курса. При этом, на наш взгляд, необходим переход от линейной модели («теория – последующее применение») к интегративной, когда каждая теоретическая тема сразу же подкрепляется конкретной исполнительской практикой. Например, изучение стилевых особенностей русской музыки 1920-х годов должно сочетаться с анализом биографий и творческого пути авторов произведений, а затем – оформлением краткого аннотированного каталога услышанных произведений как прообраза будущей профессиональной деятельности.

Таким образом, реформировать процесс преподавания историко-музыкальных дисциплин среди китайских студентов можно только изнутри, с позиции музыкального педагога-практика. При этом необходимо адаптировать коммуникативно-насыщенные формы проведения занятий по истории музыки путем внедрения аудиовизуального контента как основы; активизировать цифровизацию работы с первоисточниками в музыкальных архивах; а также в каждую лекционную тему добавить практический компонент исполнения произведения конкретного композитора. Предложенная нами методика поможет хотя бы отчасти преодолеть выявленный дисбаланс между теорией и практикой и повысить общую эффективность освоения музыкально-исторических дисциплин китайскими студентами в российских музыкальных вузах.

Выводы

На основании проведенного исследования и предложенных направлений преподавания историко-музыкальных дисциплин можно заключить, что основной проблемой практической подготовки в музыкально-историческом цикле является структурный дисбаланс между преимущественно аудиовизуальными и цифровыми формами обучения, получившими высокое признание студентов, и традиционными гуманитарными практиками развития коммуникативных и аналитических навыков. Полученные в ходе исследования данные позволяют также заключить, что реформирование должно не заменять, а интегрировать различные формы обучения, преподаватель истории музыки должен использовать сильные стороны студентов как точку опоры для развития менее освоенных компетенций. Основной вывод исследования заключается в том, что существует необходимость перехода от линейной к интегративной модели построения курса музыкально-исторических дисциплин. При этом предложенная нами методика, в которой каждая теоретическая тема должна подкрепляться конкретной практической операцией, позволяет обеспечить непрерывную связь знания и действия.

Таким образом, существует необходимость интеграции в учебный процесс трех взаимосвязанных направлений: 1) адаптации коммуникативных и аналитических форм через их структурирование и использование аудиовизуальной основы; 2) цифровизации работы студентов с первоисточниками в цифровых музыкальных архивах; 3) интеграции каждой лекционной темы с исполнительской практикой. Реализация такой методики обучения, на наш взгляд, позволит преодолеть выявленный дисбаланс между теорией и практикой, а также обеспечить адекватное понимание русской музыкальной истории китайскими студентами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антропова М.Ю. Русский язык как иностранный вне языковой среды обучения китайских студентов-музыкантов: проблемы и перспективы // Лингвистика и методика в преподавании русского языка как иностранного: современные тенденции и инновационные технологии. – 2024. – С. 79–85.
2. Ван М. Модель освоения студентами Китая, обучающимися в российских вузах, подходов к организации и содержанию общего музыкального образования Российской Федерации // Научное обозрение. Серия 2: Гуманитарные науки. – 2025. – № 1. – С. 12–20.
3. Коннова А.Л. Принцип учёта полевой организации материала при обучении китайских студентов многозначной лексике (на примере лексико-семанти-

ческого поля «Музыка») // Kant. – 2023. – № 1 (46). – С. 276–282.
4. Ма Х. Обучение китайских студентов вокалу с использованием традиций русской вокальной музыки // Обзор педагогических исследований. – 2023. – Т. 5. – № 8. – С. 250–256.
5. Се Ц. Содержание программы «Игра на клавишных инструментах» для студентов музыкального института университета Хунхэ // Современные проблемы музыкального и художественного образования. – 2021. – С. 108–114.
6. Сун С. Взаимодействие народной и классической музыки в вокальном обучении студентов КНР // Искусство и образование. – 2022. – № 1 (135). – С. 120–126.
7. Сюй В. Вокальная подготовка китайских студентов в процессе развития творческого потенциала // Наука. Культура. Искусство: Актуальные проблемы теории и практики. – 2023. – С. 124–128.
8. Сюй Ю. Профессиональная музыка китайских композиторов в обучении студентов педагогических вузов КНР // Управление образованием: теория и практика. – 2025. – № 4–1. – С. 288–296.
9. Сюй Ю., Александрова Е.А. Вокальная музыка китайских композиторов в процессе обучения студентов педагогических вузов КНР // Искусство и образование. – 2025. – № 13 (165). – С. 223–230.
10. Chen Y. Comparison of Models for Implementing the Multicultural Component of General Music Education in Russia and China // Modern Pedagogical Education. – 2024. – No. 4. – P. 204-207.
11. Cheng Q. Bird Images in Russian Piano Music in the Context of a Cultural Approach to Teaching Chinese Students at Russian Universities // Traditions and Innovations in the Modern Cultural and Educational Space. – 2023. – P. 115-121.
12. Zhang T. Masks as a Means of Studying Opera Art by Chinese Students // Modern Problems of Music and Art Education. – 2021. – P. 140-144.
13. Zhang Y. Analysis of the Features and Philosophy of Teaching Choral Conducting in Chinese Universities // Art Education in the World: Yesterday, Today, Tomorrow. – 2023. – P. 294-297.
14. Zhao T. Scientific Foundations of Chinese Vocal and Music Education // Bulletin of Pedagogical Sciences. – 2023. – No. 8. – P. 128-131.
15. Zheng M. Methods of Teaching Music Theory to Chinese Students in Higher Education in China // Musical, Aesthetic, and Artistic Education: Experience, Traditions, Innovations. – 2024. – P. 162-165.

© Ли Цзянюэ (782106101@qq.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2026.04–2.30

МЕТОДИКА ФОРМИРОВАНИЯ УНИВЕРСАЛЬНЫХ УЧЕБНЫХ ДЕЙСТВИЙ В ЦИФРОВОЙ СРЕДЕ С ИСПОЛЬЗОВАНИЕМ ЭЛЕМЕНТОВ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА

METHODOLOGY FOR DEVELOPING UNIVERSAL LEARNING ACTIONS IN A DIGITAL EDUCATIONAL ENVIRONMENT WITH INTEGRATION OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE ELEMENTS

O. Martynova
E. Postnikova
M. Sergeeva

Summary: The article presents a methodology developed by the authors for fostering universal educational actions among first-year university students within a digital educational environment integrating artificial intelligence elements. The study was conducted at Samara University, at the Department of Foreign Languages and Professional Communication. A total of 186 first-year students participated in the experimental research. The conceptual architecture of the proposed methodology comprises three interrelated stages: diagnostic, formative, and reflective. The obtained results demonstrate the superiority of the experimental group across all measured parameters. It has been established that the maximum effect of AI technology integration is achieved in the formation of regulatory actions associated with activity planning and self-control under conditions of digital environment uncertainty.

Keywords: universal educational actions, artificial intelligence, digital educational environment, first-year students, adaptive learning, pedagogical experiment, foreign languages, metacognitive strategies, neural network-based task generation.

Мартынова Ольга Николаевна
кандидат педагогических наук, доцент,
Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва
martinova.on@ssau.ru
Постникова Екатерина Вячеславовна
кандидат педагогических наук, доцент,
Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва
postnikova.ev@ssau.ru
Сергеева Маргарита Викторовна
кандидат филологических наук, доцент,
Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королёва
sergeeva.mv@ssau.ru

Аннотация: В статье представлена разработанная авторами методика формирования универсальных учебных действий (далее – УУД) у студентов-первокурсников в условиях цифровой образовательной среды с интеграцией элементов искусственного интеллекта. Исследование осуществлено на базе Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королёва, на кафедре иностранных языков и профессиональной коммуникации. В экспериментальном исследовании приняли участие 186 первокурсников. Концептуальная архитектура разработанной методики включает три взаимосвязанных этапа: диагностический, формирующий и рефлексивный. Полученные результаты свидетельствуют о превосходстве экспериментальной группы по всем измеряемым параметрам. Установлено, что максимальный эффект от интеграции ИИ-технологий достигается при формировании регулятивных действий, ассоциированных с планированием деятельности и самоконтролем в условиях неопределённости цифровой среды.

Ключевые слова: универсальные учебные действия, искусственный интеллект, цифровая образовательная среда, первокурсники, адаптивное обучение, педагогический эксперимент, иностранные языки, метакогнитивные стратегии, нейросетевая генерация заданий.

Актуализация проблематики формирования универсальных учебных действий в современном высшем образовании обусловлена комплексом трансформационных процессов, характеризующих переход к новой модели университета. Федеральные государственные образовательные стандарты устанавливают приоритетность метапредметных результатов, интегрируемых в структуру профессиональных компетенций выпускника, таким образом универсальные учебные действия (УДД) могут рассматриваться как фундаментальная основа личности, способной к непрерывному образованию в условиях экспоненциального ускорения производства и коммуникации знаний [3-7,11]. Специфика цифровой образовательной среды порождает качественно новые требования к структуре и функционированию УУД. Медиатизация учебного процесса, мультимодальность информационных потоков, гипертекстуальность знания и фрагментарность когнитивного опыта в условиях цифровой среды детерминируют необходимость трансляции традиционных УУД в новые контексты: медиаинформационную грамотность, управление цифровым вниманием, критическую оценку алгоритмически курируемого контента, адаптивность к быстрой смене интерфейсных парадигм [2-5,10]. Ис-

следования последних лет констатируют выраженный дефицит указанных компетенций у контингента первокурсников: по данным мониторинговых исследований, 62–68% студентов первого курса демонстрируют недостаточную сформированность регулятивных и познавательных УУД, что существенно детерминирует снижение эффективности освоения иностранного языка как метапредметной дисциплины, обеспечивающей трансляцию профессиональных знаний в международный контекст [1-4,9-12].

Искусственный интеллект (далее – ИИ) в данном контексте представляет собой не сколько технологическую инновацию, а онтологически новую категорию педагогического инструментария. В отличие от традиционных систем управления обучением (далее – LMS), функционирующих в рамках жёстко детерминированных сценариев, ИИ-системы обладают способностью к генерации адаптивного контента, моделированию коммуникативных сценариев с переменной структурой, осуществлению немедленной персонализированной обратной связи и прогнозированию образовательных траекторий на основе анализа больших данных обучающихся. Тем не менее, в отечественной педагогической теории и методике преподавания иностранных языков отсутствуют систематизированные разработки, целенаправленно ориентированные на формирование УУД с использованием ИИ-инструментария [1-7,10–12].

Цель исследования, результаты которого представлены в данной статье, заключалось в разработке теоретически обоснованной и экспериментально верифицированной методики формирования универсальных учебных действий у студентов-первокурсников в цифровой образовательной среде с интеграцией элементов искусственного интеллекта. Гипотеза исследования: предполагается, что методика, включающая ИИ-диагностику отдельных зон УУД, генерацию адаптивных учебных заданий с учётом индивидуальной когнитивной траектории и автоматизированную рефлексию с визуализацией персонализированных образовательных маршрутов, обеспечит достоверное повышение эффективности формирования УУД по сравнению с традиционной методической парадигмой, не предполагающей привлечение ИИ-инструментария.

Теоретическая концептуализация универсальных учебных действий в отечественной педагогике восходит к работам отечественных исследователей, разработавших типологию УУД, структурируемую на четыре взаимосвязанных вида: личностные (смыслообразование, нравственно-этическая ориентация, самооценка), регулятивные (целеполагание, планирование, прогнозирование, самоконтроль, коррекция), познавательные (общие учебные, логические, знаково-символические, проблемно-поисковые действия) и коммуникативные (коммуникация, кооперация, управление конфликтом). В контексте цифровизации образования к указанной типологии необходимо добавить медиа-информационную составляющую, включающую умения критической оценки цифрового контента, управления вниманием в условиях многозадачности и когнитивной перегрузки, адаптации к быстрой смене интерфейсных парадигм и алгоритмической кураторской логике цифровых платформ. ИИ-технологии в образовательном контексте функционируют на трёх уровнях. Ассистивный уровень представлен чат-ботами и рекомендательными системами, обеспечивающими оперативную поддержку обучающегося. Генеративный уровень реализуется через нейросетевые системы, способные к созданию оригинального учебного контента, вариативных сценариев и персонализированных заданий. Аналитический уровень обеспечивает обработку многомерных данных об образовательной деятельности с целью выявления скрытых паттернов, прогнозирования рисков отсева и оптимизации образовательных траекторий. Для целенаправленного формирования УУД значимым представляется синергетический эффект ассистивно-генеративного уровня, поскольку именно он позволяет моделировать ситуации принятия решений в условиях эпистемологической неопределённости — ключевой онтологический компонент регулятивных универсальных действий.

Экспериментальное исследование осуществлено на базе Самарского национального исследовательского университета имени академика С.Р. Королёва в 2025–2026 учебном году. Репрезентативная выборка сформирована из 186 студентов-первокурсников в возрастной категории 17–19 лет. Рандомизированное распределение на экспериментальную (ЭГ, n=94) и контрольную (КГ, n=92) группы осуществлено методом случайных равных групп с предварительной верификацией однородности по критериям: исходный уровень владения английским языком (стандартизированный тест Oxford Online Placement Test), начальная сформированность УУД (диагностическая методика А.Г. Гинзбург), академическая успеваемость в школе, пол и возраст. Проверка однородности по t-критерию Стьюдента и критерию χ^2 Пирсона не выявила достоверных различий между группами на входе в эксперимент ($p>0,05$ по всем параметрам).

Разработанная методика реализуется в рамках дисциплины «Иностранный язык» и включает три взаимосвязанных, последовательно транслируемых этапа.

I. Диагностический этап (недели 1–2 семестра). ИИ-ассистент, функционирующий на базе дообученной языковой модели, осуществляет индивидуальное тестирование сформированности УУД через серию иммерсивных сценарных заданий в диалоговом чат-формате. Система выявляет «зоны ближайшего развития» по каждому виду УУД с использованием байесовской модели

оценки уверенности и формирует персонализированную образовательную траекторию. Иллюстративный пример: при идентификации дефицита планирования ИИ-генератор конструирует задание повышенной сложности: «Сформулируйте пошаговый алгоритм подготовки к моделируемой деловой встрече с иностранным партнёром, учитывая поступление 5 входящих сообщений с противоречивой, частично избыточной и неполной информацией, требующей иерархизации и ранжирования».

II. Формирующий этап (недели 3–14 семестра). Адаптивная цифровая среда на базе ИИ-генератора осуществляет динамическую трансляцию учебных заданий с переменной эпистемологической сложностью. Концептуальные механизмы данного этапа включают: прогрессирующую дифференциацию, при которой сложность заданий автоматически инкрементируется при достижении обучающимся 80%-ного порога успешности, и декрементируется при снижении ниже 60%; мультимодальную обратную связь, предполагающую анализ ИИ-системой не только конечного результата, но и процессуальных характеристик (латентное время реакции, частота и характер правок, интенсивность использования подсказок, траектория навигации по гипертексту); коллаборативное моделирование коммуникативных сценариев, в рамках которого ИИ выступает в роли виртуального «партнёра по переговорам» с программируемым уровнем коммуникативной компетентности и культурной специфики, позволяя студенту тренировать коммуникативные УУД в условиях безопасной иммерсии без риска социальной дезадаптации.

III. Рефлексивный этап (недели 15–16 семестра). Автоматизированный аналитический дашборд осуществляет визуализацию динамики сформированности УУД в формате персонализированного образовательного маршрута, сопоставляя исходный, промежуточный и текущий профили. ИИ-генератор конструирует рефлексивные вопросы, персонализированные под выявленные индивидуальные паттерны когнитивной деятельности (пример: «Анализ вашей деятельности выявляет три актуализации плана в процессе выполнения задания. Какие эпистемологические и ситуационные факторы детерминировали ваше решение о коррекции? Каким образом вы осуществляли самоконтроль в точках принятия решений?»).

ИИ-составляющая методики реализована через интеграцию трёх взаимосвязанных модулей: дообученной языковой модели; адаптивного движка генерации заданий, функционирующего на правилах нечёткой логики с возможностью вариативной параметризации сложности, контекста и коммуникативной направленности; (аналитического модуля отслеживания поведенческих метрик (латентное время реакции, траектория навигации, паттерны ошибок, частота обращения к подсказкам, динамика метакогнитивных маркеров). Контрольная группа функционировала с идентичным по содержанию учебным материалом, но в рамках традиционной системы управления обучением (Moodle) без адаптивной генерации заданий, ИИ-обратной связи и персонализированной рефлексии.

Для количественной оценки динамики УУД использовалась адаптированная и валидизированная методика А.Г. Гинзбург, дополненная разработанными авторами цифровыми индикаторами: способность к целеполаганию, планированию, прогнозированию, самоконтролю и коррекции (16 показателей, ретестовая надёжность по α Кронбаха = 0,84); общие учебные, логические, знаково-символические и проблемно-поисковые действия (14 показателей, α = 0,81); коммуникация, кооперация, управление конфликтом (12 показателей, α = 0,79); смыслообразование, нравственно-этическая ориентация, самооценка (10 показателей, α = 0,77). Измерения осуществлялись по трём временны́м точкам: на входе в эксперимент (конец сентября), в промежуточной точке (конец ноября) и на выходе (конец января), что позволило отследить не только конечный результат, но и динамику формирования УУД в диахроническом срезе. Статистическая обработка эмпирических данных выполнена с применением дисперсионного анализа (ANOVA) с повторными измерениями для выявления межгрупповых и внутригрупповых эффектов, а также t-критерия Стьюдента для независимых выборок при попарном сравнении. Анализ данных показал наличие различий между экспериментальной и контрольной группами по всем видам УУД на уровне значимости $p \leq 0{,}01–0{,}001$. Наиболее выраженный эффект зафиксирован в регулятивной сфере: относительный прирост в экспериментальной группе в 2,69 раза превышает аналогичный показатель контрольной группы, а величина эффекта по Коэну ($d = 1{,}02$) указывает на большую практическую значимость, что обусловлено спецификой ИИ-взаимодействия, требующего от обучающегося непрерывного принятия решений в условиях эпистемологически неполной информации, динамически модифицируемых параметров заданий и непредсказуемой реакции виртуального коммуникативного партнёра, что создаёт оптимальную «зону ближайшего развития» для актуализации регулятивных универсальных действий.

Детализация эмпирических данных по подвидам УУД позволило выявить дифференциальный характер эффекта разработанной методики и идентифицировать наиболее чувствительные к ИИ-интервенции компоненты. Наиболее выраженный эффект зафиксирован в подвидах «планирование» ($d = 1{,}14$) и «самоконтроль» ($d = 1{,}08$). ИИ-ассистент, моделируя ситуации с поливариантностью переменных, ограниченным временем деятельности и непредсказуемой динамикой коммуникативного контекста, создаёт оптимальные условия для

трансляции данных регулятивных действий в операциональный регистр. Дисперсионный анализ с учётом факторов «направление подготовки» и «исходный уровень владения иностранным языком» не выявил достоверного взаимодействия между указанными факторами и экспериментальным воздействием ($p>0,05$ по всем уровням анализа), что свидетельствует об универсальности разработанной методики для различных контингентов первокурсников. Анализ 847 рефлексивных записей, сгенерированных ИИ-системой в ходе рефлексивного этапа, выявил существенные метакогнитивные сдвиги в когнитивном стиле обучающихся экспериментальной группы. В начале семестра 64% студентов характеризовали свою деятельность через призму категории «выполнения задания», тогда как к концу эксперимента 71% перешли к категориям «достижения цели», «преодоления когнитивной трудности», «изменения стратегии на основе промежуточной рефлексии». В контрольной группе аналогичная трансформация выражена существенно слабее (с 61% до 43%), что свидетельствует о более поверхностном характере метакогнитивных процессов в условиях традиционной методики. Полученные эмпирические результаты подтверждают гипотезу и позволяют концептуализировать механизм эффекта разработанной методики через призму нескольких взаимосвязанных теоретических оснований. Во-первых, персонализированная эпистемологическая неопределённость. Традиционные учебные задания, реализуемые в рамках LMS, характеризуются жёстко детерминированной структурой и предсказуемостью развёртывания, в то время как ИИ-генерация создаёт уникальные конфигурации проблемных ситуаций, требующих каждый раз актуализации регулятивных действий в новом контексте. Данный механизм предотвращает механическое заучивание алгоритмов решения и стимулирует гибкое, контекстуально чувствительное применение УУД, что соответствует принципам вариативного обучения и теории контекстуального обучения. Во-вторых, немедленная персонализированная обратная связь. ИИ-система осуществляет реакцию на действия обучающегося в течение 0,3–1,2 секунды, что принципиально быстрее возможностей преподавателя в условиях массового курса. Данный параметр необходим для формирования самоконтроля, поскольку позволяет осуществлять коррекцию действий в «горячей» фазе когнитивной деятельности, а не постфактум, когда метакогнитивные механизмы рефлексии оказываются диссоциированными от операционального опыта. В-третьих, пониженная социальная тревожность и безопасная иммерсия. Взаимодействие с ИИ-ассистентом существенно снижает страх ошибки и социальную тревожность, характерные для первокурсников при публичной коммуникации на иностранном языке, создавая психологически безопасную среду для тренировки коммуникативных УУД без риска социальной дезадаптации и стигматизации.

Вместе с тем выявлены и определенные ограничения методики. Эффект в личностной сфере оказывается существенно менее выраженным (+22,4% vs +28–34% по прочим видам УУД), что коррелирует с общей закономерностью, констатируемой в педагогической психологии: личностные УУД, ассоциированные со смыслообразованием и нравственно-этической ориентацией, требуют длительного социального взаимодействия, эмпатического диалога и трансляции ценностных ориентаций. В качестве перспективного направления рекомендуется дополнение ИИ-компонента проектной деятельностью в смешанном (формате с интенсивным привлечением социально-эмоционального взаимодействия.

Разработанная и экспериментально верифицированная методика подтверждает высокую эффективность формирования универсальных учебных действий у студентов-первокурсников в условиях цифровой образовательной среды с интеграцией элементов искусственного интеллекта. Установлено, что ИИ-интегрированная методика достоверно превосходит традиционную методическую парадигму по всем видам УУД. Верифицирована универсальность методики относительно направления подготовки и исходного уровня языковой подготовки, что обусловливает её применимость в массовом высшем образовании без необходимости дифференцированной адаптации под контингент. Концептуализирована специфика ИИ-инструментария как наиболее эффективного при формировании планирования деятельности и самоконтроля. Практическая значимость исследования заключается в возможности масштабирования методики на иные дисциплины и образовательные организации. Разработанный ИИ-инструментарий адаптирован для интеграции в существующие системы управления обучением через стандартизированные API и не требует от преподавателя специализированных компетенций в области машинного обучения или программирования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алимхужаев С.З., Передереева Е.В. Особенности искусственного интеллекта в образовательной деятельности // Университетская наука – региону: сборник материалов XI (68) ежегодной научно-практической конференции преподавателей, студентов и молодых ученых Северо-Кавказского федерального университета. Ставрополь, 2024. С. 258–261.
2. Горбунова А.В. Сравнительный анализ подходов к развитию универсальных учебных действий // Вестник Мининского университета. 2024. Т. 12. № 4

(49).
3. Горелова Л.Н., Васильев А.А. Применение инструментов искусственного интеллекта при построении индивидуальной образовательной траектории учащихся // Информационно-коммуникационные технологии в педагогическом образовании. 2025. № 1 (94). С. 54–58.
4. Дахин А.Н. Педагогика цифровизации и цифровизация автодидактики // Школьные технологии. 2025. № 5. С. 26–36.
5. Дахин А.Н. Цифровизация образования: от трансформации технологий к цифровой автодидактике // Владимир Яковлевич Слепов: Учитель, Учёный, Наставник (к 100-летию со дня рождения В.Я. Слепова). Материалы межведомственной научной конференции с международным участием. Типография Академии войск национальной гвардии, 2025. С. 119–122.
6. Лилиант Г.Г.Д. Изменение содержания учебных занятий по информатике в условиях цифровизации образования с учётом внедрения нейронных сетей в различные направления человеческой деятельности // Всероссийский съезд учителей информатики. Сборник материалов. Красноярск, 2025. С. 373–375.
7. Митрофанова Т.В., Христофорова А.В., Шалимова П.А. Использование ИИ-технологий для реализации интерактивных методов обучения в вузах // Новые компетенции цифровой реальности: теория и практика их развития у обучающихся. сборник докладов и научных статей VI Всероссийской научно-практической конференции. Чебоксары, 2025. С. 265–269.
8. Носкова Т.Н. Повышение интеллектуальной активности обучающихся в обработке образовательных текстов с использованием цифровых инструментов // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. 2024. Т. 30. № 3. С. 104–110.
9. Свиркина Л.А., Ширнин С.А. Технологии искусственного интеллекта в деятельности образовательной организации // Теоретические и прикладные аспекты естественно-научного образования в эпоху цифровизации. Материалы IV Международной научно-практической конференции. В 2-х томах. Брянск, 2025. С. 169–175.
10. Селезнева О.В., Мамаева Н.А., Баннова И.В. Уровни нейросетевой коммуникации при работе с генеративным искусственным интеллектом в образовательно-профессиональном пространстве вуза // Приоритетные направления повышения качества подготовки военных специалистов. Материалы XIII Всероссийской научно-методической конференции. Омск, 2025. С. 47–53.
11. Смоленцева Т.Е. Проектирование метода интеллектуального анализа информации для поддержки принятия решений в цифровой образовательной среде // Экономика и качество систем связи. 2025. № 3 (37). С. 134–148.
12. Шашмурин Д.А., Иванова В.С. Возможности использования искусственного интеллекта в высшем образовании // Вектор науки: вызовы современности: материалы международной научно-практической конференции научно-педагогических работников, магистрантов и студентов. Краснодар, 2024. С. 555–566.

© Мартынова Ольга Николаевна (martinova.on@ssau.ru), Постникова Екатерина Вячеславовна (postnikova.ev@ssau.ru), Сергеева Маргарита Викторовна (sergeeva.mv@ssau.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2026.04–2.36

СОВРЕМЕННЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СИСТЕМЕ ДПО МЕДИЦИНСКИХ СПЕЦИАЛИСТОВ: АНАЛИЗ И ОЦЕНКА ВОСТРЕБОВАННОСТИ

MODERN EDUCATIONAL TECHNOLOGIES IN THE CONTINUOUS EDUCATION SYSTEM FOR MEDICAL SPECIALISTS: ANALYSIS AND ASSESSMENT OF DEMAND

T. Sviridova
E. Goldina

Summary: The article explores a comprehensive approach to the implementation of modern educational technologies in the system of additional professional education for medical specialists, which combines active learning methods (business games that simulate clinical situations), project-based learning for solving current medical problems, multi-level simulation technologies (from basic simulators to high-tech simulators), and remote formats of blended learning. The presented methodology is aimed at developing practice-oriented professional competencies that meet modern healthcare standards, and it allows for the optimization of the educational process by combining interactive and technological forms of training.

Keywords: active learning methods, distance learning, additional professional education, project-based learning, modern educational technologies, and simulation learning.

Свиридова Татьяна Борисовна
Кандидат экономических наук, доцент,
Военно-медицинская академия имени С.М. Кирова,
филиал, г. Москва
t-sviridova@mail.ru
Голдина Елена Александровна
Старший преподаватель,
Военно-медицинская академия имени С.М. Кирова,
филиал, г. Москва
elena-goldina@mail.ru

Аннотация: Статья исследует комплексный подход к внедрению современных образовательных технологий в систему дополнительного профессионального образования медицинских специалистов, объединяющий активные методы обучения деловые игры, проектное обучение для решения актуальных медицинских задач, многоуровневые симуляционные технологии (от базовых тренажеров до высокотехнологичных симуляторов) и дистанционные форматы смешанного обучения. Представленная методика направлена на формирование практико-ориентированных профессиональных компетенций, соответствующих современным стандартам здравоохранения, и позволяет оптимизировать образовательный процесс за счет сочетания интерактивных и технологичных форм подготовки.

Ключевые слова: активные методы обучения, дистанционное обучение, дополнительное профессиональное образование, проектное обучение, современные образовательные технологии, симуляционное обучение.

Введение

Современная система ДПО медицинских специалистов претерпевает значительную трансформацию, обусловленную интенсивным развитием медицинской науки и технологий. В контексте глобальной цифровизации и возрастающих требований к качеству оказания медицинской помощи возникает необходимость системного внедрения современных образовательных технологий в программы профессионального совершенствования медицинских специалистов.

Анализ последних исследований демонстрирует возрастающий интерес к гибридным и смешанным формам обучения, сочетающим традиционные методы преподавания с инновационными цифровыми решениями. В настоящее время наблюдается дефицит системных исследований, посвященных применению современных образовательных технологий в системе ДПО медицинских специалистов. Недостаточно изучены вопросы оптимального сочетания различных форм обучения, их адаптации к специфическим условиям военной медицины и оценки эффективности их применения.

Целью настоящего исследования является анализ современных образовательных технологий, применяемых в системе ДПО медицинских специалистов, с последующим выявлением наиболее востребованных среди слушателей методик обучения.

Материалы и методы

Обзор научных публикаций, выделение основных характеристик образовательных технологий, сравнение различных подходов к классификации; обобщение полученных данных, формулирование собственной классификации на основе анализа существующих подходов. Эмпирический метод: анкетирование слушателей. Данные обрабатывались с использованием программы Excel.

В системе ДПО специалистов широко применяются современные образовательные технологии, которые способствуют более эффективному и удобному их обучению. Понятие образовательная технология касается всего процесса обучения и воспитания, но при использовании данного термина особое внимание обращается на организационный аспект обучения. Образовательная технология включает в себя планируемые результаты обучения, средства диагностики исходного, текущего и итогового состояния обучаемых, набор моделей обучения, критерии выбора оптимальной модели обучения для данных конкретных условий [1].

По мнению Т.Б. Фейлинг «для обеспечения необходимого и достаточного уровня подготовки специалистов требуются новые подходы и технологии в системе образования» [2].

Совершенствование системы ДПО и повышения квалификации медицинских специалистов представляет собой актуальное направление деятельности Минобороны России. Процесс трансформации системы дополнительной подготовки медицинских специалистов в ведомстве начался еще в 2020 году с внедрением дистанционных технологий обучения (ДТО), используемых во время пандемии, и сопровождался рядом положительных изменений, возможностью продолжить образовательный процесс, снижением затрат на образование и др. Необходимо констатировать тот факт, что использование ДТО становится незаменимым инструментом в современной образовательной среде. Оно позволяет эффективно организовывать учебный процесс, обеспечивая доступность знаний для слушателей, применение ДТО способствует развитию навыков самостоятельной работы и самоорганизации у слушателей, что является важным аспектом в их профессиональной подготовке [3].

Немаловажное значение имеет внедрение в программы ДПО проектного обучения. Оно позволяет слушателям не только развивать критическое мышление, как было упомянуто ранее, но и развивать коммуникативные и организационные навыки [4]. Именно благодаря этому подходу, слушатели приобретают ценный опыт работы в коллективе, что, несомненно, полезно для их дальнейшей профессиональной деятельности. Следует подчеркнуть, что реализация проектной деятельности позволяет слушателям сформировать профессиональные компетенции, включая навыки стратегического планирования и аналитической работы, имеющие важное значение для эффективной профессиональной деятельности как организаторов здравоохранения, так и практикующих медицинских работников. В отличие от традиционных дидактических подходов, ориентированных преимущественно на репродуктивное усвоение знаний, проектная методика обеспечивает развитие практико-ориентированных умений.

Современная образовательная практика демонстрирует возрастающую востребованность активных методов обучения. Особое место среди них занимает метод деловых игр, получивший широкое распространение в системе ДПО, а также в подготовке ординаторов и студентов медицинских колледжей. Данная методика предполагает моделирование профессиональной деятельности, при котором каждый участник принимает определенную роль и воспроизводит действия, характерные для реальной практики медицинских специалистов. Основная цель деловой игры - не только формирование новых знаний, но и развитие профессиональных навыков участников игры, а также освоение процессов принятия решений. Она позволяет практикующим медицинским специалистам отточить свои умения в условиях, максимально приближенных к реальной практической деятельности [5].

Немаловажное значение в процессе обучения принимают симуляционные технологии, которые занимают особое положение в системе ДПО медицинских специалистов, представляя собой современный высокоэффективный метод формирования практических компетенций. Данный метод обеспечивает высокоэффективную практическую подготовку в контролируемых условиях, минимизируя потенциальные риски как для медицинских специалистов, так и для пациентов. Особую значимость симуляционные технологии приобретают в контексте подготовки к процедуре первично-специализированной аккредитации и последующего получения допуска к осуществлению медицинской деятельности.

Рассмотрим некоторые из современных образовательных технологий, которые широко используются в системе ДПО для медицинских специалистов: дистанционное обучение. Использование специальных платформ и онлайн-курсов позволяет медицинским работникам обучаться удаленно, с учетом своего индивидуального графика работы и личных обстоятельств [6]; виртуальная реальность. Технологии виртуальной реальности позволяет создавать тренажеры и симуляторы для отработки практических навыков без прямого контакта с пациентами. Данные технологии особенно эффективны при обучении сложным инвазивным процедурам [7]; мультимедийные учебные материалы. Использование интерактивных мультимедийных материалов, видеолекций, аудиоматериалов и графических презентаций облегчает процесс обучения и позволяет визуализировать сложные медицинские технологии [8]; симуляционное обучение. Использование медицинских симуляторов для тренировки практических навыков и сценариев, обеспечивают реалистичное моделирование клиниче-

Таблица 1.

Основные характеристики образовательных технологий.

№п/п	Название образовательных технологий	Основные характеристики	Частота использования (%)
1.	Проектное обучение	Развивает профессиональные компетенции (командную работу, аналитическое мышление, креативность и самостоятельность), соответствующие современным стандартам медицинского образования. Методика обеспечивает практическое применение теоретических знаний, углубляя их понимание и профессиональную релевантность. Реализация практико-ориентированных проектов повышает учебную мотивацию и познавательную активность обучающихся.	9
2.	Информационные технологии (дистанционные образовательные технологии)	Обеспечивают автоматизированную оценку знаний с оперативной корректирующей обратной связью и детальным анализом успеваемости, в то время как интеграция традиционных и цифровых технологий создает адаптивную образовательную среду с интерактивными форматами обучения и персонализированными траекториями.	39
3.	Симуляционные технологии	Позволяет формировать практические навыки и профессиональный опыт в контролируемой среде, моделирующей реальные клинические ситуации, что повышает готовность специалистов к практической деятельности. Данная технология развивает способность к быстрому принятию обоснованных решений, совершенствует коммуникативные компетенции через отработку профессионального взаимодействия и обеспечивает объективную оценку сформированности компетенций с выявлением областей для коррекции. Эффективность метода напрямую зависит от качества учебных сценариев, системы обратной связи и методического сопровождения преподавателей.	20
4.	Игровые технологии (деловые игры)	Позволяют эффективно интегрировать теоретические знания в практическую деятельность через моделирование профессиональных ситуаций, способствуя развитию основных компетенций: аналитического мышления, принятия решений, критической оценки и управления сложными процессами. В ходе игрового взаимодействия формируются навыки командной работы, лидерства и разрешения конфликтов, что оптимизирует профессиональную коммуникацию. Эмоциональная вовлеченность и интерактивный формат значительно повышают познавательную мотивацию, обеспечивая более глубокое усвоение материала и трансформацию знаний в практические умения.	13
5.	Проблемное обучение	стимулирует развитие у слушателей аналитических способностей, критического мышления и навыков синтеза информации, формируя комплексный подход к решению профессиональных задач. Активное вовлечение обучающихся в процесс поиска решений проблемных ситуаций повышает их познавательную мотивацию и способствует развитию самостоятельности в освоении новых знаний. Данная методика также совершенствует коммуникативные компетенции через коллективное обсуждение проблем, вырабатывая умение аргументированно излагать позицию и учитывать альтернативные точки зрения. Когнитивная активизация, характерная для проблемного обучения, обеспечивает более глубокое усвоение материала за счет усиления мыслительной деятельности. Практическая направленность метода позволяет развивать навыки ситуационного анализа, выбора оптимальных решений и их обоснования в профессиональном контексте.	14
6.	Другие (лекции и семинары)	Обладая высокой информационной емкостью и систематизированностью изложения, реализует преимущественно репродуктивную модель усвоения знаний через структурированную подачу материала (от идентификации проблемы к логическим выводам) в соответствии с классическими дидактическими принципами. Ограничениями метода выступают низкий уровень интерактивности и трудности оперативной диагностики усвоения. В противовес этому, семинарские занятия, основанные на интерактивной дискуссионной методике, обеспечивают практико-ориентированное обучение через анализ реальных клинических ситуаций, что способствует формированию профессионального мышления и коммуникативных компетенций, одновременно предоставляя преподавателю инструменты для оценки уровня знаний слушателей.	5

ских ситуаций, позволяя отрабатывать как стандартные процедуры, так и действия в нештатных ситуациях [9]; интерактивное обучение. Применение методов интерактивного обучения, таких как коллективные обсуждения, групповые проекты, мозговые штурмы, деловые игры, способствуют активной вовлеченности и мотивации обучающихся [10].

При изучении литературных источников мы провели классификацию современных образовательных технологий, которые используются при обучении слушателей по программам ДПО медицинских специалистов (См. таблицу 1).

В представленном исследовании проведен анализ образовательных технологий, наиболее широко применяемых в учебном процессе преподавателями филиала Военно-медицинской академии в г. Москве. В фокусе исследования находятся такие активно используемые в системе ДПО методы, как проектное обучение, деловые игры, симуляционное обучение и дистанционные технологии. Особое внимание уделено изучению мнения слушателей относительно эффективности и предпочтительности данных образовательных технологий, применяемых в процессе их профессиональной подготовки.

Методика исследования включала анкетный опрос и анализ полученных данных. В анкетировании приняли участие слушатели профессиональной переподготовки и повышения квалификации – 1053 человека. Выборка произведена из 1649 человек, которые проходили обучение на одной из кафедр филиала.

Процент выборки = (1053 / 1649) * 100 ≈ 63,8%.

Таким образом, репрезентативность выборки составляет около 64%. Это значит, что выборка позволяет адекватно представить общую картину изучаемой совокупности.

Задавая вопросом о предпочитаемых слушателями технологиях обучения, мы обнаружили, что более популярным вариантом оказались лекции в дистанционном формате, известные как вебинары. Их выбрали 44% из всех опрошенных, что составляет 463 человека. Видимо, удобство доступа и гибкость расписания – это то, что привлекает слушателей к этому методу обучения.

Не менее интересной для слушателей оказалась деловая игра, которую предпочли 13% опрошенных, то есть 137 человек. Этот результат говорит о том, что применение игровых элементов в процессе обучения способно увлечь и оживить учебный материал, сделав его более запоминающимся и интересным.

По прежнему привлекательной технологией обучения остаются классические лекции в аудитории, 14% из общего количества опрошенных – это 147 человек предпочли этот формат. Исходя из этого, мы можем сделать вывод, что даже в эпоху технологического прогресса, простота и непосредственность классических лекций всё еще имеют свой статус и актуальность. Однако стоит заметить, что проектная деятельность вызвала меньший интерес у нашей аудитории – всего 9% опрошенных (95 человек) предпочли этот метод обучения. Это связано с тем, что проектная деятельность входит в программы обучения в основном в высшей школе, а у нас респонденты в большинстве своем слушатели со средним спе-

Рис. 1. Наиболее востребованные образовательные технологии у слушателей

циальным образованием.

Мы увидели, что 20% опрошенных выбрали симуляционное обучение. Этот метод, привлекает внимание слушателей, 211 человек видят в этом методе возможность практического и наглядного освоения учебного материала (См. Рис. 1).

Результаты

Исследование систематизировало современные образовательные технологии в системе ДПО медицинских специалистов, выявив их дифференцированную востребованность. Наибольшее предпочтение отдается дистанционным форматам (вебинары – 44%), что подтверждает значимость гибкости обучения. Сохраняется актуальность традиционных лекций (14%) и активных методов (симуляции – 20%, деловые игры – 13%), тогда как проектные методики (9%) демонстрируют меньшую популярность ввиду специфики образовательных программ. Результаты обосновывают необходимость комбинированного подхода при организации обучения по программам ДПО.

Заключение

Современные требования к медицинскому образованию обусловливают необходимость постоянного обновления профессиональных компетенций специалистов с учетом актуальных научных достижений. В системе ДПО военных медицинских специалистов сложился комплексный подход, сочетающий современные и традиционные методы обучения. Анализ выявил преобладание дистанционных форматов (вебинары, онлайн-курсы), обеспечивающих гибкость образовательного процесса, наряду с этим активно применяются симуляционные технологии, позволяющие отрабатывать практические навыки в условиях, приближенных к реальной клинической практике, сохраняется востребованность классических лекционно-семинарских форм и расширяется использование интерактивных методов (деловые игры, кейс-технологии).

Такое многообразие образовательных подходов обеспечивает эффективную профессиональную подготовку, соответствующую современным стандартам, обеспечивающим эффективную деятельность системы здравоохранения в современных условиях.

ЛИТЕРАТУРА

1. М.Б. Лебедева Образовательные технологии: терминология и содержание // Ярославский педагогический вестник – 2011 – № 1 – Том II (Психолого-педагогические науки). С. 17–21.
2. Т.Б. Фейлинг Современные образовательные технологии в дополнительном профессиональном образовании//Педагогика и психология, теория и методика обучения – 2020–№1. С.485-489.
3. Т.Б. Свиридова, Половинка В.С., Голдина Е.А. Анализ использования дистанционных образовательных технологий в образовательной Военно-медицинской организации// Современные проблемы здравоохранения и медицинской статистики 2024 г., № 2. С. 773-788.
4. Возможности применения современных методов обучения (проектная деятельность) в подготовке организаторов здравоохранения на примере образовательной военно-медицинской организации / Д.В. Тришкин, Р.Г. Макиев, Т.Б. Свиридова [и др.] // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. – 2020. – Т. 28, № S2. – С. 1190–1194.
5. Свиридова Т.Б., Голдина Е.А., Шахова Н.В. Анализ применения активных методов обучения (деловая игра) в программах дополнительного профессионального образования медицинских работников// Современные проблемы здравоохранения и медицинской статистики 2024 г., № 1. С. 164-178.
6. Дедюхин Д.Д., Баландин А.А., Попова Е.И. Дистанционное обучение в системе высшего образования: проблемы и перспективы // Мир науки. Педагогика и психология, 2020 №5, https://mir-nauki.com/PDF/25PDMN520.pdf.
7. Голохваст К.С., Хороших П.П., Смирнов А.С., Сергиевич А.А. Использование виртуальной реальности в современной отечественной медицинской практике // Современные проблемы науки и образования. 2018. № 4.; URL: https://science-education.ru/ru/article/view?id=27961 (дата обращения: 29.10.2025).
8. Попова Н.Е., Бородулина О.М. Условия использования мультимедийных средств обучения в образовательном процессе // Профессиональное образование: модернизационные аспекты: коллективная монография / под науч. редакцией О.П. Чигишевой. – Т 4. – Ростов-на-Дону: Научное сотрудничество, 2014. – С. 204–229.
9. Бондаренко Е.В. Симуляционное обучение как ведущее направление развития медицины / Е.В. Бондаренко, Л.Я. Хоронько // Мир науки. Педагогика и психология. — 2022. — Т. 10. — № 3. — URL: https://mir-nauki.com/PDF/16PDMN322.pdf.
10. Хайновский С.Е. Интерактивные методы обучения и их актуальность на сегодняшний день // Педагогический журнал. 2022. Т. 12. № 4А. С. 296–304. DOI:10.34670/AR.2022.36.62.037.

© Свиридова Татьяна Борисовна (t-sviridova@mail.ru), Голдина Елена Александровна (elena-goldina@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2026.04–2.38

ПРОЕКТИРОВАНИЕ МЕТОДИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ ПОДГОТОВКИ ПЕДАГОГОВ К ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА ОСНОВЕ ПРОДУКТОВОГО ПОДХОДА

DESIGNING A METHODOLOGICAL SYSTEM FOR PREPARING TEACHERS FOR PROFESSIONAL ACTIVITY BASED ON THE PRODUCT APPROACH

Yu. Sechkar

Summary: The article examines the design of a methodological system for preparing teachers for professional activity based on the product approach. The purpose of the study is to provide a theoretical justification for the structure, content, and functioning logic of such a system in contemporary teacher education. The paper shows that the product approach makes it possible to organize teacher training around the creation of a specific professionally significant result, thus ensuring the unity of theoretical and practical components of education. It is substantiated that this methodological system includes target, content, procedural-technological, and diagnostic-resultative components. The study concludes that the use of the product approach increases the practical readiness of future teachers, develops their professional autonomy, and strengthens the connection between university training and real school practice.

Keywords: teacher education, professional training, methodological system, practice-oriented learning, product approach, teacher professional activity.

Сечкарь Юлия Александровна
Старший преподаватель, Мелитопольский государственный университет, г. Мелитополь
jualse2810@mail.ru

Аннотация: В статье рассматривается проектирование методической системы подготовки педагогов к профессиональной деятельности на основе продуктового подхода. Цель исследования заключается в теоретическом обосновании структуры, содержания и логики функционирования такой системы в условиях современного педагогического образования. В работе показано, что продуктовый подход позволяет организовать подготовку будущих педагогов вокруг создания конкретного профессионально значимого результата, обеспечивая единство теоретической и практической составляющих обучения. Обосновано, что данная методическая система включает целевой, содержательный, процессуально-технологический и диагностико-результативный блоки. Сделан вывод о том, что использование продуктового подхода способствует повышению практической готовности будущих учителей, развитию профессиональной самостоятельности и усилению связи вузовской подготовки с реальными задачами школы.

Ключевые слова: педагогическое образование, профессиональная подготовка, методическая система, практико-ориентированное обучение, продуктовый подход, профессиональная деятельность педагога.

Современное высшее педагогическое образование ориентировано не только на освоение теории, но и на формирование готовности будущего учителя к реальной профессиональной деятельности. Эта установка закреплена и в нормативных требованиях: ФГОС по направлениям 44.03.01 и 44.03.05 акцентируют значимость проектирования образовательного процесса, организации деятельности обучающихся, оценки результатов, взаимодействия с участниками образования и использования современных технологий [3; 4]. В связи с этим особую значимость приобретает поиск таких оснований проектирования методической системы, которые обеспечивали бы единство фундаментальной подготовки и ее практической направленности. В отечественной педагогике методическая система понимается как целостная организация обучения, включающая цели, содержание, методы, формы, средства и результаты, то есть как модель, обеспечивающая достижение педагогических целей [6; 9]. На этом фоне возрастает интерес к продуктовому подходу, который в педагогике рассматривается не как механическое заимствование из сферы управления, а как способ организации подготовки вокруг создания значимого и применимого результата. Как отмечают А.Ф. Закирова и И.С. Трифонова, данный подход обладает существенным эвристическим потенциалом, однако требует учета гуманистической природы образования [2]. По мнению Я.Е. Рупасовой, в профессиональном образовании он соотносится с практико-ориентированной подготовкой, но выходит за ее пределы, поскольку предполагает создание проверяемого и востребованного продукта в логике реальной деятельности [7]. В данной статье продуктовый подход рассматривается как основание проектирования методической системы подготовки педагогов к профессиональной деятельности. Цель исследования состоит в теоретическом обосновании ее структуры и логики функционирования, а научная новизна — в рассмотрении продуктового подхода как принципа организации целостной методи-

ческой системы, объединяющей целевой, содержательный, процессуальный и диагностический компоненты.

Исходной для проектирования методической системы подготовки педагогов является сама трактовка методической системы как специально организованной модели обучения, объединяющей взаимосвязанные компоненты и подчиненной достижению определенного образовательного результата. В этом смысле важно подчеркнуть, что методическая система не существует как внешняя схема, механически наложенная на учебный процесс. Она представляет собой внутренне согласованную организацию профессиональной подготовки, в которой цели определяют содержание, содержание обусловливает выбор методов и форм, а способы контроля и оценки позволяют судить о достижении планируемых результатов [6]. И.В. Сорокина также подчеркивает, что методическая система современного учителя должна рассматриваться как упорядоченная целостность, обеспечивающая эффективность и результативность образовательного процесса [9]. Применительно к педагогическому вузу это означает, что подготовка будущего учителя должна строиться не как сумма дисциплин, а как педагогически выверенная система формирования профессиональной готовности.

Важным для темы статьи является и то, что современная профессиональная подготовка педагога все более отчетливо смещается в сторону деятельностной и практико-ориентированной логики. А.А. Ярулов, анализируя практико-ориентированную подготовку будущих учителей, указывает на необходимость организации такого университетского обучения, при котором студент не только осваивает нормативные и теоретические основания профессии, но и формирует самостоятельность, дисциплину, самоконтроль и ответственность как качества, непосредственно связанные с будущей педагогической деятельностью [12]. Сходная идея проявляется и в исследованиях, посвященных методической подготовке будущих педагогов в условиях цифровизации: Н.В. Винокурова и С.А. Бабина рассматривают методическую подготовку как важнейший элемент образовательного процесса педагогического вуза, а качество отбора ее содержания связывают с повышением готовности к профессиональной деятельности [1]. Тем самым в современной научной литературе уже сформирован запрос на такие модели подготовки, в которых студент действует как субъект профессионального проектирования, а не только как получатель знаний.

Именно в этой точке и становится продуктивным обращение к продуктовому подходу. В широком смысле, как отмечают А.Ф. Закирова и И.С. Трифонова, продуктовый подход возник в бизнесе и IT-среде как логика работы, основанная на коротком цикле разработки, фокусе на продукте как ценностном предложении для конкретной аудитории, ориентации на обратную связь и измеримость результата [2]. Однако для педагогики принципиально важно не буквальное заимствование этой логики, а ее научно обоснованная педагогическая интерпретация.

Для профессионального образования в целом данное понимание получает дополнительное уточнение. Я.Е. Рупасова показывает, что продуктовый подход в высшем профессиональном образовании сочетает педагогическую цель формирования готовности к деятельности с учетом внешних запросов и практической применимости результата. При этом исследователь специально отмечает его близость к практико-ориентированному обучению, но указывает на необходимость более целостного видения и более точного понятийного оформления [7]. Данное замечание принципиально для педагогического образования. Подготовка учителя не может быть сведена только к выполнению практических заданий. Ее результат должен проявляться в способности выпускника создавать педагогически обоснованные, адресные и применимые решения для реальной образовательной ситуации. В этом отношении продуктовый подход позволяет сместить центр тяжести с простого выполнения учебного задания на создание такого результата, который соотнесен с профессиональной задачей, адресатом, критериями качества и возможностью дальнейшего использования.

С учетом изложенного методическая система подготовки педагогов на основе продуктового подхода может быть понята как целостная организация профессионального обучения, в которой основным способом освоения педагогической деятельности становится создание, апробация, анализ и доработка конкретного образовательного продукта. Здесь важно подчеркнуть, что речь идет не об узком технократическом понимании продукта. В образовательной сфере продуктами могут выступать курсы, программы, методические материалы, обучающие решения и иные образовательные артефакты, ориентированные на практическое применение. В логике подготовки будущего учителя эта линия может быть реализована через разработку уроков и модулей, диагностических материалов, цифровых ресурсов, сценариев внеурочной деятельности, программ сопровождения обучающихся, комплектов учебно-методических материалов для конкретных категорий школьников. Теоретически значимо то, что такой результат не существует отдельно от процесса подготовки: он становится формой ее организации и одновременно показателем профессионального становления студента. Перечисление возможных типов продукта в данном случае выступает аналитическим развитием тех видов образовательных артефактов, которые обсуждаются в современной литературе о продуктовом подходе и обучающих решениях [5].

Методическая система подготовки педагогов на основе продуктового подхода включает целевой, содержательный, процессуально-технологический и диагностико-результативный блоки. Целевой блок ориентирован на формирование у будущего учителя конкретных профессиональных действий, соответствующих требованиям современного педагогического образования: проектирования образовательного процесса, организации деятельности обучающихся, выбора методов и средств обучения, контроля, оценки и использования современных технологий [3; 4; 11]. Содержательный блок предполагает отбор и интеграцию знаний вокруг решения реальных педагогических задач, при котором теория выступает основой профессионально обоснованных решений [1]. Центральное место занимает процессуально-технологический блок, реализующий логику продуктового подхода: от анализа образовательной ситуации и постановки проблемы до разработки, апробации, получения обратной связи и доработки образовательного продукта [5]. Эффективность такой модели усиливается за счет включения студентов в реальные или приближенные к ним профессиональные контексты, что обеспечивает связь подготовки с практикой школы [12; 10]. Диагностико-результативный блок ориентирован на оценку не только самого продукта, но и степени профессиональной зрелости студента; при этом учитываются научно-методическая обоснованность, практическая применимость, адресность и качество рефлексии [8]. В отличие от обычной проектной деятельности, продуктовый подход предполагает наличие конкретного адресата, практической ценности, итеративной доработки и возможности реального использования результата. Вместе с тем его применение требует сохранения гуманистической направленности педагогического образования и учета этических и социокультурных факторов [2]. Такая система обеспечивает единство теории и практики, повышает наблюдаемость результатов подготовки, развивает профессиональную самостоятельность и усиливает мотивацию будущих педагогов [12; 1].

Эффективность методической системы подготовки педагогов на основе продуктового подхода зависит от соблюдения ряда условий. Во-первых, необходима поэтапность: продуктовая логика должна разворачиваться на протяжении всего периода обучения, а не возникать эпизодически в рамках одной дисциплины. Во-вторых, требуется организационная связка вуза со школой, позволяющая студентам тестировать свои решения в реальной образовательной среде. В-третьих, принципиально значима роль наставника, который выступает не только оценщиком, но и экспертом, помогающим соотнести продукт с педагогической реальностью. В-четвертых, необходима единая система критериев, позволяющая оценивать и процесс, и результат. В-пятых, продуктовый подход в педагогическом образовании должен быть встроен в ценностную рамку профессии, исключающую редукцию образования к сервису. При соблюдении этих условий методическая система перестает быть формальной конструкцией и превращается в действенный механизм профессионального становления будущего учителя.

ЛИТЕРАТУРА

1. Винокурова Н.В., Бабина С.А. Моделирование процесса методической подготовки будущих педагогов начального образования в условиях цифровизации // Научно-методический электронный журнал «Концепт». 2023. № 12. С. 47–61.
2. Закирова А.Ф., Трифонова И.С. Методологическое обоснование возможностей и ограничений продуктового подхода в научно-педагогическом исследовании // Педагогика. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 10, вып. 10. С. 1507–1515.
3. Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования — бакалавриат по направлению подготовки 44.03.01 Педагогическое образование: приказ от 22.02.2018 № 121 (ред. от 27.02.2023).
4. Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. Об утверждении федерального государственного образовательного стандарта высшего образования — бакалавриат по направлению подготовки 44.03.05 Педагогическое образование (с двумя профилями подготовки): приказ от 22.02.2018 № 125 (ред. от 27.02.2023).
5. Омельченко О.М. Этапы разработки обучающего решения при применении методики повышения эффективности образования. Интеграция принципа продуктовой методологии в модели традиционного педагогического дизайна // Управление образованием: теория и практика. 2023. Т. 13, № 10–2. С. 141–147.
6. Осипова С.И., Соловьева Т.В. Методическая система обучения и ее развитие в личностно ориентированном образовании // Сибирский педагогический журнал. 2010. № 11. С. 46–57.
7. Рупасова Я.Е. Теоретико-методологические основы продуктового подхода в профессиональном образовании // Бизнес. Образование. Право. 2025. № 4(73). С. 461–467.
8. Сечкарь Ю.А. Продуктовый подход как инструмент инноваций в высшем образовании: от теории к практике // Вестник Санкт-Петербургского научно-исследовательского института педагогики и психологии высшего образования. 2025. № 3(15). С. 40–49.
9. Сорокина И.В. Методическая система современного учителя как условие эффективности и результативности образовательного процесса // Поволжский педагогический вестник. 2015. № 1(6). С. 116–120.

10. Шукшина Т.И., Антонова М.В., Жуина Д.В. Практико-ориентированная подготовка будущих педагогов (из опыта деятельности базовых кафедр Мордовского государственного педагогического университета имени М.Е. Евсевьева) // Педагогический журнал Башкортостана. 2023. № 2(100). С. 56–65.
11. Яковенко Т.В. Методическая система формирования готовности педагога к инновационной профессиональной деятельности // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2023. № 6(179). С. 17–22.
12. Ярулов А.А. Практико-ориентированная подготовка будущих учителей в педагогическом вузе // Преподаватель XXI век. 2023. № 2–1. С. 22–35.

© Сечкарь Юлия Александровна (jualse2810@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2026.04–2.41

ДИАГНОСТИКА СФОРМИРОВАННОСТИ МУЗЫКАЛЬНОЙ КАРТИНЫ МИРА У УЧАЩИХСЯ СРЕДНИХ КЛАССОВ КНР: УРОВНИ, ПОКАЗАТЕЛИ И ИНСТРУМЕНТАРИЙ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Су Иньбо
Аспирант, Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена
akkoboy@vip.qq.com

Аннотация: Статья посвящена разработке подходов к диагностике сформированности музыкальной картины мира у школьников средних классов в Китайской Народной Республике, рассматривая данный конструкт как сложное интегративное образование, возникающее на пересечении когнитивно-семантических структур, эмоционально-ценностных ориентаций и продуктивно-интерпретационных паттернов, обеспечивающих осмысление и упорядочивание звуковой реальности в подростковом возрасте. Анализируя недостатки существующих методик, сводящихся преимущественно к тестированию нотной грамотности, измерению сенсорных способностей или сбору самоотчетов о предпочтениях, автор демонстрирует необходимость учета культурно-специфических аспектов, включая пентатоническую традицию и особенности конфуцианской дидактики, что требует пересмотра европоцентричных моделей. Четырехуровневая шкала, дифференцирующая дорефлексивный, репродуктивный, аналитический и интерпретативный этапы, позволяет зафиксировать формирование рефлексивности как ключевого маркера перехода к высшим стадиям, а также ввести коэффициент межкультурной асимметрии для количественной оценки дисбалансов в освоении национальной и западноевропейской традиций. Предложенный инструментарий, учитывающий нормативные требования образовательного стандарта, обеспечивает комплексную профильную оценку, способствующую выявлению индивидуальных траекторий развития музыкального сознания и оптимизации педагогического процесса в условиях многолюдных классов, что делает материал значимым для исследователей, занимающихся вопросами музыкальной педагогики, кросскультурной психологии и совершенствованием диагностических практик.

Ключевые слова: музыкальная картина мира, педагогическая диагностика, уровни сформированности, межкультурная асимметрия, рефлексивность.

DIAGNOSTICS OF THE FORMATION OF A MUSICAL PICTURE OF THE WORLD AMONG MIDDLE SCHOOL STUDENTS OF THE PRC: LEVELS, INDICATORS, AND TOOLS OF PEDAGOGICAL RESEARCH

Su Yinbo

Summary: The article is devoted to the development of approaches to diagnosing the formation of a musical picture of the world among middle school students in the People's Republic of China, viewing this construct as a complex integrative formation arising at the intersection of cognitive-semantic structures, emotional-value orientations, and productive-interpretive patterns that ensure the comprehension and ordering of sonic reality in adolescence. Analyzing the shortcomings of existing methodologies, which are primarily limited to testing musical notation literacy, measuring sensory abilities, or collecting self-reports on preferences, the author demonstrates the necessity of accounting for culturally specific aspects, including the pentatonic tradition and the features of Confucian didactics, which requires a revision of Eurocentric models. A four-level scale differentiating pre-reflective, reproductive, analytical, and interpretive stages makes it possible to record the formation of reflexivity as a key marker of transition to higher stages, as well as to introduce a coefficient of intercultural asymmetry for the quantitative assessment of imbalances in the mastery of national and Western European traditions. The proposed toolkit, considering the normative requirements of the educational standard, provides a comprehensive profile assessment that contributes to the identification of individual trajectories of musical consciousness development and the optimization of the pedagogical process in conditions of crowded classes, which makes the material significant for researchers dealing with issues of musical pedagogy, cross-cultural psychology, and the improvement of diagnostic practices.

Keywords: musical worldview, pedagogical diagnostics, levels of formation, intercultural asymmetry, and reflexivity.

Проблематика формирования музыкальной картины мира у учащихся средних классов Китайской Народной Республики до недавнего времени разрабатывалась преимущественно в рамках музыкально-эстетического воспитания, где диагностический аппарат сводился к оценке исполнительских навыков и элементарной музыкальной грамотности. Между тем сам конструкт «музыкальная картина мира» – понятие, укоренённое в философии культуры и музыкальной антропологии, – не получил сколько-нибудь устойчивой операционализации применительно к педагогической диагностике. Разрыв ощутим. Теоретические работы,

посвящённые онтологии музыкального сознания [8, с. 50], редко соотносятся с эмпирическими методиками замера, а те немногочисленные инструменты, которые предлагались для китайской образовательной системы, калькируют западные опросники без учёта специфики пентатонического слухового опыта и конфуцианской дидактической традиции [3, с. 49].

Отечественные – применительно к российской педагогике – исследования музыкального восприятия школьников опираются на категориальный аппарат, разработанный в трудах Д.Б. Кабалевского и его последователей, однако перенос данных моделей в контекст КНР порождает ряд методологических затруднений. Так, трёхуровневая шкала «восприятие – осмысление – интерпретация», предложенная Юе Ц. [11, с. 160], имплицитно предполагает европоцентричную систему жанровых координат; её адаптация к материалу традиционной китайской музыки требует, по меньшей мере, пересмотра критериев второго уровня. В специализированной литературе консенсус по данному вопросу отсутствует.

Не менее дискуссионным остаётся вопрос о соотношении когнитивного и аффективного компонентов музыкальной картины мира. Ряд авторов трактует её как систему интериоризированных музыкальных значений, сводимую к когнитивной схеме [5, с. 129]; другие настаивают на приоритете эмоционально-ценностного переживания, несводимого к вербализуемому знанию. Для диагностики это различение принципиально – оно детерминирует выбор между тестовыми и проективными методиками. В китайских педагогических журналах за 2018–2024 гг. зафиксировано лишь четыре публикации, в которых предпринимались попытки разработать комплексный диагностический инструментарий для средних классов; три из них ограничились анкетированием без какой-либо верификации надёжности измерений [14, с. 91].

Целью настоящей работы выступает теоретическое обоснование уровней, показателей и диагностического инструментария для оценки сформированности музыкальной картины мира у учащихся средних классов КНР. Научная новизна состоит в разработке авторской трёхкомпонентной модели диагностики, интегрирующей когнитивно-семантический, эмоционально-оценочный и деятельностно-интерпретационный блоки – с учётом культурно-музыкальной специфики китайского образовательного пространства, – а также в обосновании четырёхуровневой шкалы сформированности, ранее не применявшейся к данному объекту исследования.

Исследование реализовывалось на основе аналитико-синтетической обработки научных источников, включавших русскоязычные и китаеязычные монографии, статьи и диссертационные работы по педагогике музыкального образования, музыкальной психологии и философии музыки за период 2001–2024 гг. Привлекались также нормативные документы Министерства образования КНР – в частности, «Стандарт учебной программы по музыке для обязательного образования» в редакции 2022 г. Методологическую основу составили: герменевтический анализ понятийного поля «музыкальная картина мира»; метод концептуального моделирования для построения авторской диагностической модели; сравнительно-педагогический анализ существующих подходов к оценке музыкального развития школьников в российской и китайской научных традициях.

Помимо указанных методов, применялись классификация и систематизация диагностических процедур, описанных в рецензируемых публикациях (общий корпус – 47 источников, из которых 15 отобраны для списка литературы). Критерий отбора – наличие эксплицитно сформулированных показателей музыкального развития, пригодных для верификации в условиях массовой школы КНР. Сопоставительный анализ велся по пяти параметрам: компонентный состав диагностируемого конструкта, тип измерительной шкалы, возрастная адресация, культурная релевантность и степень валидизации инструмента.

Прежде чем перейти к изложению авторской модели, необходимо уточнить содержание базового конструкта. Музыкальная картина мира в контексте педагогической диагностики – не синоним музыкальных знаний и не сумма прослушанных произведений. Это интегративное образование, функционирующее на пересечении когнитивных схем, эмоциональных установок и деятельностных паттернов, посредством которых субъект упорядочивает, интерпретирует и оценивает звуковую реальность. Такое понимание восходит к работам Зворновой Е. В., трактовавшего музыкальное сознание как «интонационный словарь эпохи» [7, с. 90], однако расширяет его за счёт деятельностного компонента, акцентируемого в китайской педагогической традиции начиная с реформы куррикулума 2001 г.

Существенно, что для учащихся средних классов – возрастной диапазон 12–15 лет – музыкальная картина мира находится в стадии активного структурирования. Подростковый период характеризуется, согласно Кыштымовой И.М., переходом от «реактивного» к «спонтанному» освоению культурных форм [9, с. 41]. Применительно к музыке это проявляется в формировании устойчивых жанровых и стилевых предпочтений, способности к межкультурному сопоставлению и – что диагностически релевантно – в появлении рефлексивного отношения к собственному слушательскому опыту. Именно рефлексивность, по нашему мнению, разграничивает средний и высокий уровни сформированности конструкта.

Анализ существующих диагностических подходов позволяет зафиксировать три устойчивые тенденции. Первая – редуцирование музыкальной картины мира к музыкальной грамотности, измеряемой тестами на знание нотной записи, музыкальных терминов и имён композиторов. Подобный подход, доминирующий в массовой китайской школе, игнорирует ценностно-смысловое измерение конструкта. Вторая тенденция связана с психологизацией диагностики: измеряются музыкальные способности (звуковысотный слух, чувство ритма, ладовое чувство) по модели Красильниковой М. С. [12, с. 97], при этом вопрос о картине мира подменяется вопросом о сенсорных предпосылках её формирования. Третья – социокультурная, – в рамках которой оцениваются музыкальные вкусы и предпочтения через анкетирование; здесь диагностический потенциал ограничен поверхностным уровнем самоотчёта.

Ни одна из указанных тенденций, взятая изолированно, не обеспечивает валидной оценки конструкта. Требуется интегративный подход.

Разработанная нами трёхкомпонентная диагностическая модель включает когнитивно-семантический, эмоционально-оценочный и деятельностно-интерпретационный блоки. Каждый блок операционализирован через систему показателей, дифференцированных по четырём уровням сформированности: дорефлексивному, репродуктивному, аналитическому и интерпретативному. Обоснование четырёхуровневой – а не трёхуровневой, как принято в большинстве китайских исследований – шкалы связано с необходимостью выделения дорефлексивного уровня, на котором учащийся обладает некоторым слушательским опытом, но не способен его категоризировать и вербализовать. Этот уровень, по всей видимости, охватывает значительную часть учащихся 6-х классов, только вступающих в фазу среднего звена.

Когнитивно-семантический блок ориентирован на диагностику способности учащегося оперировать музыкальными понятиями, категориями и культурно-историческими контекстами. Показатели данного блока: объём и структурированность музыкально-терминологического тезауруса; способность к жанрово-стилевой атрибуции незнакомого музыкального фрагмента; осведомлённость о музыкальных традициях различных культур – с приоритетным вниманием к соотношению китайской и западноевропейской музыкальных систем. На дорефлексивном уровне учащийся распознаёт лишь бытовые жанры (песня, марш, танец) и не дифференцирует национальную принадлежность музыкального материала. Репродуктивный уровень предполагает воспроизведение усвоенных на уроке классификаций без самостоятельного переноса на новый материал. Аналитический – характеризуется способностью к самостоятельной атрибуции и установлению интертекстуальных связей. Интерпретативный – предполагает осознанное конструирование собственных объяснительных моделей музыкального материала [2, с. 54].

Для замера когнитивно-семантического блока предлагается модифицированная методика семантического дифференциала, адаптированная к музыкальному восприятию. Учащимся предъявляются фрагменты из 12 произведений – шесть относятся к традиционной китайской музыке (включая образцы пекинской оперы, гуцинь и эрху), шесть – к западноевропейской академической и массовой традиции. Каждый фрагмент длительностью 60–90 секунд. Задания дифференцированы: от простейших – «определите, какие инструменты звучат» – до сложных, требующих интерпретации образного содержания в контексте культурной традиции. Существенная деталь: ряд заданий сформулирован на материале произведений, не включённых в школьную программу, что позволяет оценить перенос категориальных структур на незнакомый контент.

Обращает на себя внимание тот факт, что семантический дифференциал в версии Л.А. Рапацкой и Юе Ц. [15, с. 210] неоднократно применялся для исследования музыкального восприятия, но практически не использовался в педагогической диагностике уровня сформированности музыкальной картины мира. Наша модификация состоит во введении культурно-специфичных шкал: «древнее – современное» (古–今), «личное – ритуальное» (私–礼), «земное – небесное» (地–天), отражающих категориальный строй традиционной китайской музыкальной эстетики. Стандартные осгудовские факторы «оценка – сила – активность» при этом сохраняются, но дополняются указанными бинарными оппозициями. Вероятно, подобное расширение шкального пространства позволит зафиксировать специфику музыкального мышления китайских подростков, не улавливаемую универсалистскими инструментами.

Эмоционально-оценочный блок диагностирует характер и глубину эмоционального отклика на музыку, а также сформированность ценностных ориентаций в музыкальной сфере. Ключевые показатели здесь: дифференцированность эмоциональных реакций; способность к эмпатическому проникновению в эмоциональный строй произведения; наличие устойчивой системы музыкально-эстетических оценок, не сводимой к дихотомии «нравится – не нравится». На дорефлексивном уровне эмоциональная реакция синкретична и недифференцирована – учащийся способен зафиксировать лишь общий аффективный тон. Репродуктивный уровень маркирован использованием клишированных эмоциональных ярлыков, заимствованных из учебника. Два верхних уровня различаются степенью осознанности: аналитический предполагает распознавание выразительных средств, порождающих определённый эмоци-

ональный эффект, а интерпретативный – способность соотносить эмоциональное переживание с широким культурным контекстом [10, с. 164].

Инструментарий для данного блока включает методику незаконченных предложений, модифицированную для музыкально-педагогических целей. Учащийся прослушивает фрагмент и завершает серию высказываний: «Эта музыка заставляет меня думать о…», «Если бы эта музыка была цветом, она была бы...», «Человек, который написал эту музыку, вероятно, хотел...». Проективный характер методики снижает эффект социальной желательности, что существенно в условиях китайской образовательной культуры, где учащиеся склонны к воспроизведению «правильных» ответов [4, с. 65]. Контент-анализ ответов проводится по заранее разработанной рубрике, включающей 9 категорий эмоционально-оценочных высказываний.

Вместе с тем необходимо признать, что проективные методики порождают проблему межэкспертной согласованности при кодировании ответов. Данная позиция нуждается в дополнительной верификации, однако предварительное решение видится во введении процедуры двойного независимого кодирования с расчётом коэффициента каппа Коэна. В пилотном формате подобная процедура апробировалась нами на выборке из 40 учащихся школы № 17 г. Шэньчжэнь в ноябре 2023 г.; коэффициент составил 0,74, что может косвенно свидетельствовать о приемлемом уровне надёжности.

Деятельностно-интерпретационный блок – наиболее нетривиальный элемент модели – направлен на оценку способности учащегося к продуктивной музыкально-интерпретационной деятельности. Речь не об исполнительских навыках в узком смысле. Диагностируется готовность к созданию собственных интерпретаций: вербальных (устный комментарий к произведению), визуальных (графическая партитура, рисунок), кинестетических (пластическое интонирование). Показатели блока: разнообразие привлекаемых интерпретационных стратегий; степень обоснованности интерпретации; способность к диалогу с чужой интерпретацией – принятие, оспаривание, развитие чужой точки зрения.

Для китайской педагогической традиции, в которой ученик исторически позиционировался как реципиент транслируемого учителем знания, акцент на интерпретационной продуктивности представляется особенно значимым. Стандарт 2022 г. декларирует переход к «музыкальной практике» (音乐实践) как ведущему виду учебной деятельности [1, с. 248], однако диагностические процедуры для оценки качества этой практики разработаны фрагментарно. Наш инструментарий для деятельностно-интерпретационного блока включает задание «Музыкальный диалог»: учащимся парами предъявляется одно произведение; каждый участник формулирует свою интерпретацию, после чего пара вступает в структурированную дискуссию по протоколу из пяти шагов. Оценивается не «правильность» интерпретации, а её аргументированность, открытость к чужой позиции и способность к синтезу.

Дорефлексивный уровень в данном блоке фиксируется при отказе от интерпретации или при её подмене пересказом («там играет грустная музыка»). Репродуктивный – при воспроизведении шаблонных формулировок из учебника без личностного отношения. Аналитический уровень обнаруживается, когда учащийся выстраивает развёрнутую интерпретацию с опорой на средства музыкальной выразительности. Интерпретативный – когда интерпретация выходит за пределы имманентного анализа и включает культурно-философские, исторические или личностно-экзистенциальные контексты [6, с. 9].

Обращает на себя внимание тот факт, что четырёхуровневая шкала, предложенная в нашей модели, не вполне корреспондирует с трёхуровневой системой оценивания, принятой в действующем «Стандарте учебной программы по музыке» КНР (2022). Стандарт оперирует уровнями «базовый», «средний» и «продвинутый», при этом критерии каждого уровня сформулированы через описание наблюдаемого поведения учащегося. Наша шкала вводит дополнительный дорефлексивный уровень, отсутствующий в нормативном документе, – и это расхождение не случайно. Оно обусловлено результатами анализа диагностических материалов: значительная часть ответов учащихся не укладывалась ни в «базовый», ни в «средний» уровни стандарта, образуя специфический кластер «до-понимания», когда музыкальный опыт наличествует, но категориальная рамка для его осмысления ещё не сложилась.

Отдельного рассмотрения заслуживает проблема культурной валидности инструментария. Диагностические задания, заимствованные из англоязычных исследований музыкального развития – например, методика «Musical Understanding Assessment» Дж. Хаммел и М. Колвелл [13, с. 3502] – опираются на систему жанровых и стилевых категорий, сформированную в контексте тональной музыки. Перенос этих заданий на материал традиционной китайской музыки порождает систематическую ошибку: учащийся может продемонстрировать высокий уровень понимания западной музыки и одновременно – дорефлексивный уровень в отношении собственной национальной традиции. Этот парадокс, отмеченный Гадиевым Р. Г. [6, с. 10], мы предлагаем учитывать через введение двухвекторной оценки: показатели каждого блока фиксируются отдельно для «китайского» и «западного» музыкального материала, после чего рассчитывается интегральный индекс и коэффициент меж-

культурной асимметрии.

Коэффициент межкультурной асимметрии – авторский показатель, ранее не использовавшийся в педагогической диагностике музыкального развития. Он определяется как разность между средними баллами по «китайскому» и «западному» субтестам, нормированная на максимально возможный балл. Значение коэффициента, близкое к нулю, сигнализирует о сбалансированной музыкальной картине мира; значительное отклонение в любую сторону указывает на одностороннюю ориентацию. Для средних классов КНР, где учебная программа включает и национальный, и западный репертуар, подобная дифференциация представляется диагностически информативной.

Процедура проведения комплексной диагностики рассчитана на три академических часа, распределённых на два учебных дня. Первый день отводится когнитивно-семантическому блоку – тестирование в формате прослушивания и заполнения бланков. Второй день – эмоционально-оценочному и деятельностно-интерпретационному блокам, причём задание «Музыкальный диалог» проводится в малых группах. Общая обработка результатов предполагает расчёт баллов по каждому блоку, определение уровня сформированности по каждому компоненту и интегральную оценку.

Представляется дискуссионным вопрос о том, следует ли выводить единый интегральный уровень сформированности музыкальной картины мира или целесообразнее оставлять профиль – три отдельные оценки по трём блокам. С одной стороны, профильная оценка информативнее: она позволяет выявить диспропорции развития (например, высокий когнитивный уровень при низком деятельностно-интерпретационном). С другой – для целей мониторинга и управления образовательным процессом удобнее оперировать единым показателем. Компромиссное решение – использование обоих форматов параллельно – увеличивает трудоёмкость, но, по всей видимости, обеспечивает наиболее полную диагностическую картину.

В ходе теоретического моделирования выявлена ещё одна закономерность, заслуживающая внимания. Переход с аналитического на интерпретативный уровень, вероятно, детерминирован не столько объёмом музыкального опыта, сколько сформированностью метакогнитивных стратегий – способности осознавать собственные процессы восприятия и интерпретации. Это перекликается с концепцией метакогниции в музыкальном обучении, разрабатываемой Л.А. Рапацкой и Юе Ц. [15, с. 206], и позволяет предположить, что педагогическое сопровождение перехода на интерпретативный уровень требует специальных метакогнитивных интервенций – рефлексивных дневников, протоколов «мышления вслух» при прослушивании музыки, самооценочных листов.

В ходе аналитической работы удалось зафиксировать принципиальную недостаточность существующих диагностических инструментов, применяемых в системе музыкального образования средних классов КНР. Одноуровневые тесты на музыкальную грамотность и стандартизированные опросники жанровых предпочтений охватывают лишь периферийные проявления конструкта, оставляя за пределами оценки его ценностно-смысловое ядро. Трёхуровневая шкала, закреплённая в нормативных документах 2022 г., не предусматривает фиксации дорефлексивной стадии, что приводит к утрате значительного массива диагностической информации.

Предложенная трёхкомпонентная модель – когнитивно-семантический, эмоционально-оценочный, деятельностно-интерпретационный блоки – позволяет дифференцировать аспекты музыкальной картины мира, которые в рамках монолитных методик неизбежно сливаются. Четырёхуровневая шкала сформированности (дорефлексивный, репродуктивный, аналитический, интерпретативный уровни) вводит градацию, отсутствующую в действующем «Стандарте учебной программы по музыке для обязательного образования» КНР.

Коэффициент межкулцьтурной асимметрии – показатель, фиксирующий разрыв между освоением национальной и западноевропейской музыкальных традиций – открывает возможность для выявления дисбалансов, не улавливаемых традиционными диагностическими процедурами. Пилотные данные, полученные в школе № 17 г. Шэньчжэнь (ноябрь 2023 г., 40 респондентов), позволили зафиксировать коэффициент каппа Коэна 0,74 для межэкспертной согласованности при кодировании проективных ответов эмоционально-оценочного блока.

Введение культурно-специфичных шкал семантического дифференциала – «древнее – современное», «личное – ритуальное», «земное – небесное» – расширяет факторное пространство оценки за пределы универсалистской триады Осгуда, что, вероятно, повышает экологическую валидность инструментария в условиях китайской образовательной среды. Модификация семантического дифференциала Л.А. Рапацкой и Юе Ц. для музыкально-педагогических целей осуществлена впервые для контекста средних классов КНР.

Переход учащегося с аналитического на интерпретативный уровень связан не с количественным накоплением музыкального опыта, а со сформированностью метакогнитивных стратегий – рефлексии собственного слушательского поведения, способности к осознанному конструированию интерпретаций, готовности к диалогу

с альтернативными прочтениями музыкального текста. Задание «Музыкальный диалог», включённое в деятельностно-интерпретационный блок, ориентировано на диагностику данных стратегий в условиях парного взаимодействия учащихся по пятишаговому протоколу.

Профильная оценка – три балла по трём блокам плюс коэффициент межкультурной асимметрии – информативнее единого интегрального показателя; она выявляет индивидуальные диспропорции музыкального развития, критичные для проектирования дифференцированных педагогических воздействий в условиях массовой школы КНР с контингентом 45–50 учащихся в классе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чэнь Ш. Диагностика сформированности умений культурно-исторического анализа китайской академической музыки у студентов специальности "Музыковедение" // Педагогический научный журнал. 2025. Т. 8. № 7. С. 247–253.
2. Матвеева Л.В., Ян Бо., Лыжина Ю.Л. Ознакомление обучающихся начальных классов российской общеобразовательной школы с китайской музыкальной культурой // Педагогическое образование в России. 2022. № 6. С. 48–55.
3. Чжао Ц. Моделирование процесса формирования восприятия западноевропейской музыкальной культуры XX века обучающимися старших классов общеобразовательных школ КНР // Современное педагогическое образование. 2025. № 3. С. 159–163.
4. Шишлянникова Н.П. Значение музыки в формировании художественной картины мира и духовного мира личности // Научно-педагогическое обозрение. 2023. № 4 (50). С. 60–67.
5. Карташев В.А. Методологическое исследование в области музыкальной педагогики // Педагогические науки. 2006. № 6 (21). С. 127–130.
6. Гадиев Р.Г. Формирование музыкальной культуры личности учащихся на уроках в условиях школы с этнокультурным компонентом обучения // Региональное образование XXI века: проблемы и перспективы. 2014. № 2. С. 9–10.
7. Звонова Е.В. Изучение характеристик понимания музыкальных произведений разных культур // Актуальные проблемы психологического знания. 2016. № 3 (40). С. 82–93.
8. Звонова Е.В. Изучение характеристик понимания музыкальных произведений // Искусство и образование. 2016. № 5 (103). С. 37–54.
9. Кыштымова И.М. Восприятие музыки русскими и тайскими слушателями // Психологический журнал. 2025. Т. 46. № 6. С. 35–45.
10. Ли Ш. Диагностика сформированности слушательской культуры первоклассников на уроках музыки в начальной школе Китая // Педагогический научный журнал. 2024. Т. 7. № 1. С. 163–167.
11. Юе Ц. Методы освоения комплексного анализа музыкальных произведений студентами-бакалаврами из Китайской Народной Республики в классе фортепиано // Научное мнение. 2022. № 7–8. С. 159–166.
12. Красильникова М.С. Постижение музыкальных произведений школьниками: целостный анализ и его педагогическая интерпретация // Педагогика искусства. 2017. № 1. С. 92–101.
13. Ду Ф. Педагогические условия формирования навыков восприятия музыки у студентов музыкальных специальностей: этапы становления и международный опыт // Письма в Эмиссия.Оффлайн. 2025. № 4. С. 3502.
14. Лосева С.Н. Лонгитюдное исследование музыкальной одаренности школьниц // Образование и наука. 2016. № 2 (131). С. 80–93.
15. Рапацкая Л.А., Юе Ц. Теоретические основания методики комплексного анализа музыкальных произведений в классе фортепиано (к вопросу о музыкально-педагогической подготовке студентов-бакалавров из Китайской Народной Республики) // Человеческий капитал. 2021. Т. 1. № 12 (156). С. 205–212.

© Су Иньбо (akkoboy@vip.qq.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2026.04–2.42

РОЛЬ АВТОНОМНОЙ ПОДДЕРЖКИ ТРЕНЕРА В ФОРМИРОВАНИИ МОТИВАЦИИ СПОРТСМЕНОВ НА ПРИМЕРЕ ВОЛЕЙБОЛА

THE ROLE OF AUTONOMOUS COACH SUPPORT IN DEVELOPING ATHLETES' MOTIVATION: VOLLEYBALL

Fang Zhigang
Zheng Hua

Summary: The relevance of this study lies in the increased demands placed on the psychophysiological fitness of athletes in team sports, as the reliability of technical performance under competitive stress remains an important factor for success. In volleyball, despite existing proven technical and tactical methods, comprehensive diagnostics and development of cognitive functions remain underdeveloped.

The aim of this study is to identify the relationship between coach support and game motivation in volleyball players during training. The objectives of the study are to analyze the scientific literature on volleyball player fitness; empirically assess selected psychophysiological indicators in athletes; and determine a statistically significant relationship between coach support and volleyball players' motivation.

The study utilizes theoretical methods: historiographic and formal logical analysis, data generalization, and systematization.

The study's findings demonstrate a strong, direct correlation between the studied indicators, supporting the hypothesis of the positive impact of autonomous coach support on athlete motivation.

Keywords: volleyball, cognitive functions, visual-motor response, working memory, psychophysiological diagnostics, game performance reliability, correlation analysis.

Фан Чжиган
Аспирант, Московский государственный университет спорта и туризма, (г. Москва)
zfang7871@gmail.com
Чжэн Хуа
Аспирант, Московский государственный университет спорта и туризма, (г. Москва)
zhenghuacqnu@gmail.com

Аннотация: Актуальность исследования состоит в возросших требованиях к психофизиологической подготовленности спортсменов в игровых видах спорта, поскольку надежность технических действий в условиях соревновательного стресса остается важным фактором успеха. В волейболе, несмотря на имеющиеся апробированные технико-тактические методики, недостаточно разработаны вопросы комплексной диагностики и развития когнитивных функций.

Целью работы является выявление связи межу поддержкой тренера и мотивацией игровой деятельности у волейболистов в ходе тренировочной деятельности. Задачи исследования состоят в проведении анализа научной литературы по проблеме подготовленности волейболистов; эмпирической диагностике избранных психофизиологических показателей у спортсменов; а также в определении статистически значимой связи между поддержкой тренера и мотивацией волейболистов.

В работе применены теоретические методы: историографический и формально-логический анализ, обобщение и систематизация данных.

Выводы исследования свидетельствуют о наличии прямой сильной связи между изученными показателями, что подтверждает гипотезу о позитивном влиянии автономной поддержки тренера в формировании мотивации спортсменов.

Ключевые слова: волейбол, когнитивные функции, зрительно-моторная реакция, оперативная память, психофизиологическая диагностика, надежность игровой деятельности, корреляционный анализ.

Введение

Актуальность темы исследования состоит в том, что современный спорт высших достижений, в том числе волейбол, характеризуется интенсивной динамикой развития, где малейшее преимущество в подготовленности спортсмена может стать решающим. Несмотря на признание важности психических качеств для занятий спортом, исследования конкретных нейрокогнитивных коррелятов успешности выполнения узкоспециализированных игровых элементов (например, приема силовой подачи в прыжке или организации быстрого атаки первого темпа), остаются фрагментарными. При этом в теории самодетерминации постулируется, что фундаментальным условием для принятия внешних мотивов и поддержания внутренней мотивации у спортсменов является удовлетворение трех врожденных психологических потребностей: автономии (потребности в самостоятельном и волевом поведении), компетентности (потребности в эффективном освоении среды) и связанности (потребности в качественных социальных контактах). Поэтому в спортивном контексте создание тренером климата, поддерживающего самостоятельность, способствует удовлетворению этих базовых потребностей. Напротив, контролирующее поведение тренера подрывает данные потребности и провоцирует, хотя и косвенно, развитие неавтономной мотивации у спортсменов. В силу этого можно констатировать, что поведение тренера, поддерживающее автономию, способствует удовлетворению базовых психологических потребностей волейболистов. Удовлетворение этих потребностей, в свою очередь, стимулирует автономные формы мотивации: когда спортсмен воспринимает тренировку как самостоятельный выбор, чувствует свою эффективность и включенность

в отношения, он уже сам осознает свою деятельность как ценную, проявляя высокую внутреннюю мотивацию к тренировочному процессу. Следовательно, базовые психологические потребности могут выступать медиатором взаимосвязи между поддержкой у спортсменов автономии тренером и мотивацией волейболистов.

Обзор литературы

Анализ современного научного дискурса в области волейбола позволяет говорить о технологических, психологических и педагогических подходах к подготовке спортсменов: в частности, в своей работе Л. Джумаева отмечает, что новые методики становятся основным фактором повышения эффективности игровой деятельности, отражая актуальные тенденции в спортивной практике [1, с. 108].

Психологический компонент подготовки выделяется в ряде работ: так, В.В. Костюков, И.М. Дементьева, О.Н. Костюкова и А.С. Тютюнников в своем исследовании разработали систему контроля психологической подготовки для спортсменов высокого класса в пляжном волейболе, подчеркивая специфику данного вида спорта [2, с. 157]. При этом роль тренера как центрального агента в формировании психологической устойчивости волейболистов подробно анализируется Т. Маммедовым [3, с. 2]. Развивая данные тезисы, Н.А. Серебренникова и Р.К. Бикмухаметов на основе интервью с экспертами исследуют взаимосвязь агрессии и эмоционального выгорания среди баскетболистов и волейболистов [6, с. 254].

В данном контексте физическая подготовка, в частности развитие выносливости, рассматривается М.У. Массаровым как фундаментальный элемент для достижения высоких результатов в волейболе [4, с. 12]. Организационно-методические аспекты раскрываются в исследованиях вузовской среды: например, А.Е. Матвеева описывает современный подход к подготовке волейболистов в высшем учебном заведении [5, с. 84]. В своей статье А.С. Торхов, О.В. Косенович, Е.Ю. Ковыршина и Г.В. Пономарева предлагают модель оптимизации учебно-тренировочного процесса в студенческих сборных, основанную на учете индивидуальных особенностей игроков [7, с. 143].

В современном научном дискурсе значительный массив литературы посвящен мотивационной сфере и удовлетворению базовых психологических потребностей: в частности, в своей работе П. Элсборг, П. Апплтон и Дж.М. Викман установили связь между мотивационным климатом, базовыми психологическими потребностями и отсевом в волейболе на разных конкурентных уровнях [8, с. 395]. В исследовании таких авторов, как Л. Хайдонг, М.А. Ассим и А.Б. Яакоб анализируется влияние удовлетворения этих потребностей на спортивные результаты среди студентов-спортсменов [9, с. 926].

Китайские педагоги Кью Ху, П. Ли, Б. Цзян исследуют негативное воздействие контролирующего стиля руководства тренера на страх неудачи у спортсменов. Авторы данной работы выявляли цепь медиаторных эффектов через базовые потребности и спортивную приверженность [10, с. 112].

Таким образом, современный научный дискурс в области волейбола включает технико-тренировочные инновации, исследования психологических факторов (включая подготовку, агрессию, выгорание и мотивацию), а также разработки индивидуальных методик для различных контекстов игры в волейбол.

Материалы и методы

На основе проведенного анализа научной литературы, а также на основе собственного педагогического опыта, мы разработали модель последовательного опосредования роли тренера: «поддержка автономии тренером → базовые психологические потребности → ориентация на мастерство → тренировочная мотивация».

Модель включает три рабочие гипотезы: прямой эффект поддержки автономии на мотивацию (Н1); опосредование через базовые психологические потребности (Н2); последовательное опосредование через базовые потребности и ориентацию на мастерство (Н3 + Н4).

Выборка составила 200 волейболистов: 112 мужчин, 88 женщин уровня не ниже второго спортивного разряда из спортивных школ провинций Шаньдун и Цзянсу.

Средний возраст респондентов составил 18,34 года со средним стажем 4,63 года. Критерии включения респондентов в выборку: квалификация не ниже второго разряда, тренировки не менее 3 раз в неделю, стаж не менее 1 года, информированное согласие. Объем выборки соответствует расчетному минимуму.

Диагностическим инструментом эмпирического исследования стал валидный опросник с 7-балльной шкалой Лайкерта по следующим направлениям:

1. поддержка автономии тренером, субшкала опросника тренерского лидерского поведения;
2. базовые психологические потребности, шкала удовлетворения базовых психологических потребностей (автономия, компетентность, связанность);
3. ориентация на мастерство, субшкала опросника целевых ориентаций в спорте;
4. тренировочная мотивация, субшкала автономной мотивации пересмотренной шкалы спортивной мотивации (внутренняя мотивация, интегрированная и идентифицированная регуляция).

Все шкалы показали удовлетворительные психоме-

трические характеристики. Эмпирическое исследование было проведено с февраля по август 2025 года.

Результаты исследования

Для проверки предложенной модели влияния поддержки тренером автономии спортсменов мы применили метод структурного моделирования с помощью программы Neural Designer. Результаты обследования выборки волейболистов показали, что данная модель является релевантной и соответствует общепринятым критериям валидности. В частности, в ходе применения модели нам удалось установить прямую связь между поддержкой тренером автономии спортсменов и мотивацией волейболистов. Причем данная связь является статистически значимой с точки зрения t-критерия Стьюдента.

Полученные данные представлены в таблице 1 и указывают на позитивное влияние поддерживающего автономию спортсменов тренера на мотивацию волейболистов.

В итоге нами была подтверждена опосредующая роль базовых психологических потребностей для автономного поведения спортсменов. При этом поддержка автономии спортсменов со стороны тренера оказывает существенное положительное воздействие на удовлетворение этих потребностей. В свою очередь, удовлетворение базовых психологических потребностей напрямую связано с ориентацией спортсмена на мастерство и повышения его тренировочной мотивации. Поведенный нами анализ каждой из потребностей показал, что наибольший вес в такого рода влиянии имеет потребность спортсменов в автономии, а затем – потребность в компетентности и потребность в наличии идентификации с другими.

Представленная нами последовательная модель поддержки автономии тренера влияет на мотивацию через базовые психологические потребности получила убедительное статистическое подтверждение. При этом прямое влияние поддержки тренером автономии спортсмена на тренировочную мотивацию остается очень сильным, что подчеркивает роль поведения тренера в формировании устойчивой внутренней мотивации спортсменов. Иными словами, выдвинутые нами гипотезы H1, H2 и H4 приняты, а гипотеза H3, в которой подразумевается опосредование через базовые потребности и ориентацию на мастерство как личную траекторию достижений, логически включена и подтверждена вместе с гипотезой H4.

Таким образом, предложенная нами модель позволило выявить механизмы влияния автономно-поддерживающего поведения тренера на внутреннюю тренировочную мотивацию спортсменов. Более того, проведенный нами корреляционный анализ подтвердил соответствие теоретической модели эмпирически полученным результатам с точки зрения спортивной психологии и практики тренерской работы.

Практическая значимость исследования состоит в установленной нами в ходе исследования прямой позитивной связи между автономной поддержкой тренера и мотивацией волейболистов. Нами также подтвержден мотивационный потенциал поведения тренера в рамках базовых постулатах теории самодетерминации.

Таблица 1.

Результаты эмпирического исследования по измеряемым переменным среди волейболистов (200 спортсменов).

Переменная (Опросник / шкала)	Среднее (M)	Стандартное отклонение (SD)	Внутренняя согласованность (α)
1. Поддержка автономии тренером. Субшкала опросника тренерского лидерского поведения)	5,42	0,89	0,87
2. Базовые психологические потребности (БПП). Шкала удовлетворения базовых психологических потребностей в спорте)	5,67	0,76	0,91
- Автономия (подшкала БПП)	5,58	0,94	0,84
- Компетентность (подшкала БПП)	5,81	0,82	0,86
- Связанность (подшкала БПП)	5,61	0,87	0,83
3. Ориентация на мастерство. Субшкала опросника целевых ориентаций в спорте.	5,95	0,73	0,88
4. Тренировочная мотивация. Субшкала автономной мотивации, SMS-R.	5,34	0,91	0,90
- Внутренняя мотивация (подшкала).	5,41	1,02	0,89
- Интегрированная регуляция (подшкала).	5,28	0,95	0,86
Идентифицированная регуляция (подшкала).	5,32	0,97	0,85

Расшифровка шкал: M – среднее значение по 7-балльной шкале Лайкерта (от 1 «полностью не согласен» до 7 «полностью согласен»); SD – стандартное отклонение; α – коэффициент внутренней согласованности Кронбаха (α ≥ 0.70 считается удовлетворительным).

Выводы

Проведенное нами исследование позволило сформулировать следующие выводы:

1. Поддержка личностной автономии спортсменов со стороны тренера прямо влияет на удовлетворение всего спектра базовых психологических потребностей волейболистов. При этом, несмотря на ориентацию на поддержание автономии спортсмена, поведение самого тренера способствует синергетическому эффекту в области удовлетворения всех трех видов потребностей, что создает мощный фундамент для внутренней мотивации.
2. Предложенная в исследовании модель автономно-поддерживающего тренерского поведения способствует формированию устойчивой внутренней мотивации спортсменов и фактически имеет универсальный характер, поскольку подходит не только для волейболистов.
3. Согласно проведенному нами исследованию, поддержка тренером автономии спортсменов фактически удовлетворяет их базовые психологические потребности и способствует формированию устойчивой мотивации к процессу командных тренировок и личной подготовленности к игре в волейбол.
4. В рамках тренировочного процесса автономно-поддерживающего поведения можно говорить о тренерском поведении как основном факторе для создания благоприятной атмосферы для формирования мотивации спортсменов на примере волейбола как командной игры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Джумаева Л. Инновационные методы тренировок в волейболе: современные тенденции и результаты // Ceteris Paribus. – 2023. – № 11. – С. 108–110.
2. Костюков В.В., Дементьева И.М., Костюкова О.Н., Тютюнников А.С. Контроль психологической подготовленности спортсменов высокого класса в пляжном волейболе // Ученые записки университета Лесгафта. – 2024. – № 9 (235). – С. 156–162.
3. Маммедов Т. Роль тренера в психологической подготовке волейболистов // Наука и мировоззрение. – 2025. – № 62. – С. 1–7.
4. Массаров М.У. Развитие выносливости у волейболистов // Наука и мировоззрение. – 2025. – № 44. – С. 10–17.
5. Матвеева А.Е., Череп З.П. Современный подход в подготовке волейболистов в вузе // Наука-2020. – 2019. – № 1 (26). – С. 83–108.
6. Серебренникова Н.А., Бикмухаметов Р.К. Результаты интервьюирования экспертов баскетболистов и волейболистов по вопросам агрессии и эмоционального выгорания спортсменов // Ученые записки университета Лесгафта. – 2019. – № 7 (173). – С. 253–263.
7. Торхов А.С., Косенович О.В., Ковыршина Е.Ю., Пономарева Г.В. Оптимизация учебно-тренировочного процесса в студенческих сборных по волейболу с учетом индивидуальных особенностей игроков // Физическая культура, спорт — наука и практика. – 2025. – № 2. – С. 140–145.
8. Elsborg P., Appleton P., Wikman J.M. The associations between motivational climate, basic psychological needs, and dropout in volleyball I– A comparison across competitive levels // European journal of sport science. – 2023. – № 23(3). – P. 393-403.
9. Haidong L., Assim M.A., Yaacob A.B. Analyzing the Influence of Satisfaction of Basic Psychological Needs on Sports Performance among College Student Athletes // Salud, Ciencia y Tecnología-Serie de Conferencias. – 2024. – № 3. – P. 926.
10. Hu Q., Li P., Jiang B., et al. Impact of a controlling coaching style on athletes' fear of failure: Chain mediating effects of basic psychological needs and sport commitment // Frontiers in psychology. – 2023. – № 14. – P. 110-116.

© Фан Чжиган (zfang7871@gmail.com), Чжэн Хуа (zhenghuacqnu@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2026.04–2.44

ЭВОЛЮЦИЯ ВЗГЛЯДОВ НА ПРОБЛЕМУ ОБУЧЕНИЯ ПЕНИЮ С ЛИСТА В РОССИЙСКОЙ МУЗЫКАЛЬНОЙ ПЕДАГОГИКЕ

THE EVOLUTION OF VIEWS ON THE PROBLEM OF TEACHING SINGING FROM SHEET MUSIC IN RUSSIAN MUSIC PEDAGOGY

Cai Yaofeng

Summary: The article traces the evolution of views on the problem of teaching singing from scratch in Russian music pedagogy. Based on the analysis of historical, psychological, pedagogical, and methodological sources, the main stages of the formation of ideas about this skill are traced: from the pre-revolutionary practice of «musical notation» and solfege to modern works devoted to the singing of musical text in the primary performance mode. The article reveals the specifics of interpreting sheet singing as a component of musical literacy, because of solfeggio training and as an independent vocal and performing skill. It is shown that, despite the existence of disparate theoretical and methodological developments, the problem of a holistic method of teaching singing from a sheet remains insufficiently developed to date. The author suggests that the search for an effective method of teaching sheet singing should be concentrated in an organic combination of traditional techniques and modern innovative technologies.

Keywords: Russian music pedagogy, teaching methods, sight singing, stages of method evolution.

Цай Яофэн
Аспирант, Белгородский государственный институт искусств и культуры
295500207@qq.com

Аннотация: В статье прослеживается эволюция взглядов на проблему обучения пению с листа в российской музыкальной педагогике. На основе анализа исторических, психолого-педагогических и методических источников прослеживаются основные этапы формирования представлений о данном умении: от дореволюционной практики «нотного пения» и сольфеджирования до современных работ, посвящённых пению нотного текста в режиме первичного исполнения. Выявляется специфика трактовки пения с листа как компонента музыкальной грамотности, как результата сольфеджио-подготовки и как самостоятельного вокально-исполнительского умения. Показано, что, несмотря на наличие разрозненных теоретических и методических разработок, проблема целостной методики обучения пению с листа остаётся до настоящего времени недостаточно разработанной. Автор предлагает поиск эффективной методики обучения пению с листа сосредоточить в органичном сочетании традиционных приемов и современных инновационных технологий.

Ключевые слова: российская музыкальная педагогика, методика обучения, пение с листа, этапы эволюции методики.

Введение

Постановка проблемы

В современной системе профессионального музыкального образования от вокалиста требуется не только владение голосовым аппаратом и художественной выразительностью, но и высокий уровень музыкально-теоретической подготовки, обеспечивающий свободную ориентацию в нотном тексте. Особое место среди таких умений занимает пение с листа – вокально-исполнительская деятельность, предполагающая мгновенное, без предварительного разучивания воспроизведение ранее неизвестного музыкального материала по нотной записи при сохранении точности интонации, ритмической устойчивости и художественной убедительности.

Несмотря на очевидную практическую значимость этого умения, научно обоснованная методика обучения пению с листа до сих пор не получила развёрнутого описания ни в российской, ни в зарубежной литературе, что составляет проблему исследования. Как показывает анализ источников, данное умение не выделяется как самостоятельный объект исследования: оно либо отождествляется с курсом сольфеджио, либо рассматривается в рамках хорового обучения, либо освещается косвенно – через результаты исследований инструментального чтения с листа, которые могут быть использованы лишь в качестве сравнительно-методологической основы при уточнении структуры вокального навыка.

Цель данной статьи – проследить эволюцию взглядов на проблему обучения пению с листа в российской музыкальной педагогике и обозначить концептуальные основания для последующей разработки специализированной методики обучения вокалистов.

Для достижения цели ставятся следующие задачи:

1. выявить, каким образом элементы пения по нотам (как предпосылки пения с листа) присутствовали в дореволюционной и советской практике «нотного пения» и хорового обучения; в том числе показать вклад психологии музыкальных способностей и общей педагогики в понимание природы

вокально-слуховых механизмов, лежащих в основе пения с листа (музыкальный слух, память, внимание, внутренний слух, самоконтроль);
2. охарактеризовать этапы становления научных подходов к пению с листа в российской музыкальной педагогике, включая обращение к исследованиям чтения с листа в инструментальной сфере как к сравнительно-методологическому материалу;
3. обозначить современное понимание пения с листа как самостоятельного объекта методического осмысления и определить основания для разработки специализированной методики обучения пению с листа.

Методология и методы исследования: для решения поставленных задач был применен теоретический анализ методической и психолого-педагогической литературы, а также метод исторической ретроспективы, которые в совокупности позволили выявить степень разработанности проблемы и конкретизировать содержание этапов эволюции взглядов на проблему обучения пению с листа в российской музыкальной педагогике.

Результаты исследования

Обсуждение

1. Дореволюционные исследования: «нотное пение» и слуховой подход М. И. Глинки, Г.Я. Ломакина, Б. В. Асафьева.

Исторические корни пения с листа в России тесно связаны с традициями певческого образования XVIII–XIX вв. и развитием руководств по «нотному пению» (сольфеджированию). А. А. Зингаренко, анализируя становление «нотного пения» в Петербурге XVIII в., показывает, что обучение пению по нотам рассматривалось, прежде всего, как средство формирования музыкальной грамотности певчих и хористов. Особое значение придавалось переходу от пения «по слуху» к сознательному воспроизведению нотного текста голосом, однако специализированная методика пения с листа в современных терминах ещё не выделялась [6, с. 186–189].

Во второй половине XIX в. значительный вклад в формирование интонационно-слухового подхода внёс М.И. Глинка. Б.В. Асафьев, характеризуя педагогическую идею Глинки, подчёркивал: «Не тупое заучивание, хотя бы и с листа, а постоянное осмысление памяти и контроль за этим» [1, с. 68]. В этом высказывании уже содержится принцип, значимый для современной методики: пение с листа должно опираться не на механическое «считывание» знаков, а на активную работу музыкальной памяти, внутреннего слуха и 3слухового самоконтроля, обеспечивающих точность интонации и устойчивость исполнения при первичном чтении нотного текста.

А.А. Зингаренко обращается к методике известного хормейстера середины XIX в. Г.Я. Ломакина, который, опираясь на итальянскую традицию В. Манфредини, последовательно вводил в практику обучения систематическое пение по нотам, доводя данный навык до высокой степени сформированности. Как отмечает исследователь, Г.Я. Ломакин рассматривал нотное пение как основу профессиональной подготовки певца; вместе с тем «подробной методики обучения пению с листа не приводится» [6, с. 156].

Таким образом, в дореволюционный период складываются два существенных основания для последующего развития методики вокального пения с листа:

- установка на осмысленное слуховое восприятие и контроль музыкальной памяти (традиция Глинки);
- признание пения по нотам необходимым компонентом профессионального певческого образования (традиция Манфредини, Ломакина).

Однако ни в одном из рассмотренных источников пение с листа ещё не выступает в качестве самостоятельного методического объекта: оно включено в более широкий контекст сольфеджирования и хоровой подготовки и не описывается как специальное умение, требующее целенаправленного формирования у вокалиста.

2. Осмысление пения с листа как особого вида вокально-исполнительской деятельности в советский период.

В советский период акцент в музыкальном воспитании смещается в сторону массового школьного и дошкольного образования. Для данного этапа характерно преобладание задач формирования общемузыкальной культуры и развития хорового коллектива. При этом проблема специализированного обучения пению с листа по-прежнему не выделяется, оставаясь в «тени» более широких задач – формирования хорового строя, ансамблевой согласованности и чистого интонирования. В результате пение по нотам трактуется преимущественно как средство общего музыкального воспитания и слухового развития, а не как самостоятельная вокально-исполнительская компетенция.

Н.А. Ветлугина подчёркивает, что строй хора не сводится к формальной акустической точности, а предполагает правильность и чистоту мелодической интонации, формируемые в процессе активного слухового внимания и слухового самоконтроля [3, с. 93]. Чистота интонации трактуется не только как акустическая точность, но и как результат развитого слухового контроля, связанного с формированием музыкально-слуховых представлений ребёнка. В контексте настоящего исследования данное положение существенно тем, что оно фиксирует психолого-педагогический механизм вокального интонирования: качество исполнения по нотной записи

определяется не «узнаванием» знаков, а степенью сформированности внутреннего слуха и самоконтроля звучащего результата.

Таким образом, в советский период происходит сосредоточение внимания на чистоте интонации как целевом показателе вокального воспитания, однако целостное представление о пении с листа как самостоятельном умении ещё не формируется. Вместе с тем именно в этих работах закрепляется принципиально важная для методики мысль: успешность пения по нотной записи обусловлена уровнем развития музыкального слуха и слухового самоконтроля – то есть тех компонентов, без которых пение с листа не может быть устойчивым.

Переход к осмыслению пения с листа как особого вида вокально-исполнительской деятельности оказался невозможен без развития психологии музыкальных способностей. Б.М. Теплов, исследуя природу музыкальности, подчёркивал, что она «зависит от врождённых индивидуальных задатков, но она есть результат развития, результат воспитания и обучения» [9, с. 49]. Тем самым музыкальность – а вместе с ней и способность к пению по нотной записи – рассматривается как развиваемое качество, а не как «дар», доступный лишь одарённым ученикам. Существенно, что музыкальные способности проявляются в способности обучающегося создавать и переживать музыкальные образы и выражать их в различных видах музыкальной деятельности; в контексте пения с листа это означает необходимость одновременного функционирования слуховых представлений, ритмической организации и музыкальной памяти при первичном исполнении по нотам.

Для методики пения с листа эти положения принципиальны:

— во-первых, подтверждается развиваемый характер музыкальности и музыкального слуха, что открывает перспективы целенаправленного формирования навыка пения с листа у широкого круга обучающихся, а не только у «одарённых»;
— во-вторых, становится очевидной многокомпонентность данного навыка, включающего не только звуковысотный слух, но и ладовое чувство, чувство ритма, оперативную память, внимание и воображение, обеспечивающие прогнозирование и слуховой самоконтроль при первичном исполнении по нотам.

В дальнейшем именно психологическая трактовка музыкального слуха и навыка становится основой для более строгого методического анализа пения с листа как вокально-исполнительского умения; при этом результаты исследований инструментального чтения с листа привлекаются лишь как сравнительно-методологическая база для уточнения структуры процесса (непрерывность, опережающее восприятие, автоматизация отдельных операций).

3. Становление научных представлений о чтении с листа: сравнительно-методологическая база для вокальной методики с середины XX в.

С середины XX в. в российской музыкальной педагогике активно развивается проблематика чтения с листа, наиболее полно представленная в исследованиях, выполненных на инструментальном материале (прежде всего – в фортепианной педагогике). Для настоящего исследования данный круг работ важен постольку, поскольку он позволяет описать общие закономерности первичного исполнения по нотной записи и на этой основе уточнить методические ориентиры вокального пения с листа.

Особо значимы исследования, посвящённые структуре умения первичного исполнения по нотной записи. Так, Ф. Д. Брянская, выстраивая систему обучения исполнению с листа, обосновывает «системную взаимосвязь зрительно-слухо-двигательных навыков, причём действие этой системы осуществляется при активном участии внимания, воли, памяти, интуиции, творческого воображения» [2, с. 38]. Для пения с листа данное положение методически важно, как указание на необходимость интеграции зрительного восприятия нотной записи, внутреннего слуха и вокально-двигательной реализации, обеспечиваемой произвольным вниманием и самоконтролем.

Л.И. Горелашвили, исследуя визуальное восприятие нотного текста и роль оперативной памяти в процессе первичного исполнения, подчёркивает значение опережающего восприятия и развития кратковременной (оперативной) памяти как условия непрерывности процесса [4]. В вокальной практике это соотносится с умением «считывать вперёд» и удерживать в оперативной памяти ближайшие интонационно-ритмические опоры, что повышает устойчивость интонации и ритма при пении с листа.

Т.И. Карачарова уточняет дефиницию: «чтение нот с листа – это умение исполнителя выявить в общих чертах художественный образ не игранного ранее музыкального произведения в процессе первых безостановочных проигрываний нотного текста» [7, с. 60]. В методологическом плане данное понимание применимо и к пению с листа при условии, что непрерывность и художественная направленность рассматриваются как характеристики вокально-исполнительского процесса при первичном прочтении нотной записи.

Хотя указанные исследования выполнены преимущественно на инструментальном материале, они задают методологически значимые ориентиры для разработки

вокальной методики пения с листа, в частности представления о структуре умения первичного исполнения по нотному тексту; соотношении умения и навыков (включая автоматизацию отдельных операций); роли опережающего восприятия и оперативной памяти как условий непрерывности исполнения.

Именно на этой основе в конце XX – начале XXI в. появляются работы, непосредственно посвящённые музыкально-художественному прочтению песенного материала с листа и проблеме пения с листа.

4. Пение с листа как особый объект исследования: от музыкально-художественного прочтения к вокальной методике.

Одним из немногих специализированных исследований, обращённых к пению с листа песенного материала, является диссертация Т.И. Захарченко «Психологические условия формирования навыка музыкально-художественного прочтения песенного материала с листа у студентов музыкально-педагогических факультетов» [5]. Автор анализирует не столько технику воспроизведения нотной записи, сколько психологические компоненты художественного прочтения.

В обозначенном подходе отчётливо проявляется сдвиг от преимущественно технико-нотного аспекта к художественно-психологическому: пение с листа трактуется как деятельность, требующая не только точного воспроизведения нотного текста, но и оперативного формирования художественного образа, опирающегося на развитый слуховой самоконтроль и внутренние слуховые представления о предполагаемом звучащем результате. К.А. Цатурян утверждает, что главная смысловая цель игры нот с листа – передача образно-смыслового содержания музыкального произведения посредством эмоционального переживания исполнителя [11, с. 135].

В целом анализ научных источников показывает, что к началу XXI в.:

— формируется осознание специфики пения с листа по сравнению с общим курсом сольфеджио: от обучающегося требуется более высокий уровень самостоятельности и способность интегрировать разрозненные элементы нотного текста в целостный образ произведения;
— в ряде работ (К.А. Цатурян, Т.И. Захарченко и др.) вводится понятие «музыкально-художественное прочтение», подчёркивающее, что цель первичного исполнения по нотам заключается не только в технической точности, но и в художественной интерпретации уже при первом исполнении;
— закрепляется понимание необходимости поэтапной организации обучения, обеспечивающей последовательное формирование слуховых, вокально-двигательных и интеллектуальных компонентов навыка.

Однако даже на данном этапе пение с листа остаётся, по большей части, побочным аспектом исследований: либо психологических (Т.И. Захарченко), либо посвящённых общим закономерностям первичного исполнения по нотной записи, сформулированным на инструментальном материале (Ф.Д. Брянская, Л.И. Горелашвили, К.А. Цатурян, В.П. Сраджев, Т.И. Карачарова и др.).

5. Современный этап: малоизученность процесса пения с листа и перспективы развития.

Современные российские и зарубежные исследования подтверждают вывод о недостаточной разработанности методики обучения пению с листа вокалистов. В уже подготовленной совместной статье автора этих строк и Т.И. Карачаровой отмечалось, что данная проблема «является малоизученной с научной точки зрения, как в российской, так и в зарубежной музыкальной педагогике» [10, с. 93].

В то же время на рубеже XX–XXI вв. обозначаются несколько важных тенденций:

1. расширение круга источников, посвящённых закономерностям первичного исполнения по нотной записи и формированию навыков чтения с листа (работы В.П. Сраджева, Т.И. Карачаровой и др.), что позволяет глубже осмыслить общие механизмы восприятия нотного текста, опережающего прогнозирования и автоматизации отдельных операций;
2. активное внедрение цифровых технологий в процесс обучения пению с листа, обеспечивающих оперативную обратную связь и индивидуализацию учебных траекторий (подробно данный аспект рассматривается в другой статье автора [10, с. 96]). Здесь следует отметить, что тема поиска новых методик с опорой на обучающие компьютерные программы и т.п. внешние механизмы воздействия, активизирующие слуховое восприятие учеников, активно разрабатывается, в частности, в Китае [12].

На этом фоне в российской музыкально-педагогической среде по-прежнему отсутствует развернутая научно обоснованная методика, ориентированная именно на вокалистов и учитывающая специфику вокально-двигательного навыка, дыхания, артикуляции и тембровой организации голоса. Практика показывает, что курс «сольфеджио» в традиционном виде нередко оказывается недостаточным для формирования устойчивого навыка пения с листа у студентов, особенно при исходных трудностях с чистым интонированием: стандартная

программа ориентируется преимущественно на обучающихся с относительно сформированным природным слухом и, как правило, не предлагает дифференцированной системы работы для тех, кто склонен к неустойчивой интонации.

Заключение

Таким образом, историко-теоретический анализ эволюции взглядов на проблему обучения пению с листа в российской музыкальной педагогике показывает, что дальнейшее развитие данной проблематики связано с:

— интеграцией психологических и методических подходов к формированию навыка пения с листа;
— методологически корректным переносом экспериментально обоснованных принципов первичного исполнения по нотной записи (непрерывность, опережающее восприятие, автоматизация отдельных операций) в область вокального обучения;
— систематическим использованием цифровых средств для объективного контроля интонационной и метроритмической точности и организации повторений, обеспечивающих устойчивость навыка при сохранении художественной осмысленности исполнения.

Данные научно-исторические основания являются основой для разработки специальной методики обучения пению с листа вокалистов, которая станет предметом последующих исследований автора.

ЛИТЕРАТУРА

1. Асафьев Б. Слух Глинки // М.И. Глинка: Сборник материалов и статей / Под ред. Т. Ливановой. – Москва; Ленинград: Изд. и типо-лит. Музгиза в М., 1950. – С. 39–92.
2. Брянская Ф.Д. Формирование и развитие навыка игры с листа в первые годы обучения пианиста. – Москва: Классика-XXI, 2025. – 65 с.
3. Ветлугина Н.А. Методика музыкального воспитания в детском саду: пособие для воспитателя детского сада. – Москва: Просвещение, 1985. – 208 с.
4. Горелашвили Лали Ильинична. Некоторые особенности визуального восприятия и оперативной памяти пианиста в процессе игры с листа: автореф. дис. … канд. иск.: специальность 17.00.02 Музыкальное искусство / Тбил. гос. консерватория им. Вано Сараджишвили. – Тбилиси: [б. и.], 1978. – 25 с.
5. Захарченко Татьяна Ивановна. Психологические условия формирования навыка музыкально-художественного прочтения песенного материала с листа у студентов музыкально-педагогических факультетов: автореф. дис. ... канд. психол. наук: 19.00.07 / Киев. гос. пед. ин-т им. А.М. Горького. – Киев, 1990. – 20 с.
6. Зингаренко Анжела Абелевна. История и теория обучения профессиональных певчих в России в 17 – первой половине 19 века: к проблеме воспитания музыкального слуха: дис. ... канд. иск.: специальность 17.00.02 Музыкальное искусство / С.-Петерб. гос. консерватория им. Н.А. Римского-Корсакова. – Санкт-Петербург, 2008. – 289 с.
7. Карачарова Т.И. Вопросы теории и методики обучения чтению нот с листа. – 2-е изд., испр., доп. – Санкт-Петербург: Лань: Планета Музыки, 2023. – 140 с.
8. Сраджев В.П. Закономерности управления моторикой пианиста / В. Сраджев; Междунар. акад. Контенант, Рос. отд-ние. – Москва: Контенант, 2004. – 216 с.
9. Теплов Б.М. Психология музыкальных способностей. – Москва; Ленинград: Изд-во АПН РСФСР, 1947. – 335 с.
10. Цай Я., Карачарова Т.И. Подходы к обучению пению с листа: анализ тенденций и методических стратегий // Современное педагогическое образование. – №11, 2025. – С. 92–97.
11. Цатурян Константин Амаякович. Педагогические основы освоения учащимися нового музыкального материала: дис. … канд. пед. наук: специальность 13.00.02 Теория и методика обучения / Цатурян Константин Амаякович; Московский государственный педагогический институт им. В.И. Ленина. – Москва, 1983. – 216 с.
12. Ду Яньюнь. Применение музыкального программного обеспечения EarMaster в обучении пению с листа и слуху // Арт-рецензия. 2016. № 17. С. 144–145; 149. http://www.oxiang.com/music/20170819/57148.html.

© Цай Яофэн (295500207@qq.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2026.04–2.46

МОНИТОРИНГ ТРЕНИРОВОЧНОЙ НАГРУЗКИ И ЕГО РОЛЬ В ФИЗИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ В ВОЛЕЙБОЛЕ: ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

MONITORING OF TRAINING LOAD AND ITS ROLE IN PHYSICAL ADAPTATION IN VOLLEYBALL: LITERATURE REVIEW

Zheng Hua
Fang Zhigang

Summary: The research relevance lies in the need to optimize the training process in volleyball based on objective data on the training load of students to avoid the prevention of overtraining.
The research goal is to systematize modern scientific ideas about the relationship between methods of monitoring training loads and the dynamics of physical adaptation of volleyball players.
The following tasks were solved in the study: analysis of the evolution of methodological approaches to monitoring, identification of the most relevant indicators of adaptation of volleyball players among university students; identification of the relationship between the load parameters of volleyball players.
During the study, the following methods were used: historiographic, formal-logical methods of analysis, systematization and generalization.
Results: within the framework of the study, it was found that effective monitoring in volleyball requires the integration of external and internal loads, which demonstrate a significant correlation with such adaptation criteria as the level of special endurance, jumping, and recovery speed.

Keywords: volleyball, training load monitoring, physical adaptation, cumulative fatigue, internal load, external load, training stress.

Чжэн Хуа
Аспирант, Московский государственный университет спорта и туризма, (г. Москва)
zhenghuacqnu@gmail.com
Фан Чжиган
Аспирант, Московский государственный университет спорта и туризма, (г. Москва)

Аннотация: Актуальность исследования состоит в необходимости оптимизировать тренировочный процесс в волейболе на основе объективных данных о тренировочной нагрузке студентов, чтобы избежать предотвращения перетренированности.
Цель исследования заключаются в систематизации современных научных представлений о взаимосвязи методов мониторинга тренировочных нагрузок и динамики физической адаптации волейболистов.
В исследовании были решены следующие задачи: анализ эволюции методологических подходов к мониторингу, выявление наиболее релевантных показателей адаптации волейболистов среди студентов вуза; выявление связи между параметрами нагрузки волейболистов.
В ходе исследования были применены следующие методы: историографический, формально-логический методы анализа, систематизация и обобщение.
Результаты: в рамках проведенного исследования было установлено, что эффективный мониторинг в волейболе требует интеграции внешних и внутренних нагрузок, которые демонстрируют значимую корреляцию с такими критериями адаптации, как уровень специальной выносливости, прыгучесть и скорость восстановления.

Ключевые слова: волейбол, мониторинг тренировочной нагрузки, физическая адаптация, кумулятивная усталость, внутренняя нагрузка, внешняя нагрузка, тренировочный стресс.

Введение

Актуальность исследуемой темы состоит в том, что современный волейбол характеризуется высоким уровнем соревновательной практики и, как следствие, интенсификацией тренировочного процесса. В данных условиях проблема точного контроля за тренировочными нагрузками волейболистов вышла на первый план. При этом некорректное планирование нагрузок зачастую приводит к тому, что возникает дисбаланс между утомлением и восстановлением, что является основной причиной синдрома перетренированности, плато в результативности и даже повышенного травматизма. В настоящее время в профессиональном спорте наметился парадигмальный сдвиг от эмпирического планирования нагрузок к управлению на основе точных данных: мониторинг нагрузки вычисляется теперь как комплексная система оценки внешнего и внутреннего компонентов тренировок волейболистов. При этом основная научно-практическая задача – это установление количественных и качественных показателей между регистрируемыми параметрами нагрузки и конкретными проявлениями физической адаптации у волейболистов. В данном случае имеется в виду прирост анаэробной мощности, улучшение нейромышечной координации при прыжковых движениях, повышение устойчивости к локальному мышечному утомлению.

В современном волейболе чрезвычайно высока интенсивность соревновательной деятельности при резком увеличением плотности тренировочного календаря и, как следствие, более частными тренировками. В данном контексте управление нагрузками подразумевает непрерывный цикл: планирование, выполнение, мониторинг, анализ и коррекция трудностей. Внешнюю нагрузку в волейболе можно посчитать через такие ме-

трики, как общее количество прыжков, их высота и тип (как, например, атакующий удар, блок, подача). Можно также посчитать пройденное расстояние и его распределение по скоростным зонам у каждого волейболиста, количество ударных действий и интенсивность игровых сегментов.

При этом внутренняя нагрузка отражает индивидуальный ответ организма на эти внешние стимулы, то есть ее можно измерять с помощью таких показателей, как вариабельность сердечного ритма, уровень лактата в крови, субъективные оценки воспринимаемого усилия по шкале Борга, а также биохимические маркеры утомления и восстановления (уровни креатинина или кортизол). В идеале, эти разнородные показатели нужно синтезировать в единую картину, которая позволяет тренеру отличить продуктивный стресс, ведущий к суперкомпенсации, от деструктивного, который ведет к переутомлению.

Напомним, что одна и та же внешняя нагрузка может вызывать прямо противоположные внутренние реакции у разных спортсменов в зависимости от их генетического профиля, уровня тренированности, психоэмоционального состояния от восстановительных возможностей. Поэтому современные исследователи анализируют в основном персональные пороговые значения и тенденции, а не усредненные нормативы. Например, для одного волейболиста критическим сигналом может стать снижение высоты прыжка на 10 % от индивидуального базового уровня, в то время как для другого более ярким индикатором наступающего утомления будет рост времени контакта с опорой при приземлении или ухудшение точности передачи мяча [12, с. 72].

На наш взгляд, очень важно учесть также и кумулятивных эффект острых и хронических нагрузок, где соотношение острой нагрузки к хронической (ACWR) служит самым точным индикатором риска травматизма среди спортсменов [13, с. 181]. При это поддержание данного соотношения в оптимальном «коридоре значений» является основной практической задачей тренера.

Еще одним перспективным направлением в рамках изучаемой темы является также связь тренировочных нагрузок с динамикой специфических двигательных навыков: речь идет не только об общей физической подготовке, но также о нейромышечной адаптации, например, в механике ударного движения или в технике перемещения волейболиста в защите [20, с. 186]. Таким образом, совершенствование методологии дозирования нагрузок в волейболе связано с созданием индивидуально-ориентированной, адаптивной и превентивной системы управления физической подготовкой волейболистов [15, с. 28].

В такой системе необходимо максимизировать спортивный результат через оптимизацию адаптационных процессов, одновременно с нивелированием рисков перетренированности и травматизма путем точного баланса возможностей организма спортсмена.

Материалы и методы

Материалами для исследования послужили тексты научных работ (научные статьи, обзоры, монографии), отобранных по критерию релевантности теме: мониторинг и адаптация в командных спортивных играх на примере волейбола. В рамках нашего исследования мы изучали публикации за период 2022–2025 гг. Исследование проведено в 2025 учебном году.

В исследовании были применены следующие методы: историографический анализ для реконструкции этапов становления и развития концепций мониторинга в спорте, выявления ключевых научных школ и тенденций; формально-логический анализ для структурирования понятийного аппарата исследования; контент-анализ научных публикаций для выявления наиболее значимых и часто упоминаемых в литературе показателей мониторинга.

Результаты исследования

Историографический анализ выявил, что внедрение интегральных субъективных оценок (как, например, метод session-RPE Фостера) началось еще в 2000-е годы; а на современном этапе применяется синтез объективных телеметрических данных (например, акселерометрия, GPS) с субъективными и биохимическими маркерами адаптации организма спортсмена к нагрузкам. С помощью формально-логического анализа мы систематизировали модель «нагрузка-адаптация» конкретно для волейболистов, причем ключевым звеном для нас в данном случае стал кумулятивный тренировочный стресс. При этом нами был взят за основу тезис, что адаптационный отклик конкретного спортсмена носит нелинейный характер и зависит от индивидуального порога реагирования на тренировочные нагрузки.

Представленный далее обзор литературы содержит анализ современных научных и методических работ в области физического воспитания молодежи с акцентом на применение средств волейбола в рамках новых педагогических технологий.

Исследования в данной области можно разделить на несколько направлений, первое из которых связано с интеграцией инновационных технологий и методик в процесс физического воспитания. Так, В.О. Безякин, Е.Б. Саркисян и К.Г. Томилин рассмотрели широкий спектр инновационных технологий подготовки спортсменов в контексте работы со школьниками и студен-

тами [1, с. 42]. Актуальность технологического подхода подчеркивали в своей работе М.М. Кутепова, Н.В. Ямбаева и К.А. Елыгина, говоря о применении информационных технологий в обучении физической культуре в вузе [11, с. 83]. В своем исследовании Г.М. Шакамалов, Н.А. Захарова и Г.П. Коняхина довольно подробно изучили инновационные мультимедийные технологии как средство подготовки педагогов по физической культуре [25, с. 189]. Изучению дистанционных форматов обучения волейбольной технике посвящена статья И.С. Щадиловой и О.Л. Лебедевой, в которой авторы дают подробный анализ применения дистанционной спортивной тренировки [27, с. 383].

Второе направление исследований формируется вокруг волейбола как эффективного средства физической и спортивной подготовки молодежи: ряд работ носит общий методический характер: например, Л.В. Булыкина и В.П. Губа представили фундаментальные учебные пособия по волейболу для вузов [2]; в работе О.Н. Никифорова, И.В. Яковлев, В.В. Селезнев и В.И. Аржаных создано учебно-методическое пособие по волейболу как дисциплине по выбору [16]. В свою очередь, в своей статье Е.В. Филиппова и С.А. Шенгелая разработали учебно-методическое пособие по элективному курсу «Волейбол» [24]. В работе А.Г. Поливаева детально освещены вопросы организации судейства и проведения соревнований по игровым видам спорта, включая волейбол [18].

При этом многие современные исследования доказывают эффективность волейбола для решения различных педагогических задач: так, Е.С. Куманцова и Е.В. Коробова эмпирически доказали положительное влияние волейбола на общую физическую подготовленность студентов [10, с. 332].

Как показывают исследования Б.А. Копылова, А.А. Молоканова, И.С. Губанова и А.А. Веровского, необходимо следовать конкретной методике повышения уровня физической подготовки молодежи средствами волейбола [9, с. 119]. В рамках исследования О.Н. Никифоровой и В.В. Селезневой намечены параметры повышения уровня спортивной подготовки в процессе обучения волейболу [15, с. 27], а также проанализировано развитие физической подготовленности на примере студентов аграрного вуза [20, с. 185]. В свою очередь, Е.Н. Малыгина, Г.Г. Малыгин, В.М. Гумовская и К.О. Лопатин разработали оптимизированную методику обучения волейболу студентов разных специализаций в профильном физкультурном вузе [13, с. 180].

Третье направление исследований посвящено профессионально-ориентированный и дифференцированный подход к физическому воспитанию: в работе В.В. Лазуков и Е.А. Лушникова рассматривают теоретические и практические аспекты профессионально-ориентированной физической подготовки в вузе [12, с. 71].

В современном научном дискурсе также показана специфика работы с различными контингентами молодежи: например, Д.Г. Зеленов, С.С. Кирилов, С.В. Мусина и Н.М. Юдина изучают физическую подготовку студентов технических вузов на секционных занятиях волейболом [3, с. 497]. В свою очередь, Н.А. Захарова и Е.В. Черная рассматривают подготовку студентов педагогического вуза средствами волейбола и гимнастики [4, с. 120]. В исследовании Е.В. Ивановой и С.А. Воротниковой представлены особенности организации занятий со студентами инженерного профиля с учетом новых образовательных стандартов [5, с. 212].

Также, В.Е. Смирнов, А.Н. Крутой и В.С. Власов проанализировали физическую подготовку студентов юридического факультета к службе по контракту [21, с. 372]. В рамках изучаемой темы заслуживает внимания работа О.Е. Пискун, Н.Н. Венгеровой, Д.Г. Арсеньева и В.В. Краснощекова, в которой представлены особенности физического воспитания иностранных студентов [17, с. 59].

Четвертое направление историографии посвящено частным методикам и организационным формам проведения занятий: в частности, И.А. Ковачевой изучен потенциал метода круговой тренировки в работе со студентами педагогических профессий [6, с. 209]. В свою очередь, Т.В. Колтошова и С.В. Дешевых предлагают использовать кинезиологическую профилактику на занятиях со студентами групп общей физической подготовки [8, с. 80].

В рамках своего исследования М.А. Соломченко, А.А. Гребенников, М.Д. Фокин и С.Н. Баркалов проанализировали методические аспекты спортивных игр для оптимизации физического воспитания [22, с. 324], в то время как А.А. Рожнов, С.О. Мусалов, Р.С. Нестеренко, А.С. Палевич и Е.Е. Мунтяну раскрыли специфику физической подготовки на примере курса волейбола в профильном спортивном вузе [19, с. 153]. В историко-педагогическом контексте также следует отметить работу Л.Н. Кожемякиной и А.В. Бабаян о роли педагогических вузов Северного Кавказа середины XX века как центров развития физической культуры [7, с. 108]. При этом вопросы мотивации студентов к занятиям физической культурой рассматриваются в работе В.В. Назимок [14, с. 55].

Таким образом, представленный анализ литературы демонстрирует многоплановость научно-методического поиска в сфере физической подготовки и физического воспитания. При этом, на наш взгляд, основными тенденциями являются технологизация учебного процесса, активное использование потенциала спортивных игр и прежде всего волейбола, а также стремление

Таблица 1.

Обобщенные количественные взаимосвязи между параметрами нагрузки и адаптации (по данным литературного обзора).

Параметр нагрузки (мониторинг)	Параметр адаптации/утомления	Характер и сила взаимосвязи (на основе данных литературы)
Еженедельный тренировочный импульс (sRPE, усл. ед.)	Изменение высоты прыжка с места (см)	Отрицательная корреляция средней силы ($r \approx -0{,}45 \ldots -0{,}65$) при критическом накоплении нагрузки (> 4000 усл. ед./нед.)
Количество прыжков за тренировку (ед.)	Активность креатинкиназы (Ед/л)	Положительная корреляция ($r \approx 0{,}50–0{,}70$), пик через 24–48 ч после нагрузки
Индекс тренировочного стресса (по ЧСС)	Скорость восстановления ЧСС (уд. /мин за 1 мин)	Отрицательная корреляция высокой силы ($r \approx -0{,}70 \ldots -0{,}80$) в периоды интенсивных микроциклов
Субъективная оценка утомления (шкала от 1 до 10)	Качество выполнения технических элементов (%)	Отрицательная корреляция ($r \approx -0{,}60$) при оценке> 7 баллов

к индивидуальному подходу к физической подготовке волейболистов.

Проведенный нами анализ научно-методической литературы также позволяет констатировать, что наиболее частым методом оценки внутренней нагрузки в волейболе является шкала RPE Борга (CR-10) и ее производная – расчет тренировочного импульса (показатель «session-RPE»). Среди объективных показателей наиболее релевантными для волейбола можно считать количество и высоту прыжковых действий, а также скорость перемещения волейболиста в защите. Ключевыми маркерами адаптации в литературе выступают динамика высоты прыжка с места (как индикатор нейромышечной усталости) и скорость восстановления ЧСС после стандартной нагрузки. На основе контент-анализа данных, представленных в научных публикациях, нами была сформирована обобщенная картина количественных взаимосвязей (таблица 1).

Как показано в таблице 1, современный мониторинг тренировочной нагрузки в волейболе должен быть целостной системой, в которой интегрированы объективные (количество прыжков, метрики перемещений) и субъективные (sRPE) методы оценки состояния спортсмена, чтобы тренер мог реконструировать и внешнюю, и внутреннюю динамику нагрузки.

Выводы

По итогам проведенного исследования можно сделать вывод о том, что физическую адаптацию волейболистов к нагрузкам можно наиболее репрезентативно отслеживать по показателям динамики специальных двигательных тестов и скорости вегетативного восстановления, которые демонстрируют статистически значимые связи с кумулятивным эффектом тренировочной нагрузки. Проведенный нами анализ научной литературы по теме исследования также позволяет говорить о том, что существующие в современных исследованиях количественные взаимосвязи носят обобщенный характер. Исследование также позволяет объективно заявить о необходимости индивидуального подхода к пороговым значениям нагрузок для каждого волейболиста. В этой связи наиболее перспективным, на наш взгляд, является создание системы прогнозирования адаптационного отклика спортсмена на основе параметрического мониторинга адаптационных возможностей его организма.

ЛИТЕРАТУРА

1. Безякин В.О., Саркисян Е.Б., Томилин К.Г. Физическое воспитание школьников, студенческой молодежи и инновационные технологии подготовки спортсменов // Актуальные вопросы физического воспитания и спортивной тренировки: сборник материалов III Международной научно-практической конференции студентов, магистрантов и молодых ученых. – Брянск, 2023. – С. 41–51.
2. Булыкина Л.В., Губа В.П. Волейбол: учебники и учебные пособия для студентов высших учебных заведений. – Москва, 2020.
3. Зеленов Д.Г., Кирилов С.С., Мусина С.В., Юдина Н.М. Физическая подготовка студентов технических вузов в секции волейбол // Международный студенческий научный вестник. – 2015. – № 5–4. – С. 497–498.
4. Захарова Н.А., Черная Е.В. Физическая подготовка студентов педагогического вуза средствами волейбола и гимнастики // Обзор педагогических исследований. – 2021. – Т. 3. – № 6. – С. 119–124.
5. Иванова Е.В., Воротникова С.А. Особенности организации занятий физической культурой со студентами инженерного профиля с учетом новых образовательных стандартов // ЦИТИСЭ. – 2021. – № 4 (30). – С. 206–214.
6. Ковачева И.А. Использование метода круговой тренировки на занятиях со студентами педагогических профессий // Электронное приложение к сборнику XXVIII Международная научно-практическая конференция по проблемам физического воспитания учащихся «Человек, здоровье, физическая культура и спорт в изменяющемся мире». – 2018. – С. 208–219.
7. Кожемякина Л.Н., Бабаян А.В. Педагогические вузы Северного Кавказа середины XX в. как центры развития физической культуры и спорта // Современ-

ный ученый. – 2020. – № 2. – С. 107–111.
8. Колтошова Т.В., Дешевых С.В. Кинезиологическая профилактика на занятиях студентов групп общей физической подготовки с элементами спорта // Современные проблемы физического воспитания, спорта и туризма, безопасности жизнедеятельности в системе образования: материалы III-й Международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора Л.Д. Назаренко. – Ульяновск, 2025. – С. 79–83.
9. Копылов Б.А., Молоканов А.А., Губанов И.С., Веровский А.А. Методика повышения уровня физической подготовки студентов вузов средствами игры в волейбол // Современное состояние и приоритетные направления развития аграрной экономики и образования: материалы международной научно-практической конференции. – 2019. – С. 118–122.
10. Куманцова Е.С., Коробова Е.В. Влияние волейбола на общую физическую подготовленность студентов // Актуальные проблемы физической культуры и спорта: материалы X международной научно-практической конференции, посвященной 90-летию ЧГПУ им. И.Я. Яковлева. – Чебоксары, 2020. – С. 330–333.
11. Кутепов М.М., Ямбаева Н.В., Елыгина К.А. Информационные технологии обучения физической культуре в вузе // Азимут научных исследований: педагогика и психология. – 2016. – Т. 5. – № 2 (15). – С. 83–86.
12. Лазуков В.В., Лушникова Е.А. Профессионально-ориентированная подготовка студентов вуза // Современные здоровьесберегающие технологии. – 2022. – № 2. – С. 69–76.
13. Малыгина Е.Н., Малыгин Г.Г., Гумовская В.М., Лопатин К.О. Оптимизация методики обучения волейболу студентов разных специализаций в физкультурном вузе // Современное педагогическое образование. – 2024. – № 11. – С. 179–183.
14. Nazymok V.V. (Назимок В.В.) Мотивация студентов к занятиям боксом в процессе физического воспитания // Педагогика, психология и медико-биологические проблемы физического воспитания и спорта. – 2012. – № 8. – С. 54–56.
15. Никифорова О.Н., Селезнев В.В. Совершенствование уровня спортивной подготовки студентов при обучении игре в волейбол // Актуальные проблемы физической культуры и спорта в современных социально-экономических условиях : материалы международной научной конференции профессорско-преподавательского состава, посвященной 125-летию со дня рождения В. С. Немчинова. – 2020. – С. 26–31.
16. Никифорова О.Н., Яковлев И.В., Селезнев В.В., Аржаных В.И. Волейбол как дисциплина по выбору для студентов вузов: учебно-методическое пособие. – Москва, 2020.
17. Пискун О.Е., Венгерова Н.Н., Арсеньев Д.Г., Краснощеков В.В. Особенности организации физического воспитания иностранных студентов в период предвузовской подготовки // Теория и практика физической культуры. – 2021. – № 8. – С. 58–60.
18. Поливаев А.Г. Организация судейства и проведение соревнований по игровым видам спорта (баскетбол, волейбол, мини-футбол): учебное пособие / Сер. 76 Высшее образование. – 2-е изд. – Москва, 2019.
19. Рожнов А.А., Мусалов С.О., Нестеренко Р.С., Палевич А.С., Мунтяну Е.Е. Специфика физической подготовки студентов вузов на примере курса волейбола // Тенденции развития науки и образования. – 2023. – № 97–2. – С. 152–154.
20. Селезнев В.В., Никифорова О.Н. Анализ развития физической и тактической подготовленности студентов аграрного вуза при обучении игре в волейбол // Современные научные исследования: теория, методология, практика: сборник статей по материалам II Международной научно-практической конференции. – Уфа, 2020. – С. 184–189.
21. Смирнов В.Е., Крутой А.Н., Власов В.С. Подготовка студентов юридического факультета к службе по контракту в органах обеспечения безопасности Российской Федерации // Ученые записки университета имени П.Ф. Лесгафта. – 2022. – № 5 (207). – С. 371–374.
22. Соломченко М.А., Гребенников А.А., Фокин М.Д., Баркалов С.Н. Методические аспекты применения спортивных игр для оптимизации физического воспитания студентов вузов // Обзор педагогических исследований. – 2025. – Т. 7. – № 7. – С. 323–329.
23. Филиппова Е.В., Шенгелая С.А. Элективные курсы по физической культуре и спорту: модуль «Волейбол» : учебно-методическое пособие. – Ростов-на-Дону, 2023.
24. Shakamalov G.M., Zakharova N.A., Konyakhina G.P. Innovative Multimedia Technologies as a Means of Training Physical Education Teachers // Bulletin of the South Ural State Humanitarian and Pedagogical University. - 2021. - No. 5 (165). - P. 187-199.
25. Shengelaya S.A., Groshevikhin I.V., Zenkova T.A. Fundamentals of Organizing Independent Mini-Basketball Classes: A Teaching Aid. - Rostov-on-Don, 2023.
26. Shchadilova I.S., Lebedeva O.L. Application of Distance Sports Training in University Practice // Scientific Notes of P.F. Lesgaft University. - 2021. - No. 6 (196). - P. 382-385.

© Чжэн Хуа (zhenghuacqnu@gmail.com), Фан Чжиган.

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2026.04–2.48

СОЦИАЛЬНЫЕ МЕДИА В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ВУЗА КАК СПОСОБ ВОСПИТАНИЯ ЦЕННОСТНЫХ СМЫСЛОВ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

SOCIAL MEDIA IN THE UNIVERSITY EDUCATIONAL ENVIRONMENT AS A WAY OF EDUCATING STUDENT YOUTH'S VALUES

I. Shnaider
N. Uvarina

Summary: The article identifies the potential of social media as an educational resource for promoting constructive value meanings and forming sustainable value orientations among young people. The article defines the main concepts and terms related to values and the digital environment. It analyzes the theoretical development of the problem of transforming young people's values in the digital space. The article reveals the dual nature of social media as a source of risks and opportunities for shaping value meanings. The article also provides practical examples and technologies for using social media in the educational context to promote value meanings.

Keywords: social media, values, value orientations, digital socialization, critical thinking, educational aspect, media literacy, value dialogue.

Шнайдер Ирина Робертовна
кандидат педагогических наук, доцент, ФГБОУ ВО Гжельский государственный университет
pozdnikova@mail.ru
Уварина Наталья Викторовна
доктор педагогических наук, профессор, ФГБОУ ВО Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет
nuvarina@yandex.ru

Аннотация: В статье определен потенциал социальных медиа как образовательного ресурса для продвижения конструктивных ценностных смыслов и формирования устойчивых ценностных ориентаций у молодежи. Определены основные понятия и термины, связанные с ценностями и цифровой средой. Проанализирована теоретическая разработанность проблемы трансформации ценностей молодежи в цифровом пространстве. Раскрыта дуальная природа социальных медиа как источника рисков и возможностей для формирования ценностных смыслов. А также приведены практические примеры и технологии использования социальных медиа в образовательном аспекте для продвижения ценностных смыслов.

Ключевые слова: социальные медиа, ценности, ценностные ориентиры, цифровая социализация, критическое мышление, образовательный аспект, медиаграмотность, ценностный диалог.

Проблема трансформации ценностного мира молодежи в условиях ускоренного развития цифровых технологий является одной из наиболее актуальных задач современного воспитания.

Современный вуз – это не только пространство для получения профессиональных знаний, но и среда формирования личности, ее ценностных ориентиров и гражданской позиции. В условиях стремительного развития информационных технологий и доминирования социальных медиа, их влияние на молодежь невозможно игнорировать. Социальные сети стали неотъемлемой частью жизни студентов, платформой для общения, обмена информацией и формирования общественного мнения.

На сегодняшний день прослеживается воздействие цифровых технологий на систему ценностных ориентаций молодёжи, которая является наиболее восприимчивой к инновациям социальной группой. Влиянию цифровой трансформации на социализацию личности посвящено исследование Г.Я. Гревцевой. Автор уточняет понятийный аппарат и дает определение понятию «цифровая социализация» как вида социализации, включающего когнитивный, ценностный, деятельностный и аналитико-рефлексивный компоненты. Цифровизация требует формирования у обучающихся таких качеств, как ответственность, самостоятельность, мобильность, стрессоустойчивость, а также развития критического и аналитического мышления. Автор отмечает, что социокультурные и рефлексивно-оценочные технологии являются наиболее эффективными для обеспечения цифровой социализации [5, с. 48].

Сегодня социальное развитие молодежи во многом определяется цифровой социализацией – процессом, опосредованным информационно-коммуникационными технологиями, в ходе которого происходит усвоение социального опыта в онлайн-контекстах и его воспроизводство в смешанной реальности. Социальные медиа стали неотъемлемой частью картины мира молодого поколения, выступая самостоятельным инструментом социального воспитания и развития. Молодежь в возрасте от 18 до 24 лет является активным пользователем цифровых коммуникаций, проводя в социальных медиа до 8 часов в день. Это делает цифровую среду ключевым каналом получения информации и формирования мировоззрения.

Молодые люди активно потребляют сетевой контент, что делает социальные медиа мощным фактором воздействия на формирование поведенческих стереотипов и ценностных ориентаций. Обостряет проблемность данной ситуации противоречивый характер медиаконтента, т.к. наряду с огромными возможностями для образования, самовыражения и развития, социальные медиа перенасыщены информацией, которая может быть деструктивной, направленной на разрушение традиционных ценностей.

Также в условиях постоянного информационного давления и риска утраты самосознания на первый план в воспитательном пространстве вуза выходит необходимость продвижения конструктивных ценностных смыслов, а актуальной задачей образования является поиск эффективных способов использования социальных медиа для целенаправленного, культуроформирующего воздействия и продвижения ценностного диалога. По определению Е. Э. Листьевой, социальные медиа представляют собой совокупность цифровых платформ, которые позволяют пользователям взаимодействовать в интернете, публикуя и распространяя личную, коммерческую или общественно значимую информацию в текстовой, знаковой, аудиальной и визуальной форме, с целью получить ответную реакцию. [9, с. 430]. Они рассматриваются как сегмент медиасистемы и инструмент влияния на ценностную палитру потребителей.

Влияние социальных медиа может быть неоднозначным: они могут оказывать как позитивное, так и негативное влияние в зависимости от того, как они используются. Согласно исследованиям Шарпа и Мэй (2017), социальные сети открывают молодым людям возможности для социальной поддержки, которые иначе были бы недоступны. По данным исследования Ю. Быковой и М. Рахманиной, социальные сети влияют на формирование у молодёжи образа мира и ценностных ориентаций, в том числе формируют мнение о политических, социальных и культурных событиях, а также влияют на отношения внутри социальной группы. Есть мнение, что социальные сети служат каналом для обмена информацией, который помогает укреплять доверие, оказывать взаимную поддержку и формировать чувство общности. Данные факты указывают на неразрывную связь социальных медиа с процессами цифровой социализации.

Цифровая социализация, по мнению Г.У. Солдатовой, — процесс овладения и присвоения индивидом социального опыта, опосредованный информационно-коммуникационными технологиями, который приобретается в онлайн-контекстах и воспроизводится в смешанной офлайн/онлайн-реальности окружающего мира. [16, с. 77]. Данный процесс предполагает создание новых условий для взаимодействия, а именно, коммуникация становится асинхронной, опосредованной технологиями и часто лишённой невербальных сигналов, происходит трансформация социальных ролей, способов самопрезентации и даже механизмов формирования идентичности. Результатом данного процесса является формирование цифровой личности, которая конструируется и проявляется в процессе виртуального общения, самостоятельно и индивидуально выстраивая цифровые коммуникации. Становится несомненным, что цифровая среда влияет на усвоение норм, ценностей и моделей поведения, а также на формирование ценностных ориентаций.

Опираясь на работы ряда исследователей (Н.И. Лапин [19, с. 23], В.В. Тулупов [17, с. 23], В.А. Ситаров [11, с. 37], Л.В. Баева [2, с. 440] и др.), которые давали определения понятия «ценность», данную категорию можно определить, как устойчивые вневременные категории и преходящие понятия, сложившиеся в процессе культурно-исторического развития общества, которые обладают высшей значимостью при регулировании всех сфер жизнедеятельности и определяют высшие цели развития, такие как стремление к благу, идеалу и совершенству.

Важно понимать тонкую грань ценностных ориентиров и ценностных ориентаций личности. Данную проблему детально изучали такие исследователи как Ю.Н. Людкевич, Е.В. Гришай, Т.Х. Люев [10, с. 44]. При этом под ценностными ориентирами они понимают внешние указатели морально-нравственного и духовного направления развития, акцентируемые обществом как желательные, предпочтительные или одобряемые, и направлены они от общества к личности. Что же касается ценностных ориентаций, то в этом отношении авторы подразумевают сугубо личностное измерение, представляющее собой результат глубокой внутренней работы индивида по осмыслению, принятию и присвоению общественных ценностей в качестве индивидуальной основы жизнедеятельности.

Проблема влияния цифрового пространства на ценности молодежи активно изучается в современной науке (Ефлова М.Ю., Виноградова Ю.В., Витушкин А.В. [7, с. 55], Цуканова М.В. [18, с. 270] и др.), поскольку цифровое коммуникационное пространство трансформирует содержание ценностей и особенности их функционирования.

Использование социальных медиа в образовательном процессе вуза может стать мощным инструментом воспитания ценностных смыслов студенческой молодежи. Создание специализированных онлайн-сообществ, посвященных обсуждению актуальных социальных проблем, вопросов культуры и искусства, а также организация онлайн-дискуссий с участием экспертов и лидеров общественного мнения способствуют формированию критического мышления и расширению кругозора студентов.

Важным аспектом является использование социальных медиа для продвижения ценностей патриотизма, гражданственности и социальной ответственности. Организация онлайн-акций, посвященных важным историческим датам, освещение деятельности студенческих волонтерских движений и поддержка социально значимых проектов позволяют вовлечь студентов в общественную жизнь и сформировать чувство сопричастности к судьбе своей страны.

Однако, необходимо учитывать и риски, связанные с использованием социальных медиа. Распространение дезинформации, кибербуллинг и формирование зависимостей – все это требует разработки комплексной стратегии информационной безопасности и медиаграмотности студентов. Внедрение образовательных программ, направленных на развитие критического мышления и умения анализировать информацию, является необходимым условием для эффективного использования социальных медиа в образовательных целях.

Согласно исследованиям М.Д. Мартыновой (2023), одновременное нахождение в реальном и виртуальном мирах приводит к тому, что традиционные ценности, такие как дружба, семья и патриотизм, становятся более относительными, изменчивыми и часто носят декларативный характер. Это свидетельствует о глубокой трансформации ценностей и самоидентификации в современном обществе. [12, с. 252]. На этот процесс влияют такие характеристики цифровой среды, как быстрая и широкая доступность информации и свобода самовыражения. Статья посвящена анализу трансформации ценностного мира молодежи под воздействием цифрового коммуникационного пространства. Автор, основываясь на методологии, включающей анализ концепций социального воспитания и развития человека в цифровом обществе, а также данные пилотажного опроса студенческой молодежи, выявляет, что традиционные ценности, такие как «дружба», «семья», «патриотизм», приобретают релятивный, подвижный и декларативный характер. Это происходит вследствие таких характеристик цифровой среды, как быстрая и широкая доступность информации и свобода самовыражения. Эти факторы способствуют росту индивидуализма и автономии индивида, а также усиливают активность пользователя. Социальное развитие молодого поколения в значительной степени обусловлено процессами, в которых формируется индивидуальное пространство с широкими возможностями для самовыражения, что может преобладать в их восприятии мира. Работа актуализирует проблему учета особенностей цифровой социализации в процессе воспитания и образования.

Анализ аксиосферы молодежи, представленный Ю.Н. Людкевичем, Е.В. Гришай и Т.Х. Люевым (2023), показал, что интенсивное использование интернета снижает значимость таких ценностей, как семья, брак, образование и мораль, в то время как материальное благополучие, социальный статус, власть и лидерство приобретают большее значение [10, с. 43].

Современное социальное развитие молодежи определяется цифровой социализацией – процессом усвоения социального опыта в онлайн-среде и его воспроизводства в смешанной реальности посредством информационно-коммуникационных технологий. Это ведет к формированию цифровой идентичности. Д.В. Астапенко (2021) подчеркивает, что информационная среда оказывает влияние на ценностно-смысловую сферу подростков, акцентируя необходимость изучения их самосознания, чтобы избежать «растворения» личности в цифровом мире. [1, с. 35]. Актуальность изучения данной темы обусловлена изменениями в социальной среде подростков, которая все больше включает в себя цифровое пространство. Отмечается проблема клипового мышления, характеризующегося фрагментарным восприятием информации и снижением концентрации внимания, что затрудняет логическое мышление. Исследования Д.И. Гигаури и П.Р. Тузовой (2021) показали, что конструирование виртуальной идентичности в социальных сетях может приводить к конкуренции смыслов и отрыву от реальной идентичности человека [4, с. 49]

Ряд исследователей указывает, что контент, циркулирующий в социальных медиа, может быть деструктивным и направленным на разрушение традиционных ценностей. М.М. Друкер и Н.А. Суворова (2022) установили, что медиамемы как наиболее продуктивная форма трансляции ценностных ориентиров способствуют разрушению традиционных ценностей на онтологическом, социоцентрическом и культуроцентрическом пластах путем их дискредитации и замещения антиценностями, используя комический или псевдокомический эффект для обхода механизмов критического мышления [6, с. 20]. Авторы анализируют контент популярных пабликов в социальной сети «ВКонтакте», чтобы установить, на каких уровнях общественной системы ценностей происходит деструкция и замещение традиционных ценностей. Анализ показывает, что разрушению и подмене подвергаются ценности онтологического пласта (здоровье замещается пропагандой саморазрушительного поведения), социокультурного пласта (брак, семья, дружба) и культуроцентрического пласта (исторические и религиозные праздники). Регулярность антисемейных мемов может указывать на целенаправленную кампанию против традиционных семейных ценностей, продвигающую безбрачие и бездетность как залог гедонистического образа жизни. Авторы приходят к выводу, что необходимо обучать аудиторию правилам и этике работы в сети и основам создания позитивного контента.

Р.В. Парма (2024) в своем исследовании продвижения

патриотической повестки выявил высокую интенсивность информационного давления антипатриотического потока в цифровой среде на студенческую молодежь [15, с. 60]. Социологические данные показывают доминирование патриотических настроений, но анализ информационных потоков выявил широкое распространение антипатриотических нарративов. Ценностный раскол проходит через отношение к государству как институту. Автор заключает, что основная проблема российских университетов состоит в технологической и идейной оторванности от студенческой аудитории, погруженной в цифровую среду коммуникаций.

Опубликованные в 2023 году исследования, проведенные Е.П. Белинской и З.Д. Шаеховым, выявили, что ощущение тревоги, вызванное цифровой средой, а именно, утрата контроля и сомнения в «неизменности цифровой истории», негативно влияет на психологическое состояние человека и его позитивный настрой. [3, с. 240].

В условиях нарастающего деструктивного воздействия усиливается необходимость медиаобразования и развития критического мышления. И.В. Осадчая (2021) считает, что медиаобразование помогает студентам сформировать собственную ценностную систему и преодолеть проблему вариативного восприятия медиатекста [13].

Анализ научных исследований вскрывает дуализм проблемы социальных медиа в продвижении ценностных смыслов. Воспитание ценностных смыслов через использование социальных медиа заключается в дуальной природе этой среды, которая одновременно является мощным инструментом социализации и источником серьезных угроз, деконструирующих ценностное ядро личности.

Существуют определенные риски и угрозы деконструкции ценностей. Ценности в цифровой среде могут приобретать подвижный, декларативный характер, поскольку молодежь в большей степени склонна к пассивному потреблению. Можно выделить основные риски в формировании ценностных смыслов при использования социальных медиа современной молодежью.

Риск 1. Целенаправленная деструкция ценностей. Контент в популярных сообществах часто направлен на разрушение традиционных ценностей путем дискредитации и замещения антиценностями. Это разрушение затрагивает различные уровни ценностной сферы личности.

В частности, онтологический уровень, включающий в себя ценности жизни и здоровья, подменяется продвижением деструктивных моделей поведения, таких как употребление запрещённых веществ. Это приводит к формированию антиценности, заключающейся в саморазрушении.

На социоцентрическом уровне девальвируются семейные ценности, продвигается антиценность безбрачия и бездетности как залог гедонистического образа жизни.

Культурно-исторический уровень (включая ценности патриотизма и исторической памяти) испытывает на себе волну насмешек и девальвации. Происходит размывание основополагающих идеалов, например, ставится под сомнение непреложная значимость Победы в Великой Отечественной войне. Такой подход ведет к постепенному разрушению непоколебимой ценности исторической памяти как таковой. Предпринимаются попытки принизить и опорочить важные исторические события. Следствием этого становится обесценивание прошлого и формирование искаженного восприятия истории у подрастающего поколения. В результате происходит подмена истинных ценностей, а историческое наследие подвергается переосмыслению с негативным уклоном. Это представляет серьезную угрозу для сохранения культурной идентичности и единства общества, основанных на общих исторических ценностях.

Риск 2. Клиповый тип мышления, влекущий снижение его критичности. Чрезмерное потребление контента влияет на когнитивную сферу молодежи, формируя клиповое мышление (фрагментарное восприятие, затруднение логических выводов). Это ослабляет критическое мышление, делая молодежь уязвимой к манипуляциям и деструктивному влиянию.

Риск 3. Внешнее информационное давление. На студенческую молодежь оказывается высокая интенсивность информационного давления антипатриотического потока.

Для эффективного продвижения ценностных смыслов в образовательном аспекте необходимо использовать организационные возможности социальных медиа с акцентом на развитие критического мышления и создание позитивного контента. Первостепенной педагогической задачей в этой связи становится использование возможностей социальных медиа для продвижения ценностей российской культуры.

Возможность 1. Инструмент социализации и образования.

Социальные медиа выступают самостоятельным инструментом социального воспитания. Молодежь, используя платформы, может создавать новые социальные связи и объединяться в сообщества по интересам (добровольческие, творческие), что является мощным элементом социализации.

Обеспечивается доступ к знаниям и просвещению.

Обеспечивается свобода доступа к культурному и научному наследию, а также к информационным и образовательным продуктам. На научный контент в социальных сетях (например, «ВКонтакте») подписано более 38% пользователей в возрасте 18–26 лет.

Происходит формирование гражданской идентичности. Проектный способ организации образовательного процесса может выводить формирование гражданской идентичности студентов в пространство виртуального общения и социальных сетей, создавая условия для «вызревания» гражданской позиции.

Возможность 2. Развитие навыков медиакомпетентности и критического анализа информации.

Критическое мышление (система суждений для анализа информации, интерпретации явлений) является необходимым навыком для преодоления рисков цифровой среды. Для его развития можно использовать:

Курсы по цифровой этике и медиаграмотности. Актуально внедрение образовательных программ, направленных на формирование этических норм и правил работы в сети. Примером является Курс «Цифровая этика» на платформе «Открытое образование», который помогает обучающимся осознать правила и этику работы в сети и основы создания позитивного мультимедийного контента [8].

Обучающие ресурсы: Для формирования устойчивости к деструктивному контенту необходимо целенаправленное обучение медиаграмотности.

Развитие аналитических навыков: Необходимо учить студентов выбирать, «фильтровать», проверять и анализировать полученные данные для противодействия клиповому мышлению.

Возможность 3. Использование социальных медиа для продвижения научного и просветительского контента

Социальные медиа могут служить эффективными площадками для трансляции научного знания и интеллектуального контента, который способен конкурировать с развлекательным.

Продвижение научного знания: Пример Официального канала Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» в Telegram показывает, как цифровые каналы могут быть использованы для распространения академических ресурсов, что способствует ценности образования и знаний среди молодежи [14].

Создание позитивного контента: Привлечение молодежи к созданию социально ориентированного, просветительского и образовательного контента под руководством специалистов способствует формированию созидательной системы ценностей. Мультимедийные проекты, созданные студентами, такие как «Наука за минуту» или «Живая литература», доказали свою популярность и могут служить образцом для формирования ценностных ориентиров.

Проектная социально-цифровая деятельность: Нужно отметить, что проектный способ организации образовательного процесса является одним из наиболее продуктивных для формирования гражданской идентичности обучающихся в условиях открытого образовательного пространства. Посредством реализации проектов происходит процесс интеграции ценностей. Проектная деятельность позволяет вывести процесс формирования гражданской идентичности студентов в пространство виртуального общения, социальных сетей, создавая дополнительные условия для «вызревания» гражданской позиции и самосознания. Проекты могут быть направлены на приобщение к культурным и национальным ценностям.

Социальные медиа представляют собой мощный, но амбивалентный фактор, влияющий на формирование ценностных смыслов молодежи. Будучи ключевой средой социализации, цифровое коммуникационное пространство провоцирует трансформацию традиционных ценностей, усиливая индивидуализм и подверженность деструктивным нарративам. Эффективное продвижение конструктивных ценностных смыслов требует осознанного использования социальных медиа как среды для ценностного диалога и активной деятельности. Это достигается через целенаправленное развитие медиакомпетентности и критического мышления, использование проектного метода для интеграции ценностей в публичную деятельность студентов в сети, а также создание и продвижение позитивного, просветительского и научного контента, что демонстрируют примеры специализированных ресурсов и курсов.

Главный вызов состоит в том, что образовательные учреждения часто технологически и идейно оторваны от студенческой аудитории, погруженной в цифровую среду. Преодоление этого разрыва и переход к качественно новой стратегии взаимодействия, основанной на понимании запросов молодежи и использовании механизмов цифровой среды, является залогом успешной реализации образовательного и воспитательного потенциала социальных медиа.

Таким образом, социальные медиа, при грамотном и целенаправленном использовании, могут стать эффективным инструментом воспитания ценностных смыслов студенческой молодежи, способствуя формированию зрелой, социально активной и ответственной личности образованных и неравнодушных граждан.

ЛИТЕРАТУРА

1. Астапенко Д.В. Особенности самосознания подростков и информационного поведения в условиях цифровизации образования // Инновационная наука: психология. педагогика. дефектология. 2021. Т. 4, № 5. С. 23–36
2. Баева Л.В. Цифровой диалог в обучении: когнитивные, социальные, экзистенциальные особенности и риски //Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. – 2022. – Т. 26. – №. 2. – С. 439–453.
3. Белинская Е.П., Шаехов З.Д. Взаимосвязь психологического благополучия и адаптации к рискам цифрового мира в молодежном возрасте // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2023. Т. 46, № 3. С. 239–260. https://doi.org/10.11621/LPJ-23-35.
4. Гигаури Д.И., Тузова П.Р. Виртуальная идентичность в социальных сетях и видеоблогах: обзор политического контента в TikTok // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 12. Полит. науки. 2021. № 6. С. 47–68.
5. Гревцева Г.Я. Цифровая социализация личности в образовательной среде // Вестник ЮУрГУ. Серия «Образование. Педагогические науки». 2022. Т. 14, № 1. С. 40–49.
6. Друкер М.М., Суворова Н.А. Медиамем как средство репрезентации ценностных ориентиров в социальных медиа // Челябинский гуманитарий. 2022. № 1 (58). С. 13–21. DOI: 10.47475/1999–5407-2022-10102.
7. Ефлова М.Ю., Виноградова Ю.В., Витушкин А.В. Ценности молодежи в условиях цифровизации: поколенческий анализ // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2022. № 6 (57). С. 52–56. DOI: 10.26907/2079–5912.2022.6.52–56.
8. Курс «Цифровая этика» на платформе «Открытое образование»: [https://openedu.ru]
9. Листьева Е.Э. Социальные проблемы современной российской молодежи в дискурсе студенческих социальных медиа / Е. Э. Листьева. — Текст: непосредственный // Молодой ученый. — 2023. — № 45 (492). — С. 429–431. — URL: https://moluch.ru/archive/492/107519.
10. Людкевич Ю.Н., Гришай Е.В., Люев Т.Х. Формирование ценностных ориентиров молодежи посредством массмедиа // Вестник науки. 2023. № 5 (62). С. 42–45.
11. Маралов В.Г. и др. Роль ценностных ориентаций и базисных убеждений в выборе студентами позиций взаимодействия //Сибирский психологический журнал. – 2025. – №. 95. – С. 20–39.
12. Мартынова М.Д. Влияние цифровой реальности на состояние ценностного мира студенческой молодежи // ЦИТИСЭ. 2023. № 3. С. 251–260. DOI: http://doi.org/10.15350/2409-7616.2023.3.21
13. Осадчая И.В. Ценностное самоопределение студентов университета в современном медиапространстве // Педагогика. 2021.
14. Официальный канал Научной электронной библиотеки «КиберЛенинка» в Telegram: [https://t.me/cyberleninka_ru
15. Парма Р.В. Продвижение патриотической повестки в социальных медиа среди российской студенческой молодёжи // Высшее образование в России. 2024. Т. 33. № 1. С. 44–67. DOI: 10.31992/0869-3617-2024-33-1-44-67.
16. Солдатова Г.У. Цифровая социализация в культурно-исторической парадигме: изменяющийся ребенок в изменяющемся мире //Социальная психология и общество. – 2018. – Т. 9. – №. 3. – С. 71–80.
17. Тулупов В.В. Фейки в эпоху информационных войн //Современные массмедиа в условиях информационного противостояния. – 2022. – С. 23.
18. Цуканова М.В. Роль социальных медиа в социализации молодежи // Социология. 2022. № 3. С. 269–277.
19. Юсупов М.М. Методология и метод изучения ценностей в исследованиях Н.И. Лапина // Консолидация российского общества в новых геополитических реалиях. – 2023. – С. 22–25.

© Шнайдер Ирина Робертовна (pozdnikova@mail.ru), Уварина Наталья Викторовна (nuvarina@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2026.04–2.50

ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ВОСПРИЯТИЯ МУЗЫКИ У ПОДРОСТКОВ С АБСОЛЮТНЫМ СЛУХОМ В ПРОЦЕССЕ ВОКАЛЬНОГО ОБУЧЕНИЯ

Янь Чуньси
Российский государственный педагогический университет имени А.И. Герцена
1029861728@qq.com

Аннотация: Статья посвящена психофизиологическим особенностям восприятия музыкальных стимулов подростками с абсолютным слухом в условиях вокального обучения. Рассматриваются механизмы обработки высоты звука, специфика памяти и категориального восприятия тонов, а также их значение для учебного процесса. Внимание сосредоточено на данных нейровизуализационных исследований, психофизиологических характеристиках и методологических вопросах изучения абсолютного слуха. Отдельно затронуты педагогические подходы к развитию музыкальных навыков с учетом слуховой специфики таких обучающихся. Текст адресован музыкальным педагогам, психологам и специалистам в области музыкального образования.

Ключевые слова: вокальное обучение, психофизиология музыкального восприятия, абсолютный слух, подростковый возраст, развитие музыкальных способностей.

PSYCHOPHYSIOLOGICAL FEATURES OF MUSIC PERCEPTION IN ADOLESCENTS WITH ABSOLUTE HEARING DURING VOCAL LEARNING

Yan Chunxi

Summary: The article is devoted to the psychophysiological features of the perception of musical stimuli by adolescents with absolute hearing in conditions of vocal learning. The mechanisms of processing pitch, the specifics of memory and categorical perception of tones, as well as their significance for the educational process are considered. Attention is focused on neuroimaging research data, psychophysiological characteristics, and methodological issues of studying absolute hearing. Pedagogical approaches to the development of musical skills, considering the auditory specifics of such students, are separately affected. The text is addressed to music educators, psychologists, and specialists in the field of music education.

Keywords: vocal learning, psychophysiology of musical perception, absolute hearing, adolescence, development of musical abilities.

Формирование музыкальных способностей в подростковом возрасте остается значимой темой для педагогики и психологии музыки, особенно когда внимание сосредоточено на феномене абсолютного слуха. Под абсолютным слухом понимают редкую способность точно определять высоту звука без внешнего опорного тона. Для музыкального восприятия, слуховой категоризации и развития вокальных навыков данное качество имеет принципиальное значение. По данной причине обращение к нейрофизиологическим основаниям абсолютного слуха и к его педагогическим последствиям связано с поиском более точных подходов к вокальному обучению и развитию музыкальных компетенций у подростков.

Цель исследования состоит в выявлении психофизиологических особенностей восприятия музыкальных стимулов у подростков с абсолютным слухом и в разработке педагогических подходов к их вокальному обучению с учетом характерных для данной группы когнитивных и слуховых возможностей. Исследовательский замысел связан с повышением результативности вокальной подготовки на основе дифференцированного подхода, объединяющего развитие абсолютного и относительного слуха, музыкальной выразительности и творческих умений.

Содержание исследования ориентировано на изучение механизмов психофизиологической обработки высоты звука у подростков с абсолютным слухом. Одновременно рассматриваются особенности музыкальной памяти, процессов категоризации и восприятия тонов у учащихся данной группы. Отдельное внимание сосредоточено на том, как абсолютный слух отражается на вокальном обучении, включая интонирование, занятия сольфеджио и освоение репертуара. В поле анализа входят и педагогические затруднения, возникающие при чрезмерной фиксации на абсолютных высотах и при недостаточном развитии относительного слуха. На основании полученных данных предполагается выработать рекомендации для адаптивного и дифференцированного обучения вокалу подростков с абсолютным слухом.

Методология исследования объединяет несколько взаимосвязанных направлений. Психофизиологический аспект предполагает применение нейровизуализации для выявления паттернов корковой активности при восприятии высоты звука. Поведенческий блок включает тесты и музыкальные задания, направленные на оценку точности интонирования, распознавания тонов и интервалов. Педагогическая часть строится на экспериментальной проверке дифференцированных методик

вокального обучения, ориентированных на учащихся с абсолютным слухом. Дополнительно используется сравнительный анализ, при котором данные подростков с абсолютным слухом сопоставляются с результатами обладателей относительного слуха. Когнитивный и эмоциональный ракурс исследования связан с наблюдением за особенностями памяти, внимания и эмоционального отклика в процессе исполнения музыкального материала.

Абсолютный слух рассматривается как особый способ переработки высотной информации, связанный с определенными психофизиологическими механизмами. Данные нейровизуализации указывают на участие структур слуховой коры, включая планум темпорале, в анализе высоты звука у обладателей АП. Наблюдаемые особенности могут отражать специфические паттерны нейронной организации и обработки звукового материала, отличающие носителей абсолютного слуха от музыкантов с относительным слухом, не обладающих АП согласно позиции Schulze et al [11]. В исследовании Oechslin, Meyer и Jäncke показана связь АП с морфологическими изменениями и нейрофизиологическими адаптациями в корковых областях, которые участвуют также в речевом восприятии. Такой результат расширяет представление о когнитивном диапазоне влияния АП при работе со сложными звуковыми стимулами [10].

На когнитивном уровне восприятие высоты звука не сводится к простому противопоставлению абсолютного и относительного слуха. Современные обзоры показывают, что обе системы взаимодействуют между собой, а характер их переработки зависит от музыкального опыта и индивидуальных различий в слушании [9]. Дополнительный интерес вызывает положение о континуумной природе высотного восприятия. В таком случае АП предстает не как строго бинарный признак, где способность либо присутствует, либо отсутствует, а как спектр состояний, включающий промежуточные уровни точности и устойчивости высотной памяти [8].

Психофизиологические особенности музыкального восприятия у обладателей абсолютного слуха прослеживаются и в характере нейронной активности. Функциональные нейровизуализационные исследования фиксируют у них специфические паттерны активации корковых зон, участвующих в обработке высоты звука. Наиболее заметные различия описаны для височной коры и областей, связанных с категориальной переработкой тонов, что соотносится с более автоматизированным распознаванием высоты у музыкантов с АП [11]. Здесь же обнаруживается связь с долговременной памятью на высоту и со способностью к вербальному обозначению отдельных звуков. Подобная организация восприятия отражается на точности вокального интонирования и на воспроизводимости звуковысотного материала. В учебной практике подобные особенности требуют учета не только слухового распознавания, но и механизмов вокальной реализации.

Абсолютный слух у подростков проявляется как способность быстро и точно определять высоту звука, что заметно отражается на ходе музыкального обучения. При наличии такого слуха легче осваиваются нотная грамота, сольфеджио и интонирование, поскольку распознавание звуковысотных характеристик происходит с высокой степенью точности. Более доступным становится понимание модуляций и процесс сольфеджирования. Наряду с этим возрастает возможность удерживать в памяти мелодический материал и воспроизводить его без дополнительной опоры, что особенно ценно при разучивании вокального репертуара.

Однако данная способность связана не только с преимуществами. При транспонировании нередко возникает внутреннее напряжение, поскольку музыкальное произведение устойчиво связывается в восприятии подростка с исходной тональностью и первоначальной высотой звучания. В подобных условиях исполнение в иной тональности может восприниматься как несоответствие привычному звуковому образу. Определенные затруднения появляются и в развитии относительного, или интервального, слуха, когда внимание необходимо перенести с отдельного звука на ладовые и интервальные отношения. Для подростка с абсолютным слухом подобная перенастройка бывает непривычной. В отдельных случаях наблюдается склонность к сосредоточенности на единичных звуках, а не на целостной музыкальной форме, вследствие чего эмоциональное переживание произведения ослабевает. Дополнительные сложности возможны при чтении партий транспонирующих инструментов, в частности саксофона альта и саксофона тенора, а также при переходе между инструментами разного строя.

Педагогическая оценка абсолютного слуха у подростков требует учета возрастной специфики периода от 11 до 16 лет. В данное время заметно меняется голосовой аппарат. Мутация голоса, рост мышц, преобразование диапазона и тембра требуют повышенного внимания к певческой технике, дыханию и координации голосовых связок. На этом фоне высокая звуковысотная чувствительность может как помогать в работе над интонацией, так и усиливать напряжение, если учащийся стремится к избыточно жесткому контролю звучания. Не менее значимы эмоциональные особенности подросткового возраста. Повышенная чувствительность и интенсивность переживаний делают музыкальное восприятие более глубоким, но при обращении к эмоционально сложным произведениям могут возникать трудности исполнительского саморегулирования. Стремление к самостоятельности и поиску собственной идентичности усиливает значение музыки как средства самовыражения и социальной самоидентификации. Одновременно раз-

вивается критическое мышление, и подростки все чаще переходят от непосредственного восприятия к анализу музыкального материала, что в сочетании с точным звуковысотным слухом формирует особый тип учебного поведения. Вокальное обучение подростков с абсолютным слухом требует педагогической осторожности и гибкости. При работе над интонированием данная способность облегчает точное воспроизведение мелодии, однако постоянная фиксация на высоте звука может сопровождаться форсированием звучания или излишним мышечным напряжением. В связи с этим преподавателю необходимо направлять внимание учащегося не только на звуковысотную точность, но и на свободу голосоведения. В работе с поэтическим текстом тонкая слуховая дифференциация нередко помогает лучше контролировать дикцию и артикуляцию, хотя чрезмерная сосредоточенность на отдельных словах и звуках иногда нарушает музыкальную цельность исполнения. Если абсолютный слух сочетается с развитым гармоническим слухом, подросток тоньше воспринимает аккордовые структуры и их связь с вокальной линией, что углубляет понимание музыкальной ткани. При этом сохраняется риск преобладания аналитического контроля над эмоциональным откликом, когда внимание к высоте звуков начинает подавлять непосредственное переживание музыки. С педагогической позиции абсолютный слух следует рассматривать не как однозначное преимущество, а как специфическое свойство музыкального восприятия, требующее продуманной организации обучения. Работа с такими подростками предполагает соединение точности интонирования с развитием относительного слуха, эмоциональной отзывчивости и художественной целостности исполнения. Только при подобном подходе высокая чувствительность к высоте звука включается в более широкий процесс музыкального и вокального развития.

В условиях вокального обучения абсолютный слух может давать подросткам заметные преимущества. Высокая точность высотного восприятия нередко связана с более быстрым усвоением интонационных норм, большей уверенностью при воспроизведении мелодических линий и более оперативным освоением нового репертуара. Вместе с тем слуховая специфика данной группы учащихся порождает и определенные трудности. При чрезмерной фиксации на абсолютных высотах ослабевает внимание к относительным отношениям между звуками, а такая тенденция затрагивает музыкальную интерпретацию, транспонирование и контекстуальный слуховой анализ. В педагогической работе возникает необходимость соотносить развитие абсолютных и относительных компонентов слухового восприятия, не ограничиваясь опорой только на точное распознавание отдельных тонов.

Психофизиологические исследования подтверждают, что обладатели абсолютного слуха демонстрируют особый характер корковой обработки высоты звука, и данное обстоятельство связано со специфическими образовательными потребностями в процессе вокального обучения. Современная методология изучения АП, включающая нейровизуализацию и поведенческие задачи, углубляет понимание механизмов его влияния на музыкальное восприятие, хотя сопоставление результатов разных работ по-прежнему затруднено из-за недостаточной стандартизации фенотипических протоколов [7].

Абсолютный слух у подростков представляет собой сложное психофизиологическое явление, требующее целенаправленного педагогического подхода. Учет нейронных, когнитивных и образовательных аспектов АП связан с разработкой адаптивных методик вокального обучения, ориентированных не только на слуховую точность, но и на музыкальную выразительность.

С педагогической точки зрения данные о психофизиологических особенностях восприятия музыки подростками с абсолютным слухом указывают на необходимость дифференцированного подхода к вокальному обучению. Наличие данной способности связано с высокой точностью распознавания высоты звука и более быстрым освоением вокального материала, однако учебная работа не может ограничиваться опорой только на данные преимущества. В образовательном процессе требуется учитывать специфику абсолютного слуха, соединяя развитие точного интонирования с формированием относительного слуха, навыков слухового соотнесения и способности к музыкальной интерпретации. При такой организации обучения внимание направляется не только на правильность звуковысотного воспроизведения, но и на более сложные компоненты исполнительской подготовки, включая выразительность, осмысленность интонации и творческую гибкость учащихся. Уже на диагностическом этапе обнаруживается узел затруднений, из которого затем вырастают и исследовательские расхождения, и педагогические проблемы вокального обучения подростков, обладающих абсолютным слухом. При сопоставлении данных, полученных в разных образовательных и научных ситуациях, выясняется, что сама процедура оценки этого феномена не приобрела необходимой степени единообразия, о чем в смежных работах неоднократно писали Анисимов В.П. [1] и Асеев В.Г. [2]. Из-за этого результаты нередко оказываются плохо соотносимыми между собой, даже если речь идет о близких по возрасту группах учащихся.

Неодинаковость проявляется не в одном каком-либо параметре, а сразу в нескольких плоскостях. Исследователи варьируют музыкальный материал, по-разному организуют предъявление звуковых стимулов, используют отличающиеся по тембровой чистоте образцы, смещают регистровые условия, меняют длительность звучания,

по-разному трактуют и сами ответы подростков, что отмечала, в частности, Безбородова Л.А. [3]. В одних случаях проверка сосредоточена на том, насколько точно учащийся называет изолированные тоны. В других в центр ставится быстрота реакции. В-третьих, диагностическая задача переносится в контекст музыкальной фразы, где распознавание высоты связано уже не только с единичным звуком, но и с его включенностью в интонационное целое, на что указывали Березовин Н.А. [4] и Бочкарева Л.Л. [5]. При такой разнородности трудно выделить устойчивые характеристики абсолютного слуха именно у подростков. Один и тот же результат в разных процедурах получает разный исследовательский смысл, а педагогическая интерпретация начинает зависеть не столько от самого слухового феномена, сколько от способа его измерения. На этом фоне осложняется и выработка общих решений для вокального обучения, поскольку основание для них остается не вполне совпадающим от исследования к исследованию, что соотносится с наблюдениями Гогобенридзе [6].

Не меньшую сложность представляет недостаточная проясненность взаимодействия абсолютного и относительного слуха в образовательной практике. В музыкально педагогической среде абсолютный слух часто воспринимается как безусловное преимущество, автоматически гарантирующее высокий уровень музыкального развития. Однако реальная учебная ситуация показывает более сложную картину. Способность точно идентифицировать высоту отдельного звука не всегда сопровождается столь же уверенным восприятием интервалов, ладовых тяготений, функциональных отношений между звуками и интонационной логики музыкального движения. Вокальное обучение требует не только звуковысотной точности, но и гибкости слухового мышления, умения воспринимать мелодию как систему взаимосвязей, удерживать внутренний тональный центр, свободно ориентироваться в изменениях тональности и ощущать смысловые напряжения музыкальной формы. При недостаточной развитости относительного слуха даже выраженный абсолютный слух может проявляться неоднозначно, особенно в тех учебных ситуациях, где требуется не называние звука, а его включение в более широкий интонационный контекст.

Научная и педагогическая трудность усиливается еще и потому, что психофизиологические данные пока не в полной мере интегрированы в методику вокального обучения. Современные исследования мозговой организации музыкального восприятия позволяют фиксировать особенности корковой активности при распознавании высоты звука, однако путь от лабораторного наблюдения к педагогической технологии остается достаточно сложным. Педагог нуждается не только в констатации различий между учащимися с абсолютным и относительным слухом, но и в понимании того, каким образом выявленные особенности нервной обработки звуковой информации должны влиять на выбор упражнений, темп усвоения материала, способы коррекции интонации, организацию репетиционной работы и принципы подбора репертуара. Без такого перехода научные сведения сохраняют высокий теоретический потенциал, но не всегда получают продуктивное продолжение в образовательной практике.

Отдельного анализа требует вопрос о возможных ограничениях, сопровождающих абсолютный слух. В традиционном восприятии данная способность чаще связывается с преимуществами, однако педагогическое наблюдение обнаруживает и ряд побочных эффектов, влияющих на качество вокального обучения. Одним из них выступает напряжение, возникающее при транспонировании. Учащийся, прочно соотносящий конкретную высоту с определенным названием и устойчивым слуховым образом, может испытывать выраженный внутренний дискомфорт при необходимости исполнять знакомый материал в иной тональности. Перенос мелодии вверх или вниз воспринимается не как естественное изменение звуковысотных отношений, а как нарушение привычной слуховой картины. В подобных случаях певческое внимание смещается с художественной задачи на внутреннее преодоление конфликта между привычным абсолютным эталоном и новым интонационным расположением материала.

Не менее значим аналитический контроль, который у части подростков с абсолютным слухом приобретает чрезмерную интенсивность. Музыкальное восприятие при подобной установке может становиться излишне детализированным и напряженным. Исполнение мелодии сопровождается постоянной внутренней проверкой точности каждого звука, а внимание к целостности фразы, динамическому развитию, тембровой нюансировке и эмоциональному содержанию нередко ослабляется. Вокальное обучение в такой ситуации сталкивается с характерным парадоксом. Высокая точность распознавания звуков соседствует с недостаточной свободой музыкального высказывания. Пение остается выверенным по звуковысотным параметрам, однако выразительность, дыхательная пластика и интонационная естественность требуют отдельной педагогической поддержки.

Когнитивный и эмоциональный анализ занимает в исследовании особое место, поскольку музыкальное исполнение не исчерпывается сенсорной обработкой высоты звука. Наблюдение за особенностями памяти, внимания и эмоционального отклика при исполнении музыкального материала необходимо для понимания того, каким образом подросток с абсолютным слухом усваивает, удерживает и воспроизводит музыкальную информацию. Музыкальная память у данной группы учащихся может иметь свои специфические черты, связанные с более прочным

закреплением звуковысотных эталонов. Внимание также нередко приобретает избирательный характер, концентрируясь преимущественно на точности высоты в ущерб ритмической, динамической или образной стороне исполнения. Эмоциональный отклик может варьироваться от глубокого переживания музыкального содержания до сдержанного, аналитически опосредованного восприятия. Исследовательский интерес в данном случае направлен на выявление тех сочетаний когнитивных и эмоциональных факторов, которые в наибольшей степени влияют на вокальное развитие подростков.

Педагогические предложения, вытекающие из обозначенной проблематики и выбранной методологии, строятся на принципе дифференцированного подхода, соединяющего развитие абсолютного и относительного слуха. Для подростков с абсолютным слухом учебный процесс не должен ограничиваться эксплуатацией уже имеющейся способности к точному распознаванию высоты. Напротив, работа педагога требует последовательного расширения слухового опыта ученика через развитие интервалового мышления, ладового чувства, функционального слуха и интонационного представления музыкальной формы как целостного движения. При подобной организации занятий абсолютный слух перестает выступать как изолированная способность и включается в более широкую систему музыкального мышления.

Организация учебного процесса должна быть направлена на развитие целостного музыкального восприятия, при котором точность интонирования сочетается с художественным осмыслением музыкальной формы. Для подростков с абсолютным слухом данный принцип особенно важен, поскольку их природная склонность к фиксации отдельных высот иногда препятствует восприятию более крупных интонационных и образных единств. Работа над музыкальной формой, смысловыми вершинами, направленностью мелодического движения, внутренней драматургией произведения и логикой эмоционального развития помогает преодолеть фрагментарность восприятия. В результате пение начинает строиться не вокруг отдельных звуков, а вокруг музыкальной мысли, проходящей через весь исполнительский процесс.

Перспектива данного исследования связана с созданием такой педагогической модели, в которой научные сведения о психофизиологии музыкального восприятия получают прямое продолжение в практике вокального образования. Для подростков с абсолютным слухом подобный подход имеет особую ценность, поскольку их обучение требует не упрощенного восхищения редкой способностью и не механического подчинения стандартным программам, а тонкого сочетания диагностики, слухового развития, возрастной психологии и художественного воспитания. При внимательном соединении данных направлений становится возможным выстраивание более точной, гибкой и внутренне согласованной системы вокальной подготовки, ориентированной не только на сохранение достоинств абсолютного слуха, но и на раскрытие полноценной музыкальной личности учащегося.

ЛИТЕРАТУРА

1. Анисимов В.П. Диагностика музыкальных способностей [Текст] / В.П. Анисимов. — М.: ВЛАДОС, 2014. — 130 с.
2. Асеев В.Г. Возрастная психология: учебное пособие [Текст] / В.Г. Асеев. — Иркутск: ИГПИ ДРОФА, 2009. — 456 с.
3. Безбородова Л.А., Безбородова М.А. Актуальные проблемы школьного музыкального образования [Текст] / Л.А. Безбородова, М.А. Безбородова // Вестник Академии права и управления (научный и информационно-аналитический журнал). — № 1 (46). — 2017. — С. 162–166.
4. Березовин Н.А. Основы психологии и педагогики / Н.А. Березовин. — Мн.: Новое знание, 2014. — 336 с.
5. Бочкарев Л.Л. Психология музыкальной деятельности / Л.Л. Бочкарев.
6. Гогоберидзе А.Г., Деркуновская А.В. Детство с музыкой. Современные педагогические технологии музыкального воспитания и развития детей раннего и дошкольного возраста [Текст] / А.Г. Гогоберидзе, А.В. Деркуновская. — М.: Сфера, 2016. — 654 с.
7. Bairnsfather J.E., Mosing M.A., Osborne M.S., & Wilson S.J. (2025). Conceptual coherence but methodological mayhem: A systematic review of absolute pitch phenotyping. Behavior Research Methods, 57(2), 61. doi:10.3758/s13428 024 02577 z.
8. Hsieh I. H., & Saberi K. (2007). Temporal integration in absolute identification of musical pitch. Hearing Research, 233(1 2), 108 116. doi: 10.1016/j. heares.2007.08.005.
9. Leipold S., Greber M., & Elmer S. (2019). Perception and Cognition in Absolute Pitch: Distinct yet Inseparable. Journal of Neuroscience, 39(30), 5839–5841. doi:10.1523/JNEUROSCI.0653 19.2019.
10. Oechslin M.S., Meyer M., & Jäncke L. (2009). Absolute Pitch—Functional Evidence of Speech Relevant Auditory Acuity. Cerebral Cortex, 20(2), 447–455. doi:10.1093/cercor/bhp113.
11. Schulze K., Gaab N., & Schlaug G. (2009). Perceiving pitch absolutely: Comparing absolute and relative pitch possessors in a pitch memory task. BMC Neuroscience, 10, 106. doi:10.1186/1471 2202 10 106.

© Янь Чуньси (1029861728@qq.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2026.04-2.01

ЦЕРКОВНЫЙ ДИСКУРС И ЕГО ОТРАЖЕНИЕ В ТВОРЧЕСТВЕ РУССКИХ КЛАССИКОВ (Н.В. ГОГОЛЬ, Ф.М. ДОСТОЕВСКИЙ, Л.Н. ТОЛСТОЙ, В.И. БЕЛОВ)

Адзиева Эльвира Серажединовна
кандидат филологических наук, доцент, Дагестанский государственный педагогический университет им. Р. Гамзатова, (г. Махачкала)

CHURCH DISCOURSE AND ITS REFLECTION IN THE WORKS OF RUSSIAN CLASSICS (N.V. GOGOL, F.M. DOSTOEVSKY, L.N. TOLSTOY, V.I. BELOV)

E. Adzieva

Summary: The scientific article analyzes the phenomenon of church discourse as a system of speech practices, religious meanings, and aesthetic forms in the context of the Russian literary tradition of the 19th-20th centuries. The relevance of the topic is determined primarily by the need to rethink the spiritual foundations of Russian literature through the prism of linguacultural and hermeneutic approaches. The purpose of the study is to conduct a comprehensive analysis of the mechanisms of integration of church discourse in the works of Russian classics (N.V. Gogol, F.M. Dostoevsky, L.N. Tolstoy and V.I. Belov) and to identify its role in the formation of the authors' ideologemes. The objectives of the study are as follows: to identify the specifics of church discourse in the literary criticism aspect; to determine the levels of presence of religious text (quotational, motivic, genre) in the works of Russian writers; to trace the evolution of the attitude of the classics to the institutional church and the sacred word; to compare the classical tradition of the 19th century with the village prose of the writer V.I. Belova in the context of preserving spiritual continuity. The research methodology is based on the principles of historical and literary analysis, the comparative typological method, and discourse analysis. The theoretical basis is provided by works on philological hermeneutics and the theory of intertextuality. The results of the study confirm that ecclesiastical discourse in Russian classics is not static but serves as a key code for understanding the value hierarchy of Russian fiction.

Keywords: literature, Russian writers, Russian classics, creativity, ancient Russian traditions, church and spiritual succession, text of memory.

Аннотация: В научной статье анализируется феномен церковного дискурса как системы речевых практик, религиозных смыслов и эстетических форм в контексте русской литературной традиции XIX–XX вв. Актуальность темы обусловлена в первую очередь необходимостью переосмысления духовных основ отечественной словесности через призму лингвокультурологического и герменевтического подходов. Цель исследования - провести комплексный анализ механизмов интеграции церковного дискурса в художественных произведениях русских классиков (Н.В. Гоголя, Ф.М. Достоевского, Л.Н. Толстого и В.И. Белова) и выявить его роль в формировании авторских идеологем. Задачи исследования, следующие: выявить специфику церковного дискурса в литературоведческом аспекте; определить уровни присутствия религиозного текста (цитатный, мотивный, жанровый) в творчестве русских писателей; отследить эволюцию отношения классиков к институциональной церкви и сакральному слову; сравнить классическую традицию XIX века с деревенской прозой писателя В.И. Белова в контексте сохранения духовной преемственности. Методология исследования основывается на принципах историко-литературного анализа, сравнительно-типологического метода и дискурс-анализа. Теоретической основой послужили работы по филологической герменевтике и теории интертекстуальности. Результаты проведенного исследования подтверждают, что церковный дискурс в русской классике не является статичным, но служит ключевым кодом для понимания ценностной иерархии русской художественной литературы.

Ключевые слова: литература, русские писатели, русская классика, творчество, древнерусские традиции, церковь и духовная приемственность, текст памяти.

Введение

Церковный дискурс в русской классической литературе XIX–XX веков представляет собой динамическую систему смыслов, эволюционирующую в зависимости от исторического контекста и индивидуальных авторских стратегий: от мистических образов Н.В. Гоголя до этических исканий Л.Н. Толстого и В.И. Белова религиозная проблематика служила не только отражением духовных поисков эпохи, но и являлась инструментом критики социальных пороков [6, с. 69-86]. Так в творчестве рассматриваемых писателей вера предстаёт как живой процесс экзистенциального выбора, а не как набор догматических установок, данный подход позволяет проследить, как секуляризация общества трансформировала саму природу религиозного дискурса в художественной литературе.

Актуальность данного исследования обусловлена современным культурным контекстом, в котором возрождение интереса к религиозным основаниям русской идентичности соседствует с вызовами постсекулярного

общества, а обращение к классической литературе даёт ключ к пониманию механизмов адаптации традиционных ценностей в условиях социальных трансформаций. Также анализ церковного дискурса русских классиков разных эпох помогает выявить универсальные модели осмысления веры, актуальные для современных дискуссий о нравственности, учитывая изложенное, исследование вносит вклад не только в филологию, но и в междисциплинарный диалог о духовных ценностях обществах.

Методологической основой исследования выступает сравнительный анализ ключевых произведений русских писателей с фокусом на специфику церковного дискурса. Данное исследование сочетает историко-литературный подход с элементами дискурсивного анализа, что позволяет выявить как уникальные авторские стратегии, так и общие закономерности развития религиозной мысли, важное внимание автор уделяет эволюции функций религиозных мотивов в контексте сакрализации народного быта у Н.В. Гоголя до этического переосмысления христианства у Л.Н. Толстого, данный метод даёт возможность систематизировать разрозненные наблюдения в единую картину литературного наследия.

Результаты и обсуждение

Обращая внимание на мистические элементы в ранней прозе Н.В. Гоголя, отметим, что они выполняют функцию инструмента для раскрытия нравственных дилемм и тем богоборчества, выдвигая на первый план внутренние конфликты персонажей, где сверхъестественные события и видения не редуцируются до простого триллера, а являются маркерами нравственного выбора и проверки совести, через которые проявляются противоречия человеческой души и отношения индивида к религиозным нормам («эта идея - духовное завещание потомкам законов христианской нравственности») [5, с. 73]. Следует отметить, что художественные приёмы, как например, аллегория и гротескное преувеличение, позволяют мистическому эпизоду выступать как сценическое выражение этической дилеммы и социальной символики [12, с. 31–41]. Подчеркнем, что в ранних произведениях мистицизм как создает атмосферу, так и структурирует дискурс критики, это указывает на переход от благоговейного отношения к религии к более комплексному осмыслению её роли в жизни общества, этот подход закладывает основу для дальнейшего развития религиозной проблематики у писаиеля и в русской литературе в общем.

Кроме того, церковный дискурс в произведении «Мертвые души» функционирует как инструмент социальной сатиры и средство обличения пороков чиновничества, в нем «Розанов раскрыл Н.В. Гоголя и как политического писателя, раскритиковавшего николаевскую Россию, «ревизором» которой стал Александр II [6, с. 27], где через иронию над церковной формой и изображение служителей поэма связывает религиозную риторику с критикой государственной и бюрократической морали, этот прием усиливает политический и социальный аспект сатиры, делая церковный образ маркером структурных недостатков.

Красильникова С.В. считает, что «Его размышления встраиваются в традиционный духовный контекст отечественной литературы. Творения древнерусских книжников подтверждают важнейшую мысль Гоголя о предназначении писателя, о назначении литературы, о ее учительном свойстве» [4, с. 32].

Сама структура и характер диалога с православием в прозе русского писателя Ф.М. Достоевского проявляются как постоянное взаимодействие сомнения и веры, представляемое через полемику героев и повествовательные инстанции, где их голоса и голос рассказчика вступают в сопоставление, в котором богословские аргументы соседствуют с психологическими мотивациями и такая полифоническая организация текста превращает дискурс о вере в пространство спора и испытания, в котором каждая позиция подвергается сомнению и уточнению. И в результате ортодоксальный порядок выступает не только как монолитная доктрина, но и как предмет диалога и нравственного выбора.

Более того, схема спасения через страдание и покаяние в образе И. Раскольникова демонстрирует связь между внутренним признанием вины и возможностью нравственного возрождения, а мотивы его преступления и последовавшего мучительного самоанализа создают психологическую динамику, в которой внешняя ритуалистика оказывается недостаточной для подлинного обращения. Отметим, что центральным моментом этой трансформации становится обращение к Евангелию и последующее покаяние, что в финале произведения открывает возможность выхода из бездны. Автор научной работы Сыромятников О.И. отмечает, что «Прочтение Евангелия от Иоанна и его покаяние в финале символизируют возможность благодати и выхода из бездны через смирение и признание вины (Martinsen, 2011; Nguyen, 2024) [9, с. 35]», в произведении это выстраивает причинно-следственную связь между внутренним смирением и перспективой спасения, демонстрируя, что прощение приходит через личное признание и духовное переживание, а не через формальные церковные обряды [11, с. 234].

Герой И. Карамазов является носителем теодицейной критики, которая ставит под сомнение божественную справедливость перед лицом мирового зла, в то же время, аргументация строится на неприятии гармонии, достигнутой ценой страданий невинных, что подрывает традиционные религиозные оправдания. По мнению Сыромятникова О.И. в главе «Великий инквизитор» — философский монолог Ивана, в котором он отвергает Бога, обвиняя Его в несовершенстве мира и страданиях

детей. Это не просто атеизм — это нравственный протест, идущий из невыносимого сострадания (Namli, 2009; Lajqi, 2024) [9, с. 36].

Русский классик Л.Н. Толстой резко критиковал институт священства как ненужное посредничество между человеком и Богом, в своих трактатах «В чем моя вера» и «Царство Божие внутри вас» писатель обосновывал право каждого на непосредственное понимание Евангелия без церковной интерпретации. Ершова М.А. считает, что «Конфликт с Русской Православной Церковью стал плодородной почвой для публицистических дискуссий, особенно в свете последних обвинений писателя в экстремизме. По-прежнему, и в церковной, и в светской среде идет дискуссия о снятии анафемы с писателя [3, с.1]» и этот радикальный отказ от медиаторской функции клира стал одной из главных причин его отлучения от церкви.

Несомненно, религиозные взгляды Л.Н. Толстого формировались в единстве публицистических трактатов и художественных произведений, в произведении «Воскресение» и повести «Отец Сергий» критика церковного формализма получает конкретное образное воплощение. Наряду с этим, философские работы «Исповедь» и «Критика догматического богословия» систематизируют представления писателя о внеконфессиональном христианстве, а двустороннее раскрытие темы создавало целостную альтернативу официальной церковности, основанную на этическом императиве [9, с. 277].

Так этическая система русского писателя провозглашала непротивление злу, сострадание и социальную ответственность основой религиозного преображения общества, он утверждал, что подлинное христианство должно реализовываться через конкретные нравственные поступки в повседневной жизни. Протоиерей Ореханов Г. справедливо отмечает, что «Толстой неожиданно встал перед Европой во весь свой гигантский рост и властно спросил “одуревших” от успеха внешней культуры людей о том, что, казалось, они должны были знать прежде всего: зачем они живут? … [7, с.18]» и этот вопрос стал центральным для его социально-религиозной концепции.

Кроме того, социальное влияние толстовской этики проявилось в возникновении религиозно-философских кружков и обострении дискуссий о роли церкви, его идеи стимулировали переосмысление соотношения нравственности и догматики в общественном сознании [10, с. 68–86]. Аванесян И.Б. в своих трудах обращает внимание на то, что «Классический реализм находит выход в душевно-телесной сфере, в преображении политической, экономической жизни, а духовный реализм, по утверждению А.М. Любомудрова, “в обожении материи, одухотворении чувственной, эмоциональной, мыслительной сфер” [1, с.14]», данная концепция отражает преобразовательный потенциал толстовских идей.

Изучая произведение «Привычное дело» В.П. Белова отметим, что он воспроизводит элементы гоголевской мистики через бытовые образы и символы деревенской жизни, в которой малые предметы, ритуалы и описания природы функционируют не только как реалистические детали, но и как знаки, на которых накапливается сакральное значение, эта семиотика позволяет сохранить атмосферу фольклорно-мистического страха и благоговения, характерную для раннего Н.В. Гоголя, в условиях позднесоветского деревенского пространства [2, с. 23-29].

Таким образом, наследие Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого в произведении «Привычное дело» проявляется в сочетании богоискательских мотивов с этическими проблемами повседневности. Герои В.И. Белова переживают внутренний поиск и моральное самоопределение в контексте общинных отношений и церковных практик, что перерабатывает достоевскую проблематику духовного искания. В то время как толстовская этика простоты и внимания к нравственной стороне жизни в данном случае выступает как ориентир, по которому персонажи выстраивают свою позицию по отношению к православию.

Выводы

Таким образом, церковный дискурс в творчестве русских классиков раскрывается как динамичная смыслообразующая система, преодолевающая рамки догматической статичности: от гоголевского синтеза мистики и социальной сатиры до толстовского этического переосмысления христианства и выступает инструментом исследования экзистенциальных противоречий. Данная трансформация отражает эволюцию от коллективных форм религиозности к личному духовному поиску в условиях секуляризации, демонстрируя адаптацию сакрального к меняющемуся культурному ландшафту.

Проведенный анализ произведений русских классиков подтвердил гипотезу о целостности церковного дискурса как структурного элемента русской литературной традиции, а сочетание текстологического и историко-культурного методов позволило выявить синергию между индивидуальными авторскими стратегиями и обще интеллектуальными процессами, что снимает проблему фрагментарности интерпретаций, доказывая, тем самым что религиозные мотивы выступали не только фоном, но и активным участником формирования национального культурного кода, также полученные результаты значимы для теории литературы и культурологии, раскрывают механизмы взаимодействия религиозного и художественного сознания, а выявленные закономерности создают основу для осмысления современных духовных поисков в контексте постсекулярного общества, проведенное исследование открывает перспективы для дальнейшего изучения диалектики сакрального и профанного в произведениях разных эпох.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аванесян И.Б. Проблемы изучения духовного реализма как художественного метода в современном литературоведении // Филологические науки. 2013. № 2. С. 13–15.
2. Головушкин Д.А. Русская революция и ее религиозно-исторический смысл в полемике церковных и внецерковных реформаторов начала XX века. С. 23–29.
3. Ершова М.А. Религиозные идеи Л.Н. Толстого в современной российской прессе // Конференция «Ломоносов 2012». Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова. Москва, 2012. – С. 1–2.
4. Красильникова С.В. Традиции церковной прозы в автобиографическом дискурсе XIX века (Н.В. Гоголь и святитель Игнатий Брянчанинов) [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2014. №1. URL: http:// langpsy.ru/journal/2014/1/Nurmuhhmetov.phtml (дата обращения: 17.02.2026).
5. Красильникова С.В. Аспекты влияния традиций церковного дискурса в автобиографической прозе XIX в. // Исследовательский журнал русского языка и литературы. 2013а. № 1 (1). С. 59–74. EDN: YRWZXN.
6. Малкина А.В. Рецепция религиозного опыта Гоголя и Достоевского в трудах Семена Франка и Павла Евдокимова // Актуальные вопросы церковной науки. 2024. №1. С. 194–197.
7. Ореханов Г. - Лев Толстой - Пророк без чести - хроника катастрофы. Москва: Эксмо, 2016. - 608 с.
8. Редькин В. (2020). Духовный реализм как литературоведческая категория. Исследовательский Журнал Русского Языка и Литературы, 8(2), 69–86.
9. Сыромятников О.И. Православие в художественном мире романа Ф.М. Достоевского «преступление и наказание» // Вестник ННГУ. 2008. №6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravoslavie-v-hudozhestvennom-mire-romana-f-m-dostoevskogo-prestuplenie-i-nakazanie (дата обращения: 08.02.2026).
10. Хондзинский П., прот. Н.В. Гоголь как представитель Laientheologie // Христианство и русская литература: Сборник восьмой / отв. ред. В.А. Котельников и О.Л. Фетисенко. СПб., 2016. С. 68–86.
11. Юшковский В.Д. Батеньков в Томске / В.Д. Юшковский. - Томск: UFO-Plus, 2007. - 360 с.
12. Ganbarova N., Abbasov N. Вера и сомнение в романах Достоевского: духовная борьба человеческой души // Euro-global journal of linguistics and language education. 2025. №3. С. 31–41.

© Адзиева Эльвира Серажединовна (....).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2026.04-2.02

ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ ИНТЕНСИФИКАТОРЫ КАК ПОКАЗАТЕЛИ МНОГОКРАТНОСТИ ДЕЙСТВИЯ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

NUMERATIVE INTENSIFIERS AS INDICATORS OF MULTIPLICITY OF ACTION IN RUSSIAN AND CHINESE

Bai Yue

Summary: This article is devoted to a comparative study of the functioning of numerals in expressing the multiplicity of action in Russian and Chinese. Based on the analysis of linguistic data, differences are identified in the symbolism of the numbers two, three, seven, and nine as indicators of the intensity of an action or a property. Special attention is paid to the influence of folkloric, religious (Christian, Taoist-Confucian), as well as numerological traditions on the formation of culturally specific models for interpreting multiplicity. Numerals function not only as quantitative indicators but also as elements of a cultural code reflecting the specificity of the national linguistic worldview and the ways of conceptualizing the degree of action repetition. The object of the study is the means of expressing the intensity of action and property through numeral intensifiers. The research methods are based on an onomasiological approach to the analysis of linguistic units.

Keywords: numerals, multiplicity of action, intensifier, numerical symbolism, Russian language, Chinese language.

Бай Юе
Аспирант, Московский государственный университета имени М.В. Ломоносова
bynelee@gmail.com

Аннотация: Настоящая статья посвящена сопоставительному исследованию функционирования числительных для выражения многократности действия в русском и китайском языках. На основе анализа языкового материала выявляются различия в символике чисел два, три, семь и девять как показателей интенсивности действия или признака. Особое внимание уделяется влиянию фольклорной, религиозной (христианской, даосско-конфуцианской), а также нумерологической традиций на формирование культурно-специфичных моделей интерпретации многократности. Числительные выступают не только количественными показателями, но и элементами культурного кода, отражающими специфику национальной языковой картины мира и способы концептуализации степени повторяемости действия. Предметом исследования являются способы выражения интесивностей действия и признака при помощи числительных-интенсификаторов. Методы исследования основывались на ономасиологическом подходе к анализу языковых единиц.

Ключевые слова: числительные, многократность действия, интенсификатор, числовая символика, русский язык, китайский язык.

Числовой символизм по-разному проявляется в мировых культурах. Восприятие чисел в различных культурах имеет свои специфические особенности, поскольку число, являясь элементом национальной языковой картины мира, обладает не только символикой и семантикой, но также функционирует как культурный код. Восток и Запад по-разному подходят к символике числа. Исследование символики числа, присущей той или иной культуре, позволяет точнее интерпретировать в том числе способы выражения многократности действия, состояния, которые выражаются в специфических структурах языка. О необходимости «...вникнуть в природу мира значений в той мере, в какой этот мир отражается и систематизируется в языковой структуре» писал Э. Сепир [9, с. 86], эта способность «видеть по-своему» отображается в национальной языковой картине мира, присущей только данному языку.

В русской и китайской культурах одни и те же числительные обладают различным культурным кодом. Так, способы выражения количественных значений в русском языке сохраняют реликтовые черты древних индоевропейских представлений, в которых граница между «один» и «много» не была строго фиксированной. Эти архаические модели продолжают оказывать влияние на синтаксические структуры, отражающие значения количественности и кратности в современном русском языке [3, с. 165].

Проблема выражения многократности действия/состояния посредством числительного привлекла внимание многих китайских лингвистов, например Мэн Цинжун, Хуан Цинхуа. Мэн Цинжун отмечает, что числительные в языке выполняют не только счётную функцию, но и служат носителями культурных значений, выражая степень, интенсивность и многократность действия. Исследования показывают, что предпочтение определённых чисел в языке обусловлено историческими, религиозными и философскими факторами и наиболее ярко проявляется в устойчивых выражениях и фразеологии [4, с. 11]. Хуан Цинхуа, сопоставляя русскую и китайскую традиции, подчёркивает принципиальные различия в оценке чисел, отражающиеся в способах выражения многократности. В русском языке ключевыми показателями выступают числительные «три» и «семь», тогда как в китайском языке аналогичную функцию выполняют

«три» и «девять», что свидетельствует о культурно обусловленной символической природе чисел [8, с. 139]. Настоящая статья направлена на изучение сходств и различий в функционировании числительных при выражении многократности в русском и китайском языках, а также на выявление культурно-исторических факторов, обусловивших формирование этих различий.

1. Многократность и числовая символика в русской традиции

1.1. Числительное «семь» как показатель предельной многократности

Предпочтение числа «семь» в русской языковой и философской традиции имеет мифологические и определённые религиозные основания. Рассмотрим функционирование числа «семь» как показателя многократности и высокой интенсивности действия.

В устойчивых выражениях русского языка числительное «семь» обычно передаёт значения «много», «часто», «многократно», при этом оно не выражает точного количества, а выступает семантическим индикатором множественности. Это связано, с одной стороны, с мифологическими дохристианскими представлениями, с другой - с христианским символизмом: согласно Библии, Бог творил мир в течение семи дней. Поэтому число «семь» ассоциируется с завершённостью, полнотой, высшей степенью и предельностью. В выражениях многократности оно обозначает не просто «часто», но «в высшей степени» [10, с. 406].

Значение многократности, выраженное числительным *семь*, можно увидеть в различных русских пословицах и поговорках:

«Семь раз отмерь, один раз отрежь» - перед принятием решения необходимо *многократно* и тщательно всё обдумать.

«Семь потов сошло» - приложить максимальные, *многократные* усилия.

«Книга за семью печатями» - нечто непонятное, закрытое, труднодоступное; *многократно* спрятанное.

«Семь разъ поплюй, а за столомъ не сиди» - чрезмерно суеверничать, предпринимать *многократные* предосторожности вместо реальных действий.

«По чѣмъ нанялись? - Да семь дней работы, а спать на себѣ.» - работать постоянно, без отдыха.

«Служилъ семь лѣтъ, выслужилъ семь рѣпъ.» - долго и усердно трудиться, но получить ничтожный или плохой результат.

«И праведникъ седмѣжды въ день падаетъ.» - даже самый праведный человек может *многократно* ошибаться или согрешить

«Хоть семью подой, такъ каша съ водой.» - сколько ни прилагай усилий, результат остаётся скудным и бедным [16, с. 173].

1.2. Числительное «три» как показатель многократности

Число «три» также активно употребляется для выражения частотности или повторяемости.

В языковом сознании носителей русского языка представление о множестве связано прежде всего не с числительным *два*, а с числительным *три*. «Двойка» сохраняет особый, промежуточный статус между единицей и множеством, тогда как именно *три* начинает осмысляться как показатель собственно множественности/многократности [2, с. 98].

В историческом развитии русского языка числительное *три* нередко утрачивает счётное значение и переосмысливается как показатель интенсивности или большого количества. В XVII в. числительное *три* претерпело семантическую переинтерпретацию и стало функционировать как словообразовательный префикс с интенсифицирующим, превосходным значением. В результате данного процесса сформировался ряд лексем, в которых компонент *тре* (одна старых падежных форм числительного) утратил строго количественный смысл и стал показателем высокой степени или усиления, что находит отражение, в частности, в таких словах, как *трезвон, треугольник, тресвятый, треклятый* [1, с. 45–49]. Подобная семантическая эволюция закрепляется как в словообразовании, так и в лексической семантике, что позволяет рассматривать тройку как перехода от единичности к множеству.

Многократность действия, интенсификатором при которой выступает тройка, отражается в следующих пословицах, устойчивых выражениях русского языка:

«До трёх раз прощай! Три раза прости - в четвёртый похворости!»

«Будь я трижды проклят - многократное подтверждение.

«Трижды сказано - трижды сделано»

«Дважды прощают, а по третьему карают»

«По третьему разу всегда выходит оно» [16, с. 441].

В русской фольклорной традиции, в частности в сказках, особую роль приобретает троекратность как показатель повторяемости действия, его интенсивности. Одной из отличительных черт сказки является трёхкратное повторение: событие повторяется три раза, что создаёт ступенчатое развитие сюжета и усиливает смысл. Как отмечал В.Я. Пропп, тенденция к троекратному построению настолько глубоко укоренилась в структуре волшебной сказки, что она способна преобразовывать даже отдельные мотивы. Утроение нередко возникает не из внешних источников, а как внутренний механизм самой сказки: если сюжет предполагает один "пороговый" эпизод, сказка превращает его в три, формируя три испытания, три попытки или даже три «царства». В.Я. Пропп

подчёркивал, что «повторяемость в три этапа играет организующую и смыслообразующую роль - она задаёт ритм повествования, структурирует путь героя и помогает выделить конечный, кульминационный третий этап как момент достижения цели» [6, с. 286].

Так, например, в русской народной сказке «Марья Моревна» принцип троекратности реализуется на разных уровнях повествования. С точки зрения системы персонажей Иван-царевич трижды проявляет милосердие, поочерёдно пощадив птицу, льва и змея. Эти три действия образуют функционально восходящую последовательность: каждый акт доброты получает последующее вознаграждение и находит продолжение в дальнейшем развитии сюжета.

На уровне сюжета троекратность проявляется также в трёх неудачных попытках спасения Марьи Моревны. Повторяющиеся поражения героя соответствуют положению В. Я. Проппа о том, что «прибытие три раза невозможно (ему должны были бы предшествовать возвращение и новая отправка)», и отражают типичную для сказки модель постепенного нарастания напряжения и подготовки к последующему перелому в развитии действия [6, с. 365].

Аналогичную роль троектратности мы видим в сказке «Ивашко и Баба-Яга» отчетливо реализуется принцип троекратности. Гусиная стая появляется трижды, и лишь при третьем появлении происходит спасение Ивашки. Данная троекратность не представляет собой простое количественное повторение, а обладает выраженным функциональным значением, реализуя структурную модель «неудача-неудача-успех» и обеспечивая поступательное, поэтапное развитие сказочного сюжета.

Троекратность как интенсификатор действия находит отражение и в русской литературной традиции:

В сказке А. Пушкина «О рыбаке и рыбке» старик ловит золотую рыбку именно в третий раз.

В рассказе М. Шолохова «Судьба человека» герой трижды теряет и трижды обретает близких, трижды оказывается ранен - тройственность структурирует весь сюжет.

1.3. Числительные *два* и существительное *пара* как показатели слабой многократности

Числительные *два — четыре* склонны утрачивать точную количественную определённость и нередко используются для обозначения неопределённого, ограниченного количества. Границы так называемого «малого множества» (два-три-четыре) подвижны. В результате такая семантическая размытость сближает данные числительные с выражением повторяемости действия. Именно эта зона «малого множества» создаёт предпосылки для перехода от счётного значения к функционированию числительных как интенсификаторов [2, с. 99].

Приезжая сюда максимум два-три раза в год, вы по-прежнему считаете Мариинский своим театром?

Позднее, беседуя с корреспондентом столичной газеты «Ил товчоо» о событиях, имевших место в марте 1990 г., Жамбын Батмунх сказал: «В то время политбюро заседало по два-три раза в день» [НКРЯ].

В русском языке существительное *пара* нередко выходит за пределы своего прямого количественного значения (‘два’) и употребляется для выражения небольшого, незначительного количества. Словарь Даля определяет пару как «два предмета, почему-либо взятые вместе, заодно» [16, с. 17].

В современном русском языке такая функция весьма распространена и во многом грамматикализована, превращаясь в своеобразный маркер значения «немного», «слегка». Например:

«*Сказать пару слов*» - сказать немного, буквально несколько слов;

«*Сделать пару шагов*» - немного пройтись, чуть-чуть сдвинуться с места;

«*Взглянуть пару раз*» - посмотреть несколько раз, но очень немного.

В этих выражениях *пара* не акцентирует точное количество (‘два’), а ослабляет количественную составляющую и подчеркивает лёгкость, кратковременность или незначительность действия. Таким образом, данная единица в русском языке выполняет функцию выражения слабой многократности (ослабленной итеративности): действие повторяется, но минимально, несущественно. Функциональная параллель «два-пара» чрезвычайно показательна для сопоставления русской и китайской концепции слабой многократности.

Многократность и числовая символика в китайской традиции

В китайском языке числительные, выражающие многократность, образуют иерархическую систему по степени интенсивности. Наивысшую, предельную многократность репрезентирует числительное *девять* (九), символизирующее максимум и завершённость. Средняя степень многократности связана с числительным *три* (三), обладающим базовым философским статусом и выражающим повторяемость как целостный цикл. Числительное *семь* (七) занимает особое положение, маркируя интенсивную, но хаотичную и негативно окрашенную множественность. Слабая многократность выражается числительным *два* (两), которое в глагольных конструкциях утрачивает точную счётность и передаёт умеренную повторяемость действия.

В китайском языке широко распространены выра-

жения, где «*семь...восемь...*» выражают хаос, беспорядок, дезориентацию:

«*На семь и на восемь*» (кит. 七零八落) – разбросано, в беспорядке [15, с. 910].

«*Семь вверх - восемь вниз*» (кит. 七上八下) – душевное беспокойство [15, с. 910].

«*Семь рук - восемь ног*» (кит. 七手八脚) – суматошно [15, с. 911].

«*Семь склеить - восемь поднабрать*» (кит. 七拼八凑) – кое-как собрать [15, с. 910].

Об этом говорится и в «Чжоу и»: «Великий Предел (тайцзи) порождает два начала (инь и ян), два начала порождают четыре образа». Четыре образа соответствуют следующим состояниям: «младший ян» (кит. 少阳), «младший инь» (кит. 少阴), «старший ян» (кит.老阳) и «старший инь» (кит. 老阴). В числовой системе символов «И цзина» младший ян соотносится с числом *семь*, младший инь - с числом *восемь*, и они выполняет функцию поддержания равновесия инь и ян» [12, с. 3].

В китайской культуре выражение в «высшей степени» обычно связано с числами *три* и *девять*, чьи культурные значения восходят к древнекитайской философии – даосизму и «И цзину».

2.1. Числительное *девять* как показатель предельной многократности

В «И цзине» числа делятся на ян (нечётные) и инь (чётные): «Нечётное относится к ян, чётное- к инь». Число *девять* наибольшее нечётное число и является символом силы, полноты, высшего предела, долголетия и многократности [14, с. 1].

Рассмотрим примеры:

Паремия «*девять смертей-одна жизнь*» (кит. 九死一生) означает пройти через множество смертельных испытаний [15, с. 656].

«*Душа изломана девять раз*» (кит. 九曲回肠) имеет значение глубочайшей печали. Здесь также выражена многократность действия «изломать» [15, с. 656].

В китайском языке существует также выражение сверхмногократности. Этот своеобразный элатив выражается числительным восемьдесят один. Восемьдесят одно испытание в «Путешествии на Запад», где 9×9 символизирует сверхмногократность (кит. 九九八十一难) [15, с. 1055].

2.2. Числительное три как основа многократности в китайской философской традиции

В «Дао дэ цзине» говорится: «Дао порождает единое; единое порождает два; два порождают три; три порождают всё сущее» (кит. 道生一，一生二，二生三，三生万物) [11, с. 224].

Сюй Шэнь в «Шовэнь цзецзы» писал: «Три есть путь Неба, Земли и Человека». Таким образом, *три* символизирует порождающую силу мира, поэтому в китайском языке оно часто выражает многократность, повторяемость, «несколько раз» [13, с. 303].

Примеры:

«Ошибка не должна повторяться более трёх раз» (кит. 事不过三) то есть нельзя допускать одну и ту же ошибку более трёх раз [15, с. 1162].

«Подумай три раза прежде, чем действовать» (кит. 三思而行) значит прежде чем действовать, нужно всё как следует обдумать [15, с. 1061].

«Трижды сломав руку, становишься хорошим врачом» (кит. 三折肱而为良医) значит многократно терпя неудачу, человек становится мастером [15, с. 1064].

В китайском языке «три» часто используется вместе с другими числами в структуре «три…два/четыре/пять…», выражая высокую частотность:

«*Три дня ловить рыбу, два дня сушить сеть*» (кит. 三天打鱼，两天晒网) значит отсутствие постоянства [15, с. 1060].

«*Три четыре раза перевернуть*» (кит. 三番四覆) значит многократные изменения решения [15, с. 1055].

«*Три приказа- пять напоминаний*» (кит. 三令五申) значит неоднократно приказывать, строго напоминать [15, с. 1058].

2.3. «Двойственность» и слабая многократность: «два/дважды» в китайском языке

В китайском языке существует структура типа «глагол+два», которая имеет ослабленную, вежливую, лёгкую интенсивность, а не точную счётность:

«*Сказать пару слов*» (кит. 说两句) значит сказать немного.

«*Взглянуть пару раз*» (кит. 看两眼) значит посмотреть мельком.

«*Ударить пару раз*» (кит. 打两下) значит слегка ударить.

В этом плане китайская модель сближается с русской моделью слабой интенсивности.

По У Хуайчэн, деятельные количественные морфемы могут выражать как «счётные», так и «несчётные» значения [8, с. 56]. В таких структурах «два» (кит. 两) функционирует как элемент с неопределённым, несобственно-количественным значением, снижает конкретность числа и передаёт умеренность действия.

Заключение

Русская и китайская культуры создают разные модели интерпретации многократности, основанные на различных философских традициях:

Низкая степень многократности выражается числом

два в обоих языках.

Средняя степень многократности выражается числом *три*, однако основание этой тройственности различно: фольклорное в русском, философско-даосское в китайском.

Высшая степень многократности выражается: в русском - числом *семь* (полнота, завершённость, предельность), а в китайском - числом *девять* (максимум, старший ян).

Семантика числа *семь* кардинально расходится: в русской культуре многократность выражается преимущественно через числа *три* и *семь*, связанные с христианской и фольклорной традицией; в китайской культуре многократность опирается на даосско-конфуцианскую числовую философию, где ключевыми являются *три* и *девять*, а число *семь* обладает негативной семантикой.

Числа выступают не только показателями количества, но и символами культурных смыслов, формирующих национальную картину мира и способы осмысления категории многократности в двух языках.

ЛИТЕРАТУРА

1. Глаздовская В.В. Из истории сложных глаголов с корнем числительного три // Белорусско-русско-польское сопоставительное мовазнаўства. Витебск, 1993. с. 45–49
2. Гордиевская М.Л. Количественные антиномии в современном русском языке. Логический анализ языка. Числовой код в разных языках и культурах. Книжный дом «ЛИБРОКОМ» Москва. 2014. с. 96–105
3. Гордиевская М.Л. Реликты индоевропейских количественных значений в современном русском языке. The Indo-European Legacy in Language and Culture: Selected Iissues — Индоевропейское наследие в языках и культурах:Wydawnictwo Uniwersytetu Warmińsko-Mazurskiego w Olsztynie Olsztyn. 2020. с. 165–182.
4. Мэн Ц. Лингводидактическое описание цифр «Семь» и «Девять» в русском и китайском языках. Вестник РУДН. Серия: Вопросы образования. Языки и специальность. 2008. № 3. с. 11–15
5. Фольклорные сокровища Московской земли. Т.3. Сказки и несказочная проза / Под ред. Гацака.В.М. М.: Наследие, 1998. 368 с.
6. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л.: ЛГУ. 1986. 368 с
7. У Х. Проблема выбора порядка слов между глаголом и объектом при использовании глагольных количественных морфем. Китайский язык. 2011. №1. с. 56–61
8. Хуан Ц. Симпатия и антипатия к числам в русской и китайской культурах. Вестник московского государственного областного университета. 2010. № 3., с. 138–144.
9. Sepir E. Yazyk. Izbrannye trudy po yazykoznaniyu i kulturologi. M.: Progress, 1993.
10. Абабайкэжи Гулимижэ. Символика числа «семь» в русской и китайской культуре. Молодой ученый, 2017. с. 406–408
11. Лао-цзы; пер. и коммент. Чжан Ц, Чжан С. Дао дэ цзин. Пекин: Чжунхуа шуцзюй, 2021. 396 с. (老子; 张景，张松辉译注. 道德经.北京: 中华书局,2021. 396р)
12. Чжао Ц, Чэнь Г. Чжоу и: современный комментарий и перевод. Пекин: Коммерческое издательство, 2005. 763 с. (赵建伟，陈鼓应. 周易今注今译.北京: 商务印书馆,2005. 763р)
13. Сюй Ш; под ред. У С. Иллюстрированный «Шовэнь цзецзы». Сиань: Издательство Шэньсийского педагогического университета, 2010. 509 с. (许慎著; 吴苏仪编. 图解说文解字.西安: 陕西师范大学出版社,2010. 509р)
14. Дун Л. Читая и постигая «И цзин». Пекин: Китайское издательство зарубежных китайцев, 2005. 307 с. (边读边悟《易经》/ 东篱子解译. 北京：中国华侨出版社，2005. 307р)
15. Ван С. Большой словарь китайских идиом: карманное издание. Пекин: Издательство преподавания китайского языка, 2016. 2079 с (汉语成语大词典：口袋本. 王兴国编著. 北京：华语教学出版社，2016. 2079р)
16. 16. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В.И. Даль. – Репринт. воспр. изд 1880–1882 гг. – Москва: ТЕРРА, 1994–1995.

© Бай Юе (bynelee@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2026.04–2.03

ОБЗОР НА ТЕОРИЮ МЕНТАЛЬНЫХ ПРОСТРАНСТВ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ТЕКСТА

THE MENTAL SPACES THEORY IN TRANSLATING WRITTEN TEXTS

D. Balaganov
T. Gorsheneva

Summary: The theory of mental spaces in translation from one language to another is considered in this article. Approaches to the theory of mental spaces are analyzed, key concepts that provide a basis for understanding how people construct and process meaning are identified. An analysis of the theory of mental spaces by Gilles Fauconnier and Mark Turner is presented, which is a cognitive framework that provides an uncommon prospect on how people process and represent information in their minds. Translation requires careful interpretation of context and meanings, as well as an understanding of cognitive models, which emphasizes the importance of frames as «conceptual pockets» for organizing information. The article highlights the need for further research to deepen the understanding of cognitive processes and their impact on language and communication. There is also a risk of misinterpretation in the process of integrating mental spaces, which can lead to errors in the transmission of meaning. The theory of mental space is considered by the authors as an important tool for studying complex cognitive mechanisms that contribute to the creation and understanding of meaning in various contexts.

Keywords: mental space theory, concept, cognitive processes, conceptual integration, frames, conceptual mapping, translation.

Балаганов Дмитрий Владимирович
Доктор филологических наук, Военный университет Министерства обороны Российской Федерации
dmitryrus@yandex.ru
Горшенева Татьяна Александровна
Преподаватель, Военный учебно-научный центр Сухопутных войск Общевойсковая ордена Жукова академия Вооружённых Сил Российской Федерации
tati-imp@yandex.ru

Аннотация: В статье рассмотрена теория ментальных пространств при переводе с одного языка на другой. Проанализированы подходы к теории ментальных пространств, выявлены ключевые концепции, которые обеспечивают основу для понимания того, как люди строят и обрабатывают смысл. Представлен анализ теории ментальных пространств Ж. Фоконье и М. Тернера, являющейся когнитивной основой, которая обеспечивает уникальную перспективу того, как люди обрабатывают и представляют информацию в своих умах.

Перевод требует тщательной интерпретации контекста и смыслов, а также понимания когнитивных моделей, что подчеркивает важность фреймов как «концептуальных карманов» для организации информации. В статье подчеркивается необходимость дальнейших исследований для углубления понимания когнитивных процессов и их влияния на язык и коммуникацию. Также отмечается риск неверной интерпретации в процессе интеграции ментальных пространств, что может привести к ошибкам в передаче смысла. Теория ментального пространства рассматривается авторами как важный инструмент для изучения сложных когнитивных механизмов, способствующих созданию и пониманию значения в различных контекстах.

Ключевые слова: теория ментального пространства, концепт, когнитивные процессы, концептуальная интеграция, фрейм, концептуальное картирование, перевод.

Теория ментального пространства, также известная как теория фреймов, это когнитивно-лингвистическая система, которая исследует, как люди используют ментальные пространства для организации, обработки и передачи смысла. Эта теория, первоначально предложенная Ж. Фоконье и М. Тернером в конце 20-го века, получила значительное внимание в различных областях, таких как лингвистика, психология, философия и коммуникационные исследования. Основополагающая работа, которая положила основу для этой теории, это их книга «Концептуальная интеграция и формальное выражение», опубликованная в 1998 году. В этой важной книге Фоконье и Тернер представили концепцию ментальных пространств как познавательные конструкты, которые люди используют для организации и обработки смысла [Fauconnier, G., Turner, M. 1998: 259–284].

Идея ментальных пространств уходит корнями в различные дисциплины, включая лингвистику, психологию, философию и когнитивную науку. Фоконье опирался на свою специализацию в лингвистике и философии, в то время как Тернер был экспертом в когнитивных науках и литературоведении. Они объединили свои междисциплинарные знания и идеи для разработки теории ментальных пространств, которая с тех пор получила значительное внимание и широко применялась в различных областях.

Ранняя работа Фоконье по концептуальной интеграции, метафоризации и концептуального фрейминга дала основу для теории ментальных пространств. Он утверждал, что люди используют концептуальное смешение, когнитивный процесс, который включает смешивание различных ментальных пространств для создания новых значений в их повседневном мышлении и общении. Исследования Тернера по когнитивным процессам в ли-

тературных исследованиях, включая роль метафоры и повествования, также внесли вклад в развитие теории. Работа Фоконье и Тернера по ментальным пространствам оказала влияние на различные области исследований. Их теория была применена в лингвистике, где она использовалась для анализа метафоры, грамматики и дискурса. Она также применялась в психологии, где использовалась для изучения мышления, восприятия и творчества [Gibbs, R. W., 1994; Oakley T., Coulson A., 2005]. Кроме того, теория использовалась в философии для изучения таких понятий, как смысл, связи и истина [Margolis, E., Laurence, S., 2015].

Теория ментального пространства утверждает, что люди создают ментальные пространства, которые являются когнитивными конструктами, позволяющими им мысленно структурировать и представлять сложные концепты, впечатления и ощущения. Эти ментальные пространства служат «концептуальными карманами» или «фреймами» в уме, где люди классифицируют и дают смысл информации на основе их когнитивного и эмпирического опыта [Fauconnier, G.: xxxix].

Согласно Фоконье и Тернеру, ментальные пространства динамичны и гибки, поскольку они могут быть построены, доработаны, изменены и смешаны для принятия новой информации или взглядов [Fauconnier, G., Turner, M., 1998: 259–284].

Ментальные пространства также могут взаимодействовать друг с другом, формируя сложные сети взаимосвязанных концептов и рамок. Например, когда люди сталкиваются с новой ситуацией, они могут создавать ментальное пространство, которое объединяет их прошлый опыт, убеждения и эмоции, чтобы дать смысл нынешней ситуации. Ментальные пространства - инструменты, которые помогают нам понимать мысли и идеи других людей и выражать свои собственные [Fauconnier, G., Turner, M., 2002: 63].

Теория ментального пространства применяется в различных областях, включая язык и коммуникацию. Например, исследования показали, что люди используют ментальные пространства, чтобы структурировать и передавать смысл в языке, например, через метафору [Fauconnier, G., Turner, M., 2002: 141]. Например, фраза «время - деньги» призывает к ментальным пространствам бизнеса и экономики, чтобы говорить об абстрактном понятии времени. Ментальные пространства также используются в нарративном анализе и дискурс-анализе, поскольку они дают представление о том, как люди создают смысл при переводе текста посредством переработки историй, рассказов и повествований других людей [Oakley T., Coulson A., 27–50].

Теория ментального пространства предлагает ценную основу для понимания того, как люди структурируют и формируют смысловые значения в своих познавательных и лингвистических процессах. Эта теория подчеркивает динамическую и гибкую природу ментальных пространств, их роль в организации и передаче смысла в языке и общении. Дальнейшие исследования теории ментального пространства углубят наше понимание человеческого когнитивного, языкового и коммуникационного процесса, а также их применение в различных областях знаний.

Концептуальные основы теории ментального пространства основаны на когнитивной лингвистике, которая исследует, как люди используют язык для представления и обработки смысла. Теория ментального пространства предполагает, что люди создают отдельные когнитивные конструкции, позволяющими им структурировать и организовывать сложные концепты и опыт [Fauconnier, G., Turner, M., 1998: 259–284].

Ядром теории ментального пространства является концепция концептуальной интеграции, которая включает в себя смешивание различных ментальных пространств для создания новых значений. В результате подобного синтеза происходит интеграция отдельных аспектов фреймов исходных пространств, что в конечном итоге приводит к формированию новой концептуальной модели. [Калинин, 2022: 62]. Фоконье и Тернер утверждают, что люди вовлекаются в этот когнитивный процесс смешивания, когда они сталкиваются с новой информацией или нуждаются в понимании сложных ситуаций. Например, когда люди сталкиваются с метафорой, они создают ментальное пространство, которое объединяет исходную область или оригинал (например, «время - деньги») и целевую область - перевод (например, «время»), чтобы создать новый смысл [Fauconnier, G., Turner, M., 2002: 141]. Этот процесс концептуальной интеграции позволяет людям делать связи между, казалось бы, несвязанными понятиями и создавать новые представления и открытия, приносящие более глубокое понимание при переводе.

Контекст в процессе перевода представляет собой обширное поле, служащее фундаментом для межкультурного диалога. Мы солидарны с точкой зрения О.И. Калинина, который считает, что одного контекста недостаточно. Контекст приобретает смысл и значение только тогда, когда он «отражается в сознании участников коммуникации» [Калинин, 2022: 66].

Следовательно, можно сделать вывод о том, что хотя переводчик не является непосредственным участником общения, его роль в процессе перевода очень важна. Он должен не только хорошо знать язык, но и понимать контекст и смысл текста, чтобы обеспечить точность и адекватность перевода. В процессе работы переводчика

происходит сложная трансформация нейронных сетей, которая включает в себя формирование новых синоптических соединений и изменение силы уже существующих нейронных связей [Калинин, 2022: 66].

Пространство, которое занимают две и более культуры, а также уровень их взаимодействия зависят от того, насколько глубоко мы понимаем когнитивные модели в культурологии. Это совокупность знаний, которые организованы в виде схем и представляют собой систему связанных идей в определённой области концептуального пространства конкретной культуры [Заботкина, 2020].

В процессе межкультурного взаимодействия некоторые специфические черты языка и культуры одного народа могут быть восприняты адекватно представителем другого народа, включая переводчиков, при условии, что носитель языка способен адаптировать фрейм своей культуры к фрейм другой культуры. Иными словами, в процессе межкультурного общения необходимо избегать ассимиляции одной культуры другой. Гармоничное межкультурное взаимодействие предполагает «подстройку» двух культур с целью взаимного принятия того, что не является частью фрейма [Заботкина, 2021]. Фрейм является еще одним фундаментальным понятием в теории ментального пространства. Фоконье утверждает, что фрейм, включающий использование ментальных пространств для структурирования и классификации информации на основе когнитивного и эмпирического опыта, люди используют для того, чтобы понять мир и передать смысл [Fauconnier, G.: xxiii]. Фреймы — это как «концептуальные карманы» или «когнитивные контейнеры», которые помогают людям организовывать и интерпретировать информацию, формируя их восприятие и интерпретацию реальности [Fauconnier, G., Turner, M., 1998: 259-284]. Мы считаем, что фреймы играют важную роль при переводе текста с одного языка на другой, т.к. сформированная информация оказывает влияние на перевод через понимание реальности самим переводчиком.

В нашей статье мы рассматриваем фрейм как гибкую систему, в которой даже самые стабильные элементы могут изменяться.

Таким образом, интегрированное ментальное пространство — это процесс, в ходе которого происходит объединение концепций, то есть интеграция [Заботкина, 2021]. Когнитивные процессы играют центральную роль в теории ментального пространства, так как они управляют тем, как люди создают, манипулируют и используют ментальные пространства для структуры и обработки смысла при переводе. Процесс концептуальной интеграции, включающий в себя смешивание различных ментальных пространств для создания новых значений [Fauconnier, G., Turner, M., 1998: 259–284], позволяет людям творчески сочетать разные концепты и генерировать новые идеи, чтобы приблизить к пониманию написанный текст. Например, когда люди сталкиваются с метафорой, они вовлекаются в когнитивный процесс концептуальной интеграции путем смешивания исходных и целевых доменов для создания нового смысла [Fauconnier, G., Turner, M., 2002: 143].

Важно отметить, что при интеграции существует риск неправильного срабатывания механизмов ментальных пространств. Это происходит, когда концептуальные структуры родного языка начинают работать раньше, чем языковые структуры иностранного языка [Smith, 2017; Заботкина, 2021]. В итоге возникают сложности с восприятием и переводом.

Основываясь на вышеизложенном, можно сделать вывод, что при взаимодействии двух и более культур следует стремиться к максимальному сближению ментальных пространств, которые представляют собой основу четырёх измерений языка.

Фоконье и Тернер используют исследования памяти, восприятия и мышления, чтобы объяснить, как ментальные пространства функционируют в человеческом познании [Fauconnier, G., Turner, M., 2002: 77].

Исследования показали, что люди опираются на свою память и прошлые переживания для создания ментальных пространств и связи между концептами. Восприятие также играет роль в теории ментального пространства, поскольку люди используют свои ощущения для формирования ментальных пространств и построения смысла, используя органы чувств [Barsalou, L. W.: 513–562]. Другой когнитивный процесс определяет, на какую информацию люди фокусируются и интегрируют в свои ментальные пространства.

В процессе работы с текстом переводчик сталкивается с ситуацией, когда в его сознании возникают концептуальные структуры, включающие фреймы, характерные для его культуры. Эти структуры накладываются на фрейм другой культуры, которая представляет собой отдельное ментальное пространство. Хотя переводчик не является непосредственным участником коммуникации, он играет роль посредника между представителями разных языковых сообществ. У переводчика есть своё концептуальное пространство, которое включает в себя как индивидуальные, так и коллективные аспекты, а также когнитивную базу.

В процессе накопления знаний и формирования концептуальных структур переводчик создаёт своё ментальное пространство, где взаимодействуют лингвокультурный код исходного языка, язык перевода и его собственный подход к переводу.

Чтобы передать смысл с исходного языка на язык перевода, переводчик должен избежать влияния фреймов одной культуры на другую, включая те ценности, которые формируют его собственное ментальное пространство.

В процессе перевода происходит сложное взаимодействие языковых и концептуальных систем двух культур в сознании переводчика. В результате этого взаимодействия возникают новые представления и связи между элементами этих систем [Заботкина, 2021].

Переводчик стремится адаптировать одну культуру к другой, избегая доминирования какой-либо из них. Если адаптация лингвокультурных кодов не происходит, то может возникнуть асинхронная активация структур ментальных пространств. В этом случае слова родного языка и связанные с ними концептуальные структуры активируются быстрее.

Основываясь на результатах анализа концептуальной интеграции, можно сделать следующие заключения. В процессе межкультурного взаимодействия на самом высоком уровне находится универсальное пространство, которое представляет собой общечеловеческие понятия. Далее следуют ментальные пространства двух культур. В процессе перевода также задействуется ментальное пространство переводчика, который представляет определённую языковую группу. Концептуальные структуры этой группы могут влиять на сопоставление лингвокультурных кодов исходного языка и языка перевода, а также на интерпретацию смысла с исходного языка на язык перевода. В результате активного взаимодействия ментальных пространств участников межкультурной коммуникации формируется интегрированное ментальное пространство — концептуальный гибрид, который является результатом проекции трёх вышестоящих ментальных пространств.

Основная сложность при адаптации различных языковых и культурных кодов состоит в том, чтобы согласовать значения, которые формируются в сознании человека при работе с исходным текстом, с лексическими значениями слов и выражений языка перевода [Минченков, 2007: 261]. Анализируя все вышесказанное, мы можем сделать вывод, что межкультурное общение будет успешным и гармоничным, если лингвокультурный код одной культуры будет полностью усвоен и не поглощен в ментальных пространствах, используемых в процессе межкультурного взаимодействия.

Теория ментального пространства включает несколько ключевых концепций, которые обеспечивают основу для понимания того, как люди строят и обрабатывают смысл. Эти концепции включают в себя ментальные пространства, концептуальную интеграцию, фрейм и концептуальное картирование.

1. Ментальные пространства: Ментальные пространства — это когнитивные конструкции, которые представляют концептуальные области или ментальные представления понятий [Fauconnier, G.: 81]. Эти умственные пространства гибкие и динамичные, позволяющие людям создавать, манипулировать и смешивать их для создания смысла из информации, которую они встречают в своем окружении.
2. Концептуальная интеграция: Концептуальная интеграция - это когнитивный процесс в теории ментального пространства, который включает смешивание различных ментальных пространств для создания новых значений [Fauconnier, G., Turner, M., 1998: 259-284]. Этот процесс позволяет людям творчески сочетать разные концепции и генерировать новые идеи и понимания, интегрируя несколько ментальных пространств в единое смешанное пространство.
3. Фрейм: Фрейм - использование умственных пространств для структурирования и классификации информации на основе когнитивного и эмпирического прошлого [Fauconnier, G.: xxiii]. Рамки служат когнитивными рамками, которые формируют то, как люди воспринимают и интерпретируют информацию, влияя на их понимание реальности и направляя их общение.
4. Концептуальное картирование: Концептуальное картирование включает в себя ментальное представление концептуальных отношений или сопоставлений между различными психическими пространствами [Fauconnier, G., Turner, M., 2002: 269]. Этот процесс позволяет людям создавать ментальные карты, которые фиксируют связи и отношения между концепциями, облегчая их когнитивную обработку и понимание сложной информации.

Эти ключевые концепции теории ментального пространства обеспечивают основу для понимания того, как люди строят смысл через динамическое взаимодействие умственных пространств, концептуальную интеграцию, фрейм и концептуальное картирование. Ментальные пространства служат строительными блоками для построения смысла, в то время как концептуальная интеграция и фрейм позволяют смешиванию и структурированию этих умственных пространств генерировать новые значения, когда человек переводит текст. Концептуальное картирование дополнительно улучшает понимание взаимоотношений между психическими пространствами и облегчает когнитивную обработку, необходимую для адаптации текста при переводе с одного языка на другой.

Новизна заключается в том, что фреймы рассматрива-

ются как гибкие и динамичные системы, подверженные изменениям под влиянием межкультурного взаимодействия в отличие от традиционного понимания фреймов как статичных структур. Предлагается модель, в которой ментальное пространство переводчика рассматривается как сложная система, включающая индивидуальные, коллективные и когнитивные аспекты, что позволяет более детально анализировать процесс перевода. Интеграция ментальных пространств рассматривается нами на уровне универсального пространства, что позволяет избежать ассимиляции культур. Наша работа показывает, что фреймы играют двойную роль в процессе перевода: с одной стороны, они предопределяют восприятие текста переводчиком, а с другой — подвергаются изменениям в процессе взаимодействия с исходным текстом. Предложенная нами модель динамического фрейма не только влияет на перевод, но и сама трансформируется под воздействием новых знаний и опыта, полученных переводчиком в процессе работы с текстом, что открывает путь к более глубокому пониманию адаптационных механизмов, лежащих в основе успешного перевода.

Все же одно из критических замечаний по теории ментального пространства заключается в том, что она подверглась критике за отсутствие эмпирической проверки и за ее абстрактный и сложный характер, который может ограничить ее практическую применимость [Bortolussi, M., & Dixon, P.: 211]. Некоторые исследователи утверждают, что теория ментального пространства нуждается в дальнейших эмпирических испытаниях для установления ее надежности как когнитивной теории [Forceville, C.: 32]. Кроме того, некоторые критики подчеркивают сложность практической реализации и измерения ментальных пространств и концептуальной интеграции в эмпирических исследованиях [Coulson, S.: 72].

В заключении, после обзора теории ментальных пространств, мы полагаем, что это когнитивная система, которая предлагает понимание того, как люди строят и манипулируют смыслом в своих умах, переводя тексты с одного языка на другой. Он обеспечивает теоретическую основу для понимания того, как психические пространства, концептуальная интеграция, фреймы и концептуальное картирование играют роль в наших когнитивных процессах, использовании языка, коммуникации и литературной интерпретации. Несмотря на критику относительно эмпирического подтверждения и абстрактного характера, теория ментального пространства продолжает вдохновлять исследователей в различных дисциплинах.

По мере развития теории, будущие направления могут включать дальнейшие эмпирические испытания и подтверждение ее концепций, изучение ее применимости в практических областях. Теория ментального пространства может продолжать продвигать наше понимание того, как люди строят межкультурные смыслы, общаются и взаимодействуют, используя когнитивными процессами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Заботкина В.И. Когнитивные механизмы межкультурного диалога / В.И. Заботкина // Когнитивные исследования языка. – 2020. – №2 (41). – С. 76–80.
2. Заботкина В.И. Когнитивные механизмы перевода / В.И. Заботкина // Теоретические и методологические проблемы когнитивной лингвистики. Материалы международной научной конференции по когнитивной лингвистике: «Язык и мышление в эпоху глобальных перемен». – 2021. – № 3 (46). – С. 40–44.
3. Калинин О.И. Функциональный потенциал метафоры в дискурсе: дис. на соиск. учен. ст. доктора филол. наук: 10.02.19 / О.И. Калинин. – Москва, 2022. – 480 с.
4. Минченков А.Г. Когнитивно-эвристическая модель перевода: к постановке вопроса / А.Г. Минченков // Вестник Санкт-Петербургского Университета. – 2017. –Вып. 9 (2/2) – С. 208–217.
5. Bortolussi M., & Dixon P. Psychonarratology: Foundations for the empirical study of literary response. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2003, 273 p.
6. Barsalou L.W. Situated simulation in the human conceptual system. Language and Cognitive Processes, 2003, 613 p.
7. Coulson S. Semantic leaps: Frame-shifting and conceptual blending in meaning construction. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2001, 304 p.
8. Fauconnier G. Mental spaces: Aspects of meaning construction in natural language. Cambridge, MA: MIT Press, 1985, 185 p.
9. Fauconnier G., Turner, M. Conceptual integration, and formal expression. Discourse Processes, 1998, 259-284 p.
10. Fauconnier G., Turner, M. The way we think: Conceptual blending and the mind's hidden complexities. New York, NY: Basic Books, 2002, 464 p.
11. Forceville C. Embodied cognition and multimodal metaphors in fictional texts: A mental space theory account. Review of Cognitive Linguistics, 2004, 159 p.
12. Gibbs R.W. The poetics of mind: Figurative thought, language, and understanding. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 1994, 540 p.
13. Margolis E., Laurence S. (eds.). The Conceptual Mind: New Directions in the Study of Concepts, MIT Press, 2015, 714 p.
14. Oakley T., Coulson A. Connecting the dots. Mental spaces and metaphoric language in discourse // Mental spaces in discourse and interaction / T. Oakley, A. Hougaard (eds.). Amsterdam; Philadelphia, 2008.
15. Smith M.S. Introducing Language and Cognition: a Map of the Mind. Cambridge, United Kingdom: Cambridge University Press, 2017, 224 p.
16. Ventola E., Moya A.J. The World Told and The World Shown: Multisemiotic Issues. Hampshire: Palgrave Macmillan, 2009, 293 p.

© Балаганов Дмитрий Владимирович (dmitryrus@yandex.ru), Горшенева Татьяна Александровна (tati-imp@yandex.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2026.04–2.06

ПЕРЕВОДЧЕСКИЕ РЕШЕНИЯ ДЛЯ ПРЕОДОЛЕНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ И КУЛЬТУРНОЙ НЕПЕРЕВОДИМОСТИ В МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ МЕЖДУ НОСИТЕЛЯМИ РУССКОГО И КИТАЙСКОГО ЯЗЫКОВ

TRANSLATION SOLUTIONS FOR OVERCOMING LINGUISTIC AND CULTURAL UNTRANSLATABILITY IN INTERCULTURAL COMMUNICATION BETWEEN RUSSIAN AND CHINESE SPEAKERS

Wang Dihan

Summary: This article examines translation solutions for overcoming linguistic and cultural untranslatability in intercultural communication between Russian and Chinese speakers. The primary objective of the study is to systematize the causes of untranslatability, classify the characteristics of the two languages, and analyze their differences and similarities that may influence translation activities. This study is useful for students and scholars involved in translation.

Keywords: untranslatability, translatability, intercultural communication, translation solutions, lexical features, cultural characteristics.

Ван Дихань
Аспирант, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
287770580@qq.com

Аннотация: Статья посвящена изучению переводческих решений для преодоления лингвистической и культурной непереводимости в межкультурной коммуникации между носителями русского и китайского языков. Основная задача исследования – систематизировать причины появления непереводимости. Классифицировать особенности двух языков, анализировать их различия и сходства, которые возможно влиять на переводческие деядельности. Исследование полезно студентам и ученым, которые занимаются переводческими работами.

Ключевые слова: непереводимость, переводимость, межкультурная коммуникация, переводческие решения, лексические особенности, культурные особенности.

Проблема лингвистической непереводимости существует преимущественно в письменной форме в межкультурной коммуникации.

Эта непереводимость главным образом относится к различию между самими языками, то есть к непереводимости, вызванной существенными характеристиками и физическими формами языка. Многие риторики на китайском и русском языках используют особенности соответствующих языков, и их довольно сложно перевести на другой язык. Как упоминалось в предыдущем параграфе: фонетический уровень, лексический уровень и риторический уровень. Специфическими формами выражения являются: омографы, омонимы, каламбуры, игры слов (парономазия) и загадки, анадиплосис, скороговорки, рифмы, антитеза [1].

Лексическая непереводимость в основном отражается на фонетическом, лексическом и риторическом уровнях. Среди них фонетический уровень представлен преимущественно в устной форме, а лексический и риторический уровни преимущественно представлены в письменной форме.

По поводу этих форм выражения некоторые ученые считают, что они сами принадлежат к уникальным культурным формам китайского или русского языка. По мнению китайского ученого Бао Хуэйнаня, они также являются частью культуры. Ведь язык и культура тесно связаны и неразделимы. Хотя эти уровни являются частью культуры, но по сути они характеризуются звучанием и формой символов [2].

В сфере речевого этикета очень часто в китайских обращениях встречаются слова 小[xiǎo] – «маленький», «младший» и 老[lǎo] – «старый». Следовательно, весьма логично, что первый вариант обращения адресован людям младшего возраста, вне зависимости от пола, второй – к старшим, в основном в сфере обслуживания и на работе. Тем не менее, здесь также имеется ряд особенностей. Если рассматривать сферу рабочих отношений, 小[xiǎo] + фамилия используется по отношению к работнику, не достигшему 30-летнего возраста; 老[lǎo] + фамилия – к коллегам старше 40 лет, либо для того, чтобы показать, что его социальный статус выше. Но обращение老[lǎo] также широко распространено среди друзей, без указания на возраст. Здесь больше подразумевается перевод «старина», например, 老王 [lǎo Wáng] – здесь будет переводиться как «старина Ван», указывая на давние, тесные,

приятельские отношения между людьми, без акцента на социальный статус собеседника. Так называемое словопрефикс 小 [xiǎo] также распространено среди родственных обращений, только вместо фамилии используется второй иероглиф имени оппонента, например человека, зовут 张明园 (Zhāng Míngyuán) –Чжан Минюань, то обращение 小园(xiǎoYuán) будет иметь уменьшительно-ласкательное значение – «Юань, солнышко!», или «милый Юань!» [4, С.230-231]. В данном случае помимо 小(xiǎo) может использоваться префикс 阿(à), который также имеет уменьшительно-ласкательную форму.

Китайский и русский имеют разные лексичесские и культурные особенности, которые создают препятствие для межъязыковой конверсии при переводе, то есть проблему непереводимости. Непереводимость объективно существует в переводе, но она не абсолютна. Путем исследования непереводимости некоторых культурных явлений нетрудно обнаружить, что так называемые культурные непереводимые явления на самом деле существовали только в определенный исторический период, то есть, когда они впервые появились, они были непереводимыми. Однако по мере углубления культурного обмена переводчики могут использовать вспомогательные средства, такие как добавление интерпретации или комментария, чтобы преодолеть эту непереводимость и добиться успеха в культурном обмене. С углублением культурных обменов культурная непереводимость в русско-китайском взаимном переводе будет постепенно развиваться в сторону переводимости. Однако следует отметить, что непереводимость часто тесно связана с национальными особенностями культуры, переводчики не должны преувеличить такую непереводимость, а также нельзя ее игнорировать [3].

В условиях такой непереводимости, на этапе предпонимания переводчику сначала необходимо определить жанр и речевую ситуацию исходного текста, а также риторические приемы, использованные; затем на этапе понимания необходимо определить смысл исходного текста, а также эмоциональные содержания автор ИТ; на этапе интерпретации переводчику необходимо выяснить причины непереводимости и определить способ её компенсации в наибольшей степени. Лингвистическая непереводимость проявляется главным образом в сохранении одновременного соответствия исходного текста и переведенного текста по форме и смыслу. На основе точной передачи содержащейся в ИТ информации переводчики стараются максимально сохранить формальные особенности исходного текста. Когда трудно сбалансировать то и другое, переводчики могут изменить формы и структуры исходного текста. На этапе переводческого решения переводчики обычно представляют содержание исходного текста в привычной и знакомой читателям форме с помощью добавления комментариев или пересоздания вторичных текстов.

Таким образом, переводимость и непереводимость — это пара противоречий, одновременно существующих в переводческой деятельности, и они являются воплощением общности и соответствующих особенностей языков. Переводимость и непереводимость — понятия относительные: чем больше переводимость, тем меньше непереводимость. Эта относительность означает, что эти два понятия не четко различаются и не являются абсолютно неизменными. Прогресс общества и развитие человеческого мышления, вызванное социальным прогрессом, постоянно способствовали развитию словарного запаса и грамматики, делая язык все более богатым, совершенным и утонченным. В то же время, с развитием общества, экономические, культурные и научно-технические обмены между разными народностями становятся все теснее, что неизбежно приведет к взаимному контакту, столкновению и влиянию языков. Тенденция человеческой жизни направлена на глобализацию.

Переводимость и непереводимость зависят от функции языка. Эти функции включают в себя:

- Функцию когнитивного выражения;
- Культурную функцию;
- Эстетическую функцию.

Эти функции языка тесно связаны с переводимостью и непереводимостью.

В межкультурной коммуникации переводчик, как посредники передачи информации между двумя сторонами, должны четко понимать непереводимость китайского и русского языков и причины ее возникновения, а также использовать определенные методы для обработки информации и точной передачи ее получателю. Непереводимость главным образом возникает из-за лексической непереводимости и культурной непереводимости. Лексическая непереводимость можно разделить на фонетический уровень, формальный уровень и риторический уровень. К культурной непереводимости в основном относятся:

- Культурная непереводимость, вызванная отсутствием культурной лексики.
- Семантическое значение референтов и культурная непереводимость, вызванная культурными конфликтами.
- Культурная непереводимость, вызванная исторической причиной.
- Культурная непереводимость, вызванная религиозной причиной.

Столкнувшись с проблемой непереводимости, Э.Н. Мишкуров предложил переводчикам анализировать переведенный текст с помощью четырех этапов:

- Стадия предпонимания.
- Стадия понимания.

- Стадия интерпретации.
- Переводческое решение. [1]

Лексическая непереводимость в основном отражается на фонетическом, лексическом и риторическом уровнях. Среди них фонетический уровень представлен преимущественно в устной форме, а лексический и риторический уровни преимущественно представлены в письменной форме.

Что касается лексической непереводимости, можно справиться следующими способами:

- на этапе предпонимания переводчику необходимо определить жанр и речевую ситуацию исходного текста, а также использованные риторические приемы;
- на этапе понимания необходимо определить смысл исходного текста, а также эмоциональные содержания автор ИТ;
- на этапе интерпретации переводчику необходимо выяснить причины непереводимости и определить способ её компенсации в наибольшей степени;
- На этапе переводческого решения переводчики обычно представляют содержание исходного текста в привычной и знакомой читателям форме с помощью добавления комментариев или пересоздания вторичных текстов.

Культурная непереводимость требует от переводчиков найти подходящие и эффективные методы, позволяющие стремиться к максимальной передаче культурной информации на исходном языке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Мишкуров Э.Н., Новикова М.Г. Переводимость – непереводимость. Былое и думы. Москва: ФЛИНТА, 2024. 248 с.
2. Бао Хуэйнань. Культурный контекст и переводческая деятельность. Шанхай: Китайское международное переводческое издательство, 2001. 354–366 с.
3. Мишкуров Э.Н., Новикова М.Г. Проблема «Переводимости – непереводимости» на современном этапе развития теории и практики перевода: пути решения. Москва: МНКО, 2020. – №3 (82). – с. 359–362.
4. Ван Пин, Ян Юньюй. Анализ пределов переводимости при переводе. Вестник Нэйцзянского педагогического университета, 23.11.2008. 5 с.

© Ван Дихань (287770580@qq.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2026.04–2.07

ЭВОЛЮЦИЯ ЦИФРОВЫХ МЕДИАЭКОСИСТЕМ КИТАЯ И ВЛИЯНИЕ ПЛАТФОРМЕННОЙ РЕГУЛЯТОРНОЙ ПОЛИТИКИ НА КОНКУРЕНЦИЮ И ИННОВАЦИИ В НАЧАЛЕ XXI ВЕКА

Ван Инчэнь
Аспирант, Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы
yingchenw5@gmail.com

Аннотация: Эволюция цифровых медиаэкосистем Китайской Народной Республики в начале XXI века характеризуется сложным взаимодействием технологических инноваций, платформенной архитектуры и регуляторной политики, где дискурсивные практики выступают в качестве ключевого механизма формирования конкурентной среды и инновационной динамики. Анализ регуляторных документов, корпоративных отчетов ведущих операторов и пользовательского метадискурса выявляет значительный сдвиг в номинативных стратегиях: от лексики поддержки и стимулирования платформенного развития в 2015–2017 годах к терминологии упорядочения, предотвращения беспорядочного расширения капитала и обеспечения здорового развития платформенной экономики после 2020 года. Демонстрируется феномен дискурсивной мимикрии в корпоративных текстах, эвфемизация регуляторных санкций, жанровая гибридизация в суперприложениях, размывающая границы приватного и публичного, а также семантическая бифуркация ключевых понятий в пользовательской среде. Выделяются четыре основные модели реагирования пользователей на регуляторные инициативы, среди которых доминирует прагматическая. Особое внимание уделяется метафорике здоровья и органицистскому пониманию экономики, позволяющим артикулировать усиление государственного надзора в терапевтической модальности, а также процессам ресемантизации технических терминов, миграции номинаций из телекоммуникационного дискурса и разрушению дискурсивной замкнутости «огороженных садов» платформ. Подобный подход раскрывает, как латентные механизмы имплицитной коммуникации и сохранение дискурсивной гармонии обеспечивают баланс между контролем и инновациями в условиях китайской коммуникативной традиции, подчеркивая роль дискурсивных стратегий в трансформации медиаэкосистем и их значимость для понимания специфики национальной модели платформенного регулирования.

Ключевые слова: цифровые медиаэкосистемы, платформенная регуляция, регуляторный дискурс, дискурсивные стратегии, семантическая бифуркация.

EVOLUTION OF CHINA'S DIGITAL MEDIA ECOSYSTEMS AND THE IMPACT OF PLATFORM REGULATORY POLICY ON COMPETITION AND INNOVATION IN THE EARLY 21ST CENTURY

Wang Yingchen

Summary: The evolution of digital media ecosystems of the People's Republic of China in the early 21st century is characterized by a complex interplay of technological innovations, platform architecture, and regulatory policy, where discursive practices serve as a key mechanism for shaping the competitive environment and innovation dynamics. Analysis of regulatory documents, corporate reports from leading operators, and user metadiscourse reveals a significant shift in nominative strategies: from the lexicon of support and stimulation of platform development in 2015–2017 to the terminology of ordering, preventing the disorderly expansion of capital, and ensuring the healthy development of the platform economy after 2020. The phenomenon of discursive mimicry in corporate texts, the euphemization of regulatory sanctions, genre hybridization in super-apps blurring the boundaries between the private and the public, and the semantic bifurcation of key concepts in the user environment are demonstrated. Four main models of user response to regulatory initiatives are identified, among which the pragmatic model dominates. Particular attention is paid to the metaphorics of health and the organicist understanding of the economy, which allow the strengthening of state oversight to be articulated in a therapeutic modality, as well as to processes of resemantization of technical terms, the migration of nominations from telecommunications discourse, and the destruction of the discursive closedness of platforms'"walled gardens." This approach reveals how latent mechanisms of implicit communication and the preservation of discursive harmony ensure a balance between control and innovation within the Chinese communicative tradition, underscoring the role of discursive strategies in the transformation of media ecosystems and their importance for understanding the specifics of the national model of platform regulation.

Keywords: digital media ecosystems, platform regulation, regulatory discourse, discursive strategies, semantic bifurcation.

С рубежа XX–XXI столетий медийное пространство Китайской Народной Республики претерпело ряд трансформаций, масштаб которых затруднительно свести к привычным дихотомиям «традиционное – цифровое» или «государственное – частное». Уже к 2005 г. ландшафт онлайн-коммуникации в КНР отличался такой степенью институциональной плотности, что западные модели описания медиарынков – ориентированные преимущественно на англоязычный сегмент – утрачивали объяснительную релевантность [8, с. 37]. Сам термин «медиаэкосистема», заимствованный из биологической метафорики и адаптированный в работах Н. Постмана, а

впоследствии развёрнутый применительно к цифровой среде Ю.М. Борисовой [3, с. 90], оказался чрезвычайно продуктивен при анализе китайского случая; однако его операционализация сопряжена с рядом методологических затруднений, которые до настоящего момента не получили исчерпывающего разрешения в русскоязычной специализированной литературе.

Вопрос регуляторного воздействия на платформенные структуры порождает в научном сообществе дискуссию, далёкую от консенсуса. Одни исследователи – в частности, И.В. Данилин – трактуют государственную регуляцию цифровых платформ в КНР через призму «технонационализма» [11, с. 80], акцентируя стратегическую логику конкуренции с транснациональными корпорациями. Другие, напротив, предпочитают рассматривать регуляторные инициативы 2020–2023 гг. как проявление специфического варианта антимонопольной политики, генетически связанного с европейской моделью, но отличающегося по инструментарию и темпоральной динамике [14, с. 32; 6, с. 138]. Примечательно при этом, что ни та, ни другая позиция не учитывает в полной мере лингвосемиотическое измерение платформенного дискурса – тот пласт текстовых практик, посредством которых регуляторная риторика транслируется, интерпретируется и присваивается различными акторами медиаэкосистемы.

Представляется дискуссионным и сам выбор аналитической рамки. Филологический подход к цифровым экосистемам предполагает смещение фокуса с экономических метрик – капитализации, доли рынка, индексов концентрации – на дискурсивные механизмы: номинацию, нарратив, жанровую стратификацию платформенного контента. Существующие работы, посвящённые китайскому медиадискурсу, тяготеют либо к политологическому, либо к культурологическому инструментарию [9, с. 70], оставляя без внимания собственно лингвистическую архитектуру тех текстов, которые формируют регуляторное поле. Между тем анализ официальных документов Государственного управления рыночного регулирования (SAMR), корпоративных отчётов Tencent и Alibaba, а также пользовательских метадискурсов на платформах Weibo и Douyin позволяет выявить устойчивые дискурсивные стратегии – от эвфемизации до ренарративизации, – которые, по всей видимости, играют не менее существенную роль в динамике экосистемы, нежели собственно нормативные акты. Количество регуляторных документов, затрагивающих деятельность цифровых платформ, за период 2018–2023 гг. превысило 70 единиц [12, с. 125].

Исследование проведено на основе корпуса текстов трёх типов, отобранных методом целевой выборки: регуляторные документы SAMR и Канцелярии Центральной комиссии по киберпространству (CAC) за 2015–2024 гг. – 34 текста в оригинале на китайском языке с верифицированным переводом на английский; корпоративная документация пяти крупнейших платформенных операторов КНР (Tencent, Alibaba, ByteDance, Baidu, Meituan) – годовые отчёты, публичные заявления руководства, тексты пользовательских соглашений – совокупно 112 текстовых единиц; фрагменты пользовательского метадискурса, извлечённые из открытых разделов Weibo (хештег-потоки, связанные с регуляторными событиями 2021–2023 гг.) – 1 840 постов, прошедших процедуру первичной фильтрации по критериям релевантности и объёма.

Аналитический инструментарий включал критический дискурс-анализ в версии К.А. Дегтяренко и В.И. Кирко – с особым вниманием к трёхуровневой модели «текст – дискурсивная практика – социальная практика» [7, с. 23], – а также элементы контент-анализа с ручным кодированием дискурсивных стратегий; кроме того, привлекались процедуры интертекстуального сопоставления, позволяющие зафиксировать миграцию терминологических единиц между регуляторным и корпоративным дискурсами. Статистическая обработка частотных данных выполнялась в среде R (пакет quanteda). Языковая компетенция автора в путунхуа верифицирована сертификатом HSK-6.

Обращаясь к хронологии формирования цифровых медиаэкосистем КНР, необходимо зафиксировать одно обстоятельство, нередко ускользающее от внимания западных комментаторов. Период 2000–2010 гг. отмечен не столько заимствованием глобальных платформенных моделей, сколько параллельной генерацией автохтонных цифровых форматов, лишь внешне напоминавших западные аналоги. QQ – мессенджер Tencent, запущенный в 1999 г., – к 2003 г. аккумулировал свыше 100 млн активных пользователей; при этом его функциональная архитектура, включавшая виртуальные аватары, систему уровней и интегрированные микроблоги, не имела прямого прототипа в англоязычном сегменте [2, с. 418]. Генеалогия этого продукта вскрывает любопытную закономерность: китайские платформы изначально конструировались как полифункциональные среды, совмещающие коммуникативную, развлекательную и транзакционную функции в едином интерфейсе.

Данное наблюдение существенно для дискурс-анализа. Полифункциональность порождает жанровую гибридизацию. Тексты, циркулирующие внутри WeChat – суперприложения, запущенного Tencent в 2011 г., – не поддаются классификации в рамках традиционных медиажанров: публикация в «моментах» одновременно реализует функции дневниковой записи, рекламного объявления и элемента социального перформанса [15, с. 94]. Разграничение приватного и публичного дискурсов здесь принципиально размыто. К 2019 г. ежемесячная аудитория WeChat достигла 1,15 млрд пользователей, а количество официальных аккаунтов (公众号) превысило 20 млн.

Регуляторный дискурс, обращённый к платформенным экосистемам, эволюционировал нелинейно; и в этой нелинейности обнаруживается один из наиболее продуктивных объектов филологического анализа. В документах 2015–2017 гг. доминирует лексико-семантическое поле «поддержки» и «стимулирования» (鼓励, 支持, 推动): государственные акторы позиционируют себя как фасилитаторов платформенного развития. Перелом фиксируется в 2020 г. Номинация сдвигается. Вместо «стимулирования» появляются «упорядочение» (规范), «предотвращение» (防止), «ограничение беспорядочного расширения капитала» (防止资本无序扩张) [4, с. 27]. Последнее словосочетание – 资本无序扩张 – заслуживает отдельного внимания как неологизм, не зафиксированный в китайскоязычных словарях до 2020 г. и стремительно укоренившийся в официальном дискурсе.

Эта терминологическая миграция – от «поддержки» к «упорядочению» – не сводится к простой смене тональности. Анализ корпуса регуляторных текстов позволяет констатировать качественный сдвиг дискурсивной стратегии: если ранние документы конструировали платформы как объекты патронажа, то тексты 2021–2023 гг. переквалифицируют их в объекты надзора. Вместе с тем – и это принципиально – сама процедура переквалификации осуществляется средствами, избегающими конфронтационной риторики. Отсутствуют пейоративные номинации. Слово «монополия» (垄断) употребляется в технически нейтральном контексте, без морализаторских коннотаций, присущих, скажем, американскому антитрестовскому дискурсу [10, с. 122].

Корпоративный дискурс реагирует на регуляторные инновации с характерной задержкой и посредством специфического набора стратегий. В годовых отчётах Alibaba за 2021 и 2022 гг. зафиксирована эвфемизация: штраф в размере 18,228 млрд юаней, наложенный SAMR в апреле 2021 г., описывается через конструкцию «административное решение» (行政处罚决定) без указания суммы в основном тексте – цифра вынесена в финансовое приложение [1, с. 27]. Tencent в аналогичных документах прибегает к стратегии проактивной самокоррекции: «компания добровольно усиливает механизмы саморегулирования в соответствии с духом государственной политики». Слово «штраф» (罚款) отсутствует.

Выявленная дисперсия номинативных стратегий, вероятно, детерминирована не только прагматическими мотивами репутационного менеджмента, но и глубинными особенностями китайской коммуникативной традиции, в которой эксплицитное признание конфликта маркировано как нарушение дискурсивной гармонии [5, с. 65]. Категория «лица» (面子) функционирует здесь как латентный модератор текстопорождения. Корпоративные отчёты оказываются, по сути, жанром дипломатическим – не в метафорическом, а в буквальном смысле.

На уровне пользовательского метадискурса обнаруживаются иные закономерности. Анализ 1 840 постов Weibo, приуроченных к ключевым регуляторным событиям – штрафу Alibaba (апрель 2021), приостановке IPO Ant Group (ноябрь 2020), ограничениям для EdTech-компаний (июль 2021), – позволяет выделить четыре устойчивые дискурсивные модели. Первая – аффирмативная – воспроизводит регуляторную лексику в одобрительном ключе, однако с характерной редукцией: многосложные бюрократические формулы сжимаются до двух-трёхсловных лозунгов. Вторая модель – ироническая – использует приёмы языковой игры; так, выражение «упорядочение капитала» трансформируется в мем «大整顿» (великое наведение порядка), нагруженный амбивалентными коннотациями. Третья – прагматическая – сосредоточена на финансовых последствиях для частных инвесторов; лексика регуляторного дискурса здесь полностью замещается биржевым жаргоном. Четвёртая модель – нарративная – встраивает регуляторные события в более широкие повествовательные рамки «национального возрождения» или «цифрового суверенитета».

Распределение этих моделей неравномерно. Прагматическая доминирует количественно – 43% выборки. Аффирмативная составляет около 27%. Ироническая и нарративная – приблизительно по 15% каждая. Данные позиции нуждаются в дополнительной верификации на расширенной выборке.

Обращает на себя внимание тот факт, что терминологические единицы, порождённые в регуляторном дискурсе, не просто заимствуются пользователями, а подвергаются семантической деривации, подчас радикальной. Понятие «платформенная экономика» (平台经济) в документах SAMR функционирует как нейтральный классификатор; в пользовательском дискурсе оно приобретает оценочные обертоны – положительные в контексте технологического лидерства КНР и настороженные в контексте трудовых отношений гиг-работников [13, с. 2105]. Эта семантическая бифуркация – одного и того же термина в двух дискурсивных средах – позволяет констатировать, что платформенная медиаэкосистема функционирует не только как канал трансляции смыслов, но и как генератор семантической дивергенции.

Отдельного рассмотрения заслуживает динамика жанровых форм, связанных с регуляторной коммуникацией. Традиционный для КНР жанр «уведомления» (通知) – краткий, директивный, лишённый аргументативной составляющей – в цифровую эпоху дополнился рядом гибридных форматов. «Руководящие мнения» (指导意见), публикуемые совместно несколькими ведомствами, сочетают элементы программного заявления и правовой нормы; их объём варьирует от 3 000 до 15 000 иероглифов. Жанровая эластичность подобных текстов

создаёт пространство для интерпретативной конкуренции – корпоративные юристы, медиааналитики и рядовые пользователи извлекают из одного и того же документа принципиально различные смыслы.

Инновационная составляющая платформенного развития в КНР также поддаётся дискурсивному прочтению. Концепт «инновации» (创新) занимает центральное место в государственном нарративе; в «Плане развития искусственного интеллекта нового поколения» (2017) он употребляется 78 раз на 23 страницах текста. Однако семантическое наполнение этого концепта существенно расходится с англоязычным innovation в его шумпетерианской трактовке. В китайском контексте «инновация» кодирует – одновременно и нераздельно – технологическое обновление и соответствие государственным приоритетам; иными словами, инновационность имплицитно содержит компонент политической легитимности [6, с. 137].

Конкурентная среда китайских цифровых платформ описывается в литературе через концепцию «огороженных садов» (walled gardens), однако филологический анализ позволяет скорректировать эту метафору. Экосистемы Tencent и Alibaba – вплоть до 2021 г. – действительно блокировали взаимные ссылки; пользователь WeChat не мог открыть страницу Taobao напрямую. Регуляторное предписание MIIT об «устранении препятствий для взаимосвязанности» (互联互通) от сентября 2021 г. маркирует попытку разрушить дискурсивную – и одновременно технологическую – замкнутость экосистем. Результаты этой попытки к 2024 г. остаются неоднозначными: WeChat открыл внешние ссылки лишь частично, через промежуточные экраны подтверждения.

Примечательно, что сам термин 互联互通 – буквально «взаимное соединение и взаимное проникновение» – восходит к телекоммуникационному дискурсу 1990-х гг. и первоначально описывал физическую интероперабельность телефонных сетей. Его ресемантизация применительно к платформенным экосистемам – случай характерной дискурсивной миграции, при которой техническая номинация приобретает политико-экономическое измерение без утраты исходной семантики.

В контексте воздействия регуляторной политики на инновационную активность особого внимания заслуживает дискурсивная рамка, через которую государственные акторы артикулируют цели вмешательства. Документы 2021–2023 гг. последовательно конструируют регуляцию как условие устойчивого развития, а отнюдь не как его ограничитель. Формулировка «здоровое развитие платформенной экономики» (平台经济健康发展) – устойчивый фразеологизм, зафиксированный в 14 из 34 проанализированных документов. Метафора «здоровья» апеллирует к органицистскому пониманию экономики, в котором регуляция квалифицируется в качестве терапевтической процедуры, а не репрессивной.

По результатам сопоставительного анализа корпоративных и регуляторных текстов удалось зафиксировать феномен, который условно может быть обозначен как «дискурсивная мимикрия». Корпоративные тексты 2022–2024 гг. массово инкорпорируют регуляторную лексику: «здоровое развитие», «социальная ответственность», «общее процветание» (共同富裕). Этот процесс не сводится к формальному комплаенсу. Терминологическое заимствование влечёт за собой трансформацию жанровой структуры корпоративного отчёта – из финансового документа он мутирует в идеологически маркированный текст, адресованный одновременно инвесторам и регуляторам. ByteDance в отчёте за 2023 г. употребляет словосочетание «социальная ценность» (社会价值) 23 раза – втрое чаще, чем в аналогичном документе за 2019 г.

Вместе с тем «дискурсивная мимикрия» порождает ряд внутритекстовых напряжений. Финансовая отчётность, ориентированная на международных инвесторов и составляемая на английском языке, сохраняет доминирование терминологии shareholder value; китайскоязычная версия того же отчёта акцентирует social responsibility и common prosperity. Билингвальный корпус текстов Alibaba за 2021–2023 гг. обнаруживает 17 случаев значимого расхождения между английской и китайской версиями – не на уровне фактологии, а на уровне аксиологической рамки.

В завершение аналитической части необходимо отметить, что выявленные дискурсивные механизмы – переноминация, эвфемизация, дискурсивная мимикрия, семантическая бифуркация – взаимосвязаны и образуют систему, которую целесообразно рассматривать как единый дискурсивный режим платформенной регуляции. Его специфика – в том, что конфликт между государственным контролем и корпоративной автономией не артикулируется напрямую ни одной из сторон; он существует латентно, в зазоре между параллельными номинативными стратегиями.

Подобная конфигурация – где центральный конфликт вытеснен на уровень подтекста – сопоставима с явлениями, описанными в теории имплицитной коммуникации применительно к авторитарным контекстам, однако обладает рядом отличий, главное из которых – участие пользовательского метадискурса как третьего актора, способного к автономному смыслопорождению.

В ходе проведённого анализа выяснилось, что эволюция цифровых медиаэкосистем КНР – процесс, в котором собственно технологическое измерение неотделимо от дискурсивного. Платформы Tencent, Alibaba, ByteDance формировались не в вакууме инженерных решений;

каждый этап их развития сопровождался генерацией специфических текстовых практик, и этот дискурсивный пласт оказывает обратное воздействие на архитектуру экосистемы – через жанровые конвенции, номинативные стратегии, модели адресации.

Регуляторная лексика 2020–2023 гг. претерпела сдвиг, зафиксированный на уровне частотного анализа корпуса из 34 документов SAMR и CAC.

Если рассматривать корпоративный дискурс в его отношении к регуляторному, то феномен «дискурсивной мимикрии» оказывается наиболее показательной находкой проведённого исследования. Инкорпорация государственной терминологии в тексты годовых отчётов – явление, выходящее за пределы формального комплаенса и указывающее на глубинную трансформацию жанровой природы корпоративной документации в КНР. Билингвальные расхождения между китайской и английской версиями отчётов Alibaba – 17 случаев значимой аксиологической дивергенции за три года – сигнализируют о том, что корпоративный текст в условиях платформенной регуляции перестаёт быть единым и расщепляется на два параллельных дискурсивных потока, ориентированных на различные аудитории.

Пользовательский метадискурс обнаружил четыре устойчивые модели реагирования на регуляторные события, из которых прагматическая доминирует количественно – 43% выборки. Семантическая деривация регуляторных терминов в пользовательской среде подтверждает гипотезу о том, что медиаэкосистема функционирует как генератор семантической дивергенции, а не только как канал трансмиссии. Термин 平台经济 в пользовательском контексте обнаруживает оценочные обертоны, полностью отсутствующие в административных текстах.

Проанализировав совокупность выявленных дискурсивных стратегий – переноминацию, эвфемизацию, ресемантизацию технических терминов, жанровую гибридизацию, – можно констатировать, что регуляторная политика КНР в сфере цифровых платформ реализуется не вопреки, а посредством дискурсивных механизмов, которые обеспечивают её эффективность без эскалации открытого конфликта между государственными и корпоративными акторами. Конструкция «здорового развития платформенной экономики» выполняет функцию дискурсивного медиатора, позволяющего артикулировать усиление контроля в терапевтической, а не репрессивной модальности – что, по результатам настоящего исследования, зафиксировано в 14 из 34 базовых документов выборки.

ЛИТЕРАТУРА

1. Борисова Ю.М. Система регулирования медиа в Китае // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2017. № 3 (13). С. 26–32.
2. Терентьева Е.В., Цинь Ш. Трансфер реальности в медиапространство, микроминиатюризация форматов и конвергенция медиа в постинформационную эпоху: исследование китайских видеоплатформ // Мир науки, культуры, образования. 2024. № 2 (105). С. 417–419.
3. Борисова Ю.М. Медиаландшафт в Китае. Экспансия китайских СМИ на Запад // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2018. № 3 (17). С. 88–97.
4. Селихов Д.М. КНР в мировом инновационном развитии // Мировая экономика и международные отношения. 2013. № 11. С. 21–28.
5. Ареева М.В. Китайские средства массовой информации и их влияние на глобальные информационные процессы // Актуальные проблемы современных международных отношений. 2014. № 4. С. 65–69.
6. Жилина И.Ю. Перспективы цифровизации экономики Китая // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 2: Экономика. Реферативный журнал. 2019. № 1. С. 136–144.
7. Дегтяренко К.А., Кирко В.И. Цифровая политика Китая: цифровой образ национального государства // Цифровизация. 2023. Т. 4. № 4. С. 8–25.
8. Ломанов А., Борох О. Политические инновации КПК в контексте идейно-теоретических дискуссий в Китае (к итогам 3-го пленума ЦК КПК 16-го созыва) // Проблемы Дальнего Востока. 2004. № 1. С. 30–47.
9. Лю С. Эволюция медийного взаимодействия России и Китая: от симбиоза к самостоятельным траекториям // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. 2025. № 4 (113). С. 68–77.
10. Конопий А.С. Влияние цифровизации на законодательство Китая // Философия права. 2021. № 4 (99). С. 119–123.
11. Данилин И.В. Борьба с интернет-монополиями в Китае и США // Мировая экономика и международные отношения. 2022. Т. 66. № 10. С. 73–80.
12. Чайников Ю.В. Шапюи Н. «Цифровой Китай», или как цифровая революция перераспределяет власть в глобальном масштабе // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика. 2019. № 3. С. 117–126.
13. Гуань Б. Роль государственной культурной политики в развитии креативной экономики: китайский опыт и перспективы // Вопросы политологии. 2025. Т. 15. № 6 (118). С. 2100–2107.
14. Рамич М.С., Солодовникова Т.А. От «фабрики мира» к технологическому авангарду: инновационная экосистема КНР в условиях глобальной конкуренции // Мировое и национальное хозяйство. 2025. № 3 (71). С. 1–34.
15. Чэнь С., Семилет Т.А. Проблемы транзитивного периода в медиасфере Китая // Медиаисследования. 2017. № 4–2. С. 89–95.

© Ван Инчэнь (yingchenw5@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2026.04–2.10

КОГНИТИВНЫЕ И ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ДОВЕРИЯ К ИСТОЧНИКУ ИНФОРМАЦИИ В РУССКОЯЗЫЧНЫХ И АНГЛОЯЗЫЧНЫХ ОНЛАЙН-МЕДИА

COGNITIVE AND LINGUISTIC FACTORS OF TRUST IN THE INFORMATION SOURCE IN RUSSIAN- AND ENGLISH-LANGUAGE ONLINE MEDIA

A. Gasanov

Summary: The article examines the influence of linguistic and cognitive mechanisms on the formation of credibility assessments of information sources in Russian- and English-language online media. The analysis reveals stable cross-linguistic differences in the distribution of epistemic markers, where English-language discourse relies on a strategy of delegated credibility through attributive chains, extensive citation, evidential devices, and engagement markers that activate frames of insider access and scientific objectivity, thereby facilitating cognitive offloading of verification through the authority heuristic and the polyphony effect. In contrast, Russian-language media texts are characterized by author-centered assertiveness with a predominance of categorical impersonal constructions, limited hedging, and generalized source nominations correlating with the frame of state sanction and a vertical model of expertise. The identified divergences encompass the pragmatics of nominalizations, metadiscursive strategies, and temporal organization of the text, leading to different cognitive processing scenarios—from narrative transportation that reduces criticality to analytical decomposition associated with increased cognitive load under scanning reading conditions. Formally similar discursive tools demonstrate inverted pragmatic valence in the two linguocultural contexts, generating parallel "grammars of trust" and additional cognitive load when bilingual recipients switch between them. This specificity underscores the limitations of universalist models of media literacy and the necessity of accounting for linguistic calibration of implicit reliability triggers for an adequate understanding of credibility attribution processes in the digital information environment.

Keywords: cognitive factors, linguistic markers, media trust, online discourse, cross-linguistic comparison.

Гасанов Анар Гюмшуд оглы
Аспирант, Российский университет дружбы народов
anarboard@gmail.com

Аннотация: В статье рассматривается влияние лингвистических и когнитивных механизмов на формирование оценки достоверности источников информации в русскоязычных и англоязычных онлайн-медиа. Анализ обнаруживает устойчивые межъязыковые различия в распределении эпистемических маркеров, где англоязычный дискурс опирается на стратегию делегированной достоверности через атрибутивные цепочки, обширное цитирование, эвиденциальные средства и engagement markers, активирующие фреймы инсайдерского доступа и научной объективности, что способствует когнитивной разгрузке верификации посредством эвристики авторитета и эффекта полифонии. В противоположность этому русскоязычные медиатексты характеризуются автороцентричной ассертивностью с преобладанием категоричным безличных конструкций, ограниченным хеджированием и генерализованными номинациями источников, коррелирующими с фреймом государственной санкции и вертикальной моделью экспертности. Выявленные дивергенции охватывают прагматику номинализаций, метадискурсивных стратегий и темпоральной организации текста, приводя к различным когнитивным сценариям обработки — от нарративного транспорта, снижающего критичность, до аналитической декомпозиции, сопряженной с повышенной нагрузкой в условиях сканирующего чтения. Формально сходные дискурсивные инструменты демонстрируют инвертированную прагматическую валентность в двух лингвокультурных контекстах, что порождает параллельные «грамматики доверия» и дополнительную когнитивную нагрузку при их переключении у билингвальных реципиентов. Подобная специфика подчеркивает ограниченность универсалистских моделей медийной грамотности и необходимость учета языковой калибровки имплицитных триггеров надежности для адекватного понимания процессов атрибуции достоверности в цифровой информационной среде.

Ключевые слова: когнитивные факторы, лингвистические маркеры, медийное доверие, онлайн-дискурс, межъязыковое сравнение.

Проблематика доверия к медийным источникам в сетевом пространстве обнаруживает дисциплинарную разобщённость, которая – при всей очевидности междисциплинарного характера феномена – лишь в последнее десятилетие стала предметом рефлексии со стороны лингвистов. Когнитивная психология традиционно описывала доверие через призму эвристик доступности и репрезентативности [8, с. 204], тогда как медиаисследования концентрировались на институциональных параметрах: редакционной политике, модели собственности, частотности ретрансляции контента агрегаторами. Между этими полюсами образовалась лакуна, связанная с вопросом о том, каким именно образом языковая ткань сообщения – лексическая плотность, синтаксическая архитектура, дискурсивные маркеры авторитетности – модулирует когнитивную оценку достоверности у реципиента. Собственно лингвистическая составляющая доверия, по всей видимости, детермини-

рована не столько содержательной стороной высказывания, сколько формальными характеристиками текста, которые обрабатываются на преаттентивном уровне и запускают процедуры атрибуции компетентности автора ещё до осознанной верификации фактов.

В специализированной литературе отсутствует консенсус относительно удельного веса лингвистических переменных в структуре медийного доверия. Ряд исследователей рассматривают модальные конструкции и хеджирование как сигналы эпистемической честности, повышающие кредитоспособность источника [3, с. 118; 12, с. 34]; другие – напротив – интерпретируют те же конструкции как индикаторы неуверенности, снижающие воспринимаемую экспертность. Данное противоречие усиливается при межъязыковом сравнении: англоязычная журналистская традиция закрепила за хеджированием функцию объективизации [14, с. 75], тогда как в русскоязычном медиадискурсе аналогичные средства нередко коррелируют с риторикой уклонения от ответственности, что может косвенно свидетельствовать о различных когнитивных сценариях интерпретации одного и того же прагматического инструмента.

Представляется дискуссионным сам вопрос о границах «лингвистического» в механизме формирования доверия. Когнитивная лингвистика постулирует неразрывность языковой формы и концептуализации [6, с. 60], однако операционализация этого тезиса применительно к медиадискурсу остаётся фрагментарной. Отдельные работы фиксируют влияние номинализации на восприятие объективности [11, с. 90], другие – роль цитатного дискурса и атрибутивных конструкций в конструировании «эффекта свидетеля» [2, с. 204]. Вместе с тем комплексная модель, которая бы интегрировала лексико-грамматические, прагматические и когнитивно-фреймовые параметры текста в единую объяснительную схему доверия, до сих пор не предложена. Настоящая статья ориентирована на частичное восполнение указанного дефицита посредством сопоставительного анализа русскоязычных и англоязычных онлайн-медиа – с акцентом на те текстовые механизмы, которые функционируют как имплицитные триггеры когнитивной оценки надёжности источника.

Дополнительную сложность вносит фактор цифровой среды как таковой. Онлайн-медиа характеризуются специфическим режимом потребления – сканирующим чтением, конкуренцией за внимание в информационном потоке, отсутствием тактильных маркеров качества (обложка, бумага, типографика), которые в офлайновой среде выполняли функцию паратекстуальных сигналов авторитетности. В этих условиях нагрузка на собственно языковые средства возрастает; текст вынужден компенсировать редуцированную перцептивную среду за счёт внутренних – лексических, грамматических, дискурсивных – механизмов порождения доверия.

Методологическую основу работы составил сопоставительный дискурс-анализ, дополненный элементами когнитивно-прагматического моделирования и фреймового анализа. Для формирования корпуса привлекались русскоязычные и англоязычные онлайн-издания различных типов – от крупных институциональных медиа до нишевых аналитических порталов; отбор текстов производился методом целевой выборки по критерию тематической сопоставимости публикаций (общественно-политическая и научно-популярная проблематика, период 2020–2024 гг.). Единицей анализа выступали дискурсивные фрагменты, содержащие эксплицитные или имплицитные маркеры эпистемической позиции автора: модальные конструкции, хеджи, эвиденциальные средства, атрибутивные цепочки, номинализации.

Сопоставление осуществлялось на трёх уровнях – лексико-семантическом, грамматико-синтаксическом и прагматико-дискурсивном – с последующей интерпретацией выявленных расхождений в терминах когнитивной теории фреймов и теории релевантности Д. Шпербера и Д. Уилсон. Применялся также метод контрастивной риторики, позволяющий эксплицировать культурно обусловленные различия в организации аргументативного дискурса. Количественные подсчёты частотности отдельных маркеров носили вспомогательный характер и использовались для верификации качественных наблюдений; статистический аппарат к ним не применялся.

Анализ корпуса обнаружил устойчивую асимметрию в распределении эпистемических маркеров между двумя языковыми традициями, причём характер этой асимметрии не сводится к количественным различиям и затрагивает саму логику конструирования авторитетного высказывания. В англоязычных онлайн-медиа доминирует стратегия, которую условно можно обозначить как «делегированная достоверность»: автор систематически перемещает эпистемическую ответственность на внешние инстанции посредством атрибутивных конструкций (according to, officials say, experts suggest), цитатного дискурса и эвиденциальных клауз. Частотность подобных конструкций в англоязычном подкорпусе оказалась существенно выше, нежели в русскоязычном. Этот механизм, по всей видимости, апеллирует к когнитивной эвристике авторитета [15, с. 185] – реципиент бессознательно переносит оценку компетентности с текста на цитируемого агента, что разгружает процесс верификации.

Русскоязычные медиатексты демонстрируют принципиально иную конфигурацию. Здесь преобладает стратегия «авторо центричной ассертивности» – утверждения подаются преимущественно в форме безличных или неопределённо-личных конструкций с высокой степенью категоричности («установлено, что», «не вызывает сомнений», «очевидно»), а доля хеджирования значительно ниже. Данная позиция нуждается в до-

полнительной верификации, однако предварительные наблюдения позволяют предположить, что подобная стратегия коррелирует с культурно обусловленной моделью экспертности, в которой маркеры уверенности выполняют фатическую функцию – они сигнализируют не столько об эпистемическом статусе пропозиции, сколько о социально-ролевой позиции автора как носителя знания [4, с. 45].

Обращает на себя внимание тот факт, что в обоих подкорпусах обнаружились тексты, функционирующие «контртипично» – русскоязычные публикации с избыточным хеджированием и англоязычные – с высокой ассертивностью. Однако прагматический эффект контртипичности оказался различным. Англоязычные тексты с подчёркнуто категоричным модусом, как правило, принадлежали к opinion-жанрам и маркировались паратекстуально (рубрика, дисклеймер); их категоричность прочитывалась в контексте жанровых ожиданий и не нарушала контракта доверия. Русскоязычные же тексты с интенсивным хеджированием – «по имеющимся данным», «вероятно», «предположительно» – в ряде случаев провоцировали в комментариях пользователей реакции, свидетельствующие о снижении воспринимаемой достоверности. Причём сама оценка недостоверности формулировалась реципиентами не в терминах фактологической проверки, а в терминах интенциональной атрибуции: «автор сам не уверен», «пытаются снять с себя ответственность».

На лексико-семантическом уровне выявлена дивергенция в способах номинации источников информации. Англоязычный дискурс тяготеет к конкретизирующим атрибутивным цепочкам: «a senior Pentagon official who spoke on condition of anonymity», «three people familiar with the matter». Подобная детализация, даже при сохранении анонимности, активирует фрейм расследования – реципиент когнитивно моделирует ситуацию журналистского доступа к инсайдерской информации [9, с. 415], что повышает оценку релевантности. Русскоязычный дискурс чаще прибегает к генерализованным номинациям: «эксперты», «аналитики», «источники». Степень референциальной неопределённости при этом выше; фреймовая активация – диффузнее.

Грамматико-синтаксический анализ обнаружил ещё одну значимую дихотомию. Номинализация – трансформация процессуальных значений в субстантивные – функционирует в двух языках с различным прагматическим эффектом. В англоязычных медиатекстах номинализации (investigation, assessment, implementation) создают эффект завершённости и институциональной верифицированности действия; они имплицируют существование агента-института, осуществившего процедуру [11, с. 90]. Русскоязычные номинализации – «расследование», «оценка», «реализация» – несут аналогичный потенциал, однако их дистрибуция в корпусе оказалась смещена: они концентрировались преимущественно в заголовках и лидах, тогда как в телетекста уступали место финитным глагольным конструкциям. Этот дистрибутивный контраст, вероятно, детерминирован различиями в синтаксической норме двух языков, но его когнитивное следствие состоит в том, что «упаковка» информации в номинальные структуры и, соответственно, сопряжённый с ней эффект объективизации распределяются по тексту неравномерно – с пиком в начале и затуханием к середине.

Отдельного рассмотрения заслуживает прагматика цитатного дискурса. В англоязычных онлайн-медиа прямое цитирование устойчиво ассоциируется с конвенцией точности; кавычки выполняют функцию иконического знака верифицированности – они визуально «отграничивают» голос источника от голоса автора, что когнитивно интерпретируется как акт эпистемической дистанции. Смешение прямой и косвенной речи в пределах одного абзаца – распространённая в англоязычной журналистике техника – создаёт эффект полифонии, который, согласно ряду экспериментов [7, с. 88], повышает субъективную оценку сбалансированности текста. В русскоязычном дискурсе цитатный режим отличается: доля прямого цитирования ниже; преобладает пересказ с элементами свободного косвенного дискурса, границы между авторским и чужим словом размываются. Когнитивный эффект подобного размывания амбивалентен – он может восприниматься и как апроприация чужой компетентности (повышение доверия к автору), и как манипулятивное стирание ответственности (снижение доверия).

Фреймовый анализ позволил идентифицировать несколько устойчивых «фреймов достоверности», активируемых текстовыми средствами. Фрейм «научная объективность» запускается лексикой количественной определённости (проценты, даты, топонимы, имена собственные), номинализациями и безличными конструкциями; он функционирует сходным образом в обоих языках, хотя набор активаторов различается. Фрейм «инсайдерский доступ» – порождение преимущественно англоязычного журналистского дискурса – активируется атрибутивными цепочками с указанием на условия получения информации. Фрейм «государственная санкция» – характерный для русскоязычного подкорпуса – включается при отсылках к официальным ведомствам и воспроизводит когнитивную модель вертикального авторитета [10, с. 242]. Каждый из фреймов предполагает собственную процедуру валидации: для «научной объективности» реципиент активирует схему проверяемости, для «инсайдерского доступа» – схему эксклюзивности, для «государственной санкции» – схему институциональной легитимности.

Выявленная дисперсия фреймов порождает вопрос о когнитивной «стоимости» переключения между ними при чтении мультиязычного потока информации – ситуации, которая становится нормой для билингвальных пользователей. Если каждый фрейм доверия культурно калиброван и активируется языково-специфическими сигналами, то реципиент, потребляющий русскоязычные и англоязычные источники попеременно, вынужден оперировать двумя параллельными «грамматиками доверия» [5, с. 117]. Переключение между ними, по всей видимости, влечёт дополнительную когнитивную нагрузку, которая – при определённых условиях – может снижать критичность оценки за счёт истощения ресурсов аналитической системы (System 2 по Д. Канеману).

Обращает на себя внимание и роль метадискурсивных маркеров – тех элементов текста, которые эксплицитно организуют взаимодействие автора с читателем. В англоязычных медиатекстах высока частотность так называемых engagement markers (you, we, consider this) и hedges (it appears, arguably); совместное присутствие этих двух классов создаёт прагматический эффект «приглашения к совместной эпистемической ответственности» – автор как бы предлагает реципиенту разделить неопределённость, что парадоксальным образом повышает воспринимаемую честность текста [13, с. 361]. Русскоязычный онлайн-медиадискурс, напротив, обнаруживает дефицит engagement markers; авторская позиция конструируется как дистанцированная и монологичная. Метадискурсивная стратегия русскоязычного текста тяготеет к директивному модусу: «следует отметить», «необходимо учитывать» – конструкции, которые имплицируют иерархическое отношение автора к аудитории и, соответственно, активируют фрейм авторитета, а не фрейм партнёрства.

Ещё одна закономерность, обнаруженная в ходе анализа, касается темпоральной организации дискурса. Англоязычные медиатексты демонстрируют тенденцию к «нарративной хронологии» – даже аналитические материалы структурируются вокруг временной оси (first... then... eventually), что активирует когнитивный сценарий «истории» и повышает вовлечённость. Русскоязычные тексты чаще организуются по логико-тематическому принципу – блоками, между которыми темпоральные связи факультативны. Когнитивное следствие: нарративная организация эксплуатирует эвристику нарративного транспорта – механизм, при котором увлечённость историей снижает критичность оценки [1, с. 43]; логико-тематическая организация, напротив, апеллирует к аналитическому модусу восприятия, но при этом создаёт более высокую когнитивную нагрузку, что – при сканирующем чтении, типичном для онлайн-среды – может парадоксально снижать глубину обработки.

Совокупность выявленных расхождений позволяет утверждать, что доверие к источнику в онлайн-медиа не редуцируется ни к институциональной репутации издания, ни к фактологической верифицируемости контента. Языковая организация текста – его модальная структура, цитатный режим, метадискурсивная стратегия, темпоральная архитектура – формирует имплицитный «профиль достоверности», который когнитивно обрабатывается параллельно с содержанием и зачастую – до него. При этом механизмы этой обработки обнаруживают выраженную языковую и культурную специфичность: то, что в англоязычном дискурсе функционирует как сигнал объективности (хеджирование, полифония, engagement markers), в русскоязычном – при структурно аналогичной реализации – может восприниматься как маркер некомпетентности или уклонения.

Из этого следует, что перенос англоязычных моделей медиаграмотности – а большинство программ fact-checking и media literacy разработаны именно в англоязычном контексте – в русскоязычную среду без учёта лингвокогнитивной специфики чреват системными искажениями. Критерии оценки достоверности, сформулированные для одной «грамматики доверия», оказываются нерелевантными или контрпродуктивными в другой.

Проведённый сопоставительный анализ русскоязычных и англоязычных онлайн-медиа позволил установить, что лингвистические факторы доверия к источнику информации обладают выраженной языковой и культурной обусловленностью, которая не сводится к различиям в грамматическом строе двух языков, а затрагивает глубинные когнитивные механизмы атрибуции достоверности.

Выявлена устойчивая оппозиция двух стратегий конструирования авторитетного высказывания – «делегированной достоверности» в англоязычном дискурсе и «авторо центричной ассертивности» в русскоязычном. Каждая из стратегий опирается на специфический набор лексико-грамматических и прагматических средств; каждая активирует собственные фреймы доверия и, соответственно, предполагает различные когнитивные процедуры валидации со стороны реципиента. Принципиально существенным представляется то обстоятельство, что прагматическая «валентность» формально тождественных дискурсивных инструментов – хеджирования, номинализации, цитатного дискурса – оказывается инвертированной при переходе от одного лингвокультурного контекста к другому.

Установлено, что метадискурсивная организация текста – в частности, соотношение engagement markers и директивных конструкций – модулирует когнитивный режим восприятия: партнёрский versus иерархический модус взаимодействия автора с аудиторией. Темпоральная структура дискурса – нарративная хронология

в англоязычных текстах против логико-тематической блочности в русскоязычных – дополнительно дифференцирует когнитивные сценарии обработки, задействуя различные эвристики (нарративный транспорт versus аналитическая декомпозиция).

Фреймовый анализ эксплицировал три устойчивых «фрейма достоверности» – «научная объективность», «инсайдерский доступ» и «государственная санкция», – дистрибуция которых между двумя подкорпусами неравномерна и отражает различия в культурных моделях экспертности и институционального авторитета. Билингвальный пользователь, оперирующий двумя параллельными системами лингвокогнитивной калибровки доверия, испытывает дополнительную когнитивную нагрузку при переключении между ними; данное обстоятельство релевантно для разработки программ медиаграмотности, адаптированных к мультиязычной информационной среде.

Выявленные закономерности указывают на необходимость пересмотра универсалистских моделей медийного доверия, которые имплицитно экстраполируют англоязычные дискурсивные конвенции на иноязычные контексты. Механизмы языкового конструирования достоверности культурно калиброваны; игнорирование этой калибровки обесценивает как теоретические модели, так и прикладные инструменты оценки качества медиаконтента.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бочарова Е.С. Лингвистические особенности англоязычных медиатекстов по теме «Международные отношения» // Вопросы романо-германской и русской филологии. 2019. Т. 1. С. 42–44.
2. Россихина М.Ю., Икатова И.И. Роль метадискурсивных маркеров в информационно-рекламных текстах туристического дискурса в русской и английской лигвокультурах // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2023. № 3 (50). С. 203–218.
3. Грибовод Е.Г. Интернет-дискурс // Дискурс-Пи. 2013. № 3 (13). С. 118–119.
4. Асмус Н.Г. Анализ лингвопрагматических особенностей интернет-комментария в период борьбы с коронавирусом COVID-19 (на материале британских СМИ) // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2021. № 2 (40). С. 40–47.
5. Матвеева Н.В. Лексические сокращения в англоязычных текстах интернет-пространства // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2021. Т. 7. № 1. С. 116–132.
6. Хавин П.А. Американские и британские компании сферы интеллектуальной обработки данных: сравнительно-сопоставительное исследование медиадискурсов // Филологический аспект. 2024. № 12 (116). С. 55–62.
7. Галиуллина О.Р. Характеристики виртуальной языковой личности автора англоязычной сетевой кинорецензии // Вопросы журналистики, педагогики, языкознания. 2024. Т. 43. № 1. С. 78–89.
8. Полухина П.А. Информационная открытость-закрытость на примере составления электронных словарей английского языка // Информация–Коммуникация–Общество. 2017. Т. 1. С. 203–209.
9. Рабинович Е.Л. Выражение интеллектуального превосходства в русской и английской лингвокультурах (на материале интернет-форумов) // Жанры речи. 2007. № 5. С. 412–424.
10. Чижик А.В. Тенденции вербальной коммуникации и визуального оформления интернет-СМИ в эпоху WEB 2.0 // Медиалингвистика. 2013. № S2. С. 240–243.
11. Горская М.Д. Лексическая репрезентация образа ученого в русскоязычных и англоязычных СМИ (на материале интернет-изданий ИТАР-ТАСС и BBC) // Лингвокультурология. 2015. № 9. С. 68–96.
12. Борисова И.А. Искажение русской и английской речи в виртуальной коммуникации // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2012. № 646. С. 30–38.
13. Воякина Е.Ю. Лингвистические и экстралингвистические маркеры фактоидов в современной интернет-коммуникации // Преподаватель XXI век. 2023. № 1–2. С. 357–370.
14. Солнцева Е.С. Социокультурная специфика когерентности в медиадискурсе на русском, английском, испанском и немецком языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2025. Т. 18. № 1. С. 71–76.
15. Добросклонская Т.Г., Едличко А.И. Первая международная конференция «Язык в координатах массмедиа»: научный форум медиалингвистики // Вестник Московского университета. Серия 19: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2017. № 1. С. 187–191.

© Гасанов Анар Гюмшуд оглы (anarboard@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2026.04–2.13

НЕМЕЦКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ МАССМЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ

GERMAN BORROWINGS IN CONTEMPORARY ENGLISH MASS MEDIA DISCOURSE

L. Dzasezheva
A. Malkandueva
A. Gelyastanova

Summary: The article examines how German borrowings function in contemporary English mass media discourse, drawing on The Guardian publications from 2010 to 2026. The study aims to identify the semantic and stylistic roles that German lexical items play in journalistic writing and to outline the thematic domains where they are most frequent. The analysis considers genre and textually prominent positions, as well as evaluative meaning and immediate co-text. The findings show that Germanisms serve as tools of semantic compression, evaluation, and cultural-historical positioning, with some items becoming recognizable journalistic labels for emotions, practices, and ideological notions.

Keywords: German borrowings, mass media discourse, newspaper style, evaluative meaning, lexical adaptation, cultural-historical memory.

Дзасежева Лариса Халифовна
кандидат филологических наук, доцент,
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, (г. Нальчик)
dzasezheva@mail.ru
Малкандуева Аминат Хизировна
кандидат филологических наук, доцент,
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, (г. Нальчик)
a.guzieva@mail.ru
Гелястанова Асият Львовна
кандидат филологических наук, доцент,
Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова, (г. Нальчик)
loginova-margo@bk.ru

Аннотация: В статье рассматриваются особенности функционирования немецких заимствований в современном английском массмедийном дискурсе на материале публикаций газеты The Guardian за 2010–2026 гг. Цель исследования состоит в том, чтобы определить, какие смысловые и стилистические функции выполняют немецкие лексемы в журналистских текстах и в каких тематических зонах они наиболее востребованы. Анализ проводится в контексте жанра и композиционно сильных позиций, а также с учётом оценочной нагрузки и ближайшего словесного окружения. Показано, что германизмы используются как средство смысловой компрессии, выражения оценки и культурно-исторического позиционирования, при этом часть единиц закрепляется как узнаваемые публицистические «ярлыки» эмоций, практик и идеологем.

Ключевые слова: немецкие заимствования, массмедийный дискурс, газетный стиль, оценочность, лексическая адаптация, культурно-историческая память.

Введение

Немецкие заимствования в современном английском языке сохраняют заметную роль не только как обозначения реалий немецкой культуры, но и как выразительные средства публичной речи. Актуальность исследования определяется тем, что массмедийный дискурс ускоряет распространение языковых новаций. Лексика, регулярно появляющаяся в заголовках, лидах и авторских колонках, быстрее закрепляется в публичном обсуждении, чем в других сферах общения. Особый интерес представляют немецкие заимствования, связанные с философией, политикой, исторической памятью и культурной самооценкой, а также с эмоционально-этическими значениями. Их употребление позволяет проследить, как английская журналистика сочетает информирование с интерпретацией и как в одном контексте взаимодействуют нейтральное описание и оценочная подача.

Цель работы – описать особенности употребления немецких заимствований в современном английском массмедийном дискурсе на материале газеты The Guardian и определить, какие смысловые и стилистические функции эти единицы выполняют в публикациях.

Объектом исследования являются немецкие лексические заимствования в современном английском языке. Предмет исследования – их функционирование в текстах газеты The Guardian.

Теоретическая основа работы исходит из понимания заимствования как многоэтапного процесса. Существенен не только переход слова из языка источника в язык реципиент, но и условия закрепления, изменения формы и значения, а также коммуникативные задачи, ради которых его выбирают говорящие. В исследованиях языковых контактов показано, что заимствование не сводится к механическому переносу единицы, поскольку в новом

языке слово адаптируется и соотносится с его нормами и моделями употребления [9]. Более поздние работы подчёркивают зависимость характера заимствований от социальных и жанровых факторов, из-за чего одни слова быстро входят в общий обиход, а другие остаются книжными или стилистически маркированными [11].

В российской лингвистике внимание смещается от описания источников к функционированию заимствований в речи и к соотношению нормы и узуса. Степень освоенности связывают с устойчивостью графики, включённостью в словообразовательные и грамматические модели, семантическими изменениями и расширением сфер употребления [5; 7]. Разграничение прямых заимствований, частично освоенных единиц и гибридных образований позволяет описывать разные уровни интеграции слова в систему языка. Прямое заимствование функционирует как готовая единица без обязательного перевода, частично освоенные случаи сохраняют признаки иноязычности в написании или вариативности, гибридные конструкции формируются на английской почве и сочетают немецкий компонент с английской моделью. В анализе медийного материала чаще всего учитываются частотность и регулярность употребления, графические показатели, включая варианты написания, диакритику и колебания капитализации, морфологическая интеграция и семантическая динамика, прежде всего расширение значения и сдвиг стилистической окраски [5; 7]. Эти параметры позволяют рассматривать заимствование как элемент реальной письменной практики, где устойчивость сочетается с вариативностью.

Массмедийный дискурс выступает средой ускоренного распространения заимствований и формирования их прагматических функций. В российской медиалингвистике подчёркивается, что язык СМИ организован жанрами и форматами, поэтому выбор слова определяется не только темой, но и задачами интерпретации, оценивания и удержания внимания аудитории [2; 3]. В аналитической журналистике и авторской колонке заимствование помогает кратко обозначить сложный смысл, усилить выразительность и обозначить позицию автора [8]. Поскольку заголовок и лид обладают повышенной смысловой нагрузкой и ограничены по объёму, именно там закрепляются слова, работающие как сжатые концепты и маркеры оценки. При описании медийного текста как целостной структуры отмечается роль композиционно сильных позиций, где лексический выбор особенно влияет на интерпретацию сообщения [1]. Поэтому заимствования в СМИ целесообразно рассматривать как системный ресурс жанровой выразительности, в том числе в публицистике, культурной критике и политическом комментарии.

Прагматический аспект заимствований понимается как способность иноязычного слова выполнять функцию социального и культурного сигнала. В зарубежной социолингвистике и прагматике эта идея связана с индексальностью, когда форма указывает не только на предмет речи, но и на регистр, культурную рамку, дистанцию автора и предполагаемую компетентность читателя [10]. В российской традиции близкие наблюдения описываются через оценочность, стилистическую маркированность и коммуникативные стратегии медийного текста. Заимствование используется для усиления оценки и иронии, демонстрации книжности или экспертности, а также для эффекта точности, когда немецкое слово воспринимается как более ёмкое и культурно закреплённое [3; 8]. При этом публичная речь способна менять статус лексики, и то, что в словаре выглядит книжным или терминологическим, в медийной практике становится узнаваемым и приближается к общеупотребительной зоне. Наблюдения за закреплением новых привычек употребления и «модных» слов объясняют, почему отдельные заимствования превращаются в клише для описания эмоций, общественных настроений и политических практик [4; 6].

В итоге теоретическая рамка объединяет контактно-лингвистическое понимание заимствования и функциональный взгляд на медийный текст. Немецкие заимствования рассматриваются и как единицы, проходящие адаптацию, и как средства выразительности, позволяющие экономно упаковывать смысл, задавать оценку и маркировать культурную перспективу высказывания.

Материалы и методы

Материал исследования составили примеры употребления немецких заимствований в публикациях газеты The Guardian за 2010–2026 гг., включая фиксации как в заголовках, так и в основном тексте.

Анализ строился на рассмотрении каждого случая в контексте, с учётом жанровой принадлежности материала, позиции слова в композиции текста и его ближайшего окружения. Заимствования дополнительно распределялись по тематическим областям, в том числе по сферам политики, культуры, эмоций, исторической памяти и повседневной коммуникации, что позволяло сопоставлять условия их выбора и типичные смысловые роли. Отдельное внимание уделялось оценочной функции, то есть тому, как использование немецкого слова усиливает одобрение, критичность или иронию и как оно работает в авторском комментировании. Степень освоенности заимствований в английской письменной практике оценивалась по орфографическим и формальным признакам.

Исследование носит качественный характер и опирается на иллюстративную выборку примеров, не предполагая статистических обобщений.

Результаты и обсуждение

Эмпирический материал показывает, что немецкие заимствования в современном английском массмедийном дискурсе используются не эпизодически, а как устойчивый ресурс смысловой компрессии, оценки и культурного позиционирования.

Одной из наиболее заметных функций является краткое обозначение обобщающих характеристик эпохи и общественного настроения. Заголовок "The *zeitgeist* is changing. A strange, romantic backlash to the tech era looms" [The Guardian, 2023] строится вокруг заимствования *zeitgeist* (дух времени), которое позволяет без развернутых пояснений говорить о сложном комплексе культурных и идеологических сдвигов. В английском публицистическом употреблении слово экономит текст и сразу поднимает обсуждение на уровень обобщения, что в заголовке особенно важно.

Похожим образом, но в более книжном стиле, функционирует *Weltanschauung* (взгляд, восприятие). В фрагменте "Back then… what made a writer 'great' – it was his or her world view or, to use the term most frequently mangled in academic discourse of the time, their Weltanschauung." [The Guardian, 2021] заимствование вводится как более точное и одновременно более статусное обозначение *world view*. Здесь важно, что автор противопоставляет обычное английское выражение и академический германизм.

Немецкие заимствования активно участвуют и в политическом комментировании, где они часто выполняют оценочную функцию. Заголовок "The real Brexit battle was democracy in *realpolitik*" [The Guardian, 2020] строит центральную оппозицию на немецком слове. В данном контексте *realpolitik* обозначает не просто реалистичную политику, а скорее прагматизм с оттенком цинизма; заимствование здесь удобнее английской переформулировки, потому что несёт устойчивую историко-политическую коннотацию и звучит как готовая формула.

Сходная логика наблюдается и в использовании *Kulturkampf* (культурная борьба). В разъясняющем фрагменте "For Holland, the term culture war has a stricter meaning, relating to the German word *Kulturkampf*…" [The Guardian, 2021] германизм включается как исторический источник современного понятия, придавая дискуссии глубину и родословную. В другом примере "Bismarck started the *Kulturkampf* (the original meaning of culture war) …" [The Guardian, 2025] лексема поддерживает аргументацию через отсылку к прусскому контексту.

Историко-политические германизмы в газете The Guardian часто используются для активации культурной памяти. В примере "After Hitler's annexation of Austria, the *Anschluss*…" [The Guardian, 2024] немецкое слово *Anschluss* не заменяется английским *annexation*, хотя оно уже прозвучало в тексте, заимствование маркирует событие как исторически именованное и морально нагруженное. Аналогично работает и длинный, труднопереводимый германизм *Vergangenheitsbewältigung*: "Germany was always extremely serious about the *Vergangenheitsbewältigung*…" [The Guardian, 2024]. Здесь заимствование важно именно своей неудобностью так, как оно удерживает специфическую немецкую рамку разговора о работе с прошлым и тем самым подчеркивает, что речь идет о культурно закреплённой практике, а не о нейтральном исправлении ошибок прошлого.

К политико-идеологическим словам примыкает и *verboten*, которое в английской прессе используется как выразительный заменитель "forbidden/ban". В примере "Prominent columnists wrote… the word 'women' had 'become *verboten*'" [The Guardian, 2025] заимствование усиливает иронию, автор демонстрирует преувеличенность риторики запрета, выбирая подчеркнуто чужое, театрализованное слово.

Отдельную группу составляют германизмы, которые называют эмоции и психологические состояния. Они особенно часто появляются в заголовках, поскольку быстро задают тон текста. *Schadenfreude* (злорадство) – одно из наиболее закрепившихся слов такого типа. В заголовке "The secret joys of *Schadenfreude*" [The Guardian, 2018] заимствование сразу формирует тему как сложно называемую эмоцию, требующую культурного ярлыка.

К тому же полю относится слово *angst* (страх, тревога), которое в газете свободно сочетается с английской словообразовательной моделью и выглядит практически полностью освоенным. "How becoming a Samaritan helped me beat middle-aged *angst*" [The Guardian, 2019] демонстрирует типичное расширение и *angst* обозначает не строго философскую экзистенциальную тревогу, а общий фон беспокойства, связанный с возрастом и образом жизни. В статьях 2025 года слово устойчиво используется как определение в заголовках: "*Angst-filled* black metal music…"; "why we're in love with literary *angst*". Повторяемость в сильных позициях и способность формировать производные сочетания (*angst-filled*) подтверждают высокий уровень освоенности.

Схожим образом функционирует *doppelgänger/ doppelganger* (двойник), причём материал даёт сразу два графических варианта. В заголовке "Twice in a lifetime: would you dare meet your *doppelgänger*?" [The Guardian, 2023] сохранение диакритики подчеркивает культурность слова и его немецкое происхождение. В другом заголовке "Double trouble: the hard life of the movie *doppelganger*" [The Guardian, 2018] слово пишется без умлау-

та, что выглядит как шаг к графической адаптации. В обоих случаях германизм обозначает не просто двойника, а культурный сюжет, связанный с мотивом раздвоения и тревожной идентичности; именно эта ассоциация делает заимствование предпочтительным для медийной подачи.

Выражение *sturm und drang* (буря и натиск) используется описания конфликтной динамики, кризисов в политике и культуре. Так, в авторской оценке года: "beset with near-endless political *sturm und drang*" [The Guardian, 2019] выражение работает как культурная формула «бурного» времени и одновременно как стилистическое усиление. В культурной журналистике оно легко переносится на описание фестивального репертуара: "Berlin film festival 2020 roundup: *sturm und drang* and pigs and cows" [The Guardian, 2020]. В этом контексте выражение уже почти отрывается от исходной литературно-исторической привязки и становится удобным медийным обозначением интенсивной драматичности.

Особый случай – заимствования, связанные с военной метафорикой и риторикой мобилизации. В заголовке "Can we please stop invoking the '*blitz spirit*' at the first sign of crisis?" [The Guardian, 2021] выражение *blitz spirit* (дух блица) используется критически, где автор выступает против автоматического героизирующего шаблона. Заимствование здесь важно именно как элемент клише так, как оно обозначает не событие, а медийную привычку интерпретации. *Blitzkrieg* (молниеносная война) в англоязычных новостях, напротив, чаще работает как сильная обвинительная метафора стремительной агрессии. "Trump's disregard for US constitution 'a *blitzkrieg on the law*'" [The Guardian, 2025] переводит политическое событие в военную картину, усиливая оценку. В другом примере слово включено в перечисление коммуникационных тактик: "a campaign using '*blitzkrieg*' and 'guerrilla' tactics" [The Guardian, 2014]. Здесь *blitzkrieg* функционирует как медийная метафора агрессивного натиска в пиаре, то есть расширяет значение и закрепляется в языке описания стратегий воздействия.

Ряд германизмов используется преимущественно как оценочные ярлыки, позволяющие быстро обозначить неработоспособность или вынужденность ситуации. Показателен пример из европейской политической тематики "Why the Franco-German engine that powered the EU is currently *kaput*" [The Guardian, 2024], где заимствование оформляет вывод о неработоспособности описываемого механизма. В другой статье встречается орфографический вариант с удвоенной t "neoliberalism is *kaputt*" [The Guardian, 2017]. Параллельное употребление форм *kaput* и *kaputt* указывает, с одной стороны, на достаточно широкую распространенность слова, а с другой на неполную устойчивость его написания в английской письменной практике.

Слово *ersatz* (заменитель) последовательно несёт негативную оценку и используется как компактное средство разоблачения ненастоящего. Например, "The *ersatz* hedge: how we're debasing England's rural landscape" [The Guardian, 2021]; "ersatz fantasy economics… rooted in a past that never existed" [The Guardian, 2026]. Во всех случаях заимствование делает критику точной и резкой без длинных пояснений, потому что само слово уже несёт смысл «заменителя, суррогата».

Ещё один пример сжатого оценочного обозначения – *Zugzwang* (цугцванг), пришедший из шахматной лексики и используемый как модель принудительного выбора. "The Americans and their allies face *Zugzwang*…" [The Guardian, 2010]. В этом контексте слово даёт аналитическую рамку ситуации, в которой любой ход ухудшает положение.

В текстах, рассчитанных на культурно подготовленного читателя, встречаются и более узкие германизмы, которые выполняют роль точного термина с оттенком авторской экспертности. Например, использование лексемы *Bildungsroman* (роман взросления) в литературном обзоре: "it is a *Bildungsroman* – a coming of age novel" [The Guardian, 2021]. Показательно, что германизм сопровождается английским пояснением, это компромисс между точностью термина и доступностью текста.

Некоторые немецкие слова выступают как маркеры культурной фактуры и создают эффект достоверности, особенно в темах путешествий и повседневности. Например, "*Wanderlust*: 'a strong desire… to wander…'" [The Guardian, 2015]; "*Wanderlust* and stolen land…" [The Guardian, 2021]. В этих примерах германизм *Wanderlust* (сильное желание путешествовать) функционирует как привлекательная эмоция, связанная с культурой путешествий. Похожий эффект дают слова, связанные с немецкими реалиями: "The barefoot *biergarten* in Hamburg" [The Guardian, 2010]; "The big *bratwurst* brawl…" [The Guardian, 2025]. Здесь заимствование не только называет предмет, но и передает европейский колорит; замена на нейтральные английские аналоги ослабила бы образность и культурную привязку.

Слово *kaffeeklatsch* (кофейные сплетни) иллюстрирует ещё один тип медийного обращения с германизмами: введение редкой единицы через явное объяснение и значения. "Borrowed from German in the 1800s, a *kaffeeklatsch* is a chattering catch-up…" [The Guardian, 2025]. Для газетного текста важно, что объяснение делает слово почти своим и одновременно демонстрирует вкус автора к точным и выразительным обозначениям.

Наконец, часть германизмов используется для стилистической оценки в сфере культуры и политики. "How *kitsch* became cool…"[The Guardian, 2023] демонстрирует,

что слово *kitsch* (китч) прочно закрепилось как международный термин эстетической оценки. В политическом комментарии оно легко переносится на символическую продукцию: "feels less *kitsch* and more cult [The Guardian, 2025]. Заимствование позволяет автору точно дозировать пренебрежение или иронию, не прибегая к грубой лексике.

Выводы

Анализ эмпирического материала показывает, что немецкие заимствования в современном английском массмедийном дискурсе выполняют функции, выходящие далеко за пределы простого называния. В большинстве рассмотренных контекстов немецкое слово выбирается потому, что позволяет кратко и узнаваемо обозначить сложный смысловой комплекс, который в английском языке потребовал бы развернутого описания. Таковы, например, *zeitgeist, realpolitik, Zugzwang, Vergangenheitsbewältigung*. Эти единицы работают как удобные ярлыки для обобщений, особенно в заголовках и аналитических формулировках.

Второй устойчивый результат связан с оценочностью. Ряд германизмов используется как средство выраженной характеристики – часто критической или иронической – и тем самым усиливает авторскую позицию. Это проявляется в словах *ersatz, kaput/kaputt, blitzkrieg, verboten*, которые в газетном контексте нередко выступают как готовые оценки, не требующие дополнительных пояснений. При этом эмоционально-психологические заимствования (*angst, schadenfreude, doppelgänger*) показывают высокий уровень освоенности.

Отдельного внимания заслуживает то, как пресса регулирует баланс между доступностью и культурной маркированностью. В некоторых случаях германизм используется без объяснения, что предполагает его известность массовому читателю (*angst, kitsch*). В других – слово сопровождается переводом, краткой справкой или этимологическим комментарием (*Weltanschauung, Bildungsroman, kaffeeklatsch*). Такая стратегия позволяет одновременно сохранять выразительность чужого слова и не потерять читателя, для которого заимствование может быть новым.

Наконец, материал демонстрирует, что степень освоенности отражается и в письме так, как встречается вариативность написания (*kaput/kaputt, doppelgänger/doppelganger*), колебания в капитализации (*Kulturkampf/kulturkampf*), сохранение или утрата диакритики. Эти признаки показывают, что для некоторых единиц важным остаётся эффект «иностранности», который поддерживает стилистическую задачу текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Валгина Н.С. Теория текста: учебное пособие. – М.: Логос, 2013. – 280 с.
2. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ. – М.: Флинта, 2014. – 263 с.
3. Клушина Н.И. Медиастилистика. – М.: Флинта, 2018. – 183 с.
4. Кронгауз М.А. Русский язык на грани нервного срыва. – М.: Знак; Языки славянских культур, 2007. – 232 с.
5. Крысин Л.П. Русское слово, своё и чужое: исследования по современному русскому языку и социолингвистике. – М.: Языки славянской культуры, 2004. – 888 с.
6. Левонтина И.Б. О чём речь. – М.: АСТ; Corpus, 2016. – 506 с.
7. Маринова Е.В. Иноязычная лексика в современном русском языке: учебное пособие. – М.: Флинта, 2014. – 296 с.
8. Чернявская В.Е. Дискурс власти и власть дискурса: проблемы речевого воздействия. – М.: Флинта, 2017. – 136 с.
9. Haugen E. The Analysis of Linguistic Borrowing // Language. – 1950. – Vol. 26, № 2. – P. 210-231.
10. Silverstein M. Indexical Order and the Dialectics of Sociolinguistic Life // Language & Communication. – 2003. – Vol. 23, № 3-4. – P. 193-229.
11. Thomason S.G. Language Contact: An Introduction. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2001. – 310 p.

© Дзасежева Лариса Халифовна (dzasezheva@mail.ru), Малкандуева Аминат Хизировна (a.guzieva@mail.ru), Гелястанова Асият Львовна (loginova-margo@bk.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2026.04–2.14

РЕЧЕВОЙ ЖАНР ПРОСЬБЫ В ИНТЕРНЕТ-КОММУНИКАЦИИ: ДИСКУРСИВНЫЙ И ПРАГМАЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ (НА МАТЕРИАЛЕ КОММЕНТАРИЕВ В TELEGRAM-КАНАЛАХ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ ТЕМАТИКИ)

Егорова Людмила Геннадьевна
Доктор филологических наук, доцент, Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Республики Крым, Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова, (г. Симферополь)
legora@list.ru
Сурган Марина Александровна
Старший научный сотрудник, Центр изучения гражданских инициатив; Преподаватель, Государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Республики Крым, Крымский инженерно-педагогический университет имени Февзи Якубова, (г. Симферополь)
surik_m@rambler.ru

THE SPEECH GENRE OF REQUESTS IN ONLINE COMMUNICATION: DISCURSIVE AND PRAGMALINGUISTIC ASPECTS (BASED ON COMMENTS IN EDUCATIONAL TELEGRAM CHANNELS)

L. Egorova
M. Surgan

Summary: The article examines the functional specificities of the speech genre of request in the domain of online communication. The relevance of the study is determined by the need to describe the transformation of traditional speech genres under the influence of electronic communication channels and emerging discursive practices. The study **aims** to identify the discursive and pragmalinguistic characteristics of requests in Russian-language educational Telegram channels. **The material** comprises user comments (452 texts) on posts in channels devoted to foreign-language learning, exam preparation, and professional development (2024–2025). The research employs discourse analysis, pragmalinguistic description, quantitative analysis, and genre-based modelling. The findings show that the realization of the request genre in the educational segment of Telegram is characterized by hybridization with the genres of information inquiry, help-seeking, and gratitude; a shift in the traditional structure of the speech act is observed, along with the active use of platform-specific graphic and punctuation devices to compensate for the absence of nonverbal cues. Quantitative analysis reveals the frequency of politeness formulae, emojis, and other mitigation markers. A comparison with comments on VKontakte and educational forums demonstrates that genre realization depends on the technical and communicative affordances of the platform. **The results** may be used in teaching courses in text linguistics, speech genre theory, speech culture, and Internet linguistics.

Keywords: online communication, speech genres, request genre, directive speech acts, educational discourse, Telegram channels, politeness strategies.

Аннотация: В статье рассматриваются особенности функционирования речевого жанра просьбы в пространстве интернет-коммуникации. Актуальность исследования обусловлена необходимостью описания трансформации традиционных речевых жанров под влиянием электронного канала связи и новых дискурсивных практик. **Цель работы** – выявить дискурсивные и прагмалингвистические характеристики просьбы в русскоязычных Telegram-каналах образовательной направленности. **Материалом** послужили комментарии пользователей (452 текста) к постам в каналах, посвященных изучению иностранных языков, подготовке к экзаменам и повышению квалификации (2024–2025 гг.). В работе применяются методы дискурсивного анализа, прагмалингвистического описания, количественного анализа и жанроведческого моделирования. Установлено, что реализация жанра просьбы в образовательном сегменте Telegram характеризуется гибридизацией с жанрами запроса информации, обращения за помощью и благодарности; наблюдается изменение традиционной структуры речевого акта, а также активное использование специфических средств графической и пунктуационной выразительности для компенсации отсутствия невербальных компонентов. Количественный анализ позволил выявить частотность употребления этикетных формул, эмодзи и других маркеров смягчения. Сопоставление с комментариями в социальной сети ВКонтакте и на образовательных форумах показало зависимость жанровой реализации от технических и коммуникативных особенностей платформы. **Результаты** исследования могут быть использованы в преподавании курсов по лингвистике текста, теории речевых жанров, культуре речи и интернет-лингвистике.

Ключевые слова: интернет-коммуникация, речевые жанры, жанр просьбы, директивные речевые акты, образовательный дискурс, Telegram-каналы, стратегии вежливости.

Введение

Современная лингвистика уделяет пристальное внимание изучению интернет-коммуникации как особой сферы функционирования языка. Появление глобальной сети привело к формированию новых дискурсивных практик и трансформации уже существующих [4; 6]. В центре внимания исследователей оказываются речевые жанры, которые, сохраняя свою интенциональную основу, приобретают специфические черты под влиянием электронного канала связи.

Особый интерес представляет образовательный сегмент интернет-коммуникации, где взаимодействие между авторами контента и подписчиками строится на основе запросов информации, разъяснений и помощи. Одной из ведущих платформ такого взаимодействия в России и странах СНГ является мессенджер Telegram, формирующий уникальные условия для реализации речевых жанров.

Цель данной работы – описать особенности реализации речевого жанра просьбы в комментариях к Telegram-каналам образовательной тематики и представить количественные данные, характеризующие данный жанр. Исследование выполнено в русле дискурсивного и прагмалингвистического подходов к изучению языковых единиц.

Материал и методы исследования

Материалом исследования послужили комментарии пользователей, оставленные в 2024–2025 гг. в пяти открытых Telegram-каналах образовательной направленности:

1. Канал по изучению английского языка (@english_with_natives);
2. Канал для подготовки к ЕГЭ по русскому языку (@ege_rus_100);
3. Канал для IT-специалистов с обучающими материалами (@it_mentor);
4. Канал по лингвистике и русскому языку (@linguistic_fun);
5. Канал о развитии soft skills (@soft_skills_lab).

Общий объем текстов составил 452 единицы. Отбор материала производился методом сплошной выборки по наличию интенции просьбы (прямые и косвенные речевые акты, направленные на побуждение адресата к действию). Применялись методы дискурсивного анализа (анализ коммуникативной ситуации, ролей участников), прагмалингвистического описания (анализ интенций и средств их выражения), количественного анализа (подсчет частотности различных языковых явлений), а также элементы жанроведческого моделирования по методике Т.В. Шмелевой [15].

Теоретические основания исследования

Теоретической базой работы послужили труды по теории речевых жанров. Основополагающее значение имеет работа М.М. Бахтина, который определил речевые жанры как «относительно устойчивые тематические, композиционные и стилистические типы высказываний» [2, с. 159]. Системное описание речевых жанров и методология их анализа представлены в коллективной монографии под редакцией К.Ф. Седова [1]. Дальнейшее развитие теория получила в исследованиях Т.В. Шмелевой, предложившей анкету речевого жанра, включающую коммуникативную цель, образ автора, образ адресата, диктум, фактор прошлого и фактор будущего [15]. Важное значение для понимания природы современных жанров имеют работы В.В. Дементьева, рассматривающего жанры как средство формализации социального взаимодействия [5].

В области интернет-лингвистики значительный вклад внесли исследования Е.И. Горошко, которая одной из первых предложила системное описание интернет-жанров [4]. Проблемы диалогичности в интернет-коммуникации рассматривались в работах Т.Н. Колокольцевой [9]. Применительно к синхронным форматам компьютерного общения, к которым тяготеет и Telegram, важные наблюдения сделаны Е.Н. Галичкиной в исследовании жанра «Чат» [3]. Дискурсивный анализ текстов интернет-диалогов был предметом исследования О.Ю. Усачевой [13]. Особенности функционирования просьбы и смежных жанров в образовательном дискурсе представлены в работах И.С. Харитоновой [14].

Просьба рассматривается исследователями как разновидность побудительного высказывания, в котором целеполагание говорящего направлено на действия или поведение адресата. В её прагматической природе сочетаются волеизъявление адресанта и стимуляция адресата к определённому комплексу действий в условиях добровольного сотрудничества, что предполагает сохранение за адресатом права отказа и вынуждает говорящего учитывать факторы уместности и эффективности воздействия. Жанр просьбы функционирует как в публичных, так и межперсональных дискурсах. При этом речевые модели и стратегии вежливого побуждения варьируются в зависимости от культурных норм и социальных правил, что проявляется в предпочтении тех или иных коммуникативных стратегий и сценариев речевого поведения [11]. Параметры коммуникативной ситуации просьбы зависят от характеристик адресанта и адресата, их статусно-ролевых отношений и формата общения: в межличностной коммуникации адресант может обладать любым статусом, тогда как в массовой коммуникации чаще занимает доминирующую позицию; адресат, в свою очередь, может быть реальным, потенциальным либо виртуальным. Композиция просьбы обычно включает

этикетное предварение, собственно просьбу и мотивировка. Включение этикетных компонентов и обоснования повышает вероятность выполнения просьбы [7; 10].

Результаты исследования

Анализ 452 комментариев, содержащих интенцию просьбы, позволил выявить ряд количественных и качественных характеристик исследуемого жанра.

Количественные характеристики

Проведенный количественный анализ показал следующие закономерности:

1. **Использование этикетных формул.** Этикетная формула «пожалуйста» встречается в 68% просьб (306 из 452). При этом в просьбах, адресованных администратору канала, частотность употребления «пожалуйста» возрастает до 82%, тогда как в просьбах к другим подписчикам снижается до 51%. Другие этикетные формулы («будьте добры», «будьте любезны») используются значительно реже — всего в 7% случаев.
2. **Использование эмодзи.** Графические маркеры эмоций (эмодзи) присутствуют в 43% просьб (194 из 452). Наиболее частотными являются: 🙏 (молитвенно сложенные руки) — 28% от всех просьб с эмодзи, 🤔 (задумчивое лицо) — 19%, 📚 (книги) — 12%, ❓ (вопросительный знак) — 15%. Наблюдается корреляция между использованием эмодзи и тональностью просьбы: в просьбах-жалобах эмодзи встречаются реже (12%), чем в нейтральных запросах информации (51%).
3. **Структурная полнота жанра.** Традиционная структура просьбы (обращение — аргументация — собственно просьба — благодарность) в полном объеме реализуется лишь в 23% случаев. Наиболее часто опускается обращение (отсутствует в 47% просьб) и благодарность (отсутствует в 38% просьб). При этом в развернутых просьбах, адресованных сообществу, структура, напротив, усложняется за счет дополнительной аргументации.

- **Гибридизация жанров.** Чистые просьбы составляют только 31% от общего числа. В остальных случаях наблюдаются гибридные формы: просьба-запрос информации — 28%; просьба-благодарность — 17%; просьба-жалоба — 12%; просьба-совет — 8%; просьба-предложение — 4%. Визуализация распределений гибридизации жанров представлена на рисунке 1.

  Наибольшее разнообразие гибридных форм наблюдается в Telegram (69% гибридных просьб), наименьшее – на форумах (41%). Это подтверждает тезис о том, что чем более оперативен и неформален канал коммуникации, тем активнее в нем происходят жанровые трансформации и гибридизация [4; 13]. Сопоставление с религиозным дискурсом, где гибридизация также ограничена жанровыми канонами [12], позволяет говорить о прямой зависимости степени жанровой свободы от типа дискурса и коммуникативной цели участников.

4. **Прямые и косвенные просьбы.** Прямые просьбы (с использованием императива или перформативных конструкций типа «прошу») составляют 44%. Косвенные просьбы (вопросы типа «не подскажете?», «можно узнать?», констатации типа

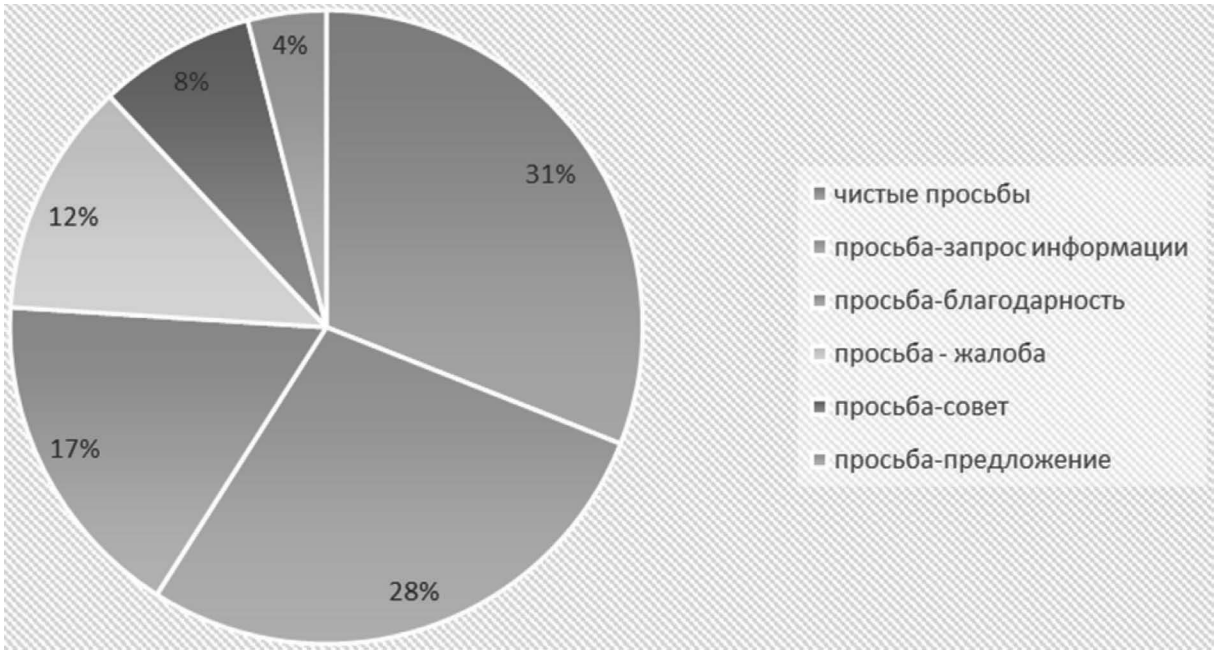


Рис. 1. Диаграмма распределений гибридизации жанров

«мне очень нужно») — 56%. Преобладание косвенных просьб свидетельствует о стремлении коммуникантов к смягчению директивности и сохранению «лица» адресата.

Качественный анализ

Тематическая специфика просьб

В образовательном дискурсе просьбы преимущественно связаны с запросом информации, разъяснения или дополнительных материалов. Например, *«Здравствуйте! А можно презентацию с вебинара в каком-нибудь более удобном формате, а то фото в посте не открываются? Спасибо!»* (канал @ege_rus_100). Здесь просьба (о предоставлении материалов) сочетается с обоснованием и этикетной рамкой.

«Ребята, подскажите, пожалуйста, какие каналы по английскому для уровня Intermediate посоветуете? Буду очень благодарна» (канал @english_with_natives). Данный пример демонстрирует типичную для образовательной среды просьбу-совет.

1. **Прагмалингвистические особенности.** Просьба в образовательных каналах часто смягчается за счет:
   - этикетных формул;
   - графических маркеров: эмодзи 🙏, 📑, 🥺, компенсирующих отсутствие интонации и мимики;
   - использования диминутивов: *«подскажите вопросик»*, *«есть вопросик»* (канал @linguistic_fun).

Наблюдается гибридизация просьбы с другими жанрами:

- *Просьба-жалоба*: *«Очень нужна ваша помощь. Никак не могу разобраться с 13 заданием, уже все перепробовал. Можете объяснить алгоритм?»* (канал @ege_rus_100).
- *Просьба-благодарность*: *«Спасибо за полезный пост! А можно продолжение про модальные глаголы? Очень ждем!»* (канал @english_with_natives).

Анализ показывает, что характер просьбы зависит от роли адресанта:

- Просьбы к администратору канала часто более формальны, содержат элементы субординации (*«Уважаемый автор! Не могли бы вы…»*).
- Просьбы к другим подписчикам (в рамках комментаторской ветки) могут быть более фамильярны, использовать сленг и сокращения (*«Ребята, хелп! Кто шарит?»*).

Такое варьирование форм обращения согласуется с выводами Е.В. Кишиной и Е.Ю. Сафиулиной о том, что выбор обращения в интернет-коммуникации сигнализирует о типе социальных отношений между коммуникантами и во многом определяет успешность последующего речевого акта [7, с. 58].

2. **Структурные особенности.** В комментариях, обращенных непосредственно к автору канала, обращение может опускаться, если коммуникация уже установлена:
3. *«А ссылка на статью есть?»* (канал @linguistic_fun). Эта краткая форма содержит только ядро просьбы (запрос информации).

   В просьбах, адресованных сообществу подписчиков, структура, напротив, может усложняться за счет развернутой аргументации и обоснования важности запроса: *«Коллеги, всем привет! Пишу диплом по методике преподавания РКИ. Нужны свежие исследования по использованию ИИ на уроках. Может, у кого-то есть ссылки или рекомендации? Заранее огромное спасибо!»* (канал @soft_skills_lab).

Сопоставительный анализ с другими платформами

В рамках исследования было проведено сопоставление просьб в Telegram-каналах с аналогичными жанрами в комментариях социальной сети ВКонтакте (150 текстов) и на специализированных образовательных форумах (150 текстов). Сопоставление выявило следующие различия:

1. **По использованию этикетных формул.** ВКонтакте демонстрирует более низкую частотность употребления «пожалуйста» (51%) по сравнению с Telegram (68%). На форумах, напротив, этикетные формулы используются чаще (79%), что связано с более формальным характером коммуникации и большей асинхронностью общения.
2. **По использованию эмодзи.** ВКонтакте характеризуется более активным использованием эмодзи (62%) по сравнению с Telegram (43%). Это объясняется техническими особенностями платформ: ВКонтакте изначально позиционировался как социальная сеть с развитой системой визуальных реакций, тогда как Telegram – как мессенджер, где преобладает текстовая коммуникация. На форумах эмодзи встречаются редко (18%), что обусловлено консервативностью жанрового оформления и ориентацией на содержательное обсуждение.
3. **По структуре жанра.** На форумах наблюдается наибольшая полнота структуры просьбы (полная структура в 47% случаев), что связано с возможностью неспешного, продуманного ответа. В Telegram и ВКонтакте, где коммуникация приближена к синхронной, преобладают редуцированные формы.
4. **По соотношению прямых и косвенных просьб.** На форумах доля косвенных просьб максимальна (71%), что отражает стремление к вежливости и

сохранению этикетных норм в более формальной среде. В Telegram и ВКонтакте косвенные просьбы составляют 56% и 52% соответственно, что свидетельствует о большей спонтанности и неформальности общения.

5. **По гибридизации жанров.** Наибольшее разнообразие гибридных форм наблюдается в Telegram (69% гибридных просьб), наименьшее — на форумах (41%). Это подтверждает тезис о том, что чем более оперативен и неформален канал коммуникации, тем активнее в нем происходят жанровые трансформации и гибридизация [4; 13].

Заключение

Речевой жанр просьбы в комментариях Telegram-каналов образовательной тематики представляет собой динамичное явление, сочетающее традиционные жанровые признаки с новыми, обусловленными спецификой электронной среды и образовательного дискурса.

Количественный анализ позволил выявить следующие основные тенденции:

1. Высокая частотность использования этикетных формул (68%) при доминировании косвенных просьб (56%) свидетельствует о стремлении коммуникантов к соблюдению норм вежливости в условиях опосредованной коммуникации;
2. Активное использование эмодзи (43%) компенсирует отсутствие невербальных компонентов общения;
3. Преобладание гибридных жанровых форм (69%) отражает общую тенденцию интернет-коммуникации к жанровому синкретизму;
4. Вариативность структуры просьбы зависит от адресата и формата коммуникативной ситуации.

Сопоставительный анализ с комментариями ВКонтакте и образовательными форумами показал, что реализация жанра просьбы существенно зависит от технических и коммуникативных особенностей платформы: от более формальных и структурированных форм на форумах до спонтанных и гибридных в социальных сетях и мессенджерах. Перспективным представляется дальнейшее изучение национально-культурной специфики просьбы в русскоязычном образовательном интернет-пространстве в сопоставлении с другими языками России, а также исследование эволюции жанра просьбы в диахроническом аспекте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Антология речевых жанров: повседневная коммуникация / под общ. ред. К. Ф. Седова. – Москва: Лабиринт, 2007. – 320 с.
2. Бахтин М.М. Проблема речевых жанров / М.М. Бахтин // Бахтин М.М. Собрание сочинений. В 5 т. – Москва: Русские словари, 1996. – Т. 5. – С. 159–206.
3. Галичкина Е.Н. Прагмалингвистические характеристики жанра «Чат» в компьютерном общении / Е.Н. Галичкина // Аксиологическая лингвистика: проблемы коммуникативного поведения: сборник научных трудов. – Волгоград: Перемена, 2003. – С. 161–167.
4. Горошко Е.И. Интернет-жанр и функционирование языка в Интернете: попытка рефлексии / Е.И. Горошко // Жанры речи. – 2009. – № 6. – С. 11–27.
5. Дементьев В.В. Теория речевых жанров / В.В. Дементьев. – Москва: Знак, 2010. – 600 с.
6. Дементьев В.В. О некоторых актуальных вопросах теории вторичных речевых жанров / В.В. Дементьев // Медиалингвистика. – 2015. – № 3. – С. 35–45.
7. Зотеева Т.С. О некоторых компонентах жанра просьбы / Т.С. Зотеева // Жанры речи. – 2002. – № 3. – С. 268–272
8. Кишина Е.В. Лингвоконфликтологическое исследование интернет-обращения / Е.В. Кишина, Е.Ю. Сафиулина // СибСкрипт. – 2020. – Т. 22, № 1. – С. 57–65.
9. Колокольцева Т.Н. Диалогичность в жанрах интернет-коммуникации (чат, форум, блог) / Т.Н. Колокольцева // Жанры речи. – 2016. – № 2. – С. 96–105.
10. Можде Д.Х. Речевой жанр просьбы в кругу императивных жанров / Д.Х. Можде // Преподаватель XXI век. – 2013. – № 4. – С. 357–368.
11. Муссауи-Ульянищева Е.В. Речевые модели реализации просьбы в русском языке // Е.В. Муссауи-Ульянищева, Е.В. Скуднякова, С.С. Иванова // Мир науки, культуры, образования. – 2025. – № 1 (110). – С. 409–412
12. Прохватилова О.А. Речевые клише в общении православных верующих на конфессиональных интернет-форумах / О.А. Прохватилова // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». – 2024. – № 8. – С. 114–124.
13. Усачева О.Ю. Дискурсный анализ текстов диалогической интернет-коммуникации: диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук / О.Ю. Усачева. – Елец, 2013. – 516 с.
14. Харитонова И.С. Жанровые формы профессиональной интернет-коммуникации преподавателей русского языка как иностранного: запрос, совет, возражение / И.С. Харитонова // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2025. – Вып. 4 (240). – С. 86–94.
15. Шмелева Т.В. Модель речевого жанра / Т.В. Шмелева // Жанры речи. – Саратов: Государственный учебно-научный центр «Колледж», 1997. – Вып. 1. – С. 88–98.

© Егорова Людмила Геннадьевна (legora@list.ru), Сурган Марина Александровна (surik_m@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2026.04–2.15

КОНЦЕПТ “ЧУДО” И ЧУДАКИ В МАЛОЙ ПРОЗЕ К.Г. ПАУСТОВСКОГО

Елизарова Наталия Михайловна
Аспирант, Московский городской педагогический университет
ais-o@mail.ru

THE CONCEPT OF "MIRACLE" AND CRANKS IN THE SHORT STORIES OF K.G. PAUSTOVSKY

N. Elizarova

Summary: The article is devoted to the analysis of the concept "miracle" in the short prose of K.G. Paustovsky, the specifics of its implementation in the writer's stories in the characters' images, the plot development and the use of linguistic means, and the consideration of a group of stories about "eccentrics" (extraordinary people).

Keywords: concept, miracle, author's concept, conceptosphere, K.G. Paustovsky, eccentrics.

Аннотация: Статья посвящена анализу концепта «чудо» в малой прозе К.Г. Паустовского, специфике его реализации в рассказах писателя в образах героев, развитии сюжета и использовании языковых средств и рассмотрению группы рассказов о «чудаках» (необыкновенных людях).

Ключевые слова: концепт, чудо, авторский концепт, концептосфера, К.Г. Паустовский, чудаки.

Понятие «концепт» появилось в отечественной науке в 1928 г. и было дано С.А. Аскольдовым-Алексеевым: «Мысленное образование, которое замещает в процессе мысли определенное количество предметов одного рода» [5, с. 267]. Но лишь в начале 1980-х гг. начали выстраиваться границы этого понятия. Концепт находится на стыке целого ряда гуманитарных отраслей знания. Многие отечественные ученые отождествляют термины «концепт» и «понятие» (Н.И. Кондаков) или находят термин «концепт» «избыточным иностранным заимствованием, бесполезным для отечественной гуманитарной науки», а потому не используют его в своих трудах. Слово «концепт» действительно близко к слову «понятие», однако если последнее включает в себя лишь значимые составляющие какого-либо явления, то концепт – это совокупность абсолютно всех характеристик. Ю.С. Степанов пишет, что «Концепт можно определить как понятие, но понятие, расширенное в результате всей современной научной ситуации… Понятие “определяется”, концепт же “переживается”» [22, с. 19–20].

М.В. Пименова под концептом понимает «представление о фрагменте мира или части такого фрагмента, имеющее сложную структуру, выраженную разными группами признаков, реализуемых разнообразными языковыми способами и средствами» [21, с. 22].

Е.С. Кубрякова дает следующее определение концепта: «КОНЦЕПТ (concept; Konzept) — единица ментальных или психических ресурсов нашего сознания; оперативная содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга (lingua mentalis), всей картины мира, отраженной в человеческой психике» [26, с. 14]. Она также замечает, что концепты возникают в процессе структурирования информации как об объективном положении дел в мире, так и о воображаемых мирах и возможном положении дел в этих мирах, и что в процессе мышления человек оперирует концептами, которые и отражают результаты человеческой деятельности и познания мира в виде «квантов» знания. Концепты сводят воедино разнообразие наблюдаемых и воображаемых человеком явлений и позволяют хранить знания о мире.

А. Вежбицкая считает, что «фундаментальные человеческие концепты являются врожденными» [13, с. 17], или, иными словами, что они являются частью генетического наследия человека.

Е.С. Кубрякова также говорит о том, что способность к образованию концептов, скорее всего, является врожденной, что частью этой способности является знание неких правил образования концептуальных структур и что одновременно развитие этих структур зависит в определенной степени от человеческого опыта, в том числе и языкового.

Ю.С. Степанов считает, что «концепты могут “парить” над концептуализированными областями, выражаясь как в слове, так и в образе или материальном предмете… материально это “парение” выражается в том, что концепт находится в некотором контексте — или тексте — любой природы. Ими может быть и изобразительный мотив, и сказание или миф» [23, с. 41].

В.В. Колесов отмечает, что концепты являют собой опорную сеть коренных понятий национальной культуры, существующую вне времени и пространства; «они

даны как помысленные сущности параллельно с вещным миром; они познаются интуитивно и всеми носителями данной культуры воспринимаются одинаково, но с разной силой, энергией и отдачей» [18, с. 5].

Исследователь Н.В. Володина считает, что, «будучи одной из главных форм ментальной репрезентации явлений бытия — материальных и метафизических — в сознании человека, концепты, несомненно, присутствуют в литературе. Именно литература, вбирая коллективный духовный опыт, сохраняя память народа, содержит в себе многообразный спектр смыслов, ассоциаций и представлений, константный и исторически изменчивый, который соотносится с наиболее устойчивыми концептами национальной или мировой культуры. Неслучайно исследователи, рассматривающие концептосферу русской культуры, делают это, прежде всего, на материале художественных текстов. «Сохраняя в творчестве конкретного писателя свой доминантный смысл, концепты актуализируют каждый раз дополнительные, "скрытые" внутри них значения, характеризующие авторскую индивидуальность, и становятся "художественными концептами"» [14, с. 13–14].

В сознании писателя языковой концепт трансформируется, в него включаются смыслы, актуальные для этой конкретной личности. «Именно на этом этапе концепт языка и культуры становится индивидуально-авторским (но еще не художественным)» [4, с. 654]. А вот художественным концепт становится, когда автор как творец вкладывает в него совершенно новые, ранее не присущие ему смыслы. При этом в тексте концепт продолжает включать в себя как общеязыковые, так и личные авторские смыслы, а также те, которые может дополнительно вложить читатель. «В любом произведении искусства концепт является многоуровневым, при этом изменение части уровней концепта неподвластно автору, так как они возникают уже в сознании читателя», — пишет Бурдин [12]. Именно художественные концепты и формируют концептосферу произведения, его художественное пространство.

В диссертационной работе О.Е. Беспаловой под индивидуально авторским концептом предлагается понимать «единицу сознания поэта или писателя, которая получает свою репрезентацию в художественном произведении или совокупности произведений и выражает индивидуально-авторское осмысление сущности предметов или явлений» [10, с. 24].

Совокупность индивидуально авторских концептов образует концептосферу автора. В этой общности между концептами существует связь, которая прямого пропорциональна уровню культуры человека, зависит от его принадлежности к определенному обществу, его индивидуальности.

Рассмотрим в качестве индивидуально авторского концепта концепт «чудо». Он относится к этическим концептам. Этическими мы можем назвать концепты, которые заключают в себе ценностную оценку действительности. Чаще всего они группируются вокруг основной антиномии «добро — зло» и представляют собой, в первую очередь, перечень добродетелей и пороков. «Этические концепты — это концепты, ментально значимые и обладающие высокой этической нагрузкой…» [16, с. 213]. Под этической нагрузкой, или языковой этичностью, понимаются концептуальные этические представления, которые выражаются во внутренней структуре слова и являются основой, стержнем духовного и нравственного развития — тем кодом, на основе которого строится картина мира, а также вырабатывается мировоззренческая позиция носителей языка. «Такие концепты представляют собой матрицу, по которой строится мировоззрение носителей русского языка, например, дом, семья, родина, и более широкие: жизнь, чудо, счастье» [там же].

Н.М. Дмитриева и А.В. Завадская говорят о том, что концепты «жизнь», «чудо» и «счастье» имеют устойчивую положительную коннотацию, которая основывается на этической нагрузке данных концептов, связанной с исконными ценностями русской культуры и фундаментальными религиозными представлениями, а именно с божественной природой обозначаемых концептами явлений. «Концепты имеют широкую лексическую экспликацию в языке, что доказывает их значимость, и сохраняют этическую нагрузку во внутренней структуре» [16, с. 217]. Данные концепты широко употребляются в речевой практике.

Выделение тех или иных концептов в качестве элементов идиостиля писателя находится в непосредственной связи с вопросами философского и мировоззренческого аспектов его творчества и, как следствие, его личностного мировосприятия. Поэтическая картина мира, отраженная в тексте, имеет лингвистическую и экстралингвистическую сущность, выражая в языковой форме эстетическое видение мира автора [11, с. 74].

В.В. Цуркан в «Антологии художественных концептов русской литературы XX века» пишет, что впервые художественные концепты, выражающие индивидуальное видение мира, были выделены С.А. Аскольдовым-Алексеевым в начале XX века [5, с. 267–279]. Д.С. Лихачев, рассматривая работу С.А. Аскольдова-Алексеева «Концепт и слово», отмечал, что «особое значение в создании концептосферы принадлежит писателям (особенно поэтам)» [19, с. 156].

В «Антологии художественных концептов русской литературы XX века» под художественным концептом по-

нимается ментальное образование сознания писателя, значение которого реализуется в семантико-ассоциативном контексте литературного произведения. Художественный концепт находит выражение в художественном образе, символе, является единицей картины мира писателя, пронизывает всю структуру произведения, выходит за его пределы, связывая определенный художественный текст с другими произведениями писателя, художественной литературы, с культурными константами нации [25, с. 10–11].

Л.А. Грузберг [15] и Л.В. Миллер [20] предлагают производить анализ художественных концептов как исследование воплощения концепта в тексте, выявление индивидуально-авторского наполнения концепта. Авторские концепты реализуются в словесной ткани произведения, ведь мысль актуализируется только посредством языковых средств.

Изучение языка творческой личности (художника слова) становится одной из актуальных проблем современного языкознания, поскольку «текст сегодня трактуется как модель мира автора <…>, как средство объективации авторских личностных смыслов» [8, с. 37]. Художественные тексты являются «продуктами творческой деятельности мастера слова и транслируют его знания об окружающей действительности, связанные с индивидуальным видением тех или иных ее реалий, явлений и событий» [7, с. 125].

В сознании каждого человека отражается не только объективная действительность, но и те отношения, что его с ней связывают, все то, что формирует в его сознании субъективную реальность. Поэтому так важно «исследование сущностных характеристик художественного текста как модели отношения к миру, построение модели авторского художественного сознания… через выявление, анализ и описание “знаков авторства художника слова” (термин О.В. Четвериковой) …» [8, с. 38]. Художественное творчество является попыткой автора осмыслить «вечные» проблемы человеческого бытия и найти свой путь их решения.

Художественное творчество как эстетически значимая духовная деятельность представляет собой особую смысловую реальность, основу которой составляют: а) специфика интерпретации автором действительности; б) «угол» видения мира художником слова, «жизненный смысл» реалий действительности «для меня», сформировавшийся в результате «столкновений» творческой личности с миром; в) устройство смысловой сферы автора, включающей в себя мировоззрение и самосознание индивида, систему доминирующих установок, мотивов и ценностных ориентаций; г) особенности устройства ассоциативно-вербальной сети художника слова» [6, с. 19–24].

Языковую картину мира художника слова можно представить как совокупность речевых признаков, которые повторяются из текста в текст, так называемых «знаков авторства», выявление и систематизация которых позволяет получить информацию о конкретной личности и использовать ее в исследовательских целях, «получить доступ к смысловой сфере автора и на основе интерпретационного анализа совокупности его художественных текстов как целостных вербально маркированных структурно-смысловых образований, вписанных в национальную и мировую культуру и характеризующихся образностью, эстетической направленностью, диалогичностью, суггестивностью, создать модель авторского художественного сознания» [8, с. 39].

В связи с этим исследование художественных текстов Паустовского с точки зрения анализа концептов и выявление индивидуально-авторского наполнения концепта «чудо» в его творчестве представляется актуальным. Чудо, представленное у автора, это не то чудо, определение которого мы находим в философском словаре: «Чудо (лат. miraculum) — необычное событие, которое трудно объяснить, противоречащее естественному ходу вещей и приписываемое верующими людьми вмешательству сверхъестественных сил (Бога)» [28, с. 405], а скорее «одна исключительно важная способность человека, постепенно переходящая даже в потребность сознания, — способность удивляться» [24, с. 221] и способность удивлять.

В.И. Карасик говорит, что способность удивляться — это важнейшая характеристика человека, познающего мир. «Концептуализация чуда в этом плане — это переживание столкновения с тем, что выходит за рамки нашего опыта, и рационализация этого переживания» [17, с. 25].

Исследователи Н.Н. Белозерова и Л.Е. Чуфистова считают, что константа концепта «чудо» заключается в том, «что на помощь человеку призывалось божество или демоническая сила; когда-то это божество или демоническая сила совершили чудесное исцеление, спасли или оградили; а во втором члене параллели являлся человек, жаждущий повторения такого же чуда спасения, повторения такого же сверхъестественного акта» [9, с. 296].

Т.А. Чернышева же говорит о том, что чудо является довольно поздним приобретением человеческой культуры, что древность не знала чудес, о чем свидетельствует эпос и фольклорная сказка. Исследователь поясняет, что все события и превращения, происходящие в сказках, воспринимаются как естественные свойства сказочной действительности. Когда-то давно они считались естественным состоянием реального мира, поэтому характерной особенностью старой народной сказки является отсутствие реакции удивления у сказочного героя: зверь ли с ним заговорит в дороге или птица попро-

сит не разорять ее гнезда, начнет ли волшебная дубинка сама колотить врагов — все воспринимается совершенно естественно. Подобным же образом воспринимает действительность как данность и герой эпоса. Чудо появляется тогда, когда «мир в сознании человека утратил свою былую пластичность», когда всякого рода трансформации и превращения «перестали восприниматься как органическое свойство окружающей действительности» [24, с. 222], а стали необычным событием, не укладывающимся в привычные рамки, противоречащим привычному мироустройству.

Концепт «чудо» принадлежит к важнейшим концептам православной церковной культуры. Основой его служит представление о чуде как о «сверхъестественном непостижимом событии, нарушающем известные законы природы и случающемся как проявление всемогущества Бога (обычно в ответ на усиленную молитву, соприкосновение со святыней и т. п.)» [27, с. 266].

Проанализируем специфику реализации концепта чуда у Паустовского, которая будет рассмотрена в образах героев, развитии сюжета и использовании языковых средств. Суть своей литературной работы Паустовский определял как «умение находить необыкновенное в обыкновенном и ощущать жизнь как живую, еще не до конца рассказанную сказку».

Чудеса в его произведениях подразделяются на следующие виды:

— чудо взаимодействия с природой;
— чудо и чудаки;
— чудо встречи;
— рукотворное чудо;
— социалистическое чудо;
— сила человеческого воображения.

В данном исследовании мы рассмотрим одну из этих групп, а именно: чудо и чудаки в рассказах К.Г. Паустовского.

В современном русском языке глагол «чудить» имеет негативную коннотацию, энциклопедический словарь дает следующее значение слова: «Чудак — человек со странностями, поведение, поступки которого вызывают недоумение, удивление окружающих… Глупый, тупой человек; дурак» [1, с. 14]. В этимологическом словаре русского языка читаем: «Чудак — образовано суффиксальным способом от глагола чудити — «удивлять», который в свою очередь образован от существительного чудо, родственного слову кудесник» [29, с. 410].

В рассказе **«Акварельные краски»** Паустовский рассказывает о художнике Берге, который не понимает значения слова «родина», не чувствует привязанности к местечку, где родился и провел детство: «Родной город вспоминался всегда как выцветшая и плохо написанная картина, густо засиженная мухами» [3, с. 73]. Во время войны Берг говорил: «У таких, как мы, нет и не может быть родины», а бойцы отвечали: «Какой с тебя боец и создатель новой жизни, когда ты землю не любишь, **чудак**. А еще художник!» И вдруг происходит чудо пробуждения его души в муромских лесах. Художнику не удаются пейзажи, и он едет к Ярцеву, который снимает избу у лесника «на берегу глубокого озера с черной водой» [3, с. 74]. По дороге Бергу кажется, «что он дышит не воздухом, а удивительным солнечным светом». Взяв с собой только французские акварельные краски, вместе с сыном лесника он едет на озеро, где живет целый месяц. Он «с любопытством рассматривал цветы и травы», «собирал ягоды шиповника и пахучий можжевельник», «тщательно рассматривал осенние листья с изнанки», называл **чудаками** журавлей, покидающих родину, с чувством «обиды за пустеющие с каждым днем леса» [3, с. 75]. Здесь проводится параллель между главным героем, которого бойцы называли **чудаком** за равнодушие к родной земле, и журавлями, которых теперь уже он считает предателями и называет чудаками, поскольку они улетают, бросая без сожаления торжественный лесной край. Как часто бывает у Паустовского, происходит трансформация взглядов героя через соприкосновение с природой, с паутиной над озером, сиянием, исходящим от сентябрьского неба и солнца, запахами лесной горечи.

Берг остается, чтобы «написать эту осень», «хотел всю силу красок, все умение своих рук и зоркого глаза, все то, что дрожало где-то на сердце, отдать этой бумаге…», «работал как одержимый, пел и кричал» [3, с. 76]. Когда началась гроза, «спиной он чувствовал, что идет дикая тьма» [3, с. 77].

Берг и Ваня вернулись промокшие и замерзшие, художник потерял свою акварель. Он уехал в Москву и, когда у него попросили картину для выставки, выставил свой первый пейзаж.

В финале рассказа мы снова видим описание природы, только уже городской: снег в окне и его магический (волшебный — чудесный) свет, который словно подсвечивает родившееся в сердце человека чувство близости к родной земле, к родной природе: Берг смотрит на снег, который «падал снаружи на подоконник и светился **магическим** огнем», вспоминает, как бойцы называли его **чудаком** и думает, что теперь связан со своей страной «всем сердцем, как художник, и что любовь к родине сделала его умную, но сухую жизнь теплой, веселой и во сто крат более прекрасной, чем раньше».

Рассказ **«Ценный груз»** (1929) начинается с появления чудака на корабле: «Штерн вычитал в какой-то книге, что **чудаки** украшают жизнь. Однако **чудак,** появившийся у него на пароходе, никому не понравился». С первой фра-

зы Паустовский интригует читателя странным человеком, появившимся на корабле. Первая его странность — внешняя: «Он был в клетчатых чрезмерно широких брюках желтого цвета», «**Чудак** ходил по палубе… походкой страуса. Он был похож на голенастое тропическое животное пестрой раскраски. Пиджак у него был синий, кепка зеленая, галстук цвета осенних листьев». Вторая странность была в том, что чудак привез с собой чемодан, скрипку и груз игрушек. Чудака прозвали «роман с контрабасом», над ним издевались: показывая на его красные остроносые туфли, спрашивали: «Почем копыта?» [1, с. 362]. Автор противопоставляет грубое отношение моряков реакции человека-чудака и его внешности: «**Чудак** не обижался», «Он был настроен восторженно», «Я очень доволен», «профиль с кривым пенсне на мягком и добром носу» [1, с. 362–363]. Чудак взял слово в кают-компании и долго говорил об игрушечном деле, о лучших советских игрушках, которые он везет на выставку; о том, сколько в игрушки вложено таланта и теплоты: «Мы везем игрушки для тех кварталов, где дети играют банками от консервов и высохшими селедочными хвостами. Трудно догадаться, сколько радости и слез лежит в ненавистных вам ящиках…». А потом «**чудак** до поздней ночи играл на скрипке», даже не заметив, что начался шторм. Чудак не верил, что корабль переживет шторм в одиннадцать баллов и прорвется в Северный пролив: «Даже **чудак** понимал, что просить помощи по меньшей мере глупо», «**чудак** дрожал», «обмирая от тошноты, он прополз на мостик», «**чудак** присел, вцепился в поручни и закрыл глаза», «**чудак** не решался спрашивать». Автор рисует образ человека, читающего Диккенса; человека, которому снятся люди, похожие на героев Жюля Верна, видятся времена из сказок Андерсена, следы Золушки и сияющие глаза детей, которым он везет игрушки. Паустовскому удается создать образ странного человека, удивляющего обывателей, но это и есть его герой: любящий людей, независимо от профессии; любящий природу, пусть это даже будет стихия; несущий добро и **чудо** (удивительное, необычное, неожиданное) — детям.

«Московское лето» (1931) — рассказ, разделенный на шесть маленьких главок. Он еще об одном чудаке, «лишнем человеке» XX века, слишком мечтательном, слишком искреннем.

В рассказе пятеро лыжников идут в лес — прогуляться и посмотреть недостроенный дом отдыха «Пятый день». Один из них — архитектор этого здания Гофман, другой — очеркист Метт, он хочет описать «Пятый день», с ними Леля и ее муж — репортер Данилов, а также Лузгин. Дом необычный: «цилиндрический и почти весь построен из стекла». Добравшись до дома, Гофман и Леля дремали, Метт играл на рояле, а Данилов описывал дом: «…в доме есть что-то мертвое, от крематория» [1, с. 381–382]. Они заночевали там. Выспавшийся Метт хочет написать об этом здании и просит Гофмана рассказать о проекте. Тот рассуждает, что дом для человека — «это то же, что панцирь для черепахи или раковина для улитки. Он должен быть устроен так, чтобы облегчить и биологическую и психическую нашу жизнь» [1, с. 384]. Гофман вдохновенно говорит о воздухе в доме, о крыше, о потолках…

Но Данилов видит этот дом иначе: «В каждом доме должна быть хотя бы одна ошибка… Гофманский дом мертв» [1, с. 385].

К лету «Пятый день» был достроен и открыт, но архитектора вызвали повесткой в строительный комитет для обсуждения целесообразности постройки домов отдыха подобного типа. На совещании проект был полностью уничтожен, выяснилось, что эти события — последствия заметки Данилова в газете. Леля ссорится с мужем, говоря о проекте Гофмана: «**Чудесное** здание, в нем схвачено будущее, в нем — талант, мысль…» [1, с. 395]. Гофман уезжает из Москвы, он прощается с Лелей и Меттом и говорит, что было бы **чудесно** вместе поехать к морю. Лузгин поддерживает Лелю, называя Гофмана «свежим» человеком: «Он **чудак**, конечно, Гофман, но такие **чудаки** нужны нам. Их нельзя променять на самых трезвых людей» [1, с. 396].

В финале рассказа Метт получает письмо, что Гофман утонул. «Он научил меня не бояться жизни» [1, с. 401], — говорит Леля. Вероятно, Паустовский нашел единственно возможный финал для разочарованного чудака.

Рассказ **«Старый челн» (**1939) тоже о чудаке, даже, скорее, о двух. Начинается рассказ со сцены грозы, одной из любимых у Паустовского. В поезде в Крым едет пожилой лесничий, он не был там с детства. Все его попутчики — специалисты в курортной жизни, люди из другого мира, он стесняется их, только десятиклассница Наташа является «живым» для него человеком. Пути размыло, они остановились на станции Синезерки. Выяснилось, что пятнадцать лет назад лесничий здесь работал — сажал лес. Неожиданно он увидел в окне деда Василия, который его окликнул: «Петр Матвев!» Так лесничий узнал, что пропадает его лес, «ест его гусеница, ест как по наряду, и сейчас почитай уже половину съела, проклятая». Дед уговаривает лесничего, пока стоит поезд, поехать посмотреть: «Ты мне только слово скажи, чем его спасать, лес-то». Лесничий говорит, что дед Василий «**чудак**» [1, с. 518], что поезд уедет без них, но все же они втроем — дед Василий, лесничий и девочка — едут на озеро. «Сторонушка наша заповедная, — бормотал, вздыхая, дед. — Леса эти завалились до самого края земли. Нету их лучше на свете» [1, с. 520]. **Чудак-**человек, любящий свою родную сторону, берегущий старый, рассохшийся челн, в котором растут кипрей, бессмертник, кукушкины слезы. Смеются над ним, советуют на дровах картошку сварить, а старику жалко: «Челн этот — одна

труха, а в каждом пазу цветок тянется… Может, и от меня, от старика, тоже для жизни какая-нибудь полезность случится» [1, с. 522]. И читатель видит, что случается. Петр Матвеевич остается на озере спасать лес, его путевка сгорает, потому что лесничий — такой же чудак, как и дед Василий, также любит природу, любит этот лес, что посадил своими руками. «Главное, чтобы сердце у тебя было в исправности» [1, с. 522], — говорит дед Василий девочке очень простую и точную фразу. Потому что за этими словами стоит одна из главных идей рассказа: ничем и никем нельзя заменить неравнодушного, сердечного человека. Наташа, уезжая на поезде, видит радугу, которая показалась ей «входом в заповедные, **таинственные** (волшебные — *чудесные*) страны, где хозяйничают Петр Матвеевич и дед, и кричат на рассветах журавли» [1, с. 522–523].

В рассказе **«Шиповник»** (1951) присутствует один из любимых сюжетов Паустовского — плавание на пароходе и оглядывание окрестностей, что мы встречали и встретим еще в рассказе «Первый туман». Герои — Маша Климова, выпускница лесного института, едущая работать на Нижнюю Волгу, в Камышин, и молодой летчик с седыми висками, навещавший старушку-мать в Белозерске, — сходят на берег, в луга. Дальше следуют столь любимые Паустовским описания растений: шиповника, шпорника, кашки, подмаренника, белоснежного поповника, дикой мальвы «и сотни других цветов» [2, с. 414]. Пароход загудел, они вернулись, принесли цветы в салон и расставили в вазах. Все это сопровождается часто встречающимися в рассказах Паустовского разговорами случайных попутчиков. Маша сошла в Камышине, «в поездке Маша впервые поняла прелесть мимолетных, но глубоко задевающих душу встреч и прелесть речной привольной России. А здесь, в степи, она поняла великий смысл и силу своей работы... где-то в самой глубине сердца не умирала память о летчике… Человек прошел мимо, и это было очень жаль» [2, с. 419]. Маша работала. В конце лета на участок вызвали самолет, чтобы разбросать отраву от тушканчиков. Из кабины вышел молодой летчик с седыми висками, он пошел к посадкам, навстречу Маше, а она «остановилась и закрыла лицо руками» [2, с. 421]. Степа, сын начальника участка, повторил слова своего отца: «Она у нас **чудачка**!» [2, с. 421]. Чем же Маша похожа на других чудаков Паустовского? Она девушка эмоциональная, это мы видим уже на пароходе: «Маша не знала, что это вовсе не грусть, а то чувство, какому нет еще, пожалуй, точного названия, — замирание сердца перед неизвестным будущим…» [2, с. 411]. Она во всем сомневается, обо всем переживает, стремится «все замечать, запоминать и беречь у себя на сердце» [2, с. 414], отмечая прелесть «мимолетных, но глубоко задевающих душу встреч» [2, с. 419]. Появление летчика, на которое она таким образом эмоционально отреагировала, было для нее неожиданностью.

В рассказе **«Утренник»** (1947) действие происходит на пароходе, Елена Петровна и писатель Семенов плывут в Новинки. Женщина вспоминает историю, произошедшую с ней десять лет назад, когда она, выпускница школы, приезжала в эти места к подруге. Тогда она познакомилась со студентом Лесного института Алешей Белявским, который приехал на практику в лесничество: «Это был худенький юноша — выдумщик и спорщик… Он знал на память много стихов» [3, с. 120–121]. В последний день ее пребывания Алеша вызвался проводить ее до следующей пристани, несмотря на то, «что ему придется сутки ждать обратного парохода» [3, с. 121]. Многое случилось с Леной за это время: смерть отца, учеба в институте, замужество, развод, война, эвакуация… И вот спустя десять лет она решилась поехать в отпуск в Новинки в надежде узнать что-нибудь об Алеше. Писатель Семенов заводит с ней разговор, рассказывает о том, что в Новинки едет уже второй раз в этом году, и предлагает прочесть Елене Петровне отрывок из своей новой вещи, замечая: «Вы **чудная!**.. Улыбка у вас такая, что можно пропасть» [3, с. 124]. Между этими двумя фразами нет выраженной причинно-следственной связи, но она все же существует на имплицитном уровне: Елена Петровна чудная, потому что у нее такая улыбка, «что можно пропасть». Значит, именно улыбка делает ее чудной. Следовательно, слово «чудная» употреблено здесь значении «прекрасная», но дальнейшее повествование позволяет увидеть, что Елена Петровна — необыкновенная женщина, таким образом актуализируется и другое значение этого слова.

Писатель принес рукопись и начал читать. Когда он упомянул в отрывке лесничего Белявского, женщина разволновалась. Он продолжил читать свое произведение, а котором лесничий объясняет писателю и композитору значение лесов и заканчивает сказкой о звездах. «**Удивительно**!» [3, с. 127] —отзывается композитор. Мы встречаем наречие, образованное от слова «диво», являющегося синонимом слова «чудо».

Елена Петровна узнает, что Белявский живет в лесничестве один и сейчас лежит с воспалением легких, она плачет и обещает поехать к нему. Семенов «вдруг понял, что вот в этой молодой женщине вся та великая любовь, о какой он писал так много и в которую втайне не верил» [3, с. 129]. Почему Семенов говорит, что Елена Петровна «чудная», смущая молодую женщину? Возможно, потому что он чувствует в ней эту задавленную ею самой любовь, мощную силу, которая способна привести человека в любой конец земли.

«Чужая рукопись» (1948) — рассказ про писателя, которому принес свою рукопись «незнакомый пожилой человек по фамилии Королев — начальник пристани…» [3, с. 131]. Случился шторм: налетел шквал, вместе со сломанным крючком отлетела дверь, ветер влетел в комнату, ваза упала, рукопись разлетелась. Михаил Лобанов не знал, что

сказать автору, как оправдаться. Наутро он медлил, не решаясь пойти к Королеву. По дороге он встретил художника Журавского и двух женщин — жену художника и Нину Потапову, с которой не был до этого знаком. Она сообщила, что недавно приехала, но уже уезжает, Журавские тоже собрались уезжать. Лобанов разозлился на них, назвал курортниками, а потом рассказал о ночном происшествии и добавил: «… начало рукописи очень интересное. Должно быть, и человек этот интересный. **Необыкновенный** какой-то начальник пристани» [3, с. 135]. На что Нина отвечает, что «**необыкновенные** люди бывают только в книгах… И в воображении писателей» [3, с. 135]. Слово «необыкновенный» является синонимом к слову «чудесный».

Художники решают остаться и встретить в горах у моря Новый год. Нина предлагает позвать начальника пристани. Она пошла объясняться с ним вместо Лобанова и пригласила на праздник. Лобанову очень хотелось узнать, что же было дальше в рукописи Королева. В начале, которое прочитал Лобанов, мы видим реминисценции к рассказу Паустовского «Корзина с еловыми шишками», где Григ встретил в лесу девочку. Королев писал, что ему не удается встретить такую девочку, ради которой он мог бы написать рассказ. Лобанов спрашивает, смог бы он восстановить все это по памяти? Королев пообещал «рассказать». Сели за стол, «пили за Новый год, за счастье» [3, с. 138]. Вышли на балкон над морем. «В такую ночь всегда ждешь **необыкновенного**», — говорит Нина. «Остановка только за тем, чтобы это **необыкновенное** придумать», — отвечает Лобанов.

Между героями уже второй раз происходит диалог, где он и она используют слово «необыкновенный», «необыкновенное», но если в первом случае Нина употребляет его небрежно и даже цинично, то во втором она словно становится собой под воздействием прекрасного пейзажа и ждет чуда, как обычный человек в новогоднюю ночь. И Королев устраивает такое чудо. Он повез их куда-то: зеленоватым светом светились снега, ветер бил в лицо. Они свернули в лес: запахло хвоей, внезапно открылась лагуна, что лежала у ног. Они поднялись на маяк, и Королев сказал Нине: «Вы похожи на девочку из Грига». На обратном пути Лобанову еще раз попросил Королева рассказать, что же было дальше. А тот ответил, что «уже рассказал… То, что вы видели этой ночью и почти все, о чем мы говорили, — это все из рассказа… И то **удивительное**, но плохо уловимое ощущение **необыкновенного**…». Королев объединяет сразу два синонима чудесного — и удивительное, и необыкновенное. А Лобанов называет Королева настоящим писателем и необыкновенным человеком. Но уточняет, что Грига и девочки сегодня не было. «Как знать!» — отвечает Королев, а Нина выходит на веранду. «Она всегда **чудит**», — говорит Журавский. Вот и еще одна чудачка. Что значит у Паустовского «чудить»? И в этом рассказе, и в «Шиповнике» «чудить» — значит испытывать сложные эмоции, возможно, еще не ясные до конца самому человеку. Сумбурный новогодний вечер и ночь, невероятной красоты природа, слова Королева — все это привело Нину в смятение. Концепт «чудо» раскрывается в этом рассказе в эмоциональном состоянии героини.

В рассказе «Синева» (1953) говорится о писателе Горленко, на которого другие писатели «посматривали… с лёгкой насмешкой, как на неисправимого **чудака**» [2, 457], поскольку он совершал нелогичные с их точки зрения поступки. Ходил по родной земле пешком — «с железной палкой и с мешком за спиной [2, 456]. Обходил колхозы, и не было «другого такого знатока колхозной жизни» [там же] среди писателей. Давал советы в житейских делах, косил сено для старушек — матерей погибших солдат. А однажды даже помог жуку. Женщины о нем говорили: «Вот мает же человек золотое сердце на радость людям» [там же]. Сам же он считал, что будущее — не высокие слова, а «кропотливая и повседневная» забота о каждом человеке [2, 458].

В рассмотренных рассказах Паустовского концепт «чудо» реализуется на понятийном уровне, в первую очередь, в сюжетном построении. В его рассказах присутствуют характерные для новеллы неожиданные финалы. Концепт «чудо» у Паустовского — это двусторонний феномен, организованный по принципу нарушения причинно-следственной связи. Зачастую в начале рассказа дается экспозиция, которая предполагает одно развитие событий, а потом они развиваются в ином направлении.

Также концепт «чудо» реализуется и на уровне оценочном. Там, где общество осуждает или не понимает героя, используя слово «чудак» с негативной коннотацией, потому что тот нарушает привычные представления обывателя, автор показывает нам положительную сторону героя, его человечность, отзывчивость, сердечность. Взгляд писателя на «чудака» позволяет читателю оценить общество, которое описано в рассказах.

Чудесное также существует в текстах Паустовского на уровне этики, в качестве результата познания мира, в человеческом и языковом опыте, выражен в лексико-фразеологических единицах.

На языковом уровне прослеживается использование как самой лексемы «чудо», так и ее форм, синонимов и их производных: «чудная», «чудак», «чудесное», «диво», «удивительно», «удивляюсь», «необыкновенный», «волшебное», «магический», «таинственные» и др. В рассказах Паустовского чудаки — это «странные» люди, испытывающие живые эмоции, помогающие другим, поступающиеся собственной выгодой, любящие искусство и природу, совершающие неожиданные поступки не ради собственной выгоды, а во благо общего дела; конечно же, они вызывают удивление окружающих.

ЛИТЕРАТУРА

1. Паустовский К.Г. Собрание сочинений: в 8 т. – Т. 6. – М: Худож. лит., 1969. – 560 с.
2. Паустовский К.Г. Собрание сочинений: в 8 т. – Т. 7. – М: Худож. лит., 1969. – 608 с.
3. Паустовский К. Рассказы. Очерки и публицистика. Статьи и выступления по вопросам литературы и искусства / [Сост., предисл., подгот. текста и примеч. Л. Левицкого]. – М: Худож. лит., 1972. – 525 с.
4. Адамова В.С. Художественный концепт как единица творческого процесса в литературном осмыслении // День науки: мат-лы конференции. – М.: МГУ, 2011. – С. 654–655.
5. Аскольдов-Алексеев С.А. Концепт и слово // Русская словесность: от теории к структуре текста: антология / под ред. В.П. Нерознака. – М.: Academia, 1997. – С. 267–279.
6. Ахиджакова М.П. Когнитивная структура художественной текстовой деятельности в языковом пространстве / М.П. Ахиджакова, А.Ю. Баранова // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. Филологии искусствоведение. – 2013. – Вып. 4 (128). – С. 19–24.
7. Ахмед С.Д. Эпитеты в идиостиле К.Г. Паустовского: структурная организация и грамматические особенности // Известия Воронежского государственного педагогического университета. – 2020. – № 1 (286). – С. 125–128.
8. Баранова А.Ю. Художественный текст как основа моделирования авторского сознания творческой языковой личности / А.Ю. Баранова, О.В. Четверикова // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2: Филология и искусствоведение. – 2016. – № 3 (182). – С. 35–42.
9. Белозерова Н.Н. Шекспир и компания, или использование электронных библиотек при лингвистическом исследовании: учебное пособие для студентов и аспирантов лингвистических и филологических факультетов высших учебных заведений / Н.Н. Белозерова, Л.Е. Чуфистова. – Тюмень: Тюменский государственный университет, 2007. – 296 с.
10. Беспалова О.Е. Концептосфера поэзии Н.С. Гумилева в ее лексическом представлении: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., – 2002. – 24 с.
11. Болотнова Н.С. О методике изучения ассоциативного слоя художественного концепта в тексте // Вестник ТГПУ. – 2005. – Вып. 2(65). Серия: Гуманитарные науки (филология). – С. 74–79.
12. Бурдин И.В. Понятие «Концепт» в литературоведении / И.В. Бурдин, Н.В. Аввакумова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2019. – № 7. – С. 97–100.
13. Вежбицкая А. Семантические универсалии и описание языков / пер. с англ. А.Д. Шмелева, под ред. Т.В. Булыгиной. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 780 с.
14. Володина Н.В. Концепт в системе когнитивного литературоведения: опыт методологического подхода // Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. – 2018. – № 2–1 (35). – С. 9–19.
15. Грузберг Л. Концептуальный (концептный) анализ – есть ли он? // Филолог. – 2010. – № 10–11.
16. Дмитриева Н.М Этическое наполнение концептов «Жизнь», «Чудо», «Счастье» и их использование в рекламе / Н.М. Дмитриева, А.В. Завадская // Вестник ОГУ. – 2015. – № 2 (177). – С. 214–215.
17. Карасик В.И. Концептуализация чуда // Поволжский педагогический вестник. – 2017. – № 3 (16). – С. 25–33.
18. Колесов В.В. Введение в концептологию: учебное пособие / В.В. Колесов, М.В. Пименова. – 4-е изд., стер. – М.: ФЛИНТА, 2017. – 248 с.
19. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Русская словесность: от теории словесности к структуре текста. Антология / под. ред. В.П. Нерознака. – М.: Academia, 1997. – С. 280–287.
20. Миллер Л.В. Лингвокогнитивные механизмы формирования художественной картины мира (На материале русской литературы): дисс. . . . д-ра филол. наук. – СПб., 2004. – 303 с.
21. Пименова М.В. Этногерменевтика языковой наивной картины внутреннего мира человека: монография. – Кемерово: Кузбассвузиздат, Landau: Verlag Empirische Pädagogik, 1999. – 262 с.
22. Степанов Ю.С. Концепты. Тонкая пленка цивилизации. – М: Языки славянских культур, 2007. – 248 с.
23. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.
24. Чернышева Т. Потребность в удивительном и природа фантастики // Вопросы литературы. – 1979. – № 5. – С. 211–233.
25. Антология художественных концептов русской литературы XX века / ред. и авт.-сост. Т.И. Васильева, Н.Л. Карпичева, В.В. Цуркан. – М: ФЛИНТА, 2013. – 356 с.
26. Кубрякова Е.С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. – М: Филол. ф-т МГУ им. М. В. Ломоносова, 1997. – 245 с.
27. Скляревская Г.Н. Словарь православной церковной культуры. – СПб.: Наука, 2000. – 278 с.
28. Философский энциклопедический словарь / [Ред.-сост. Е.Ф. Губский и др.]. – М.: Изд. дом «ИНФРА-М», 1997. – 574 с.
29. Этимологический словарь русского языка / сост. Г.А. Крылов. – СПб.: ООО «Полиграфуслуги», 2005. – 428 с.

© Елизарова Наталия Михайловна (ais-o@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2026.04–2.16

СЕМАНТИКА И АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ФУНКЦИИ РЕЛИГИОЗНОЙ ЛЕКСИКИ В СОВРЕМЕННОМ РОССИЙСКОМ МЕДИАДИСКУРСЕ

SEMANTICS AND AXIOLOGICAL FUNCTIONS OF RELIGIOUS VOCABULARY IN CONTEMPORARY RUSSIAN MEDIA DISCOURSE

N. Eremenko

Summary: The article analyzes religious vocabulary in contemporary Russian media discourse from semantic and axiological perspectives. The relevance of the study is determined by the expanding use of religiously marked lexical units in the language of mass media and social media, where they function not only in a confessional context but also in socio-political, cultural, and ideological communication. The aim of the study is to identify the main semantic patterns of religious vocabulary in media texts and to determine its axiological functions. The material includes publications from Russian federal and digital media as well as religiously oriented media resources published in 2021–2025. The research is based on contextual, semantic, discourse and functional-pragmatic analysis. The study shows that religious vocabulary in media discourse performs not only a nominative function but also evaluative, interpretative, expressive, and axiological ones. It is demonstrated that religious lexical units in modern media undergo semantic expansion, metaphorization, partial desacralization and ideological contextualization. The most productive units include *spirituality, spiritual revival, mercy, self-sacrifice, sanctity, sin,* and *crusade*. In media texts these units form stable value oppositions, contribute to the moral qualification of events, and include social reality into a culturally significant system of meanings. The author concludes that religious vocabulary in contemporary Russian media discourse serves as an important linguistic means of modeling the value picture of the world.

Keywords: religious vocabulary, media discourse, axiology, semantics, evaluation.

Ерёменко Наталья Геннадиевна
Аспирант, Московский педагогический государственный университет. (г. Москва)
nataliaeremenko@yandex.ru

Аннотация: Статья посвящена анализу религиозной лексики в современном российском медиадискурсе в семантическом и аксиологическом аспектах. Актуальность исследования обусловлена заметным расширением сферы функционирования религиозно маркированных единиц в языке современных СМИ и социальных медиа, где они используются не только в собственно конфессиональном, но и в общественно-политическом, культурном и идеологическом контексте. Цель работы состоит в выявлении основных семантических моделей функционирования религиозной лексики в медиатексте и в определении её аксиологических функций. Материал исследования составили публикации российских федеральных и сетевых медиа, а также тексты религиозно ориентированных медиаресурсов 2021–2025 гг. В работе применяются методы контекстуального, семантического, дискурсивного и функционально-прагматического анализа. Установлено, что религиозная лексика в медиадискурсе реализует не только номинативную, но и оценочную, интерпретационную, эмоционально-экспрессивную и аксиологическую функции. Показано, что в современных медиа религиозные единицы претерпевают расширение значения, метафоризацию, частичную десакрализацию и идеологическую контекстуализацию. Наиболее продуктивными оказываются такие лексемы и словосочетания, как *духовность, духовное возрождение, милосердие, жертвенность, святыня, грех, крестовый поход*. В медиатексте они формируют устойчивые ценностные оппозиции, участвуют в моральной квалификации событий и включают описываемую реальность в систему культурно значимых представлений. Делается вывод о том, что религиозная лексика в современном российском медиадискурсе выступает важным средством языкового моделирования ценностной картины мира.

Ключевые слова: религиозная лексика, медиадискурс, аксиология, семантика, оценочность.

Введение

Современный российский медиадискурс представляет собой пространство интенсивного смыслообразования, в котором язык выполняет не только информационную, но и интерпретационную, оценочную и мировоззренческую функции. В этой системе особое место занимает религиозная лексика, активно выходящая за пределы собственно церковного употребления и включающаяся в тексты общественно-политической, культурной и публицистической направленности. Это проявляется, в частности, в употреблении таких выражений, как «***символ подлинного духовного возрождения***» [22], «***православные и культурные традиции***» [23], «***милосердие — это хорошо***» [24], которые в современных медиатекстах соотносятся не только с конфессиональной сферой, но и с общественной, культурной и нравственной проблематикой.

Материал современных российских медиа показывает, что религиозная лексика используется не только для обозначения собственно конфессиональных реалий, но и для репрезентации духовных, культурных и общественно значимых ценностей, а также для смыслового воздействия на аудиторию.

В медийной коммуникации религиозные слова и выражения часто утрачивают узко конфессиональную огра-

ниченность и начинают функционировать как элементы оценки, символизации и идеологической интерпретации. Так, словосочетание ***«греховные акции»*** переносит религиозно-нравственную оценку в сферу экономического дискурса [28], выражение ***«передача святынь из музеев»*** включает религиозно маркированную единицу в культурно-исторический и общественный контекст [29], а формула ***«символ подлинного духовного возрождения»*** используется для аксиологически нагруженной интерпретации социально значимого процесса [22]. В сходном ключе функционируют и такие выражения, как ***«православные и культурные традиции»*** [23], а также оценочно маркированное осмысление милосердия как того, что ***«хорошо, достойно и правильно»*** [24]. Это требует специального лингвистического описания: необходимо определить, какие семантические сдвиги испытывают религиозные единицы, какие функции они реализуют в медиатексте и каким образом участвуют в формировании аксиологической рамки сообщения.

Научная новизна исследования состоит в том, что религиозная лексика в современном российском медиадискурсе рассматривается одновременно в семантическом и аксиологическом аспектах на материале актуальных медиатекстов 2021–2025 гг. В отличие от работ, сосредоточенных преимущественно на библеизмах, религиозном стиле или отдельных религиозно маркированных единицах, в данной статье предпринята попытка системно описать типы семантической трансформации религиозной лексики и показать, каким образом она участвует в моделировании ценностной картины медиадискурса.

История вопроса

Исследование религиозной лексики в современном русском языке находится на пересечении нескольких научных направлений: функциональной стилистики, медиалингвистики, прагматики текста, аксиологической лингвистики и исследований религиозного дискурса. При описании религиозно маркированных единиц в медиапространстве необходимо учитывать, как их собственно языковую природу, так и специфику коммуникативной среды, в которой они функционируют.

Теоретическую основу исследования составляют работы, в которых язык осмысляется как средство ценностной интерпретации действительности. Для анализа аксиологического потенциала религиозной лексики существенны положения Н.Д. Арутюновой о связи языка, оценки и картины мира [1], а также концепция В.И. Карасика, в рамках которой дискурс осмысляется как носитель культурно значимых смыслов и ценностных доминант [6]. Сходный исследовательский вектор задают труды О.В. Ширяевой, обращённые к лингвопрагматическим характеристикам медиадискурса [18], и работы Е.В. Пономарёвой и Е.В. Валюлиной, где внимание сосредоточено на аксиологической организации медиакоммуникации [13; 3].

Существенным дополнением к данному направлению выступает понятие ценностной парадигмы, позволяющее рассматривать языковые единицы как носители культурно и мировоззренчески значимых смыслов. В данном аспекте особый интерес представляют исследования С.М. Колесниковой, в которых аксиологическое содержание языка осмысляется как системно организованная часть русской картины мира и ***«глобальной ценностной парадигмы»*** [7]. Использование данной исследовательской оптики представляется продуктивным в ходе анализа религиозной лексики в медиадискурсе, поскольку такие единицы нередко выступают не только как средства номинации, но и как маркеры ценностной интерпретации действительности. Это особенно заметно в тех медиаконтекстах, где религиозно маркированные единицы используются для выражения общественно значимых ценностных смыслов. Так, словосочетание ***«православные ценности»*** функционирует как обозначение нравственной и культурной традиции [23], выражение ***«духовное возрождение»*** соотносится с представлением о положительно оцениваемом общественном и историческом обновлении [22], а лексема ***святыня*** используется для обозначения объекта особой культурной и символической значимости [29].

В процессе описания собственно медийной среды как пространства смысловой переработки слова мы опираемся прежде всего на исследования Т.Г. Добросклонской, рассматривающей медиатекст как ***«особую коммуникативную единицу»*** современного массового общения [4;5]. Близкие по направленности идеи представлены в исследованиях по медиалингвистике под редакцией М.Н. Володиной, где язык средств массовой информации рассматривается как самостоятельный объект филологического анализа [19].

Особое значение для темы настоящей статьи имеют исследования религиозно маркированной лексики и религиозного дискурса. Вопрос о месте религиозно-проповеднического стиля в системе современного русского литературного языка был поставлен Л.П. Крысиным [10]. И.А. Крылова обращается к проблемам описания лексики сферы религии в современных толковых словарях, что особенно важно для разграничения узуального и контекстуального значения религиозных единиц [9]. Функционирование религиозной лексики и библеизмов в СМИ рассматривается в работах Е.С. Худяковой, И.П. Назаровой и О.В. Пыстиной [17; 12; 14]. Для настоящего исследования важны также наблюдения А.А. Бусель над религиозно-политической лексикой в российских СМИ и интернет-дискурсе [2].

Религия как фактор журналистской и медийной коммуникации осмысляется в работах В.М. Хруля, который

рассматривает как религиозное сознание аудитории СМИ, так и религиозный этос журналистской деятельности [16; 15]. Эти исследования позволяют рассматривать религиозную лексику не только как тематический слой языка, но и как важный компонент ценностно организованного медиадискурса.

Существующая научная традиция создаёт достаточную теоретическую базу для анализа религиозно маркированной лексики в медиа. Вопрос о том, ***каким образом религиозные единицы меняют свою семантику в медиадискурсе и какие аксиологические функции они при этом выполняют***, по-прежнему нуждается в более последовательном и системном описании.

Материал и методика исследования

Материалом исследования послужили тексты российских медиа 2021–2025 гг., в которых религиозная лексика используется как в прямом, так и во вторичном значении. В эмпирическую базу были включены публикации федеральных информационных агентств, сетевых изданий, общественно-политических ресурсов, а также религиозно ориентированных медиаплощадок. Отбор материала осуществлялся по принципу тематической и функциональной репрезентативности: в корпус включались тексты, где религиозно маркированные единицы не просто присутствуют, а выполняют заметную смысловую или оценочную роль. В качестве показательных были отобраны, в частности, контексты со словами и словосочетаниями *духовность, духовное возрождение, милосердие, жертвенность, крестовый поход, православные ценности*.

Реальные употребления этих единиц зафиксированы, в частности, в ТАСС, РБК, «Фоме» и на Patriarchia.ru [21; 22; 23; 24; 25; 26]. В корпус вошли, например, контексты ***«духовно сильная общность»*** [22], ***«духовное возрождение»*** [22], ***«православные ценности»*** [23], ***милосердие***[24] и ***жертвенность***[26].

В настоящей статье используются методы контекстуального, семантического, дискурсивного и функционально-прагматического анализа. *Контекстуальный-анализ* позволяет установить ближайшее смысловое окружение религиозной единицы; *семантический* — определить изменение объёма и структуры значения; *дискурсивный* — описать роль анализируемого слова в организации медиавысказывания; *функционально-прагматический* — выявить участие религиозной лексики в оценке, интерпретации и воздействии на адресата. Такое сочетание методов позволяет рассматривать религиозно маркированную единицу одновременно как элемент лексической системы, как компонент медиаконтекста и как носитель оценочно-ценностного смысла.

Для уточнения общеязыковой семантики религиозно маркированных единиц в исследование дополнительно включены данные Национального корпуса русского языка. НКРЯ представляет собой репрезентативную коллекцию русских текстов с лингвистической разметкой; основной корпус охватывает тексты последних трёх с лишним веков, а газетный корпус включает тексты центральных СМИ начиная с 1980-х годов. Использование НКРЯ позволяет соотнести узуальное значение слова с его актуальным медиафункционированием и тем самым точнее фиксировать семантический сдвиг [27].

Корпус исследования составили около 120 публикаций российских медиа за 2021–2025 гг., из которых для детального анализа были отобраны 48 контекстов с религиозно маркированной лексикой. В итоговую выборку вошли материалы федеральных информационных агентств, сетевых общественно-политических изданий и религиозно ориентированных медиаресурсов, в том числе ТАСС, РБК, «Фомы» и Patriarchia.ru. В корпус включались только те тексты, в которых религиозно маркированные единицы выполняли не только номинативную, но и интерпретационную, а также оценочную функции. Из рассмотрения исключались случаи, где религиозная единица использовалась исключительно как нейтральное обозначение церковной реалии и не обладала выраженной оценочной или интерпретационной нагрузкой.

Методическая схема была ориентирована не на описание религиозной лексики вообще, а на анализ тех случаев, где она обнаруживает семантическое смещение и аксиологическую активность в медийной коммуникации.

Алгоритм анализа языковых единиц строится по следующей схеме:

1. определяется исходное, общеязыковое или конфессионально закреплённое значение религиозной единицы;
2. устанавливается её конкретное значение в медиаконтексте;
3. выявляется тип семантического преобразования;
4. описывается функция единицы в структуре медиатекста;
5. формулируется её аксиологический эффект.

Такой подход позволяет перейти от простого фиксирования религиозно маркированной лексики к описанию её реальной роли в языковом моделировании современной медийной картины мира.

Основная часть исследования и полученные результаты

I. Религиозная лексика в прямом и вторичном употреблении

Анализ материала показывает, что религиозная лек-

сика в современном российском медиадискурсе функционирует как минимум в двух основных режимах:

1. Религиозная лексика сохраняет прямую связь с конфессиональной сферой и используется для обозначения реалий церковной жизни, религиозных институтов, практик и духовных категорий. К таким единицам относятся, например, *православие, храм, церковь, Патриарх, вера, Евангелие, святыня*. В этом употреблении религиозная лексика выполняет прежде всего номинативную функцию и задаёт тематическую принадлежность текста. Так, в материале ТАСС упоминаются ***Патриарх***и ***священники*** как реальные участники церковной и религиозной жизни [25; 22], а в тексте Patriarchia.ru слова ***милосердие***, ***сострадание*** и ***жертвенность*** сохраняют связь с традиционным духовно-нравственным содержанием [26].
2. Религиозно маркированные единицы выходят за пределы собственно церковного дискурса и начинают функционировать в более широком общественно-политическом, культурном и идеологическом контексте, где на первый план выходят слова *духовность, духовное возрождение, милосердие, жертвенность, покаяние, грех, крестовый поход, православные ценности*. В подобных контекстах религиозная семантика не исчезает полностью, но вступает в контакт с иными смысловыми полями и приобретает дополнительную интерпретационную и оценочную нагрузку. Так, словосочетание ***«духовно сильная общность»*** используется для обозначения нравственной и мировоззренческой сплочённости общества [25], а выражение ***«православные ценности»*** функционирует как средство аксиологически маркированной характеристики общественного порядка [23].

В рождественском интервью Патриарх Кирилл говорит о России как *о* ***«духовно сильной общности».*** В этом случае лексема *духовный* уже не ограничивается собственно религиозным значением и начинает обозначать нравственную, историческую и мировоззренческую сплочённость сообщества. Текст ТАСС фиксирует это употребление именно в расширенном общественно-ценностном смысле [25].

Сходным образом функционирует словосочетание *духовное возрождение России***.** В медиаконтексте оно отсылает не только к религиозной жизни, но и к идее культурного, исторического и национального обновления. В ТАСС это сочетание включается в более широкий контекст общественного единства и цивилизационной самоидентификации [22].

II. Основные типы семантической трансформации

Наиболее *частотной моделью* оказывается **расширение значения**. Религиозная единица сохраняет связь с сакральной сферой, но начинает обозначать более широкий круг нравственных, культурных или общественных явлений. Так, *духовность* в медиадискурсе может означать уже не только устремлённость к религиозной жизни, но и нравственную устойчивость общества, приверженность традиции, внутреннюю культурную собранность. В подобном значении функционируют словосочетания ***«духовно сильная общность»*** [25] и ***«духовное возрождение»*** [22], где религиозная семантика расширяется до обозначения нравственно, исторически и культурно значимого общественного состояния. Близким образом в медиатексте работает и выражение ***«православные ценности»***, которое соотносится не только с религиозной традицией, но и с более широким представлением о культурной и общественной норме [23].

Второй важный тип — **метафоризация**: вэтом случае религиозное слово используется для образного описания нерелигиозного процесса. Наиболее показательна в данном отношении лексема *крестовый поход*. В материале РБК она употребляется для характеристики политического и идеологического противостояния: речь идёт уже не об историческом религиозном походе, а о риторической модели конфликта, которому придаётся масштаб и моральная драматичность [21].

Третий тип — **частичная десакрализация: п**ри включении в светский медиаконтекст религиозная единица может ослаблять собственно сакральную составляющую и переходить в сферу общей нравственной риторики. Так функционирует, например, слово *милосердие*. В христианской традиции оно связано с добродетелью, обращённой к ближнему, однако в современных медиа оно нередко употребляется в контекстах социальной помощи, благотворительности, волонтёрства и гражданской солидарности. В статье «Фомы» милосердие интерпретируется как деятельное и экзистенциально значимое отношение к миру и человеку, то есть религиозный смысл становится основой для более широкого нравственного прочтения [24].

Близким образом работает лексема *жертвенность*. В церковном и религиозно-философском контексте она связана с самопожертвованием и духовным подвигом, однако в современных медийных текстах всё чаще описывает общественное служение, профессиональную самоотдачу, моральную стойкость. На Patriarchia.ru слово *жертвенность* включается в ряд положительно маркированных качеств — наряду с милосердием и состраданием, — что позволяет ему функционировать не только в богословском, но и в общеэтическом регистре [26].

Четвёртый тип — **оценочная переакцентуация**: в ряде случаев в медиатексте важным становится уже не столько предметное значение религиозной единицы,

сколько её способность вводить нравственную оценку. Таковы слова *грех, святыня, покаяние, милосердие*. Они включают событие или объект в пространство моральной квалификации и тем самым задают тексту специфическую оценочную перспективу.Показателен в этом отношении и пример светского медиаконтекста, в котором словосочетание греховные акции используется для обозначения этически сомнительных инвестиционных инструментов, переводя религиозную лексику в сферу экономической и общественной оценки [28].

В медиатексте религиозно маркированные единицы способны передавать не только собственно оценочное, но и градуально-оценочное значение, усиливая или, напротив, ослабляя степень нравственной характеристики описываемого явления. В данном случае представляется уместным учитывать наблюдения С.М. Колесниковой о градуальной функции языковых единиц и их способности участвовать в передаче качественно-оценочных смыслов [9]. Применительно к религиозной лексике это проявляется в том, что слова типа милосердие, жертвенность, святыня, грех в зависимости от контекста могут задавать различную степень нравственной напряжённости и аксиологической выразительности текста. Так, в словарной фиксации ***милосердие*** определяется как ***сострадание, человеколюбие*** и готовность оказать бескорыстную помощь, то есть уже на уровне общеязыкового значения содержит положительный нравственный компонент [20]. В материале «Фомы» эта семантика получает дальнейшее аксиологическое усиление: ***милосердие*** осмысляется как безусловно значимая нравственная практика, как то, что ***«хорошо, достойно и правильно»*** [24]. Лексема ***жертвенность*** в религиозно и общественно ориентированном медиаконтексте Patriarchia.ru также формирует высокий регистр положительной оценки, соотносясь с представлениями о самоотдаче, духовной высоте и служении [26]. Иной тип градуально-оценочной актуализации демонстрируют единицы грех и святыня. Слово ***грех*** в словарях фиксируется ***не только*** как ***религиозное нарушение воли Бога***, но ***и как предосудительный поступок*** [20]; в публикации РБК Quote это значение получает резко отрицательную переакцентуацию в словосочетании ***«греховные акции»***, где религиозно маркированная единица используется для выражения осуждающей характеристики экономических практик [28]. Слово ***святыня***, напротив, в словарной традиции обозначает ***не толькопредмет религиозного поклонения***, но и то, что ***является особенно дорогим и глубоко чтимым*** [20]; в материале РБК данная семантика актуализируется в культурно-историческом и символическом плане, усиливая представление об объекте как об особой общественной ценности [29]. Тем самым градуально-оценочный потенциал религиозной лексики проявляется в том, что одни единицы формируют высокий положительный ценностный регистр, тогда как другие вносят в медиатекст резко отрицательную или подчеркнуто сакрализующую характеристику.

III. Функции религиозной лексики в медиадискурсе

В современном медиадискурсе религиозная лексика реализует несколько взаимосвязанных функций: а) *прежде всего она выполняет номинативную функцию*, обозначая явления религиозной жизни, церковные институты, духовные категории и сакральные символы (данная функция особенно заметна в текстах, посвящённых собственно религиозной тематике: так, в материалах ТАСС и Patriarchia.ru слова ***Патриарх, священники, милосердие, сострадание, жертвенность*** употребляются как прямые обозначения участников, ценностей и реалий церковной жизни [25; 22; 26]); б) *не менее важна оценочная функция*, посредством которой через религиозно маркированные единицы в текст вводится нравственная перспектива (например, слова ***милосердие, жертвенность, святыня, грех*** не просто называют явления, но маркируют их как ценностно значимые или, напротив, морально недопустимые: в статье «Фомы» милосердие осмысляется как безусловно положительная нравственная практика [24], тогда как в публикации РБК Quote словосочетание ***«греховные акции»*** задаёт резко отрицательную оценку экономических практик [28], а лексема ***святыня*** в материале РБК подчеркивает особую культурную и символическую значимость объекта [29]); в) *интерпретационная функция* связана с тем, что религиозная лексика помогает медиа осмыслять общественные процессы через понятные аудитории культурные и нравственные модели (в этом качестве функционируют словосочетания ***«духовное возрождение»*** [22], ***«духовно сильная общность»*** [25], ***«православные ценности»*** [23], используемые для характеристики общественного единства, исторической преемственности и ценностной устойчивости); г) *взаимозависимые эмоционально-экспрессивная и градуальная функции* [9], демонстрирующие высокий ассоциативный потенциал религиозной лексики и её способность усиливать выразительность текста, придавая ему торжественную, драматическую или морально напряжённую тональность (особенно отчётливо это видно в метафорическом употреблении выражения ***«крестовый поход»***, которое в материале РБК усиливает конфликтность и аксиологическую напряжённость политического высказывания [21]; применительно к градуальной функции это выражается в различной степени аксиологической интенсивности таких слов, как милосердие, жертвенность, грех, святыня [24; 26; 28; 29]); д) *аксиологическая функция*, позволяющая религиозной лексике участвовать в формировании ценностных координат медиадискурса, помогая осмыслять действительность в категориях ***добра и зла, долга и жертвы, духовной стойкости и нравственной ответственности*** (это особенно заметно в употреблении выражений ***«православные ценности»***

[23], ***«духовное возрождение»*** [22], а также лексем ***милосердие*** [24], ***жертвенность*** [26], ***святыня*** [29]).

Приведённые примеры позволяют выделить общую закономерность: в медиадискурсе религиозно маркированные единицы сохраняют связь с исходным сакральным значением, однако в большинстве случаев функционируют уже как средства вторичной интерпретации социальной реальности. Их медиасемантика формируется на стыке религиозного, общественно-политического и культурного смысловых полей, вследствие чего такие слова начинают выполнять не только номинативную, но и оценочно-регулятивную функцию. Именно это делает религиозную лексику особенно продуктивной для аксиологической организации медиатекста.

Религиозная лексика в современном российском медиадискурсе выполняет значительно более сложную роль, чем простое обозначение конфессиональных реалий. Наибольшую функциональную активность проявляют те единицы, которые, сохраняя связь с религиозным источником, выходят за пределы собственно церковного употребления и включаются в пространство общественной, культурной и нравственной оценки. В таких случаях религиозно маркированные слова и словосочетания становятся не только средством номинации, но и инструментом ценностной интерпретации событий, явлений и социальных процессов. Именно эта способность участвовать в формировании оценочной перспективы делает их особенно значимыми для аксиологической организации медиатекста. В связи с этим представляется необходимым подробнее рассмотреть аксиологический аспект функционирования религиозной лексики в современном медиадискурсе.

IV. Аксиологический аспект функционирования религиозной лексики

Проведённый анализ показывает, что религиозная лексика в российских медиа функционирует как важный механизм аксиологического моделирования действительности. Она не ограничивается сопровождением сообщения о факте, а включает этот факт в ценностную рамку. Такой подход соотносится с представлением о языке как носителе **ценностной парадигмы**, в рамках которой языковые единицы участвуют в закреплении и воспроизводстве культурно значимых смыслов [7]. В медиадискурсе религиозная лексика особенно наглядно проявляет этот потенциал, поскольку через неё события и явления получают не только словесное обозначение, но и ценностную квалификацию.

В одних случаях религиозные единицы создают **положительное оценочное поле**. Так, *духовность, милосердие, жертвенность, святыня, православные ценности* соотносятся с представлениями о нравственной высоте, исторической преемственности, культурной устойчивости и социальном служении. В ряде медиаконтекстов лексема святыня используется не только в собственно конфессиональном, но и в культурно-историческом значении, обозначая объект особой общественной и символической ценности [29]. Показателен, например, материал ТАСС, где говорится о сохранении православных ценностей как о положительно значимой общественной задаче [23].

В других случаях религиозная лексика используется как средство **негативной моральной маркировки**. В подобных контекстах слова *грех, кощунство, бездуховность* позволяют не просто осудить явление, но и представить его как выходящее за пределы допустимого нравственного порядка. Именно в этом проявляется высокий прагматический потенциал религиозных единиц: они способны быстро и ёмко переводить описание события в систему моральной оценки.

Религиозная лексика в современном российском медиадискурсе выступает не только средством называния, но и способом символической интерпретации социальной реальности. Её семантическая подвижность и аксиологическая насыщенность делают её одним из наиболее выразительных ресурсов современного медиатекста.

Сопоставление медиаконтекстов с данными Национального корпуса русского языка показывает, что для ряда религиозно маркированных единиц в медиадискурсе характерно расширение и переакцентуация значения. Если в общеязыковом употреблении слова *милосердие, жертвенность, святыня* устойчиво сохраняют связь с религиозно-нравственной сферой, то в языке современных медиа они нередко переходят в пространство общественной, гражданской и идеологической оценки. Это подтверждает, что медиадискурс не просто воспроизводит готовые религиозные значения, а активно перерабатывает их в соответствии со своими интерпретационными и аксиологическими задачами.

Проведённое исследование позволяет сформулировать следующие выводы:

1. *Религиозная лексика в современном российском медиадискурсе представляет собой функционально значимый пласт языка СМИ.* Она используется как в прямом, конфессионально обусловленном значении, так и во вторичном, переосмысленном употреблении, выходя за пределы собственно религиозной сферы и включаясь в более широкий общественно-политический и культурный контекст.
2. *Для религиозно маркированных единиц в медиатексте характерна семантическая подвижность.* Наиболее типичными для них являются расширение значения, метафоризация, частичная десакрализация, оценочная переакцентуация и

идеологическая контекстуализация. В результате религиозные слова и выражения начинают обозначать не только явления религиозной жизни, но и социально, культурно и политически значимые процессы.

3. *Религиозная лексика реализует комплекс взаимосвязанных функций: номинативную, оценочную, интерпретационную, эмоционально-экспрессивную, градуальную и аксиологическую.* Центральной является именно аксиологическая функция, поскольку религиозные единицы позволяют включать событие или явление в систему нравственной оценки, задавать ему положительную или отрицательную ценностную перспективу и соотносить с культурно значимыми представлениями о должном, допустимом и осуждаемом.
4. *Наибольшую аксиологическую продуктивность в исследованном материале демонстрируют лексемы и словосочетания, связанные с нравственными и духовными категориями: духовность, духовное возрождение, милосердие, жертвенность, святыня, грех, крестовый поход.* В зависимости от контекста они либо формируют положительное ценностное поле, связанное с идеями нравственной высоты, исторической памяти и духовной стойкости, либо становятся средством морального осуждения и драматизации общественного конфликта.

Заключение

Религиозная лексика в современном российском медиадискурсе выступает не только средством обозначения конфессиональных реалий, но и важным механизмом интерпретации социальной действительности.

Семантическая подвижность и многофункциональность религиозных единиц позволяют современному медиатексту использовать их для моделирования ценностной картины мира, формирования нравственных оппозиций и закрепления оценочных установок.

Вместе с тем следует учитывать, что материал исследования охватывает преимущественно тексты федеральных и крупных сетевых медиаресурсов, поэтому выявленные закономерности отражают прежде всего доминирующие модели употребления религиозной лексики в публичном медиапространстве.

ЛИТЕРАТУРА

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999. 896 с.
2. Бусель А.А. Новая религиозно-политическая лексика в российских СМИ и интернет-дискурсе на примере производных слова «ИГИЛ» // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2017. № 186. С. 108–114.
3. Валюлина Е.В. Аксиологический аспект медиаинтеграции в сфере массовой коммуникации // Мир науки, культуры, образования. 2025. № 1. С. 352–355.
4. Добросклонская Т.Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ. М.: Флинта, 2014. 264 с.
5. Добросклонская Т.Г. Медиатекстология: системный подход к изучению форматно-жанрового разнообразия современной медиаречи // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2023. № 5. С. 7–24.
6. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
7. Колесникова С.М. Ценностная парадигма в русской картине мира (на материале романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы») // Русский язык в школе. 2024. № 5. С. 108–118. DOI: 10.30515/0131-6141-2024-85-5-108-118.
8. Колесникова С.М. Синтагматические особенности наречий меры и степени и их градуальная функция в современном русском языке // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2012. № 3. С. 14–19.
9. Колесникова С.М. Градуальность в системе русского языка: монография. М.: ФЛИНТА, 2018. 232 с.
10. Крылова И.А. Проблемы описания лексики сферы религии в толковых словарях русского языка // Научный диалог. 2020. № 6. С. 74–88.
11. Крысин Л.П. Религиозно-проповеднический стиль и его место в функционально-стилистической системе современного русского литературного языка // Поэтика. Стилистика. Язык и культура. М.: Наука, 1996. С. 135–146.
12. Назарова И.П. Современные тенденции в употреблении библеизмов на страницах СМИ // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 21. С. 89–94.
13. Пономарёва Е.В. Аксиологическая составляющая коммуникативного пространства медиадискурса на примере англоязычных интернет-СМИ // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. № 6. С. 142–146.
14. Пыстина О.В. Функционирование библеизмов как прецедентных феноменов в современном медиатексте на примере региональных СМИ // Вестник Челябинского государственного университета. 2016. № 9. С. 118–123.
15. Хруль В.М. Религиозное сознание аудитории СМИ: тексты самовыражения массы как объект анализа // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2011. № 1. С. 75–90.
16. Хруль В.М. Религиозный этос как фактор регулирования журналистской деятельности: теоретические предпосылки и практические препятствия // Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика. 2010. № 5. С. 44–60.
17. Худякова Е.С. О функциях религиозной лексики и библеизмов в текстах современных печатных СМИ // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 30. С. 96–101.

18. Ширяева О.В. Лингвопрагматический аспект типологии медиадискурса // Вестник Челябинского государственного университета. 2012. № 13. С. 85–90.
19. Язык средств массовой информации: учебное пособие для вузов / под ред. М.Н. Володиной. М.: Академический Проект; Альма Матер, 2008. 760 с.
20. Грамота.ру: словари русского языка. URL: https://gramota.ru/poisk (дата обращения: 22.03.2026).
21. Лавров заявил о крестовом походе США против России // РБК. 20.04.2023. URL: https://www.rbc.ru/rbcfreenews/644174399a7947e16d64d6d0 (дата обращения: 10.03.2026).
22. Матвиенко назвала символом духовного возрождения РФ миссию священников в зоне СВО // ТАСС. 28.01.2025. URL: https://tass.ru/obschestvo/22994781 (дата обращения: 10.03.2026).
23. Мишустин отметил деятельность патриарха Кирилла по сохранению православных ценностей // ТАСС. 24.05.2024. URL: https://tass.ru/obschestvo/20891019 (дата обращения: 10.03.2026).
24. Парадокс милосердия. Ради чего христиане творят добро // Православный журнал «Фома». 22.03.2023. URL: https://foma.ru/paradoks-miloserdiya.html (дата обращения: 10.03.2026).
25. Патриарх Кирилл считает, что Россия ведет борьбу «за свободу всего мира» // ТАСС. 07.01.2023. URL: https://tass.ru/obschestvo/16752105 (дата обращения: 10.03.2026).
26. Святейший Патриарх Кирилл: Обстоятельства времени должны научить нас милосердию, состраданию и жертвенности // Patriarchia.ru. 22.12.2022. URL: https://www.patriarchia.ru/article/79708 (дата обращения: 10.03.2026).
27. Национальный корпус русского языка. URL: https://ruscorpora.ru (дата обращения: 10.03.2026).
28. Как зарабатывают на человеческих пороках: что такое «греховные акции» // РБК Quote. 07.02.2021. URL: https://www.rbc.ru/quote/news/article/601c08bf9a794723ffdeb1da (дата обращения: 10.03.2026).
29. РПЦ предложила поправки в закон о передаче святынь из музеев // РБК. 22.07.2022. URL: https://www.rbc.ru/politics/22/07/2022/62dac5409a7947867ebb602d (дата обращения: 10.03.2026).

© Ерёменко Наталья Геннадиевна (nataliaeremenko@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2026.04–2.21

СИНТАКСИЧЕСКИЕ СТИЛИСТИЧЕСКИЕ СРЕДСТВА РУССКОЯЗЫЧНОГО И НЕМЕЦКОЯЗЫЧНОГО ПИСЬМЕННОГО ВОЕННОГО ДИСКУРСА

Колесова Надежда Михайловна
Аспирант, Государственный Университет Просвещения
nmkolesova@mail.ru

Аннотация: В статье проводится сравнительный анализ синтаксических стилистических средств и приемов в русскоязычном и немецкоязычном военном дискурсе. Исследование направлено на выявление особенностей использования синтаксических конструкций в официальных военных документах. В работе рассматриваются такие явления как объем предложений, экспансия и редукция синтаксической структуры, особенности построения сложных предложений и использование эллиптических конструкций. Материалом исследования послужили боевые уставы, приказы и другие официальные документы вооруженных сил России и Германии. Установлены общие черты и различия в использовании синтаксических средств в военных текстах двух языков, обусловленные спецификой официально-делового стиля и требованиями военной коммуникации.

Ключевые слова: военный дискурс, синтаксические стилистические средства, официально-деловой стиль, синтаксическая структура, военный документ, эллипсис, экспансия, редукция, немецкоязычный текст, русскоязычный текст.

SYNTACTIC STYLISTIC MEANS OF RUSSIAN-LANGUAGE AND GERMAN-LANGUAGE WRITTEN MILITARY DISCOURSE

N. Kolesova

Summary: The article presents a comparative analysis of syntactic stylistic means and techniques in Russian-language and German-language military discourse. The research is aimed at identifying the features of the use of syntactic constructions in official military documents. The article examines such phenomena as the volume of sentences, expansion and reduction of syntactic structure, the peculiarities of constructing complex sentences and the use of elliptical constructions. The research material was combat regulations, orders and other official documents of the armed forces of Russia and Germany. Common features and differences in the use of syntactic means in military texts of the two languages are established due to the specifics of the official style and the requirements of military communication.

Keywords: military discourse, syntactic stylistic means, official style, syntactic structure, military document, ellipsis, expansion, reduction, German-language text, Russian-language text.

В области языкознания под военным дискурсом принято понимать целостную систему речевых произведений и коммуникативных актов, продуцируемых в рамках взаимодействия, связанного с военной сферой. Данная коммуникативная область отличается высокой степенью нормативной заданности, которая детерминирована действующими уставами, накопленным историческим опытом и устоявшимися практиками, что в совокупности формирует специфику отбора используемых языковых средств.

Характерные особенности военного дискурса на лингвистическом уровне проявляются в использовании определённого набора языковых инструментов. К ним относятся: императивность коммуникативных актов, чёткость и логическая стройность изложения концепций, значительная степень шаблонности и унификации текстовых моделей, насыщенность и плотность информационного содержания, а также адресная направленность на конкретную профессиональную аудиторию. Указанные особенности дают основания утверждать, что в данном типе дискурса доминируют признаки, свойственные официально-деловому стилю, как отмечается в лингвистических исследованиях (Кожина, 1983; Виноградов, 1963), в свою очередь также отличающегося четкой и недвусмысленной точностью языковых конструкций, обладающего обязательной для исполнения направленностью, использующего предписания и форму долженствования. Его речь носит безличный характер, отличается официальностью и полным отсутствием эмоциональной окраски.

По мнению ведущих специалистов в области языкознания, официально-деловой стиль, являющийся частью книжных стилей, характеризуется четко ограниченной областью применения и не употребляется в бытовом общении. Согласно позиции Д.Э. Розенталя (2008), для этого стиля свойственны устойчивость и замкнутость системы. В процессе исторического развития, подвергшись определённой трансформации под влиянием содержания документов, его устоявшиеся жанровые особенности, характерная терминология и синтаксические модели способствовали усилению консервативных черт. Анализируя специфику официально-делового стиля,

специалист выделяет ряд устойчивых характеристик. К ним относятся: сжатость и плотность подачи информации, предполагающие максимально рациональное применение языковых ресурсов; использование стандартизированных речевых формул (клише); преобладание терминологической лексики и номенклатурных обозначений; наличие устойчивых моделей построения текста. Стилю также свойственно активное функционирование отглагольных существительных, доминирование прямого порядка слов как базового синтаксического принципа и применение номинативных конструкций. Наблюдается устойчивая тенденция к использованию сложных предложений, которые оформляют логические связи между фактами и событиями. При этом эмоционально-оценочные и экспрессивные средства языка в данном стиле практически отсутствуют.

Согласно исследованиям Брандес М.П. (2014), официально-деловой стиль характеризуется преимущественно монологическим характером общения, ориентируясь на одностороннюю коммуникацию, а не на диалогический обмен. В этой сфере преобладает восприятие письменных сообщений над их устным порождением. Специфика деловой коммуникации, связанная со сложностью и высокой ответственностью передаваемых сведений, а также значимостью целей такого взаимодействия, требует неукоснительного следования нормативным предписаниям при создании документов. Данное требование выступает ключевым условием для достижения эффективности информационного обмена.

Соответствуя нормам кодифицированного литературного языка, официально-деловой стиль формирует основу для конструирования разнообразных речевых жанров, используемых в конкретной профессиональной сфере. В области военной коммуникации этот стиль является фундаментом для функционирования таких жанров, как уставы Вооруженных Сил, боевая и служебная документация (включая военно-техническую и научную документацию, а также нормативные правовые акты военного управления). Сведения, передаваемые посредством официально-делового стиля в военном контексте, отличаются максимальной точностью, недвусмысленностью и ясностью формулировок, что полностью исключает разночтения при интерпретации. Достижению указанных качеств способствует как строгая внутренняя логика, так и унифицированная внешняя форма данных документов.

Основная коммуникативная задача официально-делового стиля в рамках военного дискурса заключается в передаче модальности долженствования, которая реализуется через формы прямой императивности и предписывающе-оценочного значения, что является общепризнанным фактом в лингвистике. В русском и немецком языках для реализации сравнительного анализа указанной функции центральную роль играет категория модальности, выражаемая соответствующими глаголами. В русскоязычном дискурсе импликация необходимости регулярно кодируется синтаксическими конструкциями, объединяющими модальные предикаты («должен», «следует», «надлежит», «обязан») с инфинитивом основного действия:

(1) При подготовке обороны командир штурмовой группы дополнительно ***должен назначить*** *наблюдателей за воздушной обстановкой, основные и запасные огневые позиции*…[«Армейский сборник», 2025, № 9]

— в немецкоязычном - в сочетании с пассивным залогом:

(2) Jeder Verlust ***muss*** *durch das Ziel* ***gerechtfertigt sein****.* [Truppenführung von Landstreitkräften (TF), 2007]. / *Каждая потеря должна быть оправдана целью.* (здесь и далее перевод выполнен автором статьи. – К.Н.)

Кроме того, с целью усиления категоричности функционального содержания, в немецких военных текстах, в частности, в полевом уставе СВ Бундесвера, наиболее употребительны инфинитивные конструкции с глаголами *haben* и *sein* с частицей *zu:*

(3) Die Fallschirmjäger ***sind*** *in der Lage, für kurze Zeit den infanteristischen Kampf ohne Unterstützung durch andere Truppen* ***zu führen****.* [Truppenführung von Landstreitkräften (TF), 2007]. / *Парашютно-десантные части должны быть готовы без поддержки других войск вести пехотный бой.*

Для текстов боевых документов (в частности, боевых приказов) также является нормой частое употребление клишированных конструкций, что обусловлено стремлением к сжатости и краткости, а также требованиями по обеспечению секретности содержания.

Для анализируемых жанров типичны следующие синтаксические конструкции: простые предложения, расширенные за счет однородных компонентов, причастных и инфинитивных оборотов, развернутых определений, а также эллиптические (неполные) конструкции. Наряду с ними широко представлены сложные предложения — сложносочиненные и сложноподчиненные типы, являющиеся, согласно исследованиям в области стилистики, центральными единицами анализа в стилистическом синтаксисе.

Как отмечают специалисты в области языкознания, стилистика и синтаксис неразрывно связаны между собой. В частности, Г.Я. Солганик (2008) указывает на важность исследования функционального аспекта синтаксических единиц, то есть их смыслового и стилевого применения. Ученый сосредотачивается на стилистическом потенциале однородных членов, возможностях согласования сказуемого с подлежащим, а также определений и приложений. Кроме того, в его работе анализируется стилистическое использование разнообразных

типов сложных предложений и рассматривается роль порядка слов как значимого стилистического ресурса.

Согласно позиции М.П. Брандес (2014), стиль трактуется как модель формальной организации, то есть синтаксис, понимаемый в расширенном значении. Собственно, стилистический смысл базируется на экспрессивном потенциале, заложенном в синтаксических конструкциях. Подавляющее большинство элементов синтаксического уровня наделено формально-выразительными качествами. Даже наиболее классическая модель предложения, не отклоняющаяся от грамматических норм и лишённая на первый взгляд каких-либо особенностей в построении, в различных контекстуальных условиях способна передавать широкий спектр эмоционально-оценочных оттенков.

С точки зрения современной лингвистики, все стилистические явления, относящиеся к синтаксису, подразделяются на две основные категории. Первую составляют синтаксические выразительные средства. К данной группе принадлежат синтаксические модели, которые характеризуются сравнительно устойчивой, пусть и обобщенной, экспрессивно-стилистической окраской (например, длина предложения, порядок слов в предложении и др.). Вторую категорию образуют синтаксические стилистические приемы, определяемые как сознательные отступления от нейтральных синтаксических норм, необычное комбинирование или размещение структурных компонентов как внутри отдельного высказывания, так и в рамках сверхфразового единства.

В свою очередь, И.Р. Гальперин (1981) подразумевает под стилистическим приёмом целенаправленное и осознанное акцентирование определённой типической структурной или семантической характеристики языковой единицы (которая может быть как нейтральной, так и экспрессивной). Это акцентирование доводится до уровня обобщения и типизации, превращаясь, тем самым, в порождающую модель. Противопоставление стилистического приёма экспрессивному средству осуществляется по критерию намеренной литературной обработки языкового материала.

Настоящее исследование посвящено анализу синтаксического уровня организации письменного военного дискурса на русском и немецком языках. В фокусе внимания находятся стилистические средства, связанные с архитектоникой предложения (прежде всего его протяженностью), а также стилистические приемы, основанные на преобразовании синтаксической структуры, такие как ее экспансия (расширение) и редукция (свертывание).

Эмпирическим материалом для исследования послужили примеры из Боевого устава СВ МО РФ, журналов «Армейский сборник» «Зарубежное военное обозрение», немецкого «Nach vorn// Heeresfliegernews», а также полевого устава СВ Бундесвера (Truppenführung von Landstreitkräften (TF)), сайта www.bundeswehr.de.

Как показывают исследования, одним из наиболее распространенных синтаксических выразительных средств в русских и немецких нормативных документах, определяющих функционирование вооруженных сил (уставов, приказов, директив и т.д.), одной из ключевых характеристик выступает *объем предложений*, который в свою очередь зависит от формы речи (в рассматриваемом случае — письменной), коммуникативной сферы, целевой установки текста, а также от индивидуальных особенностей говорящего. Как отмечается в исследованиях военного дискурса, для текстов официально-делового стиля в военной сфере наиболее репрезентативными являются предложения средней длины и длинные предложения. С точки зрения синтаксического оформления они могут быть представлены следующим образом:

а) простые распространённые предложения, которые содержат помимо основных членов также их детализацию, выраженную посредством причастных конструкций, инфинитивных комплексов, а также определительных и обстоятельственных групп, например, и в русских, и в немецких военных текстах довольно часто встречаются предложения, осложненные обособленными определениями, которые выражены причастными оборотами:

(4) Пехота, ***ворвавшаяся на передний край опорных пунктов взводов****, уничтожается огнем в упор, гранатами и в рукопашной схватке.* [Боевой устав СВ 2014: 132]

*(5) Der Platz der allgemeinen Reserve der Brigade in der Verteidigung****, in erster Linie von der gestellten Aufgabe bestimmt****, soll Handlungen in allen Richtungen ermöglichen.* [Truppenführung von Landstreitkräften (TF), 2007]. / *Месторасположение общевойскового резерва бригады в обороне, назначенное поставленной задачей на переднем крае, должно давать возможность действовать во всех направлениях.*

б) сложные (сложносочиненные и сложноподчиненные) предложения с не слишком громоздкими составляющими их частями, например, сложноподчиненные предложения с придаточными определительными:

(6) Управление подразделениями командиром осуществляется с КНП, ***который развертывается за подразделениями первого эшелона****.* [Боевой устав СВ 2014]

(7) Die 11 LMB gehört ihrerseits zur Division Schnelle Kräfte, ***die der Hauptnutzer des Ausbildungs- und Übungszentrums Luftbeweglichkeit ist****.* [Nach vorn// Heeresfliegernews, 1/2024] */ 11 ЛМБ входит в состав дивизии сил быстрого реагирования, которая в свою очередь является основным потребителем образовательного учебного центра аэромобильности.*

Длинные предложения, использование которых мотивируется специфическим назначением текста и условиями коммуникации (в данном случае указания, касающиеся подготовки и ведения боя), могут представлять собой также простые распространенные, сложноподчиненные и сложносочиненные предложения, но уже с бóльшим количеством составляющих их частей, соответственно, и усложненной структурой последних, например, в русском тексте это, как правило, сложные предложения с разными видами связи (сочинительной и подчинительной):

(8) Наиболее боеспособным компонентом является организованный резерв, ***личный состав которого проходит ежегодные лагерные и ежемесячные учебные сборы****, а* ***организационное ядро находится*** *на регулярной военной службе.* [Зарубежное военное обозрение, 2025 №6]; в немецком варианте – сложноподчиненное предложение с придаточным условия, в свою очередь осложненным однородными членами и причастным оборотом:

(9) ***Hat der Verteidiger die Möglichkeit, den Raum zu wählen und vorzubereiten****, kann er selbst* ***alle Deckungen ausnutzen****,* ***Feuer, Sperren und Bewegung aufeinander abstimmen*** *und so gegen* ***den zur Bewegung gezwungenen Feind*** *überlegene Wirkung erzielen.* [Truppenführung von Landstreitkräften (TF), 2007] / *Если обороняющийся имеет возможность выбрать и подготовить участок, он может сам использовать все укрытия, скоординировать огонь, заграждения и маневр и таким образом достичь превосходных результатов, вынуждая врага передвигаться.*

Среди синтаксических стилистических приемов, характерных для русских и немецких текстов, регламентирующих деятельность вооруженных сил (уставов, приказов, распоряжений и др.), выделяются экспансия (расширение) и редукция (усечение) синтаксической структуры.

В лингвистике и риторике повторение однородных элементов синтаксиса, различающихся по своей протяженности, в границах цельного высказывания формирует особый тип экспансии, известный как *перечисление*. Данный прием основан на синтаксическом параллелизме и служит для семантического наращивания и детализации основной мысли. В рассматриваемых жанрах данное средство используется с целью упорядочивания, а также выделения и подчеркивания наиболее значимой информации:

(10) Инженерные заграждения включают: ***одиночные мины, группы мин, минные поля, узлы заграждений, противодесантные заграждения, заграждения на рубежах минирования подвижного отряда заграждений.*** [Боевой устав СВ 2014]

(11) Die Verteidigung wirkt durch ***Feuer, Sperren*** *und* ***Bewegungen***. [Truppenführung von Landstreitkräften (TF), 2007]. / *Оборона реализуется через огонь, заграждения и маневры.*

В немецком примере также следует отметить сочетание двух типов синтаксической связи — асиндетической и синдетической. Первые два выделенных компонента (***Feuer, Sperren***) соединены без союза, тогда как перед третьим элементом используется союзное средство *und*. Данное явление соответствует теоретическим положениям синтаксиса сложного предложения, где комбинирование бессоюзной и союзной связи является распространённым конструктивным приёмом.

Кроме того, в русском и немецком военном дискурсе к числу стилистических средств, ведущих к усложнению и, как следствие, наращиванию длины синтаксических конструкций, принадлежит также процесс *номинализации* различных частей речи. Их структура расширяется посредством включения атрибутивных и обстоятельственных групп, тогда как группа сказуемого усложняется за счёт использования именных определений:

(12) Опытный образец тактического истребителя четвертого поколения «Рафаль», ***разработанный компанией «Дассо авиасьон» (Dassault Aviation)****, совершил первый испытательный полет в 1986 году.* [Зарубежное военное обозрение 2025, № 8].

(13) Schwachstellen in der Gefechtsgliederung des Feindes, besonders Lücken, Flanken und Nahtstellen*, bieten meist die besten Voraussetzungen für einen Angriff und für das rasche Vordringen in die Tiefe.* [Truppenführung von Landstreitkräften (TF), 2007] / *Уязвимость в тактическом построении противника, особенно бреши, фланги и близкое расположение являются зачастую лучшими предпосылками для наступления и для быстрого проникновения в глубину.*

В русском примере мы наблюдаем распространение структуры группы подлежащего за счет обособленного определения, выраженного причастным оборотом, стоящим в постпозиции в то время, как немецкое предложение ярко иллюстрирует модель количественного расширения подлежащего в начальной позиции предложения.

Одной из разновидностей редукции (усечения) синтаксической структуры, характерной для боевых документов, является эллипсис, при котором опускаются менее важные, легко восстанавливаемые в контексте члены предложения. Данный стилистический прием довольно часто встречается в русских и немецких текстах боевых приказов, поскольку их структура требует определенного формата и соблюдения специальных правил. В них, как правило, опускаются те элементы, которые при надлежащем знании уставных документов могут быть однозначно восстановлены из контекста обстановки и не препятствуют адекватному восприятию передаваемых сведений.

(14) БОЕВОЙ ПРИКАЗ 9 мсп № 01. КП - дачи (65 803). 15.00 06.01. Карта 50 000, издание 1985 г.

(15) PzGrenBtl (MTW) 612 / мпб 612	*Aufstellungs-Nr. 679*
S 3 / оперативное отделение	*BtlGefStd PKt 313 / КНП батальона*
Az 34-45	*(1,5 km südostw OESDORF)*
TgbNr. 1856	*201920octZ*
	Spruch-Nr. EX 12

Bataillonsbefehl Nr. 2

Für den Angriff nach Vorbereitung über die DIEMEL / Приказ № 2 батальону на наступление с исходного положения с форсированием р. Димель

Bezugsdokumente: Brigadebefehl Nr. 2 / ссылочные документы: приказ № 2 бригаде

Karte: Deutschland 1:50 000

Ausgabe 1-DMG, Serie M745

Blatt L 4518

В представленных заголовках русского и немецкого боевых приказов указано, кому и на что предназначен приказ, место, дата и время отдачи приказа, а также ссылки на приказы и распоряжения вышестоящей инстанции и сведения о листах карт с данной обстановкой. В обоих примерах присутствуют только те элементы, которые необходимы для передачи информации, и без знания полной расшифровки каждого из них, понять предложения такого типа не представляется возможным. Как упоминалось выше, это обусловлено стремлением к сжатости и краткости, а также соблюдением секретности документа.

Кроме того, как показывают исследования, характерными стилистическими приемами для русских и немецких текстов, регламентирующих деятельность вооруженных сил (уставов, приказов, распоряжений и др.) являются сознательное нарушение порядка слов в предложении, а также трансформация структуры предложения. Но эти вопросы требуют отдельного, более подробного рассмотрения.

Таким образом, использование перечисленных синтаксических стилистических средств можно объяснить специфическим назначением текстов и специфическими условиями коммуникации. Как отмечалось выше, в основе военных текстов лежит деловой язык, характеризующийся ограниченной выразительностью и не применяемый в повседневном общении. Проведенный анализ показал, что для текстов, произведенных в рамках русскоязычного и немецкоязычного военного дискурса характерно наличие общих синтаксических стилистических средств. При этом возникает необходимость дальнейшего, более глубокого исследования отдельных стилистических приемов в русских и немецких военных текстах с целью выявления их индивидуальных особенностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Брандес М.П. Стилистика текста. Немецкий язык. Теоретический курс: Изд. 5-е, испр. и перераб. - М.: ИД КДУ, 2014. 428 с.
2. Боевой устав СВ МО РФ, часть 2 батальон, рота – Саратов, 2014.
3. Виноградов В.В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. – М.: Изд-во Академии наук СССР, 1963
4. Гальперин И.Р. Стилистика английского языка. — М.: Высшая школа, 1981. — 334 с.
5. Забуга К. Сейчас мы тебя приземлим, со всей твоей электроникой! // Армейский сборник. 2025, № 9.
6. Кожина М.Н. Стилистика русского языка. – 2-е изд. – М., 1983
7. Корчагин С. Самоходные артиллерийские установки на колесном шасси для ВС ФРГ // Зарубежное военное обозрение - М.: ФГБУ «РИЦ «Красная звезда» МО РФ, 2025, № 6
8. Пронин В., Птицын И. Современное состояние и перспективы развития бортового радиоэлектронного оборудования французского истребителя четвертого поколения «Рафаль» // Зарубежное военное обозрение - М.: ФГБУ «РИЦ «Красная звезда» МО РФ, 2025, № 8
9. Солганик Г.Я., Дроняева Т.С. Стилистика современного русского языка и культура речи: учебное пособие для студентов филологического факультета и факультета журналистики высших учебных заведений. 5-е изд., стер. – М.: Издательский центр «Академия», 2008. – С. 194–249.
10. www.bundeswehr.de
11. HDv 100/100 VS-NfD//Truppenführung von Landstreitkräften (TF), 2007
12. Nach vorn// Heeresfliegernews, 1/2024.

© Колесова Надежда Михайловна (nmkolesova@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2026.04–2.22

ПОЭТИКА БОЛЕЗНИ И СМЕРТИ В РОМАНЕ АНДРЕЯ ПЛАТОНОВА «ЧЕВЕНГУР»

THE POETICS OF ILLNESS AND DEATH IN ANDREI PLATONOV'S NOVEL *CHEVENGUR*

N. Koltsova

Summary: This article analyzes the poetics of corporeality in the novel *Chevengur*. It examines Platonov's important technique of correlating the body and the universe (they are isomorphic to one another): just as the body is subject to pain and illness, so the world can exist in various morbid states. A distinctive trait of Platonov's world is highlighted: the combination of the survival instinct with the death drive. Life itself seems like a sick, drawn-out dream. It is a delusion from which one yearns to escape — to recover, to awaken. The novel's composition and its amorphous plot recreate the structure of such a dream as a psychophysiological phenomenon (phases of REM sleep alternate with a state of protracted delirium, then fever). Examples of the highly concentrated images and motifs in *Chevengur* related to the life of the body, illness, and death are examined. Paradoxically, life as a dream is contrasted with death, which can be interpreted optimistically — as true birth. Sasha Dvanov must «emerge» from the space of sleep, delusion, and illness — to overcome the crisis and recover (which means that Russia is also destined to overcome the catastrophe: cf. the isomorphism of the body and the universe) or «suffer» and perish.

Keywords: Platonov, Chevengur, the poetics of corporeality, the motif of illness and death, the novel's chronotope, and the discourse of the body.

Кольцова Наталья Зиновьевна
Кандидат филологических наук, доцент,
МГУ имени М.В. Ломоносова
koltsovaru@rambler.ru

Аннотация: В статье анализируется поэтика телесности в романе «Чевенгур». Рассматривается важный для Платонова прием соотнесения *тела* и мироздания (они изоморфны друг другу): как тело подвержено боли, болезням, так и мир может находиться в различных болезненных состояниях. Выделяется отличительная черта платоновского мира — сочетание инстинкта выживания с влечением к смерти. Сама жизнь кажется больным тягучим сном; это морок, забытье, от которого хочется избавиться — выздороветь, проснуться. Композиция романа и его аморфный сюжет воссоздают структуру такого сна как психофизиологического феномена (фазы быстрого сна сменяются состоянием затяжного бреда, затем лихорадкой). Разбираются примеры высокой концентрации образов и мотивов «Чевенгура», связанных с жизнью тела, болезнью, смертью. Жизнь-сон противопоставляется смерти, которую можно толковать в оптимистическом ключе — как истинное рождение. Саше Дванову предстоит «вынырнуть» из пространства сна, морока и болезни — преодолеть кризис и выздороветь (а значит, и России суждено преодоление катастрофы: ср. изоморфизм тела и мироздания) или «отмучиться» и погибнуть.

Ключевые слова: Платонов, «Чевенгур», поэтика телесности, мотив болезни и смерти, хронотоп романа, дискурс тела.

Отечественное литературоведение не раз обращалось к рассмотрению поэтики телесности в прозе Платонова [1]. В данном исследовании на передний план выдвигается один из аспектов темы — при этом наиболее, на наш взгляд важный, — мотив болезни.

В записных книжках Платонова есть такое наблюдение: «Особое состояние — живешь, а нельзя, не под силу, как будто прешь против горы, оседающей на тебя» [2, с. 37]. Так чувственно переживать тяжесть жизни человек может или в состоянии болезни, или во время тяжелого сна, когда душа мучается, «мается», тяготится телесными узами, — и оба эти состояния Платонову хорошо известны. Платоновские произведения дают возможность признать, что «основной инстинкт» человека — это не только жажда жизни (инстинкт продолжения рода есть лишь одно из проявлений жизнедеятельности здорового организма — пусть и «пиковое»), но и влечение к смерти (мортиро), побеждающее волю к жизни. Так, Джонатан Флэтли в статье «Революционная тоска Андрея Платонова, или Читая „Чевенгур“» утверждает: «в этом мире поддерживать интерес к жизни оказывается задачей, а не чем-то естественным» [3]. Как отмечают И.А. Журавлева и М.Е. Русанова, «платоновский герой борется одновременно и против смерти, и за ее приближение. Герои стремятся сохранить жизнь, но тяготы повседневного существования обрекают их на желание смерти. Человек, проживая жизнь в „пограничных ситуациях“», сам становится существом пограничным. Жизнь и смерть становятся двумя сторонами одной монеты» [4, с. 118]. Более того — добавим от себя — интерес к такой жизни, которая нарисована в «Чевенгуре», кажется чем-то противоестественным, естественной же реакцией на нее оказывается желание избавления, ухода, пробуждения. Именно поэтому финал романа (погружение Саши в воды озера) вселяет в читателя светлое чувство, которое усиливается надеждой на пробуждение самого «трезвого» и реалистично мыслящего героя — Прошки, отправляющегося в «бессмысленный» (в *этом* мире, в соответствии с логикой *этого* мира) путь. Но этим двум заключительным аккордам, дарящим ощущение покоя, прохлады и умиротворения, вселяющим надежду на

выздоровление мира, предшествует сцена *кризиса* — финальной схватки жизни и смерти, сражающихся за организм больного. Загадочное неведомое войско, как вихрь налетает на Чевенгур, сметает «больное» пространство, уподобляется фагоцитам, атакующим болезнетворные микроорганизмы. И здесь можно вспомнить и апокалиптический сон Раскольникова о «трихинах», и центральную метафору «Бесов», акцентированную эпиграфом. Однако для нас важен не столько философский смысл данных метафор, сколько их «психофизиологическое» основание — общий признак человека и социума, ассоциирующегося с живым организмом, который переживает состояние тяжелого, больного сна. История, поведанная автором, кажется, может восприниматься как своего рода «анамнез» больного, который врач «снимает», заполняя его медицинскую карту. В ней фиксируются стадии болезни — переход от лихорадочного состояния к угнетенному или к временной передышке (сцены НЭПа в городе), от апатии к возбуждению, от угасания сил к полной утрате витальности или к взрыву энергии — агонии. Агония Чевенгура может трактоваться не только как картины апокалипсиса, но и кризиса — в медицинском понимании термина.

Еще раз подчеркнем: поэтика телесности не может быть сведена исключительно к *теме* тела и описанию оного, но предполагает воссоздание жизни тела — состояний, импульсов и проч. — и внушению читателю соответствующих ощущений. Заболевая, человек попадает в «кромешный мир», мир хаоса, физически ощущаемой и переживаемой грязи, нечистоты, «недооформленности» мира — мира сологубовской «недотыкомки». В мире болезни все искажено: любое чувство может обернуться физически проживаемой мерзостью существования — даже интенсивно переживаемое чувство телесного подъема предстает как лютая, больная похоть. Праздник превращается в страшный, жуткий карнавал, телесно проживаемое светопреставление. Боль, жестокость, непросветленные разумом аффекты и инстинкты — своего рода производные рефлексов тела, которые получают во сне (и, соответственно, в тексте романа) образное воплощение.

Думается, задаче передать состояние болезни подчинена и пространственно-временная организация текста. «Чевенгур — болезненное забытье, сон, в котором рвется живая ткань жизни, и в обретении Вечности умирает время», — отмечает Л.П. Ждановская [5]. «Заторможенность» прозы делает ощутимым самое время — не только «внутреннее» время романа, в котором находятся персонажи, но и время, которое затрачивается на чтение текста, время как физическая реальность, некая протяженность, в которой пребывает читатель, благодаря чему в итоге возникает иллюзия совпадения художественного мира и реальности — «внутреннего» времени читателя и времени героев. Ощущение субъективно проживаемого «пробуксовывающего» времени, в которое погружается читатель, нагнетается с помощью тягучей субстанции текста, «обволакивающего» читателя и затягивающего в самую глубину — подобно водам озера Мутева. Текст оказывается посредником между миром сновидения и миром реальности, как и воды озера. Читатель уже по мере неторопливо «растекающегося» сюжета вместе с героем погружается в уплотнившееся время, как в воду. Следует отметить, что параллель «Чевенгур — озеро» присутствует непосредственно в тексте. Не случайно первое образное воплощение Чевенгура — сказочная картина, которую рисует председатель ревкома Чевенгура Чепурный: «Эх, хорошо сейчас у нас в Чевенгуре!.. На небе луна, а под нею громадный трудовой район — и весь в коммунизме, как рыба в озере!» [7, с. 155]. Закрадывается сомнение: а не есть ли Чевенгур то подводное царство, в которое стремится Дванов? И, может быть, покидая город, герой не входит в озеро, а как раз выходит из него, подобно сказочному герою, совершившему путешествие в потусторонний подводный мир (сам сюжет погружения в подводное царство имеет сказочную и былинную фольклорную природу). «Автор активно соединяет мотивы воды и неба, стремится снять противопоставление «глубины» и «высоты», верха и низа (ср. название стихотворного сборника Платонова — «Голубая глубина»); хронотоп романа обусловлен важной структурообразующей метафорой — отождествлением «поднебесного» и «подводного» миров — «посюсторонней» и «потусторонней» реальности. Таким образом, с самого начала подготавливается финал «Чевенгура»: погружение в озеро / вознесение на небо. Рыбак «видел смерть как другую губернию, которая расположена под небом, будто на дне прохладной воды»; его сын показан «на черте сельского горизонта, он стоял над кажущимся глубоким провалом, на берегу небесного озера»; «Дванов стоял <…>, наблюдая прохладное озеро неба над собой»; свет луны „озарял землю, как подводное дно“», — пишет Е.А. Яблоков [8, с. 16]. Отметим, что и неоднократно привлекавший внимание исследователей загадочный эпизод с баком позволяет видеть в жителях Чевенгура обитателей «водного» (подводного) царства — Платонов «переносит» этот предмет на сушу, но вместе с тем актуализируется сказочный мотив моря-окияна — или того же озера, водоем. Пространство Чевенгура — это действительно пространство утопии, если обратиться к внешней форме слова, помещающей его в один ряд со словами «утоп», «утопленник». Ключ к постижению авторской идеи можно найти и в народной этимологии «странного» слова. Не случайно один из персонажей так говорит о Чевенгуре (по сути, трактуя понятие утопии): «всему конец». Бак — это своего рода разрыв не только в повествовательной ткани, но и в той художественной реальности, которая подается как единственно возможная по негласному соглашению между автором и читателем (подобный прием использует Водолазкин в «Лавре» — знаменитый эпизод с пластиковой бутылкой). Проскурина уделяет особое внимание этому эпизоду «Чевенгура»:

«То, что в его финальной части сюжетная ситуация остается неразъясненной: читателю так и не понятно, что это за «бак», и вообще «бак» ли это, откуда он взялся и кто находится внутри, — говорит, что смысловая суть эпизода не в этом. Энигматичность, принципиальная невозможность рационализации иррационального — родовое свойство платоновской манеры наррации. Обычно такие фрагменты связаны с прорывом повествования за грань реального в пространство мифа либо сна» [9]. И если в романе взаимообратимы понятия верха и низа (вспомним одну из самых красивых метафор «на берегу неба»), то логика обратности захватывает и фабульный уровень, и хронотоп. Именно для сна характерно «отключение» времени — возможность нарушать хронологию событий актуализирует эффект развоплощения времени, или спатиализации [10]. Как «пространственный роман» «Чевенгур» отменяет сукцессивность и замещает ее симультанностью — и в этом отношении может быть поставлен в один ряд с произведениями Пруста, Джойса и др. Время не просто уподобляется пространству, но начинает восприниматься как нечто материальное, вещественное, телесно ощутимое — то плотное и вязкое в отдельных фрагментах-сгустках, то текучее, аморфное. По тонкому наблюдению Яблокова, герои словно перемещаются между потоками времени — и эта метафора, безусловно, отвечает замыслу автора воссоздать модель мироздания, которое, как уже было сказано, изоморфно телу.

Иными словами, тело — это своего рода система координат платоновского мира и текста. Как полагает О.Р. Темиршина, изучающая дискурс тела в творчестве поэтов-авангардистов XX века, «не все элементы текста одинаково сильно связаны с миромоделирующим уровнем. Возможно, что в тексте есть первичные «базальные» структуры, которые *непосредственно* актуализируют миромодель» [11, с. 189]. К разряду таких первичных, константных категорий в творчестве поэтов-футуристов (В. Маяковского) и наследующих им представителей авангарда (Е. Летова), по мнению Темиршиной, принадлежат пространственность и телесность, тесно связанные между собою. Темиршина выявляет такие свойства телесно-пространственной метафорики в поэзии Маяковского, как стирание границ между внешним и внутренним пространствами, мотив экстериоризации телесного, или «овнешнения тела», которое словно «выворачивается в мир», реагируя так на внешнее давление. Не менее важными проявлениями телесно-пространственного кода в поэзии Маяковского становятся и «смещенная телесность», или «*тело*, *спроецированное на мир*, которое в предельном случае может включать в себя его части» [11, с. 193]. Подобный прием можно обнаружить и в романе Платонова: в сцене бреда Александра Дванова тело последнего словно смешивается с окружающим пространством, вбирая в себя вещи и предметы: «От жарких печных кирпичей Дванов еще более разволновался и смог уснуть, только утомившись от тепла и растеряв себя в бреду. Маленькие вещи — коробки, черепки, валенки, кофты — обратились в грузные предметы огромного объема и валились на Дванова: он их обязан был пропускать внутрь себя, они входили туго и натягивали кожу» [7, с. 97]. Ощущение кошмара нагнетается за счет перехода вещей и явлений в свою противоположность: взаимообратимыми оказываются категории «извне / изнутри», «крупное / мелкое». Мотив смешения всего и вся (как проявление своего рода текучести хаотичного мира) усиливается и благодаря искажению представлений о текстуре и составе «вещества существования»: неразличимы оказываются и такие категории, как жидкое и твердое состояние материи (или разных видов материи): «Страшны были не ожившие удушающие вещи, а то, что разорвется кожа и сам захлебнешься сухой горячей шерстью валенка, застрявшей в швах кожи» [7, с. 97]. В случае с Маяковским подобное неразличение внешнего и внутреннего сознательно конструируется автором, поскольку, как подчеркивает Темиршина, такая «мифоутопическая картина творения нового мира» связана с «образом всечеловека, который буквально через свою телесность структурирует космос» [11, с. 194].

У Платонова, как нам представляется, прием соотнесения *тела* и мироздания имеет все же иные истоки и иную направленность, отражая особенности пралогического (младенческого или мифического) мышления, для которого совпадение мира и тела является чем-то изначальным и непреложным, а не умопостигаемым.

Тягучая фактура романа, как уже говорилось, вызывает ассоциацию со сном — долгим, больным, растекающимся не на один день (мы знаем из биографии Платонова, что сам он болел тифом, и болезнь эта была довольно продолжительной). И, на наш взгляд, композиция романа воссоздает саму структуру такого сна — не только сновидения, но как психофизиологического феномена.

С медицинской точностью писатель воссоздает состояние сновидца: фаза быстрого сна сменяется состоянием тягучего, тягостного, затяжного бреда, а ему на смену приходит лихорадочное состояние — не героев, но повествователя. Подобная зависимость темпоритма («температуры» романа) повествования от «психофизического состояния» повествователя, разумеется, является частью авторской «сновидческой» стратегии. И преобладающее в тексте замедленное развитие действия, густая ткань повествования, вязкая фактура — не недостаток, не недоработка писателя (как считал М. Горький), а осознанно поставленная им творческая задача. Конечно, ощутима и связь с фольклором — с кумулятивной и докучной сказкой, однако задача Платонова — не усыпить, а погрузить читателя в состояние «полубодрствования» с книгой в руках. И если динамичный сюжет мог бы передать ощущение осмысленности существования, то растекающийся, аморфный, «несобранный» сюжет, зао-

стряющийся с помощью особой манеры повествования, напротив, внушает читателю *скуку*, отвращение к жизни, воссоздавая ощущение невыносимости физического существования — как во сне, когда больной человек тяготится собой, в том числе и собственным телом. Итак, особое значение обретают состояния (именно состояния, а не только настроение) скуки, маеты, тошноты — тех психофизиологических спутников «дурной бесконечности», которая понятна (точнее, ве́дома, если пользоваться выражением Лосева) человеку, находящемуся в болезни, в полузабытьи, не могущему вырваться из «тяжелых снов».

Подлинное содержание того или иного фрагмента текста — не событие, но именно состояние и продуцируемое им настроение, которое, перетекая, трансформируясь в другое, формирует в соединении с ним и с другими своего рода «подводное течение» романа. Это «подводное течение» текста оказывается столь мощным, что иной раз вытесняет из сознания читающего «содержательную компоненту» произведения — события, слова и действия персонажей (которые к тому же не являются следствием движений души, мысленных интенций).

Платонов переворачивает, опрокидывает представления о человеческих ощущениях, о пределах человеческой выносливости, словно сдвигая болевой порог и доказывая, что шок и стресс могут ассоциироваться не со вспышкой, но с дурной бесконечностью — парадоксальное сочетание тягучего бесконечного состояния и острой боли — художественное открытие писателя.

Проводником этого настроения, разумеется, оказывается повествователь-сновидец, состояние которого и воспроизводится в тексте. Это его психофизиологические реакции «разыгрывают» персонажи: данное предположение многое объясняет в тех ошибках и «неправильностях», которые проявляют себя на уровне не только языковых аномалий, но и повествовательной стратегии текста.

Однако в произведении Платонова может воссоздаваться настроение как таковое, настроение мира, «экосистемы», включающей в себя и природу, и человека, — та мыслящая материя (или, по Платонову, «вещество существования»), о которой рассуждал Вернадский.

Странная речь повествователя кажется голосом странного, пугающего и одновременно — узнаваемого и *родимого хаоса, самой земли*. Хронотоп по сути «освобождается», «избавляется» от героя как носителя переживаний. Подобный прием, безусловно, апробирован русской литературой — достаточно вспомнить «Степь» А.П. Чехова, «Метель» Л.Н. Толстого, а также «Черного араба» М.М. Пришвина и написанный позднее «Чевенгура» рассказ Платонова «Июльская гроза» [14].

Платонову удается возродить архаику, проникнуть в глубины коллективного бессознательного — в те слои психики, которые скрыты от современного индивидуума, и поднять с этих глубин то, что формирует хтонический мир ужаса, знакомый по самым страшным древним сказкам («Крошечка-Хаврошечка», «Медведь на липовой ноге») — и этот мир оказывается вновь рядом.

Яблоков полагает, что погружение Саши Дванова в озеро — метафора выхода в бессознательное: «финальное погружение в озеро — это и погружение в эмоциональную сферу, в «душевность», отказ от «облегчающей мысли», от утопической простоты. По существу, развивается основной образ «Епифанских шлюзов», заключенный в самом названии этой повести и связанный с этимологией топонима (греч. *епифания* — откровение)» [8, с. 17].

Думается, однако, слово «откровение» может подарить еще одну подсказку — пробуждение. Пробуждение — непременная составляющая пророческого *гнозиса*, подлинного, глубокого чувственного познания мира, того *откровения*, которое дается в результате озарения, а не усилий рассудка. Справедливо трактуя смерть героя как его «обратное рождение», Яблоков обращает внимание и на мотив «выныривания на поверхность» [8, с. 18], но воспринимает его как метафору избавления от заблуждений разума, тогда как, по нашему мнению, его можно считывать и как освобождение от телесных мук, страданий — выздоровление. Герой должен именно *очнуться* (вспомним сказочный призыв «Очнись, пробудись, добрый молодец!») — выздороветь, пробудиться, прозреть, а, может быть, и повзрослеть. Умирая в одной своей ипостаси, молодости, герой, возможно, возродится в другой — в зрелости.

Высокая концентрация образов и мотивов «Чевенгура», связанных с жизнью тела, болезни, морока, актуализирует феноменологический аспект мифотворчества Платонова, подтверждая лосевскую концепцию мифического знания-ве́дения. И если сон — это мир наизнанку, то смерть Саши Дванова можно толковать как рождение. Но даже если отказаться от подобной логики обратности и не пытаться обнаружить в любом эпизоде и действии противоположный смысл, то и в таком случае финал романа оптимистичен. Саше Дванову предстоит покинуть сон, выйти, вынырнуть из пространства морока и болезни — преодолеть кризис и выздороветь (а значит, и России суждено преодоление катастрофы — каким бы оно ни было) или «отмучиться» и погибнуть. В любом случае, Апокалипсис — как болезнь — не может длиться вечно и должен когда-нибудь разрешиться. И подобная концепция не противопоставляет друг другу две утопии, коммунистическую и федоровскую, но сводит их воедино.

Платоновское слово — вопль, стон, корчи и судороги больной земли, которая жаждет прохлады, пробуждения, покоя и отдохновения — выздоровления.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баршт К.А. Мотив телесности в прозе Андрея Платонова // Русская литература. 2001. № 3. С. 53–70.
2. Платонов А.П. Деревянное растение: Из записных книжек. — М.: Издательство «Правда», 1990. 48 с.
3. Флэтли Дж. Революционная тоска Андрея Платонова, или Читая «Чевенгур». [Электронный ресурс]. URL: http://intelros.ru/pdf/siniy_divan/09/13.pdf (дата обращения: 16.01.2026).
4. Журавлева И.А., Русанова М.Е. «Вещество жизни» как основа космоса в творчестве А. Платонова // Вестник ВГУ. Серия: Философия. 2019. № 3. С. 112–119.
5. Ждановская Л.П. Конец истории как проблема художественного и теоретического сознания // Историческое познание: традиции и новации: Материалы Международной теоретической конференции. Ижевск, 26–28 окт. 1993 г. Часть 2. Ижевск: Изд-во Удмуртского университета, 1996. 207 с.
6. Платонов А.П. Симфония сознания. [Электронный ресурс]. URL: http://platonov-ap.ru/publ/simfoniya-soznaniya/ (дата обращения: 19.01.2026).
7. Платонов А.П. Сочинения. Т. 3: 1927–1929. — М., 2021. 720 с.
8. Яблоков Е.А. Принцип художественного мышления А. Платонова «И так, и обратно» в романе «Чевенгур» // Филологические записки. Вестник литературоведения и языкознания. Вып. 13. Воронеж, 1999. С. 14–27.
9. Проскурина Е.Н. Структура повествования в «Чевенгуре» Платонова // Критика и семиотика. Вып. 12. Новосибирск, 2008. С. 231–246.
10. Фрэнк Д. Пространственная форма в современной литературе // Зарубежная эстетика и теория литературы. XIX–XX вв. Трактаты, статьи, эссе. — М., 1987. С. 194–213.
11. Темиршина О.Р. Поэтическая типология лирики Летова и Маяковского: от модели мира к языку // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017, № 49. С. 188–210.
12. Вернадский В.И. Избранные труды по истории науки. — М., 1981. С. 288–289.
13. Колобаева Л.А «Никакой психологии», или Фантастика психологии? (О перспективах психологизма в русской литературе нашего века) // Вопросы литературы. 1999, № 2. С. 3–20.
14. Кольцова Н.З. К вопросу о символике степи в русской прозе первой трети XX в. (на примере произведений А. Платонова и М. Пришвина) // Русская литература XX–XXI веков как единый процесс (проблемы теории и методологии изучения) Материалы VIII Международной научной конференции. Москва, 21–22 декабря 2023 г. С. 122–125.

© Кольцова Наталья Зиновьевна (koltsovaru@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2026.04–2.23

СТРАТЕГИИ ПЕРЕВОДА ФОЛЬКЛОРНОГО ИНТЕРТЕКСТА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ВЕРСИЙ СКАЗКИ О ТРЕХ БРАТЬЯХ ИЗ РОМАНА ДЖ.К. РОУЛИНГ «ГАРРИ ПОТТЕР И ДАРЫ СМЕРТИ»

Корабельникова Екатерина Игоревна
ФГБОУ ВО Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого

FOLKLORE INTERTEXT TRANSLATION STRATEGIES: A COMPARATIVE ANALYSIS OF RUSSIAN-LANGUAGE VERSIONS OF THE TALE OF THE THREE BROTHERS FROM J.K. ROWLING'S NOVEL HARRY POTTER AND THE DEATHLY HALLOWS

E. Korabelnikova

Summary: The article examines translation strategies of folklore intertext based on the fairy tale "The Tale of the Three Brothers" from J.K. Rowling's novel "Harry Potter and the Deathly Hallows". The object of analysis is two canonical Russian translations, produced by the team of translators of the publishing house "ROSMEN" (under the general editorship of M.D. Litvinova) and by translator S.I. Ilyin (publishing house "Makhaon"). The purpose of the work is to identify and systematize translation solutions used to convey culturally specific elements, rhythmic-stylistic features, and symbolic layer of the inserted fairy tale. The research methodology is based on comparative, contextual and linguocultural analysis. The study reveals that the "ROSMEN" translation implements the strategy of integral cultural adaptation (domestication) aimed at integrating the text into the traditions of Russian children's folklore, while the "Makhaon" translation tends to the strategy of formal and semantic adequacy with elements of foreignization, preserving the conceptual accuracy and stylistic conventionality of the original. It is concluded that the presence of two strategies creates different aesthetic and semantic representations of the same text, enriching the Russian-language reception of the work and demonstrating the absence of the only correct way to translate a complex intertextual fragment.

Keywords: folklore intertext, translation strategies, domestication, foreignization, comparative analysis, literary fairy tale, cultural adaptation, J.K. Rowling, Harry Potter, The Tale of the Three Brothers, ROSMEN translation, Makhaon translation.

Аннотация: В статье исследуются стратегии перевода фольклорного интертекста на материале сказки «The Tale of the Three Brothers» из романа Дж.К. Роулинг «Гарри Поттер и Дары Смерти». Объектом анализа выступают два канонических русскоязычных перевода, выполненные коллективом переводчиков издательства «РОСМЭН» (под общей редакцией М.Д. Литвиновой) и переводчиком С.И. Ильиным (издательство «Махаон»). Цель работы заключается в выявлении и систематизации переводческих решений, применяемых для передачи культурно-специфических элементов, ритмико-стилистических особенностей и символического слоя вставной сказки. Методология исследования базируется на сравнительно-сопоставительном, контекстуальном и лингвокультурологическом анализе. В результате исследования установлено, что перевод «РОСМЭН» реализует стратегию целостной культурной адаптации (доместикации), ориентированную на интеграцию текста в традиции русского детского фольклора, тогда как перевод «Махаон» тяготеет к стратегии формально-смысловой адекватности с элементами форенизации, сохраняющей концептуальную точность и стилистическую условность оригинала. Делается вывод о том, что наличие двух стратегий создает различные эстетические и смысловые репрезентации одного текста, обогащая русскоязычную рецепцию произведения и демонстрируя отсутствие единственно верного способа перевода сложного интертекстуального фрагмента.

Ключевые слова: фольклорный интертекст, переводческие стратегии, доместикация, форенизация, сравнительный анализ, литературная сказка, культурная адаптация, Дж.К. Роулинг, Гарри Поттер, The Tale of the Three Brothers, перевод РОСМЭН, перевод Махаон.

Перевод вставных текстов, особенно стилизованных под фольклор, представляет собой комплексную проблему и требует неординарных творческих решений. Переводчик должен не только обеспечить лингвистическую адекватность, но и воссоздать в иноязычной культуре тот специфический жанровый, стилистический и культурный «ореол», которым обладает фрагмент в оригинальном макротексте.

«Сказка о трех братьях» (*The Tale of the Three Brothers*) в финальном романе поттерианы Дж.К. Роулинг является не просто декоративным эпизодом, а ключевым метанарративом, чья функция выходит далеко за рамки вставного рассказа. Она выступает и как сюжетообразующий шифр, и как философская притча, раскрывающая центральную тему цикла – отношение к смерти и природе власти.

Следует отметить, что «Сказка о трех братьях» вхо-

дит в состав сборника «Сказки барда Бидля», который в художественном пространстве поттерианы позиционируется как классическое произведение детской литературы, что придает исследуемому тексту дополнительное измерение: он является не просто вставным элементом, но и репрезентантом целого пласта вымышленной культуры. Будучи искусной стилизацией под английскую народную сказку с её лаконичностью, иносказательностью и традиционными языковыми оборотами, этот текст становится «лакмусовой бумагой» для переводческих стратегий. В связи с этим в задачи перевода входит не только передача содержания конкретной сказки, но и имплицитное воссоздание ее статуса как фольклорного текста. Как справедливо отмечает Ш. Канхаль, подобные тексты требуют от переводчика особого внимания к сохранению «магии и моральных уроков истории» при одновременном обеспечении доступности для целевой аудитории, особенно юных читателей [Kanhal, 2025, p. 77].

Два канонических русских перевода – коллективный труд под общей редакцией Марии Литвиновой (издательство «РОСМЭН») и авторская работа Сергея Ильина (издательство «Махаон») – предлагают принципиально разные пути решения этой дилеммы. Их сопоставительный анализ позволяет выявить не просто частные расхождения, но системные подходы к переводу фольклорного интертекста, колеблющиеся между полюсами адаптации к принимающей культуре и сохранения инокультурной специфики.

Примечательно, что история русских переводов поттерианы включает не только два указанных издания, но и так называемый «народный перевод», существовавший в сети Интернет в начале 2000-х гг., однако именно версии «РОСМЭН» и «Махаон» получили статус канонических и стали предметом активной рецепции. Как отмечают исследователи феномена поттерианы в русской культуре, переводы М. Литвиновой и С. Ильина сформировали два различных читательских сообщества, каждое из которых отстаивает «свою» версию текста, что свидетельствует о глубоком укоренении обоих переводов в языковом сознании русскоязычных реципиентов.

Цель данного исследования заключается в системном описании и классификации стратегий, примененных в каждом из переводов для передачи сказочного компонента содержания, через анализ ключевых концептов, ритмико-стилистических особенностей и степени фольклоризации текста.

Теоретической основой для анализа служит представление о фольклорном интертексте как о «чужом слове», интегрированном в новое художественное целое и вступающем в диалог с культурной памятью читателя. Перевод такого «слова» неизбежно становится актом культурного посредничества, при котором переводчик оказывается перед выбором: минимизировать культурную дистанцию или, напротив, подчеркнуть её.

В терминологии Л. Венути это противоречие формулируется как оппозиция стратегий доместикации (одомашнивания) и форенизации (остранения) [Венути, 2019, с. 105]. Доместикация стремится сделать текст прозрачным, естественным для культуры-реципиента, часто за счет замены культурно-специфических элементов на привычные аналоги. Форенизация, напротив, сохраняет «акцент» исходной культуры, делая перевод видимым, несколько чуждым, тем самым приближая читателя к оригинальному контексту. В применении к сказке эта оппозиция приобретает особую остроту: должен ли перевод звучать как «знакомая сказка» на русском языке или как «английская сказка», рассказанная по-русски?

Кроме того, важен прагматический аспект, выраженный в теории скопоса Х. Фермеера, где первичной является цель перевода [Vermeer, 2000, p. 225]. Можно предположить, что целью перевода издательства «РОСМЭН» было создание целостного, увлекательного текста для широкой, в том числе детской аудитории, в то время как перевод издательства «Махаон» мог ставить задачу более точной литературоведческой передачи авторского стиля и символических комплексов.

Дополнительным теоретическим инструментарием, позволяющим углубить анализ, может служить классификация прагматических стратегий перевода, предложенная Э. Честерманом. Исследователь выделяет десять прагматических стратегий, среди которых особого внимания заслуживают культурная фильтрация (адаптация или доместикация), изменение степени эксплицитности, изменение информации (добавление или опущение) и изменение интерперсональных отношений [Chesterman, 2016, p. 107–110]. Применительно к анализируемому материалу стратегия культурной фильтрации проявляется в разной степени адаптации текста к нормам принимающей культуры, тогда как изменение степени эксплицитности может быть прослежено в решениях переводчиков относительно добавления пояснительных элементов или, напротив, свертывания избыточной информации.

Наиболее показательным полем для сравнения стратегий является перевод центральных концептов сказки – трех даров Смерти и её персонификации. Именно здесь лежат смысловые узлы, определяющие философское звучание притчи. Персонификация лексемы *Death* передается в обоих переводах словом *Смерть* с заглавной буквы, что соответствует русской литературной, а не строго фольклорной традиции, где чаще встречаются описательные обороты. Однако контекстуально в версии «Махаона» этот образ приобретает более отвлеченно-мифологические черты, тогда как в версии «РОСМЭН» он чуть более антропоморфизирован.

Кардинальное расхождение наблюдается в номинации первого и главного дара – «the Elder Wand». Переводчица «РОСМЭН» Мария Литвинова избирает путь глубокой культурной адаптации, предлагая вариант «Бузинная палочка». Это решение является квинтэссенцией стратегии доместикации. Отказавшись от прямого перевода прилагательного «elder» (старший, старшинствующий), Литвинова делает акцент на материале – бузине. Бузина в европейском, в том числе и славянском, фольклоре – растение амбивалентное, часто связанное с нечистой силой, смертью, но и с защитой [Постникова, 2008, с. 46]. Таким образом, создается яркий, запоминающийся эпитет, идеально встраивающийся в модель именования волшебных предметов в русской сказке. Этот выбор эстетически безупречен для детского восприятия, однако он существенно смещает семантические акценты: связь со «старшинством» и властью уходит на второй план, уступая место материальной, «предметной» магии.

Выбор М. Литвиновой в пользу *бузинной палочки* может быть рассмотрен в контексте традиций русской сказочной номинации волшебных предметов. В русских народных сказках, собранных А.Н. Афанасьевым, магические артефакты часто именуются по материалу или внешнему признаку: «золотое яблоко», «серебряное блюдечко», «гусли-самогуды» и др. [Афанасьев, 1984, с. 125]. Эпитет *бузинная* органично вписывается в этот ряд, создавая у читателя мгновенную ассоциацию с миром волшебной сказки. Кроме того, А.А. Потебня в книге «Символ и миф в народной культуре» отмечает, что бузина занимает особое место в народных верованиях: это растение считалось одновременно и проклятым (на нем повесился Иуда), и сакральным (способным отгонять нечистую силу и даровать пророческий дар) [Потебня, 2000, с. 213].

Таким образом, *бузинная палочка* в переводе Литвиновой оказывается семантически нагруженной амбивалентной символикой, что созвучно двойственной природе самого артефакта в романе: палочка, дарующая непобедимую власть, но приносящая гибель своему обладателю.

Сергей Ильин в переводе «Махаона» выбирает иную траекторию, склоняясь к стратегии форенизации с опорой на смысловую точность. Его варианты – «Старшая Палочка» или «Палочка Старшего» – намеренно сохраняют семантический стержень, связанный со старшинством. «Старшая» отсылает не только к положению первого брата, но и к абсолютному превосходству артефакта над всеми прочими. Это перевод-концепт, который акцентирует не сказочную «проделку», а идею власти, доминирования и вытекающей из него трагедии. Такой выбор создает более отстраненный, интеллектуальный и притчевый образ, но может звучать менее органично в ухе читателя, ожидающего фольклорной складности.

Вариант перевода С. Ильина, в свою очередь, может быть сопоставлен с древнерусской традицией именования по иерархическому принципу. В летописях и житийной литературе эпитет «старейший» использовался для обозначения главенства, первенства по положению и власти [Колесов, 2004, с. 78]. Выбор Ильина актуализирует не столько фольклорный, сколько архаико-литературный пласт русской языковой традиции, что соответствует общей стилистической установке перевода издательства «Махаон» на сохранение условно-книжного, притчевого звучания текста.

Аналогичное, хотя и менее контрастное, различие прослеживается в переводе второго дара – «the Resurrection Stone». Вариант «РОСМЭН» «Воскрешающий камень» использует действительное (активное) причастие настоящего времени, что создает динамичный образ предмета, наделенного постоянной силой. Вариант «Махаона» «Камень Воскрешения», построенный на отглагольном существительном, звучит более монументально и сакрально, как имя собственное уникального артефакта из мифа.

Третий дар – «the Cloak of Invisibility» – не вызвал разногласий, получив устойчивый и вполне фольклорный эквивалент «мантия-невидимка» в обоих переводах, что лишь подчеркивает наличие в принимающей культуре готовой и идеально сопоставимой формы.

Помимо концептов, переводческие стратегии ярко проявляются на уровне повествовательной ткани сказки. Её начало в оригинале – «There were once three brothers…» – является стандартной для английской сказки формулой. Перевод «РОСМЭН» закономерно активирует культурный код реципиента, используя канонический зачин русской волшебной сказки: «Жили-были три брата…». Это сразу задает нужный жанровый регистр, убаюкивая читателя знакомой интонацией. Переводчик «Махаона» обходит это клише, предлагая более нейтральный и повествовательный вариант: «Как-то раз трое братьев…». Этот отказ от мгновенной фольклорной идентификации можно интерпретировать как желание избежать излишней «русификации» и сохранить легкий оттенок иносказательной условности.

Лексический выбор в переводе «РОСМЭН» последовательно работает на создание сказочного колорита: «пустились в путь-дорогу», «повстречалась», «извлек», «душу мучила тоска» и т.п. Эти слова и обороты имеют отчетливую народно-поэтическую окраску. Синтаксис здесь часто сглажен и ритмизован в соответствии с русскими моделями. В версии «Махаона» лексика более сдержанна и литературна: «отправились странствовать», «повстречалась», «вынул», «томился тоской».

Диалог со Смертью также демонстрирует разницу

переводческих моделей: в варианте «РОСМЭН» Смерть действует «крайне несправедливо», где наречие усиливает морально-оценочный компонент, свойственный детской сказке. В «Махаоне» она берет брата «самым нечестным образом», что звучит как более объективная, хотя и ироничная констатация.

С точки зрения теории эпоса этот диалог глубоко архетипичен. В классическом эпосе, от шумерских сказаний о Гильгамеше до древнегреческих поэм, образ Смерти (или Мойр/Парок) не представлен через оппозицию «добра» и «зла»: она выступает как неумолимая необходимость, рок (Ананке), которому подвластны и герои, и боги [Мелетинский, 1976, с. 202–212]. Персонализация Смерти в литературе – это позднейшая нарративная стратегия, позволяющая «очеловечить» экзистенциальный ужас [Фрейденберг, 1997, с. 112–114]. Интересно, что перевод «Махаона», тяготеющий к «объективной констатации», в определенной степени возвращает нас к этому эпическому, до-моральному восприятию конца, где важна лишь неотвратимость события, а не его «честность» или «справедливость». Напротив, акцент на «несправедливости» в версии «РОСМЭН» – это шаг от эпоса к дидактической сказке, где даже смерть обязана подчиняться законам нравственности, установленным в мире живых. Как отмечается в исследованиях древнегреческих представлений о смерти, для «архаического мировосприятия характерно восприятие судьбы как безличной силы, лишенной моральных коннотаций» [Андреев, 1990, с. 23–25].

Стоит также обратить внимание на категорию сказочного времени. В переводе издательства «РОСМЭН» повествование строится с использованием характерных для русской сказки темпоральных маркеров: «долго ли, коротко ли», «в скором времени», «стали они жить-поживать». Эти формулы выполняют не только сюжетообразующую, но и ритмическую функцию, создавая особый «сказовый» ритм, знакомый русскому читателю с детства. В переводе издательства «Махаон» темпоральные переходы маркируются более нейтрально: «прошло некоторое время», «вскоре», что приближает текст к жанру литературной притчи, а не фольклорной сказки.

Фундаментальное значение для понимания специфики сказочного времени имеют труды В.Я. Проппа. Исследуя композицию волшебной сказки, ученый приходит к выводу о принципиальном доминировании пространства над временем в фольклорном повествовании: «В фольклоре действие совершается, прежде всего, в пространстве; времени же, как реальной формы появления, как будто совсем нет…» [Пропп, 1976, с. 162]. Это наблюдение объясняет, почему в традиционной сказке временные промежутки, не заполненные событиями, либо вовсе исчезают из повествования, либо маркируются условными формулами, не имеющими отношения к хронологической конкретике. Пропп подчеркивает двойственную природу сказочного пространства-времени: «С одной стороны, оно в сказке есть. Оно – совершенно необходимый композиционный элемент. С другой стороны, его как бы совсем нет. Все развитие идет по остановкам, и эти остановки разработаны очень детально» [Пропп, 1986, с. 48].

В этом контексте выбор переводчиками «РОСМЭН» традиционных сказочных формул («долго ли, коротко ли») оказывается жанрово мотивированным: он воспроизводит свойственный фольклору принцип дискретного времени, которое течет лишь в моменты событийных узлов. Напротив, нейтральные темпоральные маркеры в версии «Махаон» («прошло некоторое время») привносят элемент хронологической непрерывности и определенности, что противоречит природе сказочного хронотопа и смещает повествование в сторону литературной притчи, где время организовано иначе. Как подчеркивает В.Я. Пропп, «сказка не знает пустого, незаполненного событиями времени» [Пропп, 1998, с. 25], поэтому любое указание на временной промежуток вне события должно быть либо элиминировано, либо обозначено условной формулой, не претендующей на хронологическую конкретность.

Особого внимания заслуживает финал сказки. Оригинал завершается фразой: «And then he greeted Death as an old friend, and went with him gladly, and, equals, they departed this life». В переводе «РОСМЭН» этот фрагмент представлен следующим образом: «И тогда он приветствовал Смерть как старого друга и последовал за ней с радостью, и они покинули этот мир как равные». Выбор глагола *последовал* и указательного местоимения с существительным *этот мир* придает финалу мягкое, элегическое звучание. Перевод Ильина выполнен иным образом: «И тогда он встретил Смерть как старого друга и с радостью отправился с ней, и, равные, они покинули жизнь». Вариант «покинули жизнь» (вместо «покинули этот мир») звучит более отстраненно и философично, что коррелирует с общей концепцией перевода.

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о передаче имен собственных внутри сказки. В тексте оригинала братья не имеют имен и обозначаются только по старшинству: *the eldest brother*, *the second brother*, *the youngest brother*. Оба перевода сохраняют этот принцип, что соответствует как английской, так и русской сказочной традиции, где «безымянность персонажей часто подчеркивает их архетипическую, обобщенную природу» [Мелетинский, 1977, с. 45]. Однако в одном из вариантов народного Интернет-перевода начала 2000-х гг. предпринималась попытка наделить братьев именами Антиох, Кадм и Игнотус – по аналогии с братьями Певерелл, которые в метатексте «Гарри Поттера» выступают как исторические прототипы героев данной сказки.

Такое решение, хотя и опиралось на сюжетную логику поттерианы, было отвергнуто профессиональными переводчиками, поскольку нарушало жанровую природу сказки-притчи, переводя повествование из регистра фольклорного обобщения в регистр конкретно-исторического предания. Это решение обоих издательств свидетельствует о понимании важности сохранения архетипической обобщенности персонажей для адекватной передачи философского подтекста произведения.

Обобщая наблюдения, можно утверждать, что перед нами два системных подхода к переводу фольклорного интертекста. Перевод «РОСМЭН» реализует стратегию целостной культурной адаптации (доместикации). Его цель – создать текст, который воспринимался бы русскоязычным читателем (особенно юным) как органичная часть знакомого сказочного мира. Для этого используется комплекс средств: фольклорные формулы, лексика с народной окраской, создание ярких «сказочных» эпитетов по национальным моделям.

К числу таких средств относятся уже рассмотренные выше темпоральные маркеры («долго ли, коротко ли», «в скором времени», «стали они жить-поживать»), выполняющие композиционную функцию связки между эпизодами. Кроме того, в версии «РОСМЭН» последовательно используются устойчивые сочетания с фольклорной стилизацией: эпитеты типа «добрый молодец» применительно к положительным героям-юношам, «красна девица» – к женским персонажам, а также традиционные сказочные обороты, описывающие событийную и хронологическую динамику («пустился в путь-дорогу», «ни много ни мало прошло времени»). Как отмечает Е.Е. Петрова, подобные традиционные формулы в русской сказочной традиции не только выполняют «текстообразующую функцию, но и создают особый ритмический рисунок повествования, узнаваемый носителем культуры с раннего детства» [Петрова, 2015, с. 3]. В переводе «РОСМЭН» эти формулы воспроизводятся системно, что позволяет говорить о сознательной ориентации переводчика на жанровый канон русской волшебной сказки.

Лексика с народно-поэтической окраской в версии «РОСМЭН» представлена также уменьшительно-ласкательными формами, характерными для русской сказочной традиции («братец», «сестрица», «отец с матерью»), и вводными конструкциями, имитирующими устное сказительство («ну вот», «и стали они», «тут и сказке конец»). Эти элементы, как показывают исследования О.А. Егоровой, формируют «особую коммуникативную ситуацию (рассказчик – слушатель), свойственную фольклорному повествованию» [Егорова, 2002, с. 112–115].

Напротив, перевод издательства «Махаон» реализует стратегию форенизации с элементами архаизации, ориентированную на сохранение дистанции между читателем и оригинальным текстом. Вместо адаптации к русской сказочной традиции перевод передает специфику подлинника, в том числе через синтаксические кальки, сохранение инверсий, характерных для английского сказочного синтаксиса, и нейтральную темпоральную лексику. Так, если в версии «РОСМЭН» предпочтение отдается конструкциям «жили они поживали да добра наживали», то в «Махаоне» финальная формула тяготеет к буквальной передаче английского «*they lived happily ever after*» (*они жили счастливо всегда*). Отказ от традиционной русской концовки свидетельствует о намерении сохранить жанровую природу оригинала как литературной сказки-притчи, а не фольклорного текста.

Таким образом, выбор стратегии перевода оказывается непосредственно связанным с жанровой интерпретацией исходного текста. «РОСМЭН» тяготеет к фольклоризации, вписывая произведение в контекст национальной сказочной традиции. «Махаон» сохраняет жанровунымю дистанцию, акцентируя принадлежность текста к литературной (авторской) сказке с элементами притчевого обобщения. Оба подхода последовательны и внутренне непротиворечивы, однако ведут к созданию текстов, существенно различающихся по своим стилистическим и жанровым характеристикам.

Результатом становится привычная, с точки зрения русского восприятия, гармоничная сказка, которая, однако, в некоторых аспектах сознательно дистанцируется от буквы оригинала в пользу духа и эстетики жанра в принимающей культуре. Перевод Сергея Ильина («Махаон») представляет собой стратегию условной адекватности с элементами форенизации. Его ориентир – более точная передача концептуального каркаса и стилистической условности оригинала. Это выражается в буквализме ключевых номинаций, отказе от клишированных формул, предпочтении нейтрально-литературной лексики с легким налетом архаики. Такой подход порождает текст, который звучит несколько более «книжно» и отстраненно, но в то же время позволяет читателю яснее увидеть авторский замысел и символические связи (*старший брат – старшинство – власть*).

Сравнительный анализ не просто фиксирует разночтения, а вскрывает глубинные механизмы переводческого выбора. Сказка о трех братьях в исполнении «РОСМЭН» – это мастерски русифицированная волшебная сказка, вписанная в контекст национальной фольклорной традиции. Её сила – в эмоциональной и эстетической доступности. Сказка в переводе «Махаона» – это притча-аллегория, где на первый план выходит философско-символический смысл, а форма сохраняет намеренную условность и традиции языка оригинала. Первый перевод стремится передать историю, опираясь на языковые традиции принимающего (переводящего) языка. Второй напоминает читателю, что перед ним перевод, инокуль-

турный артефакт, требующий интеллектуального усилия для дешифровки.

Наличие этих двух стратегий обогащает русскоязычную рецепцию творчества Дж.К. Роулинг, демонстрируя, что не существует единственно верного перевода сложного интертекстуального фрагмента. Выбор между доместикацией и форенизацией определяется не только личными предпочтениями переводчика, но и целевой аудиторией, издательской политикой и общим пониманием задачи перевода. Оба рассмотренных подхода, со своими достоинствами и неизбежными потерями, являются закономерными результатами диалога между двумя культурными традициями, в котором сказка о дарах Смерти обрела в России два равноценных, но принципиально разных лика.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андреев Ю.В. Поэзия мифа и проза истории. Л.: Наука, 1990. 223 с.
2. Афанасьев А.Н. Народные русские сказки: в 3 т. / А.Н. Афанасьев. М.: Наука, 1984. Т. 1. 540 с.
3. Венути Л. Как читать перевод: этика различия / Л. Венути // Вестник Московского университета. Серия 22. Теория перевода. 2019. № 4. С. 98–115.
4. Григорьев А.В. Метапроза в структуре романов о Гарри Поттере: вставные тексты и их функции / А.В. Григорьев // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2015. № 6 (38). С. 75–85.
5. Егорова О.А. Традиционные формулы как явление народной культуры (на материале русской и английской фольклорной сказки): дис. канд. культурологии. М., 2002. 259 с.
6. Колесов В.В. Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека / В.В. Колесов. СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004. 368 с.
7. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) / В.Н. Комиссаров. М.: Высшая школа, 1990. 253 с.
8. Мелетинский Е.М. Поэтика мифа / Е.М. Мелетинский. М.: Наука, 1977. 408 с.
9. Петрова Е.Е. Структурно-семантические и прагматические особенности формульных композиционных средств (на материале британских и русских народных сказок) // Международный научно-исследовательский журнал. 2015. № 1 (32). С. 2–5.
10. Постникова Е.В. Символика растений в европейской литературной сказке: традиция и современность / Е.В. Постникова // Культурология. 2008. № 4. С. 42–48.
11. Потебня А.А. Символ и миф в народной культуре / А.А. Потебня. М.: Лабиринт, 2000. 480 с.
12. Пропп В.Я. Фольклор и действительность. М.: Наука, 1976. 325 с.
13. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1986. 368 с.
14. Роулинг Дж.К. Гарри Поттер и Дары Смерти / Дж.К. Роулинг; пер. с англ. М.Д. Литвиновой, С.И. Ильина. М.: РОСМЭН, 2007. 639 с.
15. Фрейденберг О.М. Поэтика сюжета и жанра. М.: Лабиринт, 1997. 448 с.
16. 1Chesterman A. Memes of Translation: The Spread of Ideas in Translation Theory / A. Chesterman. Revised ed. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2016. 225 p.
17. Kanhal Sh. Translation Commentary: 'The Tale of the Three Brothers' by J. K. Rowling from English to Arabic / Sh. Kanhal // International Journal of Language and Linguistics. 2025. Vol. 13, № 2. P. 76–81.
18. Rowling J.K. Harry Potter and the Deathly Hallows / J.K. Rowling. London: Bloomsbury, 2007. 607 p.
19. Vermeer H.J. Skopos and Commission in Translational Action / H.J. Vermeer // The Translation Studies Reader / ed. by L. Venuti. London & N.Y.: Routledge, 2000. P. 221–232.

© Корабельникова Екатерина Игоревна ( ).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2026.04–2.28

СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ВЫРАЖЕНИЯ КАТЕГОРИИ ЭВИДЕНЦИАЛЬНОСТИ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Ли Хоуюй
Аспирант, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова
lihouyu970523509@163.com

Аннотация: Категория эвиденциальности в типологическом описании языков сохраняет дискуссионный статус, особенно при сопоставлении систем, существенно различающихся по генеалогическим и структурным параметрам. В русском языке, традиционно не выделявшем эвиденциальные значения в качестве самостоятельной граммемы, они тесно переплетаются с модальными смыслами, получая выражение через разнообразные частицы и вводные конструкции, дифференцированные по степени субъективной оценки и дистанцирования от передаваемого содержания. Китайский язык, напротив, опирается на лексико-грамматические средства аналитического характера, среди которых конструкции с 据说, 看来, 似乎 и 好像 демонстрируют колебания между указанием на источник информации и выражением степени уверенности. Сопоставление обнаруживает асимметрию не только в плане выражения, но и в организации семантического поля: русский арсенал богаче в сфере пересказывательности с ее ироническими и оценочными компонентами, тогда как в китайском более детально разработаны средства инференциальности и миративности, включающие маркеры неожиданности и ретроспективного осознания. Анализ синтаксических механизмов оформления косвенной речи, прагматических функций эвиденциальных единиц в контексте вежливости и смягчения категоричности, а также особенностей их передачи в переводных текстах раскрывает влияние типологического строя на конвенционализацию соответствующих смыслов. Выявленные функциональные соответствия при структурной несоизмеримости способствуют уточнению границ категории и ее релевантности для понимания способов маркирования информационного источника в дискурсе, позволяя определить значимость полного текста статьи для специалистов в области контрастивной лингвистики и прагматики.

Ключевые слова: эвиденциальность, русский язык, китайский язык, пересказывательность, инференциальность.

COMPARATIVE ANALYSIS OF THE EXPRESSION OF THE CATEGORY OF EVIDENTIALITY IN RUSSIAN AND CHINESE LANGUAGES

Li Houyu

Summary: The category of evidentiality in the typological description of languages retains a controversial status, especially when comparing systems that differ substantially in genealogical and structural parameters. In Russian, which has traditionally not singled out evidential meanings as an independent grammeme, they are closely intertwined with modal meanings, receiving expression through various particles and introductory constructions differentiated by the degree of subjective evaluation and distancing from the conveyed content. By contrast, Chinese relies on lexico-grammatical means of an analytical nature, among which constructions with 据说, 看来, 似乎 and 好像 demonstrate fluctuations between indicating the source of information and expressing the degree of certainty. The comparison reveals asymmetry not only in the plane of expression but also in the organization of the semantic field: the Russian arsenal is richer in the sphere of reportativity with its ironic and evaluative components, whereas in Chinese the means of inferentiality and mirativity are more elaborately developed, including markers of unexpectedness and retrospective awareness. The analysis of syntactic mechanisms for marking indirect speech, the pragmatic functions of evidential units in the context of politeness and mitigation of categoricality, as well as the features of their transmission in translated texts reveals the influence of typological structure on the conventionalization of the corresponding meanings. The identified functional correspondences despite structural incommensurability contribute to clarifying the boundaries of the category and its relevance for understanding the ways of marking the information source in discourse, allowing one to determine the significance of the full text of the article for specialists in the field of contrastive linguistics and pragmatics.

Keywords: evidentiality, Russian language, Chinese language, reportativity, inferentiality.

Категория эвиденциальности – одна из наименее устоявшихся в типологическом описании языков, располагающихся на разных полюсах генеалогической и ареальной классификации, – остаётся предметом затяжной полемики, которая то затухает, то вспыхивает с новой силой при каждой попытке перенести аппарат, выработанный на материале тибето-бирманских и тюркских грамматик, в область изолирующих и флективных систем. Спорят о границах. Одни исследователи [7, с. 161] квалифицируют эвиденциальность как самостоятельную функционально-семантическую категорию, грамматикализованную лишь в ограниченном числе языков; другие, напротив, настаивают на универсальном характере данного феномена, допуская его лексическое, дискурсивное и просодическое воплощение даже там, где морфологические показатели источника информации отсутствуют. Применительно к русскому языку вопрос осложняется тем, что традиционная грамматическая школа – от А.А. Шахматова до «Русской грамматики» 1980 г. – эвиденциальных значений в качестве отдельной

граммемы не выделяла, рассматривая соответствующие смыслы в рамках категории модальности.

В китаистике ситуация складывается иначе, хотя и не менее противоречиво. Ряд работ, опирающихся на корпусные данные современного путунхуа [12, с. 156], фиксирует устойчивый набор лексико-грамматических средств – частицы 据说 (jùshuō), 看来 (kànlái), конструкции с 听说 (tīngshuō) и т.д., – регулярно маркирующих источник пропозиционального содержания. Однако статус этих единиц колеблется между дискурсивными маркерами и грамматикализованными показателями; консенсуса нет. По всей видимости, камнем преткновения выступает сам вопрос о том, достаточно ли регулярности и облигаторности употребления для признания эвиденциальности грамматической категорией в изолирующем языке, где морфологические оппозиции принципиально иного типа.

Сопоставительное изучение русского и китайского языков в этом контексте предпринималось крайне редко; существующие работы, как правило, ограничиваются переводческим аспектом – анализом трансформаций эвиденциальных маркеров при переводе художественной прозы [3, с. 61]. Между тем типологическая дистанция между двумя системами делает их сопоставление эвристически ценным: флективный язык с развитой категорией наклонения и изолирующий язык с аналитической грамматикой реализуют эвиденциальные стратегии принципиально различными средствами, что позволяет уточнить саму природу категории – её зависимость от морфологического типа языка. Представляется дискуссионным, можно ли вообще говорить о единой «категории эвиденциальности» при столь глубокой структурной несоизмеримости сравниваемых систем, – или же речь идёт о функциональном аналоге, реализуемом через несопоставимые механизмы [9, с. 44].

Настоящая работа ставит целью систематизировать средства выражения эвиденциальных значений в русском и китайском языках, выявить зоны функциональной эквивалентности и – что существеннее – зоны структурной асимметрии, не сводимые к простому различию «грамматическое vs. лексическое». Гипотеза состоит в том, что асимметрия затрагивает не только план выражения, но и план содержания: набор эвиденциальных значений, релевантных для каждого из двух языков, совпадает лишь частично, а ряд периферийных смыслов – в частности, инференциальность и миративность – получает неодинаковую степень конвенционализации в русском и китайском дискурсе.

Исследование выполнено с опорой на корпусный, сопоставительный и описательно-аналитический методы. Материалом послужили текстовые фрагменты из Национального корпуса русского языка (основной и газетный подкорпусы, тексты 2000–2024 гг.) и корпуса Пекинского университета CCL – Center for Chinese Linguistics, раздел современной прозы и публицистики. Отбор контекстов осуществлялся по ключевым лексемам и конструкциям, традиционно ассоциируемым с эвиденциальной семантикой: для русского языка – частицы «мол», «де», «дескать», «якобы», вводные слова «по-видимому», «очевидно», «говорят», конструкции с «как известно»; для китайского – 据说, 听说, 看来, 似乎 (sìhū), 好像 (hǎoxiàng), 显然 (xiǎnrán), а также глагольные конструкции цитативного типа с 称 (chēng) и 认为 (rènwéi).

Сопоставительный анализ проводился в функционально-семантическом ключе – от значения к форме: первоначально была сформирована инвентарная сетка эвиденциальных значений (прямая / косвенная эвиденциальность, пересказывательность, инференциальность, миративность), затем для каждого значения устанавливались типичные средства выражения в обоих языках. Общий объём проанализированных контекстов составил 840 единиц – 420 русскоязычных и 420 китайскоязычных, отобранных методом сплошной выборки с последующей ручной верификацией релевантности. Дополнительно привлекались данные двуязычных параллельных текстов – переводы рассказов А.П. Чехова на китайский язык и произведений Лу Синя на русский, – что позволило проследить переводческие стратегии при передаче эвиденциальных значений.

Прежде чем перейти к инвентаризации конкретных средств, необходимо оговорить принципиальный методологический вопрос, который до сих пор решается по-разному в зависимости от теоретической рамки исследователя. Понимание эвиденциальности, восходящее к работам Р.О. Якобсона и развитое А.Ю. Айхенвальд [11, с. 179], предполагает жёсткое разграничение эвиденциальности и эпистемической модальности – первая указывает на источник информации, вторая – на степень уверенности говорящего. Однако в языках, не имеющих грамматикализованной эвиденциальной парадигмы, эти два значения нередко совмещаются в одной лексеме. Русское «очевидно» – характерный пример. Оно сигнализирует и об инференциальном источнике (говорящий сделал вывод на основании наблюдаемых признаков), и одновременно маркирует высокую степень уверенности.

Для китайского 显然 (xiǎnrán) фиксируется аналогичная двойственность, хотя прагматическая дистрибуция различается. В газетном дискурсе путунхуа 显然 тяготеет к чистому эпистемическому употреблению – ‘ясно, что’ – без указания на конкретный канал получения информации [4, с. 37]. В русском же «очевидно» в позиции вводного слова чаще сохраняет инференциальный компонент. Этот сдвиг мелкий, но показательный.

Область прямой эвиденциальности – указания на то,

что говорящий сам наблюдал описываемую ситуацию, – в обоих языках маркируется преимущественно имплицитно: немаркированное высказывание по умолчанию интерпретируется как основанное на личном опыте говорящего. Эксплицитная маркировка задействуется лишь в специальных прагматических контекстах. В русском это конструкции «я сам видел, как…», «на моих глазах…»; в китайском – 亲眼 (qīnyǎn, ‘собственными глазами’), 亲耳 (qīn’ěr, ‘собственными ушами’). Частотность подобных маркеров невелика – в проанализированной выборке прямая эвиденциальность эксплицирована лишь в 6,4% русских и 5,1% китайских контекстов.

Существенно более продуктивной оказывается зона косвенной эвиденциальности, и здесь асимметрия двух языков проявляется отчётливо. Рассмотрим пересказывательность – значение, при котором говорящий транслирует информацию, полученную из чужих слов.

В русском языке пересказывательность располагает богатым арсеналом средств, дифференцированных по степени дистанцирования говорящего от передаваемого содержания. Частицы «мол» и «дескать» маркируют чужую речь с отчётливым субъективно-оценочным компонентом – говорящий, употребляя их, нередко имплицирует несогласие или ироническое отношение к сообщаемому [5]. Частица «де» архаизирована. «Якобы» привносит значение недостоверности, граничащее с эпистемической оценкой ‘вероятно, это неправда’. Вводное «говорят» нейтральнее – оно указывает на неопределённый источник без выраженной субъективной модуляции.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что в китайском языке функционально ближайшим коррелятом русских пересказывательных частиц выступает конструкция 据说 (jùshuō) – буквально ‘согласно тому, что говорят’. Однако она прагматически нейтральна: в корпусных данных [14, с. 117] 据说 не обнаруживает той оценочной нагруженности, которая характерна для русского «мол» или «якобы». Дистанцирование в китайском дискурсе достигается иными средствами – через модальные частицы конца предложения (吧, 嘛) или через синтаксические конструкции косвенной речи с 称 и 说.

Поле инференциальности – значений, связанных с умозаключением говорящего на основе косвенных данных, – организовано в двух языках по разным принципам. Русский язык позволяет констатировать градуированную шкалу инференциальных средств: от «видимо» и «по-видимому» (вывод на основе наблюдаемых признаков, средняя степень уверенности) через «по всей видимости» (чуть выше) до «очевидно» и «несомненно» (высокая степень уверенности, инференциальный компонент ослаблен). Между «видимо» и «по-видимому» разница тонкая, но улавливаемая носителями – первое чуть разговорнее, второе стилистически нейтрально [8, с. 71].

В китайском же языке зона инференциальности покрывается прежде всего единицами 看来 (kànlái, ‘, судя по всему,’), 似乎 (sìhū, ‘как будто, по-видимому’) и 好像 (hǎoxiàng, ‘кажется, как будто’). Градация здесь выстраивается иначе. 看来 ближе к логическому выводу – говорящий опирается на совокупность фактов. 似乎 и 好像 – к сенсорному впечатлению, причём 好像 более разговорно; различие стилистического регистра здесь значимо. Вместе с тем граница между инференциальным и эпистемическим значениями у 似乎 размыта сильнее, чем у русского «по-видимому», – этот маркер в ряде контекстов допускает чисто модальное прочтение ‘возможно’ без указания на способ получения информации. Корпусные данные верифицируют это наблюдение: из 87 проанализированных контекстов с 似乎 в публицистическом подкорпусе CCL лишь в 53 можно уверенно выделить инференциальный компонент; в остальных – чистая эпистемическая модальность.

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о мирративности – значении неожиданности, новой информации для говорящего, – которую ряд типологов [15, с. 145] выделяет в качестве самостоятельной подкатегории эвиденциальности, а другие трактуют как отдельную семантическую зону, пересекающуюся с эвиденциальной, но не сводимую к ней. В русском языке миративные смыслы выражаются преимущественно просодическими и лексическими средствами – частица «оказывается» выступает наиболее конвенционализированным маркером. В проанализированной выборке «оказывается» встретилось 34 раза, при этом в 26 случаях миративный компонент доминировал над, собственно, эвиденциальным.

Китайский язык располагает целым рядом конструкций, совмещающих миративность с эвиденциальностью. 原来 (yuánlái, ‘оказывается, вот оно что’) функционально параллельно русскому «оказывается», однако его дистрибуция шире – 原来 употребляется и в нарративе для обозначения ретроспективного осознания, и в диалоге для реакции на новую информацию [2, с. 96]. Конструкция 竟然 (jìngrán, ‘неожиданно, как ни странно’) акцентирует контрфактивность ожиданий говорящего – ситуация противоречит тому, что предполагалось. Русского точного аналога 竟然 нет; ближайшее соответствие – «вдруг оказалось, что…» или «как выяснилось» – но они описательны, не свёрнуты в единый грамматический маркер.

Переходя к анализу синтаксических конструкций, следует отметить существенное расхождение в способах оформления косвенной речи. Русский язык активно использует конструкции с союзом «что» и сдвигом временного плана, а также – в разговорном регистре – свободную косвенную речь без формальных показателей

[10, с. 364]. Пересказывательные частицы «мол», «де», «дескать» могут встраиваться как в косвенную, так и в несобственно-прямую речь, создавая эффект полифонии – одновременного присутствия двух голосов в высказывании. Данная позиция нуждается в дополнительной верификации на большем корпусном материале, однако предварительные наблюдения указывают на то, что в публицистическом дискурсе «мол» всё чаще утрачивает ироническую коннотацию и приближается к нейтральному пересказывательному маркеру.

В китайском синтаксисе косвенная речь оформляется через конструкции с глаголами говорения (说, 称, 表示) без обязательного сдвига дейктических координат, что объяснимо отсутствием грамматического времени в путунхуа [6, с. 1679]. Это создаёт зону неопределённости: границы между прямой и косвенной речью в китайском тексте нередко размыты, и эвиденциальная функция – указание на то, что информация получена из чужих слов, – ложится на контекст и лексические маркеры, а не на синтаксическую конструкцию. В газетных текстах конструкция «NP + 称» (кто-то + утверждает/заявляет) встретилась в выборке 68 раз – в 71% случаев она функционировала как чистый эвиденциальный маркер без модально-оценочного компонента.

Анализ параллельных переводов обнаружил ряд закономерностей, проливающих свет на характер межъязыковой асимметрии. При переводе русских текстов с частицей «мол» на китайский переводчики в 41% случаев опускали эвиденциальную маркировку, передавая содержание простой косвенной речью с 说. В 33% случаев использовалась конструкция 据说. Ещё в 26% – описательные конструкции или перестройка синтаксиса.

Обратная тенденция – при переводе с китайского на русский – столь же показательна. Китайское 据说 в текстах Лу Синя передавалось как «говорят» (47%), «по слухам» (23%), «как утверждают» (18%); в 12% контекстов эвиденциальный маркер добавлялся переводчиком при отсутствии формального коррелята в оригинале – видимо, для компенсации утраченных дискурсивных сигналов [13, с. 55]. Сам факт компенсаторного добавления свидетельствует о том, что русский и китайский языки предъявляют различные требования к эксплицитности указания на источник информации.

Выявленная дисперсия, вероятно, детерминирована несколькими факторами. Во-первых, типологическая разница: флективный строй русского языка допускает «упаковку» эвиденциального значения в компактную частицу, встраиваемую в любую синтаксическую позицию; аналитический строй китайского тяготеет к конструкционным средствам – двухсложным лексемам и устойчивым сочетаниям, функционирующим на границе грамматики и лексики. Во-вторых, прагматические конвенции дискурса: русская публицистика требует более эксплицитного дистанцирования от чужого мнения (ср. юридически обусловленное «якобы» в журналистских текстах), тогда как китайская газетная норма допускает передачу чужого мнения без формального маркера [1, с. 84].

Отдельного упоминания заслуживает зона, которую можно условно обозначить как «эвиденциальность вежливости». В китайском речевом этикете конструкции с 好像, 似乎 и 恐怕 (kǒngpà, ‘боюсь, что’) регулярно используются не для указания на источник информации, а для смягчения категоричности высказывания – прагматическая функция подавляет семантическую. В русском языке параллельное явление наблюдается у «кажется», «вроде бы» в диалогическом контексте. Однако степень конвенционализации различна: в китайском языке «эвиденциальная вежливость» описана как системное явление, тесно связанное с концептом 面子 (miànzi, ‘лицо’) – категорией социальной прагматики, не имеющей прямого русского аналога.

При сопоставлении инвентарей эвиденциальных средств обнаруживается примечательная количественная асимметрия. Русский язык располагает бóльшим числом лексических единиц в зоне пересказывательности – 7 дифференцированных маркеров (мол, де, дескать, якобы, будто бы, как говорят, по словам + NP) против 4 основных китайских (据说, 听说, 传说, NP + 称). В зоне инференциальности соотношение обратное: китайский обнаруживает 6 единиц с различной степенью грамматикализации (看来, 似乎, 好像, 大概, 恐怕, 想必), тогда как русский – 5 (видимо, по-видимому, по всей видимости, очевидно, судя по всему). Количественное преобладание само по себе мало о чём говорит. Но оно коррелирует с дискурсивными приоритетами: русская норма, по всей видимости, предъявляет повышенные требования к дифференциации пересказывательных значений, а китайская – к градуированию степени инференциальной достоверности.

Завершая анализ, необходимо вернуться к вопросу, поставленному во введении, – о правомерности использования единого термина «эвиденциальность» для описания функционально сходных, но структурно несоизмеримых явлений. Проведённое сопоставление позволяет констатировать, что между русской и китайской системами существует зона устойчивых функциональных соответствий – прежде всего в области пересказывательности и базовой инференциальности. Вместе с тем периферийные зоны – миративность, «эвиденциальная вежливость», оценочно-дистанцирующая функция пересказывательных частиц – обнаруживают глубокую асимметрию, которая не сводится к различию в плане выражения, а затрагивает сам набор конвенционализированных смыслов.

В ходе сопоставительного анализа корпусных данных удалось установить, что функционально-семантическое поле эвиденциальности в русском и китайском языках организовано по принципу частичного перекрытия: центральные зоны – пересказывательность и логический инференциал – покрываются средствами обоих языков, хотя механизмы кодирования принципиально различны. Русские пересказывательные частицы «мол», «дескать», «якобы» не имеют изоморфных китайских аналогов; конструкция 据说, при внешнем функциональном сходстве, лишена оценочно-иронического компонента, свойственного русским частицам. Это расхождение фиксируется статистически: в переводных текстах эвиденциальный маркер опускался или заменялся нейтральной косвенной речью в 41% случаев.

Зона инференциальности устроена зеркально. Китайский язык располагает более дифференцированным набором средств градуирования достоверности инференциального вывода – 6 единиц с различной стилистической и прагматической окраской – по сравнению с 5 русскими.

Миративность – категория, пограничная между эвиденциальностью и субъективной модальностью, – реализуется в двух языках через неодинаковые механизмы. Русское «оказывается» покрывает и ретроспективное осознание, и реакцию на новую информацию, но делает это менее дифференцированно, чем пара 原来 / 竟然 в китайском, где первая единица маркирует осознание ранее скрытого положения дел, а вторая – нарушение ожиданий говорящего. Переводческие стратегии верифицируют эту асимметрию: при передаче 竟然 на русский язык переводчики прибегали к описательным конструкциям в 64% проанализированных контекстов.

Обнаруженная в китайском дискурсе «эвиденциальная вежливость» – использование маркеров типа 好像, 似乎, 恐怕 для смягчения иллокутивной силы высказывания – не находит системного соответствия в русском языке, где аналогичные прагматические задачи решаются преимущественно интонационными и синтаксическими средствами. Выявленное различие коррелирует с типологическими параметрами языков: аналитический строй путунхуа и отсутствие морфологических показателей наклонения создают условия для расширения функционального диапазона лексических эвиденциальных маркеров в сторону прагматических конвенций, регулирующих межличностное взаимодействие.

Проведённый анализ, при всей его ограниченности рамками корпусной выборки в 840 контекстов, позволяет сформулировать вывод методологического характера: использование единого термина «эвиденциальность» при сопоставлении русского и китайского языков оправдано лишь при условии чёткого разграничения ядра категории – грамматикализованных или высокочастотных конвенционализированных средств указания на источник информации – и её периферии, где эвиденциальные значения переплетаются с эпистемическими, прагматическими и социокультурными факторами. Количественная асимметрия инвентарей – 7 пересказывательных маркеров в русском против 4 в китайском, 5 инференциальных в русском против 6 в китайском – отражает не «богатство» или «бедность» языковой системы, а различие дискурсивных приоритетов, детерминированных, в свою очередь, коммуникативными нормами и типологическим строем каждого из сопоставляемых языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алиева Э.Н. Категория эвиденциальности в русском, английском и лезгинском языках // Филологические науки. 2008. № 1. С. 78–85.
2. Лунина Т.П. О средствах выражения косвенной эвиденциальности в русском языке // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2020. № 5 (148). С. 92–97.
3. Решетнёва У.Н. Становление терминологического аппарата категории эвиденциальности в китайском языкознании // Иностранные языки в высшей школе. 2023. № 1 (64). С. 59–67.
4. Гатинская Н.В. Семантика достоверности и модальные значения в русском языке // Гуманитарные науки в Сибири. 2004. № 4. С. 31–39.
5. Игнатова В.А. Сравнительный анализ средств выражения эпистемической модальности в русском и китайском языках // Наука в мегаполисе Science in a Megapolis. 2025. № 2 (70).
6. Хафизова И.И., Шафигуллина Л.Ш. Эвиденциальность пересказывательности в турецком и японском языках // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2021. Т. 14. № 5. С. 1678–1682.
7. Крайнова Е.В., Хэ Л. Национальная специфика выражения предиката в китайском языке на фоне русского языка // Global and Regional Research. 2019. Т. 1. № 1. С. 160–162.
8. Цзян Чуньли. Безэквивалентные слова в русском и китайском языках // Вопросы гуманитарных наук. 2011. № 4 (54). С. 71–72.
9. Клочкова Е.С., Евтушенко Т.Г. Особенности реализации модальных значений необходимости и эпистемической возможности в русском и китайском языках // Litera. 2021. № 2. С. 42–52.
10. Тянь Юэ. Эквивалентный, безэквивалентный тип соотношений в лексической семантике китайского и русского языков // Интерпретация текста: лингвистический, литературоведческий и методический аспекты. 2011. № 2. С. 364–365.
11. Чэн Цзиньтао. Особенности выражения категории посессивности в русском и китайском языках // Университетский научный журнал. 2016. № 25. С. 174–181.

12. Петрова Л.Г., Дунюэ В. Способы выражения целевых отношений в китайском и русском языках на уровне простого предложения: сравнительный анализ // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 4–1 (64). С. 155–158.
13. Каксин А.Д. Эвиденциальность как функционально-семантическая категория уровня модальности (на примере русского и хантыйского языков) // Вестник Челябинского государственного университета. 2010. № 13 (194). С. 52–56.
14. Терских Т.Ф., Гао Б. Выражение категории числа в китайском и русском языках // Вестник Международного института экономики и лингвистики ИГУ. Серия: Восточные языки. 2013. № 5. С. 115–119.
15. Гао М., Ху Ц. Сопоставление синтаксических функций и морфологических признаков существительного в русском и китайском языках // Научный аспект. 2022. Т. 2. № 3. С. 140–148.

© Ли Хоуюй (lihouyu970523509@163.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2026.04–2.29

ФЕНОМЕН ПЕРЕВОДА ПОЭЗИИ СУЛЕЙМАНА СТАЛЬСКОГО В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 1930-Х ГОДОВ

THE PHENOMENON OF TRANSLATING SULEYMAN STALSKY'S POETRY IN 1930S RUSSIAN LITERATURE

A. Magamedragimov

Summary: The article provides a comprehensive study of the phenomenon of the first Russian translations of Suleyman Stalsky's poetry. The process is examined as a fundamental act of semantico-stylistic adaptation of the Lezgin ashug's unique poetic voice. The study focuses on the creative collaboration between Effendi Kapiev and the "Moscow brigade" of poet-translators, including V. Lugovskoy, A. Tarkovsky, N. Tikhonov, and M. Tarlovsky. Through the analysis of key works such as "The "Nightingale", "The Judges", "Old Age", and "Dagestan", the author reveals the mechanism of transforming a local folklore motif into a universal philosophical and political symbol. The paper highlights the roles of Maxim Gorky, Boris Pasternak, and Nikolai Bukharin in the reception of the poet's work. It is concluded that these translations laid the foundation for a unique school of translation that developed the language of the "Soviet Oriental Epic".

Keywords: Suleyman Stalsky, Efendi Kapiev, literary translation, folk poetry, oral tradition, semantic-stylistic adaptation, Lezgin goshma, redif, reception.

Магамедрагимов Алихан Османбегович
Аспирант, Дагестанский государственный педагогический университет
alihan_lezgi_ivi@mail.ru

Аннотация: Статья посвящена комплексному исследованию феномена первых переводов поэзии лезгинского поэта Сулеймана Стальского на русский язык. Процесс рассматривается как фундаментальный акт семантико-стилистической адаптации особенного стиля поэта. В центре внимания — творческое содружество Эфенди Капиева и «московской бригады» поэтов-переводчиков (В. Луговской, А. Тарковский, Н. Тихонов, М. Тарловский). На примерах произведений («Соловей», «Судьи», «Старость», «Дагестан») раскрывается механизм превращения локального фольклорного мотива в универсальный философский и политический символ. Отмечается роль М. Горького, Б. Пастернака и Н. Бухарина в рецепции творчества поэта. Сделан вывод о том, что эти переводы заложили фундамент уникальной школы, создавшей язык «советского восточного эпоса».

Ключевые слова: Сулейман Стальский, Эфенди Капиев, художественный перевод, народная поэзия, устная традиция, семантико-стилистическая адаптация, лезгинская гошма, редиф, рецепция.

Интеграция устной поэзии народов Кавказа в русскоязычное культурное пространство 1930-х годов представляла собой беспрецедентную государственную задачу. Политика формирования многонациональной советской литературы требовала «открытия» народных гениев для всей страны. Как справедливо отмечает академик Г.Г. Гамзатов, именно феномен Стальского стал катализатором вхождения дагестанской литературы в контекст мировой культуры [3].

Типологическая близость С. Стальского к античной эпической традиции (феномен «Гомера XX века») проявляется в **семантико-стилистическом синкретизме** его поэзии. Подобно древнегреческим аэдам, Стальский использовал речитативную форму как способ актуализации коллективной памяти. Стилистика его стиха, основанная на жесткой метрике и формульности, функционально идентична античному гекзаметру, что позволяло трансформировать устную импровизацию в монументальный канонический текст в процессе последующей русской рецепции» [4, с. 142].

Сулейман Стальский по типу творчества идентичен древнегреческим **аэдам** (певцам-сказителям). Подобно греческим поэтам, исполнявшим эпос под аккомпанемент лиры или без него (в форме мелодекламации), Стальский создавал стихи как **устное высказывание**. Ритм лезгинской гошмы (11-сложника) — это функциональный аналог греческого гекзаметра: оба размера предназначены для долгого, мерного повествования, удерживающего внимание слушателя. Как и ранние греческие поэты до классической эпохи, Стальский был неграмотен. Его память была «библиотекой», а процесс творчества — мгновенной импровизацией на основе канонических формул.

В семантико-стилистическом плане у Стальского и греков (Гомера, Гесиода) общие механизмы: п**остоянные эпитеты:** как у Гомера «быстроногий Ахилл» или «розоперстая Эос», у Стальского за каждым социальным типом или природным явлением закреплены устойчивые характеристики. Это облегчало запоминание и создавало ощущение **эпической незыблемости** мира.

Речитатив требует четких смысловых акцентов. Стиль Стальского, как и стиль античных дидактиков (например, Гесиода в «Трудах и днях»), насыщен прямыми наставлениями и моральными сентенциями.

Греческий поэт декларировал стихи на площади (агоре) перед народом, выступая судьей и учителем. Стальский в семантике своих стихов занимает ту же позицию: он не «лирический герой» с частными переживаниями, а **социальный оратор**, говорящий от лица общины (джамаата).

Именно поэтому произошло сопоставление стиля декларации стихов лезгинского поэта с аэдами (греческими певцами-сказителями), что легло в основу знаменитого определения Максима Горького — **«Гомер XX века»**.

Поэтомй причине особую сложность и актуальность приобретала проблема адекватной передачи устной поэтической традиции Сулеймана Стальского средствами письменной русской культуры. Объектом настоящего исследования выступают первые прижизненные переводы поэта (1934–1937 гг.). Цель работы — выявление ритмических, стилистических и лексико-семантических стратегий перевода, использованных Э. Капиевым и представителями «московской школы».

До начала 1930-х годов поэзия С. Стальского бытовала исключительно в устной традиции Южного Дагестана. Точкой отсчета подготовки его стихов для всесоюзного читателя стал I Всесоюзный съезд советских писателей (1934). Первые переводы, создававшиеся по прозаическим подстрочникам местных литераторов (первую попытку систематизации предпринял Г.Г. Гаджибеков [2]), начали публиковаться в «Дагестанской правде», а затем в центральных изданиях. Для создания полноценного русскоязычного сборника [12] в аул Ашага-Стал была командирована «бригада» ведущих поэтов: Владимир Луговской, Николай Тихонов, Арсений Тарковский, Марк Тарловский и Петр Павленко [14, с. 88–105].

Однако главным «проводником» между миром ашугской поэзии и русской литературы стал Эфенди Капиев. Он выступил не просто переводчиком, но «соавтором» русского образа поэта, отказавшись от буквализма в пользу передачи духа и интонации [9]. Глубочайшее понимание специфики этой работы отражено в дневниках и очерках Э. Капиева. Вот наиболее яркие его мысли, иллюстрирующие конфликт устного оригинала и письменного перевода:

«Переводить Сулеймана буквально — значит убить его. Подстрочник оставляет лишь голый скелет смысла, сдирая живую кожу поэзии» [5].

«Очарование его стихов заключено в непереводимой игре звуков, в гортанных переливах, летящих как горная река» [4].

«Мы переводим не просто стихи. Мы переводим само дыхание народа, запечатанное в мудрости одного старца» [5].

«Каждое слово у него тяжело и весомо, как обтесанный камень. В русском языке нам порой не хватает этой первобытной суровости» [4].

«Он не знал ни слова по-русски, но, слушая наши переводы, безошибочно кивал головой, ловя свой родной ритм сквозь чужую речь» [5, с. 56–60].

Анализ переводческого опыта 1930-х годов выявляет сложнейший процесс. Переводчикам предстояло совершить онтологический скачок: перевести стих не просто с кюринского диалекта на русский язык, но перенести его из стихии вокального исполнения в жесткие рамки канонического печатного текста [18, с. 120]. Трансформация устной ашугской традиции выявляет следующие формально-стилистические закономерности [16; 20]: Оригинал Стальского представляет собой строгую силлабику (11 слогов в строке, *гошма*), ритм стиха — речитатив. Подстрочник разрушал этот ритм, превращая текст в прозу. Русская школа переводчиков (В. Луговской, А. Тарковский) заменила число слогов на силлабо-тонику — чередование ударных и безударных (чаще всего анапест или дактиль). Из сурового речитатива стих становился песенно-лирическим [17, с. 210–215].

Сложная ашугская схема *aaab / cccb* в переводах была упрощена до перекрестной или парной, чтобы не перегружать русский стих непривычными фонетическими конструкциями. Обязательное повторение слова в конце каждой строфы (редиф). Творческой удачей стало использование редифа как эмоционального восклицания, что компенсировало утраченную музыкальность и сохранило заклинательную интонацию [7, с. 134–137]. Стилистической доминантой переводов Э. Капиева и Н. Тихонова стала сознательная суровость, имитация «каменной кладки» народного слова.

На семантическом уровне переводчики стояли перед задачей трансляции реалий горской жизни, не имеющих эквивалентов в русской культуре: тексты Сулеймана Стальского насыщены терминами шариата, адатов и быта (*чухвал, суфра, чарыки, пайдах, девлет*) [1]. Переводчики часто заменяли их функциональными русскими аналогами, что сглаживало этнографическую глубину (часть сакральных понятий заменялась светскими категориями), но делало текст концептуально понятным [19, с. 142].

Произошла и трансформация социальных категорий: семантика «бедности» и «богатства» у Стальского имеет морально-этический и религиозный подтекст (ответственность перед Богом). В переводах 1930-х годов она приобрела идеологический, классовый окрас.

Образы розы, соловья, волка в подстрочнике выглядели бытовыми. Переводчики целенаправленно «укрупняли» образы, превращая аульские зарисовки в философские притчи монументального масштаба.

Семантико-стилистические инверсии можно про-

демонстрировать на следующих на конкретных примерах нескольких знаковых произведениий: элегическое **«Старость»** (*«Къуьзуьвал»*, 1905), сатирическое **«Судьи»** (1910) и программное **«Дагестан»** (1934).

Радикальные изменения прослеживаются в социальной сатире. Оригинал стихотворения «Судьи» (1910-е гг.) насыщен судебно-административной лексикой (*кази, наиб, магалим*), несущей семантику конкретного исторического гнета. В переводе М. Тарловского происходит семантическое укрупнение: обличается мировое зло. Слово *«пара»* (взятка), имеющее узкое бытовое предметное значение, заменяется семантическим полем «подкуп», «тлен», что придает стиху обличительный пафос в духе Н. Некрасова. Стилистически прямое обращение к судьям усилено риторическими восклицаниями, интонация «аульского спора» превратилась в «трибунное выступление».

В оригинале стихотворения **«Старость»** (1905 г.) семантика старости неразрывно связана с категорией **«судьбы» (*кьисмет*)** и покорности воле Творца. Старость описывается через приземленные, но глубоко эмоциональные бытовые метафоры (изношенная одежда, остывший очаг).

В русском переводе **Э. Капиева** происходит семантическое «облагораживание»: бытовые реалии заменяются более абстрактными философскими категориями («бремя лет», «закат дней»). Семантика «смирения» в переводе трансформируется в семантику **«мудрой созерцательности»**, что сближает Стальского с традицией русской классической элегии.

Стальский использует прием **параллелизма** (состояние природы — состояние человека). В переводе **Н. Тихонова** стилистика становится более экспрессивной. Там, где у Стальского стоит короткая констатация факта, в русском тексте появляются сложные эпитеты и развернутые метафоры, характерные для высокой русской поэзии начала XX века. Происходит стилистический переход от **афористичного сказа** к **развернутому лирическому монологу**. Исконно мусульманское смирение трансформируется в семантику светской «мудрой созерцательности», а лаконичный сказ переходит в форму развернутой классической элегии.

В оригинале стихотворения **«Дагестан»** (1934 г.) центральное стихотворение демонстрирует сдвиг в семантике пространства.

В лезгинском оригинале **«Дагестан»** — это торжественная ода, построенная на перечислении горских достоинств. Стилистика оригинала опирается на **аллитерацию** (повтор согласных звуков), что создает эффект чеканности, «каменного» ритма. В переводе семантическое поле расширяется до масштабов «социалистического отечества». Концепт *«чубарук»* (ласточка), несущая весть, приобретает семантику мощной «вестницы новой эры». В переводе **В. Луговского** жесткая структура оригинала заменяется широким, панорамным **пятистопным ямбом**. Стилистически стих становится более плавным и «державным», приобретая черты имперской оды XVIII–XIX веков, что было продиктовано задачами эпохи [20, с. 156].

Анализ переводов поэзии Сулеймана Стальского демонстрирует, как в 1930-е годы происходила беспрецедентная «стыковка» двух совершенно разных поэтических систем. Рецепция этих переводов носила характер «эстетического шока». Самым влиятельным стал отзыв М. Горького на съезде писателей: *«На меня, и я знаю — не только на меня, произвел потрясающее впечатление ашуг Сулейман Стальский… Это Гомер XX века»* [11, с. 12]. Это легитимизировало народный стих в русской культуре.

О ритмической мощи переводов писал Борис Пастернак: его поразила «первобытная свежесть» мысли, переданная русским стихом, в чем он видел возвращение поэзии к ее устным истокам [10, с. 342]. Николай Бухарин выделил переводы как политический факт: *«Его стихи… звучат как приговор старому миру… социализм развязывает языки народам»* [13, с. 210].

Николай Тихонов емко сформулировал главный нерв московской переводческой бригады: *«Сулейман говорил на языке, который казался нам каменным, суровым, лишенным украшательства. Наша задача была — не сделать его "гладким" русским поэтом, а сохранить эту каменную кладку его мысли»* [17].

Вопрос об ашугской природе творчества С. Стальского требует терминологического уточнения. Не являясь ашугом-инструменталистом в классическом понимании, Стальский выступает как **реформатор ашугской традиции**. Семантика его текстов выходит за пределы канонических фольклорных сюжетов, в то время как стилистика (использование гошмы, специфическая ритмика и редиф) целиком базируется на ашугской метрической системе. Таким образом, Стальский представляет собой тип **«поэта-ашуга»**, где устная импровизация обретает глубину индивидуального авторского сознания.

Переложение поэзии Сулеймана Стальского на русский язык не носило характера механической филологической ретрансляции [15]. Переход из кюринского диалекта в русскую литературную систему породил два великих параллельных процесса. Первый — формальный: замена силлабического речитатива глубокой силлабо-тоникой при бережном сохранении интонации редифа. Второй — смысловой: масштабная трансфор-

мация узколокальных, бытовых и сакральных образов в универсальные философские символы (процесс семантического укрупнения).

Творческое содружество Эфенди Капиева и лучших русских поэтов заложило фундамент целой переводческой школы. Именно на этом опыте компенсации смыслов и избегания слепой «лакировки» в пользу ритмической мощи выросла вся отечественная школа перевода поэзии горцев, проложившая путь Расулу Гамзатову и Кайсыну Кулиеву. Сохранение национального духа в сочетании с мастерской адаптацией сделало переводы Сулеймана Стальского выдающимся памятником межкультурного синтеза.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агаширинова С.С. Материальная культура лезгин. XIX — начало XX в. / С.С. Агаширинова. — Москва: Наука, 1967. — 304 с.
2. Гаджибеков Г.Г. Сулейман Стальский / Г.Г. Гаджибеков. — Махачкала: Даггиз, 1934. — 64 с.
3. Гамзатов Г.Г. Дагестанская литература в контексте мировой культуры / Г.Г. Гамзатов. — Махачкала: Изд-во ДНЦ РАН, 1990. — 320 с.
4. Капиев Э.М. Поэт / Э.М. Капиев. — Махачкала: Дагкнигоиздат, 1955. — 212 с.
5. Капиев Э.М. Поэт / Э.М. Капиев. — Махачкала: Даггиз, 1944. — 156 с.
6. Муртазаева А.М. Лезгинская гошма в русских переводах / А.М. Муртазаева // Вестник Дагестанского государственного университета. — 2011. — Вып. 3. — С. 44–48.
7. Муртазаева А.М. Проблемы передачи редифа в русских переводах поэзии С. Стальского / А.М. Муртазаева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. — 2013. — № 5 (23). — С. 134–137.
8. Муртазаева А.М. Творчество Сулеймана Стальского в русской критике и переводах / А.М. Муртазаева // Вестник Дагестанского государственного университета. — 2012. — № 2. — С. 54–58.
9. Османова З.Г. Эфенди Капиев / З. Г. Османова. — Москва: Советский писатель, 1970. — 215 с.
10. Пастернак Б.Л. Полное собрание сочинений: в 11 т. / Б.Л. Пастернак. — Москва: Слово, 2005. — Т. 9. — С. 342.
11. Первый Всесоюзный съезд советских писателей, 1934: стеногр. отчет. — Москва: Гослитиздат, 1934. — 718 с.
12. Стальский С. Стихи / С. Стальский; пер. с лезг. под ред. Э. Капиева. — Москва: Гослитиздат, 1935. — 120 с.
13. Султанов К.Д. Сулейман Стальский: [монография] / К.Д. Султанов. — Махачкала: Дагкнигоиздат, 1949. — 186 с.
14. Султанов К.Д. Сулейман Стальский / К.Д. Султанов. — Махачкала: Дагучпедгиз, 1974. — 208 с.
15. Тарловский М.А. О мастерстве перевода Сулеймана Стальского / М.А. Тарловский // Дружба народов. — 1939. — № 2. — С. 210–215.
16. Тарловский М.А. О переводе стихов Сулеймана Стальского / М.А. Тарловский // Литературный Дагестан. — 1936. — № 1. — С. 12–15.
17. Тихонов Н.С. Слово о Сулеймане / Н.С. Тихонов // Дагестанская правда. — 1937. — 20 дек.
18. Хабибуллаева П.М. Проблемы художественного перевода произведений Сулеймана Стальского на русский язык / П.М. Хабибуллаева. — Махачкала: Изд-во ДГУ, 2004. — 120 с.
19. Юсуфов Р.Ф. Дагестанская литература в русском восприятии / Р.Ф. Юсуфов. — Москва: Наука, 1982. — 254 с.
20. Юсуфов Р.Ф. Русский стих и восточная традиция / Р.Ф. Юсуфов. — Москва: Наука, 1982. — 288 с.

© Магамедрагимов Алихан Османбегович (alihan_lezgi_ivi@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2026.04–2.32

НЕКОТОРЫЕ СЕМАНТИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛЕКСИКИ, НОМИНИРУЮЩЕЙ ТИПЫ ХОСПИСНОЙ ПОМОЩИ В ВЕЛИКОБРИТАНИИ И США

SOME SEMANTIC FEATURES OF THE LEXICON NOMINATING TYPES OF HOSPICE CARE IN GREAT BRITAIN AND THE USA

G. Nosenko
T. Kirillova
T. Shmeleva

Summary: In the United Kingdom and the United States, the national Medicare health insurance program provides citizens with a wide network of hospice care services. This article analyzes certain characteristic features of nominations with the lexeme "home". The authors draw attention to the conditioning of their identity and/or differentiation by various extralinguistic factors. The article examines specific paradigmatic relations into which the lexicon of the studied sphere of activity enters, with emphasis placed on synonymic relations and the genus-species hierarchy.

Keywords: hospice care, lexeme, extralinguistic factors, synonymy, generic-specific hierarchy.

Носенко Гульсания Нуртыновна
Кандидат филологических наук, доцент, ФГБОУ ВО Астраханский Государственный Медицинский Университет
gulsania-nosenko@yandex.ru
Кириллова Татьяна Сергеевна
Доктор филологических наук, профессор, ФГБОУ ВО Астраханский Государственный Медицинский Университет
kirillova-asma@yandex.ru
Шмелева Татьяна Станиславовна
Старший преподаватель, ФГБОУ ВО Астраханский Государственный Медицинский Университет
tat8184@yandex.ru

Аннотация: В Великобритании и США национальная программа Medicare медицинского страхования предоставляет гражданам широкую сеть услуг по оказанию хосписной помощи. В данной статье анализируются некоторые характерные особенности номинаций с лексемой "home". Авторы обращают внимание на обусловленность их тождества и/ или дифференциации различными экстралингвистическими факторами. В статье рассматриваются специфические парадигматические отношения, в которые вступает лексика изучаемой сферы деятельности, при этом акцентными выбираются синонимичные отношения и родо-видовая иерархия.

Ключевые слова: хосписная помощь, лексема, экстралингвистические факторы, синонимия, родо-видовая иерархия.

Введение

В Великобритании и США одной из наиболее распространённых программ медицинского страхования является Medicare. Именно она оказывает существенное влияние на распространённость того или иного типа хосписной помощи в этих странах. Цель данной статьи – проследить специфику семантических характеристик лексики исследуемой сферы деятельности. Задачи:

а) проанализировать иерархию в парадигматических рядах с родовыми терминами routine home care; continuous home care и respite care.

в) выявить обусловленность предпочтительности выбора той или иной номинации экстралингвистическими факторами.

Основные результаты

Согласно программе Medicare (Medicare – это национальная программа медицинского страхования для лиц от 65 лет и старше, предоставляемая также некоторой категории лиц моложе 65 лет), в США и Великобритании существует четыре основных типа hospice care (хосписной помощи): routine home care (обычный уход на дому), continuous home care (непрерывный уход на дому), general inpatient care (общий стационарный уход) и respite care (уход с отсрочкой) [1; 2].

В настоящей статье рассмотрим некоторые семантические особенности таких терминов, как routine home care, continuous home care, и отдельные подвидовые термины видового термина respite care. Первые два термина, с одной стороны, являются видовыми по отношению к родовому термину hospice care, но также их можно поставить в один ряд подвидовых терминов, где во главе иерархии будет стоять видовой термин home hospice care (хосписная помощь на дому). В качестве синонимичных встречаются следующие варианты: home-based hospice care; hospice care at home; hospice at home; at–home hospice care; in-home hospice care [3; 4; 5]. Услугами home hospice care ежегодно пользуются 200.000 людей в Великобритании, в США её используют 50% всех паллиативных пациентов [6].

Во всех представленных наименованиях присутствует лексема "home" ("дом"), что свидетельствует об определённой общности их определений. Однако имеют место и существенные различия.

Routine home care, который иногда называют home care, в перечне услуг стоит на первом месте. И это не случайно, т.к. согласно исследованию, опубликованному в Журнале Американского гериатрического общества, на сегодняшний день именно routine home care является наиболее распространенным уровнем хосписной помощи среди получателей программы Medicare [7]. Услугами routine home care чаще всего пользуются пожилые люди и те, кто восстанавливается после болезни, операции или травмы. Данный вид помощи не требует привлечения специализированного медицинского персонала (только услуги сиделки). Указание на это явно прослеживается в таких синонимичных наименованиях, как non-medical home care и non-skilled home care [8; 9].

Continuous home care также является очень востребованным типом хосписной помощи на Западе, которым обычно пользуются дети и взрослые с различными хроническими серьёзными заболеваниями или состояниями или те, кому требуется восстановление после тяжёлых травм и больших операций. Такие услуги оказывают лицензированные медсестры и терапевты.

Следует отметить, что термин continuous home care имеет ряд синонимичных наименований, из которых одним из самых распространённых является long-term care at home (долгосрочный уход на дому). Ещё одним синонимом является home health care. В отношении этой номинации интересен вопрос относительно её правописания. Встречаются такие вариации, как home health care, home healthcare и home health- care. Вариант home health care употребляется и в Америке, и в Великобритании. В американском английском чаще встречается написание home health- care, а в британском английском - home healthcare [10]. Наряду с термином continuous home care также функционирует словосочетание home comprehensive hospice care (комплексный хосписный уход на дому), которое чаще употребляется в Великобритании. В США наиболее употребителен вариант continuous home care. Более того, в Америке для наименования данного вида помощи используется термин crisis care. Лексема "crisis" указывает на то, что пациенту при ухудшении состояния необходима квалифицированная медицинская помощь [11].

Ещё одним часто употребляемым синонимом к термину continuous home care является наименование in-home nursing care, в котором лексема "nursing" указывает на обязательное привлечение услуг квалифицированной медицинской сестры (не менее 50% помощи) [12]. Также можно встретить такие термины, как skilled home care services (услуги квалифицированного ухода на дому); home health aid (оказание медицинской помощи на дому) или private home duty nursing (частный сестринский уход на дому). Лексемы "skilled"; "health"; "nursing" указывают на характер оказания того или иного вида хосписной помощи на дому [13]. В последнее время всё чаще можно встретить ещё одно синонимичное наименование - domiciliary home hospice care (от 'domicile' – 'дом'). [14; 15].

Далее обратимся к некоторым видовым терминам родового термина respite care (вид помощи, при которой лицу, осуществляющему уход за своим родственником, предоставляется возможность перерыва на один и более дней) [16]. Чтобы точнее выстроить родо-видовую иерархию, обратимся к двум ключевым понятиям, функционирующим в этой сфере услуг. Это in-home respite care, синоним home-based respite care (уход с отсрочкой на дому) и out-of-home respite care (уход с отсрочкой вне дома) [17].

Далее эти термины членятся на подвидовые, при этом в основе дифференциации, как и в выше указанных примерах, лежит характер оказания помощи: специализированная медицинская или же не требующая услуг квалифицированного медицинского персонала. К первому разряду терминов относятся personal care (персональный уход - помощь в поддержании личной гигиены), homemaker services (услуги домохозяйки - помощь в ведении домашнего хозяйства), companion services (сопутствующие услуги – помощь в проведении развлекательных и общественных мероприятий) [18].

Второй и третий вид помощи не предполагают предоставления услуг медицинской сестры, в то время как personal care может осуществлять как сиделка, так и медсестра, но в последнем случае корректнее использовать термин skilled personal care. Personal care в определённой степени можно отождествить и с home health aid, который, в свою очередь также может быть синонимом термина continuous home care (см. выше).

Что касается термина out-of-home respite care, то одним из первых подвидовых терминов по отношению к нему будет nursing homes (дома престарелых). Несмотря на то, что данный вид помощи оказывается за пределами дома, но в этом наименовании, как и во многих других, которые будут упомянуты далее, употреблена лексема "home", но в том значении, которое даёт слову 'home' Medicare: это как ваш собственный дом, так и учреждение квалифицированной медицинской помощи или учреждение для ухода за больными, такое, как дом престарелых [19]. В словарях, помимо основного значения слова 'home' ('one's place of residence'), также представлены варианты значения этого слова, поясняющие, что в уходе нуждается конкретная категория граждан ('an establishment providing residence and care for people with special needs: a home for the elderly'; 'an institution where

people are cared for'; 'an institution for people with special needs: a nursing home'[20; 21].

Особое внимание хотелось бы уделить тому факту, что для существующего в русском языке обобщённого понятия «дом престарелых», в английском языке можно встретить большое число наименований. Каждое из них обладает как схожими с другими представленными лексическими единицами схожими семантическими признаками, так и характеризуется своими специфическими особенностями: nursing home; care home; skilled nursing facility; residential aged care; aged care home; aged care residential home; home for the aged; long-term care home; convalescent home; adult foster care; rest home; residential care home; residential home; assisted living; long-term care facilities; long-term care center; extended care institution; extended care facility (ECF); short- stay nursing home; long-stay nursing home [22].

Из всего представленного множества наименований более подробно остановимся на некоторых из них. Например, изначально термин nursing home отождествлялся с home for the aged, т.е. акцент делался именно на возраст пациентов за счёт лексемы "aged". Но во многих других наименованиях нет лексемы, указывающей на пожилой возраст. В этой связи хотелось бы заметить, что термин care home, который очень часто употребляется для наименования учреждений, в которых осуществляется уход за пожилыми пациентами, в Великобритании может служить для номинации учреждений по уходу за молодыми пациентами [23].

В care home в основном оказывается опекунская помощь, на что указывает лексема "care" (в значении 'попечение') [24]. Чтобы подчеркнуть, что учреждение оказывает медицинские услуги, используется словосочетание nursing home, терминологизация которого происходит за счёт определяющего компонента "nursing". Но для ещё большего смещения акцента на специализированную направленность учреждения, употребляется термин skilled nursing facility. Отметим, что именно в отношении терминов nursing home и skilled nursing facility встречаются наибольшие противоречия относительно тождества и/ или различия в их значениях [25; 26; 27].

В настоящее время отмечается тенденция всё более частого использования наименований nursing home и skilled nursing facility в качестве равнозначных, т.к. большинство современных учреждений должны интегрировать квалифицированный сестринский уход в связи с резким постарением населения и ростом терминальных заболеваний. В виду этого nursing home и skilled nursing facility часто находятся в разных частях одного здания [28].

В некоторых наименованиях (long-term care homes; long-term care facilities; long-term care center; short- stay nursing home; long-stay nursing home) присутствуют лексемы "short" и "long". Присутствие данных лексем объясняется не только чисто лингвистическим (указание на продолжительность нахождения в учреждении), но и экстралингвистическом фактором: Medicare покрывает расходы на пребывание в учреждениях, в которых осуществляется квалифицированный сестринский уход продолжительностью пребывания до 100 дней [29]. Это же обстоятельство обусловливает привлечение для номинаций услуг и учреждений по оказанию хосписной помощи лексем, указывающих на их специализированную направленность.

Заключение

На основании вышеизложенного материала можно сделать следующие выводы:

1. В Великобритании и США существует большое разнообразие типов хосписной помощи, при этом одними из самых востребованных являются home hospice care и out-of-home respite care.
2. Широкая распространённость указанных видов помощи обусловливает функционирование синонимических наименований и вариативность гипогиперонимических отношений.
3. Экстралингвистические факторы (социально- медицинский и экономический) обусловливают степень распространённости и предпочтительности выбора того или иного языкового наименования в исследуемой сфере деятельности.

ЛИТЕРАТУРА

1. What Is Medicare? How It Works and What It Covers https://www.forbes.com/advisor/health-insurance/medicare/what-is-medicare/
2. «Four levels of hospice care defined by Medicare» -https://www.verywellhealth.com/levels-of-hospice-care-1132297
3. What Does In-Home Hospice Care Provide? https://hcoga.com/blog/what-does-i-home-hospice-care-provide
4. What Is Hospice Care at Home: Providing Comfort and Dignity https://endly.co/what-is-hospice-care-at-home/
5. What Caregivers Need to Know About At-Home Hospice Care https://www.compassus.com/for-caregivers/hospice-care-at-home/
6. Global Hospice Care Market Size by Product (Nursing Services, Medical Supply Services, Physician Services), By Industry Segmentation (Home Settings, Hospitals, Specialty Nursing Homes), By Geographic Scope and Forecast.
Report ID: 62299 | Published Date: Apr 2024 | No. of Pages: 202 | Base Year for Estimate: 2024 | Format https://www.verifiedmarketreports.com/ru/product/hospice-care-market/

7. Holy hospice service // holysaverhospice.com.>servicel…
8. https://seniorsbluebook.com/articles/what-is-the-difference-between-skilled-and-nonskilled-home-care
9. https://www.alliancehomecare.com/blog/complete-guide-non-medical-senior-care/
10. Healthcare or Health Care – What's the Difference? //writingexplained.org>healthcare-…
11. Crisis hospice care //longleafhospice.com>care-option
12. What is Continuous Home Care in Hospice? https://www.aplaceformom.com/caregiver-resources/articles/continuous-home-care-hospice
13. Private Duty Nursing Care for Seniors: A Comprehensive Guide Private duty nursing offers flexible care for adults aging in place. Jeff Hoyt Editor in Chief Updated Jun 5, 2024, https://www.seniorliving.org/private-nursing/-
14. Domicile Definition & Meaning - Merriam-Webster //https://www.merriam-webster.com/dictionary/domicile
15. What is domiciliary care? // Joincake.com>blog/domiciliary car…
16. Respite Care Step by Step Guide https://www.elderly-homecare.com/respite-care-guide/
17. What is In-Home Respite Care for the Elderly? //https://www.h2hhc.com/blog/in-home-respite-care-for-elderly
18. What is companion care? //careforth.com >blog/what-is-…]
19. Hospice Regulations and Notices | CMS //http://www.cms.gov/medicare/payment/fee-for-service-providers/hospice
20. Dictionary, Encyclopedia and Thesaurus - The Free Dictionary //https://www.thefreedictionary.com/home
21. https://www.merriam-webster.com/dictionary/home
22. What is another word for nursing home? //https://www.wordhippo.com/what-is/another-word-for/nursing_home.html
23. Types of care, prices, and reviews for all UK care homes //https://www.carehome.co.uk/
24. https://translate.academic.ru/care/xx/ru/
25. Skilled Nursing Facility vs. Nursing Home //https://www.nursinghomes.com/advice/skilled-nursing-facility-vs-nursing-home/
26. https://www.aplaceformom.com/caregiver-resources/articles/skilled-nursing-vs-nursing-homes.
27. What's the difference between a skilled nursing facility and a nursing home? //https://www.uhc.com/news-articles/medicare-articles/whats-the-difference-between-a-skilled-nursing-facility-and-a-nursing-home
28. What Is a Skilled Nursing Facility vs. a Nursing Home? //https://health.usnews.com/best-nursing-homes/articles/skilled-nursing-facility-vs-nursing-home.
29. What is Medicare"s 100 day rule? // https://www.assetprotectioncenter.com/what-is-medicares-100-day-rule.html/.

© Носенко Гульсания Нуртыновна (gulsania-nosenko@yandex.ru), Кириллова Татьяна Сергеевна (kirillova-asma@yandex.ru), Шмелева Татьяна Станиславовна (tat8184@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2026.04–2.33

МЕСТО И РОЛЬ ГРАММАТИЧЕСКИХ КАТЕГОРИЙ РЕТРОСПЕКЦИИ И ПРОСПЕКЦИИ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ КЛАССИКА ЕГИПЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ НАГИБА МАХФУЗА

Попенков Олег Николаевич
Кандидат исторических наук, доцент Военного университета имени князя Александра Невского
oleg.popenkov@list.ru

Аннотация: Статья посвящена исследованию места и роли грамматических категорий текста ретроспекции и проспекции и их взаимодействию в малых литературных формах (рассказах, новеллах) египетского классика Нагиба Махфуза. Автор статьи, характеризуя их свойства, подчёркивает связь этих грамматических категорий с другими категориями, относящимися к делению текста. В результате проведённого исследования автор статьи приходит к выводу о том, что писатель широко использует все разновидности этих категорий в своих произведениях, что во многом формирует писательский почерк Нобелевского лауреата.

Ключевые слова: ретроспекция, проспекция, повтор, временной срез, имплицитная связь.

THE PLACE AND ROLE OF GRAMMATICAL CATEGORIES OF RETROSPECTION AND PROSPECTION IN THE NARRATIVES OF THE EGYPTIAN LITERARY CLASSIC NAGUIB MAHFOUZ

O. Popenkov

Summary: This article is dedicated to the study of the place and role of the grammatical categories of retrospection and prospection in texts, and their interaction within the small literary forms (short stories, novellas) of the Egyptian classic Naguib Mahfouz. The author of the article, characterizing their properties, emphasizes the connection of these grammatical categories with other categories related to text division. As a result of the conducted research, the author concludes that the writer widely uses all varieties of these categories in his works, which largely shapes the literary style of the Nobel laureate.

Keywords: retrospection, prospection, repetition, temporal slice, implicit connection.

Ретроспекция – одна из основных грамматических категорий текста, которая реализуется по-разному, но в большей степени на основе повтора. Повтора какой – либо мысли или события ранее сообщённых в тексте, на которые автор обращает особое внимание читателя, заставляя его сохранять о них в своей памяти те или иные воспоминания. В этой категории реализуется целенаправленное действие автора художественного произведения с задачей сформировать определённое мнение читателя.

Ретроспекция порождается содержательно-фактуальной информацией (СФИ) и связана с другими грамматическими категориями текста, например, когезией, когерентностью, членимостью и т.д.

Во многом её восприятие зависит от когнетивных способностей читателя, в данном случае, от его умения удерживать в памяти ранее полученную информацию, что тренируется чтением, и напрямую зависит от его общего культурного уровня.

С последним положением согласны не все исследователи в области лингвистики текста, которые не видят разницы между подготовленным и неподготовленным читателем, способным актуализировать изложенное в тексте ранее [1].

Их мнение мы не разделяем, считая, что чтение, как и писательство есть творческий процесс сопереживания автора и читателя. Кроме того, реализация ретроспекции напрямую зависит от готовности читателя воспринимать содержательно-концептуальную информацию (СКИ), его понимания композиции и стилистических форм художественного произведения. За этим стоит личная кропотливая работа. Тем более это справедливо в отношении художественного произведения на иностранном языке.

В своей научной статье «Как научиться читать художественную литературу, или филологический подход к художественному тексту» коллега Н.В. Кулибина отмечает: «…в зависимости от индивидуального опыта можно быть квалифицированным читателем, т.е. владеть навыками зрелого чтения, или только начинать учиться непростому искусству чтения художественной литературы» [2]. Мы поддерживаем это мнение коллеги.

Ретроспекция автора, которую мы исследуем в этой статье, можно назвать объективной, не равной читательской субъективной. Субъективная читательская ретро-

спекция основана на способности читателя вспоминать блоки информации, которые «застряли» в его памяти. И довольно трудно определить, что именно «врезалось» больше в память читателя.

«Когда же в тексте появляются такие слова и выражения, как *ему вспомнилось, ранее уже упоминалось в то, что …, читатель помнит, что…, и опять перед ним проносятся картины прошлого и* т.п., перед нами – объективно-авторская ретроспекция» [3, С 107].

Следует отметить общее свойство двух видов ретроспекции (авторской объективной и читательской субъективной) – интеграцию прошедших событий и повествований. При этом ретроспекцию можно рассматривать как паузу в континууме повествования.

Выше мы упоминали связь ретроспекции с другими грамматическими категориями текста, которые относятся к его делению, оказывая сцепление излагаемого повествования событиями, описаниями, фактами и т.д. Таким образом и ретроспекцию в некотором смысле можно отнести к делению текста, т.к. эта грамматическая категория функционально выступает в роли когезии.

В зависимости от практической задачи, которую ставит перед собой автор произведения, ретроспекция может представлять собой три разновидности:

1. Дать читателю новую информацию, относящуюся к прошлому времени, или напомнить ему ранее сообщённую. Это нужно для раскрытия замысла произведения и его усвоения читателем;
2. Актуализировать те или иные моменты в тексте;
3. Создать условия для переосмысления полученных в прошлом данных в новом контексте.

Рассмотрим реализацию ретроспекции в малых художественных произведениях таких как рассказ (новелла) египетского писателя, классика, Нагиба Махфуза.

В рассказе «Розовый сад» писатель рисует картину двух беседующих лиц в розовом саду. Во время беседы один из них, старейшина района, сообщает собеседнику о происшествии, которое имело место много лет назад:

«Это было давно. Мы сидели в розовом саду со старейшиной нашего района, который, припоминая, рассказывал, как наткнулись на бездыханное тело Хамза Кандиля на пустыре после его долгого исчезновения. Он был найден с проткнутым горлом каким-то острым предметом. Рубаха убитого окрасилась пятнами запёкшейся крови, а его чалма валялась на расстоянии от трупа. Часы и деньги никто не тронул. Это обстоятельство указывало на то, что преступление было совершено не с целью кражи…»

حدث ذلك في زمن مضي. و مما يذكر أن شيخ حارة حكاه لي و نحن جلوس في حديقة الورد. فقد عثر علي حمزة قنديل بعد اختفاء طويل و هو جثة هامدة في الخلاء.

وجد مطعونا في عنقه بآلة حادة. مخضب الجلباب و العباءة بالدم المتجمد، عمامته مطروحة علي مبعدة يسيرة من الجثة، اما ساعته و نقوده فلم تمسّ، مما يقطع بأن الجريمة لم ترتكب من أجل السرقة

Здесь мы наблюдаем первый вид ретроспекции, когда автор сообщает читателю новую для него информацию. Это необходимо для дальнейшего развёртывания повествования.

Далее автор, идя за расследованием происшествия, актуализирует некоторые моменты в повествовании устами старейшины (второй вид ретроспекции), который сообщает, что у убитого был тяжёлый характер, не было друзей, хотя он всегда был на виду, часто посещая кофейню, где рассказывал слушающим его людям о событиях в мире. Их он черпал исключительно из газет, но всегда стремился привлечь внимание людей. Однако, его сторонились и не любили. Но, одно дело – не любить, а другое – убийство!

Автор рассказа актуализирует этот момент (второй вид ретроспекции) словами некоего молочника, выразившего своё личное, видимо основанного на общем, удивление произошедшим в разговоре с местным муллой:

«Не смотря на его тяжёлый характер, убийства никто не ожидал!»

-القتل أكبر مما يتوقع أحد، رغم عنادة و ثقل دمه!

Нагиб Махфуз заставляет читателя размышлять, делая остановки – паузы, вызванные разными видами ретроспекции и, наконец, доводит читателя до главной причины убийства:

«Но, наступил всему этому предел, когда однажды он (зд. погибший) заговорил о кладбище такое, что не укладывалось в голове. Он сказал тогда:

— Поглядите на кладбище, ведь оно занимает самое лучшее положение в нашем районе!

У него спросили, что он имеет в виду.

— Представьте, к кладбищу с севера примыкает наш жилой район, а с юга сад, — пояснил свою мысль Кандиль.

Народ вознегодовал от этих слов так, как никогда прежде и на говорившего ожесточённо набросились все напомнив, что мёртвых нельзя беспокоить и это положение следует соблюдать. Зильт, бывший во главе возбуждённых людей, предостерёг Кандиля от возобновления разговора о кладбище, прокричав:

— Мы живём в наших домах лишь считанные годы, а находимся в наших могилах до дня вознесения!

На что Кандиль возразил:

— И что же, у живых людей нет никаких прав?

Зильт прервал его, напомнив возбуждённо:

— Неприкосновенность мёртвых — от святости религии!»

و بلغ الامر نهايته من التوتر عندما تكلم ذات يوم عن القرافة كلاما عد خارجا عن حدود العقل. و ذلك عندما قال في أثناء حديث له:
انظروا الي القرافة، انها تقع في أجمل موضع في حيّنا!–
و تساءل الناس عمّا يريد فقال:
تصوّروا شمالها حيّا سكنيا، و جنوبها حديقة!

و غضب الناس غضبا لم يغضمه من قبل و انهالوا عليه لوما و تعنيفا، و ذكروه بحرمة الاموات و واجب الولاء لهم، و كان بيومي زلط علي رأس الهائجين فحذّره من العودة الي حديث القرافة و صرخ قائلا:
- نحن نعيش في بيوتنا سنين معدودة و نلبث في قبورنا الي يوم يبعثون.
و تساءل قنديل:

-و الناس أليس من حقهم أيضا؟
و لكن زلط قاطعه هائجا:
–حرمة الاموات من حرمة الدين.

Напряжение могло бы постепенно и погаснуть, поясняет писатель, но, происходит непоправимое: в момент острых дебатов приходит сообщение о том, что администрация провинции приняла решение о переносе кладбища в глубь пустынного места и жители возлагают вину за это решение на Хамзу Кандиля. Хотя тот лишь выразил некогда своё личное мнение (актуализация автора, временной срез (в момент острых дебатов), второй вид ретроспекции)

Убийцу не сложно найти, это – Зильт, который и не скрывал этого.

Отметим, что практически любой текст, и текст рассказа не исключение, составлен из ретроспекции, т.к. нарастание информации, её накопление, невозможно без сохранения в памяти уже полученной ранее информации.

По мнению видного лингвиста И.Р. Гальперина именно в категории ретроспекции текста «особенно тесно переплетаются лингвистические и психолингвистические его параметры… и, …с точки зрения ретроспекции как вида текста заслуживает внимание послесловие …» [3, С.111].

Рассказ заканчивается тем, что собеседники находятся в розовом саду, разбитым на месте того самого кладбища, которое было перенесено в пустынное место. В этом кратком эпилоге писатель фактически резюмирует итог повествования, добавив при этом сожаление рассказчика о гибели невинного человека.

Нагиб Махфуз - мастер неожиданных ситуаций. Его писательский почерк во многом характеризуется «торможением» изложения, для того чтобы в последующем преподнести читателю проблему в наиболее остром её восприятии. Человек пострадал лишь за свою точку зрения. Ведь решение о переносе кладбища было принято властями независимо от его мнения.

В рассказе писателя «Жизнь для других» очень ярко прослеживается этот литературный приём автора, при котором СФИ передаётся часть информации СКИ. Формируется временной срез, когда автор произведения предлагает рассматривать текст в прошедшем, настоящем времени, одновременно, предугадывая и будущие события (явление проспекции).

В первом СФЕ рассказа рисуется образ главного героя как человека основательного по виду сорокалетнего (хотя на самом деле ему без малого тридцать пять), главы семьи. Во всей его внешности, умения себя держать угадывается человек степенный и уравновешенный. Писатель в этом отрезке вводит новую для читателя информацию – первый вид ретроспекции: «По вечерам Абд ар-Рахман-эфенди любит спускаться в сад своего небольшого дома.

В его походке, манере сидеть чувствовалась степенность. Если бы кто-нибудь увидел его в этот момент, то ни на мгновение не усомнился бы в том, что перед ним хозяин дома, глава семейства. Он всегда отличался спокойствием и уравновешенностью, а в его глазах отражались стабильность, мужество и ответственность. Мужчина имел большую голову и пышные усы. На вид ему можно было дать лет сорок, хотя в действительности его возраст составлял без нескольких месяцев тридцать пять».

ساعة الأصيل هي الساعة المختارة التي يهبط فيها عبد الرحمن أفندي الي حديقة البيت الصغير. و كان مشيته كما كان في جلسته آية للرزانة: فمن كان يراه لا يشك لحظة في انه رب بيت و عاهل أسرة، فحركاته و ايماءاته تقرن دائما بالهدوء و الاتزان ، و نظرة عينيه تلوح فيها الرزانة و الرجولة و المسئولية ، و رأسه الكبير و شاربه الغزيريدلّان علي أنه ابن أربعين و ان كان في الحيقيقة لم يجاوز الخامسة و الثلاثين الا بشهور قلائل،

Затем, по ходу повествования появляется девушка-соседка, красивая и молодая, которой лишь недавно исполнилось шестнадцать лет. Абду знает её с детства, т.к. дружит с её отцом, своим ровесником. Мужчина втайне влюблён в молодую соседку и мечтает о ней. Однако, девушка привыкла называть его дядей, как когда-то в детстве, играя в куклы. Абду страдает от этого обстоятельства и всё же надеется на своё счастье, ибо она та единственная в его жизни, которую он так любит. Они мило беседуют.

Всё повествование выстраивается линейно-графически: одна информация плавно перетекает в другую. Но, наступает момент паузы, передышки столь характерной для категорий ретроспекции и проспекции, которые, в сущности, и являются категориями дисконтинуума. Неожиданно девушка краснеет и убегает в дом. Это её реакция на появившегося молодого парня, брата Абду.

Писатель актуализирует этот момент в рассказе, с которого начинается изменение всего хода событий. Оказывается, молодой человек пришёл к своему старшему брату за советом. Он, молодой врач, уезжает на врачебную практику в Англию и хочет жениться на той самой девушке, которую так любит Абду.

В разговоре мужчин наступает долгая пауза. Абду ошеломлён и подавлен этой новостью, а его брат ждёт совета Абду и помощи в сватовстве, ведь после смерти их отца Абду старший мужчина в доме.

Отсюда начинается новый временной срез в повествовании. Автор рассказа актуализирует события, произошедшие в прошлом: смерть отца, когда его старший сын Абду забыв о своём счастье, жертвует собой ради семьи, матери и троих своих младших братьев.

В лингвистическом смысле это прямое воздействие автора рассказа, вводящего характерное выражение: «он (зд. Абду) вспомнил…», что характеризует применение объективно - авторской ретроспекции, но, за ней имплицитно проглядывается и проспекция, ведь Абду не может помешать счастью своего брата и внимательный читатель предугадывает исход дуалистической ситуации:

«Абд ар-Рахман вспомнил прошлое, перенесся на двадцать лет назад, к тому времени, когда будущее рисовалось ему таким прекрасным и таким непохожим на жестокую действительность, а сам он был веселым, жизнерадостным юношей, многого ожидавшим от жизни. Абд ар-Рахман был старшим в семье, и родители нарадоваться не могли на своего сына. В школе он выделялся среди своих сверстников, считался способным и прилежным учеником, ему прочили прекрасное будущее. Он ждал только случая, чтобы блеснуть своим талантом. Несомненно, этот случай представился бы, но, увы, он так и не дождался его: умер отец.

Отец умер, оставив несчастную вдову с четырьмя детьми, старшим из которых и был еще совсем юный Абд ар-Рахман. Потянулись трудные, полные горечи дни, наполнявшие душу скорбью и отчаянием. Но он терпел. Ведь на его плечах лежала забота о братьях. Он думал не только о себе. Посвятив свою жизнь братьям и матери, он легче переносил свое отчаяние. Он обрел новое счастье — счастье трудиться во имя счастья других.»

و وجد في تلك اللحظة رغبة خفية قاهرة في الفرار الي الماضي.. فطار خياله في الزمان عشرين عاما في غمضة عين الي تلك الفترة من العمر التي تبدو فيها الحياة كقطعة من العجين في يد الخيال يعبث بها كما يشاء، و يصنع منها ما يملي عليه هواه بعيدا عن قساوة الواقع. في ذلك الوقت البعيد كان هذا الرجل المتلئ رزانة و همّا و حزنا؛ صبيّا مرحا مدلّلا يفيض قلبه بالأفراح و الآمال؛ و قد ميّزته الطبيعة منذ رأي النور، فكان أول من خفق له قلب واليه الأبوّة و الأمومة من الابناء، ثم كان من بعد ذلك غلاما مجتهدا تضيء حياته المدرسية استعدادات

في ماضيه، و ما هذه بأول كارثة يمتحن بها قلبه الكبير، و قد علّمته الحياة فضيلة الصبر كما علّمته حقيقة أجل؛ هي أنه يستطيع أن يسعد و هو يحقّق السعادة للآخرين.

— Никого не осталось, кроме тебя, - сказала она (зд. мать) грустно.

Он промолчал в этот раз.

Кто знает, может быть, обрушившееся на него несчастье еще не самое страшное. Да к тому же оно и не первое. Жизнь научила его одному — терпению, и он понял, что можно быть счастливым, посвятив свою жизнь другим.

عالية و مواهب نامية تبشر بالنبوغ و التفوق و المستقبل البسّام ، و لكن الحقيقة أن ما خفي من فصائله كان أعظم، ة أنه كان ينتظر الفرصة فقط للظهور في أبي الحلل، و قد جاءت هذه الفرصة و لكنها لم تكن و أسفاه سوي وفاة والده.

و ترك الوالد المتوفّي أسرة بائسة مكوّنة من أرملة و اربعة ابناء أكبرهم – عبد الرحمن – في مستهلّ الشباب ، و أربعة جنيهات معاشا. و هكذا تصدّت الحياة للشاب السعيد الواسع الآمال بوجه عبوس، أستأدته الواجبات، و حتّمت عليه أن يخلع رداء الطفولة ليحمل علي عاتقه اللدن أثقل التبعات.. و كان عليه قبل كل شيء أن يتناسى أطماعه، و يدرج في الأكفان آماله، و يقبر مواهبه لكي يهيّيء للآسرة حياة سعيدة ، و يوليها بعض العناية التي كان يوليها اياها ألاب الراحل، و رضى كارها بوظيفة بائسة لم يتصور قطّ أن تنتهي اليها آماله.

И снова мы наблюдаем срез времени, который эксплицитно связан со всеми остальными временными периодами в рассказе. Такое сцепление времён более напоминает свойство когезии. А итог повествования его полноту – свойство когерентности.

Примечательна с точки зрения рассматриваемых грамматических категорий в этом исследовании и концовка рассказа. Мать главного героя спускается в вечерний сад к сыну и между ними происходит диалог, который логически довершает, итожит рассказ:

فقالت بحنان: لم يبق الا انت.

و لازم الصمت هذه المرة.

من يعلم؟.. ليس الذي يلقي الآن بأشد قساوة مما لقي

В результате изложенного можно сделать вывод о том, что Нагиб Махфуз, мастер малой литературной формы (рассказа) широко использует в своих произведениях грамматические категории ретроспекции и проспекции. На их основе формируется как повествование, так и, во многом, его литературный почерк. Автора характеризует неожиданное, своеобразное, резюме - концовка всего повествования, как правило ярко окрашенная национальным менталитетом представителя арабского Востока.

ЛИТЕРАТУРА

1. Verdaasdonk H., Van Rees C.G. Reading a Text vs Analysing a Text. – Poetics, 1977, v.6. №1.
2. Н.В. Кулибина. Как научить читать художественную литературу, или Филологический подход к художественному тексту. https://pushkininstitute.ru/teach/course descriptions/62 (дата обращения 11.01.2026г)
3. И.Р. Гальперин Текст как объект лингвистического исследования/Отв. ред. Г.В. Степанов. Изд. стереотип. - М.: ЛЕНАНД, 2024.-144с. (Лингвистическое наследие XX века.)

© Попенков Олег Николаевич (oleg.popenkov@list.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2026.04–2.35

ПОТЕНЦИАЛ РЕГИОНАЛЬНЫХ СМИ В СОДЕЙСТВИИ РАЗВИТИЮ ИНСТИТУТОВ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА

THE POTENTIAL OF REGIONAL MEDIA IN PROMOTING THE DEVELOPMENT OF CIVIL SOCIETY INSTITUTIONS

K. Safonov

Summary: This article examines several aspects of contemporary regional media. It notes that their role today is not limited solely to informing citizens. Each media outlet has ample opportunity to serve as a discussion platform for regional residents. Thus, media outlets can realize their inherent potential, which allows them to contribute to the development of civil society institutions.

Keywords: regional media, civil society institutions, social interaction, information, society.

Сафонов Кирилл Борисович
Доктор социологических наук, профессор, ФГБОУ ВО Тульский государственный университет
k_b_s_k_b@list.ru

Аннотация: Статья посвящена исследованию некоторых аспектов деятельности современных региональных СМИ. Отмечается, что в настоящий момент их роль не сводится исключительно к информированию граждан. Каждое СМИ имеет широкие возможности для того, чтобы стать дискуссионной площадкой для жителей региона. Таким образом, средства массовой информации могут реализовать заложенный в них потенциал, позволяющий содействовать развитию институтов гражданского общества.

Ключевые слова: региональные СМИ, институты гражданского общества, социальное взаимодействие, информация, социум.

Развитие институтов гражданского общества – вопрос, от успешности решения которого напрямую зависит качество жизни жителей любого региона. Именно поэтому в его решении заинтересованы как представители органов власти, так и сами граждане. На современном этапе развитие институтов гражданского общества предполагает, помимо прочего, широкое использование тех возможностей, которые предоставляет цифровизация всех сторон нашей жизни. Возможное направление информационных потоков при этом носит двусторонний характер: с одной стороны, представители органов власти информируют население о принятии тех или иных решений, направленных на дальнейшее устойчивое развитие региона, с другой стороны, сами жители имеют возможность сообщать о проблемах, которые могут у них возникать, например, в сфере жилищно-коммунального хозяйства. Подобный характер информационного обмена можно считать одним из атрибутов гражданского общества, под которым понимается «общественный институт, который после принятия поправок к Конституции Российской Федерации стал одним из системообразующих в правовом феномене – публичная власть» [1, с. 50]. Очевидно, что при этом существенным становится охват информацией значительной целевой аудитории, для чего, в частности, можно задействовать имеющийся потенциал региональных средств массовой информации.

Для того, чтобы содействовать развитию институтов гражданского общества, СМИ должны выполнять ряд требований. Прежде всего, публикуемая информация должна быть актуальной. Это предполагает, что информирование о событии должно осуществляться в ближайшем выпуске и, по возможности, сопровождаться комментарием, содержащим определенный анализ. Важность подобных комментариев обусловлена необходимостью заинтересовать жителей региона, показать, какое влияние происходящее оказывает на их повседневную жизнь. Также по возможности необходимо дать высказаться как непосредственным участникам события, так и представителям различных социальных групп. Это могут быть как официальные лица, так и представители деловых кругов (в том числе малого и среднего бизнеса, самозанятые), жители региона, занимающие различные должности в предприятиях и организациях и т.д. В результате конкретное СМИ постепенно будет трансформироваться в своего рода дискуссионную площадку, предоставляющую доступ к широкому спектру мнений по любому аспекту жизни региона. Реализация подобного подхода в практике деятельности региональных средств массовой информации отражает их специфику, предполагающую, что «СМИ не просто системно предоставляют аудитории тексты отдельных субъектов информационной деятельности, но и непосредственно влияют на региональную / социокультурную / этническую самоидентификацию представителей своей аудитории как во многом уникально формируемого социума» [2, с. 135].

Одним из требований к деятельности региональных СМИ в контексте содействия развитию институтов гражданского общества можно считать изменение подходов к созданию информационных поводов для публикации материалов. Таким поводом может стать не только значимое событие в жизни региона, но также обращение граждан по вопросам, которые их волнуют. В ходе подготовки публикации редакцией могут быть направлены

официальные запросы, которые затем будут проанализированы и представлены аудитории. На практике это не просто будет повышать популярность и востребованность конкретного средства массовой информации, которое жители региона станут воспринимать в качестве настоящего помощника, позволяющего сделать повседневную жизнь лучше, но также позволит способствовать трансформации мировоззрения граждан. Постепенно у них будет укореняться понимание необходимости и важности проявления социальной активности. Все это, в свою очередь, уместно рассматривать в качестве значимого детерминанта развития институтов гражданского общества, которое «позиционируется как некая цель, которую надлежит достигнуть в правовом государстве, где граждане не только ведут себя правомерно, но и являются социально активными» [3, с. 16]. На практике это предполагает понимание жителями региона необходимости участия в различных мероприятиях, например, в общественных слушаниях по ключевым вопросам, а также осуществления волонтерской деятельности. А отправной точкой для формирования этого понимания может стать деятельность региональных СМИ, направленная не только на информирование, но и поддержание общественной дискуссии.

Подробно следует сказать о таком важном критерии эффективности деятельности средств массовой информации в рассматриваемом нами контексте, как значимость и масштабность публикуемых ими материалов. Очевидно, что не всегда даже многочисленные обращения граждан по отельному вопросу автоматически означают его актуальность для населения региона в целом. Проблема может носить локальный характер. Конечно, это не означает, что процесс ее решения не должен находиться в сфере внимания сотрудников и аудитории конкретного средства массовой информации. Однако в данном случае можно ограничиться публикацией небольшого по объему материала, а также при необходимости отправкой официального редакционного запроса. Но в действительности может оказаться так, что изложенная проблема, носящая, на первый взгляд, локальный характер, заинтересует аудиторию, и многие люди захотят высказать свое мнение либо поделиться собственным опытом решения схожих вопросов. Данные отклики могут стать новыми информационными поводами для публикации обширного материала либо их обзора, сопровождающегося анализом, проведенным наиболее опытными и авторитетными журналистами. При этом представители редакции должны учитывать специфику деятельности средств массовой информации на современном этапе, что предполагает, в частности, необходимость «соблюдать принципы коммуникативного кодекса, а также учитывать основы социальной ответственности и создавать возможность позитивной и конструктивной общественной дискуссии» [4, с. 157]. Очевидно, что реализация подобного подхода всецело находится в русле содействия развитию институтов гражданского общества и позволяет конкретному региональному СМИ наиболее полно реализовать богатейший потенциал его деятельности.

Значимым фактором обеспечения актуальности публикуемых материалов может также стать широкое использование данных социологических исследований. Сотрудники конкретного СМИ при этом получают возможность понять, что именно является значимым для представителей их аудитории, населения региона в целом. С целью реализации данного подхода могут использоваться данные, полученные в ходе социологических опросов, организованных по инициативе органов государственной власти. Также можно обратиться к данным, полученным различными исследовательскими коллективами, например, действующими при высших учебных заведениях региона. Наконец, само средство массовой информации может инициировать проведение социологических исследований по наиболее актуальным вопросам, находящихся в сфере внимания аудитории. Для этого в структуре редакции может даже быть создано специальное подразделение, ответственное за проведение подобных исследований и подготовку аналитических обзоров по их результатам. В перспективе это поможет сформулировать новые темы для информирования граждан, а затем и для проведения дискуссии. Это позволит обеспечивать высокую актуальность предлагаемых аудитории материалов, а также должно способствовать формированию у них понимания, что каждый из них с помощью СМИ способен повлиять на формирование в регионе комфортной среды, благоприятной для проживания каждого человека.

Развитие институтов гражданского общества – это процесс, успешность которого напрямую зависит от готовности и желания жителей региона принимать в нем участие. Каждый из них должен понимать, что социальная активность не является простой декларацией, она представляет собой каждодневный труд ради собственного блага и блага всех окружающих. Отправной точкой для реализации этого на практике может стать получение исчерпывающей информации о жизни региона, сопровождаемой глубоким анализом, а также наличие возможностей для участия в дискуссии. В обозначенном контексте трудно переоценить созидательную роль средств массовой информации, которые способны содействовать трансформации мировоззрения представителей своей аудитории, одновременно реализуя собственный потенциал содействия развитию институтов гражданского общества. Верная организация деятельности региональных СМИ может рассматриваться в качестве значимого фактора формирования институтов гражданского общества именно потому, что данный процесс, по мнению исследователей, «предполагает позитивное понима-

ние и адекватное восприятие населением самой идеи гражданского общества и ее всенародную поддержку» [5, с. 28]. Обеспечить реализацию данного подхода по силам именно сотрудникам средств массовой информации, в своей деятельности ориентирующихся не просто на предоставление объективной, актуальной и исчерпывающей информации, но на всемерное содействие устойчивому и поступательному развитию региона, формирование в нем благоприятной среды, комфортной для проживания каждого человека.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно отметить, что в настоящий момент верно организованная деятельность региональных средств массовой информации позволяет им не только быть источником информации, но и на практике реализовать заложенный в них богатый потенциал, подразумевающий содействие развитию институтов гражданского общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Воронов А.М. Институты гражданского общества в негосударственной системе обеспечения общественной безопасности // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право. 2023. № 8. – С. 48–52. – DOI 10.37882/2223–2974.2023.08.06.
2. Олешко В.Ф., Олешко Е.В. Роль региональных СМИ в поддержании позитивной гражданской и этнической идентичности // Филологический вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2021. № 4. – С. 131–146. – DOI 10.26105/PBSSPU.2021.8.4.007.
3. Бортников Д.М. Правовое поведение как основа формирования гражданского общества // Экономика и безопасность. 2023. № 4. – С. 14–17. – DOI 10.26118/6709.2023.36.15.002.
4. Айвазян О.О., Кукушкина А.А., Остапец Д.И. Коммуникативный кодекс в средствах массовой информации как детерминанта становления коммуникативной культуры современного общества // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2025. № 2. – С. 152–158. – DOI 10.37882/2223–2982.2025.02.01.
5. Галикеева И.Г. Институты гражданского общества и проблемы обеспечения национальной безопасности // Вестник Института права Башкирского государственного университета. 2023. № 3. – С. 26–34. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2023.19.3.

© Сафонов Кирилл Борисович (k_b_s_k_b@list.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2026.04–2.39

КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ АНГЛОЯЗЫЧНОГО ТУРИСТИЧЕСКОГО ИНТЕРНЕТ-ДИСКУРСА

CATEGORICAL POTENTIAL OF ENGLISH-LANGUAGE TOURISM INTERNET DISCOURSE

N. Sokolovskaya
K. Vartanova
A. Kiseleva

Summary: This article is devoted to the study of advertising texts of tourist Internet discourse in terms of their categorical potential. Specific features of advertising texts presented in the English-language tourist Internet discourse have been identified. Their text-forming categories have been identified, considering the specifics of the English-language tourist Internet discourse. Features of verbalization of analyzed categories are described.

Keywords: tourist Internet discourse, advertising text, categorical potential, text categories.

Соколовская Наталья Александровна
Кандидат филологических наук, доцент, Пятигорский государственный университет
natasokolovskaya@mail.ru
Вартанова Карина Юрьевна
Кандидат педагогических наук, доцент, Пятигорский государственный университет
rina.3@mail.ru
Киселева Анна Владимировна
Кандидат филологических наук, доцент, Пятигорский государственный университет
anna_karaga@mail.ru

Аннотация: Настоящая статья посвящена изучению информационно-рекламных текстов туристического Интернет-дискурса с точки зрения их категориального потенциала. Определены специфические особенности информационно-рекламных текстов, представленных в англоязычном туристическом Интернет-дискурсе. Выявлены их текстообразующие категории с учетом специфики англоязычного туристического Интернет-дискурса. Описаны особенности вербализации **анализируемых категорий**.

Ключевые слова: туристический Интернет-дискурс, информационно-рекламный текст, категориальный потенциал, текстовые категории.

В условиях цифровизации экономики современный электронный рекламный текст является одним из эффективных инструментов продвижения товаров и услуг как на локальном, так и на международном уровне. В сфере туризма и гостеприимства информационно-рекламные тексты, размещенные на различных онлайн платформах и сайтах туроператоров, представляют собой отдельный жанр со своей спецификой. В этой связи особую актуальность приобретает изучение подобных текстов с точки зрения лингвистики с учетом разных подходов и методов анализа.

Действительно, изучение лингвистических особенностей туристического дискурса привлекало многих ученых, таких как Т.В. Акинина [4], М.Л. Авакова и др. [2, 3], А.А. Авагян и др. [1], Л.А. Гафарова и др. [6], Н.В. Баркалова [5], А.В. Зорина и др. [7], Л.А. Пасечная и др. [12], Е.С. Смагина [13], М.А. Сычева [16], Н.В. Филатова [19] и др.

При этом лингвисты акцентировали свое внимание на различных аспектах исследуемого феномена. В поле их научных интересов попадали: языковые средства аргументации [12]; языковые особенности реализации категории убеждения [2]; языковые особенности манипулятивного воздействия [3]; средства выражения категории персуазивности [8]; жанровые, ценностные и транслатологические характеристики [11]; лингвоаксиологическая параметризация [16]; лексические особенности [14]; стилистические особенности [6, 7]; принципы конструирования дискурса [17]; архитектоника текста и текстовые категории [5]; категория адресата [15]; диалогичность [9].

Особый интерес для нашего исследования представляет подход Н.В. Баркаловой, которая изучает функционирование и иерархические отношения текстообразующих категорий рекламных текстов немецкого туристического дискурса. Так, автор отмечает, что в этом типе текста доминантными выступают категории референтности и локальности, категории темпоральности и модальности релевантны, а категория персональности - индифферентна [5, с.21].

В рамках вышеупомянутого категориального подхода нами предпринимается попытка рассмотрения англоязычных информационно-рекламных текстов туристического Интернет-дискурса с точки зрения их категориального потенциала.

Целью данной работы является выявление и описание категориальных особенностей информационно-рекламных текстов, представленных в англоязычном туристическом Интернет-дискурсе. Для достижения

данной цели решаются следующие задачи: 1) проанализировать англоязычные информационно-рекламные тексты с точки зрения категориального аспекта; 2) выявить и описать текстообразующие категории информационно-рекламных текстов с учетом специфики англоязычного туристического Интернет-дискурса; 3) выявить и описать особенности вербализации категорий, актуализируемых в англоязычном туристическом Интернет-дискурсе.

Эмпирической базой данного исследования послужили информационно-рекламные тексты на английском языке, размещенные в сети Интернет на специализированных сайтах туристических агентств в разделе 'Things to Do' (Tripadvisor) [20].

Рассмотрение исследуемой проблемы через призму теории текстовых категорий позволило выделить совокупность характерных текстовых признаков для англоязычного туристического Интернет-дискурса.

Исследователи справедливо подчеркивают, что информационно-рекламные тексты Интернет-дискурса обладают специфическими особенностями [1, 5, 8, 9, 10], которые можно свести к лаконичности, выразительности, убедительности и диалогичности. При этом лаконичность соотносится с информативностью, выразительность проявляется в эмоциональной оценочности, а убедительность, как и персуазивность, включает в себя элементы манипулятивного воздействия и суггестивности, характерного для рекламного текста.

В свою очередь, результаты нашего исследования показали, что выше представленный набор свойств туристического рекламного текста коррелирует с такими текстовыми категориями как:

— категория **модальности**;
— категория **оценочности**;
— категории **экспрессивности** /**эмотивности** /**интенсивности**;
— категория **локативности / локальности**;
— категория **темпоральности**;
— категория **персональности**.

Необходимо отметить, что выявленная ранее категориальная картина рекламного текста немецкого туристического дискурса [5] несколько отличается от подобного формата в сегменте англоязычного рекламного текста, изученного нами.

В ходе анализа фактического материала были выявлены следующие особенности вербализации категорий, актуализируемых в англоязычном туристическом Интернет-дискурсе:

- наличие прямых средств побудительной (императивной) **модальности**, а именно употребление глаголов повелительного наклонения / императива (*explore, discover, travel, cruise, visit, enjoy, feel, relax, spend, see, encounter, book, use, etc.*);
- наличие косвенных средств побудительной (суггестивной) **модальности**, а именно употребление неимперативных конструкций с модальным компонентом желательности / необходимости / возможности (*a **must**-see destination, a **must**-do activity for travelers who…, **is not to be** missed, in addition to the **compulsory**…, there's a good **chance** of…*), в том числе в сочетании с местоимением второго лица *you*, эксплицирующим категорию **персональности** (*you'll have the **chance** to…, if you're in **need** of…, you have plenty of **ops**, you'll also…*);
- употребление **модальных** слов и глаголов в сочетании с местоимением второго лица *you*, эксплицирующим категорию **персональности** (*you **would** likely, you **can***);
- наличие **экспрессивных** средств выразительности, включающих употребление **оценочной** лексики разной степени **интенсивности** (*stunning, dazzling, iconic, spectacular, magnificent, breathtaking, unforgettable, incredible, exclusive, awe-inspiring, one of the most picturesque, the best of, extra-quiet, etc.)*;
- обязательное наличие маркеров **локальности** - наличие пространственных конкретизаторов событий (в терминах Л.Н. Федосеевой [18]) как вербализаторов **локативности** (*destination, landmark, site, small town, park, hike, tour, trip, etc.*);
- наличие **локативных** предикатов (глаголов движения /действия в том числе в сочетании с предложными конструктами), отражающих динамические характеристики **локативности** (*head into…, head back to…, weave through…, travel over…, travel from…to…, journey to…, walk to…, drive down /around…, get direct access to…, get close to…, step into…, dive into…, swim in…, visit…, leave…, take a short break in…, stop at…, start with…*);
- наличие маркеров **темпоральности**, а именно употребление глаголов в форме будущего времени (You'**ll** enjoy…, you'**ll** reboard…, you'**ll** find…);
- употребление **темпоральной** лексики, которые включают лексемы, обозначающие протяженность действия или ситуации (*full-day, half-day, nighttime, more time…, less time…*); предлоги, союзы и наречия, указывающее на последовательность действий во времени (*after…, then, while…, when…, before…*).

Таким образом несмотря на то, что существуют различия в подходах к изучению туристического Интернет-дискурса, становится абсолютно очевидным, что информационно-рекламный текст обладает обширным категориальным потенциалом, который в полной мере раскрывает его специфику с точки зрения лингвистики.

ЛИТЕРАТУРА

1. Авагян А.А., Королев А.В. Особенности текстов туристического дискурса // Сервис +. 2020. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-tekstov-turisticheskogo-diskursa (дата обращения: 11.01.2026).
2. Авакова М.Л., Будняя О.Н., Айвазян Н.Б. Языковые особенности реализации категории убеждения в англоязычном туристическом интернет-дискурсе // Мир науки, культуры, образования. 2022. № 5 (96). С. 328–331.
3. Авакова М.Л., Моногарова А.Г., Будняя О.Н. Языковые особенности манипулятивного воздействия в англоязычном туристическом интернет-дискурсе // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2021. № 10–2. С. 47–50.
4. Аникина Т.В. Лингвистические особенности англоязычного туристического дискурса // Нижневартовский филологический дискурс. 2019. С. 19–29.
5. Баркалова Н.В. Категориальный потенциал рекламных текстов немецкого туристического дискурса // Вопросы современной лингвистики. 2018. №3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kategorialnyy-potentsial-reklamnyh-tekstov-nemetskogo-turisticheskogo-diskursa (дата обращения: 01.02.2026).
6. Гафарова Л.А., Шигапова Ф.Ф. Лексико-стилистические особенности туристической рекламы / Филологический аспект: международный научно-практический журнал. 2020. № 05 (61). Режим доступа: https://scipress.ru/philology/articles/leksiko-stilisticheskie-osobennosti-turisticheskoj-reklamy.html (Дата обращения: 15.12.2025).
7. Зорина А.В., Амирханова К.М., Хамдеева Д.Р. Стилистические особенности туристического дискурса (на примере англоязычного сайта visitlondon. Com) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2020. №9. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/stilisticheskie-osobennosti-turisticheskogo-diskursa-na-primere-angloyazychnogo-sayta-visitlondon-com (дата обращения: 08.01.2026).
8. Колчевская В.А. Средства выражения категории персуазивности в гипержанре «сайт» туристического интернет-дискурса дис. . . . канд. филол. наук: 10.02.19 / Колчевская Валерия Алексеевна. Краснодар, 2021. 206 с.
9. Колчевская В.А. Средства диалогичности как способ убеждения (в текстах веб-страниц туроператоров) // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2017. №11–2 (77). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/sredstva-dialogichnosti-kak-sposob-ubezhdeniya-v-tekstah-veb-stranits-turoperatorov (дата обращения: 01.02.2026).
10. Моногарова А.Г. Современный электронный текст: жанровое многообразие и прагматический потенциал // Профессиональная коммуникация: актуальные вопросы лингвистики и методики. 2020. № 13. С. 205–210.
11. Новикова Э.Ю. Жанровые, ценностные и транслатологические характеристики международного туристического дискурса в немецкой и русской лингвокультурах: дис. . . . д-ра филол. наук: 10.02.20 / Новикова Элина Юрьевна. Уфа, 2019. 498 с.
12. Пасечная Л.А., Стренадюк Г.С. Языковые средства аргументации туристического дискурса: сопоставительный аспект // Известия ВГПУ. 2018. №9 (132). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/yazykovye-sredstva-argumentatsii-turisticheskogo-diskursa-sopostavitelnyy-aspekt (дата обращения: 08.01.2026).
13. Смагина Е.С. Туристический дискурс: лингвистические особенности (на примере англоязычного сайта australia.com) // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. №4–2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/turisticheskiy-diskurs-lingvisticheskie-osobennosti-na-primere-angloyazychnogo-sayta-australia-com (дата обращения: 09.01.2026).
14. Соколовская Н.А., Вартанова К.Ю., Киселева А.В. Лексические особенности туристического интернет-дискурса (на материале онлайн-отзыва) // В сборнике: Университетские чтения - 2024. Материалы Всероссийской конференции с международным участием. Пятигорск, 2024. С. 180–185.
15. Старыгина Н.Ф. Категория адресата в семантическом пространстве туристического рекламного текста // Вестник ЧелГУ. 2019. №6 (428). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kategoriya-adresata-v-semanticheskom-prostranstve-turisticheskogo-reklamnogo-teksta (дата обращения: 01.02.2026).
16. Сычева М.А. Лингвоаксиологическая параметризация предметной сферы «культурное наследие» в туристическом дискурсе: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Сычева Мария Александровна. М., 2019. 212 с.
17. Цыремпилон А.О. Принципы конструирования англоязычного туристического дискурса и переводческая практика / А.О. Цыремпилон, Т.В. Платицына // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2018. № 6–1. С. 182–186.
18. Федосеева Л.Н. Функционально-семантическое поле локативности в современном языке: система языковых и контекстуальных значений // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. 2011. №2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/funktsionalno-semanticheskoe-pole-lokativnosti-v-sovremennom-yazyke-sistema-yazykovyh-i-kontekstualnyh-znacheniy (дата обращения: 13.02.2026).
19. Филатова Н.В. Дискурс сферы туризма в прагматическом и лингвистическом аспектах: автор. дис. . . . канд. филол. наук: 10.02.01. Москва, 2014. 25 с.
20. https://www.tripadvisor.com/Attractions-h1-Outdoor_Activities.html

© Соколовская Наталья Александровна (natasokolovskaya@mail.ru), Вартанова Карина Юрьевна (rina.3@mail.ru), Киселева Анна Владимировна (anna_karaga@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2026.04–2.40

ЗАИМСТВОВАНИЯ И МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ КОНТАКТЫ КАК ФАКТОР ОБНОВЛЕНИЯ ЛЕКСИКО СЕМАНТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ АМЕРИКАНСКОГО СЛЕНГА

BORROWINGS AND INTERCULTURAL CONTACTS AS A FACTOR IN THE RENEWAL OF THE LEXICO-SEMANTIC SYSTEM OF AMERICAN SLANG

N. Spitsyna
A. Gundobina

Summary: The article examines typological patterns in the incorporation of foreign-language and foreign-cultural elements into the slang subsystem of American English, where intercultural contact functions not as an additive source of lexical replenishment but as a transformative factor that restructures semantic fields and paradigmatic relations within already established thematic groupings. The blurring of boundaries between proper borrowing, calquing, and creative adaptation of foreign-language material is analyzed, as a result of which borrowed units undergo axiological polarization, desomatization, metonymic shifts, and semantic bleaching. Drawing on the material of Hispanisms (loco, cojones, la onda), Yiddishisms (shlep, schmuck, chutzpah), elements of African American vernacular (woke, lit, salty), and East Asian borrowings (kawaii, senpai, daebak, oppa), the study demonstrates how borrowing leads to the differentiation of semantic features, the neutralization of original socio-political or cultural connotations, and the formation of new evaluative dominants. Particular attention is paid to the role of phonetic exoticism as a demarcation mechanism that ensures the stylistic markedness of slang units, as well as to the influence of transfer channels ranging from bilingual oral contact and mass culture to mediatized Internet practices. The analysis reveals the dependence of the depth of semantic transformation on the presence of cognitive analogs in the recipient system, which enables slang to maintain high permeability to external influences while simultaneously performing intensive deformation of the borrowed material, thereby ensuring the continuous renewal of the lexical-semantic structure of substandard strata. This approach elucidates the mechanisms of the dynamics of American slang as a distinctive linguistic subsystem that is highly sensitive to contemporary cultural shifts.

Keywords: American slang, linguistic borrowings, semantic transformations, intercultural contact, lexico-semantic stratification.

Спицына Наталья Александровна
Кандидат филологических наук, доцент, Дальневосточный федеральный университет
spitsyna.na@dvfu.ru
Гундобина Анна Викторовна
Старший преподаватель, Дальневосточный федеральный университет
gundobina.av@dvfu.ru

Аннотация: В статье рассматриваются типологические закономерности вхождения иноязычных и инокультурных элементов в сленговую подсистему американского варианта английского языка, где межкультурный контакт выступает не как аддитивный источник пополнения лексикона, а как трансформативный фактор, перестраивающий семантические поля и парадигматические отношения внутри уже сложившихся тематических группировок. Анализируется размывание границ между собственно заимствованием, калькированием и креативной адаптацией иноязычного материала, в результате чего заимствованные единицы претерпевают аксиологическую поляризацию, десоматизацию, метонимические сдвиги и семантическое обесцвечивание. На материале испанизмов (loco, cojones, la onda), идишизмов (shlep, schmuck, chutzpah), элементов афроамериканского вернакуляра (woke, lit, salty) и восточноазиатских заимствований (kawaii, senpai, daebak, oppa) демонстрируется, как заимствование приводит к дифференциации семантических признаков, нейтрализации исходных социально-политических или культурных коннотаций и формированию новых оценочных доминант. Особое внимание уделяется роли фонетической экзотичности как демаркационного механизма, обеспечивающего стилистическую отмеченность сленговых единиц, а также влиянию каналов трансфера — от билингвального устного контакта и массовой культуры до медиатизированных интернет-практик. Выявляется зависимость глубины семантической трансформации от наличия когнитивных аналогов в принимающей системе, что позволяет сленгу одновременно сохранять высокую проницаемость для внешних влияний и осуществлять интенсивную деформацию заимствованного материала, гарантируя непрерывное обновление лексико-семантической структуры субстандартных пластов. Подобный подход раскрывает механизмы динамики американского сленга как особой языковой подсистемы, чувствительной к культурным сдвигам современности.

Ключевые слова: американский сленг, языковые заимствования, семантические трансформации, межкультурный контакт, лексико-семантическая стратификация.

Лексико-семантическая стратификация субстандартных пластов американского варианта английского языка – область, в которой интерес лингвистов к процессам заимствования периодически обостряется и столь же регулярно угасает, уступая место иным исследовательским приоритетам. Между тем именно сленговая подсистема, традиционно квалифицируемая как маргинальная по отношению к литературной норме, обнаруживает наиболее интенсивную восприимчивость к иноязычному влиянию – и механизмы этой восприимчивости описаны фрагментарно. Пак С.М. [9, с. 180] ещё в середине прошлого столетия фиксировал

корреляцию между миграционными волнами и всплесками сленгового словотворчества; однако его наблюдения касались преимущественно британского материала и нуждаются в существенной ревизии применительно к американскому ареалу. Проблема осложняется тем, что само понятие «заимствование» в контексте субстандартной лексики утрачивает привычную чёткость: граница между собственно заимствованием, калькированием и креативной переработкой иноязычного этимона размывается до неразличимости – что порождает терминологическую нестабильность в специализированной литературе [3, с. 112; 12, с. 203].

Дискуссионным остаётся и вопрос о том, корректно ли рассматривать межкультурный контакт исключительно как источник нового лексического материала или же его роль шире – вплоть до реструктуризации семантических полей, уже сложившихся в принимающей системе. Уткина Л.Н. [7, с. 57], анализируя студенческий сленг, констатировала значительную долю испаноязычных и афроамериканских элементов, но не предложила непротиворечивой модели их интеграции в существующие парадигматические связи. Волошин Ю.К., чей труд «The American Language» по-прежнему сохраняет статус базового источника [14, с. 165], настаивал на принципиальной открытости американского просторечия к иноязычному субстрату; вместе с тем его классификация заимствований по языкам-донорам выглядит избыточно линейной и не учитывает полилингвальных ситуаций контакта – ситуаций, типичных для мегаполисов XX–XXI веков.

Отдельного рассмотрения заслуживает роль афроамериканского вернакуляра (African American Vernacular English, далее – AAVE), который, строго говоря, не выступает иностранным языком, однако функционирует в качестве субстратного источника сленговых инноваций с интенсивностью, сопоставимой с влиянием испанского или идиша. Лундышева А.Н. [6, с. 10] квалифицировала AAVE как «внутренний донорский язык» – метафора, не лишённая эвристической ценности, хотя и терминологически уязвимая. Представляется, что подобная квазизаимствовательная динамика нуждается в отдельной категоризации; в противном случае границы самого понятия «межкультурный контакт» оказываются размытыми до аналитической непригодности.

Настоящая работа ориентирована на выявление типологических закономерностей, управляющих вхождением иноязычных и инокультурных элементов в сленговую подсистему американского английского, – с акцентом на семантические трансформации, которым подвергаются заимствованные единицы в процессе ассимиляции. Гипотеза, положенная в основу исследования, состоит в следующем: межкультурный контакт воздействует на сленговую лексику не аддитивно (путём простого пополнения словника), а трансформативно – перестраивая семантические связи внутри уже существующих тематических группировок.

Исследование базируется на корпусном анализе лексикографических источников субстандартной лексики американского английского – прежде всего словарей Дж. Лайтера «Historical Dictionary of American Slang», Э. Партриджа «A Dictionary of Slang and Unconventional English», а также электронных баз данных Urban Dictionary и Green's Dictionary of Slang (в редакции 2023 г.). Отбор единиц анализа производился методом сплошной выборки по критерию наличия этимологической пометы, указывающей на иноязычное происхождение или межкультурную контактную ситуацию; совокупный массив составил около 420 лексем и устойчивых сочетаний. Хронологические рамки ограничены периодом 1940–2024 гг. – нижняя граница обусловлена резким возрастанием документированности субстандартной лексики в послевоенный период, верхняя определяется доступностью актуальных лексикографических фиксаций.

Методологический аппарат включает компонентный анализ семантической структуры заимствованных единиц, сопоставительный анализ семантических полей языка-донора и языка-реципиента, а также элементы диахронического описания – для отслеживания траекторий семантического дрейфа. Привлекался, кроме того, метод контекстуального анализа на материале текстов массовой культуры (тексты хип-хоп-композиций, киносценарии, интернет-дискурс), позволяющий верифицировать словарные дефиниции реальным узусом. Статистические процедуры не применялись; работа выполнена в качественной парадигме.

Первый пласт, требующий детального рассмотрения, – испаноязычные заимствования, проникновение которых в американский сленг обнаруживает нелинейную динамику. Расхожее представление о том, что испанизмы попадают в субстандартную лексику главным образом через пограничные регионы Юго-Запада, нуждается в корректировке. Фоменко Т.А. [1] продемонстрировал, что значительная часть испаноязычных сленгизмов фиксируется первоначально в нью-йоркском ареале – в среде пуэрториканской диаспоры, – и лишь впоследствии дифтузно распространяется на другие регионы. Такие единицы, как mano (усечение от hermano – в значении 'близкий друг, кореш'), loco (претерпевшее семантическое расширение от 'безумный' до одобрительного 'отчаянный, дерзкий'), nada (функционирующее как эмфатический отрицатель), демонстрируют характерную закономерность: при переходе в сленговую подсистему заимствованная лексема утрачивает периферийные семы и приобретает оценочный компонент, отсутствующий в языке-источнике.

Семантическая судьба испанизма cojones – показательна в ином отношении. В донорском языке лексема принадлежит вульгарно-просторечному регистру с прямым соматическим значением; в американском сленге, однако, произошёл метонимический сдвиг: доминирующей стала сема ‘дерзость, бесстрашие’ при почти полной нейтрализации соматического компонента. По всей видимости, подобная десоматизация – типичный сценарий ассимиляции вульгаризмов-заимствований: иноязычная фонетическая оболочка функционирует как своеобразный «эвфемистический буфер», снижающий табуированность [4, с. 101]. Аналогичную траекторию прошла лексема chutzpah из идиша, о которой речь пойдёт ниже, – что позволяет предположить наличие универсального механизма, не привязанного к конкретному языку-донору.

Вместе с тем далеко не все испанизмы следуют этой модели. Единица la onda (‘волна’; в сленговом употреблении – ‘тренд, модное течение’), зафиксированная Лайтером в калифорнийском чикано-сленге 1970-х годов, сохранила метафорическую структуру исходного языка практически без модификации. Причины подобной устойчивости, вероятно, детерминированы тем обстоятельством, что метафора ТРЕНД – ЭТО ВОЛНА присутствует и в английской когнитивной модели (wave, riding the wave), – заимствование, таким образом, попадало в готовую концептуальную нишу и не нуждалось в семантической перестройке.

Второй существенный донорский источник – идиш, влияние которого на американский сленг; особенно в период 1940–1970-х годов; трудно переоценить. Ивченко М.В., Цуркан Т. [11, с. 146] зафиксировали свыше 500 идишизмов в общеамериканском обиходе, значительная часть которых функционирует именно в субстандартном регистре. Семантические трансформации идишизмов при вхождении в сленг демонстрируют специфику, отличную от испанизмов. Так, shlep (из идиш. שלעפן ‘тащить, волочить’) приобрёл в американском сленге дополнительное значение ‘бестолковый, неловкий человек’ – произошёл метонимический перенос с действия на агенс, причём с отрицательно-оценочной коннотацией, отсутствующей в этимоне. Лексема schmuck(этимологически – ‘украшение’, впоследствии в идише – вульгарное обозначение мужского полового органа) в американском сленге окончательно закрепилась в деперсонифицированном значении ‘глупец, ничтожество’; исходная вульгарная сема сохраняется лишь в осведомлённости части носителей [15, с. 36].

Механизм вхождения идишизмов в сленг отличается от испанизмов ещё и каналом проникновения. Если испанские заимствования попадают в субстандартную лексику преимущественно через устный контакт в билингвальных сообществах, то идишизмы – через массовую культуру: комедийные шоу, бродвейский театр, позднее – ситкомы и кинематограф. Богданович Г.Ю. [8, с. 88] в своё время указывал на «престижное заимствование» как механизм, при котором лексема перенимается не из-за контактной необходимости, а ради стилистического эффекта. Идишизмы в американском сленге – едва ли не чистейший случай такого заимствования: они маркируют речь говорящего как остроумную, ироничную, «нью-йоркскую» по духу.

Третий – и, по всей видимости, наиболее продуктивный в синхронном разрезе – донорский источник представлен AAVE. Квалификация AAVE как «донорского языка» применительно к сленгу вызывает обоснованные возражения: строго говоря, речь идёт о внутриязыковом диалектном контакте. Однако социолингвистическая дистанция между AAVE и мейнстримным американским английским столь значительна, что процессы лексического трансфера обнаруживают структурное сходство с межъязыковым заимствованием. Безбородов И.М. [2, с. 7] настаивал на том, что AAVE обладает автономной грамматической системой; если принять эту позицию – а она, при всей дискуссионности, получила широкое признание, – то терминологическая квалификация афроамериканских сленгизмов как «заимствований» перестаёт быть лишь метафорой.

Лексические единицы, мигрировавшие из AAVE в общеамериканский сленг, образуют несколько тематических кластеров. Наиболее обширный – кластер оценочных номинаций: woke (из AAVE stay woke ‘быть бдительным в отношении социальной несправедливости’; первоначально зафиксировано в 1940-х гг., по данным Беляцкой А.А. [10, с. 175], ренессанс – в 2010-х), lit(семантический дрейф от ‘пьяный’ к ‘возбуждающий, превосходный’), salty (от кулинарного ‘солёный’ – через AAVE – к ‘раздражённый, обиженный’). Каждая из этих единиц при переходе в мейнстримный сленг претерпела то, что можно обозначить как «семантическое обесцвечивание»: социально-политические коннотации, существенные для AAVE-контекста, нейтрализовались, и лексема начинала функционировать как чисто экспрессивный маркер.

Этот процесс – не безобидная диффузия. Лундышева А.Н. [6, с. 12] и вслед за ней ряд исследователей критического направления квалифицировали его как «лингвистическую апроприацию»: доминирующая культура перенимает лексему, лишая её исходного социокультурного содержания и превращая в опустошённый стилистический инструмент. Независимо от того, принимает ли исследователь аксиологическую рамку апроприации, сам факт систематической десемантизации при межкультурном трансфере – бесспорен и нуждается в объяснении. Представляется не лишённым оснований предположение о том, что десемантизация детерминирована асимметрией культурного капитала: заимствующее со-

общество воспринимает экспрессивную оболочку, но не располагает фоновыми знаниями, необходимыми для реконструкции полного семантического объёма.

Отдельный аналитический блок – заимствования из восточноазиатских языков, чья доля в американском сленге статистически невелика, однако динамика их проникновения в последнее десятилетие свидетельствует о нарастающей тенденции. Японские элементы – senpai ('старший наставник'; в сленге – объект восхищения, неразделённой привязанности), kawaii ('милый'; в сленге – маркер инфантильной эстетики), otaku (из пейоративного в японском обиходе – в нейтрально-самоидентификационное в американском) – проникают через субкультуру аниме и мангу, минуя стадию устного билингвального контакта. Иванова С.В., Чанышева З.З. [5, с. 842] зафиксировал, что 78% носителей, использующих японизмы в сленговом регистре, не владеют японским языком даже на элементарном уровне – что может косвенно свидетельствовать о медиатизированном характере заимствования, при котором канал передачи (экранная культура, интернет-форумы) полностью замещает живой контакт.

Семантическая судьба японизмов в сленге обнаруживает ещё одну характерную черту: гиперболизацию одной семы при полной утрате остальных. Sensei в японском языке – уважительное обращение к учителю, врачу, писателю; в американском сленге лексема сузилась до ироничного обозначения любого, кто демонстрирует экспертизу (нередко – мнимую) в тривиальной области. Ироничный компонент – привнесённый; он отсутствует в японском узусе и порождён, по всей видимости, столкновением почтительной коннотации этимона с неформальным контекстом употребления.

Корейские заимствования – явление ещё более новое, ассоциированное с глобальной экспансией K-pop и корейских драм (дорам). Лексемы daebak (대박 – 'потрясающе'), aegyo (애교 – 'нарочитая миловидность'), oppa (오빠 – обращение к старшему мужчине; в сленге – к объекту романтического интереса) зафиксированы в интернет-дискурсе с начала 2020-х годов, однако их статус в сленговой системе – промежуточный: они функционируют скорее как окказиональные вкрапления, нежели как ассимилированные единицы. Данная позиция нуждается в дополнительной верификации по мере накопления корпусных данных.

Переходя к типологическому обобщению, следует зафиксировать несколько закономерностей, прослеживаемых независимо от конкретного языка-донора. Первая: заимствованная единица при вхождении в сленговую подсистему почти неизбежно подвергается аксиологической поляризации – приобретает выраженную положительную или отрицательную оценочность, даже если в языке-источнике была нейтральной. Испанское loco, японское otaku, идишское mensch – все прошли через этот фильтр. Нейтральные заимствования в сленге не задерживаются; это – среда, отторгающая безоценочность.

Вторая закономерность – фонетическая экзотичность как условие сленговой витальности. Единицы, фонетически «чужеродные» для английского языка (идиш. schlep, schmuck с начальным кластером /ʃl/, /ʃm/; исп. cojones с палатальным /x/; яп. kawaii с нетипичной для английского финалью), демонстрируют бóльшую устойчивость в сленговом обиходе, нежели заимствования, фонетически мимикрирующие под английскую систему. Экзотическая звуковая оболочка, по всей видимости, выполняет демаркационную функцию: она маркирует высказывание как стилистически отмеченное – а именно стилистическая отмеченность составляет raison d'être сленга как регистра.

Третья закономерность затрагивает парадигматические отношения. Заимствование не просто занимает пустующую ячейку в лексической системе – оно перестраивает отношения внутри тематической группы. Появление chutzpah из идиша в семантическом поле «дерзость/нахальство» не просто добавило ещё один синоним к nerve, gall, audacity; оно спровоцировало семантическую дифференциацию: chutzpah закрепилось за «восхитительной наглостью» (с амбивалентной оценкой), тогда как nerve и gall сдвинулись в сторону однозначно негативной оценки. Гончаров А.С., Макарова О.С., Павленко В.Г. [13, с. 430] фиксирует аналогичные перестройки в поле «одобрение/восхищение» после проникновения AAVE-единиц dope, fire, sick – каждое из которых вытесняло предшествующий сленгизм не в лакуну, а в архаизм.

Выявленная дисперсия семантических сценариев – от полной десемантизации до сохранения метафорической структуры – вероятно, детерминирована не только свойствами языка-донора, но и наличием или отсутствием когнитивного аналога в языке-реципиенте. Там, где концептуальная метафора совпадает (la onda – wave), заимствование ассимилируется без семантической ломки. Там, где концептуальной опоры нет (woke в AAVE-значении 'социально бдительный'), лексема либо радикально переосмысляется, либо – что происходит реже – привносит новую когнитивную модель в принимающую систему.

Проведённый анализ позволяет констатировать, что межкультурный контакт воздействует на лексико-семантическую систему американского сленга не по аддитивной модели – когда иноязычные элементы механически пополняют словник, – а по трансформативной: каждое заимствование перестраивает парадигматические связи внутри тематической группы, в которую оно интегрируется. Семантическая дифференциация, спровоцированная появлением идишизмов в поле «дерзость», испаниз-

мов в поле «оценка личных качеств», афроамериканских единиц в поле «одобрение/восхищение», – не побочный эффект заимствования, а его системное следствие.

Аксиологическая поляризация заимствуемых единиц выступает, по существу, обязательным условием их закрепления в сленговой подсистеме. Нейтральная лексема, не получившая оценочного приращения, не удерживается в сленговом обороте – она либо переходит в разряд общелитературных заимствований, либо вытесняется конкурирующими единицами. Этот фильтр действует единообразно для всех рассмотренных языков-доноров – испанского, идиша, AAVE, японского, корейского, – что свидетельствует о его системном, а не контактно-обусловленном характере.

Фонетическая экзотичность заимствования и его сленговая витальность связаны устойчивой корреляцией, механизм которой – демаркационный: «чужеродная» звуковая оболочка обеспечивает стилистическую маркированность, без которой сленговая единица утрачивает свою прагматическую функцию. Заимствования, фонетически ассимилировавшиеся до неотличимости от исконных единиц, теряют сленговый статус и мигрируют в нейтральный регистр – процесс, неоднократно зафиксированный для идишизмов второго поколения.

Каналы проникновения заимствований претерпели принципиальную трансформацию: если для идишизмов середины XX века доминировал медиатизированный канал (комедийные шоу, бродвейский театр), а для испанизмов – устный билингвальный контакт, то для восточноазиатских заимствований 2010–2020-х годов основным каналом стал интернет-дискурс, в котором живой контакт с носителями языка-донора полностью замещён экранным потреблением культурного продукта. Этот сдвиг не только ускоряет процесс заимствования, но и – что существеннее – усиливает десемантизацию: при отсутствии билингвального окружения заимствующий субъект воспринимает лексему в обеднённом семантическом виде, редуцированном до одной-двух сем.

Гипотеза о том, что наличие или отсутствие когнитивного аналога в принимающем языке определяет глубину семантической трансформации заимствования, нашла подтверждение на материале всех рассмотренных контактных ситуаций. Совпадение концептуальных метафор (исп. la onda – англ. wave) обеспечивает «мягкую» ассимиляцию; расхождение когнитивных моделей (AAVE woke в социально-политическом значении) провоцирует радикальное переосмысление вплоть до полной замены исходного семантического содержания. Сленговая подсистема, таким образом, функционирует одновременно как зона максимальной проницаемости для иноязычного материала и как зона максимальной его деформации – и именно эта двойственность обеспечивает непрерывное обновление лексико-семантической системы американского субстандарта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фоменко Т.А. Фразеологические единицы общего американского сленга как отражение лингвокультурных особенностей национальной картины мира // Вестник Коломенского государственного педагогического института. 2006. № 1 (1). С. 177–184.
2. Безбородов И.М. Влияние ненормативной лексики на современную американскую культуру // Аспирант. Приложение к журналу Вестник Забайкальского государственного университета. 2011. № 1 (9). С. 7–8.
3. Орлова Н.О., Богданова О.Ю., Крамаренко О.Л., Мошкина Ю.В. Лексико-семантические поля американского и русского сленга // Казанская наука. 2021. № 5. С. 112–114.
4. Баранова Л.Л., Фомина И.Н. Американский сленг как отражение национальной идентичности // Вопросы прикладной лингвистики. 2025. № 59. С. 85–109.
5. Иванова С.В., Чанышева З.З. Слово в контексте культурно-исторического универсума: на примере политического дискурса США // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2018. Т. 22. № 4. С. 821–843.
6. Лундышева А.Н. Взаимодействие семантической и морфологической деривации в американском и русском сленге: ретроспективный подход // Вестник Минского государственного лингвистического университета. Серия 1: Филология. 2018. № 3 (94). С. 7–15.
7. Уткина Л.Н. Лингвокультурное влияние испанского языка (латиноамериканских разновидностей) на американский вариант английского языка // Язык и текст. 2019. Т. 6. № 2. С. 51–58.
8. Богданович Г.Ю. Сниженная лексика как объект лингвокультурологического осмысления // Культура народов Причерноморья. 2002. № 35. С. 84–89.
9. Пак С.М. Заимствования как аспект культурно-языкового переноса в контактной литературе на английском языке // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2021. Т. 18. № 1. С. 176–181.
10. Беляцкая А.А. Конфликт лингвокультур или победа традиционных ценностей? (на материале современного американского короткого рассказа) // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. 2014. № 2 (30). С. 167–177.
11. Ивченко М.В., Цуркан Т. Специфика перевода сленга американских рэп текстов на русский язык // Вестник непрерывного образования. 2015. № 3. С. 145–148.
12. Халеева С.А. Лингвосемиотика наименований одежды в английских суевериях // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2015. № 5–1 (47). С. 202–205.

13. Гончаров А.С., Макарова О.С., Павленко В.Г. Раскрытие вечных образов «тоски» и «скуки» в произведениях классиков американской литературы ужасов второй половины XX века (на основе интра- и интеркультурного взаимодействия) // Преподаватель XXI век. 2020. № 4–2. С. 427–439.
14. Волошин Ю.К. Имманентные свойства американской сленговой фразеологии // Вестник Пятигорского государственного университета. 2024. № 4. С. 161–167.
15. Жушма А.В. Смысловое содержание суеверий и предрассудков в зарубежной лингвокультуре // Актуальные проблемы языкознания. 2016. Т. 1. С. 34–37.

© Спицына Наталья Александровна (spitsyna.na@dvfu.ru), Гундобина Анна Викторовна (gundobina.av@dvfu.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2026.04–2.43

ЛЕКСИЧЕСКИЕ СПОСОБЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ КОНЦЕПТА *ЛЮБОВЬ* В ПОЭТИЧЕСКОМ ЦИКЛЕ К.М. СИМОНОВА «С ТОБОЙ И БЕЗ ТЕБЯ»

LEXICAL WAYS OF PRESENTING THE CONCEPT OF LOVE IN K.M. SIMONOV'S POETIC CYCLE "WITH AND WITHOUT YOU"

A. Khokhlov

Summary: The relevance of the research is related to the need to study the modern conceptual sphere and the ways of its representation in literary texts. The paper examines the ways of representing the concept of LOVE in K.M. Simonov's poetic cycle «With and without you», analyzes the means of representing an artistic concept, and establishes the frequency of use of lexical representations. An attempt has been made to analyze the writer's work, to consider the author's conceptual sphere. Special attention is paid to the lexical analysis of K.M.'s poetic cycle. Simonov's «With and without you» to determine the lexical ways of representing the concept of LOVE. It is established that the representation of the concept under study in K.M. Simonov's literary texts is carried out primarily by its nuclear components, and linguistic and non-linguistic means representing this concept directly or indirectly serve as means of its representation.

Keywords: value picture of the world, concept, representation, artistic concept, comparative analysis.

Хохлов Алексей Александрович
Российский университет дружбы народов.
(г. Москва)
bart.reutov@list.ru

Аннотация: Актуальность исследования связана с необходимостью изучения современной концептосферы и способов ее репрезентации в художественных текстах. В работе рассмотрены способы представления концепта ЛЮБОВЬ в поэтическом цикле К.М. Симонова «С тобой и без тебя», проанализированы средства репрезентации художественного концепта, установлена частотность использования лексических репрезентантов. Предпринята попытка провести анализ творчества писателя, рассмотреть концептосферу автора. Особое внимание уделяется лексическому анализу поэтического цикла К.М. Симонова «С тобой и без тебя» с целью определить лексические способы представления концепта ЛЮБОВЬ. Установлено, что репрезентация исследуемого концепта в художественных текстах К.М. Симонова осуществляется в первую очередь его ядерными составляющими, а языковые и внеязыковые средства, представляющие данный концепт, напрямую или опосредованно служат средствами его репрезентации.

Ключевые слова: ценностная картина мира, концепт, репрезентация, художественный концепт, сравнительный анализ.

Исследование творчества писателя, анализ созданных им текстов, рассмотрение концептосферы автора, включающий изучение способов ее вербальной репрезентации как в рамках определенного текста, так и во всем творчестве, дает возможность определить художественную картина мира художника слова, представление которой даёт сведения об идиостиле писателя или поэта. Выявление связи концептов, т.е. предпринятый лингвокогнитивный анализ художественных текстов, позволяет исследователям определить художественную картину мира [1]. При этом важным условием восприятия художественного текста является способность субъекта распознать образные составляющие языковых знаков и интерпретировать их в момент речемыслительной деятельности. Указанные факторы в конечном итоге влияют на степень понимания замысла автора.

Исследователи отмечают, что когнитивный аспект является одним из ключевых направлений рассмотрения и выявления особенностей художественного текста. Так, в исследованиях Н.Д. Арутюновой, Л.Г. Бабенко, Е.С. Кубряковой обнаруживаем обоснование когнитивного подхода при анализе художественных текстов. При этом в рамках когнитивного анализа текст художественного произведения предстает в виде одного из сложных элементов знаковой системы, выражающим не только «знания писателя о действительности, воплощенные в его произведении в виде индивидуально-авторской картины мира», но и «концептосферы» [2, с. 210]. Рассматривая концептуальный подход к изучению художественного текста, авторы научных работ отмечают следующий факт: «используемый при исследовании лексико-семантических полей, выражающих концепт, применим и к анализу художественного текста»; это обусловлено тем, что «обобщение компонентов семантического пространства, а также существенных для данного текста когнитивно-пропозициональных структур» дает возможность «описать концептуализированные текстовые области и выявить базовые для них концепты» [Там же].

Среди прочего концепты обладают отличительной особенностью объединять субъективные суждения и общепризнанные понятия. Данная особенность предусматривает изучение предполагаемого понятийного

содержания рассматриваемого объекта. Когнитивная лингвистика рассматривает термин *когниция* как базовый термин, отражающий «знание и мышление в языковом воплощении», а *язык* представляет собой когнитивный инструмент – «систему знаков», ориентированные на «репрезентацию и транслирование информации» [3, с. 132].

Говоря о языковой среде, следует отметить ее постоянное изменение, которое служит необходимым условием осознания и интерпретации информации. Приспосабливаясь к среде, субъект оказывает на нее определенное воздействие, однако в то же время сама среда, изменяясь, влияет на жизнедеятельность говорящего. Как и язык, концепты являются неотъемлемой составляющей языковой среды; данным фактом обусловлена одна из их ключевых особенностей - транслировать изменения каждой из сторон жизни окружающего общества [4, с. 9].

Социально значимые концепты, к которым можно отнести и исследуемый концепт ЛЮБОВЬ, является предметом пристального рассмотрения современных ученых. Подобные концепты, как правило, репрезентуются в тексте автором их ядерными и периферийными элементами. Таким образом, автор получает возможность одновременно достичь нескольких целей: раскрыть художественный образ, передать настроение лирического героя, расставить нужные смысловые акценты. В то же время следует отметить, что данные концепты отражают важнейшие стороны жизни современного человека, вследствие чего их репрезентация в тексте оказывает определенное воздействие на читателя.

Н.С. Болотнова, опираясь на исследование И.А. Тарасовой, отмечает связь поэтической картины мира художника слова с «такими понятиями, как „художественный мир “, „поэтический мир“, „внутренний мир произведения“, „художественная модель мира“» [5, с. 18]. Определение *художественной модели мира*, предложенное Л.О. Бутаковой представляется наиболее полной: «эстетически и коммуникативно значимое субъективно-объективное отображение динамической системы представлений, знаний и мнений об окружающей действительности в специфической форме художественного текста» [6, с. 116].

Выбор способов репрезентации художественных концептов, составляющих основу поэтической картины мира, зависит от эстетического восприятия мира художника слова. Значимость репрезентации концептуальной картины мира в процессе интерпретации литературного произведения выделена О.В. Ломакиной: «Концепты как составные части концептуальности конкретного произведения входят в сознание человека и преобразуют его через эмоции, симпатии, антипатии, ассоциативные ряды» [7, с. 37]. Основу художественного текста, по мнению автора, составляют следующие виды концепта: а) концепт – идея, б) концепт – авторский замысел, в) концепт – образ, г) концепт – художественный прием, д) концепт – языковой элемент» [8, с. 22]. Н.И. Комкова отмечает, что «центральным звеном любого текста является концепт, который можно определить как своеобразное объединение схожих по смыслу элементов» [9, с. 105]. При этом исследователь подчеркивает, что концептуальная информация передается в языке посредством слов, словосочетаний, предложений и текстов [10, с. 115]. Основа художественного текста формируется художественным концептом, включающим ментальные признаки, запечатленные в исторической памяти народа. В сознании автора подобные признаки представляют когнитивно-прагматическую ценность в процессе развития сюжета [11, с. 7].

А.Ю. Малафеев, рассматривая лингвокогнитивный подход к анализу поэтического текста, подчеркивает, что наиболее актуальным и перспективным является изучение закономерностей категоризации окружающей действительности в сознании автора, сопоставляемой с категоризацией окружающей действительности в языке [12, с. 143]. При этом не исключается выявление индивидуально-авторских категорий, обнаруживаемых в художественных текстах, а также общие принципы категоризации. [Там же, с. 142].

Объектом исследования в данной статье является художественная картина мира К.М. Симонова, а предметом – лексические способы представления одного из важнейших в творчестве писателя концепта ЛЮБОВЬ в поэтическом цикле «С тобой и без тебя». Принимая во внимание тот факт, что язык способствует категоризации действительности, являясь опосредующим звеном между действительностью человеческим восприятием окружающего мира, отметим, что ведущая роль в разграничении базисных (ключевых) концептов, в число которых входит исследуемый концепт ЛЮБОВЬ, отводится социальным факторам, которые в определенной степени находят свое отражение в художественных текстах.

В качестве способов представления художественного концепта выступают различные средства, среди которых можно выделить эстетически значимые звукобуквы и морфемы («малые» единицы текста). Нередко не только лексические структуры высказываний, но и текстовые ассоциативно-смысловые поля реализуют репрезентацию художественных концептов. В числе данных средств репрезентации представляется логичным выделить следующие: а) *слово* (наиболее частотная форма представления концепта); б) *морфемы и звукобуквы* («малые» единицы); в) *сверхсловные единицы* (в число которых входят как словосочетания, так и отдельные высказывания); г) *текстовые парадигмы* (лексические единицы, словные и сверхсловные); д) *ассоциативно-*

смысловые поля (концептуальная категоризация лексических единиц, основу которой составляют эстетические значения указанных элементов) [5, с. 18]. Таким образом, репрезентация художественных концептов разных типов может осуществляться посредством различных средств: словообразовательных, лексико-фразеологических, грамматических и т.д.

Любовь относится к одной из наиболее популярных тем в произведениях художественной литературы и затрагивается в произведениях многих писателей, поэтов. Любовь является одной из центральных тем произведений К.М. Симонова, произведения которого наиболее отражают судьбу целого поколения, пережившего великую трагедию – Великую Отечественную войну. Предпринятый комплексный анализ поэтического цикла «С тобой и без тебя», отражающий лексические способы представления концепта ЛЮБОВЬ.

Исследование концепта ЛЮБОВЬ дало возможность выделить его ядро, ближнюю и дальнюю периферии. Ядро исследуемого концепта составили словарные дефиниции лексемы любовь. Обратимся к ее значениям.

«Толковый словарь русского языка» предлагает 5 лексико-семантических вариантов лексемы *любовь*: «1. Глубокое эмоциональное влечение, сильное сердечное чувство. 2. Чувство глубокого расположения, самоотверженной искренней привязанности. 3. Постоянная, сильная склонность, увлеченность чем-либо. 4. Предмет любви – тот или та, кого кто-нибудь любит, кому испытывает влечение, расположение. 5. Пристрастие, вкус к чему-нибудь» [13, с. 336].

Ядром номинативного поля в исследуемом поэтическом цикле К.М. Симонова является эмоциональный концепт ЛЮБОВЬ. Рассмотрение лексических способов представления данного концепта осуществляется посредством анализа эмоций лирического героя, выражающих данное чувство.

Так, в стихотворении «Я схоронил любовь и сам себя обрек…» (1948) наблюдается употребление лексемы *любовь* для наименования утраченного чувства героя: «Я схоронил ***любовь*** и сам себя обрек…», «До самого конца ***любовь*** их долетела. / Но отлетела от *любви* душа…», [14, с. 218]. Подобным образом не только данная лексема и ее дериваты, но и сверхсловные единицы, содержащие компонент *любовь*, а также ее производные, находят отражение в названии произведения «Как говорят, тебя я ***разлюбил***…» (1947) [14, с. 217]; в тексте стихотворения «Если родилась красивой…» (1941): «*Что* ***любима*** *ты, услышат*…», «***Полюбить*** *красивая не может*», «*Позабудешь – скажут: не* ***любила***…» [14, с. 150]; в стихотворении «Я очень тоскую…» (1941): «***Любить*** *в ней две рядом / Живущих души*…» [14, с. 152]; в заглавии и тексте произведения «Ты говорила мне „***люблю***“…» (1941) дериваты исследуемой лексемы отражают неискренние чувства возлюбленной лирического героя : «Ты ***полюбить*** меня хотела…», «Ты вдруг сказала мне „***люблю***“», «***Люблю***, ***люблю***… *ночной вокзал / Холодные от горя руки*» [14, с. 156]; в стихотворении «Если бог нас своим могуществом…» (1941) лексема *любовь* отражает лирического героя ко всему земному: «*Ни* ***любви****, ни тоски, ни жалости*…» [14, с. 156]; в тексте произведения «На час запомнив имена…» (1941): «*Она* ***возлюбленных*** *чужих*…», «*И до любви дожить едва ли*…» [14, с. 169]; в стихотворении «Мне хочется назвать тебя женой…» (1941): «***Любить*** *мне не давала обещанья / И в первый раз, что* ***любишь***, – *солгала*» [14, с. 171]; в произведении «Я пил за тебя под Одессой в землянке…» (1941): «*О той, что товарищ их нежно* ***любил****», Чтоб всех их* ***любить****, они стоят: едва ли*…» [14, с. 173]; в стихотворении «Хозяйка дома» (1942) посредством употребления дериватов лексемы *любовь* демонстрируется двойственное отношение к главной героине: «*И все в тебя немножко* ***влюблены***…», «*Быть может, не* ***любимая*** *совсем*…» [14, с. 177]; в стихотворении «Далекому другу» (1943) инфинитив *любить* демонстрирует степень проявления одноименного чувства, обладающего магическим потенциалом: «*И этот год ты встретишь без меня. / Когда б понять ты до конца сумела, / Когда бы знала ты, как я* ***люблю*** *тебя, / Ко мне бы ты на крыльях долетела*» [14, с. 197].

Рассмотрение текстов поэтического цикла К.М. Симонова дает возможность констатировать, что наиболее частотными средствами репрезентации концепта ЛЮБОВЬ являются слова и сверхсловные единицы, позволяющие не только раскрыть образ лирической героини цикла, чей противоречивый характер неподсуден земной морали, но и продемонстрировать ее влияние на перипетии военной судьбы лирического героя. Сравнительный анализ лексем, репрезентирующих исследуемый концепт, демонстрирует, насколько уникальным и неповторимым является данное чувство у каждого человека. Кроме того, в качестве наиболее частотных значений лексемы *любовь* выступили «1. Глубокое эмоциональное влечение, сильное сердечное чувство» и «4. Предмет любви – тот или та, кого кто-нибудь любит, кому испытывает влечение, расположение» [13, с. 336].

Исследование показало, что репрезентация концепта ЛЮБОВЬ в художественных текстах К.М. Симонова осуществляется прежде всего его ядерными составляющими. Языковые и неязыковые способы, представляющие концепт ЛЮБОВЬ, прямо или косвенно служат средствами его репрезентации. Вследствие этого можно наглядно наблюдать, как чувство любви из временного свойства субъекта «становится его атрибутом» [17, с. 47]. Таким образом, концепт ЛЮБОВЬ можно отнести к одним из ключевых в художественной картине мира К.М. Симонова.

ЛИТЕРАТУРА

1. Комкова Н.И. Концептосфера прозы Б.В. Шергина: особенности репрезентации / Н.И. Комкова // Вестник университета (Российско-Таджикский (Славянский) университет). – 2020. – № 1(69). – С. 163–176.
2. Хисамова Г.Г., Овчинникова С.В. О когнитивном анализе художественного текста // Вестник Башкирск. ун-та. 2015. №1. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/o-kognitivnom-analize-hudozhestvennogo-teksta (дата обращения: 15.04.2026). – С. 210–213.
3. Хохлов А.А. Методология описания концептосферы современной российской публицистики / А.А. Хохлов // Вестник Луганского государственного педагогического университета. Серия 3. Филологические науки. Медиа коммуникации. 2022. № 4 (86). С. 132–136.
4. Евтушок Ю.Г. Языковая репрезентация концепта CRIME: специальность 10.02.04 «Германские языки»: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук / Евтушок Юлия Григорьевна; Иркутский государственный лингвистический университет. – Иркутск, 2004. – 15 с.
5. Болотнова Н.С. Об изучении ассоциативно-смысловых полей слов в художественном тексте // Русистика: Лингвистическая парадигма конца XX века: Сб. ст. в честь проф. С.Г. Ильенко / РГПУ им. А.И. Герцена, филол. ф-т СПбГУ. СПб., 1998.
6. Бутакова Л.О. Авторское сознание в поэзии и прозе: когнитивное моделирование. Барнаул, 2001.
7. Ломакина О.В. Фразеология в языке Л.Н. Толстого: лингвистический комментарий и лексикографическое описание: диссертация ... доктора филологических наук: 10.02.01 / Ломакина Ольга Валентиновна; [Место защиты: С.-Петерб. гос. ун-т]. СПб., 2015. 390 с.
8. Ломакина О.В. Фразеология народных драм Л.Н. Толстого: состав и особенности употребления: Дис. . . . канд. филол. наук. 10.02.01. / О.В. Ломакина. Белгород, 2006. 177 с.
9. Комкова Н.И. Лексико-фразеологическое пространство художественной прозы Б.В. Шергина: дис. . . . канд. филол. наук. М., 2021.
10. Комкова Н.И. Лексические способы выражения концепта душа в прозе Б.В. Шергина // Когнитивные исследования языка. Вып. №1 (62): материалы Международной научной конференции по когнитивной лингвистике. 5–7 июня 2025 г. Ч. 2. – С. 115–118.
11. Огнева Е.А. Когнитивно-сопоставительное моделирование концептосферы художественного текста (на материале перевода русской прозы на французский и английский языки): Автореф. дис. . . .д-ра филол. наук. / Е.А. Огнева. Белгород, 2010. 42 с.
12. Малафеев А.Ю. Лингвокогнитивный анализ поэтического текста: трудности и перспективы // Вестник ННГУ. 2013. №6–2. - С. 140–144.
13. Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. Изд. 4-е доп. М.: А ТЕМП, 2004. 938 с. – СОШ.
14. Симонов К.М. Собрание сочинений: в 10 томах.М.: Художественная литература, 1979–1987. Т. 1. Стихотворения. Поэмы. Вольные переводы / вступ. статья Л. Лазарева; коммент. А. Александровой.М.: Художественная литература, 1979. 670 с.
15. Карпов Д.Л., Ширина С.А. Феноменологический анализ концепта «Любовь» в тексте поэмы В. В. Маяковского «Облако в штанах» // Ярославский педагогический вестник. 2005. №2. – С. 43–49.

© Хохлов Алексей Александрович (bart.reutov@list.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2026.04–2.45

РУССКИЙ ЯЗЫК И НАЦИОНАЛЬНАЯ ИДЕНТИЧНОСТЬ В ЭПОХУ ЦИФРОВОГО СУВЕРЕНИТЕТА

RUSSIAN LANGUAGE AND NATIONAL IDENTITY IN THE AGE OF DIGITAL SOVEREIGNTY

A. Tsaregorodtsev
E. Tsatskina

Summary: The article is devoted to the analysis of digitalization on human cognitive abilities and communication practices. The article considers the problem of weakening the position of the Russian language in the global information space and its transformation under the influence of Internet culture. The paper describes current state policy measures to protect and promote the Russian language, including international initiatives and legislative changes. Comprehensive recommendations are offered on strengthening national identity through the development of educational and cultural content in the digital environment.

Keywords: digitalization, Russian language, national security, clip thinking, national identity, information security culture.

Царегородцев Анатолий Валерьевич
Доктор технических наук, профессор, ФГАОУ ВО Российский университет дружбы народов, (г. Москва)
tsaregorodtsev-av@rudn.ru
Цацкина Елена Петровна
Кандидат педагогических наук, доцент, ФГАОУ ВО Российский университет дружбы народов, (г. Москва)
tsatskina-ep@rudn.ru

Аннотация: Статья посвящена анализу влияния цифровизации на когнитивные способности человека и коммуникативные практики. Рассматривается проблема ослабления позиций русского языка в глобальном информационном пространстве и его трансформация под воздействием интернет-культуры. В работе описываются текущие меры государственной политики по защите и популяризации русского языка, включая международные инициативы и законодательные изменения. Предлагаются комплексные рекомендации по укреплению национальной идентичности через развитие образовательного и культурного контента в цифровой среде.

Ключевые слова: цифровизация, русский язык, национальная безопасность, клиповое мышление, национальная идентичность, культура информационной безопасности.

Введение

Анализируя концепцию глобализации, сегодня становится понятным, что именно с этого момента начались нарастающие межгосударственные противоречия, установление контроля за информационными потоками отдельными странами-лидерами, разрушение национальных ценностей и традиций, вплоть до потери суверенитета страны и территориальной целостности. Мы видим, что массовое внедрение информационных (цифровых) технологий характеризуется с одной стороны возможностями оптимизации процессов всех сфер жизнедеятельности человека, а с другой стороны порождают новые вызовы для индивидуальных, общественных и государственных интересов. Таким образом, возникает противоречие между позитивным эффектом массового внедрения информационных технологий и новыми рисками для безопасности личности, общества и государства – при том, что согласно Стратегии национальной безопасности [6] национальные интересы включают потребности в безопасности и устойчивом развитии.

Еще одним противоречием современной эпохи является дисбаланс между константными параметрами человеческого существования (биологические и когнитивные способности индивида, фиксированная продолжительность временных циклов) и экспоненциальным ростом объёма информации. Термин VUCA содержит аббревиатуру от английских слов *Volatility-Uncertainty-Complexity-Ambiguity (нестабильность-неопределённость-сложность-неоднозначность)*, изначально разработанный военными для описания условий боевых действий в конце XX века, сегодня широко применяется для характеристики трансформации российского общества. Он отражает такие черты современной социальной реальности, как быстрые и непредсказуемые изменения, многофакторность процессов, размытость причинно-следственных связей и недостаток чётких ориентиров для долгосрочного планирования. За последние два тысячелетия антропологические характеристики человека (физические и интеллектуальные способности) претерпели минимальные изменения, равно как и базовые временные константы (24 часа в сутках, 365 дней в году). В то же время объём производимой человечеством информации демонстрирует стремительный рост, достигая масштабов в петабайты. Данный дисбаланс порождает проблему обработки и фильтрации информационного потока, значительную часть которого составляет низкокачественный контент. В качестве реакции на эту проблему возникли технологические концепции Big Data (Большие данные), Интернет вещей (IoT), Промышленный интернет, Умные города и дома, Сети 5G, Искусственный интеллект (ИИ).

Влияние цифровых технологий на когнитивные способности

Исследования специалистов в области медицины,

психологии и социологии выявляют ряд негативных последствий цифровизации для когнитивных способностей человека. Одним из наиболее значимых феноменов является так называемое «клиповое мышление», характеризующееся:

— неспособностью к длительному умственному напряжению;
— трудностями с глубоким сосредоточением;
— поверхностным восприятием информации.

Особенно тревожной представляется тенденция распространения данного типа мышления среди школьников и молодёжи.

Цифровизация также трансформирует коммуникативные практики [7]. На основании проведённого анализа к числу наиболее значимых и наблюдаемых аспектов отнесём:

1. Виртуальное общение становится предпочтительнее реального (особенно среди подростков).
2. Формируется новая культура взаимодействия, включающая:

— специфические средства коммуникации (эмотиконы, эмодзи, смайлики-пиктограммы, передающие эмоции и модифицирующие смысл сообщений);
— интернет-сленг, в том числе «олбанский язык» (стиль употребления русского языка с намеренно неправильным написанием слов в Рунете, получивший широкое распространение в онлайн-общении с начала 2000).

3. Трансформация традиционных жанров и появление новых гибридных форматов на стыке текста, визуала и алгоритмов, так называемый феномен «нечтения». Можно выделить и еще одно противоречие современной коммуникации на основе анализа нейрофизиологических, психологических, технологических и социокультурных факторов. С одной стороны, человек закономерно и рационально адаптируется к информационной перегрузке, а с другой порождает риски снижения способности к критическому мышлению и глубокой аналитической работе.
4. Наблюдается активное заимствование англоязычных лексем, таких как:

— *кринж* (от англ. *cringe* – неловкость, стыд);
— *коллаб* (от англ. *collaboration* – коллективное творчество);
— *апрувить* (от англ. *to approve* – утверждать);
— *агриться* (от англ. *to be angry* – злиться);
— *войсить* (от англ. *voice* – присылать голосовые сообщения).

Это приводит к обеднению словарного запаса и снижению орфографической грамотности, особенно среди молодёжи, которая является будущим страны. Выше авторы уже упоминали об использовании термина VUCA-мир в экономике, бизнесе и других сферах. Доминирование английского языка в цифровом обществе обусловлено тем, что на нём базируется мировая IT-индустрия. Интерфейсы программного обеспечения, системные сообщения, стандарты и протоколы, большинство языков программирования, технической документации, научных публикаций и образовательных ресурсов создаются и распространяются на английском. Однако, постепенно он выходит за пределы виртуального пространства и активно замещает русский язык в самых разных сферах жизни, проникает в повседневное общение, образование, культуру и даже бытовую речь. Русский язык утрачивает свои позиции, под угрозой размывания оказывается национальная идентичность.

Русский язык как элемент национальной идентичности и безопасности

Язык выступает не только средством коммуникации, но и инструментом информационного противоборства, фундаментальной основой культурного кода, исторической памятью и самосознанием народа исторически проживающего на одной территории. Он формирует единое информационное и духовное пространство, способствует сохранению традиций, ценностей и исторической преемственности. Через язык передаются уникальные смыслы, менталитет и особенности национального характера.

После Второй мировой войны русский язык занимал третье место в мире (после китайского и английского), а в настоящее время, как показали исследования, он переместился на седьмое место. После распада СССР за счёт сокращения присутствия русского языка в странах СНГ и Восточной Европы русскоязычные сайты в сети Интернет по количеству входят в пограничное место первой десятки. Анализ динамики распространения русского языка демонстрирует его ослабление на глобальном уровне. Значит, возможности нашего информационного влияния в мире так же резко снизились, а английского – увеличились! Идет скрытая информационная борьба!

Доминирование англоязычных цифровых платформ и псевдокультурное влияние глобального информационного пространства создают риски для целостности российского культурного и языкового пространства. Проблема сохранения национальной идентичности русского языка и защиты от внешних угроз в XXI веке как никогда проявляет себя в активной фазе информационного противоборства, в котором главным инструментом воздействия является информация. Информационный контент стал и инструментом управления, и мощным оружием, способным оказывать глубокое влияние на сознание людей от социальных групп до целых наций [5]. Эффективность непрямых действий «...покорить чужую армию, не сражаясь...», «...разбить замыслы противника...», «...разбить его союзы...», была описана еще в трудах

китайского военного мыслителя Сунь Цзы. Основным идеологом технологии длительного и системного воздействия на сознание людей, на образ их мышления часто называют Франсуа дю Клюзеля, французского офицера, который в 2013 году участвовал в создании Центра инноваций НАТО (1Ниб) на Норфолской базе, штат Вирджиния [1]. Развитие технологий, цифровых коммуникаций, социальных сетей привело к росту масштабов и скорости распространения информации. Воздействие оказывается на миллионы людей за считанные минуты, формируя общественное мнение. Происходит подмена понятий, переписывается история, становится сложнее понять, что является правдой. Учитывая генезис использования информации как оружия массового поражения населения противника, становится очевидным необходимость противостояния с целью защиты собственного населения страны, территориальной целостности и суверенитета. Суверенитет невозможен без сохранения и развития русского языка как носителя исторической памяти, духовно-нравственных ценностей и основы гражданской идентичности. В числе ключевых угроз рассматриваются деструктивное информационное воздействие, искажение традиционных ценностей и вытеснение русского языка из цифровой среды.

Невольно вспоминаются слова В. Маяковского, который писал «Я хочу, чтоб к штыку приравняли перо…». В наши дни эта функция языка, как оружия, резко актуализируется. Язык выступает инструментом воздействия на групповое, индивидуальное и массовое сознание: в условиях контроля информационного пространства англосаксонскими странами он может использоваться для воспитания, дезинформации, формирования патриотизма или иных, противоположных установок. Вспомним, что в уставе римского трибунала лишение человека культурной идентичности, в том числе родного языка, приравнивалось к элементам геноцида.

Продвижение США и странами Европы в новых глобальных и наднациональных медиа так называемой «культуры отмены» под маской «независимого мнения» с начала 20-х годов этого столетия стали вызовом и необходимостью изменения курса российской политики. Повышенный интерес к данному «модному» феномену проявляет молодежь – будущее страны [8]. Маскируя под «культуру» сущность и деструктивный потенциал обозначаемого феномена, его использование как инструмента разрушения публичных репутаций отдельных политических деятелей, коллективной памяти достижения российского народа, его исторические подвиги, вклад писателей в мировую культуру. Это не имеет никакого отношения к демократии, высокой культуре. Запад не случайно цинично и прямолинейно пытается «отменить» русский язык. Уничтожая культуру и язык, можно уничтожить интерес к самому государству, показать его мировой общественности в образе агрессора, варвара, «пещерного государства». Понимая это, англосаксонские страны спланировано продвигали на протяжении последних 30 лет свой язык, культуру, наполняя интернет-ресурсы ее ярким контекстом, пропагандируя и продвигая идеи разрушающие общечеловеческие и семейные ценности.

Народами, вошедшими в состав нашей страны, столетиями формировались национальные, культурные и духовные скрепы. Русский язык – цементирующая нацию скрепа и важная составляющая национальной безопасности, а потому становится целью ударов, подтачивающих суверенитет России. Наша культура и ценности – основа национальной идентичности и чувства общности; их принижение и искажение, в т.ч. через «культуру отмены», наносит удар по самосознанию русского народа.

В условиях же постоянных информационных нападок на нашу страну, которые и ведутся сегодня, массовая дезинформация о русской культуре и ценностях распространяются с особой силой [3]. Главной их целью является создание искаженного образа русского народа, как общества людей, отстающих от мирового прогресса, культура и ценности которых являются пережитками прошлого. И параллельно с разрушением этих базовых установок русского народа, «партнеры» коллективного Запада мягко и незаметно насаживают элементы своей культуры и свои ценности, как нечто превосходящее и более привлекательное. Та самая «мягкая сила». И уже это крайне деструктивно влияет на общественное мнение, особенно на подрастающее поколение, подрывая чувство гордости за свою страну и культуру, расшатывая наше общество и вселяя в головы молодых людей некорректное представление о мире.

Исторический анализ выраженного противоборства со стороны европейских держав

Заимствование англицизмов – заметная и значимая для сохранения русского языка проблема, однако, не менее важен и вопрос формирования позитивного образа России в глобальном информационном пространстве. Рассмотрим эволюцию образа России как «догоняющей цивилизации» – от XVIII века до современности, и историческое влияние на развитие русского языка и национальную идентичность.

Идея «догоняющего развития» исторически порождала активное заимствование западных слов и понятий. При Петре I через германизмы и польский язык стали использоваться явления, связанные с бюрократией и государственным принуждением (*полиция, экзекуция, штраф, формуляр*). Характерна для петровской эпохи практика двойственного словоупотребления иностранных терминов, которая сопровождалась русским переводом прямо в официальных документах –«визитацию (или осмотрение) учинить», «банизированы (или проклятыы)». Это свидетельствует о том, что значительная часть общества не понимала новых заимствованных слов, вос-

принимая их как чуждые и часто негативные по смыслу.

Ключевой поворот в языковой политике и самосознании связан с войной 1812 года. Столкновение с агрессией Наполеона, грабежами и уничтожением культурных ценностей вызвало мощный рост национального самосознания. В этот период адмирал А.С. Шишков активно вводит церковнославянские слова в военные манифесты Александра I. Происходит возрождение русского языка одновременно в публичное пространство возвращаются народный говор и слог церковных книг. Меняется отношение к воспитанию элиты – тотальная галломания XVIII века уходит в прошлое.

В произведениях русских писателей Пушкина, Тургенева и Достоевского сохранялась самобытность литературного русского языка. В них нет слепого перевода и копирования западных языковых моделей и синтаксических конструкций. В них содержатся переводы иностранных слов, а не перенос готовых фраз в русскую речь. Позднее критики назовут это консерватизмом литературного наречия, в котором объединялись века и поколения, создалась основа для единой многовековой национальной литературы.

В заключение этого блока рассуждений хочется отметить, что русский язык неоднократно подвергался внешним влияниям, но не только не ослаб, а окреп и обогатился. Однако, цифровизация создаёт принципиально новые вызовы современной эпохи. Во-первых, подавляющее доминирование английского языка как технологического и профессионального средства общения. Во-вторых, новые формы культурного влияния, действующие через Интернет и медиа.

Великий русский язык и русская культура не раз испытывали разные нашествия и влияния. И ничего с языком не случилось, только окреп и обогатился. Но тогда не было цифровизации, не было Интернета, не было подавляющего преимущества английского языка на планете как главного технологического языка общения специалистов.

Выводы и предложения по усилению защиты русского языка и национальной идентичности

Российская Федерация уже сегодня активно борется с этими нападками. И успехи нашего государства будут служить повышению интереса к России и ее культуре.

Популяризация русского языка и культуры в мире ведётся через сеть образовательных центров под эгидой Министерства просвещения РФ и Фонда «Русский мир». На 2024 год такие площадки действуют более чем в 60 странах. В ближайшие годы запланировано расширение этой сети. Безусловно, это очень важная работа и она успешно ведется, но она направлена прежде всего вовне. А что же делать с защитой русского языка и русской культуры в самой России?

Очевидно, что начавшееся с периода распада СССР постепенное, но стремительное проникновение в русский язык и культуру элементов иностранной культуры, английского языка, в конечном итоге сильно размывают нашу национальную идентичность. Поэтому борьба с таким уничтожением русского языка внутри страны должна быть усилена.

Позитивной инициативой в этом направлении является ряд новых законопроектов и законов по защите русского языка. Например, предназначаемая и размещаемая в общедоступных местах для публичного ознакомления потребителей информация должна быть на государственном языке (вывески, указатели, информационные таблички и пр.). Таким образом, должно стать невозможным использование на вывесках и витринах таких надписей, как, например, *«fresh», «sale», «shop», «open», «welcome»* и т.п.

Русский язык – это часть нашей культуры, важно осознавать, что эволюция русского языка, включая заимствование иностранных слов, исторически являлась его неотъемлемой чертой. Никого не смущает использование в русской речи слов, вошедших из французского, немецкого, например, *бульвар, бижутерия, пальто, метро* и др.

По данным ВЦИОМ [2], 86% россиян используют интернет ежедневно, из которых порядка 95% – это подрастающее поколение и молодежь. При этом это самое поколение, опять же по данным ВЦИОМ, проводит там более 8 часов в день! Это целый рабочий день! А что они там делают? По данным исследований, 25% времени проводят в социальных сетях, 22% от этого времени они тратят на просмотр видео- и анимационного контента, 20% времени в мессенджерах, 10% времени тратят на игры, и 3% времени на поиск информации. Таким образом, получается, что большую часть времени, проводимого в интернете, молодое поколение тратит именно на, как это принято сейчас говорить, потребление контента.

Поэтому неудивительно, что именно эта информационная сфера стала наиболее привлекательным полем для борьбы, что в свою очередь делает её одной из главных угроз национальной безопасности России.

Нельзя умилять работу Правительства Российской Федерации, Минцифры, Роскомнадзора, множества общественных и некоммерческих организаций. Все эти органы эффективно выполняют поставленные задачи, но как быть с тем самым незаметным насаживанием элементов инородной культуры и ценностей, которое сегодня осуществляется через потребляемый молодым поколением мультимедийный контент, в том числе в со-

циальных сетях, мессенджерах и других платформах?

Как это скажется на тех, чье мировоззрение и система ценностей сейчас только формируются? Не обернутся ли они проблемами, куда более опасными – издержками духовно-нравственного обустройства внутреннего мира будущих граждан России и страны в целом? Этот вопрос главным образом и должен сегодня беспокоить родителей, преподавателей всех уровней, политических и культурных лидеров государства, каждого человека, причастного к становлению подрастающего поколения.

Ведь уже сегодня по данным опросов треть россиян (36%) ежедневно используют в повседневной жизни профессиональный сленг, причем эта доля значительно выросла с 2008 г. (рост в 23%). Четверть россиян (24%) каждый день употребляет в своей речи интернет-сленг и язык социальных сетей, хотя в 2008 г. об этом говорили лишь 4% респондентов. Стоит отметить и двукратный рост употребления в речи иностранных слов: с 10% до 19%.

А это и есть результат той самой мягкой силы интеграции нам западной культуры через видео- и анимационные ролики, сообщения в социальных сетях, зарубежные фильмы, видеоигры и так далее!

И здесь очевидно, что никакие запреты, блокировки и иные ограничительные меры ни к чему хорошему не приведут. Поэтому к числу ключевых задач по защите национального суверенитета, нашей культуры, ценностей, сохранения нашим народом и каждым человеком своей национальной идентичности, должно стать формирование у россиян, и в самую первую очередь, молодежи, корректного и полноценного восприятия нашей культуры, русского языка и системы ценностей.

И что крайне важно, и почему-то не все сегодня это понимают, вести эту работу необходимо там, где «обитает» это поколение – в сети Интернет. Для реализации этих направлений, как нам кажется, просто необходимо *усилить поддержку и развитие нашей, отечественной, сферы производства медиа-контента*. Следует проработать и механизмы привлечения и стимулирования российских авторов такого контента. У нас есть свои технологические платформы, являющиеся аналогами западных платформ, но по функционалу пока не могут их полноценно вытеснить. Поэтому сейчас важно использовать обе площадки для продвижения контента, поскольку молодёжь присутствует и там, и там. При внедрении новой информационной системы в организации нужен переходный период – постепенное развитие отечественных платформ с сохранением доступа к западным сделает его естественным. Хотя результат проявится не сразу, именно сегодняшние шаги станут решающим фактором в сохранении целостности страны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белоус А.И. Технологии, методы и инструменты войн XXI века / А. И. Белоус. – Москва: Техносфера, 2023. – 528 с.
2. ВЦИОМ. Новости. Социальные сети и мессенджеры: вовлеченность и предпочтения https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/socialnye-seti-i-messendzhery-vovlechennost-i-predpochtenija (дата обращения 12.04.2026)
3. Иохим А.Н. Цифровой суверенитет как фактор укрепления российской национальной идентичности / А.Н. Иохим // Политическая наука в меняющемся мире: новые практики и теоретический поиск: материалы Всероссийской конференции РАПН с международным участием, Москва, 01–02 декабря 2023 года. – Москва: Российский университет дружбы народов (РУДН), 2023. – С. 233–234 https://www.elibrary.ru/item.asp?id=62958658 (дата обращения 10.04.2026).
4. Распоряжение Правительства РФ от 22 декабря 2022 г. № 4088-р «О Концепции формирования и развития культуры информационной безопасности граждан РФ» https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/405905591/ (дата обращения 10.04.2026).
5. Родина И.В. Формирование внутренней и внешней политики государства в современных условиях / И.В. Родина, А.В. Захидова, М.А. Сидорова // Государственное и муниципальное управление в условиях современных вызовов: Материалы международной научно-практической конференции, посвященной Дню российской науки. В 3-х частях, Луганск, 12 февраля 2025 года. – Луганск: ИП Орехов Д.А., 2025. – С. 57–65. https://www.elibrary.ru/item.asp?id=83249709 (дата обращения 12.04.2026).
6. Указ Президента РФ от 08.05.2024 N 314 «Об утверждении Основ государственной политики Российской Федерации в области исторического просвещения». https://login.consultant.ru/link/?req=doc&base=LAW&n=476013&dst=100022&date (дата обращения 12.04.2026).
7. Шаповалова Г.М. Руководящие принципы хартии «О сохранении цифрового наследия» ЮНЕСКО как основа обеспечения культурного суверенитета России в условиях цифровой трансформации / Г.М. Шаповалова // Информационное общество. – 2025. – № 5. – С. 33–39. https://www.elibrary.ru/item.asp?id=83193619 (дата обращения 30.03.2026).
8. Былевский П.Г. Феноменологический анализ явления «культура отмены» / П.Г. Былевский, Е.П. Цацкина // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2022. – № 2(857). – С. 162–169. https://www.elibrary.ru/item.asp?id=48689222 (дата обращения 30.03.2026).

© Царегородцев Анатолий Валерьевич (tsaregorodtsev-av@rudn.ru), Цацкина Елена Петровна (tsatskina-ep@rudn.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2026.04–2.47

ЦЕЛОСТНОСТЬ ЯЗЫКА (НА ПРИМЕРЕ АНТОНИМИИ)

THE INTEGRITY OF LANGUAGE (BASED ON ANTONYMY)

L. Shakiryanov

Summary: Antonymy, as an absolute linguistic and speech universal, arises to organize semantically opposite or contrasting words (contrast is generally considered to unite these two concepts). Its existing definitions and classifications largely reflect the tendency towards a level-by-level analysis of the phenomenon, which would fully clarify the hierarchical structure of the language (its integrity). The purpose of the study is to identify the features of the hierarchical structure of the language (the integrity of the language) by examining all levels and related areas in more detail. The research method is level analysis, which is a method of studying and describing a language that assumes that the language system consists of a series of subsystems (levels), and that each level has its own set of features, types, and rules of functioning. The study identified the morphemic (morphemes), lexical (parts of speech, words, metaphors) and syntactic (syntactic constructions) language levels. In addition, the concept of nomination is used in the analysis. One of the significant aspects of this research is the concept that, when forming levels of analysis, the division of language elements into derivational and inflectional (formative) elements plays a special role. As a result, word formation is considered outside the scope of morphology, which is the science of form formation. In addition, the fundamental principle of the hierarchical structure of a language is since unit's function in a language not only as indivisible elements in relation to their own kind, but also as components of higher units and as collections of lower units.

Keywords: language levels, antonyms, morphemes, parts of speech, words, metaphors, syntactic structures, nominations.

Шакирьянов Лев Морисович
кандидат филологических наук, ФГБОУ ВО Башкирский государственный университет, (г. Уфа)
levshakiryanov@gmail.com

Аннотация: Антонимия как абсолютная языковая и речевая универсалия возникает с целью упорядочения семантически противоположных или противопоставленных слов (контраст, как принято считать, объединяет эти два понятия). Ее имеющиеся определения и классификации в значительной степени отражают тенденцию к уровневому анализу явления, который в полной мере прояснил бы иерархичность устройства языка (его целостность). Цель исследования состоит в том, чтобы выявить особенности иерархического устройства языка (целостность языка) при более детальном рассмотрении всех уровней, а также смежных областей. Метод исследования – уровневый анализ; это метод исследования и описания языка, при котором считается, что система языка состоит из ряда подсистем (уровней); при этом, особенности каждого уровня определяются набором, типами и правилами функционирования языковых единиц. В ходе исследования выявлены уровни морфемный (морфемы), лексический (части речи, слова, метафоры), синтаксический (синтаксические конструкции). Кроме того, для анализа привлечено понятие номинации. Одним из существенных положений данного исследования является концепция, согласно которой при формировании уровней анализа, особую роль играет деление элементов языка на словообразовательные и словоизменительные (формообразующие), в результате чего словообразование рассматривается за рамками морфологии, которая, в свою очередь, представляет собой науку о формообразовании. Кроме того, в основу положен фундаментальный принцип иерархического устройства языка, при котором единицы функционируют в языке не только как неделимые элементы в отношении к себе подобным, но и как составные части высших единиц и как совокупности низших единиц.

Ключевые слова: уровни языка, антонимы, морфемы, части речи, слова, метафоры, синтаксические конструкции, номинации.

Введение

Антонимы возникают в языкознании с целью упорядочения семантически противоположных или противопоставленных слов (контраст, как принято считать, объединяет эти два понятия), в итоге зарекомендовав себя всеобъемлющим языковым и речевым явлением. Данное явление охватывает все слои лингвистики, а именно словообразование, частеречные особенности слов, синтаксический потенциал языковых единиц, их лексико-семантические характеристики [29, с. 554].

Сущность антонимов фиксируется в лингвистике раньше, в связи с упоминанием оппозиций [32], так как большую часть случаев противопоставления составляют бинарные противоположности. Непосредственно уровневому анализу антонимии предшествуют многочисленные попытки дать определение данному явлению: из наиболее значимых определений можно привести следующие:

- антонимы – это «слова противоположного значения» [13];
- антонимы – это «слова разного звучания, которые выражают противоположные, но соотносительные друг с другом понятия» [30];
- антонимы – это «слова, противоположные по сигнификативному значению» [27];
- антонимы – это «слова противоположного значения» [22];
- антонимы – это «слова, противопоставленные по самому общему и существенному для их значения семантическому признаку, причём эти слова должны находиться на крайних точках соответствующей лексико-семантической парадигмы» [31];
- антонимы – это «лингвистически сопряжённые пары слов» [26].

Не менее важная роль отводится попыткам класси-

фицировать антонимы. Антонимия сама не всегда рассматривалась как противоположность между только двумя языковыми элементами, а типы антонимов иногда насчитывали до восьми разновидностей. Данные классификации значительно облегчают уровневый анализ антонимии, однако некоторые особенности иерархического устройства языка проясняются лишь при более детальном рассмотрении всех уровней, а также смежных областей. Следует отметить, что существующие классификации антонимов, как в отечественном, так и в зарубежном языкознании строятся на основании следующих шести критериев: 1) частеречная принадлежность элементов антонимической пары; 2) морфемная структура противопоставленных элементов; 3) тип антонимической номинации; 4) лексическая сочетаемость антонимов; 5) контекстуальный критерий, или степень антонимичности элементов пары; 6) семантический критерий [3; 24; 26].

В данный момент проблема антонимии остаётся не менее актуальной – она освещается в следующих группах исследований: сопоставительные исследования антонимии (Р.А. Майтиева, К.А. Покоякова); исследования антонимии в редких языках (Т.Г. Бочина, С.Н. Саввинова, Р.Х. Дзуганова, Б.А. Берберов, М.З. Валиева, Л.А. Абукаева, А.А. Митрускова, А.В. Чемышев) – кабардино-черкесский (Р.Х. Дзуганова); карачаево-балкарский (Б.А. Берберов), марийский (Л.А. Абукаева, А.А. Митрускова, А.В. Чемышев), татарский (М.З. Валиева), тувинский (Г.В. Бочина), эвенский (С.Н. Саввинова); анализ извечных вопросов, касающихся типологии антонимов (в том числе, составления словарей (С.А. Ермаков, Н.Л. Лаврова, Т.В. Викторина). В исследованиях Р.А. Майтиевой проводится сопоставительный анализ антонимичных устойчивых словосочетаний русского и английского языков. В них отмечается, что фразеологическая антонимия исследуемых языков относится к явлениям не столь распространенным, а наибольшее число фразеологизмов-антонимов встречается среди вербальных фразеологизмов [17, с. 34]. Труды К.А. Покояковой посвящены анализу противоположностей в русском и хакасском языках. В этих исследованиях выявляется доминирование ассоциаций антропоцентрической направленности в восприятии характеристик хороший/ плохой (чахсы/ хомай), их связи с образом человека в первую очередь, а также более разнообразным набором в русском языковом сознании реакций, конкретизирующих номинации семейных и межличностных отношений, различных видов деятельности и т.д. [21, с. 63].

Б.А. Берберов исследует типологию антонимов, характерную для карачаево-балкарской загадки. Как отмечает ученый, одним из важных результатов исследования является установление закона соотнесенности между загадкой и антонимией. Кроме того, одним из его выводов является то, что эвристический путь к истине пролегает между противоположностями [5, с. 126]. В исследованиях Р.Х. Дзугановой анализируются лексико-грамматические и морфонологические особенности антонимических пар и их функционирование в кабардино-черкесском языке. По мнению автора, полученные результаты свидетельствую о высокой валентности антонимов в глаголе с противоположной направленностью действий, что способствует развитию всей лексической системы исследуемого языка [9, с. 1439].

Л.А. Абукаева, А.А. Митрускова и А.В. Чемышев выявляют функции антонимов в текстах марийских молитв. Они используют описательно-аналитические, контекстологические и семантико-стилистические методы в своих исследованиях, в рамках которых выявляется, что в марийских молитвенных текстах антонимы выполняют функцию резкого противопоставления. Так, как отмечают авторы, простая (одночленная), многочленная и развернутая антитеза, а также узуальная и окказиональная антитеза экспрессивно выделяют слова, словосочетания, находящиеся в антонимических отношениях [1, с. 66].

В исследованиях М.З. Валиевой рассматривается функционирование языковых антонимов со значением «здоровье» – «болезнь» (сәламәтлек – чир) в татарском языке. В них учёная приходит к выводу о том, что лексические единицы со значением «здоровье» - «болезнь» (сәламәтлек – чир) образовались не только из тюрко-татарских слов, но и с помощью арабских и персидских заимствований, многие из которых на сегодняшний день не используются в татарском литературном языке [7, с. 17]. В работах Т.Г. Бочиной рассматриваются различные реализации в тувинских пословицах и поговорках принципа контраста, универсального способа познания окружающего мира и дихотомического структурирования знания. Учёная демонстрирует «роль параллелизма в ритмико-композиционном построении тувинских паремий, выявляются разные виды параллелизмов, основанных на сходстве и контрасте» [6, с. 37]. Работы С.Н. Саввиновой посвящены исследованию антонимии в эвенском языке. В них предложена семантическая и структурная классификация антонимов эвенского языка в зависимости от выражаемого ими типа противоположности и строения в целях определения границ и лексикографического описания этого явления [23, с. 236].

С.А. Ермаков исследует принципы лексикографической фиксации парадигматических оппозиций лексических единиц, входящих в лексико-семантическую группу «Наименований лиц по уровню профессионального мастерства» в английском языка [10, с. 161]. В работах Н.А. Лавровой проводится комплексный анализ понятия «антонимия», а также рассматривается типологическая классификация антонимов [15, с. 62]. В трудах Т.В. Викториной исследуются типы антонимов, используемые в прозе, их функции, а также примеры межчастеречной антонимии [8, с. 103].

Как отмечают ученые, явление антонимии связано с одной из фундаментальных сторон бытия – с диалектическим единством противоположных начал в самой сущности предметов, явлений, признаков духовного и материального мира, а семантическую основу антонимии образует различного рода логическая противоположность внутри одной сущности (качества, свойства, действия, процесса, отношения и т. п. [20].

Само иерархическое устройство языка служит его связыванию в единое гармоническое целое, а уровневый анализ – это метод исследования и описания языка, при котором считается, что система языка состоит из ряда подсистем (уровней); при этом, особенности каждого уровня определяются набором, типами и правилами функционирования языковых единиц. Отметим, что гармоническая целостность системы языка, при всей ее сложности и противоречивости, отражается и в целостности языковых знаков. Так, как ни рассматривать слово, по заключению Н.В. Крушевского, «и с внешней, и с внутренней стороны оно составляет одно целое» [14; 11].

Материалы и методы

Цель исследования состоит в том, чтобы выявить особенности иерархического устройства языка (целостность языка) при более детальном рассмотрении всех уровней, а также смежных областей. Как уже было сказано, имеющиеся классификации значительно облегчают уровневый анализ антонимии, однако их общая структура является не вполне понятной до конца.

Объект исследования – языковые уровни, в рамках которых реализуется антонимия как абсолютная языковая универсалия.

Предмет исследования – языковые способы актуализации случаев противоположности и противопоставления между англоязычными экономическими терминами.

Метод исследования – уровневый анализ; это метод исследования и описания языка, при котором считается, что система языка состоит из ряда подсистем (уровней); при этом, особенности каждого уровня определяются набором, типами и правилами функционирования языковых единиц.

Материалом исследования служат экономические термины из Англо-русского экономического словаря под ред. проф., д-ра экон. наук А.В. Аникина (1977) [2], а также различные экономические реалии из Лингвострановедческого словаря США учёного-энциклопедиста, д-ра филол. наук Г.Д. Томахина (2001) [28].

Результаты исследования

При формировании уровней анализа, особую роль играет деление элементов языка на словообразовательные и словоизменительные (формообразующие), в результате чего словообразование рассматривается за рамками морфологии, которая, в свою очередь, представляет собой науку о формообразовании. В этой связи словообразование можно рассматривать как самостоятельную лингвистическую дисциплину [12]. Таким образом, можно разграничить морфемы, которые позволяют сопоставить слова на уровне аффиксов, а также те, по которым можно выделить различные части речи.

Иерархически упорядоченные единицы функционируют в языке не только как неделимые элементы в отношении к себе подобным, но и как составные части высших единиц и как совокупности низших единиц. В этой связи слово – это и неделимое целое, и целое, состоящее из морфем, т.е. комплекс морфем [14; 11].

С позиции теории значения концепт – любая дискретная содержательная единица (образ) сознания. Необходимость обращения к концептам заключается в том, что с помощью них можно представить слова не только как составные части высших единиц и совокупность низших единиц, но и как неделимое целое.

Концепты могут быть отражением реальных сущностей, а могут в той или иной мере твориться самим сознанием, то есть могут быть конструктами самого сознания. Десигнат – это концепт (представление или понятие), связанный знаком (например, словом, морфемой, словосочетанием и т.п.). Иначе говоря, десигнаты – это значения разнообразных знаков, те концепты, которые с ними связываются и ими выражаются. Сам знак, каким бы он ни был, состоит, таким образом, из двух частей: помимо десигната (значения) – выражаемой, означаемой части, он содержит еще часть выражающую. Последнюю называют десигнатором. Как отмечают учёные, сущность любого знака, в том числе и словесного, заключается именно в соединении какого-то десигната с определённым десигнатором. В наименовании участвует еще одна величина – денотат. Денотатом считается (целесообразно считать) «доязыковое», невербализованное, ещё не соотнесённое с определённым языковым знаком представление о предмете действительности – мысленный образ тех или иных сторон, признаков, свойств предмета, отражённых сознанием. Для обозначения самого предмета действительности во всей его физической реальности (величине) целесообразно использовать термин «референт» (в лингвистике термины «денотат» и «референт» нередко смешиваются, употребляются недифференцированно) [19]. Таким образом, взяв за основу вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что концепты представляют собой семантический уровень реализации языкового содержания.

Термин «уровень» трактуется обычно как аспект рас-

смотрения реального объекта (в нашем случае – языка) и, таким образом, особое значение приобретают термины и понятия «уровень наблюдения», «уровень конструктов», «уровень языка», «уровень речи», «уровень грамматической (семантической) структуры», «уровень актуального членения», «уровни анализатора и синтезатора», «формообразующий уровень», «словообразовательный», «реляционный», «просодический», «суперсемантический» и «понятийный» уровни. Этот перечень можно было бы увеличить, а при подобной интерпретации термина «уровень» вполне оправдано постулирование «стилистического уровня» [25]. Это даёт возможность выявить доминантные модели для экономической метафоры.

Гармоническая целостность системы языка – при всей ее сложности и противоречивости – отражается и в целостности языковых знаков. Это выражается в выделении других уровней языка. Так, синтаксический потенциал антонимии способствует её реализации в рамках одного словосочетания. Также противоположные единицы актуализируются в словах с дефисным написанием и в одном слове словосочетания.

Уровень языка (англ. level, фр. niveau) – один из основных аспектов («яру-сов») языка – фонетика, морфология, синтаксис, лингвостилистика – мыслимых как ступень в иерархии подсистем языка [4]. Взяв за основу всё вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что систему языка целесообразно рассматривать в следующем виде: морфемный уровень (морфемы) – лексический уровень (слова-части речи, слова-концепты, слова-метафоры) – синтаксический уровень (синтаксические конструкции).

Морфемы (морфемный уровень)

Морфемы могут быть двух видов – те, которые не имеют своего эквивалента, и те, которые реализуются попарно; разновидности представлены в табл. 1.

Таблица 1.

Реализация антонимии морфем (морфемы, которые реализуются самостоятельно и те, которые реализуются попарно).

Морфемы, которые реализуются самостоятельно	Морфемы, которые реализуются попарно
finished goods/ half-finished goods (семантика неполноты)	external audit/ internal audit (семантика присутствия/ отсутствия)
conditional/ unconditional (семантика отрицания)	inborn/ outborn (семантика перемещения внутрь/ наружу)
range/ midrange (семантика средней величины)	downswing/ upswing (семантика положения сверху/ снизу)
Malthusianism/ anti-Malthusianism (семантика противопоставления)	monogamy/ polygamy (семантика количества, разнообразия)
haul/ crosshaul (семантика пересечения)	on-peak service/ off-peak service (семантика актуализации, применения)
inflation/ hyperinflation (семантика превышения нормы)	overloading/ underloding (семантика избытка)
cost curve/ isocost curve (семантика сочетания)	intergenerational/ intragenerational (семантика распространения)
natal/ neonatal (семантика новой информации)	endogenous/ exogenous (семантика нахождения внутри снаружи)
shadow price/ pseudoshadow price (семантика мнимости)	homogeneity/ heterogeneity (семантика однородности/ разнородности)
to date/ to antedate (семантика предшествования)	macrodemography/ microdemography (семантика величины)
literate/ illiterate, active/ inactive, economy/ diseconomy (отрицание)	
habitation/ cohabitation (совместное действие)	
to concentrate/ to deconcentrate (семантика обратного процесса)	
budgetary funds/ extra-budgetary funds (семантика избыточности)	
plant development/ multiplant development (множественность)	
recession/ minirecession (семантика снижения размера)	
priority mail/ nonpriority mail (семантика контрадикторности)	
marriage certificate/ premarriage certificate (предшествование)	
unemployment/ quasi-unemployment (семантика видимости)	
survey/ re-survey (семантика повтора)	
self-service/ semiself-service (семантика частичности)	
office/ suboffice (семантика подчинения)	
normal/ supernormal	

Источник: построено автором в соответствии с разновидностями морфем (теми морфемами, которые реализуются самостоятельно и теми, которые реализуются попарно).

Части речи, слова, метафоры (лексический уровень)

Как уже было сказано, части речи можно выделить в соответствии с базовым делением элементов языка на словообразовательные и словоизменительные (формообразующие); таким образом, уже в представленных словах содержится набор грамматических форм, образующих соответствующую грамматическую парадигму слова.

Способы реализации антонимии частей речи можно рассматривать в рамках одной и двух номинаций. Результаты представлены в табл. 2.

Таблица 2.

Реализация антонимии частей речи.

Часть речи	Исходный термин и термин-антоним (две номинации)	Словосочетание (одна номинация)
Субстантивы	*allocation of charges/ allocation of profits*	*adjustment between demand and supply*
Вербы	*right to work/ right to rest*	*lend-lease agreement*
Адвербы	*entry inwards/ entry outwards*	*to jockey back and forth*
Адъективы	*absolute impoverishment/ relative impoverishment*	*odd and even*
Местоимения	*everybody/ nobody*	*to make a bargain all-or-nothing*
Предлоги	*flow-in/ flow-out*	*first-in-first-out*

Источник: построено автором в соответствии с видом номинации (самостоятельной и парной).

В рамках лексического уровня требуется выделение непосредственно уровня слов, поскольку они являются дополнительным источником значения в языке. Части речи представляют собой большие лексико-грамматические классы слов, так как слова, входящие в одну часть речи, объединяются на том основании, что они имеют один и тот же набор грамматических значений. Так, слово – это и неделимое целое, и целое, состоящее из морфем, т.е. комплекс морфем [14; 11]. Слово, представляя собой утвердившееся в языке общественно признанное, воспроизводимое в речи разными членами соответствующего языкового коллектива единство звучания и значения, содержит отражение реальной действительности. Оно осуществляется через отображаемое в значении этого слова понятие, созданное на основе и при помощи языка и, в той или иной мере, символизирующее какие-то материальные и идеальные моменты в жизни данного общества [16]. Согласно всеобщему мнению, именно слово составляет единицу лексического уровня: «выделение таких классов элементов языковой структуры, как предложение (вернее, его структурная и интонационная модель), слово, морфема (и ее супрасегментные эквиваленты), фонема (и ее супрасегментные аналоги), дифференциальный признак фонемы («меризм»), является сейчас более или менее общепризнанным, хотя, конечно, о каждой из этих единиц существуют разноречивые мнения» [18]. Рассмотрим термины как единое целое, выделив к них элементы, благодаря которым происходит противопоставление. Так, можно выделить следующие термины:

- иерархия фиксируются при помощи атрибутов *assistant*, *chief*, *deputy*, *vice* (*chief engineer* «главный конструктор (одновременно может выполнять функции главного технолога)»/ *deputy chief engineer* «заместитель главного конструктора»);
- изменение количества оформляется благодаря атрибутам *single*, *double*, *first*, *second*, *multiple*, *high*, *low*, *upper*, *above*, *below* (*above the line* «над чертой (доходы и расходы в английском бюджете; текущие операции в платежном балансе)»/ *below the line* «под чертой (операции временного характера в английском бюджете; капитальные операции в платежном балансе)», вербам *to increase*, *to decrease*, *to skyrocket*, *to plunge*, *to move up*, *to move down*;
- время задается посредством предлогов *of*/ *under* (*to be of age* «быть совершеннолетним»/ *to be under age* «быть несовершеннолетним»), атрибутов *young*, *new*, *old* (*construction activity* «строительство»/ *new construction activity* «строительство новых объектов»), *ex ante*/ *ex post* (*ex ante analysis* «анализ, основанный на использовании ожидаемых (предполагаемых) величин»/ *ex post analysis* «анализ, основанных на использовании фактических величин»), *prior*/ *posterior* (*prior distribution* «априорное распределение»/ *posterior distribution* «апостериорное распределение»), *a priori*/ *a posteriori* (*a priori method* «априорный метод»/ *a posteriori method* «апостериорный метод»);
- наличие актуализируется предлогами *cum*/ *ex* (*cum interest* «включая проценты, с процентами, с прибавлением процента»/ *ex interest* «исключая проценты, без процента»);
- истина устанавливается атрибутами *de facto*/ *de jure* (*de facto address* «фактический адрес»/ *de jure address* «юридический адрес»).

Хочется остановиться на двух неотъемлемых характеристиках слова – выделимости и цельности. Известно, что выделимость предполагает различие между словом и его частью, а цельность – различие между словом и словосочетанием. Таким образом, цельность дает основания рассматривать целые слова в словосочетании; здесь можно сделать вывод о том, что без рассмотрения в словосочетании они (слова) теряют свою цельность. Словосочетание (синтаксический уровень) лишь показывает цельность слова, основным же здесь является его значение (лексический уровень). Именно это является важным для разграничения этого уровня, который занимает особое (промежуточное) место между другими уровнями.

В рамках лексического уровня также можно выделить метафоры. Отличие метафоры от слова заключается в том, что метафора помогает перенести смысл одного слова на другое, придавая образу новые черты и создавая более яркое восприятие текста.

Одной из основных метафор американской экономической жизни является метафора «БЫКИ/ МЕДВЕДИ» (рис. 1), которая является доминантной метафорой в этой сфере. Она проясняет образование характерных для американского общества явлений, которые не только передают отношение к называемому объекту или явлению, но и затрагивают сложный процесс комплексного изучения сознания, культуры и языка. Метафорическая сущность терминов «бык» (англ. *bull*) и «медведь» (англ. *bear*) отражены в его дефинициях, которые можно сформулировать, соответственно, как «бык, биржевик, играющий на повышение (скупающий ценные бумаги или товары в надежде на повышение их цен или предпринимающий усилия для их повышения)» и «медведь, биржевик, играющий на понижение».

Таким образом, на бирже быками и медведями называют инвесторов, торгующих на повышение или понижение котировок соответственно. Первые прогнозируют рост цен, поэтому скупают активы, и тем самым способствуют развитию восходящего (бычьего) тренда; вторые – продают финансовые инструменты, если предвидят снижение цен на них (так они стимулируют нисходящую (медвежью) тенденцию). Есть несколько версий, почему при описании трендов используются термины «быки» и «медведи», и, согласно наиболее распространенной из них, поведение трейдеров олицетворяет способ атаки противников названных животных. Так, быки с помощью рогов подкидывают соперников как можно выше, а медведи валят и прижимают ниже к земле лапами. (Рис. 1.)

Рис. 1. Быки и медведи на фондовом рынке – Bears and bulls in the stock market (Источник: "The Wall Street Journal", URL: https://www.wsj.com/)

Метафора «ЯСТРЕБЫ/ ГОЛУБИ» (рис. 2) введена для обозначения общеизвестных символов монетарной политики – тех, кто выступает за низкие процентные ставки по кредитам и не видит проблем в росте инфляции («голуби»); и тех, кто считает, что главное – это сдерживание инфляции, для чего необходимо повышать процентные ставки («ястребы»). Тем не менее, изначально, если рассматривать вопрос более глобально, термины «ястребы и голуби» (англ. *hawks and doves*) характеризуются как «сторонники жёсткого политического курса и сторонники политики мира». Обычно эти термины применяют к Федеральной резервной системе (Центробанку) США. Для «ястребов» сдерживание инфляции – главный приоритет, а основное средство для достижения этого – повышение ключевой ставки, то есть минимального процента, под который коммерческие банки берут краткосрочные кредиты у центрального банка. Дорогие деньги для банков означают дорогие кредиты для бизнеса и населения, что снижает спрос на низкие товары и услуги; это замедляет рост цен. «Голуби» являются сторонниками низких ставок и смягчения монетарной политики. По их мнению, доступные кредиты и умеренная инфляция положительно влияют на экономику страны в целом.

Рис. 2. Ястребы и голуби – Hawks and doves (Источник: "Vietstock (Веьтнам)", URL: https://vietstock.vn/)

Метафора «ВОЛКИ/ ОВЦЫ» (рис. 3) занимает значительное место в американской экономической жизни. Они продолжают способы обозначения участников торгов. «Волками» (англ. *wolves*) называют опытных трейдеров, «матёрых» инвесторов, настоящих гуру фондового рынка. Таких гуру характеризует холодная голова, строгий расчёт, а прекрасное понимание рынка позволяет им закрывать большинство своих сделок с прибылью. В целом, их возможные убытки заранее ограничены. «Овцы, или бараны» (англ. *sheep*) – это трейдеры, которые не обладают ни выдержкой, ни какой-то определённой торговой стратегией. Они не уверены в рынке и не умеют «читать» сигналы, и в итоге бездумно следуют за толпой. (Рис. 3.)

Метафора «ГОЛУБОЙ/ КРАСНЫЙ» также используется для реализации (обозначения) известных (особенностей) экономических реалий, которые активно используются в жизни людей. Известно, что акции, находящиеся в котировальном списке гораздо легче приобрести, чем те, которые в нём не находятся. Обычно котировальные списки имеют несколько уровней, которые отражают степень надёжности и ликвидности бумаг. Первый уровень (категория А) – самые ликвидные и надёжные. В эту группу включаются акции крупнейших компаний страны – «голубые фишки» (на-

пример, Газпрома, Лукойла, Сбербанка, Норильского никеля) (Рис. 4). Второй уровень (категория В) – в эту группу входят ценные бумаги с инвестиционным рейтингом не ниже ВВ или В+. В количественном выражении они составляют основное число фондовых активов, торгующихся на биржах. Третий уровень (категория С) – сюда входят все ценные бумаги, не попавшие в две первые категории. К этой группе относятся высокорисковые финансовые инструменты или акции и облигации новых эмитентов, которые не соответствуют требованиям биржи, предъявляемым для вхождения в котировальные списки первого или второго уровня. Таким образом, метафора «голубой/ красный» достаточно четко структурирует ситуацию (на фондовом рынке) в данной области. (Рис. 4.)

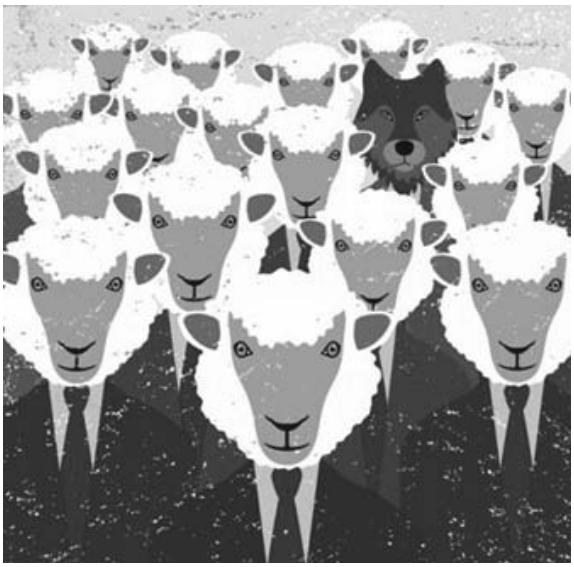


Рис. 3. Волки и овцы – Wolves and sheep (Источник: блог MomsRising. URL: https://www.momsrising.org/)

Рис. 4. Голубые фишки – Blue Chips (Источник: экономическая газета Беларуси neg.by. URL: https://neg.by/)

Другая метафора «СВИНЬИ (или кабаны)/ ЦЫПЛЯТА (или куры)» позволяет охарактеризовать участников экономической жизни с точки зрения их решимости при выполнении тех или иных задач. «Свиньи, или кабаны» (англ. *pig*) – это бесстрашные или скорее бесшабашные трейдеры. Считается, что в отличие от цыплят им не свойственно чувство страха. Бесстрашие как индивидуальное качество рассматривается как противоречивое качество, которое можно трактовать по-разному. С одной стороны, это положительное свойство, с другой, – это не «комплимент». Эти игроки торгуют бессистемно, часто идут против рынка, пытаясь поймать разворот; они не любят фиксировать убытки или, напротив, не додерживают позицию и кидаются на другой актив. Особенно важно, что неконтролируемая жадность и желание урвать кусок приводят к потерям. В этой связи в данном контексте популярной является фраза «БЫКИ ДЕЛАЮТ ДЕНЬГИ, МЕДВЕДИ ДЕЛАЮТ ДЕНЬГИ, А СВИНЬИ ОТПРАВЛЯЮТСЯ НА БОЙНЮ!» (Bulls make money, bears make money/ pigs get slaughtered). «Цыплята» (англ. *chicken*) – это трусливые трейдеры, эти инвесторы слишком осторожны и очень пугливы. Они долго раздумывают, перед тем как зайти на рынок. Другими слова, они ждут, когда «сойдутся звёзды»; чаще всего из-за страха понести потери начинают паниковать, закрывают позицию раньше времени и совершают другие ошибки, что сказывается на финансовом результате.

Метафора «АКУЛЫ/ ЛЕММИНГИ (или хомячки)» (Рис. 5) также используется для характеристики определенных обстоятельств, когда совершаются те или иные действия теми или иными людьми, что позволяет выразить успех. «Акулы» (англ. *sharks*) – суперуспешные инвесторы. Этим трейдерам не до финансовой философии, их цель – прибыль, и, если есть возможность получить её здесь и сейчас, они не будут долго теоретизировать, а предпочтут схватить добычу. Это – опытные инвесторы, которые помимо фундаментальных и технических знаний, обладают и тонким чутьем, которое позволяет увидеть прибыльную сделку там, где другие её не замечают. «Лемминги, или хомячки» (англ. *lemmings/ hamsters*) – неисправимые двоечники; эти игроки постоянно наступают на грабли и совершают одни и те же ошибки из раза в раз, не желая делать выводы и учиться.

Метафора «КРОЛИКИ/ ЧЕРЕПАХИ» (англ. *rabbits/ turtles*) позволяет описать стратегию поведения на рынке в течение длительного периода времени. Так, кролики – это скальперы, которые стараются заработать на рынке в течение одного дня. Они открывают позиции на короткое время, обычно на минуты, и получают небольшую прибыль на колебаниях цены. Из-за того, что им приходится заключать множество сделок в течение дня, трейдеры несут высокие транзакционные издержки. Черепахи – это противоположность кроликов, то есть долгосрочные инвесторы, которые привыкли тщательно анализировать и рассчитывать возможную перспективу бумаг. Часто благодаря правильно выбранной стратегии им удается экономить на брокерских комиссиях и налогах.

Рис. 5. Акулы и лемминги – Sharks and lemmings
(Источник: навигатор в мире криптотрейдинга, а также сервиса Шедеврум, URL: https://cryptorussia.ru, https://shedevrum.ai/)

Синтаксические конструкции (синтаксический уровень)

Синтаксический потенциал антонимии способствует её реализации в рамках одного словосочетания (*asked and bid*). Также противоположные единицы актуализируются в словах с дефисным написанием (*birth-and-death data*) и в одном слове словосочетания (*breakeven order*). Реализация противопоставления в рамках одного словосочетания предполагает реализацию антонимии с помощью вспомогательных средств (*bargain and sale*) и реализацию без вспомогательных средств. При реализации антонимии с помощью вспомогательных средств возможна её актуализация с помощью союзов (соедини-тельных и разделительных) (*balance of income and expenditures, berth or no berth*), с помощью предлогов (рассматриваются особенности противопоставления согласно классификации предлогов и состава) (*displacement of human labor by machinery*), с помощью частиц (*ratio of reserves to liabilities*), а также одновременная реализация антонимии как при помощи союзов, так и при помощи предлогов (*contest between master and laborer*).

Заключение

Данное исследование посвящено анализу реализации противоположных лексических единиц (антонимов), который позволяет выстроить уровневую систему языка. Само иерархическое устройство языка служит его связыванию в единое гармоническое целое, а уровневый анализ – это метод исследования и описания языка, при котором считается, что система языка состоит из ряда подсистем (уровней); при этом, особенности каждого уровня определяются набором, типами и правилами функционирования языковых единиц. В ходе исследования выявлены уровни морфемный (морфемы), лексический (части речи, слова, метафоры) и синтаксический (синтаксические конструкции). Кроме того, для анализа привлечено понятие номинации. Установлено, что, антонимы, возникая в языкознании с целью упорядочения семантически контрастирующих (противоположных и противопоставленных) единиц, становятся абсолютной языковой и речевой универсалией, закрепившись на всех уровнях лингвистики. Спорные моменты о признании того или иного уровня, подкрепляются авторитетными гипотезами и концепциями, а также сопровождаются примерами употребления. Таким образом, становление уровней подкрепляется фундаментальными положениями морфемики, морфологии, лексикологии, стилистики и смежными областями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Абукаева Л.А., Митрускова А.А., Чемышев А.В. Функции антонимов в текстах марийских молитв / Л.А. Абукаева, А.А. Митрускова, А.В. Чемышев // Вестник Марийского государственного университета. – 2024. – Т. 18. – № 1. – С. 66–72.
2. Аникин А.В. Англо-русский экономический словарь / под ред. проф., д-ра экон. наук А. В. Аникина. – М.: Рус. яз., 1977. – 726 с.
3. Апресян Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка / Ю.Д. Апресян. – М.: Наука, 1974. – 367 с.
4. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов / О.С. Ахманова. – М.: Советская энциклопедия, 1966. – 608 с.
5. Берберов Б.А. Функциональный потенциал антонимов в карачаево-балкарской загадке / Б.А. Берберов // Известия Кабардино-Балкарского научного центра РАН. – 2021. – № 3 (101). – С. 126–132.
6. Бочина Т.Г. Контраст в тувинских пословицах / Т.Г. Бочина // Новые исследования Тувы. – 2022. – № 1. – С. 37–46.

7. Валиева М.З. Специфика функционирования языковых антонимов в письменных памятниках татарского языка XVII-XVIII вв. (на примере лексических единиц со значением («здоровье» – «болезнь»)) / М.З. Валиева // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. – 2022. – № 1 (114). – С. 17-22.
8. Викторина Т.В. Антонимия как средство создания контраста в рассказах А.И. Куприна / Т.В. Викторина // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2020. – Т. 13. – № 3. – С. 103-106.
9. Дзуганова Р.Х. Аблаутные чередования и словообразовательные аффиксы как средство образования глагольных антонимов в кабардино-черкесском языке / Р.З. Дзуганова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2022. – Т. 15. – № 5. – С. 1439-1443.
10. Ермаков С.А. К вопросу о создании словарей синонимов и антонимов (на материале английского языка) / Е.С. Ермаков // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2022. – 2 (165). – С. 161–166.
11. Зубкова Л.Г. Целостность языка и его детерминанта в трактовке И.А. Бодуэна де Куртенэ и Н.В. Крушевского / Л.Г. Зубкова // Ученые записки Казанского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2006. – кн. 3. – Т. 148. – С. 73-82.
12. Зубова Л.В., Меньшикова Ю.В. Морфемика и словообразование современного русского языка / Л.В. Зубова, Ю.В. Меньшикова. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2014. – 256 с.
13. Комиссаров В.Н. Словарь антонимов современного английского языка / В.Н. Комиссаров. – М.: Междунар. отношения, 1964. – 289 с.
14. Крушевский Н.В. Избранные работы по языкознанию / Н.В. Крушевский. – М.: Наследие, 1998. – 293 с.
15. Лаврова Н.А. К вопросу об определении антонимии и о типологической классификации антонимов / Н.А. Лаврова // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2017. – 7 (779). – С. 62-71.
16. Левковская К.А. Основные проблемы общей теории слова и структурно-семантические особенности лексики конкретного языка в 2-х т.: дис. . . . д-ра. филол. наук: 10.00.00. М., 1962. 477 с.
17. Майтиева Р.А. Сопоставительный анализ антонимичных устойчивых сочетаний русского и английского языков / Р.А. Майтиева // Universum: филология и искусствоведение. – 2022. – № 3 (93). – С. 34–35.
18. Маслов Ю.С. Избранные труды: аспектология. Общее языкознание / Ю.С. Маслов. – М.: Яз. славян. культуры, 2004. – 839 с.
19. Никитин М.В. Лексическое значение в слове и словосочетании. Спецкурс по общей и английской лексикологии / М.В. Никитин. – Владимир: ВГПУ, 1974. – 222 с.
20. Пестова М.С. Антонимия как объект теоретического исследования / М.С. Пестова // Вестник Южно-Уральского государственного университета. серия: Лингвистика. – 2014. – Т.11. – № 1. – С.18-21.
21. Покоякова К.А. Базовая оппозитивная пара хороший/плохой в хакасском и русском языковом сознании / К.А. Покоякова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2022. – № 6–3 (69). – С. 63–66.
22. Прохорова В.Н. О словах с противоположными значениями в русских говорах / В.Н. Прохорова // Филологические науки. – 1961. – № 1. – С. 122–127.
23. Саввинова С.Н. Лексическая антонимия имён существительных в эвенском языке / С.Н. Саввинова // The Scientific Heritage. – 2021. – № 78. – С. 42–43.
24. Сазонова В.А. Антонимы как средство выражения контраста в языке и художественной речи: на материале прозы А.П. Чехова: Дисс. . . . канд филол. наук: 10.02.01. Красноярск, 2011. 165 с.
25. Скребнев Ю.М. Очерк теории стилистики: учебное пособие для студентов и аспирантов филологических специальностей / Ю.М. Скребнев. – Горький: [б. и.], 1975. – 174 с.
26. Соколова Н.Л. К проблеме определения и классификации антонимов и их стилистического использования / Н.Л. Соколова // Филологические науки. – 1977. – № 6. – С. 60–69.
27. Степанов Ю.С. Основы общего языкознания / Ю.С. Степанов. – М.: Просвещение, 1975. – 271 с.
28. Томахин Г.Д. США. Лингвострановедческий словарь = Dictionary of USA / Г.Д. Томахин. – М.: Рус. яз., 2001. – 575 с.
29. Шакирьянов Л.М. Логико-семантический анализ контраста (на материале англоязычных экономических терминов) / Л.М. Шакирьянов // Неофилология. – 2023. – Т.9. – № 3. – С. 553–560.
30. Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка / Н.М. Шанский. – М.: Просвещение, 1964. – 316 с.
31. Шмелёв Д.Н. Очерки по семасиологии русского языка / Д.Н. Шмелев. – М.: Просвещение, 1964. – 244 с.
32. Trubetzkoy N. Grundzüge der Phonologie / N. Trubetzkoy // Travaux du cercle linguistique de Prague. – 1939. – № 7. – P. 706-712.

© Шакирьянов Лев Морисович (levshakiryanov@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

DOI 10.37882/2223–2982.2026.04–2.49

ИНДИЙСКИЕ ЗАИМСТВОВАНИЯ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ КОЛОНИАЛЬНОГО ПЕРИОДА КАК СРЕДСТВО ЛИНГВОКУЛЬТУРНОЙ АДАПТАЦИИ В ТУРИСТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ИНДИИ

INDIAN LOANWORDS IN COLONIAL–ERA ENGLISH AS A MEANS OF LINGUISTIC AND CULTURAL ADAPTATION IN INDIAN TOURISM DISCOURSE

Shresth Om

Summary: The study is focused on examining the influence of vocabulary from the subcontinent on the English language. The article reviews commonly used vocabulary reflecting Indian realities that has entered the English vocabulary and, through it, has spread worldwide. The role of these borrowing in India's tourism discourse is given special attention, where they function both as cultural markers and as means of linguistic and cultural adaptation, shaping an authentic image of the country for an international audience. The article uses a corpus approach to the studied material. The results of the study expand the understanding of the links between language, power, and culture; they show the profound influence of Indian reality words on English, and through it on many languages on the world.

Keywords: borrowing, Indian cultural terms, common vocabulary, history of India, corpus method, quantitative analysis.

Шрестх Ом
Аспирант, Государственный университет просвещения
Omhresth12@gmail.com

Аннотация: Исследование посвящено изучению влияния лексики индийского субконтинента на английский язык. Рассматривается общеупотребительная лексика, отражающая индийские реалии, которая вошла в словарный состав английского языка и через него получила мировое распространение. Особое внимание уделяется роли данных заимствований в туристическом дискурсе Индии, где они функционируют и как культурные маркеры, и как средства лингвокультурной адаптации, формируя аутентичный образ страны для международной аудитории. В статье используется корпусный подход к изучаемому материалу. Результаты исследования расширяют понимание связей между языком, властью и культурой; они показывают глубокое влияние индийских слов–реалий на английский язык, а через него на многие языки мира.

Ключевые слова: заимствование, индийские реалии, общеупотребительная лексика, история Индии, корпусный метод, квантитативный анализ.

Введение

Лексические заимствования – это один из самых заметных результатов языковых контактов и культурного обмена, поэтому их изучение относится к предметной области контактной лингвистики, описывающей влияние языков друг на друга при взаимодействии их носителей [15]. В российской традиции заимствование определяется как универсальное языковое явление – акцепция языком–реципиентом лингвистического материала другого языка, обусловленная внеязыковыми контактами и культурным взаимодействием [1, с. 96] Заимствование рассматривается как ключевой механизм формирования словарного состава английского языка под влиянием различных языков и исторических контактов, что подтверждают современные обзоры по истории и эволюции английской лексики [5; 10]. Индийский компонент английской лексики формировался в ходе длительного взаимодействия Британии и Индии в колониальную эпоху, когда британцы сталкивались с новым предметами быта, социальными практиками, природными и культурными реалиями, а также с административными и военными институтами. В подобных ситуациях новые слова чаще всего приходят вместе с новыми вещами и понятиями, а также с изменениями в организации жизни и управления. Доля заимствований и интенсивность их проникновения зависит не только от языковых, но и от внеязыковых факторов (социальных, политических, культурных), и со временем эта доля может заметно меняться [4]. Важно учитывать, что многие заимствования в современном языке имеют признаки терминологичности: они обозначают специальные понятия, связаны со сферой профессиональной коммуникации и нередко требуют дефиниции; при этом граница между терминологической и нетерминологической лексикой нередко размыта, в том числе в сферах, соотносимых с туризмом [3].

В лексике отдельных сфер общения, включая профессионально ориентированные и тематические дискурсы, доля заимствований может быть особенно высокой. Их рост обычно связан с интернационализацией и внеязыковыми причинами, в том числе лидерством страны–источника

в соответствующей области и высокой вовлечённостью участников коммуникации в международные связи [2].

Глобальное распространение английского языка, связанное в том числе с колониальной экспансией и развитием торговли, создало условия, при которых многие слова, закрепившиеся в английском, стали узнаваемыми в разных странах [6; 7]. Значительный пласт таких единиц связан с индийскими языками. Ранние исследования индийского элемента в английском носили фрагментарный характер; одной из первых попыток хронологического описания стала работа М. Сержантсон [11], а наиболее систематизированный обзор заимствований XVII–XIX вв. предоставлен в исследовании Д. Субба Рао, где показано, как английский пополнялся индийской лексикой в период интенсивных контактов [13]. Дополнительным источником для историко–лексикографического анализа служат справочники и словари колониального периода, в частности «Hobson–Jobson», фиксирующий англо–индийские реалии и их употребление в текстах.

В XXI веке многие индийские заимствования активно используются в дискурсе о путешествиях и культурном опыте, где представление об «аутентичности» и локальной специфике создается и поддерживается на вербальном уровне. В этом смысле заимствования выступают как культурные маркеры: они помогают интерпретировать «чужую» культуру, сохраняя при этом сигнал локальности и «индийского» контекста.

Цель статьи – показать, как заимствования из языков Индии колониального периода функционируют в современном туристическом дискурсе о стране и каким образом они обеспечивают лингвокультурную адаптацию. Задачи исследования: описать диахроническую траекторию употребления выбранных заимствований на материале исторических текстов; сопоставить их частотность и распределенность за соответствующий исторический период; выявить сдвиг жанров и контекстов употребления; определить дискурсивные функции заимствований в туристическом общении.

Материал и методы исследования

В работе использованы два корпуса: исторический корпус парламентских выступлений Hansard (1803–2005; около 1,6 млрд слов) и современный веб–корпус iWeb (2017; около 14 млрд слов). Частотность сопоставлялась в нормированном виде – вхождения на 1 млн слов (pmw), что позволяет корректно сравнивать корпуса разного объёма и жанрового состава. Корпус Hansard используется как контрольный материал официально–публичного регистра с длительным временным охватом, позволяющий проверить степень институциональной закреплённости лексем и сопоставить её с современным веб–употреблением. Для интерпретации контекстов анализировались конкордансы KWIC и коллокации в окне ±5 слов (n=5), выявляющие типичные контекстные модели и изменения семантических связей. Контекстный анализ (KWIC/коллокации) важен для разграничения заимствования и переключения кодов, а также для корректной интерпретации полисемичных единиц в разных типах дискурса [14].

Для настоящей статьи мы отобрали следующие лексемы: *curry, ghee, jungle, anaconda,* что обусловлено их высокой узнаваемостью за пределами англоязычной среды. Ряд единиц закреплялся в английском не только на напрямую, но и через посредников: так, слово *curry* могло попасть к англичанам через португальский язык, что отражает сложность реальных путей лексической передачи в колониальный период [9; 12]. Слово *anaconda* имеет сложную этимологию и попало в английский через посредничество португальского языка. Эти слова функционируют как «культурные маркеры»: с одной стороны, они сохраняют связь с индийскими реалиями (традиционная кухня, природные образы), с другой – воспринимаются как общеизвестные элементы глобального словаря, что делает их удобными средствами лингвокультурной адаптации в туристическом дискурсе. Таким образом, отбор единиц ориентирован на слова, которые одновременно демонстрируют историческую укоренённость в английском и актуальность в современном международном употреблении.

Для проверки релевантности данных заимствований в туристическом дискурсе анализировались контексты, содержащие маркеры жанра путешествий (например, travel, tour, guide, itinerary, hotel, destination и др.).

Лексемы *curry, ghee, jungle,* и *anaconda* отражают общие тенденции, потому что они представляют ключевые тематические зоны туристического описания Индии (гастрономия и природно–приключенческий опыт) и показывают типичный механизм дискурсивной адаптации заимствований: узнаваемые слова получают локальную индийскую привязку через устойчивые контекстные модели. Лексема *anaconda* включена как пограничный случай, позволяющий отделить маркеры, реально конструирующие образ Индии, от общей экзотизирующей лексики, которая не всегда связана с Индией и требует контекстной проверки.

Результаты и обсуждение

Значительный пласт заимствований пришел в английский из языков Индийского субконтинента. Отдельную группу составляют слова, обозначающие реалии природного мира и охоты, поскольку контакт с новым климатом, флорой и фауной требовал номинации новых объектов; в английскую лексику входили в том числе названия животных.

Другой обширный пласт заимствований относится к кулинарным традициям Индии, отличающимся существенной спецификой, и не характерным для Британии и для других европейских стран. Поскольку заимствования могут приходить тематическими кластерами, покрывающими определенную предметную область, логично рассматривать их по смысловым блокам (например, природа/фауна и гастрономия), что удобно и для описания туристического дискурса [3].

Curry

Исторически *curry («a food, dish, or sauce seasoned with a mixture of pungent spices»)* закрепляется в английском как обозначение блюда/соуса, связанного с индийской кухней. В ранних текстах слово часто сопровождается пояснениями и входит в описания «экзотической» еды как элемента колониального опыта. В современном употреблении curry демонстрирует семантическое расширение: слово стало глобальным гастрономическим термином и употребляется в разных кухнях. Однако в туристическом дискурсе об Индии оно регулярно «переякоряется» к локальности через коллокации (street food, masala, local, traditional, tasting, food tour), поэтому работает как культурный маркер и средство адаптации: читатель узнает слово и одновременно получает сигнал «это про Индию и ее вкус/опыт».

Ghee

Лексема *Ghee* (*«a semifluid clarified butter made especially in India»)* в колониальных текстах часто появляется с пояснением (*clarified butter*) и используется в описаниях питания и быта. В современном дискурсе слово расширяет функциональную нишу: помимо индийской кухни оно включается в тексты о здоровье и wellness (Ayurveda, nutrition, recipe). В туристическом дискурсе *ghee* выступает маркером «традиционности» и локальной гастрономии – в описаниях кулинарных мастер–классов, гастротуров и аюрведических практик. Это демонстрирует переход от объясняемой экзотики к нормализованному и продаваемому опыту.

Jungle

Лексема *Jungle («an impenetrable thicket or tangled mass of tropical vegetation»)* рано становится общеупотребительной единицей английского языка благодаря описательной силе: слово обозначает тип природной среды и активно используется в жанрах, связанных с путешествиями и приключениями. Для туристического дискурса Индии характерны сочетания *jungle+safari/trek/wildlife/reserve/national park*, что переводит слово из колониально–описательной рамки в современную рамку экотуризма и «приключенческого» опыта. Показателем глубокой интеграции выступает и метафоризация (urban jungle и др.), демонстрирующая расширение сферы употребления за пределы географической референции.

Anaconda

Лексема *Anaconda* (*"a large semiaquatic constricting snake (Eunectes murinus) of the boa family of tropical South America that may reach a length of 30 feet (9.1 meters)")* следует интерпретировать осторожно: в современном английском слово часто принадлежит глобальному wildlife–дискурсу и не всегда привязано к Индии. Тем не менее, в туристических текстах оно может функционировать как элемент экзотического природного нарратива (описания фауны, зоопарки, документальные программы, приключенческие маршруты). Для заявленной темы полезно показать контраст: если *curry/jungle/ghee* прочно привязаны к индийскому культурному опыту, то *anaconda* демонстрирует более общий тип экзотизирующей лексики. Такой контраст помогает точнее описать границы туристической аутентификации и различить слова–маркеры, которые реально строят образ Индии, и слова, которые лишь поддерживают общий троп «дикой природы».

Далее мы провели сопоставление нормированных частот лексем *curry, ghee, jungle, anaconda* в корпусах Hansard и iWeb, чтобы оценить динамику их употребления в институциональном и современном веб-дискурсе (включая туристические тексты).

Результаты представлены на Рис.1

На Рис. 1 показана нормированная частотность (pmw, вхождений на 1 млн слов) четырех индийских заимствований–существительных (*curry, ghee, jungle, anaconda*) в двух корпусах с разной жанровой природой: Hansard (парламентский дискурс, 1803–2005) и iWeb (современный веб–дискурс, 2017). Во всех случаях частотность в iWeb заметно выше, чем в Hansard, что указывает на усиление употребления этих единиц в современной массовой коммуникации по сравнению с институциональным дискурсом прошлого: наиболее выраженный рост демонстрируют *curry* (2,49→21,8084 pmw) и *jungle (2,0006* → 13,741 pmw*),*что согласуется с их активной ролью в описаниях индийской кухни и природно–приключенческих маршрутов; ghee также показывает рост (0,0075 → 2,604 pmw), что можно связать с распространением гастрономической лексики; *anaconda* остается редким, но увеличивается (0,0281 → 0,6847 pmw) из–за тематической ограниченности слова.

По наблюдениям исследователей, часть индийской лексики была воспринята достаточно рано и относилась к практическим и повседневным сферам (в том числе к описанию природы и быта), тогда как позднее усилился приток терминов, связанных с религией и философией [8]. Нако-

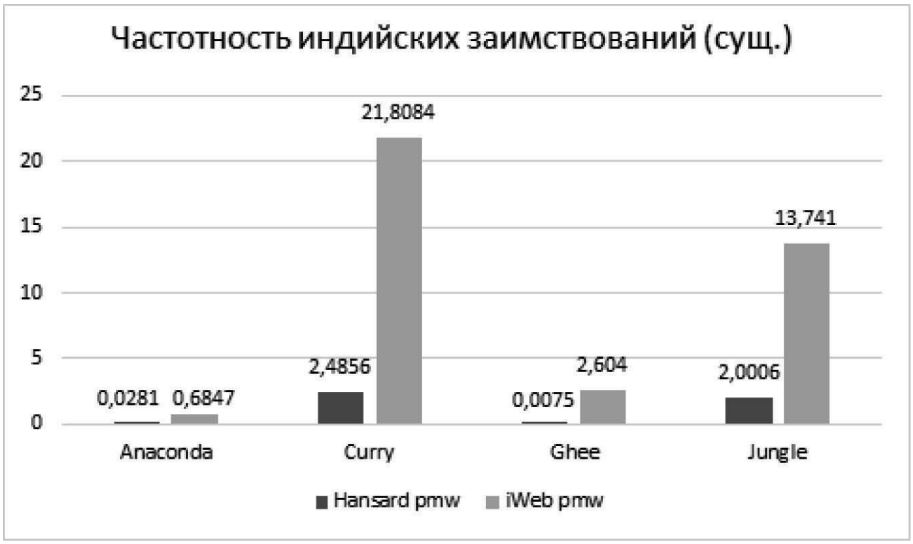


Рис. 1. Сравнительная частотность рассмотренных индийских заимствований в корпусах Hansard (1803–2005) и iWeb (2017), pmw

нец, актуальность индийского компонента в современном английском подтверждается словарной фиксацией.

Выводы

В ходе исследования установлено, что индийские заимствования колониального периода образуют устойчивый и измеримый слой английской лексики, а их современная востребованность связана с расширением сфер употребления и ростом роли культурно маркированных единиц в международной коммуникации. Сопоставление исторического институционального дискурса (Hansard, 1803–2005) и современного веб–дискуса (iWeb, 2017) по нормированным частотам (pmw) в целом показывает усиление употребления таких заимствований в XXI веке. В туристическом дискурсе об Индии эти слова функционируют как средства лингвокультурной адаптации: они одновременно упрощают понимание реалий (кухня, природа, быт, традиции, социальные практики) для широкой аудитории и сохраняют эффект локальности, формируя аутентичный образ страны. Выбранные для анализа лексемы (*curry, ghee, jungle, anaconda*) служат иллюстративными примерами этой общей тенденции; при этом для полисемичных слов требуется контекстный контроль (KWIC/коллокации). Также словари фиксируют значительное число единиц индийского происхождения и продолжают пополняться новыми словами, включая общеупотребительные и разговорные формы; среди таких единиц упоминается, например, *ghee* [9].

Результаты нашего исследования важны для переводчиков, российских туристов и русскоязычных читателей, так как помогают улучшить качество перевода и редактуры туристических материалов об Индии. Выявленные при помощи корпусных методов контекстные модели позволяют давать краткие нейтральные пояснения там, где это действительно нужно (например, *ghee* – «топленое масло»), и избегать стереотипной экзотизации в описаниях, когда лексема уже общеупотребительна (*curry. jungle)*. Кроме того, разграничение лексем глобального wildlife дискурса как *anaconda* снижает риск ошибочных культурных ассоциаций в русскоязычных путеводителях, блогах и переводах, делая образ страны точнее и понятнее для аудитории.

ЛИТЕРАТУРА

1. Володарская Э.Ф. Заимствование как отражение русско–английских контактов // Вопросы языкознания 2002. С. 96–118.
2. Маринова Е.В. Заимствования в языке цифрового общества // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. 2025. С. 196–204.
3. Нечаева И.В. Несколько слов о терминололичности современных заимствований // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова РАН. 2025. С. 224–230.
4. Ярцева В.Н. Теория взаимодействия языков и работа Вайнрайха «Языковые контакты» // Вайнрайх У. Языковые контакты. Киев: Вища школа, 1979. 263 с.
5. Chamundeshwari C., Kiranmayi M. History of borrowing words to create vocabulary of English language influenced by various languages // Towards Excellence. 2021. Vol. 13. № 2. P. 512–520.
6. Crystal D. English as a global language. 2nd ed. N.Y.: Cambridge Univ. Press, 1997. 213 p.
7. Greenough J.B., Kittredge G.L. Words, and their ways in English speech. L.: The Macmillan Company, 1922. 453 p.

8. McKnight G.H. English words and their background. N.Y.; L.: D. Appleton and Company, 1923. 474 p.
9. Patel S. The journey of Indian words to Oxford English Dictionary // Literary Endeavour. 2019. Vol. 10. Issue 4 (July 2019). P. 64–70.
10. Qurbonova Sh.A. Evolution of English vocabulary through borrowing from other languages // Conference of modern science & pedagogy. 2025. Vol. 1. № 3. P. 249–251.
11. Serjeantson M.S. A history of foreign words in English. N.Y.: E.P. Dutton and Company, 1936. 354 p.; reprint 1961 and 1962.
12. Soares A.X. Preface // Portuguese vocables in Asiatic languages. From the Portuguese original of monsignor Sebastião Rodolfo Dalgado. Baroda: Oriental Institute, 1936. P. V–X.
13. Subba Rao G. Indian words in English: a study in Indo–British cultural and linguistic relations. Clarendon Press, 1954. 139 p.
14. Treffers–Daller J. The simple view of borrowing and code–switching // International Journal of Bilingualism. 2025. Vol. 29(2). P. 347–370.
15. Winford D. An introduction to contact linguistics. Malden, Mass.: Blackwell Publishing Ltd., 2003. 416 p.

© Шрестх Ом (Omhresth12@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Наши авторы

Adzieva E. – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Dagestan State Pedagogical University named after R. Gamzatov, Makhachkala

Alfimov V. – Doctor of Pedagogical Sciences, V. Shatalov Donetsk State Pedagogical University

Bai Yue – Graduate student, Moscow State University

Balaganov D. – Doctor of Philology, Military University of the Ministry of Defence of the Russian Federation

Belyaev D. – Lugansk State University named after V. Dahl

Cai Yaofeng – Postgraduate Student, Belgorod State University of Arts and Culture

Dvorkovaya M. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Federal State University of Education, Moscow

Dzasezheva L. – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik

Egorova L. – Doctor of Philology, Associate Professor, State Budgetary Educational Institution of Higher Education of the Republic of Crimea Fevzi Yakubov Kyiv Polytechnical University, Simferopol

Egorova S. – Pediatric neurologist-epileptologist, Researcher, Academy of Sciences of the Republic of Sakha (Yakutia)

Elizarova N. – Moscow City Pedagogical University

Eremenko N. – Postgraduate student, Moscow Pedagogical State University, Moscow

Eremkin V. – Graduate student, Altai State Pedagogical University, Barnaul

Fang Zhigang – Graduate student, Moscow State University of Sport and Tourism, Moscow

Gasanov A. – Graduate student, People's Friendship University of Russia

Gelyastanova A. – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik

Goldina E. – Senior Lecturer, S.M. Kirov Military Medical Academy, Branch, Moscow

Gorsheneva T. – Teacher, Military Educational Scientific Center of the Ground Forces the Combined Arms Academy of the Armed Forces of the Russian Federation

Grigorev M. – postgraduate student, Tyumen State University

Our authors

Gundobina A. – Senior Instructor, Far Eastern Federal University

Guo Rui – Graduate student, Moscow Pedagogical State University, Moscow

Karimova K. – Senior Lecturer, North-West Institute of Management – Branch, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Khokhlov A. – Peoples' Friendship University of Russia, Moscow

Kirillova T. – Doctor of Philology, Professor, Astrakhan State Medical University

Kiseleva A. – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Pyatigorsk State University

Kolesova N. – Postgraduate student, State University of Education

Kong Xiangyu – Graduate student, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow

Korabelnikova E. – Tula State Pedagogical University named after L.N. Tolstoy

Kuritsyna I. – Senior Lecturer, Tver State Medical University

Lazareva A. – Candidate of Pedagogical Sciences, Academy of Corporate Education, Moscow

Li Houyu – Postgraduate student, Lomonosov Moscow State University

Li Jiangyue – Graduate student, Moscow Pedagogical State University, Moscow

Magamedragimov A. – Postgraduate Student, R. Gamzatov Dagestan State Pedagogical University

Malkandueva A. – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Kabardino-Balkarian State University named after H.M. Berbekov, Nalchik

Martynova O. – Candidate of pedagogical sciences, associate professor, Samara University

Meshkova E. – Federal State University of Education, Moscow

Nosenko G. – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Astrakhan State Medical University

Petrovsky S. – Senior Lecturer, Branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education, South Ural State University, Zlatoust

Popenkov O. – Cand. Sc. (Historic), Associate Professor, Prince Alexander Nevsky Military University

Postnikova E. – Candidate of pedagogical sciences, associate professor, Samara University

Rumyantseva M. – Candidate of Art History, Associate Professor, Moscow Pedagogical State University, Moscow

Rusakov P. – Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Safonov K. – Doctor of Sociological Sciences, professor, Tula State University

Sechkar Yu. – Senior Lecturer, Melitopol State University, Melitopol

Semenchenko I. – Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education, South Ural State University, Zlatoust

Sergeeva M. – Candidate of philological sciences, associate professor, Samara University

Shakiryanov L. – Candidate of Philological Sciences, Federal State-Funded Educational Institution of Higher Education Bashkir State University, Ufa

Shmeleva T. – Senior teacher, Astrakhan State Medical University

Shnaider I. – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Gzhel State University

Shresth Om – Postgraduate Student, Federal State University of Education

Sokolovskaya N. – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Pyatigorsk State University

Spitsyna N. – Candidate of Science Philology, Associate Professor, Far Eastern Federal University

Su Yinbo – Postgraduate student, A.I. Herzen Russian State Pedagogical University

Surgan M. – Senior Researcher, Center for Geological Research; Lecturer, State Budgetary Educational Institution of Higher Education of the Republic of Crimea Fevzi Yakubov Kyiv Polytechnical University, Simferopol

Suvorova A. – Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Branch of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education, South Ural State University, Zlatoust

Sviridova T. – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, S.M. Kirov Military Medical Academy, Branch, Moscow

Tsaregorodtsev A. – Doctor of Technical Sciences, Professor, RUDN University, Moscow

Tsatskina E. – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, RUDN University, Moscow

Uvarina N. – Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, South Ural State Humanitarian Pedagogical University

Vartanova K. – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Pyatigorsk State University

Vasilyeva N. – Candidate of Pedagogical Sciences, leading researcher, Academy of Sciences of the Republic of Sakha (Yakutia)

Wang Dihan – Postgraduate, Lomonosov Moscow State University

Wang Yingchen – Postgraduate student, Patrice Lumumba Peoples' Friendship University of Russia

Wu Haichao – Graduate student, Peoples' Friendship University of Russia

Yan Chunxi – Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen

Zenchenkov I. – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education Donetsk State University; Director, Institute of Physical Culture and Sports

Zheng Hua – graduate student, Moscow State University of Sport and Tourism, Moscow

Koltsova N. – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Lomonosov Moscow State University

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала "Современная наука: актуальные проблемы теории и практики" принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе "Антиплагиат".

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал "Современная наука: актуальные проблемы теории и практики" проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением ".doc", или ".rtf", шрифт 14 Times New Roman.
- Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускается.
- Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- Литература составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).